ВЕСТНИК Института востоковедения РАН 2019 №2

ISSN 2618-7302

ВЕСТНИК
Института востоковедения РАН

2
2019

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

ВЕСТНИК

Института востоковедения РАН

2019

2 (8)

Журнал выходит четыре раза в год

Основан в феврале 2018 года

Москва
ИВ РАН

ISSN 2618-7302 Периодическое издание

К 200-летию Института востоковедения РАН

To the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences

Рецензируемый научный журнал Института востоковедения РАН
Учрежден Ученым советом Института востоковедения РАН
Зарегистрирован в Национальном агентстве ISSN Российской Федерации

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
ФГБУН Институт востоковедения Российской академии наук
107031, Москва, ул. Рождественка, 12, комн. 251

Дизайн обложки – *С. В. Ветохов*; макет и верстка – *С. Е. Малых*

На обложке: Мали, мечеть в деревне Дьундуру
(*фото П. А. Куценкова*)

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES

JOURNAL
of the
Institute of Oriental Studies RAS

2019

2 (8)

Published quarterly

Founded in February, 2018

Moscow
IOS RAS

Peer-reviewed journal of the Institute of Oriental Studies RAS

The journal was founded by the Academic Council of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences

Registered in the ISSN National Agency of the Russian Federation

Вестник Института востоковедения РАН. № 2 (8). — М.: ИВ РАН, 2019. — 340 с.

ISSN 2618-7302

Мнения авторов могут не совпадать с точкой зрения Института востоковедения РАН, редколлегии и редакции журнала.
Редакция не несет ответственности за точность и достоверность сведений, приводимых авторами.

E-mail: vestnikivran@yandex.ru
Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences
bld. 12, Rozhdestvenka st., Moscow, Russia, 107031, room 251

СОДЕРЖАНИЕ

CONTENTS

ОТ РЕДАКЦИИ

Из Лейдена и Касабланки с любовью к Востоку и Западу

Завершение подготовки второго за 2019 год номера «Вестника Института востоковедения РАН» происходило в сложных организационно-географических условиях: два неизменных редактора журнала находились в поездках — в Нидерландах и в Марокко. По этой причине в нынешнем эдиториале мы не станем представлять читателям номер постатейно — он как всегда насыщен интересными материалами и уже во второй раз снабжен цветными иллюстрациями.

Как показал принявший около двух тысяч ученых одиннадцатый международный съезд востоковедов (ICAS — International Convention of Asiatic Scholars) в Лейдене, гуманитарные науки, связанные с Азией и Африкой, приобретают особую актуальность не только для стран, осуществляющих осознанный политический поворот к Востоку, но и для западных держав — либо мучительно анализирующих свое колониальное прошлое, либо не менее мучительно осознающих свое мультикультурное настоящее. И если в Лейдене эта мультикультурность выразилась в приветственных монгольских горловых песнопениях, огласивших стены готического собора XIV века на открытии ICAS XI (обзор конгресса вы найдете в одном из следующих номеров Вестника), то марокканская Касабланка — культовый символ романтизации Востока — навсегда обещает всем своим жителям и приезжим с Запада «начало прекрасной дружбы».

На обложке нынешнего «Вестника» самобытная мечеть в деревне Дьундуру в Мали — еще один продукт культурного синтеза, расположенный в месте, где ислам облачается в традиционную африканскую архитектурную форму.

Мы желаем читателям и авторам «Вестника» прекрасного лета, поучительных путешествий и, конечно же, увлекательного научного чтения!

Редакция журнала «Вестник Института востоковедения РАН»

«РАЗБИРАЯ СВЯЗКИ СТАРЫХ ПИСЕМ…» (ОПЫТ ОБЩЕНИЯ СО СТАРШИМ ТОВАРИЩЕМ)

Л. Б. Алаев*

От редакции: Статья продолжает тему, поднятую в первом номере «Вестника института востоковедения РАН» за 2019 г. и посвященную непростому жизненному пути и деятельности выдающегося отечественного историка-востоковеда Коки Александровны Антоновой, долгие годы трудившейся в Институте востоковедения РАН. Видный российский индолог и теоретик истории Востока Леонид Борисович Алаев рассказывает о том, какое значение имело знакомство с Кокой Антоновой для его научной карьеры и жизненного пути, вписывая личные воспоминания в широкий фон развития индологии и востоковедения в ИВ АН 1950–1960-х гг. Среди героев воспоминаний фигурируют легендарные ученые — И. М. Рейснер, Г. М. Бонгард-Левин, К. З. Ашрафян, Е. М. Примаков, П. М. Шаститко и другие. Публикация сопровождается письменными свидетельствами из личного архива ученого.

Ключевые слова: К. А. Антонова, Институт востоковедения АН СССР, ИВ РАН, история отечественного востоковедения, индология, Могольская Индия, колониальная Индия, история науки, воспоминания.

"DELVING THROUGH THE OLD LETTERS..." (MEMORIES OF COMMUNICATION WITH A SENIOR COLLEAGUE)

Leonid B. Alayev

Editorial: The article continues the story line, started in the first issue (2019) of the *Journal of the Institute of Oriental Studies RAS,* and narrates further the events of the difficult life path and activities of the outstanding Russian historian and orientalist Koka A. Antonova, who worked at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences for many years. Leonid B. Alaev, a prominent Russian Indologist and theoretician of the history of the East, talks about the significance of his acquaintance with Koka Antonova for his academic career and life, inscribing his personal memories in the broad background of the development of Indology and Oriental Studies in the Academy of Sciences of the 50s. Featured in the memoirs are legendary scientists — Igor M. Reisner, Grigory M. Bongard-Levin, Klara Z. Ashrafyan, Evgeny M. Primakov, Pyotr M. Shastitko, and others. Publication incorporates written sources from the personal archive of the scholar.

Keywords: Koka A. Antonova, Institute of Oriental Studies, IOS RAS, history of Russian Oriental Studies, Indology, Mughal India, Colonial India, history of humanities, memoir.

Наше знакомство с Кокой Александровной Антоновой началось «по переписке». Еще студентом я знакомился с ее работами, а она ознакомилась с моей первой работой и направила мне *месседж*. В самом

* Леонид Борисович АЛАЕВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; alaev_leonid@mail.ru

Leonid B. ALAYEV, DSc (History), Principal Research Fellow, Professor, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; alaev_leonid@mail.ru

широком смысле. Чтобы оценить ситуацию по достоинству, надо начать издалека. Студенты-индологи на Историческом факультете МГУ росли как верные адепты Игоря Михайловича Рейснера. А он находился, как принято выражаться, в «сложных» отношениях с Антоновой. Она была его ученицей, но уже доктором наук, а он все еще кандидатом. Он, при всей своей неординарности, работал в направлении «социального заказа», мыслил в русле «борьбы» с империализмом, с буржуазной наукой, с «буржуазным» Национальным конгрессом. Она же оказалась в стороне от этой идеологической борьбы, пыталась работать объективно, на основе источников, высказывая иногда заключения, не укладывавшиеся в общепринятые нормы.

Итак, я учусь на восточном отделении Истфака МГУ, хочу ступать по стопам (позвольте такую тавтологию!) И. М. Рейснера. И не я один. Он написал очень глубокую по тем временам статью о маратхской общине, которая стала эталоном для других исследователей. Но всем понятно, что Махараштра — это еще не вся Индия. И его ученики взялись за изучение общины в других регионах этой обширной страны. Нина Ивановна Семенова написала статью об общине в Панджабе (потом она вошла в ее монографию о государстве Ранджит Сингха). Эрик Наумович Комаров рассмотрел материалы по Бенгалии, дал довольно многогранный обзор общинных отношений в ней, да и далеко вышел за рамки этой задачи. Несколько статей, посвященных индийской общине накануне британского завоевания, написала и К. А. Антонова. И я решаю проанализировать подобный материал из Тамилнаду и Keралы. В результате я переключаюсь на Южную Индию, а так как на кафедре признанный специалист по Южной Индии — Александр Михайлович Осипов, я становлюсь его дипломником (а потом и аспирантом). Но все равно рейснеровская аура меня обволакивает.

И вот готова дипломная работа «Аграрные отношения в Виджаянагаре в XV–XVI вв.». В ней нет прямых нападок на К. А. Антонову, но она пронизана рейснеровскими идеями поступательного развития доколониальной Индии. Диплом вызывает горячую поддержку Игоря Михайловича. У меня сохранились два отзыва Рейснера на дипломную работу. Разные по фразеологии, но равно восторженные. Почему их два, объяснить я не могу, но важнее другое: прочитав диплом, И. М. направляется прямиком на заседание Партбюро истфака и добивается для Алаева рекомендации в аспирантуру. Это было более чем серьезно. В аспирантуре оставляли только «самых-самых», ярко проявивших себя в общественной работе. Очень многие мои сокурсники, талантливее меня, такую рекомендацию не получали, и вынуждены были ехать по распределению в провинцию преподавать историю в школе. Конечно, многие вернулись и стали научными работниками, но потеряли год или два.

Теперь перейдем к самому событию — заочному знакомству.

Игорь Михайлович, как я понимаю, стал рассказывать в Институте востоковедения, что вот на кафедре лежит диплом, очень любопытный. Некоторые люди стали приходить, чтобы с ним ознакомиться.

Я дорожу экземпляром, на котором остались заметки Игоря Михайловича (красным карандашом), Эрика Наумовича Комарова (в то время младшего научного сотрудника в ИВ АН СССР) и К. А. Антоновой. На последней странице — заключение К. А.: *«Очень хороший диплом. Самое слабое — выводы, иногда и частные, но в особенности — общие».*

Итак, мы с К. А. познакомились через работы. Не только я с ней, но и она со мной. Надо сказать, что это для меня предмет гордости.

Наша заочная «дуэль» могла бы продолжиться в 1955 г., когда стал готовиться к изданию учебник по истории Востока в средние века.

Я, аспирант первого года обучения, получаю записку от заведующего кафедрой И. М. Рейснера:

Многоуважаемый т. Алаев,

Сообщаю вам следующую, надеюсь, приятную новость. В связи с тем, что т. К. А. Антонова отказалась внести поправки в свою главу для нашего учебника Восточного средневековья, редакция этого издания решила обойтись без Антоновой и ее главы об Индии в период позднего средневековья (XVI в. — середина XVII в.), — точнее, с основания державы Моголов и до начала царствования Аурангзеба. Убежден, что написание этой главы могли бы наилучшим образом обеспечить Вы совместно с другим нашим аспирантом Л. А. Гордоном[1]*. Объем работы 2 печ. листа. Срок окончания — сентябрь 1955 г. Беритесь за дело!!* (Далее приводятся адреса Лени Гордона в Москве и на даче).

Уважающий Вас,
И. Рейснер
Москва,
20 июля 1955 г.

Не знаю, что именно должна была Антонова «исправить» в своей главе. Скорее всего, предложения редколлегии сводились к внесению в текст положения о развитии зачатков капитализма. Эта идея в то время бурно обсуждалась, и К. А. жестко стояла на своем, а именно, что никаких «зачатков» она не видит.

Для нас обоих — для меня и для Лени Гордона, — это был грандиозный стимул. Мы могли одним прыжком попасть в корифеи. Он именно так это и расценил. Я, наверное, тоже. Мы с ним за это лето обменялись несколькими почтовыми посланиями, сговариваясь, как же мы будем работать: как Ильф и Петров, или как-то иначе, я засел за книги по административной системе Моголов, но вскоре эта проблема как-то рассосалась. В учебнике осталась старая глава И. М. Рейснера, с добавлением моих параграфов по Южной Индии и параграфа К. А. о могольской культуре.

Слава богу, что эта авантюра не прошла. Сейчас мне было бы стыдно за то, чтó тогда могло бы выйти из-под моего пера. И если бы я тогда «перебежал дорогу» К. А., это стало бы еще одним «лежачим полицейским» на пути нашего сближения.

Следующий этап нашей «переписки» относится к 1957 г. Я опубликовал в журнале «Советское востоковедение» статью, в которой пытался доказать, что «зачатки капитализма» в индийском ткачестве XVII в. таки были. При этом четко указал, что выступаю против формулировок К. А. Антоновой, которые еще менее приемлемы, чем выводы У. Г. Морленда. Я вынужден был тоже написать письмо, правда, не ей, а в редакцию «Советского востоковедения», пытаясь оправдаться. В результате в одном из

[1] Леонид Абрамович Гордон (1930–2001) был аспирантам на год старше меня. Он писал диссертацию о положении рабочего класса в современной Индии (точнее — в 1930-х гг.). Но он явственно отличался выдающимися способностями, и Игорь Михайлович считал, что Леня Гордон может все. Впоследствии Леонид Абрамович стал одним из самых известных отечественных социологов.

следующих номеров после опубликованной там же статьи К. А. Антоновой появилось извещение следующего содержания:

ОТ РЕДАКЦИИ

В редакцию поступило письмо К. А. Антоновой, в котором она справедливо протестует против допущенного Л. Б. Алаевым в его статье «Развитие индийского ткачества» («Советское востоковедение, 1957, № 3, с. 95) неправильного цитирования, искажающего, по мнению К. А. Антоновой, смысл ее высказывания. В приведенной из монографии К А. Антоновой цитате Л. Б. Алаев опустил, не поставив отточия, следующую после слова «набойку» фразу: «Положение такого средневекового кустаря на дому было еще хуже положения ремесленника и некоторые ткачи, например, отрезали себе пальцы, чтобы избавиться от невыносимой кабалы у скупщика-индийца, поставляющего товар европейским компаниям». К. А. Антонова выразила также протест против неуместного сравнения ее с Морлендом.

Итак, в 1957 г. мы были с ней врагами.

К этому времени я рассорился и с Рейснером. Когда я стал искать работу в 1956 г., он не взял меня в свой сектор истории Индии Института востоковедения, и я вынужден был поступить в сектор экономики. Четыре года я занимался мелкой и кустарной промышленностью современной Индии, но одновременно дописывал диссертацию по Южной Индии XVII–XVIII вв. и защитил ее в ИВЯ при МГУ 22 июня 1959 г. Перед тем я давал на обсуждение главы диссертации. И вот на одном из таких обсуждений Кока Александровна заявила:

— Какой же Алаев экономист? Он же историк! Надо его перевести в сектор истории. Так как сейчас дирекция поставила перед нами важную задачу: написание многотомной истории Индии (тогда так выражались! — *Л. А.*), то Алаев мог бы пригодиться при составлении тома по средним векам.

Это первый эпизод, который показывает, что для Коки Александровны интересы дела стояли выше личностных обид.

Буквально через несколько дней, 13 марта 1961 г., решился и вопрос о моем переводе в сектор истории «для написания “Истории средневековой Индии”» Я знаю дату, потому что она значится на «Оде на сошествие Л. Б. Алаева в сектор истории», написанной Мишей (Михаилом Александровичем) Дробышевым (1933–1982) в форме «Выписки из протокола». Приведу ее часть, поскольку она касается и моих отношений с Кокой Александровной:

Он «прорывался современностью» не раз,
Был часто бит коллегами за дело[2]*,*
И потянулось на покой
Его истерзанное тело.

Иди, Алаев, с миром в новый мир,
Мир без Широкова и чая[3]*,*

[2] Две мои статьи были довольно шумно отвергнуты при обсуждениях. Правда, это были статьи не по современности.

[3] Глерий Кузьмич Широков (1930–2005) — сотрудник сектора экономики Отдела Индии. Тогда уже кандидат экономических наук (диссертация о чайных плантациях в Индии), еще не доктор и еще не зав.

И прогрызи источники до дыр,
Различных лингаятов изучая.

Общину раздраконь и собственность познай,
Сорви покровы с тайн феодализма,
И Коке должное воздай
Могучим рычагом марксизма.

Тьму феодально-жизненных картин
Откроет перед нами скорбный инок;
Он уточнит, с кем жил Ала-уд-дин
И уважал ли Шах Джахан блондинок.

И, к вящей радости премудрой Ашрафян,
Железной логикой ученого трактата
Он вскроет роль наложниц из армян
В прибавочном продукте султаната.

Миша уловил мою тогдашнюю настроенность, мое трепетное отношение к истинам марксизма, и предсказал некоторые последующие события, о которых пойдет речь очень скоро.

Когда на основе диссертации и бывшего диплома я написал довольно объемистую книгу «Южная Индия. Социально-экономическая история XIV–XVIII вв.», то попросил К. А. быть ответственным редактором. К тому времени наши отношения стали почти дружескими. Кока Александровна была самым естественным «претендентом» на роль ответственного редактора моей книги: медиевист, доктор наук. Но она обнаружила, что я резко критикую ее понимание собственности на землю, причем именно с «марксистских» позиций, т. е. опять-таки получается, что обвиняю ее в антимарксизме. Она не могла быть ответственным редактором такой книги. Понятно, что после этого наши отношения с Кокой Александровной не стали лучше.

Все изменилось в 1963 г., когда я приехал из первой командировки в Индию. Одновременно со мной в Индии были Саша Чичеров и Алексей Иванович Левковский. Левковского Антонова не любила. Впрочем, он отвечал ей взаимностью. И вот — несмотря на наши прохладные личные отношения, несмотря на концептуальные расхождения — она приглашает меня и Сашу домой, чтобы расспросить об Индии. Право, хочется еще раз просмаковать ситуацию. Ей жизненно необходимо расспросить людей, которые видели Индию «своими глазами». Тогда таких людей можно было сосчитать по пальцам рук, но не всех их ей хотелось видеть. Она узнает, что приехали два молодых человека, проведшие в Индии по нескольку месяцев. Эти молодые люди ей не очень приятны. Встречаясь на работе, она не очень уж с ними общается. Но они в данный момент — носители важной, жизненно важной (для нее) информации. И она почему-то знает, что их нападки на ее работы не зловредны, не вызваны низкими чувствами. И она приглашает их домой. Это второй эпизод, показывающий, что мелкие

сектором экономики, и не зам. директора института, но уже символ индологической экономической науки.

склоки, бытующие временами в научной (как и в театральной, скажем) среде, были Коке Александровне абсолютно чужды.

Жили Кока Александровна и ее муж Владимир Михайлович Турок тогда в каком-то полуподвале на Ломоносовском проспекте. Узенькая комната, заваленная книгами[4]. Есть место, только чтобы усадить дорогих гостей и примоститься где-то около. И жадные расспросы.

Началась дружба, ну и сотрудничество, конечно. Мы стали совместно (и с Кларой Зармайровной Ашрафян и Евгением Михайловичем Медведевым) работать над «Историей Индии в средние века». Мы трое (т. е. К. А., Ашрафян и я) написали главы по истории Индии в учебник Ленинградского университета «История стран зарубежного Востока в средние века» (1970 г.).

Надо пояснить, что в Ленинграде (как, впрочем, и в Санкт-Петербурге, и в Петрограде) история Индии никогда не пользовалась большим вниманием, особенно же «не представленным» был ее средневековый период. В то время, о котором сейчас идет речь, во всем городе-герое имелось всего два историка-индолога: Ева Яковлевна Люстерник (1904–1991), дама весьма представительная, своего рода *дуайен* (если это слово в данном контексте уместно) всех индологов Питера, занимавшаяся индийско-российскими связями в новое время, и Юрий Владимирович Петченко (1928–2003), зав кафедрой истории Индии на восточном факультете ЛГУ, написавший за всю свою жизнь около 20 статей по истории Сипайского восстания. Но Ленинградский университет должен был иметь **свой** учебник истории стран Азии и Африки во все периоды, в том числе и в период «средних веков». Не учить же ленинградцев по московскому учебнику?!

И вот я получаю однажды такую записку:

«Звонила срочно (написано и подчеркнуто красным. — *Л. А.*) *Е. Я. Люстерник. Она (ЛГУ) выпускают историю Востока, и все готово, но Петченко не представил и не даст Средневековой Индии (6 п.л.). Умоляет* (подчеркнуто красным. — *Л. А.) наши «3-А»*[5] *дать за 1 месяц сокращенный конспект нашей книги. Я обещала дать ей завтра (3.X.) телеграмму с согласием или отказом. Слезно просит согласиться: у них срывается весь коллективный труд.*

Позвоните мне, пожалуйста, вечером сегодня (2.X.) или завтра. С Кларой буду говорить после Вашего согласия.

К. Антонова

(По 2 листа на «брата», — в конце концов, это не так уж невозможно)».

И мы втроем написали, конечно, соответствующие главы. Так что с тех пор питерские студенты учат историю средневековой Индии по московским текстам.

В 1973 г. вышло первое издание «Истории Индии», написанной К. А. Антоновой, Г. М. Бонгард-Левиным и Г. Г. Котовским [Антонова, Бонгард-Левин, Котовский, 1973]. Главы Антоновой охватывали и домусульманский период, по которому она не была специалистом. Для их составления Кока Александровна

---

[4] Когда Туроки переехали в просторную трехкомнатную квартиру на улице Дмитрия Ульянова, она тоже вскоре превратилась в не очень уютное помещение. Шутки на тему о том, что книги скоро вытеснят хозяев из дома, продолжались вплоть до последних дней.

[5] После выхода «Истории Индии в средние века» под редакцией Алаева, Антоновой и Ашрафян нас стали называть «три “А”».

использовала работы других коллег, в том числе и мои. И подарила мне эту книгу с надписью: *«Дорогому, несчастному сплагиированному Лене Алаеву от автора-плагиатора К. Антоновой».*

Позднее я ответил ей тем же, т. е. беспардонно использовал ее работы по Моголам, когда писал «Средневековую Индию» (2003 г.). И тоже написал на подаренной ей книге, что ответил плагиатом на плагиат.

Когда К. А. работала над записками Клода Гюго [Гюго, 1977], ей надо было проследить путь своего героя от порта Карвар через Карнатаку в Шрирангапаттинам. И я ей принес рулон подробнейших карт дистриктов этого штата, которые когда-то достал в Топографической службе Индии. На них были обозначены все деревни. Мне их продали за какую-то смехотворную сумму, взяв обещание не вывозить их за пределы страны. Я обманул индийских чиновников и тайком привез карты в Москву. Эти карты настолько поразили К. А., что она написала на подаренной мне книге: *«Дорогому Лене Алаеву, моему другу и лучшему советскому индологу наших дней, и Тане*[6]*, моей первой читательнице, на добрую память. К. Ант».*

Кока Александровна отличалась независимым характером и неудержимым желанием шутить по любому поводу. Скучая на заседаниях, она, бывало, писала эпиграммы на участников, иногда очень злые. Начальство поэтому всегда ее недолюбливало. При первой возможности она была отправлена на пенсию (т. е. переведена в консультанты), а при Е. М. Примакове была лишена даже половины зарплаты. Мы с Петром Михайловичем Шаститко (1923–2009) пытались предотвратить эту примаковскую опалу. Петр как личный друг директора говорил с ним с глазу на глаз. По его рассказам, он даже пытался «шантажировать» Евгения Максимовича, который как раз в это время баллотировался в академики:

— Если ты уволишь Коку, то вызовешь возмущение академиков. Семья Туроков пользуется большим авторитетом в Академии. Это может повредить тебе при выборах!

Но Примаков лучше ориентировался в академических кругах, чем Петр Михайлович. Он не обратил на такие предостережения никакого внимания.

Я в этой «борьбе за Коку» ограничился подачей письменной челобитной. Вот ее копия:

Директору Института востоковедения АН СССР,

Члену-корреспонденту АН СССР

Е. М. Примакову.

Докладная записка.

Стало известно, что старший научный сотрудник-консультант доктор исторических наук К. А. Антонова представлена к увольнению. В качестве одного из ответственных редакторов коллективной монографии «История Индии в средние века» мне хотелось бы высказать свое мнение по этому вопросу. Еще один член редколлегии этой монографии доктор исторических наук К. З. Ашрафян находится в настоящее время в Индии, но мы с ней обсуждали данную проблему, и я уверен, что она поддержит мою позицию.

К. А. Антонова является одним из основателей советской школы индологии, в частности, в области изучения проблем средневековья. Являясь крупнейшим специалистом по истории Могольской Индии и знатоком персидского языка, она работала также по вопросам раннесредневековой и новой

[6] Имелась в виду моя жена Татьяна Александровна.

истории Индии, провела большую работу по изучению и изданию архивных документов по русско-индийским отношениям в XVII–XVIII вв. К. А. Антонова подготовила большое количество аспирантов, и ее ученики работают сейчас в Москве, Ленинграде, Ташкенте, Ереване, других городах, а также в Индии.

К. А. Антонова — один их авторов (наряду с Г. М. Бонгард-Левиным и Г. Г. Котовским) однотомника «История Индии», который в 1976 г. был выдвинут индологами на государственную премию. В настоящее время этот однотомник издается на английском и на ряде индийских языков.

К. А. Антонова полностью сохранила трудоспособность. В 1977 г. она выпустила книгу — перевод неизвестного ранее французского источника по истории Индии: Клод Гюго. «Записки об Индии». Рукопись XVIII в. была найдена во Львове, во Франции она неизвестна. Ее дешифровка, выяснение личности автора (К. А. Антонова связалась с французскими архивами), идентификация имен и географических названий требовали большого труда, энергии и знаний, и была проведена на высоком уровне. К. А. Антонова продолжает активно участвовать во всех обсуждениях и дискуссиях, посвященным проблемам феодализма и генезиса капитализма в странах Востока.

На следующую пятилетку намечено начало работы над 5-томной «Историей Индии», предпринимаемой, в частности, по просьбе индийских коммунистов, для которых марксистская концепция истории страны является важным фактором политической борьбы. Том по средневековью было бы затруднительно написать без участия К. А. Антоновой. Кроме того, К. А. Антонова приглашена в качестве одного из авторов в коллективную монографию «Россия и Индия», запланированную Отделом по изучению связей России со странами Азии.

Хотелось бы надеяться, что Вы найдете возможность оставить К. А. Антонову — работоспособного специалиста высокой квалификации и опыта — в штате Института.

Старший научный сотрудник
Л. Б. Алаев

Наши с Петром Михайловичем усилия остались тщетными. У Примакова был принцип руководства: никогда не менять своих решений. Он именно так и выразился, когда мы с ним обсуждали какое-то его другое решение. Данное письмо осталось без ответа. Кока Александровна была уволена.

Объективно говоря, она имела право на обиду, потому что была вполне работоспособной и «выполняла план». Но она всегда была бельмом на глазу начальства. Вела себя независимо и ничего не просила. Возможно, к этому добавлялись и некие «ориентировки» из «компетентных органов»: имеет связи с «диссидентами», позволяет себе антисоветские высказывания.

Примаков надолго стал для нее злым гением, исчадием ада. Мои попытки найти рациональность в этом решении Примакова, а также вообще вести речь о его привлекательных качествах, встречались глухим неприятием. В конце таких разговоров я обычно говорил:

— Ну, Кока Александровна, ну что же вы хотите! Вы всю жизнь плевали на начальство, а теперь удивляетесь, что оно вас не любит!

Надо сказать, что это ее не успокаивало. Все же во всех нас сидит отождествление успехов в жизни и одобрения начальства.

Наша переписка имеет еще несколько страниц. Чтобы ввести в курс одного из писем Коки Александровны ко мне, надо кое-что пояснить.

В значительной степени случайно получилось, что я стал, помимо прочего, заниматься историей советской индологии. В Институт пришло письмо от академика Милицы Васильевны Нечкиной (1901–1985) с просьбой «выделить» несколько человек для написания глав по изучению истории стран Азии в советский период до 1934 г.[7] Был задуман многотомный труд «История исторической науки в СССР». И зав. Отделом Индии Владимир Васильевич Балабушевич (1900–1970) «выделил» меня для выполнения этого «Задания» (слово это произносилось с большой буквы). Так я стал историографом.

Письма издалека. Письмо 1.

Дорогой товарищ Отдел!
Мало времени. Много дел
И ни отдыха нет, ни срока.
Ваши Бонгард, Шаститко
и Кока.

Но все-таки…
Вчера смотрели Тадж Махал
И в строгих формах зданья
Нам сразу вспомнился Бал-бал,
Ведущий заседанье.
А Кока с утренней зари,
Забыв про возраст старый,
Пешком шагала до Сикри,
В забытый форт Акбара.
Потом упала на гранит,
~~Столетний~~ камень голый,
Что триста лет уже хранит
Священный прах Могола.
А где же Бонгард? Он забыл
Семью и чувство страха
И индианок полюбил
В скульптурах Каджурахо!
Там индианки – хороши!
Но ты, Отдел, послушай
То мне (для тела) для души
Милее всех – Катюша!
Лишь солнца луч блеснет едва
И час наступит ранний
„Армянский два, Армянский два!"
Твердим мы беспрестанно.

К. Антонова. Г. Бонгард-Левин. П. Шаститко.

Страница из письма П. М. Шаститко со стихотворением и шаржами на К. А. Антонову и Г. М. Бонгард-Левина

Совершенно естественно, что когда П. М. Шаститко, в то время заведующий Отделом историко-культурных связей СССР со странами зарубежного Востока, решил создать фундаментальный коллективный труд «История отечественного востоковедения», то он обратился ко мне с просьбой осветить период в индологии от Революции до Отечественной войны. Я написал текст, и стал показывать его разным лицам на предмет предложений и замечаний. Среди таких рецензентов, естественно, оказалась и Кока Александровна.

Так получилось, что ее замечания были высказаны не в личной беседе, а на письме. Это счастливое обстоятельство позволяет мне сейчас воспроизвести ее замечания. Вышел только один том из задуманной серии. Перестройка произвела смуту в наших представлениях о научных и политических ценностях. Писать по-старому многим не хотелось, писать по-новому еще не научились. Главное, не научились думать как свободные и незашоренные люди. Так что этот текст, который

[7] Эти хронологические рамки определялись тем, что в 1934 г. история была официально признана наукой, были открыты Исторические факультеты в ряде университетов, и исторические исследования в нашей стране перешли «на новый этап».

критикует Кока Александровна, так и не пошел в печать. Я сам был им недоволен, но совсем по другим основаниям, чем К. А.

По-моему, это письмо стоит воспроизвести как выражение одного из подходов к тому, что такое историография.

Лужки[8]
16.VI – 87
Дорогой Л. Б.!

Дважды в пятницу я звонила Вам, никто не брал трубку, а в субботу я уехала на дачу, а ваша статья осталась у меня в Москве. Наверно, надо было взять ее с собой, а потом переслать вам через Ларису[9]*, но я не догадалась. В июле наверно приеду в Москву на пару дней на инд[ийскую] выставку, тогда буду опять Вам звонить. Напишите, как поступить со статьей. Кстати, звоните Ларисе, если будет возможность мне попасть на что-то индийское.*

С одной стороны, статья хорошо фундирована, и этим мне понравилась. Действительно, Ульян[10] *(как мы его звали) оказался более понимающим, чем другие. Недаром он считался среди индологов ведущим, и Игорь*[11] *был при нем на вторых ролях. Теперь я оценила, прочтя Вашу статью, это тогдашнее соотношение сил.*

Одного лишь мне не хватает в Вашей статье: людей. Я прочитала 1-й том «Истории востоковедения»[12]*. Авторы его рассказывали не только о направлениях, тенденциях и прочих безликих силах, но и людях, создававших востоковедение в России. Несмотря на отдаленность тех времен, Казем-Бека, например, не спутаешь с Топчибашевым, невольно погрустишь о судьбе Ленца, поймешь, почему Петров, друг Белинского, которого из-за этого всячески затирали несмотря на блестящие способности и знания, в конце жизни был нелюдимым и замкнутым одиноким стариком и т. п. В конце концов, для людей самое интересное — это люди, а не бесплотные силы. У Вас же даже те, кого вы лично знали, проходят бесцветными иероглифами. Только об Игоре Вы сообщили человеческий штрих: «молодой дипломат», но даже не сказали, где. Как можно было ничего не сказать о личности трех индийцев, которых убеждения и судьба забросила на их несчастье в Москву: блестящего Махендранатха Роя*[13]*, бенгальского индуса, первого по-настоящему познакомившего нас с современной Индией. Вы говорите, что его обвинили в троцкизме, но не пишете о его трагическом конце; он умер в Индии слепым и одиноким, не получая помощи ни от властей (что естественно), ни от КПИ, которую он создал и которая отвернулась от него как от троцкиста. Его соотечественника, несколько нечистого на руку «дельца-бабӯ*[14]*» Абони Мухарджи, который, однако, впервые в нашей стране издал 2 книги о новой истории Индии. Концепции этих книг были неверными, но тогда господствующими у нас. Вообще где-то в статье Вы должны были объяснить*

---

[8] «Адрес» дачи К. А. Антоновой.

[9] Лариса Ивановна, дочь женщины, которая когда-то вела хозяйство у Коки Александровны. К. А., не имевшая детей, привязалась к ней и приняла большое участие в ее судьбе и в дальнейшем никогда не теряла с ней связи. Вся семья Ларисы ухаживала за К. А. до ее последних дней.

[10] Ульяновский Ростислав Александрович (1904–1995) — востоковед, в последние годы — зам. зав. Международным отделом ЦК КПСС. Речь идет о его оценке роли М. К. Ганди в книге «Гандизм». М., 1931.

[11] Речь идет об И. М. Рейснере.

[12] Имеется в виду «История отечественного востоковедения до середины XIX века». Отв. редакторы Г. Ф. Ким, П. М. Шаститко. М.: Главная редакция восточной литературы, 1990. Видимо, Кока Александровна прочитала о том еще в рукописи, до выхода его из печати.

[13] Здесь К. А. ошиблась. Его звали Манабендра Натх.

[14] *Бабӯ* —в Индии, особенно в Бенгалии, ученый, образованный человек.

(это забывается теперь, как и многое, что относилось к тем временам, иначе не было бы недоуменных вопросов молодежи к старшему поколению типа «Почему вы молчали?»), что считалось: классики марксизма исчерпывающе объяснили весь процесс истории, происходящий одинаково повсюду, и задача историка не продумывать самому, а найти подтверждение заранее данной концепции на материале изучаемой страны. Важно лишь правильно понять классиков, не впасть ни в левый загиб, ни в правый уклон. Поэтому торговый капитализм Покровского, став официальной доктриной, был тут же перенят и Роем, и Мухарджи. Винить их за это нельзя. А участи Мухарджи не позавидуешь: погибнуть на севере в ужасных условиях за много тысяч км от своей родины! Тогда, в 30-е гг., я видела в нем исчадие зла, теперь его недостатки характера не имеют для меня такого значения, мне его жаль. Наконец, третий индиец — лиричный красавец-мусульманин из Пенджаба, Эс-Хабиб Вафа. (Его сын[15] *так и не смог объяснить мне, что означало «Эс». «S»?) Он был мягким, скромным, его не спутаешь с теми бенгальцами, но погиб он как Мухарджи. А в вашей статье они вообще не имеют лица, ни один. Я уж не говорю о Балабушевиче (о Мельман*[16] *Вы, кажется, вообще не упомянули), о Дьякове*[17]*. О Павловиче*[18] *и Гурко-Кряжине*[19] *как личностях, наверно, можно найти материалы (они были до меня). Ни слова о гибели Сейгеля, а ведь это (поскольку он был ее мужем), как и ее эсеровское прошлое, отразилось на Мельман в смысле ее пугливости и осторожности.*

Ну, в общем, Вы понимаете мою мысль. Мне понравился этот Шаститкин 1-й том именно тем, что в нем действовали не марионетки, а люди, запоминающиеся своими индивидуальными особенностями. Мне хотелось, чтобы ваша статья была в том же плане […][20]

P. S. Что касается оценки Ганди, я Вам рассказывала: у нас в МАИ[21] *работал один индус, которому в Москве дали мусульманскую фамилию Риза. Он выступал на VI Конгрессе Коминтерна, а потом остался. Как-то мы в МАИ болтали, и я легко произнесла то, что вычитала в нашей прессе (во время первого соляного похода Ганди): «Ганди уже окончательно разоблачил себя как агент империализма». Риза перескочил через разделявший нас стол и впился мне в горло. Его еле от меня оторвали. Я тогда усомнилась, что Ганди действительно «разоблачил себя», но в том, что он — агент империализма, у меня сомнений не было. Через несколько месяцев Ризу забрали в сумасшедший дом, и больше я о нем ничего не знаю.*

К. Ант.

Надо пояснить, что у меня в то время была принципиальная позиция: по прошествии лет все личности и индивидуальности исчезают. Остаются только их труды (если не забываются). Это и есть «сухой остаток», который может быть полезен дальнейшему развитию науки, а может быть бесполезен. И то, и другое — результат. Вот об этом «остатке» и стоит писать. Позже я изменил свою позицию, и в

[15] Вафа, Анис эс-Хабибович (р. 1934) работал в ИВ АН СССР в 1959–1980 гг.

[16] Мельман Софья Моисеевна (1896–1978), специалист по истории экономики Индии, зав сектором экономики Отдела Индии в 1956–1962 гг.

[17] Дьяков Алексей Михайлович (1896–1974), специалист по Новейшей истории Индии и вопросам этногенеза индийских народов

[18] Павлович Михаил Павлович (Вельтман Михаил Лазаревич) (1871–1927), востоковед, организатор науки, общественный деятель.

[19] Гурко-Кряжин Владимир Александрович (1887–1931), востоковед, журналист, общественный деятель.

[20] Опускаю несколько фраз личного характера, приветы и проч.

[21] МАИ — Международный аграрный институт при Крестинтерне, где К. А. работала в начале своей научной карьеры. См. в ее мемуарах [Антонова, 1991; 1992; 2000].

«Историографии истории Индии» (2013) я попытался дать представление не только о работах и идеях, но и личностях. Так что и в этом вопросе я признал ее правоту.

Помимо работы, мы встречались и по семейным поводам. Регулярные встречи проходили на «ее территории»: 5 января (день рождения Турока), 23 марта (день рождения Коки). После смерти Владимира Михайловича мы встречались также 23 сентября — в день его смерти.

Однажды они приезжали к нам на дачу. Мы тогда снимали полдома в Мамонтовке. Это было в 1966 г. Я помню, потому что это год рождения моего младшего сына. Коке Александровне тогда было 56 лет. К ужасу и восхищению моей тещи, она оседлала подростковый велосипед (моего сына) и поехала по поселку.

Видимо, на следующий год я побывал на их даче в районе Истры. Почему-то мы поехали вдвоем. На электричке и далее на автобусе. Кока Александровна показала мне дачный поселок — это был поселок старых большевиков. Выделили участки бывшим репрессированным. Дачу там получила ее мама. Заходили мы в дома некоторых из этих «старых большевиков», действительно старых, но уже не большевиков. Наслушались довольно драматических рассказов.

Как раз в это время что-то у меня хорошо шло. Видимо, это была «Методика изучений сельской общины»[22]. Это была историографическая вещь, нужно было только соединить цитаты из различных произведений. Весь материал был у меня с собой на карточках. Поэтому я каждую свободную минуту садился и писал текст. Кока Александровна с тех пор прониклась большим уважением к моему трудолюбию и целеустремленности. Много раз потом она говаривала:

— Вот вы можете писать в любых условиях. А я не могу.

А в 1968 г. я уезжал в Индию на год. У жены оставалось только 60 % моей зарплаты. Снять дачу было трудно. И Кока Александровна предложила моей семье (жена, теща и трое детей, младшему из которых было два года) пожить это лето у них. И дети, и теща вспоминают это лето как счастливое, хотя погода была на редкость скверная. Жена тоже, конечно, была довольна, но у нее было нелегкое время. Она работала, но два раза в неделю должна была привозить продукты. Это было трудно в нескольких смыслах: их надо было «достать», а потом везти, как я уже упоминал, сначала на электричке, потом — на автобусе. Мои женщины, жена и теща, стали близкими друзьями Коки Александровны.

Собрания в доме Туроков в январе и марте были заметными событиями для всей нашей довольно постоянной компании. Это были отдушины, типичные в советские времена сборища «на кухне», хотя мы сидели не на кухне, а в одной из комнат. Можно было поговорить без цензуры, в том числе и внутренней. Обсуждались все новости в политике и в культурной жизни. Конечно, обменивались мы и суждениями по поводу академических событий. Какие-то нюансы мне подсказывают, что эти собрания не обходились без внимания «компетентных органов». Но мы уже как-то не обращали на это внимания. И правильно делали — эти органы к тому времени уже были поражены безволием и «электрификацией» («всем все до лампочки»).

Сначала угощение на этих собраниях подавалось обильное и необычное. Домработница Полина готовила вкусные блюда. Сама Кока Александровна делала плов

[22] Превратности этой рукописи изложены в: [Алаев, 2000].

с курагой и изюмом. Видимо, рецепт был привезен ею из Средней Азии. Позже меню стало сокращаться, и в последние годы мы довольствовались холодными закусками, большей частью, принесенными с собой. Конечно, это обстоятельство не меняло теплой атмосферы в компании. Недопитая бутылка водки, оставшаяся от одного праздника, допивалась в другой раз.

Встречи эти не обходились и без юмористических моментов. Вот какой текст мы сочинили к одному из юбилеев Коки Александровны. Не помню точно, к какому. По-моему, этот текст зачитывался несколько раз.

Дорогая Кока Александровна!

В день Вашего юбилея примите горячие поздравления Ваших коллег-индологов, Ваших научных сторонников и противников, но неизменно поклонников Ваших многочисленных талантов.

Ваша жизнь в науке ярка и насыщена. Вы начали изучение Могольской Индии под руководством И. М. Рейснера, продолжили его под начальством В. В. Балабушевича[23] *и заканчивали в компании с К. З. Ашрафян. Вы шли по классическому пути от частного к общему.*

Сначала Вы обобщили данные источников и написали книги об Акбаре и об английском завоевании Индии. Потом Вы обобщили свои монографии и написали, не без участия, правда, ряда коллег, «Новую историю Индии» и «Историю Индии в средние века». Наконец, обобщив как свои, так и чужие монографии, Вы дали миру, тоже не без кооперации с рядом известных лиц, «Историю Индии» в целом.

Она, эта «История», написанная живо, доходчиво, и к тому же с правильных позиций, и переведенная на все экзотические языки, как идеологический смерч прошла победным маршем по всем социалистическим странам и развивающемуся миру, завоевывая умы, сердца, а также конвертируемую и неконвертируемую валюту, и повергая в прах противников «Прогресса»[24].

Вместе с Н. М. Гольдбергом[25] *Вы начали изучать экономические и культурные взаимоотношения России с сопредельными странами и тем самым основали научное направление, которое позволило основать целый отдел и трудоустроить П. М. Шаститко.*

Ваше жизнелюбие, нестандартный оптимизм, оригинальность мышления, поведения и одежды снискали Вам заслуженную известность и завистливое внимание в Институте и за его пределами. Ваша многогранная личность, не укладывающаяся в каноны, составила часть того обаяния, которым обладал легендарный Отдел Индии времен А. М. Дьякова и С. М. Мельман, А. И. Левковского и Р. П. Гурвич, Г. К. Широкова и Л. И. Рейснера.

Вы продолжаете работать над проблемами истории советского востоковедения и над изучением исторических связей Индии и России. Мы ждем Ваших новых работ, воспоминаний о былом, о начале советской востоковедной и вообще исторической науки, о том, откуда есть пошли все мы, Ваши друзья, коллеги и младшие соратники.

Желаем вам, Кока Александровна, в Ваш день рождения, крепкого здоровья, долгих плодотворных лет, радостей, хороших друзей и понятливых читателей.

Мы с Кокой Александровной постоянно спорили. Когда собирались по памятным дням, она требовала, чтобы я сел рядом, потому что:

— Я люблю с вами спорить.

[23] Балабушевич Владимир Васильевич (1900–1970), в 1955–1970 гг. заведующий Отделом Индии в ИВ АН СССР.

[24] Издательство «Прогресс» в советский период специализировалось на выпуске переводной литературы.

[25] Гольдберг Николай Максимович (1891–1961), сотрудник ИВ АН СССР в 1943–1961 гг.

По совместительству я выполнял также и функции «переводчика». Она слышала все хуже и хуже, и я (с одной стороны, а Таня Загородникова — с другой) должен был кричать ей в ухо, сообщая, о чем идет речь за столом.

Она часто брала слово для размышлений вслух о своей жизни, о Туроке, о судьбах России и о судьбах большевиков, которые эту Россию «поставили на дыбы». Волновал ее вопрос о том, сохраняют ли ее труды, несущие на себе следы господствовавшей тогда идеологии, ценность в новых условиях идеологической и теоретической свободы. Такие мысли должны возникать у любого человека, живущего долго. Меняется мир, меняется страна, меняются люди вокруг. От прежнего мира, кажется, ничего не осталось. Но тогда и от книг, вышедших в прежнюю эпоху, должно ничего не остаться. Я убеждал ее в значимости того, что она сделала, с позиций историографа: ее книги представляют определенный период в отечественной науке, и без этого периода отечественной науки просто не существовало бы.

В целом мне удавалось ее в этом убедить, тем более, что она и сама чувствовала, что основа ее книг — не идеология, а источники.

К. А. принимала близко к сердцу, что происходило в нашей стране в период Перестройки и далее. Реагируя на реформы 1990-х гг., она не раз обращалась ко временам любимого ей Акбара:

— Ведь еще Акбар понимал, что надо снижать налоги, чтобы собирать больше. Как же наши либералы этого не понимают и все увеличивают ставки налогов?

Последний наш спор касался вопроса об освещении колониализма, конечно, прежде всего британского колониализма в Индии. Я позволил себе довольно безапелляционно высказаться по поводу распространенного у нас огульного поношения колонизаторов за их «грабеж» и «эксплуатацию». Это задело Коку Александровну, потому что в ее работах подобная трактовка колониализма присутствовала, хотя и не занимала преобладающего места. В 2002 г. мы обменялись с ней несколькими письмами, обсуждая эти вопросы. Она уже почти не видела, не могла писать, диктовала текст Тане Загородниковой, а я передавал ей ответы тоже через Таню. Она бывала у К. А. чаще, чем я. Письма не привожу, потому что они посвящены конкретному вопросу, и могут быть интересны только для специалиста. Кроме того, в них содержатся нелицеприятные оценки меня как личности, с которыми я тоже не горю желанием познакомить читателя.

Таким образом, наше сотрудничество с Кокой Александровной началось «по переписке» и кончилось перепиской. Ее письма свидетельствуют, что она находилась вполне «в теме» до последних дней. Ясность и логичность мысли, сочетание твердой научной позиции с умением учитывать новые факты и точки зрения, полемический задор — все это не изменило Антоновой со времен молодости.

К старости все менее нуждаешься в дискуссиях. Я часто вспоминаю строчку Высоцкого: «Я себе уже все доказал…». Это в юности хочется сражаться за истину, потому что это и есть настоящая цель нашего прихода в этот мир. Кока Александровна, приобретя опыт ошибок и разочарований, в чем-то оставалась молодой вплоть до ухода.

Литература / References

Алаев Л. Б. *Л. Б. Алаев: Община в его жизни. Несколько научных идей в документах и материалах*. М., 2000 [Alaev L. B. *L. B. Alaev: The Community in His Life. Several Scientific Ideas in Documents and Materials*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Антонова К. А. Мы, востоковеды // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность*. 1991. № 1. С. 140–154; № 3. С. 105–115; 1992. № 2. С. 140–152; № 4. С. 124–136; № 5. С. 131–147; 2000. № 4. С. 116–131 [Antonova K. A. We are Orientalists // *Oriens. Afro-Asian societies: history and modernity*. 1991. 1. Pp. 140–154; 3. Pp. 105–115; 1992. 2. Pp. 140–152; 4. Pp. 124–136; 5. Pp. 131–147; 2000. 4. Pp. 116–131 (in Russian)].

Антонова К. А., Бонгард-Левин Г. М., Котовский Г. Г. *История Индии (краткий очерк)*. М., 1973 [Antonova K. A., Bongard-Levin G. M., Kotovskii G. G. *History of India (A Short Essay)*. Moscow, 1973 (in Russian)].

Гюго К. *Записки об Индии*. Пер. и вступительная статья К. А. Антоновой. М., 1977 [Hugau C. *Notes on India. Transl. and Introduction by K. A. Antonova*. Moscow, 1977 (in Russian)].

ЭКСПЕДИЦИЯ В РЕСПУБЛИКУ МАЛИ (СТРАНА ДОГОНОВ, РЕГИОН МОПТИ) В ЯНВАРЕ 2019 г.

 П. А. Куценков, Д. В. Ванюкова, Н. В. Лаврентьева*

В январе 2019 г. авторы предприняли экспедицию на Нагорье Бандиагара (Плато Догон) в Республике Мали. Этнографические и культурологические исследования проводились на юге региона Мопти в деревне Энде и Сонингхе, занимающей очень важное место в устной исторической традиции клана Гуруван из Энде, и, кроме того, в деревнях Багуру, Джигибамбо, Дьундуру и Йабателу. Удалось также посетить деревню Йаджанга в округе Коро, ранее, из-за сложной военной обстановки, практически недоступную. В ходе экспедиции были также закуплены предметы традиционного искусства X(?)–XXI вв. и ремесленные изделия, переданные в Государственный музей изобразительных искусств им. А. С. Пушкина (Москва), Государственный музей Востока (Москва) и Музей антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург).

Ключевые слова: Мали, догоны, полевые исследования, традиционная культура, традиционное африканское искусство.

EXPEDITION TO THE REPUBLIC OF MALI (DOGON COUNTRY, MOPTI REGION) IN JANUARY 2019

Petr A. Kutsenkov, Darya V. Vanyukova, Nika V. Lavrentyeva

In January 2019, the authors undertook an expedition to the Highlands of Bandiagara (Plateau Dogon) in the Republic of Mali. Ethnographic and cultural studies were conducted in the south of the Mopti region in the villages of Endé and Soninghé, being a very important region, preserving oral historical traditions of the clan Guruwan from Endé, and in the villages to Bagourou, Djiguibambo, Dioundourou, and Begnematou. The expedition also managed to visit the village of Yadianga in the district of Koro, previously, due to the difficult military situation, almost inaccessible. The members of the research team also purchased some objects of traditional art and handicrafts of X(?)–XXI centuries for the Pushkin State Museum of Fine Arts (Moscow), the State Museum of Oriental Art (Moscow) and the Peter the Great Museum of Anthropology and Ethnography (the Kunstkamera) in Saint-Petersburg.

Keywords: Mali, Dogon, field studies, traditional culture, traditional visual African art.

---

* Петр Анатольевич Куценков, кандидат искусствоведения, доктор культурологии, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; pkutsenkov@gmail.com

Petr A. Kutsenkov, PhD (History of Art), DSc (Culturology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; pkutsenkov@gmail.com

Дарья Владимировна Ванюкова, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Государственного музея Востока, Москва; darya-29@yandex.ru

Darya V. Vanyukova, PhD (History of Art), Research Fellow, The State Museum of Oriental Art, Moscow; darya-29@yandex.ru

Ника Владимировна Лаврентьева, кандидат искусствоведения, зав. отделом «Учебный художественный музей» ГМИИ им.А.С. Пушкина, Москва; nika27-merty@yandex.ru

Nika V. Lavrentyeva, PhD (History of Art), Chair of the Department "Educational Art Museum" of the Pushkin State Museum of Fine Arts, Moscow; nika27-merty@yandex.ru

В экспедиции под руководством доктора культурологии П. А. Куценкова (Институт востоковедения РАН), проходившей с 29 декабря 2018 по 31 января 2019 г., приняли участие кандидат искусствоведения Д. В. Ванюкова (Государственный музей Востока) и кандидат искусствоведения Н. В. Лаврентьева (ГМИИ им. А. С. Пушкина), а также волонтер Н. М. Жилин — биолог, фотограф и кинооператор экспедиции.

Главной задачей экспедиции было всестороннее изучение эволюции традиционных культур Мали, и прежде всего догонов, в условиях глобализации; целью экспедиции был сбор этнографической коллекции для Музея антропологии и этнографии им. Петра Великого (Кунсткамера, Санкт-Петербург) и коллекций произведений традиционного и современного искусства догонов для Государственного музея Востока (Москва) и ГМИИ им. А. С. Пушкина (Москва); сбор устных исторических преданий догонов (деревня Энде); изучение структуры общества догонов; изучение конфессиональной ситуации в стране догонов, резко изменившейся после начала джихада на севере Мали.

Предполагалось, что экспедиция будет работать в деревне Энде на юге Нагорья Бандиагара (округ Банкасс) и в северных деревнях Тинтан (округ Бандиагара) и Семари (округ Дуэнца). Однако из-за осложнения военной обстановки северные деревни стали недоступны, и исследования проводились в деревне Сонингхе, занимающей очень важное место в устной исторической традиции клана Гуруван из Энде, а также в деревнях Багуру, Джигибамбо, Дьундуру и Йабателу (*илл. 1*). Удалось также посетить деревню Йаджанга в округе Коро, ранее, из-за сложной военной обстановки, практически недоступную.

Илл. 1. Деревни на юге Страны догонов, обследованные в 2015–2019 гг. Округа Бандиагара, Банкасс и Коро (*рис. П. А. Куценкова*)

Особого упоминания заслуживает деревня Бенемату (*цветная вклейка, фото 1–2*), расположенная на Нагорье в нескольких километрах к северу от деревни Дьундуру (*илл. 2*). Несмотря на то, что эта большая многоконфессиональная деревня (христиане, мусульмане и анимисты) находится в непосредственной близости от туристических достопримечательностей (ныне редко посещаемых), на картах она или не обозначена, или на ее месте указана соседняя деревня, Дьундуру. Можно было бы объяснить это тем, что автомобильной дороги к этой деревне нет — но дорог нет и к соседней деревне, Сонингхе, которая обозначена на всех картах. К тому же, название этой деревни может писаться по-разному. Как заметил Бокари Гиндо, постоянный сопровождающий участников экспедиции уже не первый год, «*часто пишут "Begnemato" вместо "Begnematou". Суффикс "tou" означает "камешки". Это отличается от "Begnegna", где суффикс "gna" обозначает почву, равнину, землю. "Begnemato" или "Begnematou" — французская транскрипция. Но мы, догоны, говорим просто "Begne" или "Begnetou", без "ma"*»[1].

Эта история показывает, что даже элементарная топонимика Страны догонов нередко нуждается в серьезной ревизии.

Илл. 2. Мечеть в деревне Дьундуру. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

[1] «*Ils écrivent souvent "Begnemato" au lieu de "Begnematou". Le suffixe "tou" veut dire cailloux. C'est en opposition à "Begnegna" dont le suffixe "gna" veut dire sol, plaine, terre. C'est la transcription française qui dit "Begnemato" ou "Begnematou". Sinon, nous Dogon, on dit tout simplement "Begné" ou "Begnetou", sans le "ma"*».

В ходе работы экспедиции были получены следующие результаты:

1. Отснято примерно 3000 фотографий и около 2 часов видеозаписей, в том числе, полученных при помощи дрона снимков заброшенных деревень теллем на скальном уступе Бандиагара около деревни Энде. Именно эти съемки заставили участников экспедиции предположить, что теллем не были первыми поселенцами на скальном уступе Бандиагара. Такое предположение было обусловлено тем, что архитектура верхних ярусов заброшенных поселений заметно отличается от поселений собственно теллем своими масштабами и плотностью «застройки».

2. Установление факта существования до-теллемских поселений в окрестностях деревни Энде можно считать важнейшим результатом работы экспедиции.

О том, что теллем предшествовали некие «толой», было известно уже давно. Эта этническая группа (или группы) упоминается едва ли не во всех публикациях, посвященных истории заселения нагорья Бандиагара [2]. Важно отметить, что «идентичность догонов и история их миграции были описаны на основе устных традиций, мифов и масок, в основном, собранных в районе Санга. Эти первоначальные труды сформировали образ единого народа, изолированного от окружающего мира, чьи история и культурные идентификаторы основаны на очень сложной космогонии, стереотипных повествованиях и скульптуре, свидетельствующей об особой эстетике, той самой, что и в наши дни осчастливливает коллекционеров и арт-дилеров» [Mayor, Huysecom, 2016, p. 333–334]. Поселения толой были открыты и исследованы именно в окрестностях деревни Сангха, и термин «толой» употребляется только носителями языка торо-со и привязан единственно к этому региону. Однако, в этом, как и во многих других случаях, он нередко применялся ко всей Стране догонов.

Именно поэтому, начиная с 2015 г., участники экспедиции неоднократно спрашивали жителей Энде, имеются ли в округе поселения «толой». Те неизменно отвечали, что «толой тут нет» (*Toloy tɛ yan* (*бамананкан); il n'a pas de Toloy ici* (*фр.*)). Однако в последний день нашего пребывания в Энде в январе 2019 г. выяснилось, что на скальном уступе над деревней есть «до-теллемские» поселения (*les villages pré-Tellem* (*фр.*)), но в деревне их называют не толой, а «*пэgэт*» (*яз. тенкан*, информанты Сейду (Жюстен) Гиндо и Бокари Гиндо). Так же их называют и в некоторых других деревнях округа Банкасс — по крайней мере, в Кани-Бонзон (Кани-На) и в Дьундуру (информант Бокари Гиндо). Одной из задач экспедиции был сбор материалов о собирательской и коллекционерской деятельности самих носителей культуры, поскольку стремление сохранить собственную традицию касается не только устного исторического предания, но и объектов материальной культуры. Знакомство и, более того, почтительно-дружеские отношения участников экспедиции с Сейду (Жюстеном) Гиндо, скульптором и антикваром, проживающим в деревне Энде, способствовали тому, что стала возможной беседа о его деятельности по собиранию памятников искусства догонов. Нужно сразу отметить, что целью этой беседы не были расспросы о до-теллемских поселениях над Энде, и в ходе разговора эта тема была затронута случайно. Д. В. Ванюкова задала информанту вопрос о том, какими критериями он руководствуется, когда приобретает вещи, что приносят ему на продажу. Сейду

[2] Библиографический обзор см.: [Mayor, Huysecom, 2016].

(Жюстен) Гиндо ответил, что смотрит на «состояние вещи — не повреждена ли она, на ее художественное качество и на то, какого она стиля». На вопрос Д. В. Ванюковой, что подразумевается под стилем, Сейду (Жюстен) Гиндо ответил, что он имеет в виду «Dogon, Tellem ou pré-Tellem». Это вызвало целый ряд уточняющих вопросов со стороны участников экспедиции, так как «pré-Tellem» традиционно могут трактоваться только как толой. Однако такое предположение с негодованием (!) отвергли и Сейду (Жюстен) Гиндо, и присутствовавший при разговоре Сулейман Гиндо, в один голос сказавшие, что здесь, в Энде, они называют их не толой, а «*пэгэт*».

Что касается «ногом», то в специальной литературе среди предшественников догонов на скалах Бандиагара наряду с толой и теллем нередко упоминаются и некие «ньогом» (*niogom*). В частности, о них пишет Элен Лёлуп в монументальной монографии «Скульптура догонов» [Leloup, Rubin, Serra, 1994, p. 141–143]. Характеризуя стиль «ньогом», она писала, что тот имеет одну характерную особенность: «использование естественной формы ветви дерева, ее кривизны, что редко встречается в африканской скульптуре» [Leloup, Rubin, Serra, 1994, p. 141]. Однако транскрипция *«пэгэт»* нам в литературе не встречалась. К тому же, с самим стилем ньогом / ногом далеко не все ясно — так, некоторые их скульптуры датируются весьма поздним временем, а их стиль (трактовка головы и туловища) обнаруживает сходство с приобретенным нами в деревне Бенемату «фетишем» *ankanja dumbo* (*илл. 3*), который помещают в зернохранилище для охраны собранного урожая. По словам продавца, Мишеля Того, он был сделан в конце 1930-х – начале 1940-х гг. в семье теллем Ганаме (*Ganamê*) из деревни Йуга (*Yuga*, Регион Мопти, округ Бандиагара, сельская коммуна Сангхаи). К этому следует добавить, что иной раз естественная кривизна деревянной заготовки встречается в скульптурах, приписываемых теллем.

Илл. 3. «Фетиш» *ankanja dumbo*. Дерево, резьба. Высота 26 см. Сделан в семье теллем Ганаме (*Ganamê*) из деревни Йуга (*Yuga*, Регион Мопти, округ Бандиагара, сельская коммуна Сангхаи). Конец 1930-х — начало 1940-х гг. (*фото П. А. Куценкова*)

Жюстен Гиндо воспринимается жителями деревни как хранитель местной традиции, знаток истории и искусства. Именно поэтому информация, полученная от него, особенно ценна, так как представляет своего рода аккумулированный опыт, по крайней мере, всего клана Гуруван и, в определенной мере, всей деревни Энде. Через его руки проходит большое количество скульптуры не только из соседних деревень, но и других художественных центров. Кроме того, что он прекрасно разбирается в особенностях иконографии и пластической трактовки различных региональных памятников. Сначала он представлялся нам очень разборчивым коллекционером-знатоком,

отбирающим для своего собрания лучшие памятники. Однако из разговора, где речь пошла о его деятельности скульптора и собирателя, выяснилось, что его действия по отбору памятников — не столько коллекционирование, сколько сбор предметов, важных для культурной памяти деревни и всех догонов. Он каталогизирует эти памятники, чтобы информация о них осталась будущим поколениям, то есть выступает, скорее, как хранитель и исследователь, а не как частный коллекционер.

В целом, история о том, как были получены сведения о ногом, очень поучительна, в смысле методики проведения опросов среди догонов. Вопросы должны быть точно сформулированы: проводящий опрос этнограф получает ответ только о том, о чем он спрашивал. В данном случае, на вопрос о заброшенных деревнях толой догоны совершенно откровенно отвечали, что таковых в районе деревни Энде нет — поскольку там до-теллемское население называется иначе. Положение осложняется еще и тем, что термин «теллем» во всех посещаемых нами деревнях и на юге, и на севере Страны догонов понимается одинаково, а это создает иллюзию универсальности и термина «толой». Если же спросить о «до-теллемских» поселениях в районе Энде, то вы немедленно получаете утвердительный ответ. Такой способ давать ответы на совершенно ясные, с нашей точки зрения, вопросы может породить впечатление, будто культура догонов насквозь эзотерична и информация о предшественниках теллем скрывается от посторонних. Спору нет — в культуре догонов имеются скрытые от постороннего элементы, однако мнение об абсолютной закрытости их культуры, мягко говоря, сильно преувеличено.

3. В ходе экспедиции был продолжен сбор коллекций предметов этнографии и искусства догонов (всего около ста вещей), в том числе, и несколько предметов теллем (X–XVI вв. — эти и некоторые другие предметы должны быть датированы по C^{14}). В целом, собранные предметы искусства и быта подтверждают ранее сделанный вывод о большом разнообразии искусства догонов — разнообразии настолько широком, что оно лишает смысла любые рассуждения о существовании в скульптуре этого народа единого этнического стиля[3] (рассуждения, в которых повинен и один из авторов этой статьи, П. А. Куценков [Куценков, 1990, с. 83–89]). С другой стороны, в очередной раз было подтверждено ранее сделанное наблюдение относительно существования в материальной культуре догонов своеобразных «маркеров» этничности — определенных жанров декоративно-прикладного искусства (дверные засовы) и иконографических типов (фигуры с поднятыми руками, обозначающие обряд вызывания дождя).

Несомненным успехом экспедиции можно считать идентификацию южной школы бронзового литья и подтверждение ее связи с бронзовым литьем народа моси (Буркина-Фасо). Речь идет о школах деревни Йаджанга (округ Коро на границе с Буркина-Фасо) и деревни Тинтан на севере Страны догонов, в округе Бандиагара.

На протяжении четырех лет продавцы едва ли не всех бронзовых изделий в деревне Энде на вопрос о происхождении этих предметов неизменно отвечали, что происходят они из деревни Йаджанга (*цветная вклейка, фото 3*), рядом с городом Коро. Стиль этих скульптур и ювелирных украшений (*илл. 4–7*) заставлял предположить связь

[3] См., например, [Мириманов, 1986, с. 76].

со школой бронзового литья народа моси (Буркина-Фасо) [4]. Однако достоверными сведениями о происхождении семьи кузнецов из Йаджанга до января 2019 г. мы не располагали. Единственным косвенным доказательством связи школы Йаджанга с моси было то, что деревня эта находится совсем рядом с границей с Буркина-Фасо.

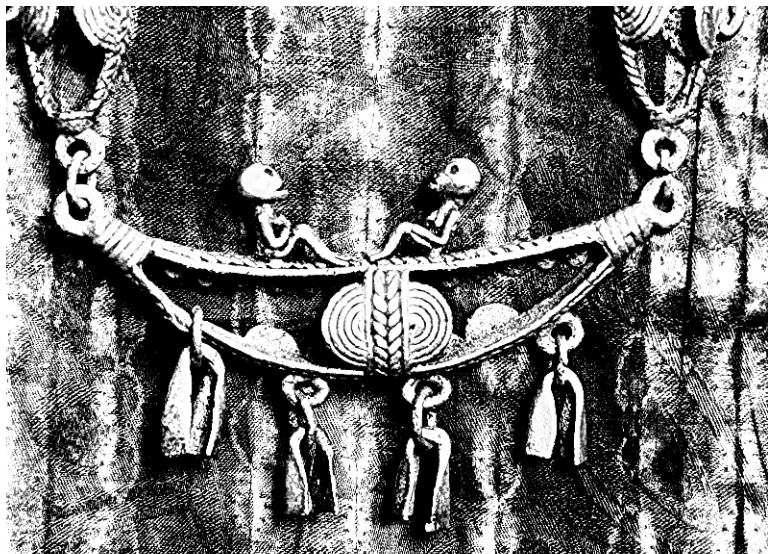
Илл. 4. Всадник. Латунь, литье в технике утраченного воска. 8,2 х 8,9 х 3,2 см. Кузнецы Зороме, деревня Йаджанга. Конец XX — начало XXI в. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 5. Ясигине (женщина – член Общества масок у догонов). Бронза, литье в технике утраченного воска. 13 см. Кузнецы Зороме, деревня Йаджанга. Конец XX — начало XXI в. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 6. Павиан. Бронза, литье в технике утраченного воска. 8,4 х 9,5 х 2,5 см. Абдулайе Зороме, деревня Йаджанга. 2009/2010 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 7. Ожерелье вождя для торжественных выходов (фрагмент). Латунь, литье в технике утраченного воска. 36 х 13 см. Малик Зороме. Конец 2000-х гг. (*фото П. А. Куценкова*)

[4] Следует отметить, что, несмотря на то что бронзовые изделия моси широко представлены и в музеях, и в частных собраниях, изучены они пока явно недостаточно, и до сих пор им посвящены немногие публикации (см.: [Ferreol, 1996; Roy, 1982]).

Илл. 8. Восковые модели для литья, выполненные Маликом Зороме. Деревня Йаджанга. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 9. Всадник. Бронза, литье в технике утраченного воска. 11,5 х 16,5 х 3,5 см. Скульптура была найдена на дороге кожевенником из деревни Титан Мамаду Кассамбара в 2016 г. Предположительно, школа Тинтан. Не позднее середины XX в. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 10. Сидящий человек. Бронза, литье в технике утраченного воска. 10 х 5 х 2,9 см. Школа Тинтан. Не позднее конца 1980-х гг. (*фото П. А. Куценкова*)

При посещении деревни выяснилось, что кузнецы Зороме (*Zoromé*, клановое имя моси) переселилась в деревню Йаджанга около ста лет назад с территории современной Буркина-Фасо. Однако по происхождению они не моси — по словам Малика Зороме, когда-то, очень давно, они переселились туда из Страны догонов, из деревни Сангха

(т. е. не исключено, что по происхождению они теллем). Показательно, что техника литья в Йаджанга, по словам самих мастеров, типична именно для Сангха. Следует отметить, что в целом бронзовое литье в технике утраченной восковой модели (*илл. 8*) одинаково в обеих четко дифференцируемых школах — южной (деревня Йаджанга) и северной (деревня Тинтан, *илл. 9–11*), однако стилистически они действительно различаются между собой. Для севера более всего характерны относительно крупные формы, с немногочисленными деталями и декоративными элементами, что заметно даже в ювелирных изделиях вроде набора воинских амулетов (*илл. 11*). Для юга, напротив, типичны более дробные формы, присущие именно ювелирным украшениям (*илл. 7*). Доля последних в производстве семьи Зороме очень велика. Однако сплошь и рядом встречаются исключения, вроде маленькой, но отличающейся крупными формами фигурки павиана (*илл. 6*).

Илл. 11. Набор воинских амулетов. Бронза, литье в технике утраченного воска. Размер крайнего справа — 7,3 х 4,2 см. Школа Тинтан. Не позднее конца 1980-х гг. (*фото П. А. Куценкова*)

Илл. 12. Фетиш Амадengуоти (*Amadengwôty*). Дерево, резьба, 30 х 10 х 10 см. Деревня Тендели (*Tendéli*, *Tenndéli*). Не позднее начала 1970-х гг. (*фото П. А. Куценкова*)

Можно констатировать также явное изменение отношения догонов к культовым предметам. Ранее они воспринимались как «фетиши» par excellence: такие предметы, оставшиеся после умерших людей, всегда уничтожались, поскольку никто не мог знать, для чего именно они были предназначены. Часто «фетиши» уничтожались и при переходе данной семьи в ислам. Теперь в них видят произведения искусства и хороший товар для продажи коллекционерам (но не обычным туристам, которым продают по преимуществу специально сделанные на продажу вещи, иной раз очень высокого художественного качества).

В этом отношении показательна история очень редкого фетиша Амаденгуоти

(*Amadengwôty*, т. е. защитник деревни) из деревни Тендели (*Tendéli*, *Tenndéli*) в сельской коммуне Копорокендье-На (*Koporokendie Na*, *Koporo-Kenié-Na*) в округе Коро. Как сообщил нам житель этой деревни Амаду Гиндо, очень давно, «тысячу лет назад», в деревню пришел однорукий человек, которого звали Аманангале (*Amanangalê*). Все сразу поняли, что он великий колдун, живой фетиш, защитник деревни. Человек этот делал амулеты и фетиши, которые обладали огромной защитной силой. Когда Аманангале умер, люди сделали изображавшую его фигуру и стали приносить ему жертвы. Каждые сорок–пятьдесят лет старую фигуру меняли на новую — после того как новый фетиш готов, самые уважаемые люди деревни собираются вокруг старой фигуры, поливают землю вокруг него жертвенной кровью и уговаривают дух Аманангале переселиться в новую фигуру. После того как Аманангале принимал приглашение, старую скульптуру сжигали. Та фигура, что представлена на *илл. 12*, стала первой, которую не сожгли, а продали, поскольку деревня испытывает большие экономические трудности. Для этого к нам, в Энде, и отрядили Амаду, который и исполнил данное ему поручение. Сделана эта скульптура была сорок пять–пятьдесят лет назад (дата была установлена на основании сведений о том, что еще жив сын человека, выполнившего фетиш, и ему сейчас пятьдесят четыре года).

Нам также удалось получить несколько десятков детских рисунков, чрезвычайно важных для понимания системы восприятия догонов. На террасе Музея деревни Энде при любезном содействии школы и Попечительского совета Музея был проведен своего рода открытый урок среди детей среднего школьного возраста. Перед ними была поставлена задача нарисовать свою деревню или памятник из Музея, характеризующий ее культуру. Стоит отметить, что набор мотивов, связанных с представлениями о своей малой родине, оказался достаточно ограниченным, и среди них четко выделялись этнодифференцирующие символы догонской культуры, такие, как маски, тогуна, и изображение орла. В сравнении со свободным рисованием детей младшего школьного возраста можно отметить, что эти образы, по-видимому, задаются школьным образованием и складываются не сразу: дети помладше их не используют, однако уже умеют рисовать по клеткам тетради — точно так же, как и старшие. С куда бóльшим интересом младшие выводят буквы и воспроизводят прописи, нежели занимаются свободным рисованием. При копировании изображения перерисовывание происходит через восприятие целостного силуэта, который воспроизводится единой непрерывной линией или начиная с какой-то мелкой детали, вдруг особенно привлекшей внимание ребенка. Во всех случаях изображения распластаны по изобразительной поверхности, тяготеют к профильности, без использования ракурсов. Теми же характеристиками обладали и росписи «кабаре» в деревне Джигибамбо, выполненные взрослыми.

4. Были получены новые сведения о религиозной ситуации и межконфессиональных отношениях в Стране догонов. Они подтверждают ранее сделанные наблюдения относительно зафиксированных в ходе экспедиции 2017 г. частичного отхода от ислама и возврата к традиционной религии части догонов. При этом, в Стране догонов отсутствует почва для межконфессиональных конфликтов. Так, в уже упоминавшейся выше деревне Йаджанга творит чудеса католический священник о. Габриель Сагара — он исцеляет страждущих, которые в ожидании чуда живут в лагере (*цветная вклейка, фото 4*) в паре километров к югу от деревни. К сожалению, нам

не удалось поговорить с самим священником, бывшим в отъезде. Однако его сестра и помощница Адель рассказала об организации жизни общины. Следует заметить, что распорядок в лагере организован очень рационально — там поддерживаются идеальный порядок и чистота, налажено снабжение продуктами и водой. Особенно же бросается в глаза царящий там межконфессиональный мир: в лагере в ожидании чуда исцеления живут и христиане, и мусульмане, и язычники, и никто никого не побуждает к переходу в христианство. Как говорят в Йаджанга, «религия не имеет значения — важна вера». Люди приходят туда со всей Республики Мали и из соседних стран, вплоть до Мавритании.

Илл. 13. Железное кованое распятие в католической церкви деревни Бенемату. Высота ок. 17 см. Кузнец по прозвищу Косебе из тиге Карамбе, деревня Дурру. 2013/2014 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Следует отметить, что такая глубокая религиозность, сочетающаяся с равнодушием к конфессиональной принадлежности, характерна и для догонов, и для всех малийцев. К слову, по опыту посещения деревень Бенемату, Джигибамбо, Сонингхе и Йаджанга можно сделать вывод, что верным признаком того, что в деревне много приверженцев традиционной религии, служит наличие и церкви, и мечети — это значит, что борьба за души «язычников» еще не окончена, и исход ее отнюдь не предрешен. В Стране догонов мы неоднократно сталкивались с удивительными примерами «межконфессионального сотрудничества» — так, в католической церкви в деревне Бенемату на алтаре стоит железное кованное распятие (*илл. 13*), по форме очень напоминающее навершие вполне языческой маски Канага, а выковано оно кузнецом-мусульманином по прозвищу Косебе (*kosɛbɛ*), что на бамананкан значит «много» (в том смысле, что он «много чего делает»). Самым монументальным сооружением деревни является свинарник, построенный совместно местными анимистами и христианами для собственных гастрономических нужд точно посередине дороги между христианским и «языческим» кварталами; площадь, где проводятся свои церемонии анимисты, находится в их квартале, но являются на них все жители деревни — и христиане, и мусульмане, и, разумеется, приверженцы традиционной религии.

5. Получены сведения о системе родства догонов, которые могут быть использованы для реконструкции истории сложения системы джаму, характерной для

народов Западной Африки. У манден и многих других народов их около тридцати[5]. У догонов таких имен (тиге, *tigé* на многих догонских языках) больше ста, что само по себе говорит о том, что догонские джаму заметно отличаются от манденских.

Особенно же интересно то, что, возможно, впервые удалось получить сведения о структуре тиге догонов, обычно скрытой для посторонних. Выяснилось, что она значительно сложнее, чем принято было считать. Так, населяющие деревню Энде носители тиге Гиндо вовсе не едины — они делятся на несколько кланов, причем, названия кланов не совпадают с клановыми именами: так, в квартале Огоденгу (Ogodengou) люди клана Энде Ко (*Endé Ko*, *Ené Ko*) носят клановое имя Кокуме (*Kokumɛ*), клана Гуруван (*Guruwan*, *Gouran*) — Яссанга (*Yassanga*), и т. д. Деревня Сонингхе, откуда пришли жители Энде, имеет как бы свое «отражение» в «дочерней» деревне: там есть те же кланы, что и в Энде. Не исключено, что в культуре догонов сохранился архаичный вариант системы джаму, характерной для Западной Африки, и ее дальнейшее изучение способно пролить свет на историю формирования последней.

В ходе экспедиции было подтверждено, что разные группы догонов имеют разные брачные обычаи — на юге Нагорья кланы догонов экзогамны, а на севере — эндогамны. Там прослеживаются и отчетливые следы эпигамии в виде кузенного брака (деревня Тинтан, информант Мамуду Кассамбара, племянник вождя деревни).

6. Уточнены данные по устным традициям догонов в сравнении с устными традициями бамбара (см. [Завьялова, 2009]), для чего был проведен опрос гриотов деревни Энде. Эти данные приведены в *табл. 1*, однако, они нуждаются в дальнейших уточнениях.

Заключение

Экспедиция 2019 г. на Нагорье Бандиагара подтвердила ранее сделанные наблюдения относительно эволюции культуры догонов в последние 40–50 лет, а также принесла новые, иной раз, довольно неожиданные сведения. К их числу следует отнести расширение географии наших исследований, а также получение данных о существовании в окрестностях деревни Энде до-теллемских поселений, причем, как утверждали наши информанты, им известно их самоназвание — «ногом». Косвенно это подтверждает ранее сделанный вывод относительно ассимиляции теллем пришельцами-догонами, которые несколькими группами приходили на Нагорье Бандиагара в XI–XIX вв.; дело в том, что, по утверждению наших информантов, «ногом» — самоназвание до-теллемского населения, и, если теллем могли узнать его непосредственно от своих предшественников, то догоны могли получить эти сведения только от теллем. Можно также предположить, что теллем также ассимилировали ногом и, таким образом, в культуре современных догонов, возможно, сохранились еще какие-то элементы культуры ногом. Немаловажным результатом экспедиции стал также дальнейший сбор коллекции искусства этого народа, в том числе, и нескольких артефактов, чье авторство приписывается теллем, а также догонских имитаций произведений искусства теллем. В любом случае, эта информация очень важна для реконструкции истории миграций на Нагорье — истории, которая с каждой новой

[5] Подробно о системе джаму см.: [Богачева и др., 2015].

экспедицией усложняется все больше и больше. Несомненно также, что исследования должны быть продолжены.

Табл. 1. Данные по устным традициям догонов в сравнении с устными традициями бамбара

ТЕНКАН	БАМАНАНКАН
talè, talen, pari Специализированные, «профессиональные» сказки, рассказываемые специальными гриотами. Их очень мало, и в коммуне Кани-Бонзон, куда входит деревня Энде, их сейчас нет.	**ntalen; nsàna (nzàna)**
ini Обычные сказки, которые могут рассказываться всеми желающими. У манден существует специальный жанр **ntalenjan,** «длинные сказки» (как правило, волшебные). Но догоны не делают различия между «длинными» и «короткими» сказками.	**nsiirin**
logû (logou), хвалебные песни в честь героев, храбрецов. Делятся на два жанра: 1. **anran logû (logou)** — предназначенные для всех, общедоступные; 2. **ôgo logû** — эзотерические повествования, предназначенные исключительно для вождей, огонов. В некоторых деревнях, где нет гриотов, **ôgo logû** является делом самих огонов (Семари в культурно-исторической области Бондум на севере Страны догонов, язык бонду-со).	**jajon/janjo**
benikajé любые «старые, древние» повествования, в т. ч., и этиологические мифы.	**ngalenkuma**

Литература / References

Богачева Е. А., Горшенев А. А., Маслов А. А. Имена джаму, распространенные среди народов Западного Судана, их значение и отношения между ними // *Вестник СПбГУ*. 2015. Сер. 13: *Востоковедение. Африканистика*. Вып. 4. С. 50–66 [Bogacheva E. A., Gorshenev A. A., Maslov A. A. The Names of Jamu, Common among the Peoples of Western Sudan, Their Meaning and Relations between Them // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 13: *Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2015. 4. Pp. 50–66 (in Russian)].

Завьялова О. Ю. Сказки народов манден — классификация по видам // *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Сер. Гуманитарные науки*. 2009. № 3. С. 77–82 [Zav'ialova O. Yu. Tales of the Manden Peoples — Classification by Species // *Vestnik Iaroslavskogo gosudarstvennogo universiteta im. P. G. Demidova. Ser. Gumanitarnye nauki*. 2009. 3. Pp. 77–82 (in Russian)].

Завьялова О. Ю. Система и понятие джаму у манден (Гвинея) по устным источникам // *Вестник СПбГУ*. Сер. 13: *Востоковедение. Африканистика*. 2016. Вып. 3. С. 101–115 [Zav'jalova O. Yu. The System and Concept of Jamu Manden (Guinea) According to Oral Sources // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta*. Ser. 13: *Vostokovedenie. Afrikanistika*. 2016. 3. Pp. 101–115 (in Russian)].

Куценков П. А. *Этнос и его искусство: Западный Судан. Процессы стилеобразования*. М., 1990 [Kutsenkov P.A. *Ethnos and Its Art: Western Sudan. The Processes of Style Forming*. Moscow, 1990 (in Russian)].

Мириманов В. Б. *Искусство Тропической Африки. Типология, систематика, эволюция*. М., 1986 [Mirimanov V. B. *Art of Tropical Africa. Typology, Systematics, Evolution*. Moscow, 1986 (in Russian)].

Ferreol E. Le travail de bronze à Ouagadougou: essai pour une approche historique // *Burkina Faso, cents ans d'histoire, 1895–1995: actes du premier colloque international sur l'histoire du Burkina, Ouagadougou, 12–17, décembre 1996*. Vol. 2. Paris, 1999. Pp. 2111–2139.

Leloup H., Rubin W., Serra R. *Dogon Statuary*. Strasbourg, 1994.

Mayor A., Huysecom E. "Toloy", "Tellem", "Dogon": une réévaluation de l'histoire du peuplement en Pays dogon (Mali) // *Regards scientifiques sur l'Afrique depuis les indépendances*. Paris, 2016. Pp. 333–350.

Roy C. D. Mossi Chiefs' Figures // *African Arts*. 1982. 15.4. Pp. 52–59.

Фото 1. Дорога к деревне Бенемату, Мали. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Фото 2. Христианский квартал в деревне Бенемату, Мали. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Фото к статье П. А. Куценкова, Д. В. Ванюковой, Н. В. Лаврентьевой «Экспедиция в Республику Мали (Страна догонов, регион Мопти) в январе 2019 г.

Фото 3. Деревня Йаджанга, Мали. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

Фото 4. Лагерь ожидающих чуда исцеления в деревне Йаджанга, Мали. Январь 2019 г. (*фото П. А. Куценкова*)

«СДЕЛАЛ ОН ПАМЯТНИК ЭТОТ»: СТРОИТЕЛЬНЫЕ СЛОИ МЕРОИТСКОГО ВРЕМЕНИ В ХРАМЕ АБУ ЭРТЕЙЛЫ (СУДАН)

М. А. Лебедев*

В статье обсуждается проблема изучения строительного горизонта в мероитском храме I в. н. э. в Абу Эртейле, где ведет раскопки совместная российско-итальянская экспедиция. Подробно рассматриваются строительные слои, обнаруженные в центральной части главного храма (помещения 24–27 и 34–37). Делается вывод о том, что подготовка храмовых полов шла параллельно с возведением и оформлением стен, перекрытий и колонн. Засыпка помещений подготовительными слоями, которые служили основой для глинобитных или каменных полов, происходила, вероятно, постепенно и в следующей очередности: наос, пронаос, гипостиль, а затем помещения к югу от основной трехчастной структуры храма. Важно, что эта засыпка проводилась по мере развития всего строительства, о чем свидетельствует постепенное увеличение в ее составе содержания фрагментов разрушенных кирпичей. Статья демонстрирует, что последовательное изучение строительного горизонта может предоставить в распоряжение исследователей важную информацию о технике строительства, этапности возведения помещений и логике использования древними мастерами имеющихся ресурсов.

Ключевые слова: Судан, Абу Эртейла, Мероитский период, храм, археология, строительные технологии.

"I MADE THIS MONUMENT": CONSTRUCTION LAYERS OF THE MEROITIC PERIOD IN A TEMPLE AT ABU ERTEILA (SUDAN)

Maksim A. Lebedev

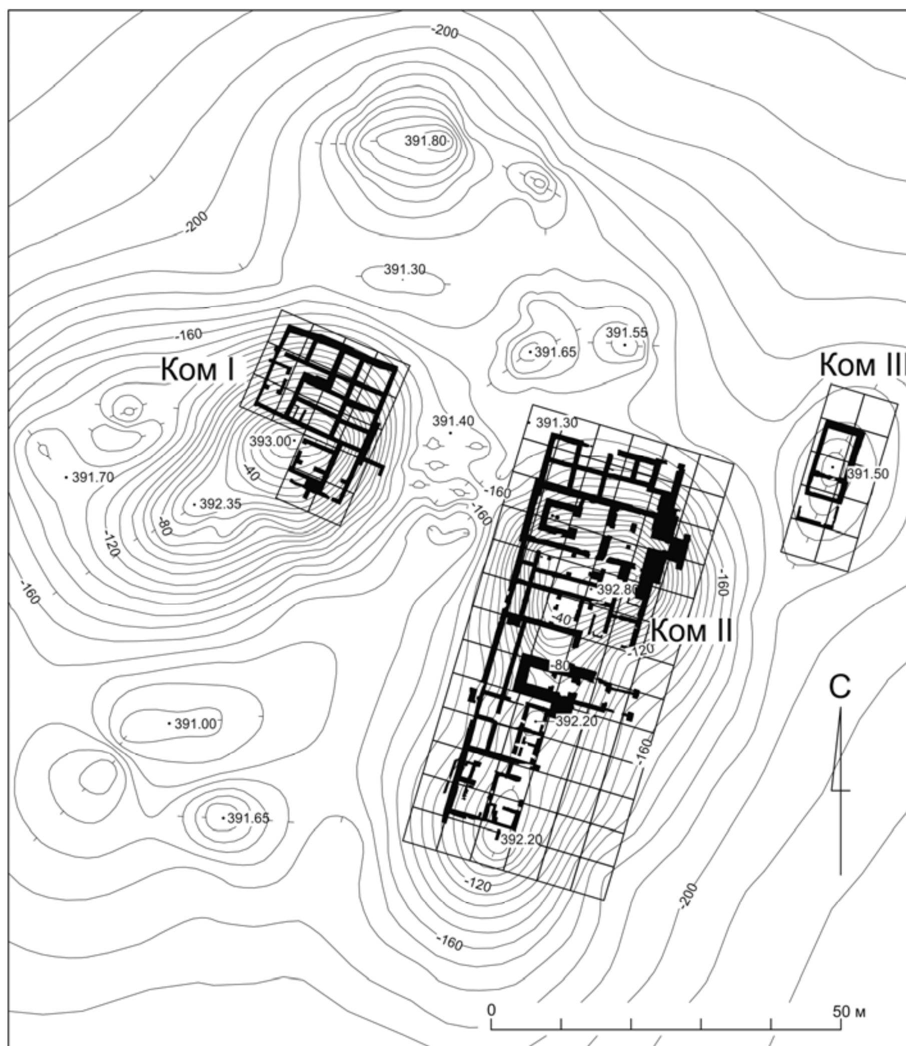
The paper is devoted to the problem of the study of the construction phase of the main temple at Abu Erteila dated back to the 1st century A.D. and excavated by the joint Russian-Italian mission. The article discusses construction layers recorded in the central part of the main temple in rooms 24–27 and 34–37. The provided data allows assumption that preparation of temple floors went hand in hand with the construction of walls, columns, and the roof. Filling of the discussed rooms with level layers presumably followed the successive order (*naos*, *pronaos*, hypostyle hall, and then rooms to the south of the main temple tripartite structure) evidenced by the amount of brick rubble found below the floors of corresponding rooms. The paper argues that careful analysis of construction layers may help in establishing building phases, ancient building techniques, and patterns of resource management.

Keywords: Sudan, Abu Erteila, Meroitic Period, temple, archaeology, building techniques.

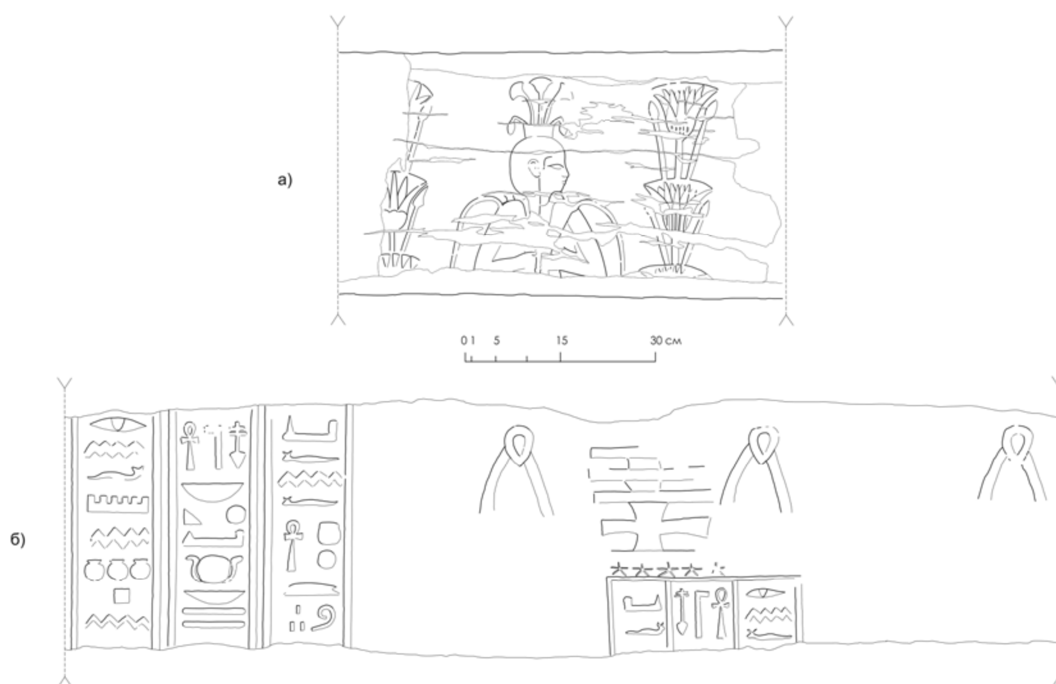
* Максим Александрович ЛЕБЕДЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; maximlebedev@mail.ru

Maksim A. LEBEDEV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; maximlebedev@mail.ru

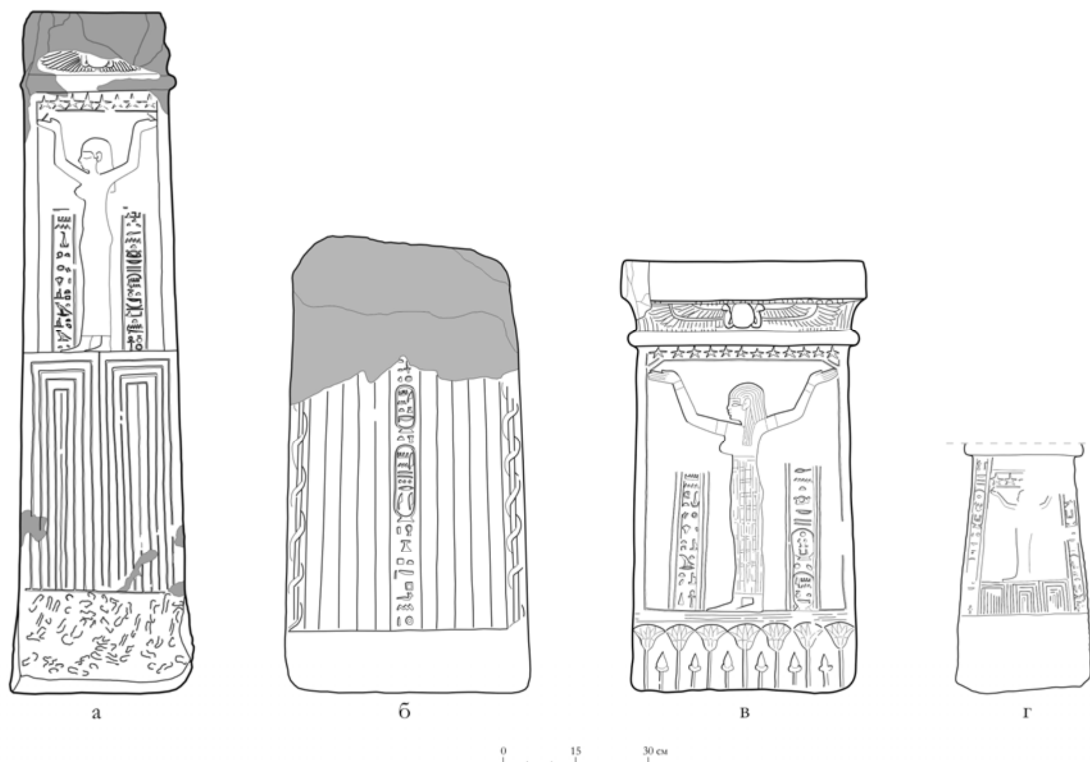
В 2011 г. Российско-итальянская экспедиция в Абу Эртейле заложила первый шурф в южной части так называемого Кома II — большого искусственного холма, вытянувшегося с севера на юг более чем на 75 м (*илл. 1*). Это был третий сезон совместной экспедиции, и работы до этого проводились в основном на соседнем холме — Коме I. Никто в то время не знал, что ждет исследователей на новом месте. Однако первый же шурф подарил интересные результаты: несколько разновременных каменных и кирпичных кладок, а также два барабана от колонн. На первом сохранилось рельефное изображение нильского бога Хапи в обычном для него головном уборе из цветов и бутонов лотоса. Такие изображения были типичны для колонн в мероитских храмах. На втором барабане изображений не было, но сохранилась часть надписи, начинавшаяся словами: «Сделал он памятник этот […]» (*илл. 2*). То было царское посвящение неизвестному богу. Стало ясно, что где-то совсем близко находится храм или даже целый храмовый комплекс. Но найти его было непросто.

Илл. 1. Общий план раскопанных зданий на памятнике Абу Эртейла (*рис. С. В. Ветохова, геодезическая съемка П. А. Морозова и С. В. Меркулова*)

Илл. 2. Оформление колонн, найденных в помещении 2 на Коме II в 2011 г.:
а) фрагмент с Хапи; *б)* фрагмент с надписью (*рис. автора*)

Илл. 3. Эпиграфические памятники, найденные на территории главного храма:
а) подставка из помещения 26 (наоса); *б)* алтарь из помещения 26 (наоса);
в) большая подставка из помещения 36; *г)* малая подставка из помещения 36 (*рис. автора*)

Прошло четыре года, прежде чем экспедиция обнаружила главную святыню древней Абу Эртейлы — каменный алтарь в святилище основного храма[1] (*илл. 3*). Найденные на нем и на обнаруженной рядом подставке под священную барку картуши позволили, наконец, узнать имена правителей, которые возвели этот комплекс: царь Натакамани, его жена или родственница Аманиторе, а также их наследник — принц Шоркарор. Они управляли Мероитским царством приблизительно в первой четверти I в. н. э.

Годом ранее экспедиция впервые смогла познакомиться с самыми древними слоями под главным храмом и дойти до материка. Появилась возможность прикоснуться к тем людям, которые возводили при Натакамани памятник богам в устье Вади эль-Хавад — главного водосборного бассейна и важнейшей контактной зоны близ столицы государства Мероэ [Лебедев, 2019]. На протяжении следующих четырех сезонов экспедиция продолжала изучать строительный горизонт под полами в других помещениях храмового комплекса. Настоящая статья призвана ответить на вопрос о том, что же мы узнали о самом раннем периоде в истории главного храма Абу Эртейлы. О периоде, который закончился с первой службой в святилище.

Помещение 26 (наос)

Помещение 26 — это главное святилище большого храма Абу Эртейлы (*илл. 4; цветная вклейка, фото 5*). Его пол был замощен при Натакамани плитами из серого железистого песчаника. Мы бы, наверное, никогда не узнали, что скрывается под этим полом, если бы не счастливая случайность. Примерно во II в. н. э. храм, как и многие другие культовые и дворцовые подстроки в близлежащей округе [Török, 1997, p. 39], по неизвестной нам пока причине пришел в упадок, на его территории поселились люди. Эти люди продолжали поддерживать культ. А когда и они покинули разрушающийся храм, его руины были превращены, вероятно, в большую свалку. В это время на территории храма появилось несколько ям. Не исключено, что их рыли в поисках ценностей, так как некоторые из них располагались в углах, где могли находиться строительные заклады. Одна такая яма (50Р) уничтожила каменный пол в северо-западном углу главного святилища (*илл. 5*). Выбрав ее заполнение, мы смогли изучить строительный горизонт под плитами.

Никаких следов боле ранних конструкций под наосом не обнаружилось. Позднейшие шурфы в других помещениях подтвердили: главный храм строился на новой, не занятой прежде территории. Материк[2] был обнаружен на уровне 391,07–391,05 м[3]. Он представлял собой плотный серо-коричневый грунт с галькой в верхней части и белыми включениями кальцикрита[4] по всей толще. Такие отложения (местные жители называют их *зара*) характерны для естественных возвышений в районе Мероэ [Shinnie, Bradley, 1980, p. 27; Shinnie, Anderson, 2004, p. 53; Wolf, 2015, p. 115].

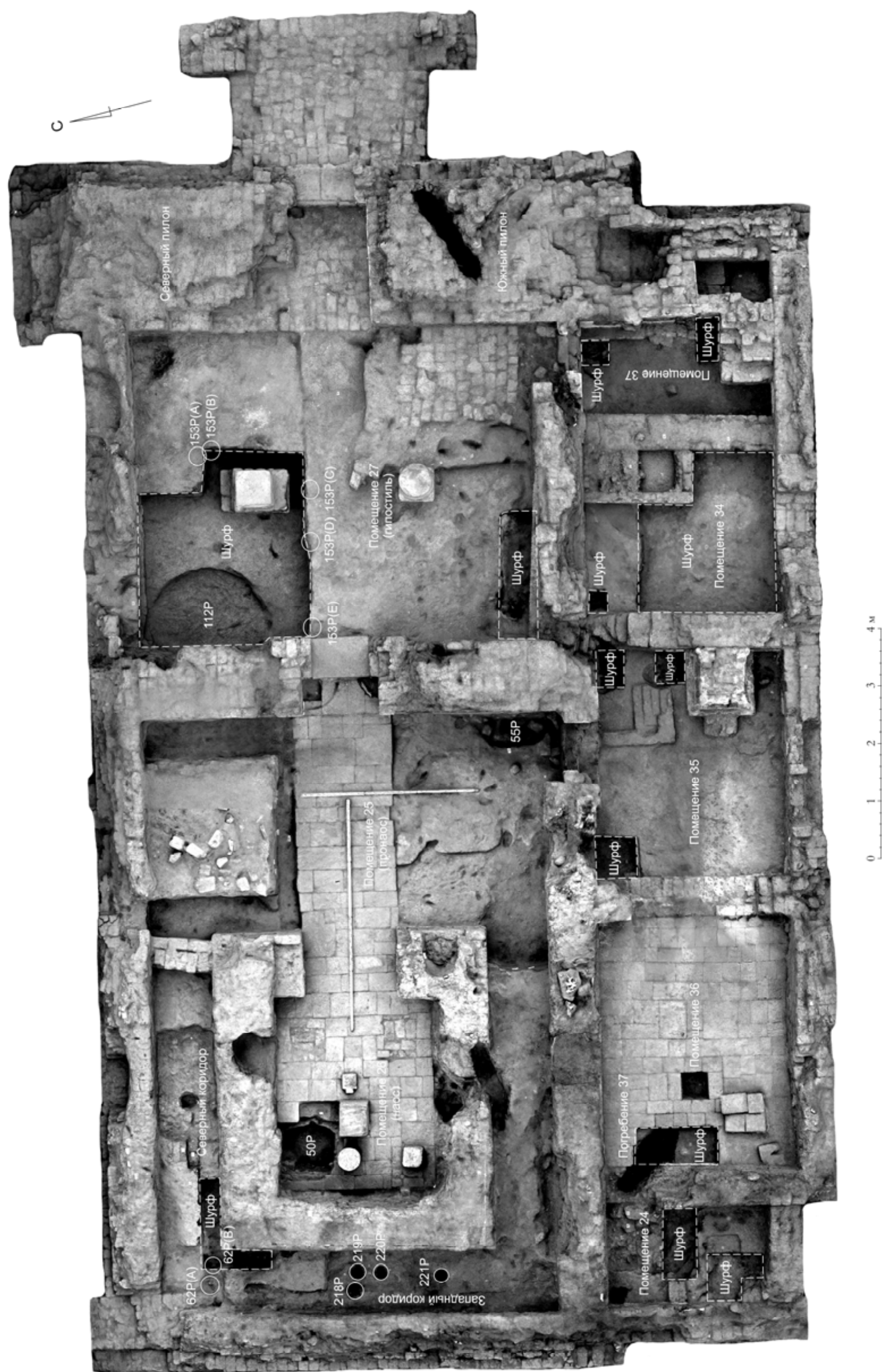
---

[1] Чуть южнее этого здания был раскопан еще один храм меньшего размера (малый храм).

[2] Археологический материк — слой, располагающийся под культурным слоем, не содержащий следов деятельности человека. — *Прим. ред.*

[3] Здесь и далее все высоты даются в абсолютных значениях над уровнем моря.

[4] Конгломераты с кальцитовым цементом, характерные для аридных зон.

Илл. 4. 3D модель раскопанных помещений с обсуждаемыми в тексте шурфами и ямами (*рис. автора*)

Чтобы выяснить как выглядела эта территория незадолго до строительства храма и какая растительность ее окружала, мы отобрали образец погребенной почвы с поверхности этого слоя (63L) [5]. Проведенный спорово-пыльцевой анализ [6] выявил необычно большое количество пыльцы якорца — однолетнего растения, предпочитающего уплотненные субстраты, вытоптанные человеком или скотом. Его доля превышала 70 %. Также было отмечено значительно участие пыльцы злаков (21 %), которая могла принадлежать травам. Остальные таксоны были представлены единично [Лебедев, Трошина, 2018, с. 102]. Сегодня якорец на территории памятника не растет, зато регулярно встречается ближе к Нилу. Можно предположить, что в I в. н. э. близ будущего Кома II было несколько влажнее, и почва, возможно, регулярно вытаптывалась. В целом это соответствует нашим представлениям о том, что в Мероитский период устье Вади эль-Хавад играло значительную роль в скотоводстве [Лебедев, 2018, с. 27, 37, 43], а идентичный современному климат установился здесь лишь в эпоху Средневековья [Yahia Fadl Tahir, 2017, p. 236–238].

Илл. 5. Яма 50P в помещении 26 (*фото автора*)

[5] Мы старались копать, последовательно выбирая отдельные стратиграфические объекты (контексты, или локусы). Каждому контексту давался свой номер и буквенное обозначение. Например, L для слоя (layer) и P ямы (pit).

[6] Упомянутые исследования проводились А. А. Трошиной в лаборатории Коломенского археологического центра в рамках проекта РФФИ № 17-06-00726 «Естественнонаучные методы в изучении физических условий жизни, хозяйственной деятельности и культовых практик населения Нильской долины в древности и раннем Средневековье».

Под фундамент западной стены главного святилища в материке была вырыта узкая траншея глубиной 11–12 см. Вполне возможно, что на эту стену предполагалась серьезная нагрузка, так как ее основание не только было углублено в материк, но и сложено из обожженных кирпичей. А вот северная стена помещения была полностью сырцовой и ее возведение началось прямо с существовавшей дневной поверхности. Когда стены комнаты поднялись в высоту, по крайней мере, на 2–3 ряда кирпичей, строители засыпали внутреннюю часть будущего наоса слоем плотной красно-коричневой супеси толщиной 10–12 см (56L). Судя по всему, для засыпки был использован местный материал, добытый с поверхности где-то неподалеку, так как он очень напоминает обычные для вади красно-коричневые отложения. На этот слой были положены плиты пола и поставлен алтарь (*илл. 5; цветная вклейка, фото 6*).

Помещение 25 (пронаос)

Для изучения строительного горизонта под помещением 25 в его северо-западном углу был сделан небольшой шурф. Кроме того, в юго-восточном углу пронаоса строительные слои удалось изучить благодаря еще одной поздней яме (55P). Стратиграфия строительного горизонта здесь была уже несколько более сложной. Так, в северо-западном углу комнаты поверх материка лежал слой, который также напоминал материк, но имел небольшое число искусственных включений — фрагментов сырцового кирпича (60L). Можно предположить, что этот слой образовался в результате выемки материкового грунта при рытье траншей под фундаменты стен. Впоследствии он смешался с фрагментами кирпичей, которые наверняка были в избытке на строительной площадке. В западном коридоре слой 60L лежал прямо поверх материка 63L. В северном коридоре, где траншею под северную стену наоса не рыли, этот слой отложился чуть позже. Вероятно, его принесли сюда в момент выравнивания поверхности по всему помещению 25. В результате в северном коридоре между слоями 63L и 60L оказалась песчаная прослойка (64L) толщиной около 2 см (*илл. 6*).

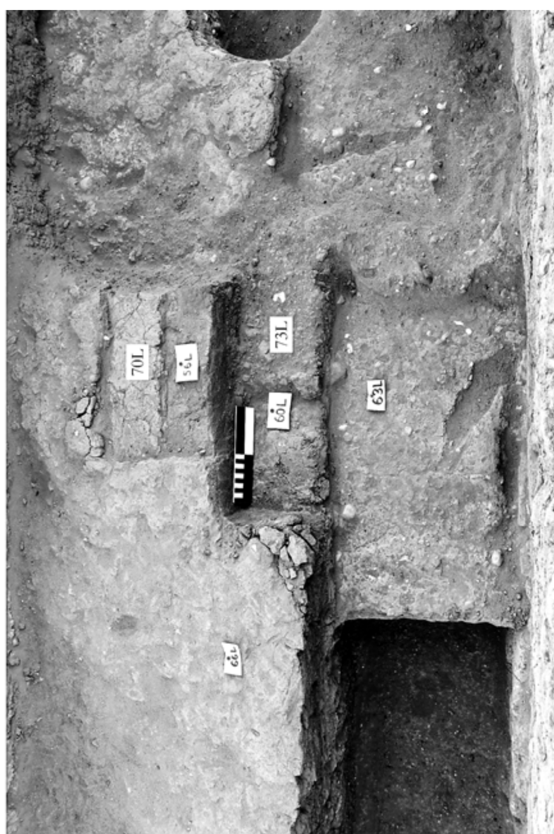
Слой 60L, вероятно, стал основной поверхностью, по которой ходили строители коридоров в 25 комнате. На него регулярно сыпалась сырцовая крошка (73L), образовывавшаяся по мере возведения кирпичных стен. В северном коридоре слой 73L имел толщину в 2–3 см, в западном коридоре он постепенно сходил на нет. Поверх сырцовой крошки на заключительном этапе выравнивания в коридоры был насыпан слой из уже знакомой нам красно-коричневой супеси (56L). Далее шел глинобитный пол из плотной светло-коричневой супеси (66L). Угли, найденные на полу, относились к растениям, которые были собраны в период между 210 г. до н. э. и 60 г. н. э.[7], что соответствует предполагаемому времени строительства храма в первой четверти I в. н. э. В северном коридоре между слоями 56L и 66L была обнаружена прослойка из сырцового раствора (70L) толщиной 2–3 см. Сырцовый раствор нередко встречается на мероитских памятниках в слоях подготовки под пол [Shinnie, Anderson, 2004, p. 24].

[7] Дата определена методом радиоуглеродного датирования в Лаборатории археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Г. И. Зайцева, С. А. Ришко), образец Le-11774. Все радиоуглеродные анализы проводились в рамках финансируемого РФФИ проекта 17-06-00726 «Естественнонаучные методы в изучении физических условий жизни, хозяйственной деятельности и культовых практик населения Нильской долины в древности и раннем Средневековье».

В восточной части комнаты строительный горизонт изучить столь же подробно не удалось. Однако нам известно, что под плитами в центральной части пронаоса и под глинобитными полами к северу и югу от него был насыпан все тот же слой красно-коричневой супеси. Но происходило это немного по-разному. Если глинобитный пол к югу от вымощенного центрального прохода был сделан прямо поверх основного выравнивающего красно-коричневого слоя, то к северу от него между полом и слоем 56L находилась прослойка из сырцового раствора (52L), аналогичная слою 70L в северном коридоре, но большая по толщины — до 9 см. Все это, вероятно, говорит о том, что сначала строители вымостили центральный проход, а уже затем были подготовлены глинобитные полы к северу и югу от него. Поскольку полы готовились по разной технологии (с применением сырцового раствора и без него) можно предположить, что они делались не одновременно, а по очереди или разными бригадами. Известно, что в Египте, например, строительство и оформление царских гробниц Нового царства велось двумя бригадами рабочих. Одна отвечала за левую от входа половину гробницы, а другая — за правую. Точно также же на левую и правую половины делились экипажи кораблей, а организация флота лежала в основе организации армии. Теоретически традиционная для речных цивилизаций дуалистичность могла проявиться и при организации строительства мероитских храмов. Тем более что этот процесс наверняка был в какой-то степени ритуализирован.

а

б

Илл. 6. Строительный горизонт с подготовительными слоями в северном (а) и западном (б) коридорах комнаты 25 (*фото автора*)

Примечательной особенностью строительного горизонта в коридорах помещения 25 было наличие шести ям (62P(A), 62P(B), 218P, 219P, 220P и 221P) (*илл. 4, 7*). Все они пробили подготовительные слои и достигли материка. При этом они были вырыты до насыпки финального пола, который их и скрыл. Таким образом, все ямы были связаны непосредственно со строительством храма. Ямы 219P, 220P, 221P и 62P(B) находились на одной линии. Точно так же на одной линии располагались ямы 218P и 62P(A). Все ямы имели приблизительно одинаковый диаметр 24–26 см, а их глубина варьировалась от 20 до 30 см. Можно предположить, что обнаруженные ямы были выкопаны для установки деревянных лесов, которые были необходимы для завершения верхней части стен и их оформления (стены были покрыты штукатуркой и затем покрашены или расписаны). В этом случае не удивительно, что ямы появились незадолго до насыпки финальных полов: сначала нужно было завершить все работы со стенами и перекрытиями, а затем уже делать чистовые полы. К сожалению, интерпретации этих стратиграфических объектов мешает отсутствие полной информации. Большая часть древних полов осталась невскрытой, поэтому у нас нет точных данных ни о числе этих ям, ни об их расположении. Часть ям теоретически могла быть использована под круглодонные сосуды.

В яме 62P(B) мы обнаружили фрагмент миски, внутренняя поверхность которой была покрыта голубым пигментом. Можно предположить, что миска с красителем использовалась при росписи стен[8], а после завершения работы была оставлена в яме то ли как ненужный мусор, то ли как строительный заклад. Второй вариант возможен, если допустить, что важные предметы, связанные со строительством храма, должны были остаться на его территории или рядом с ним. Менее крупные фрагменты керамики с различными пигментами являются обычной находкой в строительном горизонте храма Абу Эртейлы. Например, такой фрагмент, покрытый белым пигментом, был найден в близлежащей яме 218P (*илл. 7*).

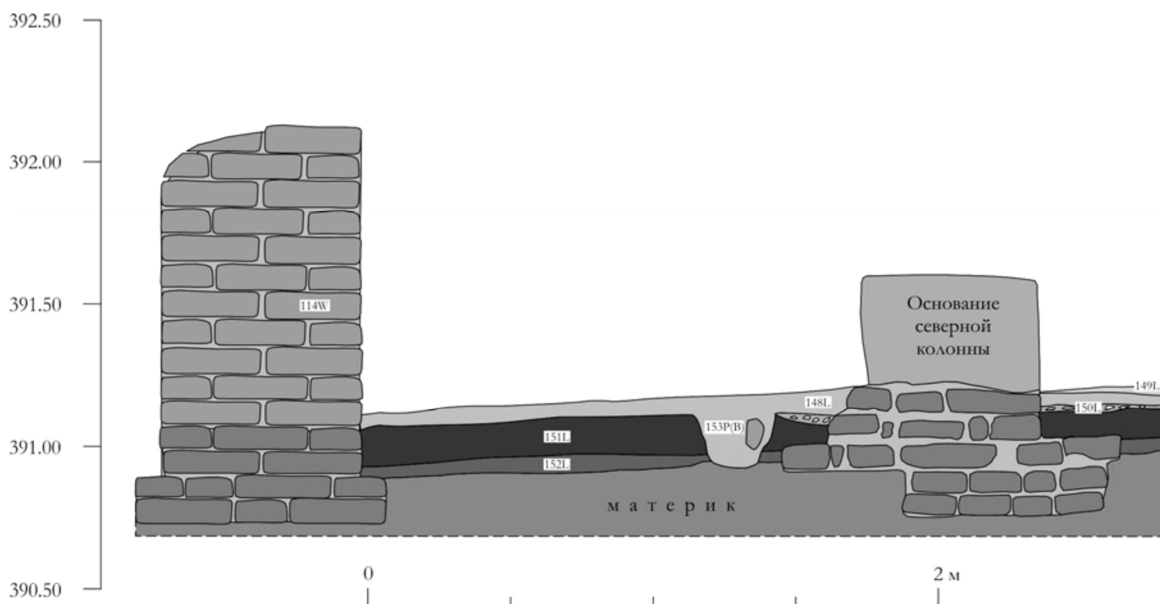
Илл. 7. Ямы в западном коридоре комнаты 25 на этапе обнаружения (*фото автора*)

[8] В ходе раскопок мы неоднократно находили фрагменты штукатурки с голубым пигментом.

Помещение 27 (гипостильный зал)

В колонном зале строительный горизонт удалось изучить благодаря большой поздней яме (112P), вырытой в северо-западном углу помещения (*илл. 4; цветная вклейка, фото 5–6*). Кроме того, один шурф был заложен вокруг основания северной колонны, а второй шурф – в юго-западном углу зала. Поверхность материка (63L) в западной и центральной частях помещения оказалась на 10 см ниже, чем под главным святилищем. Она была зафиксирована на уровне 390,95 м.

Под фундаменты северной колоны, а также западной и северной стен в материке были вырыты траншеи около 15 см глубиной, рассчитанные на два ряда обожженных кирпичей (*илл. 8; цветная вклейка, фото 7*). Как и в пронаосе, поверх материка был обнаружен слой из того же материала, но с фрагментами сырцовых кирпичей и песчаника. Этот слой получил обозначение 152L и был очень похож на 60L в помещении 25. Слой этот неоднороден. Количество включений из сырца и песчаника увеличивалась с запада на восток. Одновременно в северной части, ближе к стене, было больше сырца, а в центральной, ближе к каменным колоннам, — битого песчаника. Поверх этого слоя находилась все та же красно-коричневая супесь (151L). В этом подготовительном слое была найдена дисковидная стеклянная бусина, а на его поверхности находились линзы (небольшие скопления) из битого песчаника (150L) и золы (147L). Судя по всему, это были отходы строительной деятельности, оставленные рабочими, которые оформляли колонный зал. Угли, взятые из 147L на радиоуглеродный анализ, показали, что сгоревшие растения были собраны в период между 60 г. до н. э. и 90 г. н. э.[9], что, опять же, соответствует датировке храма по эпиграфическим источникам. Чистовой глинобитный пол (148L) был сделан поверх линз золы и битого песчаника.

Илл. 8. Стратиграфия строительного горизонта в северной части комнаты 27 (*рис. автора*)

[9] Лаборатория археологической технологии Института истории материальной культуры РАН (Г. И. Зайцева, С. А. Ришко), образец Le-11588.

В шурфе вокруг основания северной колонны, как и в западном коридоре пронаоса, было выявлено пять небольших ям: 153P(A–E). Все они, опять же, были около 25 см в диаметре и глубиной в основном от 20 до 30 см. Ямы относились к разным этапам строительства. Так, ямы 153P(A) и 153P(D) были самыми ранними, их вырыли в начале строительства, когда на материке лежал лишь слой 152L. А засыпали при выравнивании поверхности слоем красно-коричневой супеси (151L) и битым песчаником (150L). Затем по какой-то причине были вырыты три новые ямы, которые ликвидировали уже только на стадии чистового пола. Поскольку почти все выявленные ямы находились около северной колонны, можно предположить, что они использовались для лесов, которые были нужны во время ее возведения и затем оформления. К сожалению, в северо-западном углу колонного зала строительный горизонт был полностью уничтожен поздней ямой, и мы не знаем, были ли там подобные же небольшие ямы и, если да, то как они располагались. Еще одна похожая яма (133P) диаметром 25–30 см была найдена в шурфе в юго-западном углу помещения. Глубина ее не известна, но она находилась сразу под чистовым полом и пробивала слой красно-коричневой супеси, т. е. относилась к завершающему этапу строительства.

Помещение 36

Пол помещения 36, как и в центральном святилище, был вымощен плитами железистого песчаника. Это помещение, судя по всему, вряд ли сильно уступало по значению комнате 26. Помимо каменного пола, в нем были найдены две подставки под священные предметы (*илл. 3*). Разбирать плиты мы бы не решились, но нам опять помог случай: северо-западный угол помещения 36 был разрушен погребением 37 (*илл. 4; цветная вклейка, фото 5*), причем, судя по положению тела покойного, захоронение демонстрировало мусульманские похоронные традиции и было сделано уже в раннее Новое время. Могильная яма пробила каменный пол и достигла материка (200L), поверхность которого находилась на уровне 391,12 м.

Фундамент западной стены помещения был углублен на два кирпича (около 15 см) в вырытую в материке траншею. Поверх материка находился первый строительный слой мощностью до 10 см из коричневой супеси с большим количеством битых сырцовых кирпичей (199L) (*илл. 9*). Сразу поверх этого слоя находился утоптанный уровень хождения (198L). Его высота, 391,22–391,23 м точно соответствовала уровню полов в наосе, пронаосе и колонном зале. Однако в помещении 36 это был лишь временный пол, который использовался в момент оформления стен. Его поверхность была усеяна небольшими фрагментами белого, красного и синего пигментов. Когда стены были расписаны, строители засыпали помещение слоем коричневой супеси с галькой, включениями кальцикрита и небольшими фрагментами кирпичей (197L). Судя по всему, это был грунт, взятый где-то неподалеку. Он стал основой для каменных плит, которые подняли пол в комнате на уровень 391,39–391,45 м, т. е. на 20 см выше, чем в наосе, пронаосе и колонном зале.

Причина изменения уровня пола в помещении 36 не совсем ясна. Возможно, повышение было запланировано с самого начала. Однако обращают на себя внимание некоторые любопытные особенности. Например, найденная в комнате большая подставка под священную барку или другой предмет была покрыта рельефами до самого низа. Очевидно, что ее не должны были углублять в пол, но когда ее нашли,

плиты пола закрывали весь орнамент с лотосами. Многие плиты имеют характерные сколы, будто их приподнимали с помощью рычага или перекладывали.

Илл. 9. Строительный горизонт в северо-западном углу помещения 36 (*фото автора*)

Помещение 24

Помещение 24 было тесно связано с помещением 36, в том числе конструктивно, поэтому мы рассмотрим ее здесь. На территории этого небольшого помещения перепад поверхности материка был, пожалуй, самым существенным: с 391,21 м до 391,06 м. Судя по всему, до строительства или в ходе строительства в материке в центральной части комнаты была вырыта яма для забора грунта. В качестве подготовки под пол здесь присутствовали слой битого кирпича (213L) и слой коричневой супеси с фрагментами кальцикрита (212L). Поверх последнего был сделан глинобитный пол, самый ранний этап которого был зафиксирован на уровне 391,41 м, что соответствует мощеному полу в помещении 36. Никаких следов более ранних поверхностей хождения на территории комнаты 24 выявлено не было. Это говорит о том, что подготовка сразу велась под пол, который будет на 20 см выше, чем в других помещениях храма, за исключением соседней комнаты 36. Подготовка эта, однако, оказалась не очень удачной. Сказался, возможно, недостаток битых кирпичей, которых не было в центральной части комнаты. В результате пол над вырытой в материке ямой существенно просел. Впрочем, произошло это не сразу, а уже, видимо, после того, как храм пришел в упадок.

Помещение 35

Помещение 35 интересно тем, что в его восточной части располагалась кирпичная платформа, видимо, алтарь. Для изучения строительного горизонта на территории комнаты были заложены три шурфа: в северо-западном углу, в северо-восточном углу и к северу от предполагаемого алтаря. Оказалось, что материк в этом месте понижался с уровня 391,05 м в западной части помещения, до уровня 390,95 м в восточной части. Этот естественный уклон был выровнен с помощью битых кирпичей (как сырцовых, так и обожженных), смешанных с коричневой супесью (206L). В восточной части комнаты этот слой достигал мощности в 8–10 см, а в западной части практически сходил на нет. На выровненную таким образом поверхность древние строители насыпали слой уже хорошо знакомой красно-коричневой супеси (194L) толщиной 14–15 см. Его перекрывал слой коричневой супеси с фрагментами известки и кальцикрита толщиной 8–10 см. Похожие слои уже встречались в комнатах 27 (148L) и 36 (197L). Его поверхность была покрыта небольшими кусочками известки, белого пигмента и прослойками серой супеси. Судя по всему, это и был пол, по которому ходили рабочие в момент оформления комнаты. Его уровень колебался в разных частях помещения от 391,22–391,24 м до 391,26 м, что соответствовало уровню полов в наосе, пронаосе и колонном зале, а также первого пола в комнате 36. Других строительных слоев уже не было; в дальнейшем уровень пола в комнате 35 поднимался естественным образом по мере накопления культурного слоя.

Помещение 34

Для изучения строительного горизонта на территории помещения 34 нам удалось раскопать до материка всю южную часть комнаты; кроме того, в северо-западном углу помещения в тех же целях был заложен небольшой шурф. Выяснилось, что поверхность материка на территории комнаты была практически горизонтальной, находясь на уровне 390,94–390,96 м. Как и в соседнем помещении 35, поверх материка был насыпан кирпичный бой, смешанный с коричневой супесью — слой 184L(B). Его толщина была неравномерной и достигала 15 см. Поверх фрагментов кирпичей был насыпан слой коричневой супеси, 184L(A), который стал основанием для кирпичной платформы в восточной части помещения. Назначение этой платформы, стены которой были расписаны, пока не известно. Чистовой пол был сделан из плотной серо-коричневой супеси с фрагментами кальцикрита. Его поверхность, зафиксированная на уровне 391,24 м, была покрыта фрагментами известки и прослойками серой супеси. В дальнейшем, как и в комнате 35, уровень пола в помещении поднимался естественным образом по мере накопления культурного слоя.

Помещение 37

Изучение строительного горизонта на территории комнаты 37 стало возможным благодаря двум шурфам: в северо-восточном и юго-восточном углах помещения. Поверхность материка была зафиксирована на уровне 390,90 м. Поверх материка был насыпан слой битого кирпича и коричневой супеси толщиной до 25 см (244L). Затем шел слой плотной красно-коричневой супеси (244L). Чистовой пол, поверхность

которого была зафиксирована на уровне 391,17–391,22 м, традиционно был сделан из плотной коричневой супеси (242L).

Анализ данных

Приведенное выше описание различий в составе строительных слоев на территории восьми отдельных помещений главного храма Абу Эртейлы может показаться запутанным. Однако анализ этих данных позволяет восстановить общую картину строительства храма и, соответственно, оценить некоторые строительные техники, которые использовали мероиты в I в. н. э.

Храм был заложен на очень пологом, но все же заметном естественном возвышении. Перепад высот материка на территории храма составлял 15–20 см. Такие возвышения часто встречаются в районе памятника[10]. К моменту начала строительства дневная поверхность холма, судя по всему, не была значительно потревожена, если не считать ямы на территории комнаты 24.

Материк был достаточно плотным, даже сегодня его непросто пробить стальными орудиями — кирками и лопатами. Траншеи под фундаменты стен были прослежены лишь в центральной, самой возвышенной части холма. У подножия холма стены строились прямо на дневной поверхности. Даже массивные привратные башни — пилоны — не имели траншей. Поэтому можно предположить, что основная задача траншей была, все же, не в придании дополнительной прочности фундаменту, хотя это тоже достигалось, а в выравнивании общего горизонта строительства. Этого можно было достичь двумя способами: насыпать дополнительный грунт у основания холма или вырыть узкие траншеи под стены на его вершине. Мероиты пошли по пути наименьших трудозатрат. В результате во всех комнатах стены строились с уровня 390,90–390,97 м. Единственное исключение — это колонный зал. Там стены имели особенно мощный фундамент в четыре ряда обожженных кирпичей, в то время как у большинства стен в основании было либо 2–3 ряда обожженных кирпичей, либо стена вообще была полностью из сырца. Под фундаменты стен и колонн в колонном зале были вырыты стандартные траншеи в 10–15 см, но поскольку это уже был склон холма, стены в итоге возводились с уровня 390,80–390,83 м.

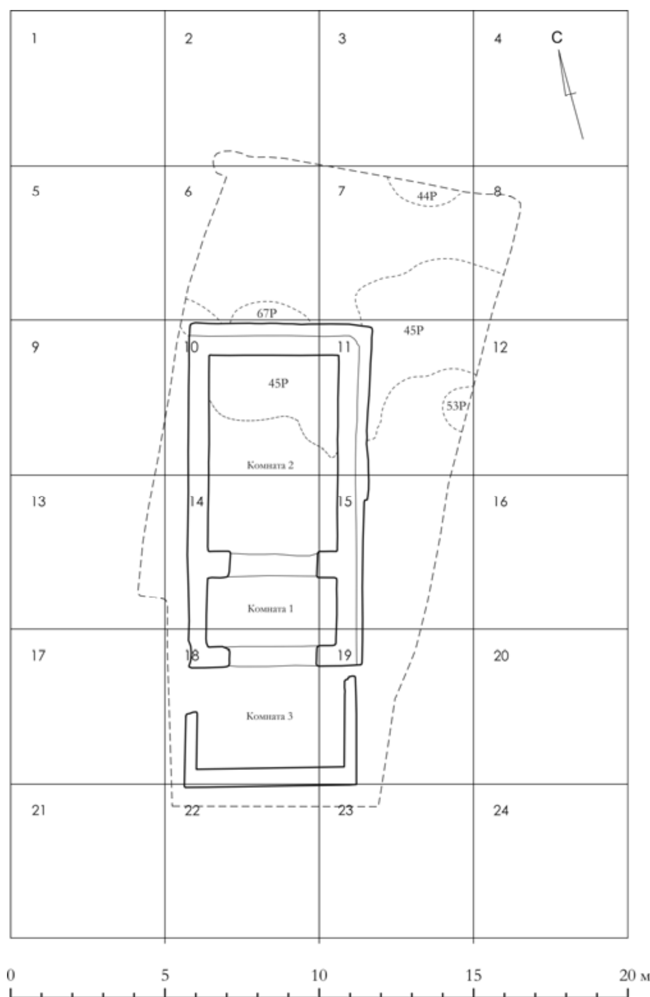
Судя по всему, сначала мероитские строители уложили нижние части стен, которые лишь на несколько рядов кирпичей возвышались над поверхностью материка. Таким образом, территория холма оказалась разбита на отдельные помещения. После этого подготовительные слои под будущие чистовые полы (где-то каменные, где-то — глинобитные) засыпались в каждую комнату отдельно по мере возведения стен. Здесь так же прослеживалась определенная логика. При подготовке пола в центральном святилище использовался только природный материал, добытый где-то неподалеку — красно-коричневая супесь, типичная для отложений вади. Примерно так же готовились полы в пронаосе, где основу подсыпки под полы составила все та же красно-коричневая супесь, которая иногда сочеталась с нильским илом или крошкой от сырца. Природный грунт использовался в основном и при подготовке полов в гипостильном зале. Хотя на

[10] Даже сегодня, когда сезонный сток из Вади эль-Хавад уменьшился по сравнению с Мероитским периодом, местные жители предпочитают такие возвышения для возведения своих построек.

этом этапе мероиты уже стали примешивать в заполнение комнаты в небольшом количестве строительный мусор — кирпичный бой и осколки песчаника.

В помещения к югу от этой основной трехчастной храмовой структуры — наоса, пронаоса и гипостиля — количество строительного мусора продолжало увеличиваться от помещения к помещению с запада на восток. Если а комнате 36 слой кирпичного боя был не более 10 см, то в комнате 37 он достигал уже четверти метра. Кирпичный бой ссыпали прямо на дневную поверхность материка, это был первый, самый грубый слой подсыпки. Затем его выравнивали более мелкой фракцией — красно коричневой супесью и/или коричневой супесью с фрагментами кальцикрита. Первую собирали в низинах, вторую — на возвышениях близ строительной площадки.

Таким образом, при подготовке полов в основной части храма — наосе, пронаосе и гипостиле — использовался почти исключительно только природный грунт. Несколько больших ям, где его могли добывать, были обнаружены в 2018 г. на территории Кома III к северо-востоку от основного храма (*илл. 10*). Количество искусственных включений в строительном горизонте, прежде всего, сырцовой крошки и битого песчаника, увеличивалось постепенно с запада на восток. Под полами центрального святилища их почти не было, а в гипостильном зале они уже были вполне заметны. Что касается помещений к югу, то там кирпичный бой стал уже обязательной основой подготовки под полы. Можно было бы, конечно, спекулировать об особой чистоте материалов, которая требовалась для наоса. А затем предположить, что по мере приближения к выходу из храма эти требования к чистоте материалов для каждого следующего помещения становились все менее жесткими. Однако в таком подходе нам видится создание лишних сущностей. Очевидно, что подготовка полов началась с самого дальнего, важного и сложного помещения, где предполагалось положить каменные плиты — с наоса. Именно туда начали заносить собранный в окрестностях грунт.

Илл. 10. Ямы, относящиеся предположительно к периоду строительства главного храма в I в. н. э., обнаруженные под более поздним зданием на Коме III (*рис. автора*)

Затем полы были подготовлены в пронаосе, а после — в гипостиле. Все это время параллельно шло возведение стен, постепенно аккумулировался строительный мусор, которого в начале проекта еще попросту не было. Первоначально это были в основном фрагменты сырца, из которого клали стены, а также отходы обработки колонн. Их при возможности также добавляли в нижние слои подсыпки, о чем и свидетельствует строительный горизонт в гипостильном зале.

По мере возведения проходов и внешней облицовки пилонов в составе строительного мусора становилось все больше обожженного кирпича. То, что кирпичного боя практически нет в строительном горизонте наоса, пронаоса и гипостиля говорит, скорее, не об особых требованиях к ритуальной чистоте данных помещений, а о том, что этот мусор просто не успел накопиться к моменту завершения черновых полов, по которым ходили строители. Сыпать же кирпичный бой под чистовой пол было нельзя, это слишком крупная фракция. Зато к моменту подготовки полов в помещениях 34–35 и 37 облицовка пилонов и строительство кирпичных карнизов, вероятно, шли уже полным ходом. Поэтому-то в нижних строительных слоях в этих помещениях так много битого обожженного кирпича.

Поскольку засыпать строительный мусор в новые помещения можно было только в самом начале строительства, до подготовки чистовых полов, эта возможность для избавления от мусора быстро исчерпалась. Новые отходы от строительства, судя по всему, аккумулировались в основном к северу и северо-востоку от храма, где в 2018 г. был найден мощный слой из кирпичного боя, содержащий многочисленные фрагменты тарной керамики со следами пигментов, а также угли и кости животных. Еще один сброс был обнаружен в 2014 г. к югу от основного храма. Там были зафиксированы слои с большим количеством осколков песчаника. Вероятно, это были отходы обработки каменных деталей.

Подводя итоги, можно заключить, что подготовка полов шла параллельно с возведением и оформлением стен, перекрытий и колонн. Засыпка помещений под черновые поверхности хождения, которые использовали древние строители, происходила постепенно, по мере необходимости. Можно восстановить следующую очередность: наос, пронаос, гипостиль, помещения 36 и 24, помещение 35, помещение 34, помещение 37. Важно отметить, что эта засыпка проводилась по мере развития всего строительства, о чем говорит постепенное увеличение в ее составе содержания кирпичного боя. Что касается чистовых глинобитных полов, то они, вероятно, готовились во всех помещениях почти одновременно. К этому моменту, судя по всему, уже были завершены и перекрытия, и каменные вымости, но стены в большинстве своем (за исключением комнат 26 и 36) оставались еще не расписанными.

Заключение

Последовательное изучение строительного горизонта может предоставить в распоряжение исследователей массу важной информации о технике строительства, этапности возведения помещений и логике использования древними мастерами имеющихся ресурсов. Данные, собранные в шурфах и поздних ямах на территории главного храма Абу Эртейлы, позволяют предположить, как развивалось строительство этого комплекса. Однако следует признать, что работа со строительными горизонтами должна быть более последовательной. Строительный горизонт — этот тот же

культурный слой, который должен быть исследован по всей площади до материка. Тогда бы у нас было куда больше информации о материальной культуре, представленной на строительной площадке, типах и расположении ям, которые принадлежали горизонту, планиграфии отдельных слоев. Шурфы, как и в любом другом случае, могут дать только самое общее представление об этапе строительства. Увы, Абу Эртейла здесь вовсе не исключение. Данные о строительных горизонтах публикуются довольно редко[11], обычно исследователи доходят в своих раскопках до первых готовых полов и останавливаются. С одной стороны, это лишает нас сегодня важной сравнительной информации. С другой стороны, будущие исследователи смогут изучить эти слои гораздо подробнее и извлечь из них данные, которые пока не доступны. Строительные горизонты хранят память о древних мастерах и только ждут своего часа, чтобы рассказать о них чуть больше.

Литература / References

Лебедев М. А. История мероитских археологических комплексов устья Вади-эль-Хавад (Судан) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность.* 2019. № 2. С. 21–48 [Lebedev M. A. History of Meroitic Archaeological Complexes of Wadi al-Hawad (Sudan) // *Vostok (Oriens). Afro-Aziatskie Obshchestva: Istoriya i Sovremennost' (Afro-Asian Societies: History and Modernity).* 2019. 2. Pp. 21–48 (in Russian)].

Лебедев М. А., Трошина А. А. Опыт применения спорово-пыльцевого анализа при исследовании мероитского храмового комплекса 1–3 вв. н. э. (Абу Эртейла, Судан) // Коробов Д. С., Борисов А. В., Удальцов С. Н. (ред.). *Материалы Междисциплинарной научной конференции с международным участием «Археология и естественные науки в изучении культурного слоя объектов археологического наследия».* М., 2018. С. 97–105 [Lebedev M. A., Troshina A. A. The Experience of Using Spore-Pollen Analysis in the Study of the Meroitic Temple Complex of the 1–3rd Centuries A. D. (Abu Erteila, Sudan) // Korobov D. S., Borisov A. V., Udal'tsov S. N. (eds.). *Materials of the Interdisciplinary International Scientific Conference "Archeology and Natural Sciences in the Study of the Cultural Layer of Objects of the Archaeological Heritage".* Moscow, 2018. Pp. 97–105 (in Russian)].

Anderson J., Salah Mohamed Ahmed, Sweek T. Meroitic Building Techniques: A Few Observations from Dangeil // *Sudan and Nubia.* 2012. 16. Pp. 72–79.

Shinnie P. L., Anderson J. *The capital of Kush 2: Meroë Excavations 1973–1984.* Wiesbaden, 2004.

Shinnie P. L., Bradley R. *The Capital of Kush 1: Meroe Excavations 1965–1972.* Berlin, 1980.

Török L. *Meroe City, an Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan. With Contributions by Inge Hofmann and Istvan Nagy.* Part I: *Text.* London, 1997.

Wolf P. The Qatar-Sudan Archaeological Project — The Meroitic Town of Hamadab and the Palaeo-Environment of the Meroe Region // *Sudan and Nubia.* 2015. 19. Pp. 115–131.

Yahia Fadl Tahir. Environmental Archaeology of the Greater Meroe Region // *Beiträge zur Sudanforschung.* 2017. 12. Pp. 229–252.

[11] В качестве исключения можно привести примеры из Мерое и Дангейла [Shinnie, Anderson, 2004; Anderson, Salah Mohamed Ahmed, Sweek, 2012].

Фото 5. Абу Эртейла, Судан. 3D модель раскопанных помещений храма с обсуждаемыми в тексте шурфами и ямами (*илл. М. А. Лебедева*)

Фото к статье М. А. Лебедева «“Сделал он памятник этот”: строительные слои мероитского времени в храме Абу Эртейлы (Судан)»

Фото 6. Абу Эртейла, Судан. Пилоны и гипостильный зал храма, вид с востока (*фото М. А. Лебедева*)

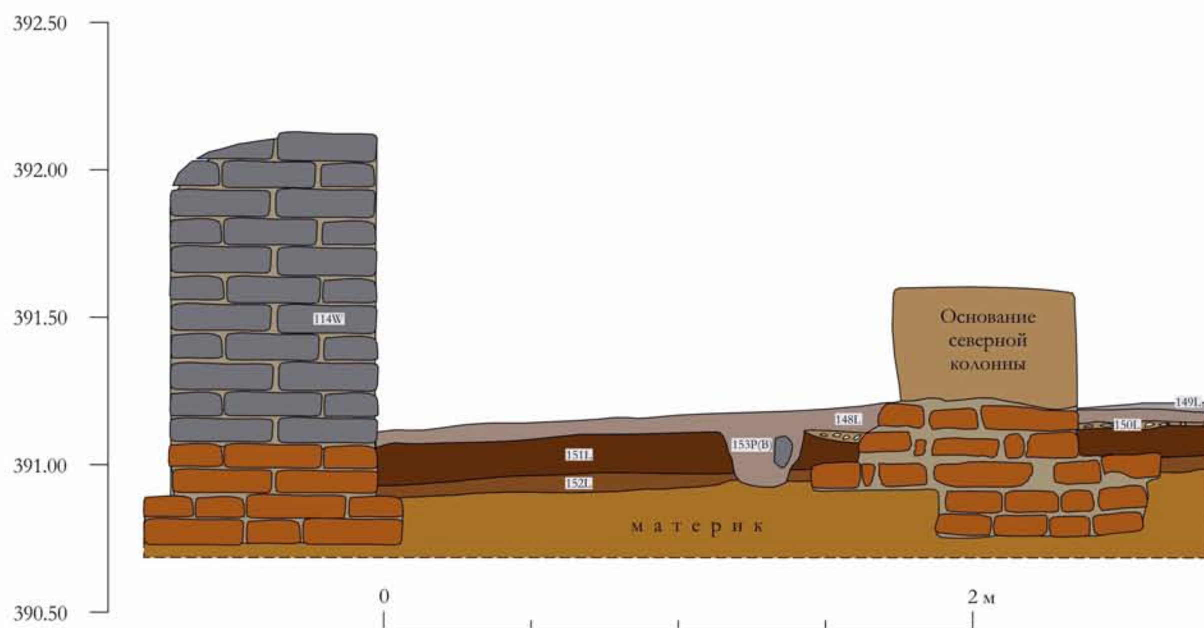

Фото 7. Абу Эртейла, Судан. Стратиграфия строительного горизонта в северной части комнаты 27 (*илл. М. А. Лебедева*)

ВЕЩЕСТВЕННАЯ СТОРОНА ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ МЕРОИТСКОГО КУЛЬТОВОГО КОМПЛЕКСА НА КЕРАМИЧЕСКОМ МАТЕРИАЛЕ ИЗ ГЛАВНОГО ЗДАНИЯ ХРАМА В АБУ ЭРТЕЙЛЕ (СУДАН)

С. Е. Малых*

Статья посвящена атрибуции керамического материала, обнаруженного в главном здании храма в Абу Эртейле. Интерпретация найденных сосудов и их фрагментов, основанная на морфологии предметов и их археологическом контексте, свидетельствует об особенностях функционирования мероитского храма, позволяя судить о ранних этапах существования культового комплекса в I в. н. э., где совершались обряды с использованием керамических изделий; о стадиях упадка (когда часть культовых помещений храма была перепрофилирована под жилье) и постепенного его запустения к середине IV в. н. э. Среди найденных предметов присутствуют как местные изделия, так и привозные, в том числе импорт из Египта и Средиземноморья, свидетельствующий о торговых контактах царства Мероэ и других стран.

Ключевые слова: древний Судан, Мероэ, Абу Эртейла, мероитские храмы, мероитская керамика, история древнего гончарства, торговые связи.

THE MATERIAL ASPECT OF THE FUNCTIONING OF THE MEROITIC CULT COMPLEX BASED ON THE CERAMICS FROM THE MAIN BUILDING OF THE TEMPLE IN ABU ERTEILA (SUDAN)

Svetlana E. Malykh

The article is devoted to the attribution of ceramic material found in the main building of the temple in Abu Erteila. The interpretation of the vessels and their fragments, based on the morphology of the objects and their archaeological context, testifies to the peculiarities of the functioning of the Meroitic temple complex, demonstrating the early stages of the functioning of the cult complex in the 1st century A.D., when ceramic vessels were used in cult ceremonies. Some pottery indicates the time of temple’s decline, when a part of cult rooms was redeveloped for housing, and its gradual abandonment to the middle of the 4th century A.D. Among the objects found there are both local ware and imported products, including imports from Egypt and the Mediterranean region, indicating trade contacts of the Meroitic Kingdom with other countries.

Keywords: ancient Sudan, Meroe, Abu Erteila, Meroitic temples, Meroitic pottery, history of ancient ceramics, trade contacts.

* Светлана Евгеньевна МАЛЫХ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; malyh2002@mail.ru

Svetlana E. MALYKH, PhD (Egyptology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; malyh2002@mail.ru

Храмовый комплекс в Абу Эртейле — памятник мероитской цивилизации, расположенный в 9 км к югу от древней суданской столицы Мероэ, в русле Вади эль-Хавад. Он состоит из двух зданий: многокомнатного храмового комплекса на Коме II (о центральной части которого и пойдет речь в статье) и административного здания на Коме I. Дедикацию храма в Абу Эртейле достоверно определить пока не представляется возможным[1]. В ходе многолетних исследований сооружений, относящихся к I–IV вв. н. э., обнаружено несколько десятков тысяч керамических образцов (как целых, так и фрагментированных)[2].

Центральную часть храма в Абу Эртейле составляет группа залов, вымощенных темным песчаником, и комнат, примыкающих к ним (*илл. 1–2*). Судя по наличию алтаря и колонн, центральная часть храма, возведенная из сочетания обожженного и сырцового кирпича и отдельных каменных элементов, имела классическую египтизированную планировку, включавшую наос (святилище (помещение 26)), пронаос (помещение 25), гипостильный зал (помещение 27) и пилон, окруженные множеством дополнительных помещений.

Илл. 1. План храмового комплекса на Коме II в Абу Эртейле (*рис. М. А. Лебедева, С. В. Малых*)

[1] По мере продвижения археологических работ в Абу Эртейле были найдены предметы, попеременно свидетельствующие о принадлежности храма культу львиноголового бога Апедемака, Амона, Хора, Бастет, Исиды [Кормышева, Малых, Фантусати, 2012, с. 385; Кормышева, 2016, с. 102; 2018, с. 65–67]. Возможно, храм был посвящен культу царя в окружении богов мероитского пантеона (включавшего изначально и египетских) и входил в круг святилищ, посещаемых мероитском царем в ходе коронационного путешествия [Кормышева, 2016, с. 124].

[2] Подробнее о керамике Абу Эртейлы, найденной в других помещениях храма на Коме II и в здании на Коме I см.: [Кормышева, Малых, Фантусати, 2012, с. 379–385; 2014, с. 123–133; Малых, 2016; 2017; 2018; Fantusati et al., 2010, p. 21–38; Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2012, p. 37–45; 2014a, p. 68–79; 2014b, p. 750–754; Malykh, 2017a; 2017b; 2018a; 2018b].

Илл. 2. План главного здания храма на Коме II в Абу Эртейле (*рис. С. В. Ветохова*)

Керамика из наоса (помещение 26) (*илл. 3*)

В ходе археологического исследования помещения 26 были обнаружено 32 фрагмента керамических сосудов. Основная часть образцов (60 %) принадлежит сделанным на гончарном круге большим цилиндрическим кувшинам Позднемероитского периода (II–III вв. н. э.) и красноангобированным чашам различной формы (22 %), изготовленным как из местной пустынной глины (т. е. происходящей из Вади эль-Хавад), так и из более тонкой и качественной каолиновой глины, залежи которой концентрируются рядом со столицей — Мероэ [Robertson, Hill, 2004, p. 114; Wolf et al., 2011, S. 240; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 732]. Изделия из нее часто называют "egg-shell ware".

Наиболее показательные (диагностические) фрагменты принадлежат подносу для ритуальных возлияний с внутренней перегородкой в форме знака-*анх* и колонновидной подставке под курильницу AE15/II-R26/2. Последняя имеет аналогии в керамическом корпусе Мусаввара эс-Суфры[3] и относится к классическому Мероитскому периоду (II в. до н. э. – I в. н. э.).

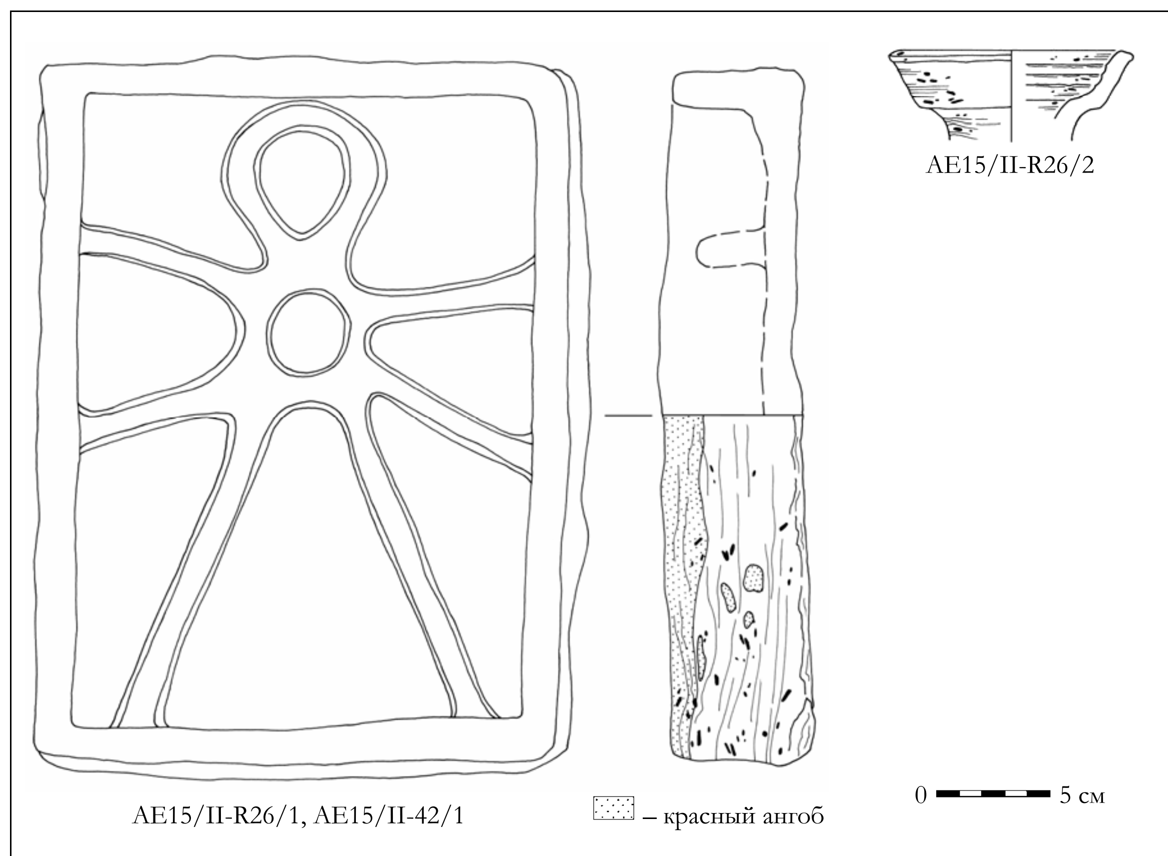
Разбитый лепной прямоугольный поднос для ритуальных возлияний AE15/II-R26/1, AE15/II-42/1 (размеры 30.5 x 24.5 см, высота 5.7–6.4 см) был найден к востоку от алтаря с именем царя Натакамани (0–20 гг. н.э.). Он был сформован из местной глины, из которой как лепным, так круговым способами изготовлялась основная часть керамики, обнаруженной в Абу Эртейле. Это означает, что и культовая, и бытовая утварь для храмовых нужд производилась поблизости от Абу Эртейлы, в районе Вади эль-Хавад[4].

Подобные подносы, как керамические, так и из местного мягкого камня — желтого песчаника, были обнаружены на других мероитских памятниках: в храмах

[3] [Hintze, 1993, S. 322–323, Abb. 384; Edwards, 1999a, p. 26, pl. IX (nos.777–778); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 93–94, Abb. 63].

[4] Подробнее см.: [Малых, 2017].

Амона в Мероэ (M 260), эль-Хассе, Наге (N 100), Вад Бен Наге и Аулибе; в храме Льва N 300 в Наге (посвященному богу Апедемаку), в небольших многокомнатных и однокомнатных храмах Мероэ[5] (M 6, вероятно, также посвященному Апедемаку, M 720 (храм Амона или Тота), KC 100, возможно, посвященный гостевым божествам[6]); в храме II D в Мусаварат эс-Суфре[7], в святилище Исиды в Каср Ибриме[8] и, вероятно, во дворце Натакамани в Гебель Баркале[9]. Как отметил Ф. Хинце, такие подносы также были обнаружены в поминальных часовнях пирамид Бегравии (некрополя Мероэ) N 25, N 26 и N 36 [Hintze, 1962, S. 191, note 41]. Ближайшая по форме аналогия абу-эртейльскому подносу для возлияний со знаком-*анх* (но меньше — 17,4 x 12,1 x 5,7 см) происходит из города Мероэ [Näser, 2004, p. 233, fig. 100 (no.5134)].

Илл. 3. Керамика из наоса храма в Абу Эртейле (помещение 26) (*рис. автора*)

[5] [Garstang, 1911, p. 13, pl. VII, X.4; Wenig, 1978, p. 255, no.190; Török, 1997, p. 125, pl. 91; Rondot, Török, 2010, p. 232, fig. 302–303; Kroeper, Wildung, 2002, p. 144, pl. IVb; Kroeper, Wildung, 2003, p. 98, pl. Ib; Wildung, Kroeper, 2016, p. 22–23, fig. 30; Näser, 2004, p. 232–234, fig. 99–100; Michaux-Colombot, 2015, p. 280, pl. II A3; Sander, 2015, p. 311–312, fig. 9].

[6] О принадлежности храмов в Аулибе, Мероэ (M 6, M 720, KC 100) см.: [Wolf, 2006, p. 244–246, 253].

[7] [Hintze, 1962, S. 191, Taf. LXVIIIc].

[8] [Adams, Adams, 2018, p. 303–304, pl. 5].

[9] [Bąkowska-Czerner, 2018, p. 510, pl. 3 (no.6/13-2)]. Г. Баковская-Чернер рассматривала фрагмент сосуда как кубическую курильницу, но также добавляла, что «возможно, она служила для возлияния». Форма фрагмента, особенности изготовления и глина позволяют предположить, что это фрагмент прямоугольного подноса для возлияний.

В целом, прямоугольные сосуды датируются интервалом от I до III вв. н. э., однако наиболее близкие по форме — II–III вв. н. э. Обычно их рассматривают в качестве ритуальных подносов для совершения жертвенных возлияний водой, но также вином или молоком, поэтому их устанавливали на полу святилища рядом с каменным жертвенником и алтарем [Wenig, 1978, p. 255; Yellin, 2012, p. 140]. Внутренний рельефный декор подносов мог быть выполнен не только в форме символа жизни *анх*, но также в виде цветочных четырехлепестковых и 13-лепестковых розеток (символизировавших молодость [Gardiner, 1957, p. 484 (M 42)], возрождение Осириса, обновление жизни [Michaux-Colombot, 2015, p. 280, 286]) и геометрических фигур, разделявших внутреннюю часть сосудов на несколько сегментов. Можно предположить, что идея мероитских подносов была заимствована из Египта, учитывая обнаружение на памятниках раннединастического периода и Среднего царства каменных и керамических сосудов с фигурными внутренними перегородками, образующими знак-*анх* или цветочную розетку[10].

Керамика из пронаоса (помещение 25) (*илл. 4*)

В процессе расчистки помещения 25, являющегося пронаосом храма, было найдено 417 фрагментов керамических сосудов. Как и в святилище храма, большая часть фрагментов (75 %) принадлежит большим цилиндрическим кувшинам Позднемероитского периода; другие морфологические варианты закрытых форм редки (1,2 %, включая два фрагмента среднеегипетской винной амфоры римского периода (AE15/II-39/2, 3) и асуанской винной амфоры I–III вв. н. э.[11] (AE15/II-43/1). Последняя находка свидетельствует о популярности «вина из Сиены» в Мероитском регионе [Adams, 1966, p. 279, pl. XXXVIIIa (no.1)]. Наличие винных амфор также демонстрирует важность вина в храмовых ритуалах, что может быть связано с дионисийским культом в Мероэ, о существовании которого мы можем судить по скульптурным изображениям Диониса, бога виноделия и религиозного экстаза, и сценам на керамических сосудах, показывающих обнаженных темнокожих сатиров с хвостами, танцующих и играющих на музыкальных инструментах[12].

Среди фрагментов больших цилиндрических кувшинов, обнаруженных в помещении 25, некоторые имеют следы копоти внутри и находятся в крайне плохой сохранности — крошатся при прикосновении. Копоть внутри таких сосудов, изначально служивших для хранения сухих продуктов и жидкостей[13], означает, что они вторично были использованы в качестве печей: в них насыпались угли для обогрева

[10] Подробнее см.: [Malykh, 2018a, p. 61–63].

[11] О египетских винных амфорах в Мероитском царстве (в основном, из Асуана (Сиены), но также из Верхнего Египта и Мареотиды, славившейся особым мареотийский вином (Mareoticum vinum (Horat., Carm. I. 37.14)) см.: [Adams, 1964, p. 160 (ware IVA); 2018, p. 305, fig. 1–4; Bagińska, 2005, p. 19, 23–25; 2015, p. 253; Bąkowska-Czerner, 2018, p. 510, fig. 3, pl. 2 (no.828); David, Francigny, 2018, p. 256–260, fig. 3–8, 10].

[12] О культе Диониса и связанных с ним сюжетах в культуре мероитов см.: [Sackho-Autissier, 2010, p. 182–185].

[13] [Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 733; Malykh, 2017a, p. 142–144]. Также цилиндрические кувшины помещались в погребения: [Garstang, 1911, p. 40, pl. XLV.32; Geus, 1978, p. 19, fig. 15, pl. XV.2; 1980, p. 12–13, fig. 5; 1983, p. 22–23, fig. 14–15, pl. XIb, XII; Lenoble, 1987a, p. 91, pl. I, III.].

помещений в холодное время года или для приготовления пищи[14]. Вероятно, неоднократный нагрев приводил к сильной эрозии поверхностей таких сосудов и их последующему разрушению. Скопления таких черепков были обнаружены в слоях 32L, 33L, 34L, 49L, 56L, иногда вместе с древесным углем и кальцинированными костями животных.

Примечателен фрагмент большого цилиндрического кувшина AE17/II-R25/1, AE17/II-R24/1 с меткой на плече: одна часть фрагмента была найдена в помещении 25, другая южнее — в помещении 24. Знак был нанесен белым пигментом и имел форму двух окружностей. Вероятно, его можно рассматривать как изображение солнечного диска ⊙, размещенного на стилизованном жертвеннике [15]. Метки схожей формы на цилиндрических кувшинах были найдены в административном здании на Коме I Абу Эртейлы и в некрополе Бегравии[16]. Подобные знаки Л. Тёрок датировал I–II вв. н. э. и относил к божественно-царской сфере [Török, 1972, p. 35, 41], связанной с солнечным культом.

Среди находок присутствует венчик банковидного кувшина AE15/II-39/1, чей тип редок для Абу Эртейлы, но найден в Мусаввват эс-Суфре и Напате и датируется Мероитским периодом [Edwards, 1999a, p. 19, pl. I (no.718–719); Bagińska, 2018, p. 496, fig. 12a].

Красноангобированные круговые открытые формы (чаши, кубки, тарелки; 21,2 %) были изготовлены в основном из местной глины вади, реже — из каолиновой, и относятся к I–II вв. н. э.[17] Некоторые чаши (включая AE17/II-R25/5) содержали остатки голубого и желтого пигментов: следы красящего материала видны на внутренней поверхности и частично снаружи чаши. Они были обнаружены в яме 62P(B), расположенной в северо-западном углу комнаты 25 (391,12–391,20 м), в яме 219P (390,86–391,13 м) и в слое 56L (391,12–391,27 м). Вероятно, эти пигменты могли быть использованы для росписи стен храма в ходе его строительства или последующего ремонта.

В яме 218P была найдена стенка красноангобированной чаши, покрытой белым пигментом, после обжига. В египетской гробничной и храмовой практике побелка предметов и культовых мест означала их культовое очищение[18]. Однако проводить параллели с мероитской храмовой практикой в отсутствие более явных свидетельств пока преждевременно. Другая чаша AE17/II-R25/3 с процарапанным после обжига знаком в виде скипетра-*уас* имеет следы копоти внутри и, вероятно, использовалась для воскурения благовоний. Еще для одной чаши-курильницы AE17/II-R25/6 может быть использована радиоуглеродная датировка (Le-11775) по остаткам углей из слоя

[14] Подробнее о сосудах-печах в Абу Эртейле см.: [Fantusati, Kormysheva, Malykh, 2012, p. 37–40, pl. 13–16; 2014a, p. 69–70, 78, pl. IV.1, IX.1; Malykh, 2017a, p. 142–144, fig. 4–5].

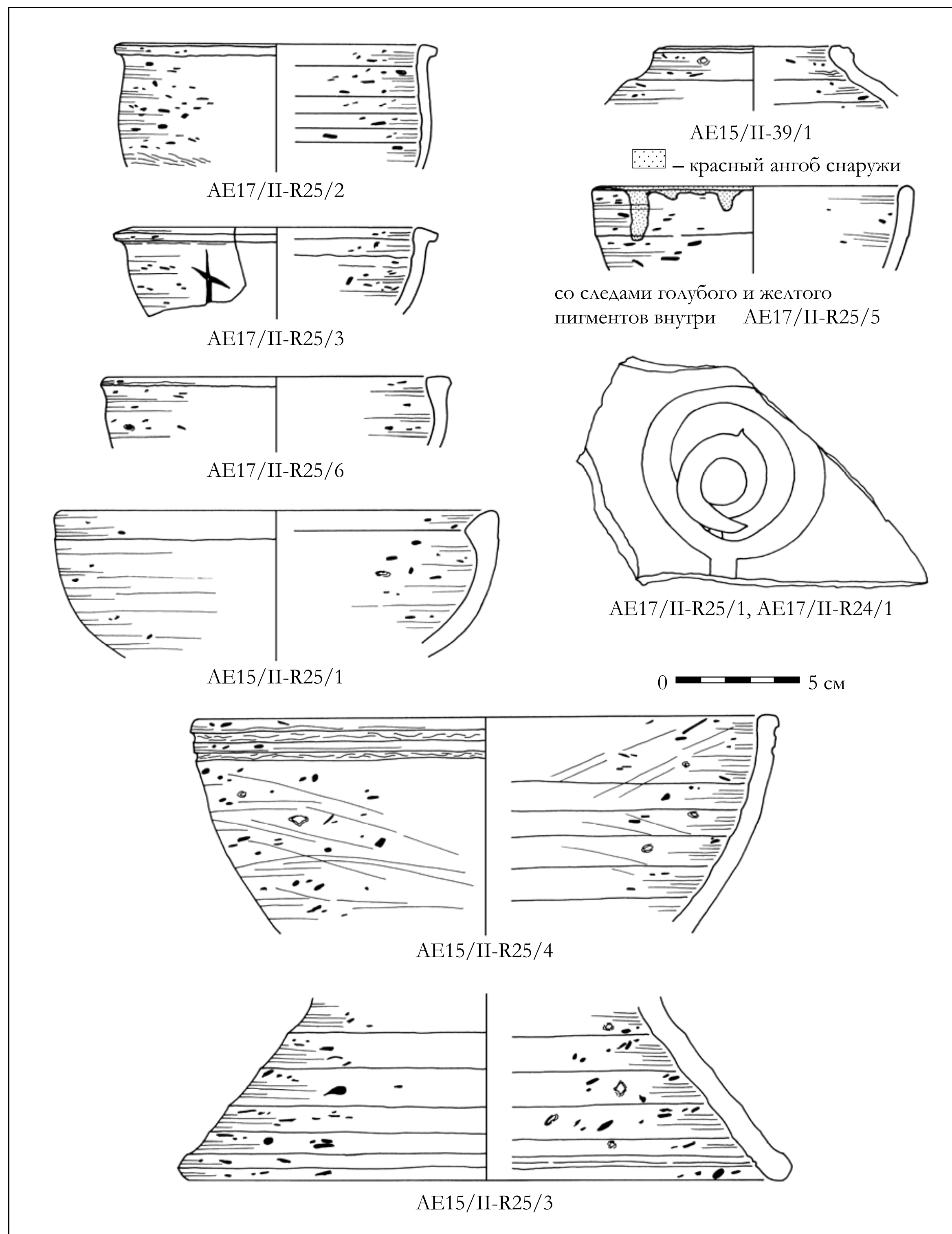
[15] Данную интерпретацию схожих знаков предложил Л. Тёрок [Török, 1972, p. 38].

[16] [Malykh, 2017b, p. 198, pl. 5 (AE10/I-R5/11, AE10/I-6/4); Dunham 1965, p. 135 (group IV, no.45); Török, 1972, p. 37 (group II, no. 11), fig. 2.11].

[17] Аналоги см.: [Lenoble, 1987a, p. 91, pl. IV(c, 30); Hintze, 1993, S. 298, Abb. 256; Edwards, 1998, p. 26, 45, fig. 2.9 (no.4103), 2.19 (no.9409); 1999a, p. 24, pl. VII (no.775), VIII (no.734); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 69, Abb. 47 (a.2), 48 (b.2); Bashir, David, 2011, p. 123–124, fig. 1.3–1.4, 3.3; Daszkiewicz, Bobryk, Schneider, 2005, p. 77, fig. 9 (F5); Bąkowska-Czerner, 2018, p. 507, fig. 2].

[18] Подробнее см.: Малых, 2015.

залегания: 170 г. до н. э. — 240 г. н. э. (68,2 % вероятности: 50 г. до н. э. — 140 г. н. э.), что в целом соответствует времени функционирования храма в Абу Эртейле.

Илл. 4. Керамика из пронаоса храма в Абу Эртейле (помещение 25) (*рис. автора*)

Шесть фрагментов (1,4 %) принадлежат круговым колонновидным подставкам (в том числе AE15/II-R25/3[19]) для чаш-курильниц, которые можно рассматривать как культовую утварь, относящуюся ко времени функционирования мероитского храма. Лепная керамика в заполнении помещения 25 редка и составляет всего 1,2 %.

Таким образом, среди керамического материала из помещения 25 присутствует как бытовая, так и культовая утварь, датированная в основном I–III вв. н. э. и относящаяся ко времени сооружения храма (чаши с красящими пигментами) и его функционирования. Поздняя керамика редка (круглодонная чаша AE15/II-R25/1) и относится к концу Мероитского – Постмероитскому периодам (т. е. к IV–V вв. н. э.)[20].

Керамика из гипостильного зала (помещение 27) (*илл. 5–7*)

В помещении 27 было обнаружено 748 фрагментов керамических сосудов. 68 % составляют черепки больших цилиндрических кувшинов Позднемероитского периода, изготовленных на гончарном круге (в том числе венчик AE16/II-R27/6 I–III вв. н. э.[21]); другие морфологические варианты сосудов закрытых форм носят спорадический характер (4 %, включая местные круговые и лепные шарообразные пивные кувшины, небольшие фрагменты асуанской винной амфоры I–III вв. н. э., среднеегипетской винной амфоры Римского периода и эгейской амфоры AE16/II-39/1 III в. до н. э. — I в. н. э., вероятно, хиосского или самосского происхождения[22]).

В слоях 108L, 124L, 125L, 127L, 135L и в ямах 132P и 153P(B) было найдено множество фрагментов цилиндрических кувшинов со следами копоти внутри, как и в случае с помещением 25, сильно корродированных. Такие сосуды были вторично использованы как печи, но не в гипостильном зале, а, судя по контексту, были сброшены вместе с грунтом из других помещений храма, когда тот был уже заброшен.

Красноангобированная круговая керамика открытых форм (главным образом, чаши, но также кубки, тарелки и чаны) составляют 16 %, тогда как на неангобированные варианты приходится всего 5 %. Чаша AE16/II-R27/5 содержала остатки голубого пигмента. Чаши AE16/II-39/5 и AE16/II-55/4 закопчены внутри и, вероятно, использовались для воскурения благовоний в ходе отправления храмовых ритуалов. Аналогичные по форме сосуды из других археологических комплексов царства Мероэ датируются I–III вв. н. э.[23] Круглодонная чаша AE16/II-R27/3, 4, AE16/II-39/2, 3, собранная из 23 фрагментов, может быть датирована Позднемероитским или Постмероитским периодом. Значительные следы копоти снаружи и внутри

[19] Похожие подставки найдены в Мусаввarat эс-Суфра: [Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 69, 93–94, Abb. 51 (c.1), 63)].

[20] Датировка базируется на морфологических параллелях из Гебель Макбора: [Lenoble, 1987b, p. 233–235, fig. 11.4].

[21] Аналоги см.: [Lenoble, 1987a, p. 105, pl. III; Hintze, 1993, S. 292, Abb. 234; Edwards, 1999b, p. 61, fig. 73; Bashir, David, 2015, p. 101, fig. 4].

[22] Об эгейских амфорах в Нубии см.: [Bagińska, 2005, p. 15–18, 26–29].

[23] [Adams, 1964, p. 134, 143–144, fig. 2.6, 9 (style f); Lenoble, 1987a, p. 91, pl. IV (no.29–30); Hintze, 1993, S. 294, 299, Abb. 242, 262; Edwards, 1998, p. 26, 50, 145, fig. 2.9 (no.4102), 2.21 (no.12301), 6.14 (no.712/4); 1999a, p. 23–25, 26, pl. V (no.756), VII (no.728), VIII (no.729, 807); Fitzenreiter, Seiler, Gerullat, 1999, S. 66, 69, Abb. 44 (c.2), 47 (a.1), 48 (c.2); Robertson, Hill, 2004, p. 119, pl. Ib (no.3); Bashir, David, 2011, p. 123, fig. 3.3; Bagińska, 2015, p. 251, fig. 4k; 2018, p. 493, fig. 6d; Bąkowska, 2015, p. 458, pl. II (no.12); Bąkowska-Czerner, 2018, p. 507, fig. 2].

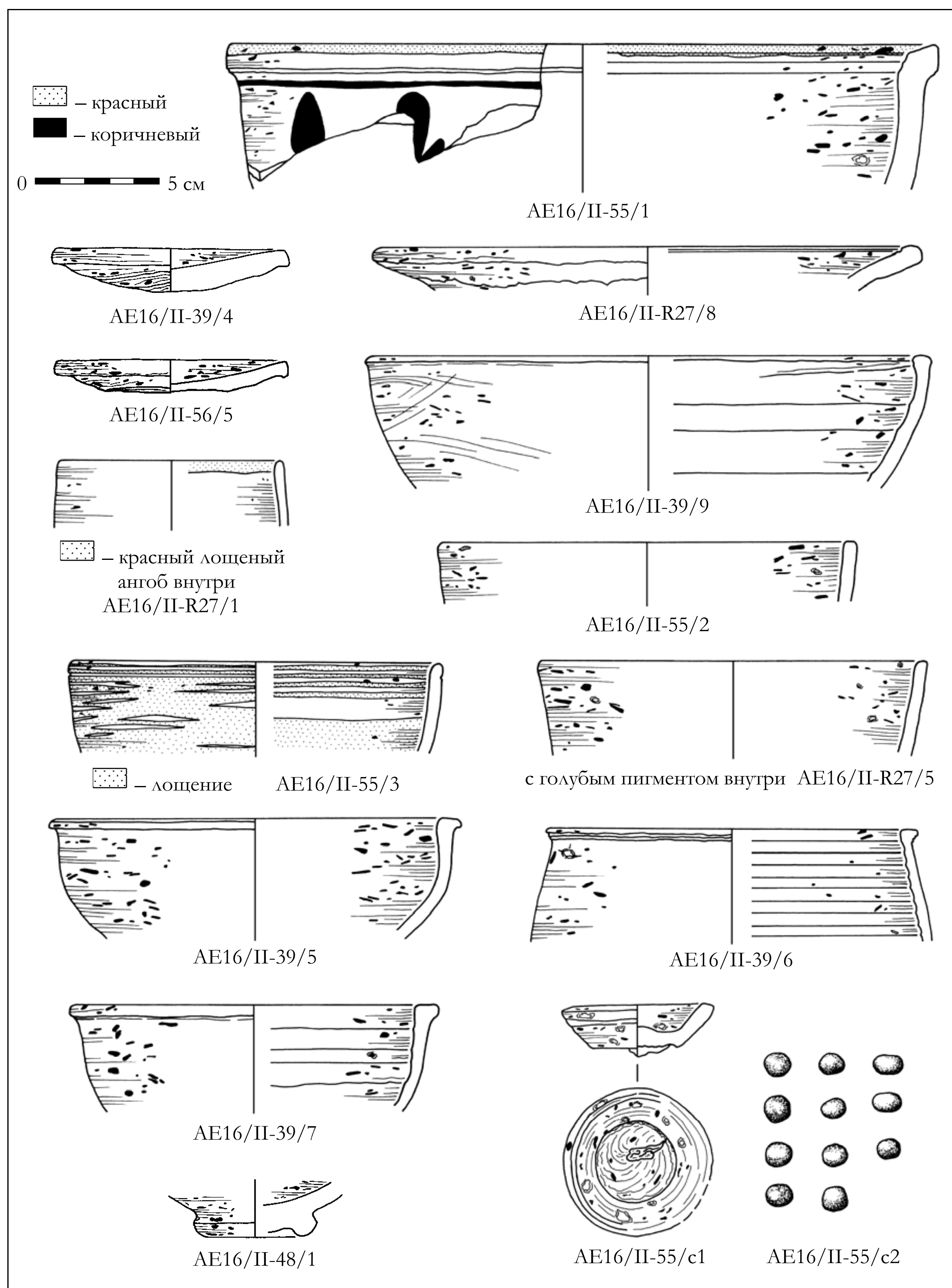
свидетельствуют о ее длительном бытовом использовании для приготовления пищи. Глубина залегания фрагментов этого предмета соответствует уровню поздних полов в храме, когда здание стали использовать для жилья.

В северо-западном углу помещения 27 были обнаружены два лепных шарообразных кувшина AE16/II-44/11 и AE16/II-44/12 (*илл. 7*), сохранившихся частично: венчики и донца отсутствуют. Их форма характерна для Позднемероитского и Постмероитского периодов[24], что позволяет предположить, что эти сосуды, как и упомянутая выше чаша, также относятся ко времени обитания храма. Шарообразные кувшины были сделаны из нильской аллювиальной глины, что является редкостью для Абу Эртейлы, удаленной от берега реки не менее чем на 5 км [Malykh, 2017a, p. 147–148; 2018b, p. 514]. На плече пивного кувшина AE16/II-44/12 имеется вдавленный гребенчатый декор, образующий пару ромбов. Такой орнаментальный мотив был характерен не только для лепных шарообразных кувшинов, но также для чанов и чаш, найденных как на поселении в Абу Эртейле, так и в некрополях Габати и эль-Хобаги [Malykh, 2017a, p. 139, fig. 1d-e, 1g-h; Edwards, 1998, p. 175, fig. 6.24 (no.514); Lenoble, 2018, p. 29–31, fig. 4 (no.11), 5 (no. 20)]. На тулове этого же кувшина имеется шесть просверленных ремонтных отверстий, служивших для продевания веревки и скрепления разбитого сосуда. Ремонтные отверстия достаточно часто встречаются на лепной керамике Абу Эртейлы (чашах, чанах и кувшинах для хранения продуктов[25]), что свидетельствует, по нашему мнению, о бережливом отношении местных жителей к обычной бытовой утвари. Это любопытный штрих к психологическому портрету рядового населения Абу Эртейлы в эпоху упадка: несмотря на наличие достаточного количества керамической посуды (о чем свидетельствует значительное количество черепков в верхних слоях Абу Эртейлы) жители экономно относились к предметам повседневного использования.

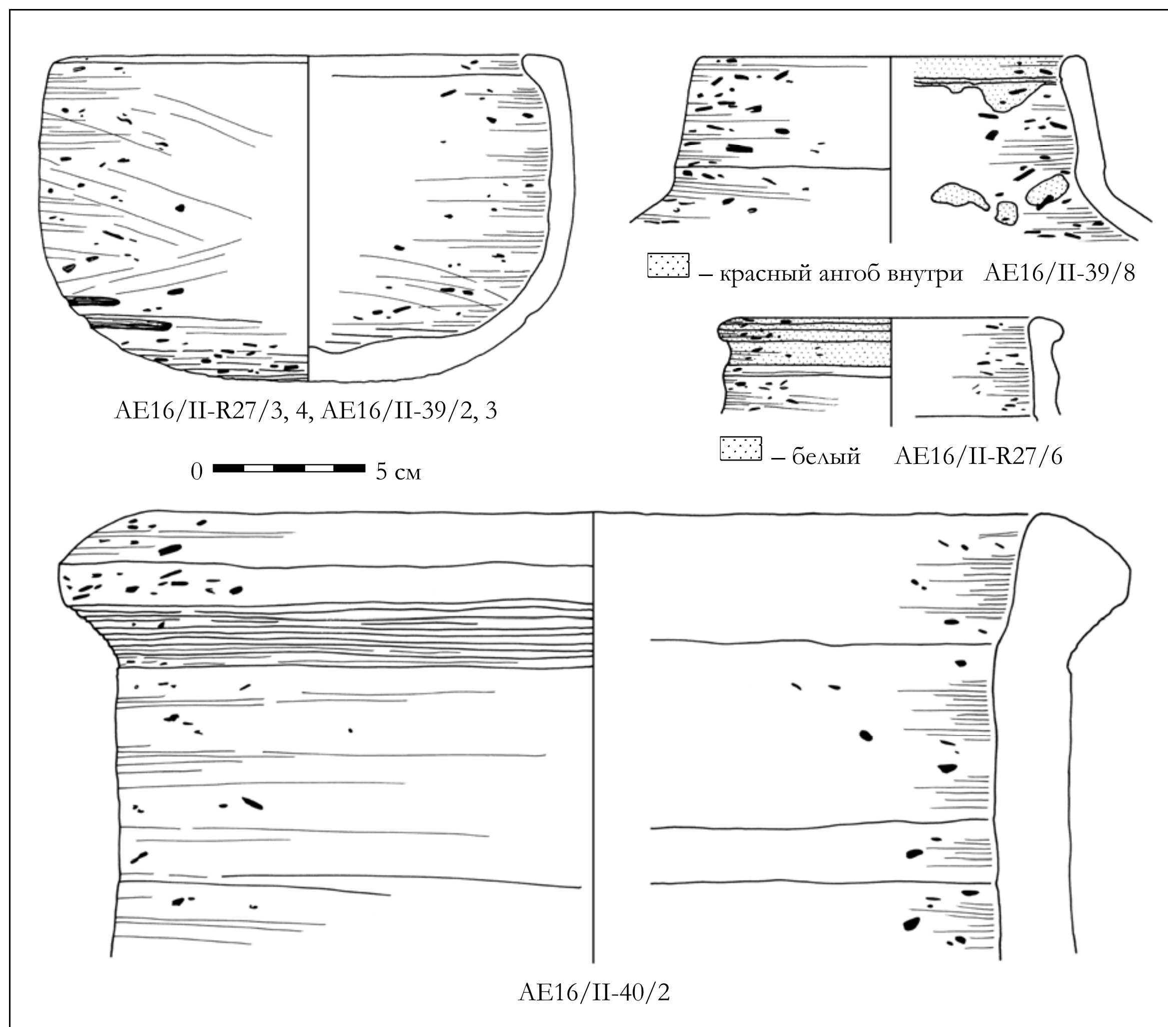
Лепные чаши, чаны и котлы, обычно со следами копоти снаружи (свидетельство кухонного применения) немногочисленны (4 %). Фрагменты подставок для курильниц составляют 2 %, что косвенно указывает на следы культовой активности в гипостильном зале храма.

Примечателен венчик расписного кратера AE16/II-55/1, от которого найдено два фрагмента. Схожие сосуды также отмечены в Хамадабе и Мусаввварат эс-Суфре [Edwards, 1999a, p. 20, pl. II (no.707); Nowotnick, 2016, p. 400, fig. 1 (HVU-09-0156)] и датированы широким интервалом от II в. до н. э. до II в. н. э. Декор кратера выполнен в египетском стиле и представляет собой сочетание коричневых бутонов лотоса и знаков-*анх* с широкими ветвями на молочно-белом ангобе. Использованная на сосуде египетская символика позволяет предположить культовое назначение кратера, тогда как его форма и бытовая функция (сосуд для смешивания вина) заимствованы из греческой культуры[26]. Таким образом, две художественные традиции, египетская и греческая, воплотились в одном предмете, найденном в мероитском храме. Характерно также, что кратер AE16/II-55/1 был изготовлен из местной глины, обычной для Абу Эртейлы, вероятно, в гончарной мастерской, расположенной неподалеку — в районе Вади эль-Хавад.

[24] [Adams, 1964, p. 132, fig. 6.8; Edwards, 1998, p. 177, fig. 6.26 (no.3902); Lenoble, 2018, p. 40–41, fig. 14].
[25] Подробнее см.: [Malykh, 2017a, p. 140, fig. 1b, 1d, 3a].
[26] [Nowotnick, 2016, p. 400–401]. О синкретическом стиле кратеров см.: [Evina, 2018, p. 233–243].

Илл. 5. Керамика из гипостильного зала храма в Абу Эртейле (помещение 27) (*рис. автора*)

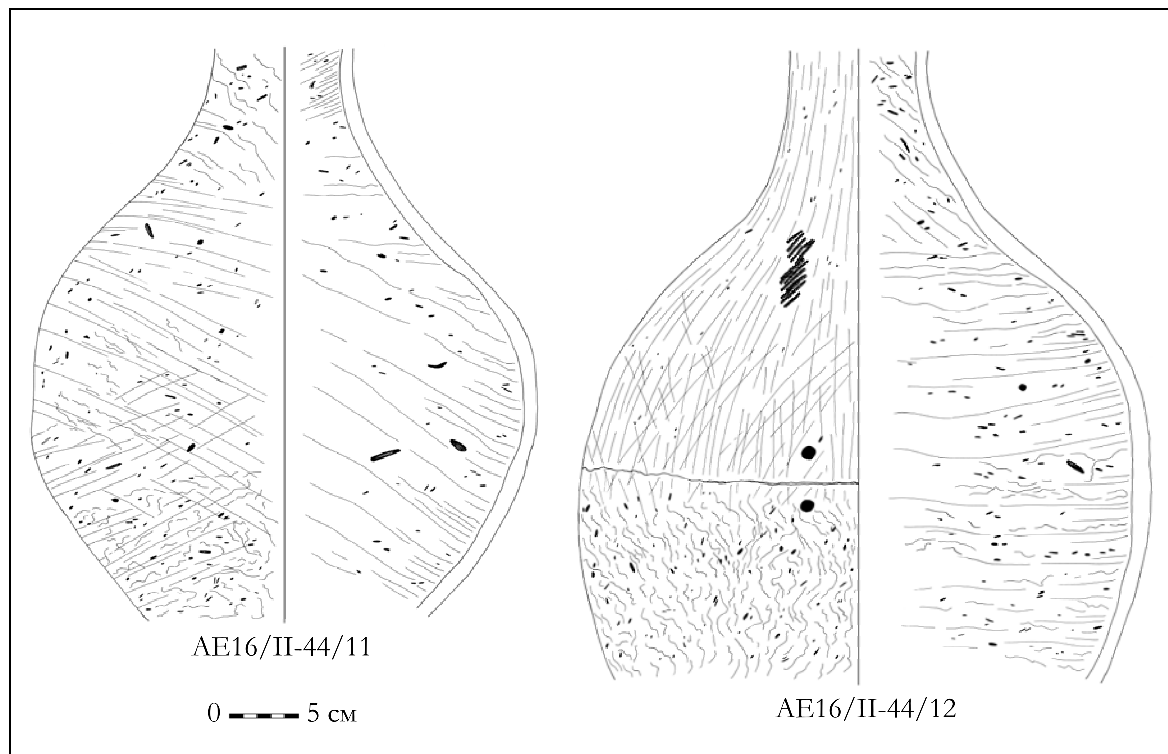

Илл. 6. Керамика из гипостильного зала храма в Абу Эртейле (помещение 27) (*рис. автора*)

В северо-восточной части помещения 27, около северного пилона храма, была найдена целая круговая миниатюрная тарелочка AE16/II-55/c1 с одиннадцатью лепными белыми шариками AE16/II-55/c2 диаметром от 0,95 см до 1,2 см. Все они сделаны из необожженной глины (местная глина вади для тарелочки и каолиновая глина для шариков). Миниатюрная глиняная керамика редка для мероитских храмов: несколько сосудов обнаружено на Комах I и II в Абу Эртейле, а также в городе Мероэ [Malykh, 2017a, p. 125, fig. 10p-10r, pl. Ih; Näser, 2004, p. 232.]. В северо-западном углу храма Льва в Мусавварат эс-Суфре было найдено 8 белых и 26 черных глиняных шариков диаметром 1,3–1,6 см. Г. Бушендорф-Отто предположила, что это игровые фишки [G. Buschendorf-Otto in Hintze, 1993, S. 286 (no.6), Abb. 228, Bild 63]. По нашему мнению, наиболее логично рассматривать предметы, найденные в Абу Эртейле, как символические вотивные подношения, которые обычно являются не реальными предметами, а их миниатюрными имитациями (по аналогии с предметами из фундаментных закладов и скоплений вотивных предметов в древнеегипетских

храмах[27]). Что касается белых каолиновых шариков, то они могли имитировать шарики ладана — необходимое вещество для храмовых действ.

Таким образом, керамический материал из гипостильного зала храма в Абу Эртейле включал как домашнюю бытовую утварь, так и культовые предметы (чаши-курильницы, подставки для них, вотивную тарелочку), датируемые в целом I–III вв. н. э. Наряду с керамикой, по-видимому, относящейся ко времени функционирования храма, были обнаружены фрагменты чаш с красящими пигментами (как и в случае с помещением 25), которые, вероятно, использовались для росписи стен храма во время его строительства или для подновления фресок.

Илл. 7. Поздняя керамика из гипостильного зала храма в Абу Эртейле (помещение 27) (*рис. автора*)

Технологические особенности керамики Абу Эртейлы

Подавляющее большинство керамики, найденной в главных помещениях храма в Абу Эртейле, сделано на гончарном круге; доминируют сосуды, покрытые красным ангобом[28]. Неангобированная керамика или сосуды со светлым ангобом (белым или бежевым) редки. Примечателен небольшой процент лепной утвари (от 1 % до 4 %); в то же время выявлены круговые образцы, явно копирующие лепные формы[29]

---

[27] О предметах из фундаментных закладов и миниатюрной керамике Древнего Египта см.: [Wilkinson, 2000, p. 38–39; Малых, 2010].

[28] У. Адамс отмечал, что «примерно 90 % нубийской керамики покрыто ангобом, и 50 % декорировано» [Adams, 1973, p. 6].

[29] Подробнее см.: [Malykh, 2017a, p. 148–149].

(чернолощеные или краснолощеные чащи с профилированным венчиком, например, AE15/II-R25/1, AE16/II-R27/3, 4, AE16/II-39/2, 3, AE17/II-37/7, AE17/II-36/5, AE17/II-34/1, *илл. 4, 6*).

Среди абу-эртейльских изделий, сформованных на гончарном круге, есть и высококачественные образцы, и так называемые "one-minute bowls" [Robertson, Hill, 2004, p. 112–114, fig. 74–75]: это быстро сделанные сравнительно грубые сосуды, срезанные с гончарного круга ножом или острым инструментом; их донца часто имеют S-образные трещины; красный ангоб был нанесен неравномерно и часто растрескивался в процессе сушки или обжига [Malykh, 2017a, p. 147, fig. 13, pl. Ic–e, h]. Глина таких сосудов содержит значительное количество минеральных и растительных примесей, нередко довольно крупных, в том числе ферритов и каолиновых зерен. Как отмечали Дж. Робертсон и Э. М. Хилл, «одноминутные» чаши свидетельствуют о развитом массовом гончарном производстве [Robertson, Hill, 2004, p. 111–112].

Основная часть керамики Абу Эртейлы была подвергнута окислительному обжигу: в его процессе изделия приобретают, в зависимости от глины, красный, коричневый, бежевый, оранжевый цвета. Восстановительный обжиг, в результате которого поверхность сосудов получается черного или серого цвета, характерный для традиционных нубийских керамических изделий, преимущественно изготовленных в домашних условиях, встречается у керамики из Абу Эртейлы гораздо реже.

Совокупность технологических свидетельств — доминирование местной глины, добытой поблизости — в Вади эль-Хавад, для изготовления культовой и бытовой утвари Абу Эртейлы, манера изготовления, однообразие гончарных меток на сосудах[30], малочисленность лепной керамики, — все это косвенно указывает на существование поблизости от Абу Эртейлы специализированной гончарной мастерской, пока не выявленной в ходе археологических работ. Учитывая, что в соседних поселениях — Мероэ и Хамадабе — такие мастерские найдены[31], логично допустить, что в каждом населенном пункте столичного региона (или храмовом хозяйстве) могла быть своя гончарня, использовавшая местное глиняное сырье. В то же время изделия из других мастерских, в первую очередь элитная посуда типа "egg-shell ware" из беложгущейся каолиновой глины, доставлялись в соседние населенные пункты из столицы, поблизости от которой располагались залежи каолинитов[32].

Заключение

Керамический материал, найденный в ходе археологического исследования главного здания храма (помещения 25–27) на Коме II в Абу Эртейле, типологически разнообразен и датируется в целом I–III вв. н. э. Среди сосудов можно выделить более узко датированные, относящиеся к I или II вв. н. э. Постмероитская керамика единична и носит кухонное назначение.

---

[30] Анализ гончарных меток на абу-эртейльской керамике предпринят в: [Малых, 2016, с. 143–165; Malykh, 2017b, p. 193–211].

[31] Robertson, Hill, 2004, p. 117; Wolf et al., 2011, S. 234–237, Abb. 10, 21; Wolf, Nowotnick, Hof, 2014, p. 728–730.

[32] Подробнее о проблеме собственных гончарных мастерских в мероитских храмовых хозяйствах и поселениях см.: Малых, 2017, с. 28–31.

Среди находок в отдельных помещениях храма доминируют фрагменты больших круговых цилиндрических кувшинов (от 60 % до 75 %), относящихся к тарной категории и первоначально имевших назначение для хранения жидких и сыпучих продуктов. Вторично их могли использовать как сосуды-печи для углей, устанавливая внутри помещений, по углам или вдоль стен, вероятно в целях обогрева помещений в холодное время года и для приготовления пищи. Последнее, вероятно, относится ко времени постепенного запустения храма во II–III вв. н. э., когда назначение части помещений было перепрофилировано с культового на жилое.

Красноангобированная круговая группа открытых форм (чаши различных видов, кубки, тарелки, миски, чаны) занимает второе место (от 16 % до 22 %). В этой категории присутствуют как бытовые столовые и кухонные сосуды, так и культовые предметы, сделанные и из вади-глины, и из каолиновой глины, вероятно, происходившей из залежей рядом с городом Мероэ. Несколько чаш сохранили следы голубого и желтого пигментов, по цвету совпадающих с цветом настенных росписей в помещениях храма в Абу Эртейле. Вероятно, это могли быть остатки от росписи храмовых стен в процессе его сооружения, или последующего подновления фресок. Следы копоти внутри многих чаш, оставшиеся от сожжения неких, вероятно, ароматических веществ (вряд ли они являлись лампами, так как имеют значительный размер и объем), свидетельствуют, что эти сосуды использовались для воскурения благовоний в ходе храмовых служб в I–III вв. н. э. В главных помещениях храма были найдены фрагменты колонновидных подставок под такие курильницы. Присутствие прямоугольной формы для возлияний со знаком-*анх* в святилище храма также относится к эпохе совершения культовых действ в храме в Абу Эртейле.

Между тем, необычным для культового сооружения является стремящийся к нулю процент находок тонкой каолиновой керамики — “egg-shell ware” – характерного изделия Мероитского царства. При этом в заполнении помещений расположенного по соседству на Коме I административного здания процент “egg-shell ware” заметно выше.

Также нетипичен небольшой процент лепной керамики (от 1 % до 4 %), что демонстрирует возможность местного населения Абу Эртейлы пользоваться продукцией гончарной мастерской и отсутствие необходимости лепить керамические сосуды в домашних условиях. Не только бытовая, но и культовая утварь для нужд храма в Абу Эртейле в основном производилась неподалеку — где-то в области Вади эль-Хавад, о чем свидетельствует доминирование местной глины, использованной для изготовления большинства сосудов.

Морфологические параллели публикуемым здесь керамическим типам обнаружены как в центральном регионе Мероитского царства — в Мероэ, Хамадабе, Аулибе, эль-Кададе, Габати, эль-Хассе, Мувейсе, Вад Бен Наге, Наге, Мусавварат эс-Суфре, эль-Хобаги, так и в более удаленных местностях — Бербере, Гебель Баркале, Седибе.

Многие элементы декора на керамике, как и знаки на сосудах (нарисованные белым пигментом или прочерченные до или после обжига) имеют сакральное значение. Доминируют знаки-*анх*, встречаются также бутоны лотоса, скипетр-*уас*, солярные символы и стилизованное изображение жертвенника.

Среди керамических находок в главных помещениях храма в Абу Эртейле небольшое, но заметное место занимает импорт — привозные винные амфоры,

главным образом из Египта, но также и из региона Эгейского моря. Последние попали в Мероэ, скорее всего, через Египет. Закономерно доминирование в этой группе амфорной продукции гончарных мастерских Асуана — наиболее близкого к границам Мероитского царства египетского города. Присутствие винных амфор в Абу Эртейле, с одной стороны, может говорить о популярности данного напитка у мероитов, с другой стороны, это свидетельствует о важности вина в храмовых ритуалах, что вероятно, отсылает нас к проблеме существования дионисийского культа в Мероэ.

Таким образом, керамический материал, найденный в главном здании храма в Абу Эртейле, позволяет судить как о ранних этапах функционирования культового комплекса в I в. н. э., так и о стадиях упадка и постепенного запустения к середине IV в. н. э.

Литература / References

Кормышева Э. Е., Малых С. Е., Фантусати Е. Археологическая экспедиция в Абу Эртейле (Судан). Сезоны 2009–2010 годов // *Исторические записки.* Вып. 14 (132). М., 2012. С. 369–390 [Kormysheva E. E., Malykh S. E., Fantusati E. Archaeological Expedition to Abu Erteila (Sudan). Seasons 2009–2010 // *Istoricheskie zapiski (Historical Notes).* 14 (132). Moscow, 2012. Pp. 369–390 (in Russian)].

Кормышева Э. Е. Подставки для мероитских священных барок в контексте сцен ритуала **twA pt** // *Эпиграфика Востока.* Вып. XXXII. М., 2016. С. 95–131 [Kormysheva E. E. Stands for Meroitic Sacred Barques in the Context of Scenes of the Ritual **twA pt** // *Epigraphy of the Orient.* XXXII. Moscow, 2016. Pp. 95–131 (in Russian)].

Кормышева Э. Е. Еще две подставки для священной барки и статуи из Абу Эртейла // *Эпиграфика Востока.* Вып. XXXIII. М., 2018. С. 39–85 [Kormysheva E. E. Two More Stands for a Sacred Barque and Statue from Abu Erteila // *Epigraphy of the Orient.* XXXIII. Moscow, 2018. Pp. 39–85 (in Russian)].

Кормышева Э. Е., Малых С. Е., Фантусати Э. Абу Эртейла: новый административный центр империи Мероэ (Северный Судан) // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность.* 2014. № 2. С. 121–141 [Kormysheva E. E., Malykh S. E., Fantusati E. Abu Erteila: A New Administrative Center of the Meroë Empire (Northern Sudan) // *Vostok (Oriens).* 2014. 2. Pp. 121–141 (in Russian)].

Малых С. Е. *Вотивная керамика Египта эпохи Древнего царства.* М., 2010 [Malykh S. E. *Egyptian Votive Pottery of the Old Kingdom.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Малых С. Е. Символика белого цвета в древнеегипетском погребальном обряде и поминальном культе эпохи Древнего царства // *Восток (Oriens).* 2015. № 2. С. 20–32 [Malykh S. E. Symbolism of the White Color in Ancient Egyptian Funerary Rites and Cult of the Old Kingdom // *Vostok (Oriens).* 2015. 2. Pp. 20–32 (in Russian)].

Малых С. Е. Позднемероитская керамика Абу Эртейлы: проблема существования локальных гончарных центров в округе Мероэ // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность.* 2017. № 5. С. 26–36 [Malykh S. E. Late Meroitic Pottery of Abu Erteila: The Problem of Existence of Local Pottery Workshops in the Region of Meroe City // *Vostok (Oriens).* 2017. 5. Pp. 26–36 (in Russian)].

Малых С. Е. Египетские мотивы в декоре керамики Мероэ: проблема межцивилизационных влияний в материальной культуре древних обществ // *Восток (Oriens). Афро-азиатские общества: история и современность.* 2018. № 5. С. 37–55 [Malykh S. E. Egyptian Motifs in the Decoration of Meroitic Pottery: The Problem of Intercivilizational Influences in the Material Culture of Ancient Societies // *Vostok (Oriens).* 2018. 5. Pp. 37–55 (in Russian)].

Малых С. Е. Знаки на мероитской керамике из Абу Эртейлы: проблема интерпретации // *Эпиграфика Востока*. Вып. XXXII. М., 2016. С. 143–165 [Malykh S. E. Signs on the Meroitic Pottery from Abu Erteila: The Problem of Interpretation // *Epigraphy of the Orient*. XXXII. Moscow, 2016. Pp. 143–165 (in Russian)].

Adams W. Y. An Introductory Classification of Meroitic Pottery // *Kush*. 1964. XII. Pp. 126–173.

Adams W. Y. The Vintage of Nubia // *Kush*. 1966. XIV. Pp. 262–283.

Adams W. Y. Progress Report on Nubian Pottery. 1. The Native Wares // *Kush*. 1973. XV. Pp. 1–50.

Adams W. Y. The Aswan Wares in Nubia, AD 1–1500 // David R. (ed.). *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences* (*CCE* 11). Le Caire, 2018. Pp. 303–328.

Adams W. Y., Adams N. K. The Three Faces of Isis // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018. P. 301–306.

Bagińska D. Amphora Imports in Nubia // *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. 3. Pp. 15–36.

Bagińska D. The Meroitic Pottery from Selib // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 455–464.

Bagińska D. Meroitic Pottery from Temple B 560 at Jebel Barkal // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018. Pp. 489–504.

Bąkowska G. Some Remarks on Meroitic Pottery from Jebel Barkal / Napata // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 249–264.

Bąkowska-Czerner G. Meroitic Pottery from Natakamani's Palace in Jebel Barkal: Preliminary Report on the Results of Seasons 2011–2013 // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018. Pp. 505–512.

Bashir M. S., David R. Meroitic Pottery from Excavations of the Cemetery at Berber // *Der antike Sudan. Mitteilungen des Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2011. 22. S. 121–128.

Bashir M.S., David R. The Meroitic Cemetery at Berber. Recent Fieldwork and Discussion on Internal Chronology // *Sudan and Nubia. The Sudan Archaeological Research Society Bulletin*. 2015. 19. Pp. 97–105.

Daszkiewicz M., Bobryk E., Schneider G. Archaeoceramological Study of Pottery Fabrics from Awlib, Sudan // *Gdańsk Archaeological Museum African Reports*. 2005. 3. Pp. 67–78.

David R., Francigny V. Les céramiques importées à Sedeinga et la question des «échanges à longue distance» dans le royaume de Méroé /// David R. (ed.). *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. (*CCE* 11). Le Caire, 2018. Pp. 255–278.

Dunham D. A Collection of 'Pot-Marks" from Kush and Nubia // *Kush*. 1965. XIII. Pp. 131–147.

Edwards D. N. *Gabati. A Meroitic, Post-Meroitic and Medieval Cemetery in Central Sudan*. Vol. 1. Oxford, 1998.

Edwards D. N. *Musawwarat es Sufra III. A Meroitic Pottery Workshop at Musawwarat es Sufra. Meroitica* 17,2. Wiesbaden, 1999(a).

Edwards D. N. Meroitic Ceramic Studies I: A Preliminary Study of the Meroe West Cemetery // *Meroitic Newsletter*. 1999(b). 26. Pp. 53–77.

Evina M. Painted Kraters from the Meroitic City of Muweis: Some Elements of Understanding // David R. (ed.). *Céramiques Égyptiennes au Soudan ancien. Importations, imitations et influences*. (*CCE* 11). Le Caire, 2018. Pp. 233–253.

Fantusati E., Kormysheva E., Lobban R., Malykh S. Excavations in Abu Erteila (season 2008–2009) // *Cultural Heritage of Egypt and Christian Orient*. Vol. 5. Moscow, 2010. Pp. 14–42.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila: Preliminary Results of the Italian-Russian Archaeological Mission Excavations, Seasons 2009–2010 // *Beiträge zur Sudanforschung*. 2012. 11. Pp. 21–59.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Abu Erteila — An Archaeological Site in the Butana Region // Lohwasser A., Wolf P. (Hrsg.). *Der antike Sudan. Ein Forscherleben zwischen den Welten Zum 80. Geburtstag von Steffen Wenig*. Berlin, 2014(a). S. 65–94.

Fantusati E., Kormysheva E., Malykh S. Survey in Abu Erteila: Preliminary Results // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies*. Leuven, Paris, Walpole, 2014(b). Pp. 739–757.

Fitzenreiter M., Seiler A., Gerullat I. *Musawwarat es Sufra II. Die kleine Anlage. Meroitica* 17,1. Wiesbaden, 1999.

Gardiner A. H. *Egyptian Grammar*. Third Edition. London, 1957.

Garstang J. *Meroë. The city of the Ethiopians: being an account of a first season's excavations on the site, 1909–1910*. Oxford, 1911.

Geus F. *Service des Antiquités du Soudan, Section Française de Recherche Archéologique. Rapport Annuele d'Activite pour 1976–1977*. Lille, 1978.

Geus F. *Service des Antiquités du Soudan, Section Française de Recherche Archéologique. Rapport Annuele d'Activite pour 1978–1979*. Lille, 1980.

Geus F. *Direction Generale des Antiquités et des Musees Nationaux du Soudan, Section Française de Recherche Archéologique. Rapport Annuele d'Activite pour 1980–1982*. Lille, 1983.

Hintze F. Preliminary Report on the Excavations at Musawwarat Es Sufra, 1960-1 by the Institute of Egyptology, Humboldt University, Berlin // *Kush*. 1962. X. Pp. 170–202.

Hintze F. (Hrsg.). *Musawwarat es-Sufra* I, 1. *Der Löwentempel. Textband*. Berlin, 1993.

Kroeper K., Wildung D. Naga Project (Sudan), Egyptian Museum Berlin. Preliminary Report 1997 and 1998, Seasons 3 and 4 // *Archeologie du Nil Moyen*. 2002. 9. Pp. 135–146.

Kroeper K., Wildung D. The Naga Project, Egyptian Museum Berlin // *Kush*. 2003. XVIII. Pp. 97–102.

Lenoble P. Trois tombes de la région de Méroé. La clôture des fouilles historiques d'el Kadada en 1985 et 1986 // *Archeologie du Nil Moyen*. 1987(a). 2. Pp. 89–119.

Lenoble P. Quatre tumulus sur mille du Djebel Makbor // *Archeologie du Nil Moyen*. 1987(b). 2. Pp. 207–119.

Lenoble P. *El-Hobagi: une nécropole de rang impérial au Soudan Central. Deux tumulus sur sept*. Le Caire, 2018.

Malykh S. Late Meroitic pottery of Abu Erteila: Local Traditions and Foreign Influence // *Bulletin de Liaison de la Céramique Égyptienne*. 2017(a). 27. Pp. 137–180.

Malykh S. Marks on Meroitic Pottery from Abu Erteila: The Problem of Interpretation // *Beiträge zur Sudanforschung*. 12, 2017(b). Pp. 193–211.

Malykh S. E. Ceramic Libation Basins from the Meroitic Temple in Abu Erteila // *Der antike Sudan. Mitteilungen des Sudanarchäologischen Gesellschaft zu Berlin e.V.* 2018(a). 29. Pp. 59–64.

Malykh S. The Pottery to the South of the Royal City of Meroe: The Case of Abu Erteila as a Potential Production Center // Honegger M. (ed.). *Nubian Archaeology in the XXIst Century. Proceedings of the Thirteenth International Conference for Nubian Studies, Neuchâtel, 1st–6th September 2014*. Louvain, 2018(b). Pp. 513–518.

Michaux-Colombot D. The Rosette in Nubian Cultures // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 279–297.

Näser C. The Small Finds // Shinnie P. L., Anderson J. R. (eds.). *Meroitica* 20. *The Capital of Kush* 2. *Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden, 2004. Pp. 215–350.

Nowotnick U. Hellenistic Influence on Ceramics from Meroe and Hamadab (Sudan) // Japp S., Kögler P. (eds.). *Traditions and Innovations. Tracking the Development of Pottery from the Late Classical to the Early Imperial Periods*. Wien, 2016. Pp. 399–414.

Robertson J. H., Hill E. M. The Meroitic Pottery Industry // Shinnie P. L., Anderson J. R. (eds.). *Meroitica* 20. *The Capital of Kush* 2. *Meroë Excavations 1973–1984*. Wiesbaden, 2004. Pp. 109–212.

Rondot V., Török L. La maison du dieu: le temple // Baud M. (ed.). *Méroé. Un empire sur le Nil.* Paris, 2010. Pp. 227–233.

Sackho-Autissier A. Un aspest de la religion méroïtique: vin et culte dionysiaque // Baud M. (ed.). *Méroé. Un empire sur le Nil.* Paris, 2010. Pp. 182–185.

Sander A. Sandstone Reliefs and Other Architectural Details Revealed in the Awlib Temple Complex in 2003: A Preliminary Analysis // Zach M. H. (ed.). *The Kushite World. Proceedings of the 11th International Conference for Meroitic Studies. Vienna, 1–4 September 2008*. Vienna, 2015. Pp. 307–317.

Török L. A Special Group of Meroitic Property Marks from the 1st to 2nd Centuries A.D. // *Meroitic Newsletter*. 1972. 10. Pp. 35–44.

Török L. *Meroe City. An Ancient African Capital. John Garstang's Excavations in the Sudan.* Part 1. London, 1997.

Wenig S. *Africa in Antiquity II. The Arts of Ancient Nubia and the Sudan. The Catalogue.* Brooklyn, 1978.

Wildung D., Kroeper K. *A Short Guide to the Ancient Site of Naga (Sudan). The Naga Project of the State Museum of Egyptian Art, Munich (Germany).* Munich, 2016.

Wilkinson R. H. *The Complete Temples of Ancient Egypt.* London, 2000.

Wolf P. Temples in the Meroitic South — Some Aspects of Typology, Cult and Function // Caneva I., Roccati A. (eds.). *Acta Nubica. Proceedings of the X International Conference for Nubian Studies. Rome, 9–14 September 2002*. Rome, 2006. Pp. 239–262.

Wolf S., Wolf P., Onasch H.-U., Hof C., Nowotnick U. Meroe und Hamadab — Stadtstrukturen und Lebensformen im afrikanischen Reich von Kush // *Archäologischer Anzeiger*. 2011. 2. S. 213–245.

Wolf P., Nowotnick U., Hof C. The Meroitic Urban Town of Hamadab in 2010 // Anderson J. R., Welsby D. A. (eds.). *The Fourth Cataract and Beyond. Proceedings of 12th International Conference for Nubian Studies.* Leuven, Paris, Walpole, 2014. Pp. 719–737.

Yellin J. W. Nubian Religion // Fisher M. M., Lacovara P., Ikram S., D'Auria S. (eds.). *Ancient Nubia. African Kingdoms on the Nile.* Cairo, New York, 2012. Pp. 125–144.

НИЛ ДО ГИДРОСТРОИТЕЛЬСТВА: РЕЧНОЙ БАССЕЙН И ПРЕДЫСТОРИЯ «ВОДОХРАНИЛИЩ СТОЛЕТИЯ» (К ПРОБЛЕМЕ «ГОЛОЦЕНОВОГО МОРЯ» В СРЕДНЕМ ЕГИПТЕ)

Д. Б. Прусаков*

В статье автор обращается к нильскому водосборному бассейну и гидротехническим проектам, которые планировались и осуществлялись на его территории в XIX–XXI вв. Целостная картина сложной речной системы Нила и природных (климатических, гидрологических и др.) механизмов, благодаря которым ее составные части неразрывно взаимодействуют между собой, проясняет особенности круговорота, накопления и расхода воды в многочисленных руслах, рукавах и притоках величайшей африканской реки. Эту картину существенно дополняет изучение полуторавекового инженерного опыта сооружения на Белом, Голубом и Главном Ниле плотин и водохранилищ. Такой подход способствует лучшему пониманию и непредвзятой оценке новейших гипотез естественного озерообразования на Ниле в прошлые эпохи, значительно корректирующих ряд положений африканской и, в частности, египетской археологии.

Ключевые слова: Нил, водосборный бассейн, гидрология, Гарольд Эдвин Херст, плотины, «водохранилища столетия».

THE NILE BEFORE THE HYDRAULIC CONSTRUCTION: THE RIVER DRAINAGE BASIN AND PREHISTORY OF THE "CENTURY STORAGE" (TO THE PROBLEM OF "HOLOCENE SEA" IN MIDDLE EGYPT)

Dmitry B. Proussakov

In this article the author appeals to the Nile drainage basin and hydraulic projects that have been proposed and realized in its area from the 19th to the 21st century. Holistic picture of the complex River Nile system and natural (climatic, hydrologic, and others) mechanisms of inseparable interaction of its elements clarifies the peculiarities of water circulation, storage and discharge in numerous channels, branches and tributaries of the greatest African river. This picture is supplemented significantly by the study of a century-and-a-half engineering experience of dams and reservoirs construction on the White, Blue and Main Nile. Such an approach helps towards better understanding and unbiased appraisal of the latest hypotheses of past natural lake formation on the River Nile correcting significantly a number of tenets of African and, in particular, Egyptian archaeology.

Keywords: River Nile, drainage basin, hydrology, Harold Edwin Hurst, dams, "Century storage".

* Дмитрий Борисович ПРУСАКОВ, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dmprusakov@mail.ru

Dmitry B. PROUSSAKOV, DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dmprusakov@mail.ru

Для того чтобы объективнее судить о возможностях и вероятностях озерообразования на Ниле в прошлые времена, включая гипотетический разлив «голоценового моря» в Среднем Египте [см.: Прусаков, 2018а; 2018б], необходимо иметь четкое понятие о конфигурации водосбора и «рабочих механизмах» этой грандиозной речной системы, причем особый интерес представляют процесс и результаты хозяйственно-технического вмешательства человека в ее естественное состояние и функционирование.

Сегодня Нил — одна из крупнейших рек на планете, берущая начало за экватором, преодолевающая с юга на север почти 35 градусов широты и в сумме всех притоков стекающая по землям двенадцати государств[1] с более чем 450-миллионным населением. Египтяне, разумеется, считают ее самой длинной рекой в мире (около 6825 км) [Ibrahim, 1984; Said, 1993], но бразильские и перуанские исследователи «отстояли» свою Амазонку, не так давно сообщив в средствах массовой информации, что ее длина, с учетом открытого ими «нового» истока на высоте 5000 м в Андах, приближается к рекордным 7000 км[2]. Этот непрекращающийся «престижный» спор, однако, лишен какого-либо утилитарного смысла, ибо Нил, практически равный по протяженности Амазонке, вместе с тем несоизмеримо уступает ей в водоносности: при в 2–2,5 раза меньшей площади водосбора (по данным Р. Саида, 2,96–3,05 млн. кв. км) его годовой сток как минимум в 65–70 раз ниже. По тому же показателю Нил значительно отстает и от своей великой африканской «сестры» Конго — в 14–15 раз, хотя при сопоставимом водосборе длиннее ее в полтора раза. Волга короче и «компактнее» Нила вдвое, но втрое водоноснее. Рейн, будучи длиной в 5–5,5 и водосбором в 13–16 раз меньше Нила, имеет годовой сток одного порядка с нильским, и т. п. Уникальность Реки не столько в выдающихся морфометрических параметрах, сколько в неповторимой ландшафтной структуре ее бассейна [ср.: Selley, 1997], который объединяет в неразрывное целое на одной десятой площади Африки ряд когда-то независимых и совершенно разнородных водосборных территорий с ярко выраженными особенностями рельефа, климата и гидрорежима: экваториальное «озерное плато», Сэдд и юго-восточный Судан, Эфиопское нагорье, «нубийский» отрезок с порогами и послепороговый Египет [Said, 1981].

«Поистине удивительны как течение Нила, так и то, что о нем рассказывают» [Лев Африканский, 1983]. Самым удаленным от устья нильским истоком была признана порождающая Белый Нил речка Луверонза[3], которая начинается на высоте около 2000 м над уровнем моря в полусотне километров от озера Танганьика в Бурунди (по версии Р. Саида, в Танзании) и относится к бассейну реки Кагера, происходящей от слияния горных потоков Рувуву и Ньяваронго и через 400 км впадающей с запада в озеро Виктория. Лежащая на уровне около 1135 м Виктория — внутреннее пресное

---

[1] Танзания, Демократическая Республика Конго, Бурунди, Руанда, Уганда, Кения, Центральноафриканская Республика, Южный Судан, Судан, Эфиопия, Эритрея, Египет.

[2] См., например: Duffy G. Amazon River 'Longer Than Nile' // *BBC News*. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/6759291.stm (дата обращения 5.05.2019); Roach J. Amazon Longer Than Nile River, Scientists Say // *National Geographic*. URL: http://news.nationalgeographic.com/news/2007/06/070619-amazon-river.html (дата обращения 5.05.2019).

[3] Или, как уточнял К.-Х. Бохов, сбегающий в нее «ручеек под названием Касумо» [Бохов, 1987]. Те, кто с этим не согласен, называют данный исток «самым южным», наиболее же дальним от устья считают руандийскую реку Рукарара, приток Мвого–Ньяваронго [Dumont, 2009].

море длиной 320 км и шириной 275 км, средней глубиной 40 м и максимальной 80–90 м, — вбирая в себя Кагеру и множество других притоков поменьше, изливается в единственном месте своего весьма протяженного (свыше 7100 км)[4] побережья на севере, где до 1954 г. существовали невысокий (4,5–5 м) водопад Рипон и, полутора километрами ниже, пороги водопадного типа Оуэн[5]; отсюда Виктория-Нил по довольно крутому руслу с градиентом 1:1000 устремляется в мелкие (не глубже 5–7 м), но очень пространные и разветвленные озера Кьога, из которых, образуя на этом заключительном отрезке пороги Карума, 40-метровые водопады Кабарега и застойную дельту, стекает в северную оконечность озера Альберт, протянувшись на 480 км с общим перепадом высот 515–516 м. С противоположной, юго-западной стороны Альберт (617–619 м над уровнем моря) принимает свой главный приток — 250-километровую извилистую и порожистую реку Семлики, вытекающую из озера Эдуард (912–915 м над уровнем моря), огибающую слева массив «Лунных гор»[6] Рувензори с высочайшим (5122 м) пиком Маргарита вершины Стэнли и четырьмя десятками ледников (со склонов которого она получает дополнительное обильное питание) и имеющую, наравне с Кагерой, самую непосредственную принадлежность к началам экваториальной части нильского бассейна. Заканчивает ее Альберт-Нил, выходящий из озера неподалеку от устья Виктория-Нила, меандрирующий более двухсот километров до границы Уганды и Южного Судана по равнине, усеянной болотами и заводями, с еле заметным уклоном 0,02 м/км, а затем по резко сужающемуся скалистому руслу с многочисленными порогами и падением около 1 м/км, как у верхнего Виктория-Нила, ускоренно спускающийся полторы-две сотни километров от Нимуле к Джубе. Дальше речные берега снова постепенно заболачиваются, переходя в «феноменально плоскую» область Сэдд[7], где (парадокс) медленно пробирающийся среди обширных папирусово-тростниковых топей Нил больше известен как Бахр эль-Гебель — «Горная река» [Said, 1993; Shahin, 1985].

Специалисты доказывали, что «в прошлые геологические эпохи» на месте болот и «лагун» Сэдда, где и теперь «суша едва видна», расстилалось огромное бессточное озеро длиной в тысячу и шириной свыше полутысячи километров, занимавшее также часть юго-восточного Судана и втрое превосходившее площадью Викторию (230 тыс. кв. км против 69 тыс. кв. км) [Arldt, 1918; Lawson, 1927; Willcocks, 1904; ср.: Salama, 1987]. Сегодня Сэдд покрывает с юга на север порядка 900 км с уклоном 0,06–0,07 м/км, при этом только заболоченные его пространства, меняющие размер и конфигурацию в зависимости от суммы выпадающих и влияющих на них собственных и экваториальных осадков, еще недавно оценивались в 20–30 тыс. кв. км [Sutcliffe, Lazenby, 1990]. Неповторимой и одновременно опаснейшей особенностью Сэдда, крайне затруднявшей его освоение и аборигенам, и колонизаторам, и нередко

[4] Для сравнения, длина береговой линии Асуанского водохранилища («озера» Насер) достигает 7800 км.

[5] Настоящее описание ради чистоты картины «игнорирует» воздвигнутые в XIX–XXI вв. на различных участках Реки гидротехнические сооружения (в данном случае — плотину Налубале у истока Виктория-Нила, приведшую к затоплению водопадов Рипон и Оуэн); специально о них см. ниже.

[6] Другой географически ближайший «прототип» этих легендарных гор, занимавших умы античных и средневековых авторов, — вулканическая цепь Вирунга между озерами Эдуард и Киву.

[7] Перепад высот между ее южным и северным краем не превышает 70 м.

приводившей к непредвиденным человеческим жертвам[8], является способность здешней буйной водяной растительности очень быстро засорять реки и протоки до полной непроходимости как судов, так и самой воды «на месяцы, а иногда и на целые годы», из-за чего регион и получил свое название (с араб. «пробка», «препятствие»). Сэдд представляет для гидросистемы Нила настоящий барьер: на его «акватории», богатой растительными зарослями, за счет испарения и транспирации теряется огромный объем речной воды: так, Бахр эль-Гебель в этих необозримых плавнях лишается половины (свыше 14 куб. км) своего до-сэддового стока, поступающего по Альберт-Нилу прежде всего с дождливого «озерного плато». Преодолев с таким чувствительным для себя ущербом негостеприимные «марши» Сэдда, эль-Гебель несколько пополняется окаймляющей их с северо-запада и также протекающей по заболоченной равнине с немалыми водопотерями рекой Бахр эль-Газаль, которая примечательна тем, что из всех притоков Нила имеет крупнейший бассейн — больше полумиллиона квадратных километров[9], причем многочисленные спускающиеся к ней с конго-нильского водораздела — плоскогорья Азанде — потоки (за исключением впадающего в нее Джура) в своих низовьях утрачивают устойчивые русла и рассеиваются, интенсивно испаряясь, по тому же Сэдду. Слабеющие к устьям «болотные» артерии эль-Гебель и эль-Газаль соединяются в небольшом мелком озере Но, по истечении из которого Река покидает Сэдд, получает название Белый Нил и на дальнейшем околотысячекилометровом пути через юго-восточный Судан по широкой долине с ничтожным уклоном 0,010–0,015 м/км (по другим оценкам, с падением всего на 8 м) до слияния с Голубым Нилом у Хартума насчитывает только два значимых притока, оба — на начальном отрезке выше Малакаля: Бахр аз-Зераф, представляющий собой топкий правый рукав эль-Гебеля, и уже достаточно полноводный Собат с основными истоками на Эфиопском нагорье, почти компенсирующий Нилу убытки от испарения в Сэдде [Said, 1981; 1993].

Высокогорная Эфиопия, половина которой поднята более чем на 2000 м над уровнем моря, с наивысшей точкой 4620 м в Симиенском массиве, является родиной равноценного «экваториальному» второго «корневого» водотока нильской гидросистемы — Голубого Нила. Он происходит из ключа на высоте, по разнящимся данным Г. Херста [ср.: Hurst, 1950; 1952], 2900 или 2700 м и примерно через 96 км под именем Малый Абай (на амхарском языке полностью «тыкур абай», т. е. «черный отец [вод]») в числе шестидесяти других речек и ручьев впадает в неглубокое, до 14–15 м, озеро Тана с зеркалом площадью около 3500 кв. км на отметке 1829 м над уровнем моря. Из озера уже Большой Абай, минуя цепочку порогов, стекает 20–30 км по относительно узкой равнине к 45-метровому водопаду Тис-Ысат, откуда речной поток направляется в «дикий, мрачный» каньон, который постепенно опускается до максимальной глубины 1200–1300 м и, ближе к низовьям, расширяется до 30 км, охватывая 500-километровой петлей вулканический массив Чок с пиком 4413 м таким

[8] Одна из таких трагедий — гибель в 1880 г. от голода и болезней более 400 участников экспедиции итальянского военного и исследователя на англо-египетской службе Р. Джесси, возвращавшейся с верховьев Нила в Хартум и заблокированной в Сэдде на три месяца [Gessi, 1881].

[9] Для сравнения, у реки Кагера, «главного донора озера Виктория», водосборная площадь составляет 63000 кв. км, у Собата — 225000 кв. км, у Голубого Нила с озером Тана — 324530 кв. км, у Атбары — 112400 кв. км [Shahin, 1985].

образом, что Абай оказывается всего в сотне километров от собственного истока. В целом, на протяжении 850 км своего горного течения от озера Тана до эфиопско-суданской границы Голубой Нил имеет падение порядка 1300–1340 м, или 1,5–1,6 м/км, что круче, чем на самых уклонных участках верхнего Белого Нила. Дальше Река вырывается из скального ложа на плоскую глинистую равнину, где ее градиент десятикратно уменьшается, и оставшиеся 800–900 км до Хартума она понижается лишь на 126 м (0,14–0,15 м/км). От Ар-Росейреса Голубой Нил замедленно меандрирует в направлении слияния с Белым, причем в их плодороднейшем наносном междуречье, известном как Гезира [Tothill, 1946; Williams, Adamson, Abdulla, 1982], обнаружены погребенные следы древнейших русел, свидетельствующие о существовании здесь в доисторические времена разветвленной «внутренней дельты» [см.: Прусаков, 2009], а до нее, возможно, большого озера [Said, 1993]. Ниже Сеннара в Голубой Нил справа один за другим впадают притоки Диндер и Рахад, берущие начало на Эфиопском нагорье в нескольких десятках километров западнее озера Тана, но, в отличие от круглогодично питаемого им «отца вод», являющиеся пересыхающими реками, наполняющимися только в сезон муссонных дождей с мая–июня по октябрь–ноябрь. Встречаясь в «тройном городе» Хартума, Северного Хартума и Омдурмана, два легендарных («caput Nili quaerere») водотока Восточной Африки образуют Главный Нил, который в своем «первозданном» состоянии, до развернувшегося по Реке в прошлом веке капитального гидростроительства, на сравнительно пологом (в среднем порядка 0,15 м/км) 1847-километровом пути через песчаники «Нубии» к Асуану преграждался шестью уступчатыми участками выходов на поверхность коренных гранитов суммарной протяженностью 565 км — так называемыми порогами с принятой географами и историками нумерацией, убывающей вниз по течению. Между 6-м и 5-м порогами, в 320 км ниже Хартума, Нил принимает свой последний приток — реку Атбару длиной 880 км с наивысшей точкой водосбора более 3500 м над уровнем моря в североэфиопских горах, превращаемую в мощный поток летними дождевыми муссонами и теряющуюся в «дурных землях» Судана, не доходя до Главного Нила, с наступлением зимней засухи.

Послепороговый египетский Нил стекает к Средиземному морю с уклоном до своей развилки 0,07–0,08 м/км, орошая стиснутые пустынями аллювиальные угодья: почти тысячекилометровую Долину площадью 12000 кв. км и всего 170-километровую, но вдвое превосходящую ее по площади Дельту, где Река в 15–20 км северо-западнее Каира разделяется на два основных естественных рукава, Розеттский и Дамьеттский, погонной длиной порядка 240 км каждый.

В целом «нубийско»-египетский, или Главный, Нил обладает феноменальной особенностью: вбирая между 6-м и 5-м порогами сезонную, высыхающую на зимние полгода Атбару, он на протяжении оставшихся до впадения в море 2689 км полностью лишен притоков, что не мешает ему многие тысячелетия пересекать одну из самых аридных территорий планеты. «Путь, который совершает река через засушливую Сахару, замечателен и уникален. Большинство других рек не были бы способны преодолеть такое расстояние, не растратив своих вод» [Said, 1993]. Вместе с тем именно потому, что весьма значительную и при этом низовую часть его бассейна поглощают безжизненные пустыни, где дождей не бывает годами, десятилетиями или никогда, Нил отличается обескураживающе скромным для такой великой речной системы годовым

стоком (84–86 куб. км), хотя берет начало в экваториальных горах с обильными осадками непосредственно вблизи истоков Конго, второй по водоносности (>1248 куб. км/год) после Амазонки (>5518 куб. км/год)[10] реки на Земле.

В среднем голоцене, когда эпизодическое похолодание=иссушение VII–VI тыс. до н. э. сменилось теплым и влажным атлантическим температурным оптимумом последней трети V — первой трети IV тыс. до н. э. [Клименко, 1997], Восточная Сахара оставалась[11] цветущим краем с постоянным охотничье-скотоводческим населением [Klees, Kuper, 1992; Kuper, 1989], а Главный Нил питался многочисленными дождевыми ручьями и реками из вади как в «Нубии», где в районе Хартума тогда выпадало не менее 600 мм осадков в год [Adamson et al., 1980; Pachur et al., 1990], так и в Египте, где граница летних муссонных дождей, порождающих нильские разливы, проходила на 1000 км севернее, достигая широты Каира [Fairbridge, 1962; Sarnthein, 1978].

Сегодня ежегодное количество осадков в верховых водосборах Нила ориентировочно составляет на экваториальном «озерном плато» 1200 мм (в горах оно превышает 1800 мм, например, на пиках Рувензори насчитывает 5000 мм, частью выпадая здесь в виде снега); в области Сэдд (Южный Судан) в среднем 900 мм; у горных истоков Собата 2000–2200 мм, снижаясь к его устью до 650–780 мм; на Эфиопском нагорье в верховьях Абая и Атбары 1000–1500 мм, в юго-восточном Судане около 500 мм, тогда как у Хартума оно уже не выше 140–180 мм, а на маршруте через пороги к Асуану и вовсе падает до ничтожных 50 мм [ср.: Hijmans et al., 2005]. Это, однако, не предел: в экстремально засушливых районах Египта, к которым принадлежит Восточная пустыня между параллелями 26-го и 29-го градусов, осадков по данным середины прошлого века, при абсолютном максимуме летних температур 48,2°С, насчитывалось на широте Кены — 5,3 мм, Сохага — 1,0 мм, Асиута — 0,4 мм, Миньи — 5,3 мм, Бени-Суэфа — 8,5 мм, причем не регулярных дождей, а «случайных» и редких, преимущественно зимних ливней [Zahran, Willis, 1992]. В стране, где Нил — «напояющий пустыню далеко от воды отец богов в волнах»[12] — заканчивает свой рекордно долгий путь от экватора до Средиземного моря, он орошает лишь 3 % в остальном малопригодной для нормальной жизни территории. По выражению Р. Саида, «эта изумительная река — поистине геологическая причуда» (в оригинале «freak») [Said, 1993], чья общеголоценовая устойчивость была и по сей день обеспечена на редкость отлаженным природным механизмом функционирования ее сложной гидросистемы.

«В среднем 84 % стока Главного Нила приходится на Эфиопию и только 16 % — на Озерное плато Центральной Африки» [Херст, 1954], при этом водоносность Реки балансирует между контрастной сезонностью «абиссинских» и сравнительной круглогодичной стабильностью «экваториальных» притоков. Режимной «доминантой» прежде всего египетского Нила в голоцене, как прямое следствие установившейся над северной частью Индийского океана атмосферной циркуляции, стал ежегодный разлив, наблюдаемый в глубинах истории и новейшими палеогеоморфологическими методами [Talbot, Williams, Adamson, 2000], и ниломерами уже раннефараоновской цивилизации

[10] Данные Р. Саида [Said, 1981; 1993].

[11] Со времен раннеголоценового потепления=увлажнения, достигшего кульминации к IX–VIII тыс. до н. э., подробнее см.: [Прусаков, 2009].

[12] Из египетских «Гимнов Нилу» Среднего и Нового царств в переводах М. Э. Матье [Матье, 1996].

[Schäfer, 1902]: приносимые летним океаническим (юго-западным) муссоном на Эфиопское нагорье сильные дожди приводят к тому, что в мае–июне уровни Голубого Нила и Атбары резко поднимаются, достигая максимума в конце августа — начале сентября, когда объем воды в них в 40–45 раз превышает меженный, и обе реки делаются стремительно-бурными, местами выходя из берегов; соответственно, суточный расход Главного Нила возрастает в 15–16 раз [Херст, 1954]. До перегораживания Нила в XX в. асуанскими и другими плотинами Египет в эти месяцы переживал настоящий потоп, «покрывавший всю долину между двумя пустынями, где города и деревни превращались в острова и островки, а дороги походили на дамбы» [Монтэ, 1989]. Главенствующую роль в зарождении и поддержании «половодья» играл Голубой Нил: согласно современным измерениям, его доля в общем водобалансе Реки в разлив составляет 68 %, Атбары — 22 %, и лишь 10 % паводкового стока дает Белый Нил [Dumont, 2009]. С прекращением летних муссонных дождей это процентное соотношение в «сообщающихся сосудах» основных нильских водосборов кардинально меняется. Атбара превращается «в цепочку изолированных омутков», полностью пересыхая в нижнем течении, и с января по июнь «не приносит ни капли» [Херст, 1954]. В отличие от нее, Голубой Нил, получающий пусть и ограниченное, но постоянное питание из озера Тана, сохраняет сток круглый год, хотя, по свидетельствам разных путешественников, «зимой» его во многих местах переходят вброд [Бохов, 1987]. Древние письменные источники сообщают о возможности преодоления вброд в особенно засушливые времена и гораздо более широкого египетского Нила [см.: Прусаков, 1999], сезонное обмеление которого, несомненно, стремилось бы к донным уровням, если бы не вклад в суммарный расход Реки относительно стабильного в своей водоносности Белого Нила с истоками в одном из самых влажных (до 5 м осадков) районов Земли, где дожди идут 360 дней в году, и питанием из неисчерпаемых и не подверженных резким уровневым колебаниям озер Виктория и Альберт. Если «эфиопский» нильский сток падает от паводкового до меженного в десятки раз, то для Белого Нила эта разница, при всех потерях в Сэдде с пополнением из Собата, не превышает 60–70 %; как следствие, «зимой» он поставляет в Главный Нил 83 % воды, и только 17 % приходится на долю оскудевающего без муссонных ливней Голубого Нила [Херст, 1954]. Именно Белый Нил с его метеоролого-гидрологическими условиями и параметрами определяет феномен Реки, не иссякающей на трехтысячекилометровом пути через североафриканские пустыни, поддерживая ее жизнеспособность весь год, «даже когда потоки Эфиопского нагорья усыхают до тонких струек» [Said, 1993].

Долгое, коренящееся в фараоновской и античной древности эмпирическое изучение природного состояния и режима единой «кровеносной системы» Нила в новые времена привело естествоиспытателей, а за ними уже профессиональных ученых-гидрологов и гидроинженеров к научно-теоретической идее искусственного вмешательства в ее «работу» с целью наиболее рационального и эффективного распределения и хозяйственного использования нильских вод (сначала исключительно в Египте [13], где назревал революционный переход от бассейнового к постоянному орошению с выращиванием летних культур, прежде всего хлопчатника, и получением

[13] «Egypt was then the only basin state which made use of the waters of the Nile… Furthermore, Egypt was the only country which was totally dependent on the Nile for its existence» [Said, 1993]. «Египтянам даже в голову не приходило, что когда-нибудь им придется делить Нил еще с кем-нибудь» [Алак, 2008].

ежегодно двух-трех урожаев вместо одного). Если не приоритет, то первостепенная роль в этом сложнейшем техническом предприятии принадлежит вездесущим тогда англичанам [см.: Tvedt, 2004]: знаменитый исследователь истоков Нила, член Королевского географического общества С. Бейкер еще во второй половине XIX в., сравнивая Реку с могучим скакуном без удил, призывал ради прогресса ирригации и судоходства воздвигнуть плотины у Асуана и далее у всех нильских порогов, чтобы их затопить, а также хотя бы одну на Атбаре [Baker, 1867]. Возглавивший в 1883 г. египетское ирригационное ведомство полковник-инженер К. Скотт-Монкрайф, до того строивший оросительные каналы в Индии [Hollings, 1917], стратегически целеполагал, что «цивилизованный хозяин», в чьих опытных руках окажутся верховья Нила, сможет окончательно подчинить себе Египет, угрожая ему либо наводнениями, либо полным лишением воды [Scott-Moncrieff, Ross, Willcocks, 1891]. Около 1890 г. крупный британский гидростроитель У. Уилкокс [Willcocks, 1894; 1913] приступил к проектированию Асуанской[14] и Асиутской дамб, ранние очереди которых были возведены в 1898–1902 гг.

Теоретический фундамент академического «ниловедения» заложил генеральный директор департамента научных изысканий Египта, организатор метеорологической службы страны и будущий директор музея естественных наук в Южном Кенсингтоне Г. Лайонс, применивший для замеров скорости течения Нила гидрометрическую вертушку (около 1900 г.) и составивший первое целостное физико-географическое описание нильского бассейна [Lyons, 1906]. В начале XX в. помощник министра, а позже советник министерства общественных работ Египта, инженер по ирригации и один из инициаторов надстройки «старой» Асуанской дамбы У. Гарстин представил план развернутой сети гидросооружений, претендовавший на всеобъемлющий технико-технологический контроль над Нилом, в частности, предусматривавший сокращение потерь на испарение и транспирацию растений в застойных «маршах» Сэдда путем плотинного регулирования стока озера Альберт и драгирования отводного рукава Бахр аз-Зераф для повышения его пропускной способности, с направлением сбереженной такими мерами речной воды прямиком в Белый и Главный Нил [Garstin, 1904]. Выкладки У. Гарстина развивал и дополнял другой советник министерства общественных работ, инженер по гражданскому строительству М. Макдональд, математически доказывавший целесообразность создания водохранилищ на базе озер Альберт и Тана, а также на Белом и Голубом Ниле в области Гезира плотинами у Гебель-Аулии и Сеннара, прокладки дренажного канала через болотистый Сэдд и ряда других гидротехнических мероприятий, впоследствии в большинстве своем успешно осуществленных [MacDonald, 1921].

В 1906 г. в Египет прибыл молодой английский физик-экспериментатор из Кларендонской лаборатории Оксфордского университета Гарольд Эдвин Херст (1880–

[14] По версии Г. Херста [Hurst, 1952], ее истинным проектировщиком был талантливый английский инженер-конструктор, специалист в области сопротивления материалов Б. Бейкер, выступивший научным консультантом как начального строительства плотины, так и ее надстройки в 1907 г. [см.: Baker, 1903]; египтологам он может быть известен как один из создателей оригинального цилиндрического понтона, внутри которого в 1877–1878 гг. из Александрии на берега Темзы отбуксировали «иглу Клеопатры» — подаренный Великобритании еще Мухаммедом Али-пашой почти 200-тонный 20-метровый гранитный обелиск эпохи египетского Нового царства, установленный на набережной Виктории в Лондоне [Baker, 1878].

1978), с именем и деятельностью которого связана, несомненно, самая значимая эпоха в прикладном изучении и промышленном освоении бассейна Нила [см.: Sutcliffe et al., 2016]. Определенный в штат топографического управления, он затем руководил созданной Г. Лайонсом метеорологической службой Египта и Судана, а с 1915 г. возглавил новообразованный геофизический департамент египетского министерства общественных работ, ведавший всеми гидрологическими исследованиями и материалами, проводимыми и собираемыми на Ниле, а также Хелуанской обсерваторией, отделением мер и весов и мастерскими научного оборудования. Более шести десятилетий Г. Херст посвятил Реке, обойдя, объехав и облетев ее необъятные водосборы (в том числе районы озера Эдуард, рек Семлики и Кагера, притоков Бахр эль-Газаля и др.) с проникновением в такие закоулки, куда до него не добирались даже самые предприимчивые белые первопроходцы Африки, и везде проводя тщательные водомерные наблюдения, которые легли в основу дальнейшего системного гидротехнического проектирования и строительства на разветвленнейших главных и приточных нильских артериях [Hurst, 1952]. Выдающиеся изыскательские достижения Г. Херста и его сотрудников увенчала 8-томная монография «Нильский бассейн» с регулярными приложениями для каждых пяти лет исследований, содержащая как детальное гидрологическое описание Нила, так и обширные, круглогодично поступавшие с сотен водомерных постов статистические данные о его расходе и уровнях, количестве осадков, температуре воздуха и атмосферном давлении по всему течению, подобных которым по полноте и подробности не было накоплено, проанализировано и практически использовано, наверное, ни на одной другой реке мира [Hurst, 1950; Hurst, Black, 1943; Hurst, Black, Simaika, 1946; Hurst, Phillips, 1931; 1932; 1933a; 1933b; 1938]. Научный и личный авторитет Г. Херста, гранд-офицера Ордена Нила[15] (1937 г.), к тому же удостоившегося почтительного арабского прозвища “Abu Nil” («Отец Нила»), был настолько неоспорим, что в дни угрожавшего Дельте наступления итало-немецких войск под Аламейном летом 1942 г. именно к нему военные власти Египта обратились за консультацией о возможности сброса дополнительной нильской воды в обмелевший Розеттский рукав для воспрепятствования его форсированию противником.

В своих проектах и расчетах ученый руководствовался «простейшим» правилом: «Чтобы достигнуть наибольшего эффекта в управлении рекой, ее следует рассматривать как единое целое» [Херст, 1954]. На базе длительного всестороннего «мониторинга» Нила Г. Херст создал теорию многолетнего регулирования речного стока[16], позволяющую, в частности, обеспечить рекам с резкими сезонными колебаниями водоносности сравнительно постоянный среднегодовой расход устройством на них водохранилищ вычисляемых по особой методике емкостей, над которой он работал с перерывами двенадцать лет, сочетая опытно-статистический и математический (вероятностный) подходы к проблеме, благо в его распоряжении имелся огромный объем необходимых для этого специальных данных [Hurst, 1951; 1956; Hurst, Black, Simaika, 1965]. В конкретном случае Главного (читай: египетского) Нила предстояло «умерить вредное влияние» его выхода из берегов в разлив и обмеления в межень, равно

[15] Высшая государственная награда Египта, вручаемая за исключительные военные или гражданские заслуги перед страной.

[16] «It was a daunting task… But he did find a formula for the floods» [Mandelbrot, Hudson, 2008].

способных причинять людям множество бед [Hurst, 1952]. Оптимальный с учетом естественных условий нильского бассейна период времени, в моделируемых рамках которого комплексное плотинное регулирование общего стока Реки, как ожидалось, гарантирует максимальную устойчивость (минимальные годовые флуктуации) ее основных гидрологических параметров, а значит, наиболее полное и безопасное использование ее водохозяйственного потенциала, был расчетно-экспериментально определен Г. Херстом в 97 лет; соответственно, проектировавшаяся исходя из него система гидротехнических сооружений и контролируемых ими искусственных водных объектов на Ниле получила название «водохранилищ столетия», или «столетнего запаса» («Century storage») [Hurst, Black, Simaika, 1946; 1947][17].

Главными резервуарами «столетнего запаса» Г. Херст наметил два великих африканских озера: Викторию с узловой плотиной на порогах Оуэн и вспомогательной ниже обширного заболоченного мелководья Кьога для подъема его уровня, чтобы ускорить на этом участке пропуск повышенных объемов воды в Нил, и Альберт, дамба на выходе из которого[18], помимо стока реки Семлики, должна была регулировать поступление в Судан и Египет вод со всего экваториального «озерного плато» (при этом служащее истоком Семлики озеро Эдуард также «является потенциальным водохранилищем, в котором можно создавать многолетний запас воды») [Херст, 1954]. Их качественные преимущества перед любыми рукотворными водоемами на Белом, Голубом или Главном Ниле заключаются в минимальном расходе на испарение благодаря постоянному дождевому пополнению и в отсутствии угрозы заиливания [Said, 1993]. Планировалось, что накапливаемая в озерах Виктория и Альберт за счет обильных тропических ливней избыточная вода будет питать Реку в засушливые годы, для чего настоятельно требовалось попутно решить проблему критических водопотерь на бескрайней равнине Сэдда, иначе все предприятие могло оказаться малоэффективным и даже бесполезным. Единственное решение уже первые гидротехники видели в магистральном канале большого сечения, не позволяющем «Горной реке» разливаться по южносуданским болотам, под который сначала намеревались приспособить непосредственно Бахр эль-Гебель, обнеся его на всем протяжении оградительными береговыми дамбами [Butcher, 1938]; предлагали, как было упомянуто выше, превратить в такой канал рукав эль-Гебеля Бахр аз-Зераф, прочистив и углубив его землечерпалками [Garstin, 1904]; рассматривали радикальный вариант полного отвода «Горной реки» из Сэдда с перенаправлением ее через близлежащее

[17] Проект был утвержден правительством Египта в декабре 1949 г., став важной частью государственной политики страны и, по мере реализации, породив немало международных недоразумений и конфликтов по вопросам водопользования в нильском бассейне [Kliot, 1994; Tvedt, 2010]. О причинах его досегодняшней незавершенности и непреходящей актуальности связанных с ним геополитических разногласий достаточно сказано (чтобы не отвлекаться на это здесь) в кандидатской диссертации бывшего посла Судана в РФ Ш. Д. Алака, на которую я давал отзыв от ИВ РАН [Алак, 2008; см. также: Графов, 2018]. Примером во многом политически обусловленного «долгостроя» при создании «столетнего запаса» может служить джонглейский деривационный канал, замысел которого возник еще в начале прошлого столетия, строительство же было согласовано лишь в 1974 г., начато в 1978 г. и прервано из-за гражданской войны в Судане в 1983 г. [Howell, Lock, Cobb, 1988].

[18] Первоначально плотину проектировали на Альберт-Ниле у Нимуле близ границы Уганды [Hurst, Black, Simaika, 1946], чему решительно воспротивились власти страны из-за перспективы затопления ее наиболее плодородных земледельческих угодий.

соединение водотоков Вевено–Пибор в Собат [Parker, MacKintosh, 1934]. Наконец, задумали «проложить новое русло, которое несло бы весь поток, оставив за болотами роль приемника для избыточной воды высокого паводка»: таковым — тогда одним из крупнейших в мире — обещал стать деривационный канал от местечка Джонглей на Атеме, правом притоке Бахр эль-Гебеля, до Белого Нила между устьями Бахр аз-Зерафа и Собата, длиной около 280 км, шириной по дну 120 м и глубиной 5 м; по предварительным расчетам, он позволил бы направлять в обход Сэдда половину стока эль-Гебеля, разгружая последний настолько, что в нормальных условиях «затопление болот и связанные с ним потери оказались бы предотвращенными» [Херст, 1954]. Более отдаленная программа предусматривала сокращение потерь Реки на водоиспарение также в огромном бассейне Бахр эль-Газаля сразу двумя протяженными каналами: «южным» длиной 425 км из притока Джур в озеро Но, где эль-Газаль сливается с эль-Гебелем, и 225-километровым «северным» из Но в Белый Нил у Мелута [Said, 1993]. Иными словами, так или иначе, предполагалось инженерно-техническими средствами улучшить или развить существующую природную сеть «дренажных» рукавов Сэдда, чтобы если не прекратить, то резко уменьшить растекание нильских вод по данному региону, коль скоро в ближайшие исторические времена не приходилось ожидать ее естественного расширения и углубления.

Другим важнейшим системным элементом «столетнего запаса» в проектах Г. Херста значилось водохранилище на озере Тана с плотиной при истоке из него Большого Абая, у города Бахр-Дар, поднимающее уровень озера на два метра и накапливающее резервы для дополнительного орошения сельскохозяйственных земель в Судане, а также на случай бедственно низких половодий в Египте; вместе с тем бахрдарская дамба должна была контролировать расход Голубого Нила, ослабляя разрушительное воздействие на обе страны его аномальных разливов [19]. Для форсирования этого комплексного эффекта Г. Херст рекомендовал построить у 4-го нильского порога еще одну дамбу как ключевой (в отсутствие Высотной Асуанской плотины с гигантским «озером» Насер) регулятор поступления воды в Египет, обеспечивающий ему потребные ирригационные объемы даже при экстренном исчерпании резервов Таны и, главное, не допускающий на его территории наводнений. Как вспомогательный страховочный вариант, с целью защиты от них в самом Египте предлагалось подготовить под водохранилище лежащую ниже уровня моря к юго-западу от Фаюмского оазиса впадину Вади ар-Райан, куда одним каналом от плотины «где-нибудь по соседству с Бени-Суэфом» избыточная вода из Нила могла бы сбрасываться, а другим — возвращаться при необходимости обратно в Реку, например, в меженный период для орошения. Г. Херст не уставал повторять: «Нил представляет собой географическое единство, и проекты полного использования его потенциальных возможностей также должны образовывать единое целое, части которого взаимодействуют между собой» [Херст, 1954].

В точном согласии с этим принципом, сооружения «столетнего запаса» дополняли и «рационализировали» предшествовавшие им гидротехнические постройки на Ниле, к первым из которых относятся задуманные и возведенные в 1843–1862 гг. французскими инженерами (Л. Линан де Бельфон, Э. Мужель-бей и др.) плотины

[19] Как в этом, так и во всех остальных случаях я, для упрощения изложения, уклоняюсь от необязательного здесь разговора о гидроэнергетических функциях плотин на Ниле.

Дельтская и Мухаммеда Али, соответственно, на Дамьеттском и Розеттском рукавах, чуть ниже их разветвления[20]. Обе конструкции несли сугубо *водоподъемную* функцию: повышали уровень Нила в сезон малой воды, распределяя ее по магистральным ирригационным каналам Дельты для орошения летних культур, тогда как сами перегороженные ими природные нильские рукава в это время года, «между февралем и июлем», едва ли не пересыхали [Hurst, 1952]. При англичанах в конце XIX — начале XX вв. на Реке появился целый ряд водоподъемных плотин аналогичного действия, обеспечивавших наполнение привязанных к ним оросительных артерий как в Нижнем, так и в Верхнем Египте: у Зифты, Асиута, Наг эль-Хамади, Эсны; старейшая из них, Асиутская, например, позволила круглогодично снабжать нильской водой проложенный в 1863–1879 гг. крупнейший в стране канал Ибрагимия — основу ирригации всего Среднего Египта. В отличие от Асиутской, завершенной в конце 1902 г., проектировавшаяся и строившаяся синхронно с ней у начала 1-го порога ранняя Асуанская дамба представляла собой первую *водохранилищную* плотину на Ниле, которая «создала возможность накопления некоторого количества осенней избыточной воды для использования ее следующим летом», в объемном измерении достигавшего миллиарда кубометров (1 куб. км) [Херст, 1954]. Поскольку этот ресурс оказался недостаточным для перевода всего египетского земледелия на постоянное орошение, «британская» Асуанская плотина, несмотря на протесты окрестного населения, общественных деятелей и археологов (опасавшихся за сохранность древних храмов на острове Филэ и других исторических объектов), затем дважды надстраивалась (на 5 м в 1907–1912 и на 9 м в 1929–1933 гг.), что в итоге привело к увеличению емкости водохранилища более чем в пять раз (до 5,2–5,5 куб. км) с распространением его на 350 км в направлении 2-го нильского порога. Воздвигнутая в 1960–1970 гг. с помощью СССР в 6–7 км над «старой» Высотная Асуанская плотина, образовавшая «мегаозеро»[21] Насер [Whittington, Guariso, 1983], окончательно превратила египетский Нил в «искусственный канал» с практически полностью подконтрольным человеку стоком [Said, 1993].

В 1914 г., еще вне всеобъемлющего контекста «столетнего запаса», было принято решение о строительстве пары водохранилищных плотин в Судане южнее «стрелки» Хартума: на Голубом Ниле неподалеку от Сеннара в 300 км и на Белом Ниле у Гебель-Аулии в 40–45 км выше слияния двух рек. Завершенная в 1925 г. Сеннарская дамба, отгородившая сравнительно небольшое водохранилище емкостью порядка 0,6 куб. км, предназначалась прежде всего для круглогодичного орошения (посредством созданной для этого ирригационной сети, расходящейся от головного канала) испытывавшей нехватку атмосферных осадков и имеющей естественный уклон от Голубого к Белому Нилу Гезиры. Гебель-Аулийская плотина, на момент постройки в 1937 г. крупнейшая в мире, длиной около 5 км с водохранилищем почти 500-километровой протяженности и

[20] Историческая деталь: тогдашний (до 1848 г.) наместник Египта Мухаммед Али-паша «посоветовал» гидростроителям для ускорения работ использовать камень пирамид Гизы. Французы буквально спасли памятники, представив паше финансовую смету, доказывавшую, что карьерная добыча необходимого камня обойдется дешевле его выламывания из «гор фараонов» [Hurst, 1952; Stanley, 2005].

[21] В 1975 г., когда оно поднялось до эксплуатационной отметки 175 м над уровнем моря, его емкость составляла 121 куб. км; сегодня зеркало озера достигает 182–183 м над уровнем моря, оценочный объем — 160 куб. км [Dumont, 2009].

емкостью 3,5 куб. км, противостояла паводкам Собата, трансформируя их в резерв для ирригации Египта «в сухое время года», причем работала в строгой связке с Асуанским гидроузлом: с целью сокращения потерь на испарение с обширного зеркала Гебель-Аулийского водохранилища его содержимое расходовалось в Египте раньше, с февраля по май, и только потом, до конца июля, задействовались асуанские запасы; избыток воды, возникавший за счет увеличения стока Реки в разлив, вовсе не требуя для своей оперативной ликвидации дополнительных инженерных устройств наподобие обсуждавшегося «водоприемника» Вади ар-Райан, самотеком сбрасывался по нильским рукавам через Дельту в Средиземное море. Такое слаженное функционирование этого разделенного весьма большим расстоянием тандема плотин гарантировало повышение водоносности египетского Нила в засушливый сезон на 50 % [Said, 1993]. «Водохранилища столетия», по расчетам Г. Херста и его команды, должны были нарастить доступные для Египта и Судана оросительные объемы вдвое [Hurst, 1952; Hurst, Black, Simaika, 1946]; подобным планам служила сооруженная в 1966 г. на Голубом Ниле выше Сеннарской дамбы плотина у Росейреса, в 500 км от Хартума, с первоначальной емкостью водохранилища 2,7 куб. км, значительно расширенная и надстроенная к 2013 г. [Dooley, Mason, Pether, 2016][22]. Касательно регулирования этих объемов, например, если из эфиопского озера Тана вода перемещается к Асуану чуть больше месяца, то от суданского Росейреса «гребень паводка» движется туда менее десяти дней, и еще через пять дней достигает Каира. В практике управления единой речной гидросистемой, впрочем, все эти дистанции и сроки лишь подлежат инженерно-техническому учету и контролю, но не являются для специалистов камнем преткновения: ведь одну из непосредственных целей подпора плотинами расположенных на территории далеких Танзании, Кении, Уганды и Конго озер Виктория и Альберт его инициатор видел в обеспечении именно Египта крупными водозапасами. Чтобы осуществить такого рода намерения, искушенному естествоиспытателю оставалось найти на просторах Нила подходящие ландшафтные ниши для расчетного накопления и перераспределения его водных масс — «все остальное сводится главным образом к простой арифметике» [Херст, 1954]. В частности, опираясь исключительно на собственный богатейший гидрографический опыт, Г. Херст выделил 4-й нильский порог как предпочтительное место для строительства плотины, которая бы в первую очередь оберегала Египет от наводнений, задерживая опасный излишек высокой воды с возможностью использования его для орошения пашен страны в период мелководья; по сути, она должна была стать одним из важнейших регуляторов в цепи гидросооружений «столетнего запаса», дублером, если не заменителем «британской» Асуанской дамбы, с искусственным озером еще большей (до 8 куб. км) емкости[23].

Случалось, что оптимальные технические решения ученым подсказывала сама Река. Образцовый пример в этом отношении — Гебель-Аулийская плотина, проект которой возник благодаря многолетним наблюдениям за тем, как Голубой Нил на пике

[22] О дальнейших гидротехнических перспективах на Ниле см.: [Sandström, Jägerskog, Oestigaard, 2016].

[23] С появлением Высотной Асуанской плотины нужда в таком «подсобном» регуляторе для Египта отпала; недавно созданный на 4-м пороге гидрокомплекс Мерове (см.: Merowe Dam, Nile River, Republic of the Sudan // *NASA Earth Observatory*. URL: http://earthobservatory.nasa.gov/IOTD/view.php?id=46505&src=eorss-iotd (дата обращения 6.05.2019)) служит прежде всего для снабжения Судана электроэнергией.

своих паводков подпирал сливающийся с ним Белый Нил, чье нижнее течение, рассекающее просторную мелкую долину, временно превращалось из сравнительно узкого, всего в несколько сот метров, потока в 300-километровый водоем шириной до 3–4 км (плотина стабилизировала и значительно усиливала эффект от этой природной запруды, обеспечивая Египту в межень дополнительно 2 куб. км воды) [Hurst, 1952; Willcocks, 1904]. На базисе таких природных «ориентиров» было теоретически предсказано [Lombardini, 1864; 1865] (а сегодня практически доказано, с основной датировкой 109 ± 8 тыс. л. н. [Barrows et al., 2014; Williams et al., 2003]) существование на Белом Ниле огромного древнего озера; поставлен вопрос об озере на Главном Ниле в Верхнем Египте в максимум последнего покровного оледенения (24000–18000 л. н.) [Vermeersch, van Neer, 2015; Vermeersch, van Neer, Gullentops, 2006]. Налицо прогрессирующая «социоестественная» исследовательская тенденция, вытекающая из глубокого знания и опыта водохозяйственного освоения одного из величайших речных бассейнов, значение которой для историко-археологической науки трудно переоценить.

Литература / References

Алак Ш. Д. *История международного регулирования вод Нила: политические, социально-экономические и правовые аспекты*. Диссертация… канд. ист. наук. Институт Африки РАН. М., 2008 [Alak Sh. D. *History of the International Nile Water Control: Political, Socio-Economic and Legal Aspects*. PhD Dissertation. Moscow, 2008 (in Russian)].

Бохов К.-Х. *К истокам Нила. По следам путешественников прошлого*. М., 1987 [Bochow K.-H. *To the Nile Sources. In the Wake of Travelers of the Past*. Moscow, 1987 (in Russian)].

Графов Д. Б. Перспективы урегулирования Египетско-Эфиопского кризиса из-за строительства «Великой дамбы эфиопского возрождения» // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. 6. С. 100–108 [Grafov D. B. Egyptian–Ethiopian Crisis Over the Grand Ethiopian Renaissance Dam: Prospects for Resolution // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 6. Pp. 100–108 (in Russian)].

Клименко В. В. О главных климатических ритмах голоцена // *Доклады Академии наук*. 1997. 357. С. 399–402 [Klimenko V. V. Principal Climatic Rhythms of the Holocene // *Doklady Akademii nauk (Transactions of the Russian Academy of Sciences)*. 1997. 357. Pp. 399–402 (in Russian)].

Лев Африканский. *Африка — третья часть света. Описание Африки и достопримечательностей, которые в ней есть*. Л., 1983 [Leo Africanus. *Africa Is the Third Part of the World. The Description of Africa and the Attractions It Has*. Leningrad, 1983 (in Russian)].

Матье М. Э. *Избранные труды по мифологии и идеологии древнего Египта*. М., 1996 [Matthieu M. E. *Selected Works on the Mythology and Ideology of Ancient Egypt*. Moscow, 1996 (in Russian)].

Монтэ П. *Египет Рамсесов. Повседневная жизнь египтян во времена великих фараонов*. М., 1989 [Montet P. *Egypt of Ramseses. The Daily Life of the Egyptians in the Time of the Great Pharaohs*. Moscow, 1989 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Природа и человек в древнем Египте*. М., 1999 [Proussakov D. B. *Nature and Man in Ancient Egypt*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. *Древний Египет: почва цивилизации (этюд о неолитической революции)*. М., 2009 [Proussakov D. B. *Ancient Egypt: Soil of the Civilization (An Essay on the Neolithic Revolution)*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. Озера на доисторическом Ниле: «гидрологические» перспективы египетской археологии // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(a). 1. С. 70–80 [Proussakov D.

B. Lakes on the Prehistoric River Nile: "Hydrological" Outlook for Egyptian Archaeology // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018(a). 1. Pp. 70–80 (in Russian)].

Прусаков Д. Б. «Голоценовое море» в Среднем Египте: к независимым обоснованиям гипотезы // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018(б). 6. С. 72–85 [Proussakov D. B. A "Holocene Sea" in Middle Egypt: Independent Validations of the Hypothesis // *Vestnik Instituta vostokovedeniia RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018(b). 6. Pp. 72–85 (in Russian)].

Херст Г. *Нил. Общее описание реки и использование ее вод*. М., 1954 [Hurst G. *The Nile. A General Account of the River and the Utilization of Its Waters*. Moscow, 1954 (in Russian)].

Adamson D. A., Gasse F., Street F. A., Williams M. A. J. Late Quaternary History of the Nile // *Nature*. 1980. 288. Pp. 50–55.

Arldt T. Zur Paläogeographie des Nillandes in Kreide und Tertiär // *Geologische Rundschau*. 1918. 9. Ss. 47–56, 104–124.

Baker B. Cleopatra's Needle // *Minutes of Proceedings of the Institution of Civil Engineers*. 1878. 62. Pp. 233–244.

Baker B. The Nile Dams and Reservoir // *Popular Science Monthly*. 1903. 62. Pp. 550–561.

Baker S. W. *The Nile Tributaries of Abyssinia, and the Sword Hunters of the Hamran Arabs*. London, 1867.

Ball J. *Contributions to the Geography of Egypt*. Cairo, 1939.

Barrows T. T., Williams M. A. J., Mills S. C., Duller G. A. T., Fifield L. Keith, Haberlah D., Tims S. G., Williams F. M. A White Nile Megalake During the Last Interglacial Period // *Geology*. 2014. 42. Pp. 163–166.

Butcher A. D. *Bahr el-Gebel Banking Scheme, Upper Nile Projects, 1938*. Cairo, 1938.

Dooley B. C., Mason P. J., Pether R. Summary of Construction and Modification of Roseires Dam, Sudan // *Dams and Reservoirs*. 2016. 26. Pp. 86–90.

Dumont H. J. A Description of the Nile Basin, and a Synopsis of Its History, Ecology, Biogeography, Hydrology, and Natural Resources // Dumont H. J. (ed.). *The Nile: Origin, Environments, Limnology and Human Use*. Dordrecht, 2009. Pp. 1–21.

Fairbridge R. W. New Radiocarbon Dates of Nile Sediments // *Nature*. 1962. 196. Pp. 108–110.

Garstin W. *Report Upon the Basin of the Upper Nile: With Proposals for the Improvement of That River*. Cairo, 1904.

Gessi R. Relazione e diario sul Bahr-el-Ghazal e sul viaggio della "Safia" da Meshra-er-Rek a Khartum // *Bollettino della Società Geografica Italiana*. 1881. 18. Pp. 185–204.

Hijmans R. J., Cameron S. E., Parra J. L., Jones P. G., Jarvis A. Very High Resolution Interpolated Climate Surfaces for Global Land Areas // *International Journal of Climatology*. 2005. 25. Pp. 1965–1978.

Hollings M. A. *The Life of Sir Colin C. Scott-Moncrieff*. London, 1917.

Howell P. P., Lock M., Cobb S. (eds.). *The Jonglei Canal: Impact and Opportunity*. Cambridge, 1988.

Hurst H. E. Long-Term Storage Capacity of Reservoirs // *Transactions of the American Society of Civil Engineers*. 1951. 116. Pp. 770–799.

Hurst H. E. *The Nile Basin. V. 8. The Hydrology of the Sobat and White Nile and the Topography of the Blue Nile and Atbara*. Cairo, 1950.

Hurst H. E. *The Nile: A General Account of the River and the Utilization of Its Waters*. London, 1952.

Hurst H. E. The Problem of Long-Term Storage in Reservoirs // *International Association of Scientific Hydrology. Bulletin*. 1956. 1. Pp. 13–27.

Hurst H. E., Black R. P. *The Nile Basin*. Vol. 6. *Monthly and Annual Rainfall Totals and Number of Rainy Days at Stations in and Near the Nile Basin for the Period Ending 1937*. Cairo, 1943.

Hurst H. E., Black R. P., Simaika Y. M. A Long-Term Plan for the Nile Basin // *Nature*. 1947. 160. Pp. 611–612.

Hurst H. E., Black R. P., Simaika Y. M. *Long-Term Storage: An Experimental Study*. London, 1965.
Hurst H. E., Black R. P., Simaika Y. M. *The Nile Basin*. Vol. 7. *The Future Conservation of the Nile*. Cairo, 1946.
Hurst H. E., Phillips P. *The Nile Basin*. Vol. 1. *General Description of the Basin, Meteorology, Topography of the White Nile Basin*. Cairo, 1931.
Hurst H. E., Phillips P. *The Nile Basin*. Vol. 2. *Measured Discharges of the Nile and Its Tributaries*. Cairo, 1932.
Hurst H. E., Phillips P. *The Nile Basin*. Vol. 3. *Ten-Day Mean and Monthly Mean Gauge Readings of the Nile and Its Tributaries*. Cairo, 1933(a).
Hurst H. E., Phillips P. *The Nile Basin*. Vol. 4. *Ten-Day Mean and Monthly Mean Discharges of the Nile and Its Tributaries*. Cairo, 1933(b).
Hurst H. E., Phillips P. *The Nile Basin*. Vol. 5. *The Hydrology of the Lake Plateau and Bahr El Jebel*. Cairo, 1938.
Ibrahim A. M. The Nile: Description, Hydrology, Control and Utilization // *Hydrobiologia*. 1984. 110. Pp. 1–13.
Klees F., Kuper R. (eds.). *New Light on the Northeast African Past: Current Prehistoric Research*. Cologne, 1992.
Kliot N. *Water Resources and Conflict in the Middle East*. London, New York, 1994.
Kuper R. (Hrsg.). *Forschungen zur Umweltgeschichte der Ostsahara*. Köln, 1989.
Lawson A. C. The Valley of the Nile // *University of California Chronicle*. 1927. 29. Pp. 235–259.
Lombardini E. *Essai sur l'hydrologie du Nil*. Paris, 1865.
Lombardini E. *Saggio idrologico sul Nilo; con quattro appendici*. Milano, 1864.
Lyons H. G. *The Physiography of the River Nile and its Basin*. Cairo, 1906.
MacDonald M. *Nile Control. A Statement of the Necessity for Further Control of the Nile to Complete the Development of Egypt and Develop a Certain Area in the Sudan, with Particulars of the Physical Conditions to be Considered and a Programme of the Engineering Works Involved*. Cairo, 1921.
Mandelbrot B. B., Hudson R. L. *The (Mis)Behaviour of Markets: A Fractal View of Risk, Ruin, and Reward*. London, 2008.
Pachur H.-J., Kröpelin S., Hoelzmann P., Goschin M., Altmann N. Late Quaternary Fluvio-Lacustrine Environments of Western Nubia // *Research in Egypt and Sudan*. 1990. 120. Pp. 203–260.
Parker G., MacKintosh W. D. The Veveno–Pibor Canal Project Survey // *Geographical Journal*. 1934. 84. Pp. 53–64.
Said R. *The Geological Evolution of the River Nile*. New York, 1981.
Said R. *The River Nile: Geology, Hydrology, and Utilization*. Oxford, 1993.
Salama R. B. The Evolution of the River Nile. The Buried Saline Rift Lakes in Sudan. — I. Bahr El Arab Rift, the Sudd Buried Saline Lake // *Journal of African Earth Sciences*. 1987. 6. Pp. 899–913.
Sandström E., Jägerskog A., Oestigaard T. (eds.). *Land and Hydropolitics in the Nile River Basin: Challenges and New Investments*. London, New York, 2016.
Sarnthein M. Sand Deserts During Glacial Maximum and Climatic Optimum // *Nature*. 1978. 272. Pp. 43–46.
Schäfer H. *Ein Bruchstück altägyptischer Annalen*. Berlin, 1902.
Scott-Moncrieff C. C., Ross J. C., Willcocks W. *Nile Reservoirs*. Cairo, 1891.
Selley R. C. (ed.). *African Basins*. Amsterdam, 1997.
Shahin M. *Hydrology of the Nile Basin*. Amsterdam, 1985.
Stanley J.-D. The Near-Destruction of Giza // *American Scientist*. 2005. 93. Pp. 110–112.
Sutcliffe J. V., Hurst S., Awadallah A. G., Brown E. L., Hamed K. Harold Edwin Hurst: The Nile and Egypt, Past and Future // *Hydrological Sciences Journal*. 2016. 61. Pp. 1557–1570.

Sutcliffe J. V., Lazenby J. B. C. Hydrological Data Requirement for Planning Nile Management // Howell P. P., Allen J. A. (eds.). *The Nile. Resource Evaluation, Resource Management, Hydropolitics and Legal Issues*. London, 1990. Pp. 107–137.

Talbot M. R., Williams M. A. J., Adamson D. A. Strontium Isotope Evidence for Late Pleistocene Re-Establishment of an Integrated Nile Drainage Network // *Geology*. 2000. 28. Pp. 343–346.

Tothill J. D. The Origin of the Sudan Gezira Clay Plain // *Sudan Notes and Records*. 1946. 27. Pp. 153–183.

Tvedt T. (ed.). *The River Nile in the Post-Colonial Age: Conflict and Cooperation Among the Nile Basin Countries*. London, New York, 2010.

Tvedt T. *The River Nile in the Age of the British: Political Ecology and the Quest for Economic Power*. London, 2004.

Vermeersch P. M., Neer W. van, Gullentops F. El Abadiya 3, Upper Egypt, a Late Palaeolithic Site on the Shore of a Large Nile Lake // Kroeper K., Chlodnicki M., Kobusiewicz M. (eds.). *Archaeology of Early Northeastern Africa*. Poznan, 2006. Pp. 375–424.

Vermeersch P. M., Neer W. van. Nile Behaviour and Late Palaeolithic Humans in Upper Egypt During the Late Pleistocene // *Quaternary Science Reviews*. 2015. 130. Pp. 155–167.

Whittington D., Guariso G. *Water Management Models in Practice: A Case Study of the Aswan High Dam*. New York, 1983.

Willcocks W. *Egyptian Irrigation*. Vol. 1–2. London, 1913.

Willcocks W. *Report on Perennial Irrigation and Flood Protection for Egypt*. Cairo, 1894.

Willcocks W. *The Nile in 1904*. London, 1904.

Williams M. A. J., Adamson D. A., Abdulla H. H. Landforms and Soils of the Gezira: A Quaternary Legacy of the Blue and White Nile Rivers // Williams M. A. J., Adamson D. A. (eds.). *A Land Between Two Niles: Quaternary Geology and Biology of the Central Sudan*. Rotterdam, 1982. Pp. 111–142.

Williams M. A. J., Adamson D. A., Prescott J. R., Williams F. M. New Light on the Age of the White Nile // *Geology*. 2003. 31. Pp. 1001–1004.

Zahran M. A., Willis A. J. *The Vegetation of Egypt*. Dordrecht, 1992.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Duffy G. Amazon River 'Longer Than Nile' // *BBC News*. URL: http://news.bbc.co.uk/2/hi/6759291.stm (дата обращения 5.05.2019).

Merowe Dam, Nile River, Republic of the Sudan // *NASA Earth Observatory*. URL: http://earthobservatory.nasa.gov/IOTD/view.php?id=46505&src=eorss-iotd (дата обращения 6.05.2019).

Roach J. Amazon Longer Than Nile River, Scientists Say // *National Geographic*. URL: http://news.nationalgeographic.com/news/2007/06/070619-amazon-river.html (дата обращения 5.05.2019).

СЛЕДЫ АМАРНСКОГО СТИЛЯ В РЕЛЬЕФАХ ДРЕВНЕЕГИПЕТСКОЙ ГРОБНИЦЫ ПЕТОСИРИСА (ТУНА ЭЛЬ-ГЕБЕЛЬ)

В. З. Куватова*

Гробница жреца бога Тота Петосириса из некрополя Туна эль-Гебель возле среднеегипетского города Гермополя Магна датируется последней четвертью IV в. до н. э. Внутренние стены гробницы украшены многочисленными рельефами, у которых нет аналогов в погребальном искусстве Птолемеевского периода. И с точки зрения иконографической программы, и стилистически рельефы восходят как к египетской, так и к греческой традиции. Цель данного исследования — из многообразия художественных влияний попытаться выделить элементы так называемого амарнского стиля — отличительной черты древнеегипетского искусства времени правления Эхнатона (1388–1351/1350 гг. до н. э.).

Вероятность связи между искусством эпохи Эхнатона и рельефами раннептолемеевского памятника обусловливается не только визуальным сходством, но и географической близостью Амарны и Гермополя. Кроме того, ряд приемов, которые использовались в рельефах гробницы Петосириса, отсутствует как в египетском искусстве других периодов, так и в македонской и провинциальной греческой скульптуре и живописи. Таким образом, они не могли быть заимствованы ни из одного источника, кроме амарнской художественной традиции. Гробница Петосириса, возможно, является единственным сохранившимся памятником греко-римского периода, техника, стилистические особенности и, частично, иконография которого восходит непосредственно к амарнскому искусству.

Осознанная стилизация рельефов и сочетание элементов трех традиций (классицизирующей — по сути, архаизирующей — египетской, амарнской и эллинистической) позволяет предположить, что стилистические особенности различных художественных парадигм, возможно, выступали в роли художественного языка, с помощью которого передавались важные смысловые акценты и коннотации.

Ключевые слова: гробница Петосириса, птолемеевское искусство, амарнский стиль, искусство Амарны, семиотический анализ.

STYLISTIC TRACES OF AMARNA ART IN RELIEFS OF THE ANCIENT EGYPTIAN TOMB OF PETOSIRIS (TUNA AL-GEBEL NECROPOLIS)

Valeria Z. Kuvatova

The famous tomb of Petosiris (a high priest of Toth) in Tuna al-Gebel necropolis in the outskirts of the Middle Egyptian town of Hermopolis Magna is dated by the last quarter of the 4th century B.C. The inner walls of the tomb are decorated with multiple reliefs that have no parallel in Ptolemaic art. In terms of iconography and style the reliefs rely on both Egyptian and Greek tradition.

* Валерия Зуфаровна КУВАТОВА, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kintosha@mail.ru

Valeria Z. KUVATOVA, Research Fellow, Institute of Oriental Studies, RAS, Moscow; kintosha@mail.ru

This study attempts to trace elements of the so-called Amarna style among the whole variety of artistic impacts that formed the unique character of the reliefs.

Not just the visual similarity but a short distance between Amarna and Hermopolis Magna support the idea of looking for artistic parallelisms between the reliefs of the tomb of Petosiris and Amarna monuments. Besides, some artistic approaches applied to the former lacked in Egyptian art of the other periods as well as in Macedonian and provincial Greek sculpture and painting. Thus, these approaches could have only been inspired by Amarna tradition. The reliefs of the tomb of Petosiris seem to be the only extant piece of art of the Graeco-Roman period that goes back to Amarna tradition in terms of technics, style and — to some extant — iconography.

The thoughtful styling of the reliefs and careful mixing of elements that derive from three different artistic paradigms (classicistic (namely archaic) Egyptian, Amarnian and Hellenistic) allows to suppose that stylistic features of various traditions served as a special artistic language meant to convery important meanings and connotations.

Keywords: tomb of Petosiris, Ptolemaic art, Amarna art, Tuna al-Gebel, Hermopolis Magna, semiotic analysis.

Знаменитая гробница жреца бога Тота Петосириса из среднеегипетского некрополя Туна эль-Гебель (*цветная вклейка, фото 8*), расположенного в окрестностях города Гермополь Магна, датируется исследователями по-разному, однако большинство датировок укладывается в диапазон последней четверти IV в. до н. э., т. е. относится ко времени прихода в Египет Александра Македонского и его правления [Bissing, 1933, p. 183–186; Picard, 1931, 201–204; Menu, 1994, p. 311–327; Baines, 2004, p. 45; Venit, 2016, p. 5].

Рельефы, украшающие внутренние стены гробницы, с точки зрения иконографии и стиля представляют собой чрезвычайно сложный объект исследования. Иконографическая программа обращается не только к разновременным египетским, но и к греческой традиции, причем, по-видимому, и в македонском, и в провинциальном греческом варианте. Стиль рельефов также эклектичен. Отдельные его черты восходят к разным источникам. Некоторые из них мало изучены в связи с плохой сохранностью памятников. В частности, греческое погребальное искусство Египта до завоевания страны Александром остается в значительной степени загадкой для исследователей. Пропорциональное соотношение египетских и греческих элементов в отдельных сценах заметно варьируется. Некоторые египетские по происхождению сюжеты выполнены в выраженной греческой манере, тогда как однозначно греческие композиции содержат безусловные египетские черты. В одних и тех же сценах часть фигур трактована в египетской, а другая часть — в греческой стилистике. Все рельефы пронаоса и нижний регистр наоса производят впечатление осмысленной, усиленной стилизации, как иконографической, так и художественной. Она настолько вариативна и искусна, что нельзя говорить с уверенностью, какие именно мастера — египетские или греческие — работали над декором памятника.

Настоящая работа ставит перед собой скромную цель — выделить в многообразии художественных влияний те черты, которые с высокой долей вероятности берут свое начало в искусстве амарнского периода. Ответ на вопрос, могли ли жители Гермополя Магна видеть амарнские памятники, не представляет особой сложности: скорее всего, они их видели. Расстояние между Гермополем и Амарной — около 20 км, между некрополем Туна эль-Гебель и Амарной — около 25 км. Таким

образом, руины столицы Эхнатона, а также амарнские некрополи гипотетически могли быть доступны жителям Гермополя. В районе самого некрополя Туна эль-Гебель находится амарнская пограничная стела хорошей сохранности[1]. Немецкая археологическая экспедиция в Гермополе Магна 1929–1939 гг. обнаружила множество фрагментов рельефов, явно происходящих из Амарны. Часть из них была найдена в фундаменте и пилоне храма Рамсеса II, однако другая часть — непосредственно в археологических слоях города [предисловие Р. Ханке в Roeder, 1969]. В американских музеях имеются многочисленные амарнские памятники из некогда единой коллекции, находившейся в Египте и постепенно распродававшейся в середине XX в. Д. Куни полагает, что она сформировалась в результате незаконных раскопок, проводившихся в Гермополе в период политической нестабильности, сопровождавшей Вторую мировую войну [Cooney, 1965, p. 2]. Кроме того, соотнося известное на настоящий момент количество амарнских рельефов с количеством храмовых и дворцовых помещений в столице Эхнатона, исследователь делает предположение, что значительное число рельефов может по-прежнему находиться в археологических слоях Гермополя Магна [Cooney, 1965, p. 2]. Упомянутые выше факты свидетельствуют в пользу того, что гермопольцы вполне могли быть так или иначе знакомы с амарнским искусством.

Гробница Петосириса представляет собой отдельно стоящее здание, план которого похож на египетские храмы XXX династии [Venit, 2016, p. 8]. Исследователи считают, что она построена по плану храма Тота в Гермополе Магна эпохи Нектанеба I (380–362 гг. до н. э.) [Perdrizet, 1941, p. 51–52; Venit, 2016, p. 8]. Рельефы двух верхних регистров и длинных, и торцовых стен следуют долгой египетской традиции погребального искусства *mutatis mutandis*. На западной стене наоса в двух верхних регистрах визуализируются сразу две парадигмы транзита в загробный мир: первая описывается в «Книге мертвых», вторая, популярность к которой пришла несколько позднее, — в «книге Амдуат». Таким образом, в иконографической программе гробницы подчеркивается преемственность между различными вариантами египетских представлений о транзите в загробный мир и их отражением в погребальном искусстве.

Нижние регистры длинных стен наоса заняты изображением процессии дароносцев. Такие процессии — характерный для египетских гробниц сюжет, однако здесь он раскрывается в очень необычном, эклектичном стиле, истоки которого можно проследить сразу в нескольких традициях. Высокая плотность элементов разных стилей и их смелые сочетания свидетельствуют в пользу того, что этот художественный прием не был простой данью моде и применялся вполне осознанно (*илл. 1*). Помимо привычных цветов лотоса и стеблей папируса, дароносцы держат в руках фантастические цветы, иконография которых далека от египетской. Однако их аналоги можно встретить в македонском искусстве, как в монументальном, так и в декоративно-прикладном. Шею одной из антилоп на плечах дароносца украшает крупная пальметта — популярный греческий декоративный элемент. Такие пальметты часто размещались в венчающей части македонских погребальных стел. Одна из женщин изображена в эллинизирующем одеянии, с покрытой головой и рукой, спрятанной под покрывало. При этом она держит в руках персидского типа ритон. Греческую трактовку черт лица, причесок и одежд можно видеть и у двух других дароносцев. В отличие от минойцев,

[1] См. *Amarna Project*. http://amarnaproject.com/pages/amarna_the_place/boundary_stelae/index.shtml (дата обращения 13.06.2019).

изображения которых часто встречаются в процессуальных сценах Нового царства [Panagiotopoulos, 2001, p. 263; Wachsmann, 1987, p. 27–41], дорические греки — не типичные участники дарственных процессий в египетском искусстве. Этнический состав процессий иноземных дароносцев и пленников на рельефах гробниц Нового царства отражал реалии египетских контактов эпохи [Matić, 2015, p. 375–376], когда классической греческой цивилизации еще не существовало. Возможно, процессии из гробницы Петосириса, включающие представителей разных народов, также отчасти проливают свет на этническую ситуацию в египетском обществе второй половины IV в. до н. э. Тем не менее сложно понять, в какой степени рассматриваемые рельефы обращаются к современной Петосирису действительности, а в какой являются продуктом активного заимствования из египетской художественной традиции фараоновского периода. Отдельные иконографические аспекты имеют явный характер стилизации, «цитирования» памятников предшествующих эпох.

Илл. 1. Гробница Петосириса, восточная стена наоса (*фото автора*)

В египетском погребальном искусстве можно встретить три основных типа процессий, повлиявших, по-видимому, на иконографию нижнего регистра в наосе гробницы Петосириса: жертвенные, в которых члены семьи и слуги несут все необходимое для загробной жизни владельца усыпальницы, а также процессии иноземных данников и иноземных же пленников. Каждый тип имеет свои иконографические особенности. В рельефах гробницы Петосириса можно увидеть черты всех трех типов, объединенные в единый изобразительный ряд. Ситуация в египетском обществе IV в. до н. э. радикально отличалась от социально-политических реалий эпохи Нового царства. Страна уже долгое время находилась под иноземным господством, сначала персы, а позднее греки прибыли в страну как победители. Тем не менее изображение процессии в нижнем регистре наоса содержит в себе иконографические черты процессий как данников, так и пленников. Гермополь Магна в раннептолемеевскую эпоху был городом с определенной (возможно, значительной) долей греческого населения, однако нет никаких явных свидетельств того, что этнический состав жителей города был настолько многолик, насколько он разнообразен в изображении процессии в наосе.

Хотя изображения жертвенных процессий в египетском искусстве достаточно распространены, в амарнском искусстве они приобретают особую популярность. Возможно, это связано со значительным изменением в эту эпоху стандартов иконографической программы гробниц, обусловленным особенностями религиозных представлений эхнатоновской элиты. В святилищах амарнских гробниц отсутствуют сюжеты, связанные с культом Осириса и путешествием в загробный мир [Kemp, 2012, p. 255], их заменяют сцены, посвященные владельцам гробниц, в том числе жертвенные процессии [Kemp, 2012, p. 251]. Плоскости стен в пронаосах заполнены изображениями царской семьи и сценами важных ритуальных действий, в которых она участвует. В амарнский период явно отсутствовал интерес к репрезентации битв и охоты. Их место заняли процессионные сюжеты. Именно в пронаосах обычно встречаются изображения процессий иноземных пленников и данников. С точки зрения иконографии они близки своим непосредственным предшественникам — процессионные сценам из фиванских гробниц эпохи Аменхотепа III и Аменхотепа IV (Эхнатона), однако они играют в иконографических программах намного более важную роль. Яркий пример — гробницы Хуиа (западная стена) и Мерира II (восточная стена), программа которых отражает важное событие двенадцатого года правления Эхнатона — визит ко двору царя иноземных посланников [Davies, 1905, II, pl. 37; Davies, 1905, III, pl. 15], в первую очередь, сирийцев, ливийцев и нубийцев, но также хеттов и, вероятно, амoритов [Dodson, 2009, p. 11]. В этих памятниках общая тенденция, а именно рост интереса к изображению процессий дароносцев, усилилась желанием отразить конкретный внешнеполитический момент.

Фрагменты рельефов со сценами процессий иноземцев сохранились не только в амарнских гробницах, но и были найдены в Гермополе (например, фрагмент из коллекции Х. Барнета [Cooney, 1965, p. 85–86]).

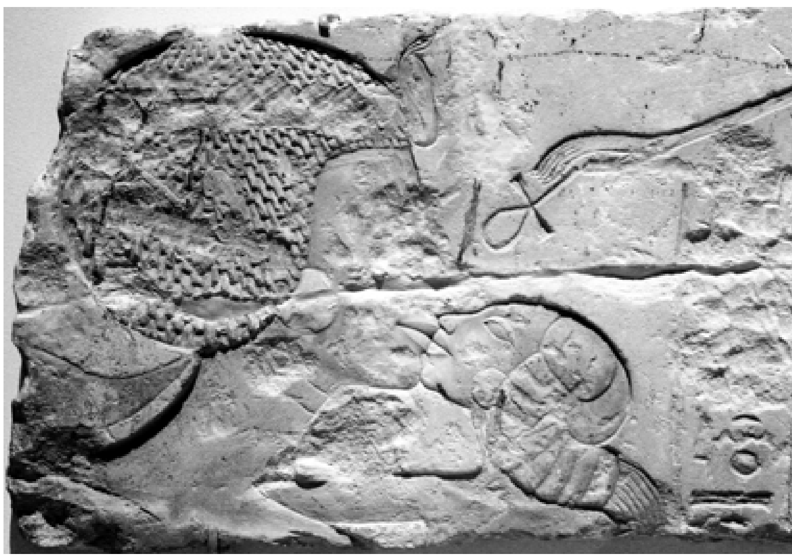
Сцена в нижнем регистре гробницы Петосириса объединяет в себе элементы разных типов процессий. С точки зрения сюжета это жертвенная процессия, однако в ее составе — множество иноземцев, причем иконография нубийцев и ливийцев очень близка к той, которую можно видеть на амарнских рельефах. Профили некоторых персонажей с заостренными бородами напоминают традиционную иконографию сирийцев (палестинцев). Сложно сказать, по-прежнему ли в раннептолемеевскую эпоху ливийцы украшали голову двумя перьями, а нубийцы вдевали в уши массивные кольца: со времени Нового царства прошло целое тысячелетие. Представляется более вероятным, что такая иконография в гробнице Петосириса [Venit, 2016, p. 11; Cherpion et al., 2007, p. 140] представляет собой стилизацию под амарнские памятники.

Еще одна особенность процессии из гробницы Петосириса — количество участвующих в ней детей и свободная трактовка пространственных взаимоотношений детских и взрослых фигур. Традиция изображения детей в процессиях как дароносцев, так и пленников, восходит к искусству XVIII династии. Как отмечает У. Матич, в ней прослеживаются строгие закономерности: детские фигуры встречаются лишь в сирийских и ливийских процессиях [Matić, 2015, p. 375]; сирийские дети, как правило, изображаются в процессиях дароносцев, нубийские — пленников [Matić, 2015, p. 381–382]. Позы детей и пространственные отношения с фигурами взрослых также типизированы [Matić, 2015, p. 376–378]. Между амарнской трактовкой темы, пластически заметно более свободной по сравнению с доамарнским периодом, и еще

более непринужденным подходом на рельефах в гробнице Петосириса, просматриваются определенные стилистические параллели. В рельефах саккарской гробницы Хоремхеба, с точки зрения периода (правление Тутанхамона) и стиля очень близкой к амарнскому кругу памятников, сохранилась изображение пленной женщины. Одного ребенка она несет на плечах, другого — в мешке-слинге за спиной (*илл. 2*)[2]. Рядом с ней размещена фигура мужчины с остроконечной бородой, характерной для изображений жителей Восточного Средиземноморья. На восточной стене наоса гробницы Петосириса можно видеть фигуру мужчины с остроконечной бородой, несущего на плечах ребенка (*илл. 1*). Взаимоотношения взрослых и детских фигур на двух памятниках не идентичны, но сходны. На западной стене гробницы Петосириса сохранились два изображения женщин, несущих детей в мешке-слинге, но не на спине, а на груди.

Илл. 2. Рельеф из гробницы Хоремхеба в Саккаре (© Rijksmuseum van oudheden, Leiden, Inventory number H.III.OOOO)

Илл. 3. Амарнский рельеф из Гермополя (© Brooklyn Museum, New York, Accession number 60.197.8)

Однако прежде всего в рельефах нижнего регистра обращает на себя внимание тема нежного общения между взрослыми и детьми. Такая интерпретация не встречается в эпоху Эхнатона в изображениях процессий, однако истоки этой иконографии несложно проследить до амарнских памятников, посвященных царской семье. Сцены с родителями, целующими детей, — специфическая черта амарнского искусства, которая не встречалась в предшествующей традиции и исчезла в пост-амарнский период. Греческое и македонское искусство также не интересовалось темой нежного общения родителей с детьми. Изображения семей с детьми встречаются в сценах прощания на рельефах греческих и македонских погребальных стел, однако их позы и

[2] Rijksmuseum van oudheden, Leiden, inventory number H.III.OOOO.

пространственные взаимоотношения полны сдержанного достоинства и чужды той эмоциональной живости, которую мы видим в гробнице Петосириса.

Тема живого, непосредственного общения между детьми и взрослыми, выразительно раскрытая в рельефах нижнего регистра наоса, вполне могла быть инспирирована знакомством гермопольских мастеров с образцами амарнских памятников, посвященных царской семье. В их иконографии постоянно подчеркивается телесный контакт между членами семьи, непосредственные позы и жесты выражают взаимную привязанность и нежность. Наиболее яркие примеры памятников такого типа — стела, найденная в домашнем святилище из Амарны[3], фрагмент рельефа из упомянутой гермопольской коллекции (*илл. 3*), который позднее был приобретен Бруклинским музеем [Cooney, 1965, p. 20–22][4] и скульптурная композиция из Египетского музея Каира [Bongioanni, Sole Croce, 2005, p. 181][5]. Все упомянутые памятники — изображения царственных родителей, целующих своих дочерей. На фрагменте рельефа сохранились только лица, тогда как сохранность стелы позволяет судить и о взаимоотношении фигуры Эхнатона и его дочери. Правая рука царя подхватывает бедро девочки таким образом, что оказывается между ее ножками. Левая рука при этом поддерживает голову принцессы. На западной стене гробницы Петосириса сцена поцелуя матери и ребенка изображена дважды, что исключает случайность ее появления. С точки зрения иконографических аналогий особенно интересна композиция, в которой ребенок сидит верхом на руке матери (*илл. 4*). Так же, как на амарнской стеле, рука взрослого оказывается между ножками ребенка. Ладонью той же руки мать поддерживает его голову, вторая ее рука при этом держит малыша за ножку. Ребенок обнимает мать за шею очень характерным жестом, подобный которому можно видеть на рельефе из той же гермопольской коллекции [Cooney, 1965, p. 28–29][6].

Еще один необычный жест, несколько раз повторяющийся в процессионных сценах наоса — прикосновение к верхней части руки, над локтем. В одном случае ребенок в слинге дотрагивается до материнской руки, в другом — мать таким образом держит за руку ребенка. В сценах процессий в эпоху Нового царства родители держат детей за ладонь либо за запястье, однако описываемый жест встречается в амарнских памятниках, посвященных царской семье. В упомянутом рельефе из музея Метрополитен младшая сестра касается ладонью руки сестры прямо над локтем. Сходным образом ребенок держит Эхнатона за локоть в скульптурной композиции из Египетского музея Каира.

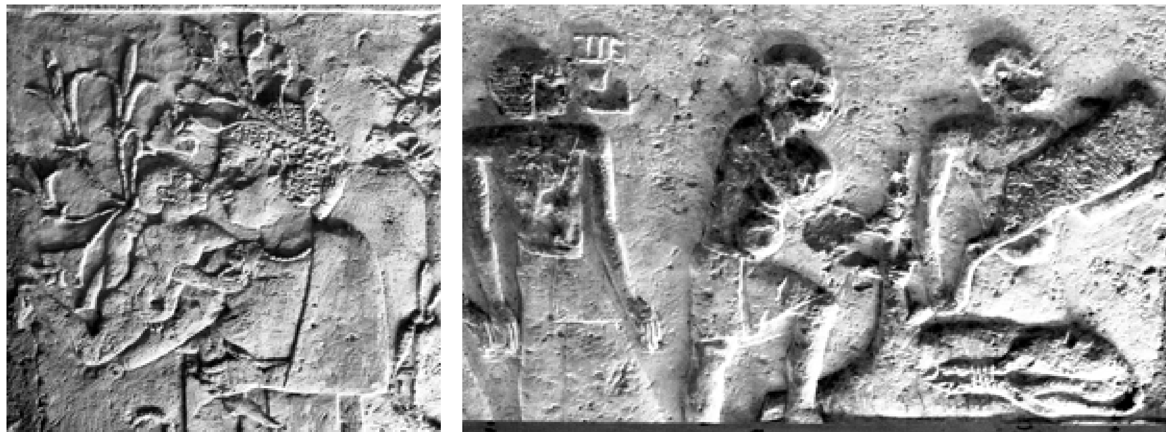
Складывается впечатление, что значительная часть иконографических деталей, с помощью которых в гробнице Петосириса выражается привязанность между детьми и родителями, восходит к амарнской иконографии неформального общения членов царской семьи.

В среднем регистре южной части западной стены наоса размещена традиционная сцена принесения в жертву быка. Бросается в глаза характер изображения фигур двух мужчин, участвующих в сцене: у обоих над набедренными повязками свисают округлые мягкие животы (*илл. 5*). Эта специфическая черта амарнского стиля,

---

[3] Египетский музей, Берлин, инв. № 14145.
[4] Бруклинский музей, Нью Йорк, инв. № 60.197.8.
[5] Египетский музей, Каир, зал 3.
[6] Музей Метрополитен, инв. № 1985.328.6.

тяготеющего к неидеальной трактовке человеческих фигур, явно появилась здесь неслучайно: средняя часть туловища одного из мужчин закрыта силуэтом бычьей ноги, однако скульптор позаботился о том, чтобы пухлый свисающий живот был хорошо заметен под изображением ноги. Контраст между подтянутыми, геометрически трактованными силуэтами жрецов позади жертвенной сцены и преувеличенно рыхлыми, объемными животами участников жертвоприношения свидетельствует о том, что при работе над памятником использовались иконографические модели, принадлежащие к разным стилям (и, соответственно, к разным эпохам).

Илл. 4 и 5. Гробница Петосириса, изображения на западной стене наоса (*фото автора*)

Аналогичную интерпретацию мужской фигуры можно видеть и в пронаосе. В композиции, посвященной изготовлению металлических изделий, обращает на себя внимание живот скульптора, нависающий над набедренной повязкой. Линейная разделка складок его повязки также типична для памятников эпохи Эхнатона.

Описанная натуралистическая интерпретация мужских фигур повсеместно встречается на амарнских рельефах (*цветная вклейка, фото 10–11*), в том числе найденных в Гермополе Магна (*илл. 6*). Поскольку рельефы выполнялись на сравнительно небольших прямоугольных блоках (*талататах*), в среднем 22–24 см высотой, изображения человеческих фигур занимали обычно поверхность трех расположенных друг над другом блоков. В результате среди находок часто встречаются блоки с фрагментами фигур — головами, средними частями тел или ногами. Например, на нескольких фрагментах, найденных Г. Редером, можно видеть сразу несколько мужских туловищ с животами, нависающими над набедренными повязками [Roeder, 1969, Taf. 211, PC 288; Taf. 79, 32–VIII A; Taf. 172, PC 15; Taf. 202, PC 214]. Возможно, фрагменты такого плана послужили образцами для стилизации в гробнице Петосириса.

Еще один элемент иконографии процессии в наосе обращает на себя внимание близостью к амарнскому стилю. На фоне разнообразия поз и фигур дароносцев выделяется силуэт женщины на восточной стене (справа от входа в наос). Изображение производит впечатление составленного из разновременных иконографических цитат. Если ее развернутая анфас голова с большими, анатомически неправильными, высоко посаженными раковинами ушей напоминает иконографию Хатхор Позднего периода, то пропорции тела, поза и подчеркнутая прозрачность одеяния явно апеллируют к амарнскому стилю. Это изображение — единственное прямое заимствование

амарнского канона женской фигуры, хотя в рельефах пронаоса есть очевидные «цитаты» из греческой традиции.

Рельефы пронаоса отличаются еще более решительным смешением египетских и греческих сюжетов. Иконографическую программу рельефов северной, восточной и западной стен, посвященную сельскохозяйственным и ремесленным работам, можно считать традиционной для египетского погребального искусства. Однако стиль некоторых сцен настолько эклектичен, что заставляет задуматься о существовании в Египте развитой художественной традиции в греческой культурной среде и, соответственно, утраченных образцах, которыми пользовались мастера гробницы Петосириса.

Илл. 6. Амарнский рельеф из Гермополя (© Metropolitan Museum, New York, Accession number 1985.328.10)

На южной стене, отделяющей пронаос от наоса, размещены ритуальные сцены, не только стиль, но и сюжеты которых безусловно заимствованы из греко-македонского искусства. В них также присутствуют элементы эклектики, однако здесь египтизирующие детали уже выглядят в общем контексте инородными.

О причинах столь явного интереса самого Петосириса как заказчика и авторов рельефов к заимствованию из греческого искусства остается только догадываться. Анализируя автобиографические тексты, а также биографии отца и старшего брата Петосириса, Б. Меню приходит к выводу, что Петосирис был назначен верховным жрецом Тота после отстранения (и, возможно, казни) старшего брата, Джедтотиуфанха, сотрудничавшего с персидскими завоевателями [Menu, 1994, p. 319–320; 326–327]. Петосирис, назначенный уже при македонцах, по мнению Б. Меню, активно поддерживал македонских правителей и способствовал укреплению их власти в Египте [Menu, 1994, p. 326; Menu, 1998, p. 250]. Возможно, его политическая позиция (обусловленная, в том числе, необходимостью компенсировать коллаборационизм своего брата и предшественника в жреческой карьере) повлияла на подчеркнутый интерес к эллинистическим сюжетам и стилю рельефов гробницы Петосириса.

С другой стороны, обращает на себя внимание еще одно обстоятельство. Сцены ремесленных работ и управления хозяйством, несмотря на эллинизирующие детали, в целом выполнены в египетской художественной парадигме. В то же время композиции, посвященные сельскохозяйственным работам, поражают количеством

эллинизирующих элементов. На первый взгляд это кажется странным: такие сюжеты, как жатва, сбор винограда и изготовление вина, были очень популярны в гробницах Нового царства, в первую очередь, фиванских, и, соответственно, их иконография была разработана очень подробно. Однако во всех известных амарнских гробницах, за исключением гробницы Хуиа, сцены сельскохозяйственных работ отсутствуют. Что касается последней, то рельефы, посвященные сельской жизни, сохранились, к сожалению, фрагментарно [Davies, 1905. pl. V, VII]. Тем не менее можно говорить о том, что на них были представлены далеко не все сюжеты, включенные в иконографическую программу гробницы Петосириса. Возможно, мастерам, работавшим в гробнице, недоставало традиционных египетских прототипов, и они восполняли пробелы с помощью иконографических образцов, заимствованных из другого культурного круга — греческого. В качестве таких образцов могли выступать, например, терракотовые рельефы и вазопись. Тем не менее нельзя исключать, что выбор в пользу эллинизирующей манеры изображения сельскохозяйственных работ был сделан именно заказчиком, который хотел подчеркнуть свою лояльность к греческой культуре. При этом, видимо, неслучайно были выбраны именно сюжеты из земной жизни. Если искажение иконографии сцен, посвященных погребальным ритуалам и путешествию в загробную жизнь, могло, в глазах египтянина той эпохи, помешать переходу усопшего в счастливый загробный мир, то эллинизирующая трактовка эпизодов, связанных с земной жизнью, не несла в себе никакой угрозы.

Таким образом, в процессе работы над иконографической программой и стилем гробницы, вероятно, сложилась ситуация, в которой активное обращение к греческим художественным образцам соответствовало потребностям и заказчика, и мастеров-исполнителей.

Большинство сцен на южной стене является стилизацией под типично греческие символические композиции, так или иначе связанные с поминальным культом. Часть из них вызывает ассоциации с македонскими погребальными стелами и росписями гробниц, другая — с вазописью. Тем заметнее в них египтизирующие элементы.

На восточной части стены (слева от входа в наос) размещены фигуры двух женщин и подростка на фоне дерева. Одна из женщин вручает другой венок. И сам сюжет, и его трактовка имеют явное греческое происхождение. Силуэты деревьев с обнаженными ветвями также часто встречаются на македонских погребальных стелах. Однако в данной композиции иконография дерева явно восходит к египетской художественной парадигме. Вместо змеи, соответствующей македонской традиции, в ветвях дерева расположилась пара птиц. Скорее всего, изначально с помощью живописных средств была также изображена и листва. Листья на венке — символически важном элементе сюжета — вырезаны в технике рельефа, однако для изображения дерева, по-видимому, использовалась двойная техника, как это можно видеть и на рельефах амарнского периода. Яркий пример — фрагмент рельефа из Бруклинского музея со сценой отпугивания птиц [Cooney, 1965, p. 78–79][7]. Изображение дерева с птицей в ветвях имеет очень схожую трактовку: ветви, ствол и силуэт птицы вырезаны в

[7] Бруклинский музей, инв. № 60.197.3.

технике рельефа, рядом с ними, как и в гробнице Петосириса, сохранились следы голубой краски.

В западной части южной стены (справа от входа) размещены три сцены, посвященные теме жертвоприношения. Две из них носят выраженный эллинизирующий характер, а третья, несмотря на аналогичную интерпретацию фигуры женщины, включая ее прическу и одежду, явно имеет египетское происхождение, поскольку в Греции не было практики приносить в жертву уток. В рассматриваемой же композиции женщина, стоящая в профиль, держит на вытянутых вперед руках уток с раскинутыми крыльями (*илл. 7*). Одной рукой она сжимает утку за шею, другой держит ее за лапы. Поза женщины напоминает позу Эхнатона, приносящего в жертву утку, на фрагменте рельефа из коллекции музей Метрополитен [Cooney, 1965, p. 17 (no.1985.328.2)]. Царь держит птицу перед собой, сжимая одной рукой ее шею, второй — крыло (*илл. 8*).

Илл. 7. Гробница Петосириса, западная часть северной стены пронаоса (*фото автора*)

В сценах процессий, как в наосе, так и в восточной части южной стены пронаоса, обращает на себя внимание необычная деталь. Некоторые дароносцы держат в руках крупные удлиненные сосуды либо букеты, окруженные утками (*илл. 9; цветная вклейка, фото 9*). На западной стене наоса скульптор показал, что птицы привязаны к ойнохойе за крылья. В двух других случаях мастера даже не пытались придать композициям натурализм. Складывается впечатление, что они сами не вполне понимали, какие именно предметы изображают. В египетской живописи Нового

царства такие композиции из сосудов с привязанными к ним птицами не встречаются. Однако в Гермополисе и Амарне были обнаружены фрагменты рельефов с изображением капителей колонн киосков, к которым подвешены связки птиц, уток или куропаток (*илл. 10*) [Cooney, 1965, cat. 62, cat. 63; Egypt Exploration Society photo collection, taneg35-36o115 [8]]. Такие изображения были очень популярны в искусстве амарнского периода [Cooney, 1965, p. 100]. Фрагменты капителей сложно интерпретировать, не видя целостной картины. Они действительно выглядят как сосуды с привязанными к ним птицами. Возможно, будучи знакомыми с такими частями изображений, лишенными иконографического контекста, мастера, работавшие над рельефами гробницы Петосириса, ошибочно трактовали их как особый тип жертвоприношений.

Илл. 8. Амарнский рельеф из Гермополя
(© Metropolitan Museum, New York, Accession number 1985.328.2)

Что касается композиций, посвященных работе ремесленников и счетоводов, то, в первую очередь, обращают на себя внимание принципы организации изобразительной поверхности. По горизонтали она разделена на четыре традиционных регистра, по вертикали — на четыре интерколумния, фланкированных полуколоннами. Подобное вертикально-горизонтальное членение поверхности повсеместно встречается в искусстве амарнского периода, в изображениях дворцов и храмов, показанных в разрезе. В изолированных друг от друга прямоугольниках-комнатах разворачиваются сцены, связанные с разнообразной деятельностью. Так, в гробнице Хуиа сохранилось изображение работы скульптора в мастерской [Davies, 1905, pl. XVII], в котором заметны иконографические параллели с рельефами пронаоса гробницы Петосириса. Большое количество фрагментов рельефов со сценами дворцовых и храмовых работ было обнаружено экспедицией Г. Редера в Гермополе. В коллекциях американских

[8] *The Egypt Exploration Society's photostream.* URL: https://www.flickr.com/photos/egyptexplorationsociety/27134631479/in/album-72157688151778592/ (дата обращения 13.06.2019).

музеев также хранятся подобные артефакты гермопольского происхождения [Roeder, 1969; Cooney, 1965, cat. 46–48].

Пример схожей организации изобразительного пространства дают рельефы на талататах из Гемпаатона — храма в Карнаке, построенного (или достроенного) Аменхотепом IV (будущим Эхнатоном). Иконографическая программа и стиль рельефов Гемпаатона — непосредственные предвестники амарнского искусства — дают хорошее представление о том, как могли выглядеть храмы Атона в Амарне, от декора которых остались лишь фрагменты рельефов, рассеянные по музейным коллекциям. На стене Гемпаатона из музея Луксора представлена характерная вертикально-горизонтальная разделка внутреннего пространства храма, на фоне которой разворачиваются разнообразные хозяйственные работы.

И еще одна деталь в интерпретации складок одеяний на рельефах гробницы Петосириса могла быть инспирирована амарнским стилем. Геометрически упорядоченные, стилизованные складки хитонов с однообразным круглым завершением совсем не соответствуют традициям греческого эллинистического искусства, даже провинциального. Однако в амарнский период получает распространение специфическая трактовка египетских одеяний. Передняя часть синдона укладывается монотонными складками с округлым завершением, напоминающими складки хитонов на рельефах гробницы Петосириса.

Илл. 9. Гробница Петосириса, западная стена наоса (*фото автора*)

Илл. 10. Амарнский рельеф из Гермополя (© Metropolitan Museum, New York, Accession number 1985.328.4)

Заключение

Стилистические и иконографические параллели между амарнскими памятниками и рельефами гробницы Петосириса позволяют с осторожностью предположить, что амарнское искусство, скорее всего, повлияло на стиль этой раннептолемеевской гробницы. Мастера Гермополя Магна, в силу географической близости, вероятно, были знакомы с памятниками амарнской эпохи и использовали их в качестве художественных образцов. Находки многочисленных фрагментов амарнских рельефов в ходе раскопок самого Гермополя свидетельствуют в пользу этого предположения. Такое внимание к своему культурному прошлому, нашедшее

выражение в архаизирующих тенденциях, вполне характерно для Позднего периода[9]. Дж. Аллен и М. Хилл подчеркивают, что локальный фактор играл значительную роль в формировании стилистических предпочтений в различных регионах Египта Позднего периода [10], что обусловливалось знакомством заказчиков и мастеров с конкретным кругом памятников. Например, так называемая «нео-мемфисская» скульптурная школа сформировалась под влиянием скульптуры эпохи Древнего царства [Török, 2014, p. 10], незнакомой фиванцам, которые, в первую очередь, ориентировались на памятники Тутмессидов и ранних Рамессидов.

Эклектичный стиль рельефов гробницы Петосириса, в которых творчески переработаны влияния разных эпох и различных художественных парадигм, заметно отличается и от неомемфисской, и от фиванской школ. Скорее всего, своей экспрессивностью, пластичностью и относительной изобразительной свободой он обязан не только эллинистическому, но и амарнскому искусству.

Стиль рельефов иконографической программы гробницы Петосириса производит впечатление сознательно эклектичного. Стилистические особенности различных художественных парадигм и разных эпох в рамках египетской традиции, возможно, выступали в роли художественного языка, с помощью которого передавались важные смысловые акценты и коннотации.

Для выражения символико-ритуальной части иконографической программы, относящейся к погребальному обряду и путешествию отца и брата Петосириса (двух верховных жрецов Тота) из реального мира в счастливую загробную жизнь используется наиболее классицизирующий (в птолемеевскую эпоху, фактически, архаизирующий) стиль, к которому официальное египетское искусство раз за разом обращалось после периодов смены художественных парадигм. Большая часть рельефов пронаоса, посвященного самому Петосирису, видимо, ставшему жрецом в период правления Александра, носит выраженно эллинизирующий характер. Вероятно, таким образом заказчик, в том числе, хотел выразить свою поддержку македонскому правлению, симпатию к греческой культуре и, возможно, греческому населению Гермополя Магна.

Для обращения к важнейшей составляющей египетского мировоззрения, а именно к представлениям о счастливой, мирной и изобильной земной жизни, радости повседневного труда и ценности семейных уз, мастера, вероятно, прибегли к элементам самого реалистичного, живого и эстетского стиля в истории египетского искусства — амарнского.

Разумеется, в иконографической программе памятника нет строгого разделения между стилями, их элементы взаимодействуют, проникают друг в друга и проявляются в неожиданных сочетаниях, однако в целом отчетливо ощущается художественное «триязычие» рельефов гробницы Петосириса.

---

[9] Rual J. *Archaising Tendencies in Early Late Period Egyptian Art and Architecture*. 708264, CLD300: Classics, Ancient History, Egyptology Dissertation. P. 2–3. URL: https://www.academia.edu/15727540/Archaising_tendencies_in_Early_Late_Period_Egyptian_art_and_architecture_A_case_study_of_Mentuemhat_Mayor_of_Thebes (дата обращения 18.01.2019).

[10] Allen J., Hill M. Egypt in the Third Intermediate Period (ca. 1070–664 B.C.) // *Heilbrunn Timeline of Art History*. New York, 2000. October 2004; last revised March 2018. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tipd/hd_tipd.htm (дата обращения 20.01.2019).

Литература/References

Baines J. Egyptian Elite Self-presentation in the Context of Ptolemaic Rule // Harris W. V., Ruffini G. (eds.). *Ancient Alexandria between Egypt and Greece*. Leiden, 2004. Pp. 33–61.

Bissing F. W. von. Lettere al Prof. Breccia // *Zu alexandrinischen Denkmälern in BSRAA*. 1933. 28. S. 183–191.

Bongioanni A., Sole Croce M. *The Illustrated Guide to the Egyptian Museum in Cairo*. Cairo, 2005.

Cherpion N., Corteggini J. P., Gout J.-F. *Le tombeau de Pétosiris à Touna el-Gebel. Relevé photographique*. Cairo, 2007.

Davies N. de G. *The Rock Tombs of el Amarna*. Part II. *The Tombs of Panehesy and Meryra II*. London, 1905 (a).

Davies N. de G. *The Rock Tombs of el Amarna*. Part III. *The Tombs of Huya and Ahmes*. London, 1905 (b).

Dodson A. *Amarna Sunset. Nefertiti, Tutankhamun, Ay, Horemheb and the Egyptian Counter-Reformation*. Cairo, 2009.

Kemp B. *The City of Akhenaten and Nefertity. Amarna and its People*. London, 2012.

Matić U. Children on the Move: *ms.w*, *wr.w* in the New Kingdom Procession Scenes // Mynářová J., Onderka P., Pavúk P. (eds.). *There and Back Again — the Crossroads II. Proceedings of an International Conference held in Prague. September 15–18, 2014*. Prague, 2015.

Menu B. Le tombeau de Pétosiris (4). Le souverain de l'Égypte // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1998. 98. Pp. 247–262.

Menu B. Le tombeau de Pétosiris. Nouvel examen // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1994. 94. Pp. 311–327.

Panagiotopoulos D. *Keftiu* in the Context: Theban Tomb Paintings as a Historical Source // *Oxford Journal of Archaeology*. 2001. Pp. 263–283.

Perdrizet P. Chapter VI. Temples and Funerary Houses of the Greco-Roman Era // Gabra S. (ed.). Rapport sur les Fouilles d'Hermoupolis Ouest (Touna el-Gebel). Cairo, 1941. Pp. 51–105.

Picard C. Les influences étrangères au tombeau de Petosiris; Grèce ou Perce // *Bulletin de l'Institut français d'archéologie orientale*. 1931. 30. Pp. 201–227.

Roeder G. *Amarna-Reliefs aus Hermopolis. Ausgrabungen der Deurschen Hermopolis-Expedition in Hermopolis 1929–1939*. Bd. II. Hildesheim, 1969.

Török L. *Egy félreismert remekmű. A Petosiris-sír és az egyiptomi–görög kiegyezés in Herodotus in Nubia*. Leiden, Boston, 2014. Pp. 3–19.

Venit M.S. *Visualizing the Afterlife in the Tombs of Graeco-Roman Egypt*. Cambridge, 2016.

Wachsmann S. *Aegeans in the Theban Tombs*. Leuven, 1987.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Allen J., Hill M. Egypt in the Third Intermediate Period (ca. 1070–664 B.C.) // *Heilbrunn Timeline of Art History*. New York, 2000. October 2004; last revised March 2018. URL: http://www.metmuseum.org/toah/hd/tipd/hd_tipd.htm (дата обращения 20.01.2019).

Amarna Project. http://amarnaproject.com/pages/amarna_the_place/boundary_stelae/index.shtml (дата обращения 13.06.2019).

Rual J. *Archaising Tendencies in Early Late Period Egyptian Art and Architecture*. 708264, CLD300: Classics, Ancient History, Egyptology Dissertation. URL: https://www.academia.edu/15727540/Archaising_tendencies_in_Early_Late_Period_Egyptian_art_and_architecture_A_case_study_of_Mentuemhat_Mayor_of_Thebes (дата обращения 18.01.2019).

The Egypt Exploration Society's photostream. URL: https://www.flickr.com/photos/egyptexplorationsociety/27134631479/in/album-72157688151778592/ (дата обращения 13.06.2019).

Фото к статье В. З. Куватовой «Следы амарнского стиля в рельефах древнеегипетской гробницы Петосириса (Туна эль-Гебель)»

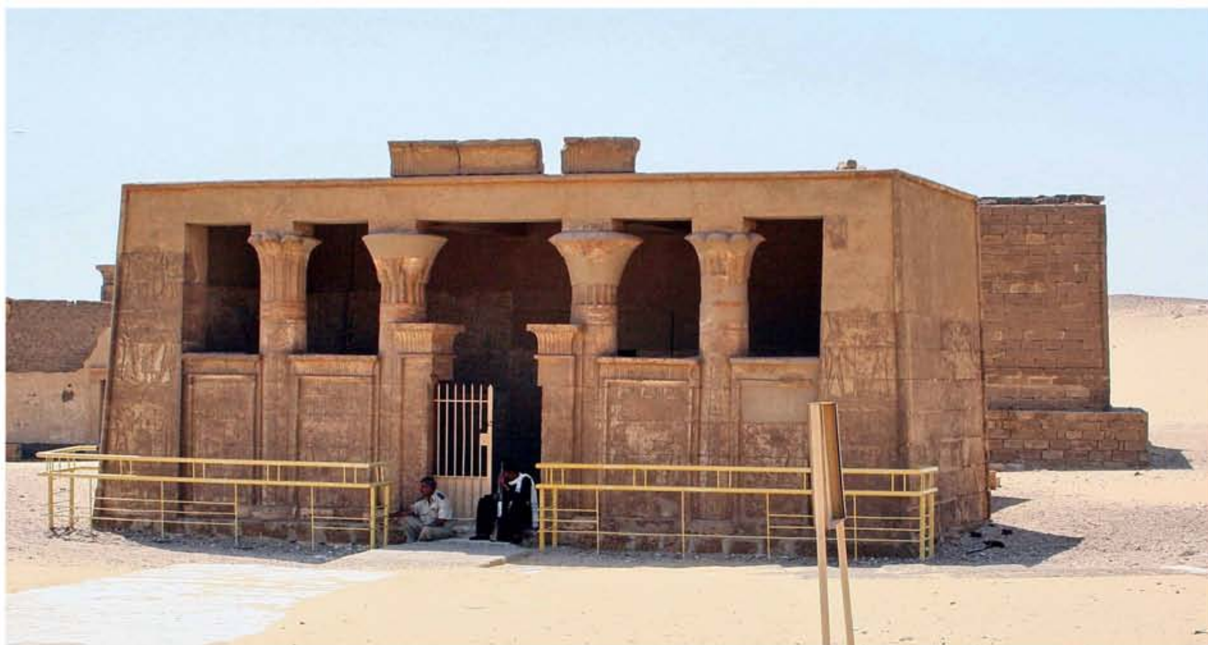

Фото 8. Гробница Петосириса в некрополе Туна эль-Гебель, Египет (IV в. до н.э.) (*фото В. З. Куватовой*)

Фото 9. Гробница Петосириса, западная стена наоса (*фото В. З. Куватовой*)

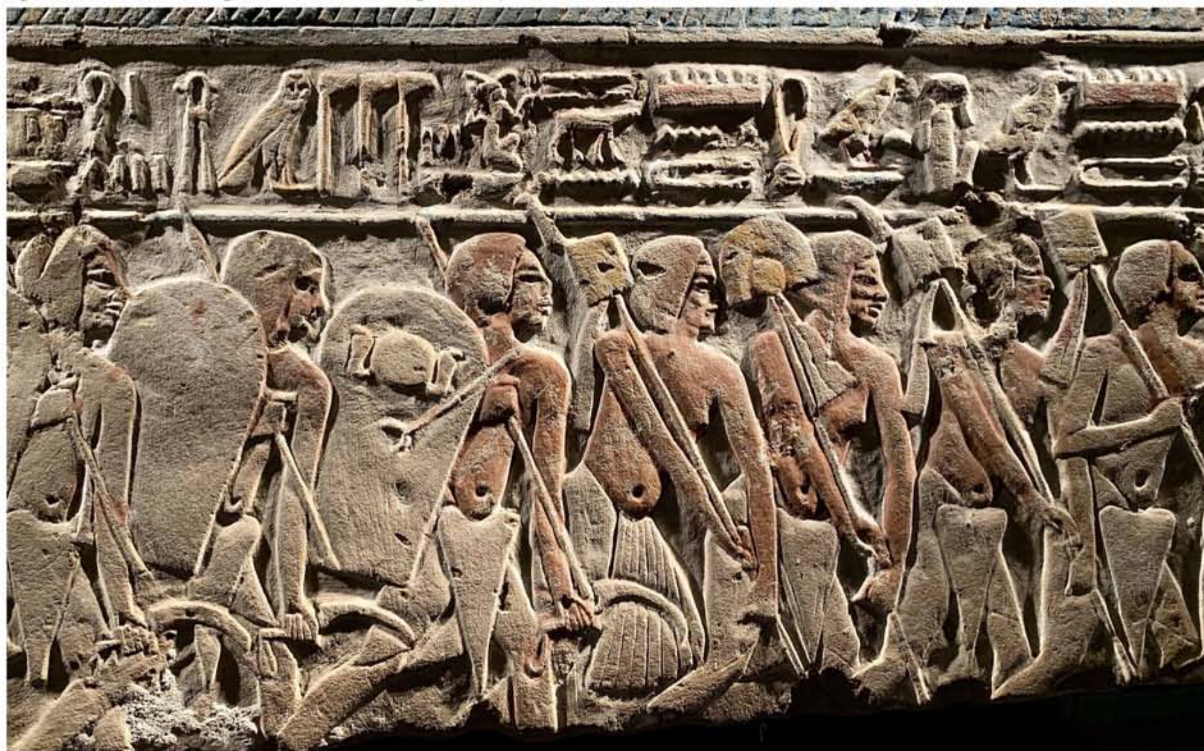

Фото 10. Рельеф из Карнакского храма (песчаник, конец XVIII династии).
Луксорский музей (*фото В. З. Куватовой*)

Фото 11. Гробница Хоремхеба в Саккаре, Египет (поздняя XVIII династия).
Рельефы на южной стене (*фото В. З. Куватовой*)

ИНДИЙСКИЙ ПАНЕГИРИК В РАКУРСЕ ВИЗУАЛЬНОЙ СЕМИОТИКИ: ВЕРБАЛЬНЫЙ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНЫЙ ТЕКСТЫ МОГОЛЬСКОГО МОНАРШЕГО ПОРТРЕТА. ЧАСТЬ II

Ю. Г. Атманова[*]

Статья посвящена исследованию индийского могольского монаршего портрета в ракурсе визуальной семиотики. В результате проведенного исследования автор приходит к выводу, что вербальный панегирический текст монаршего портрета, по-разному взаимодействуя с иконическим компонентом, может существенно обогащать содержательный потенциал живописной композиции и значительно расширять возможности ее интерпретации. Взаимодействие двух неоднородных знаковых систем происходит посредством различных типов корреляции: взаимодополнения, взаимоусиления, взаимопересечения и др. Резюмируется, что могольский монарший портрет, сопровождаемый панегирическими надписями, следует рассматривать как единый изовербальный текст, в котором иконический и вербальный компоненты образуют в художественном и семантическом планах неразрывное целое.

Ключевые слова: Индия, могольская живопись, монарший портрет, вербальный и изобразительный панегирики, проблемы корреляции, изовербальный текст, визуальная семиотика.

INDIAN EULOGY FROM THE PERSPECTIVE OF VISUAL SEMIOTICS: VERBAL AND PICTORIAL TEXTS OF MUGHAL ROYAL PORTRAIT. PART II

Yulia G. Atmanova

The article is devoted to the study of the Mughal Royal portrait from the perspective of visual semiotics. As a result of the study, the author comes to the conclusion that the verbal panegyric text of the Mughal Royal portrait interacts in different ways with its iconic component. Verbal text can significantly enrich the content of the pictorial composition and expand the possibilities of its interpretation. The process of interaction between two heterogeneous sign systems involves different types of correlation — intersectionality, complementarity, mutual reinforcement, etc. It is concluded that the Mughal Royal portrait accompanied by panegyric inscriptions should be considered as a single "large" text in which iconic and verbal components form an inseparable whole in artistic and semantic aspects.

Keywords: India, Mughal painting, Royal portrait, verbal and pictorial eulogies, the problems of correlation, iconic-verbal text, visual semiotics.

[*] Юлия Георгиевна АТМАНОВА, кандидат искусствоведения, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; atmanova@mail.ru

Yulia G. ATMANOVA, PhD (Art History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; atmanova@mail.ru

Взаимодействие письменного и изобразительного текстов в индийском могольском монаршем портрете не ограничивается только смысловыми рамками ономастических и метафорических номинаций, выявленных и проанализированных в первой части данной статьи [Атманова, 2019]. Диапазон возможностей вербально-изобразительных связей в могольской живописи намного шире и разнообразнее. Особый интерес в рамках проводимого исследования представляет могольский аллегорический портрет, поскольку именно он может служить наиболее ярким примером столь удачного и продуктивного симбиоза вербального и визуального комплексов. До нашего времени дошло не так много портретов этого типа. Многие из сохранившихся аллегорических композиций являются семантически нагруженными «большими» текстами, в структурировании которых наряду с иконическими были использованы и вербальные средства, а также средства других семиотических кодов (стиль, цвет, размер шрифта и т. д.). К сожалению, эта достаточно ярко выраженная особенность могольской живописи до сих пор остается без должного внимания. Проблема взаимодействия разных семиотических кодов в могольской живописи практически не изучена: этому вопросу не посвящено ни одного специального исследования. Можно отметить только статью Уиллера Такстона о каллиграфии в альбомах-*муракка*‘, где ученый вскользь затрагивает проблему прочтения могольских неиллюстративных миниатюр как раз в ракурсе смысловой неразрывности текстовых фрагментов и иконического компонента, правда, без дифференциации живописных произведений по их жанровой принадлежности [Thackston, 2008].

Современная научная методология и такие ее направления, как теория коммуникации, семиотики и др., позволяют рассматривать индийский могольский монарший портрет, особенно в его аллегорической форме, как семиотически осложненный, изовербальный текст, в котором изобразительный и словесный компоненты образуют единую, сложно организованную знаковую структуру. Этот тип взаимодействия двух неоднородных знаковых систем подразумевает различные виды корреляции: взаимодополнения, взаимовлияния, взаимоусиления, взаимопересечения и т. д. В одном случае вербальный текст акцентирует внимание на ключевой идее живописного панегирика, в другом — предлагает иной / новый вариант прочтения изобразительного мотива. В третьем случае он дублирует поэтическим слогом топику и мотивику изобразительного текста, «активизируя» таким образом семантику иконического компонента. Иногда текст выполняет функцию простого комментария, поясняя смысл и значение отдельных символов-образов. В некоторых случаях вербальный текст (как правило, не панегирической направленности[1]) не имеет прямого отношения к изобразительному компоненту, а выстраивает смысловые связи с ним на основе более сложных переплетений явных и опосредованных ассоциаций и скрытых аллюзий.

Данная статья не ставит своей целью выявление и анализ всех возможных типов корреляции визуально-вербального комплекса в могольском монаршем портрете, поскольку таких типов связей довольно много, так же как и вариантов их функционирования. Работать они могут как на уровне всего текста, так и в регистре отдельных лексических и синтаксических единиц (лексема, словосочетание,

[1] О текстах панегирической направленности см.: [Атманова, 2019, с. 61].

предложение). Следует принять во внимание и тот факт, что сама специфика интертекстуальных и интеризобразительных возможностей индийской внутри- и межкультурной коммуникации предопределила более многоплановое, смыслово-насыщенное прочтение могольских миниатюр, значительно увеличив и без того широкий диапазон межсемиотических связей могольского изовербального текста (через призму его «претекстов»). В настоящей статье будут рассмотрены и проанализированы лишь некоторые из всех возможных путей и способов реализации изовербального комплекса на примере хорошо известных могольских произведений.

На одном из своих официальных портретов, созданном в придворных мастерских талантливым индийским художником Бичитром, падишах Джахангир изображен на нейтральном темном фоне в полный рост, держащим в руке сферу[2]. В верхнем левом углу миниатюры золотом выведена надпись: «Ключ к обладанию двумя мирами неоспорим в твоей руке» (вариант: «ключ к овладению двумя мирами вручен тебе»[3]). В данном случае предназначение вербального теста заключается в том, чтобы сфокусировать внимание зрителя на главной идее изобразительного панегирика. В композиции Джахангир представлен обладателем «ключа к двум мирам», материальному (земному) и духовному. Таким образом, традиционное прочтение его образа, когда он изображается с глобусом, — «Шах мира» или «Шах семи земель» — обретает здесь новые смыслы и семантические оттенки. Визуализированный концепт земной сферы получает весьма важное в политическом смысле «уточнение». Согласно представлениям Великих Моголов, идеальной считалась такая система управления государством, при которой в руках падишаха находились обе ветви власти — светская и духовная. Эти представления прослеживаются и в титуловании могольского императора — «Правитель государства и [защитник] веры» (*шах-и даулат-у дин*).

Для акцентуации ключевой идеи панегирического произведения в изобразительном тексте художник нашел оригинальное решение: он ввел дополнительного персонажа (шейха) в композицию, а также добавил в нее значимые символы и атрибуты, увеличив тем самым возможности прочтения изобразительного текста. Портрет самого падишаха Джахангира по замыслу художника должен был украсить правый лист двойного разворота манускрипта, а комплементарная миниатюра с портретом суфийского шейха[4] занять свое место на противоположном левом листе.

На комлементарной миниатюре шейх изображен в полный рост на нейтральном темном фоне, также как и падишах Джахангир на правом листе, что вполне согласуется с замыслом парного портрета. Падишах обращен лицом вправо, шейх – влево, т. е. оба персонажа смотрят друг на друга. Шейх протягивает падишаху увенчанную короной Тимура сферу, на которой золотыми чернилами сделана та же надпись, что и на портрете Джахангира: «Ключ к обладанию двумя мирами неоспорим в твоей руке». Передача столь значимой «регалии» высокочтимым духовым авторитетом должна была символизировать освящение божественной санкцией монарших полномочий

[2] *Бичитр.* «Портрет Джахангира с земной сферой» 1614–1618 гг. Альбом Минто. Chester Beatty Library, Dublin (In 07A.5) [Wright, 2008, pl. 37a].

[3] В суфийской трактовке — ключ к постижению двух миров.

[4] *Бичитр.* «Портрет суфийского шейха с земной сферой». 1610–1618 гг. Альбом Минто. Chester Beatty Library, Dublin (In 07A.14). Считается, что обе миниатюры художника Бичитра представляют собой парный портрет [Wright, 2008, pl. 36a].

Джахангира и его бесспорно высокий статус в духовной иерархии. Важно отметить, что вербальная метафора «ключа к двум мирам» визуализирована в композиции буквально: в верхней части глобуса[5] имеется замковое отверстие с приставленным к нему ключом. Также заслуживает внимания нюанс весьма значимый в политическом отношении: ключ на каждой из миниатюр расположен по-разному. На портрете падишаха он обращен стержнем с бородкой непосредственно к замковому отверстию, тем самым символически утверждая, что падишах Джахангир — законный обладатель «ключа к двум мирам». На портрете суфийского шейха ключ обращен стержнем с бородкой не к замковому отверстию на глобусе, а к короне Тимура, указывая на то, что сфера в руках суфия предназначена именно для Джахангира — правителя из рода Тимуридов, и потому легитимного правообладателя «ключа к двум мирам».

Другим интересным примером взаимодействия вербально-визуальных связей является известная аллегорическая композиция, в которой запечатлена воображаемая встреча падишаха Джахангира с сафавидским шахом ʻАббасом I[6]. Панегирические стихи здесь вынесены в картуши, расположенные на миниатюре сверху и снизу. Бейты задают общий приподнято-торжественный тон:

Шах Джахангир и шах ʻАббас,
Оба — владыки судьбы счастливой, Тень Господа [на Земле].

В шумного [пира] веселье с чашею Джама в руке
Счастливо рядом друг с другом восседают они.

Их справедливым правлением [благостно] мир процветает.
Да живут в [полном] согласии в мире сём все божьи твари!

Как друг и брат достойны друг друга [владыки].
Волей Аллаха, по счастию, повстречались они.

В поэтических строках оба монарха воспеваются как равно достойные, в изобразительном же панегирике первенство отдано могольскому императору. Для осуществления своего замысла художник прибегнул к приему завуалированного *хаджва* (осмеяния): формально он придерживается хвалебного тона, заданного в стихах, и изображает правителей, на первый взгляд, равными: как двух «братьев», мирно беседующих за праздничным застольем. Однако с помощью скрытых намеков, определенных композиционных приемов и значимых атрибутов художник весьма недвусмысленно дает понять, кто на самом деле хозяин, а кто всего лишь гость на этом «дружеском» пиру (подробнее см.: [Атманова, 2016а, с. 60–61]).

Примечательно и то, как обыгрывается в миниатюре мотив пиршественного застолья. С одной стороны, он изображен в полном соответствии с литературным жанром *хамриййат* (винная / пиршественная лирика): здесь имеется практически весь необходимый антураж и непременный персонаж царского застолья — виночерпий

[5] Изображение сферы в руках суфия не конкретизировано (на ней нет обозначений ни материков, ни созвездий), поэтому она может символизировать как земной, так и небесный глобус.
[6] *Вишну Дас* (?). «Маджлис Джахангира и ʻАббаса I». Ок. 1620 г. Петербургский альбом. Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington (F1942.16).

(*саки*), роль которого отведена визирю падишаха Джахангира Асаф-хану. С другой стороны, благодаря содержанию поэтического текста на миниатюре мотив пиршественного застолья подкреплен и дополнен мифологическими аллюзиями. Например, чаша с вином, которую протягивает Джахангиру Асаф-хан, символизирует упомянутую во втором бейте панегирика чашу мифического царя Джама (Джамшида). По преданию, она обладала чудесным свойством показывать, как в зеркале, все происходящее в мире. Если принять во внимание суфийское толкование винной лирики, а также контаминационную составляющую некоторых мифических персонажей, незримо «присутствующих» в изобразительном нарративе (Джамашида и Сулеймана), то рассматриваемый изовербальный панегирик обретает дополнительные смыслы и подтексты, конвенциональные для персоязычной культуры того времени (подробнее см.: [Атманова, 2016б, с. 107–109]).

Еще одним удачным примером взаимодействия текста и изображения в живописной композиции может служить аллегорический портрет Шах Джахана, созданный кистью известного художника Балчанда[7]. На портрете падишах представлен стоящим на земной сфере-троне и держащим в руке меч. Возле правителя изображены четверо его сыновей. В средней части композиции (слева и справа) имеется четверостишие:

Да восхваляют Шах Джахана в *зикрах*[8] бодрствующие по ночам,
Да возносят молитву о счастье его встающие поутру.

Куда бы ни направил [свой] меч солнцу подобный всадник,
Да исчезнут [там] сонмы врагов, как [меркнут] звезды [с первым солнца лучом].

В приведенных бейтах Шах Джахан сравнивается с небесным светилом, что является достаточно традиционным для панегирической касыды. Содержание поэтических строк наделяет живописный образ могольского правителя дополнительными смыслами и акцентами, что делает его прочтение более многозначным. Так, например, если принять во внимание тот факт, что в персоязычной поэзии меч довольно часто сравнивается с лучом солнца (и наоборот), то в вербальном панегирике, а вместе с ним и в изобразительном, смысловое наполнение образа Шах Джахана приобретает еще более светоносное звучание. В верхней части живописной композиции над фигурой падишаха изображено солнце, над которым два небесных существа (путти) держат корону. Голову Шах Джахана окружает сияющий нимб. Таким образом, лучезарный образ могольского владыки сравнивается с небесным светилом: как солнце на небе, так падишах на земле. Прочтение изовербального текста через призму могольской концепции *фарр-и изади* позволяет уловить дополнительные смысловые обертоны в композиции. Согласно этой концепции, истинный правитель имеет истинную световую природу: на него с небес нисходит излучаемый великим светилом божественный свет (*фарр-и изади*) [Атманова, 2017]. Сравнение падишаха с солнцем в этой связи обретает важный государственно-политический и сакрально-мистический подтекст. Изобразительный мотив увенчанного короной солнца дополняет и

---

[7] *Балчанд*. «Шах Джахан на земном глобусе в окружении сыновей». 1627–1630 гг. Альбом Минто. Chester Beatty Library, Dublin (In 07A.10) [Wright, 2008, pl. 46].

[8] *Зикр* — беспрерывное ритмическое поминание имени (имен) Бога, один из основных обрядов суфизма.

подкрепляет визуально именно эту коннотацию, тем самым символически утверждая неоспоримую легитимность и незыблемость монаршей власти в руках истинного, богом-движимого правителя, чье присутствие и справедливое правление облагораживает этот мир и привносит в него истинную гармонию.

Солярная мотивика в панегирических строках миниатюры не ограничена только стилистическими возможностями фигуры сравнения (*ташбих*) [9] . Используя излюбленный в персидской поэтике прием *ихам*[10], поэт умело обыгрывает полисемию слова *йиксавара*. Композит *йиксавара* состоит из двух частей: *йик* (*йика*) — единственный в своем роде, уникальный и *савара* — тот, кто движется с помощью кого-то / чего-то или на ком-то / чем-то. Кроме прямого значения — «искусный / не имеющий себе равных всадник», «непревзойденный наездник» — слово *йиксавара* имеет и метафорическое значение — «солнце». Иными словами, в поэтическом тексте Шах Джахан не только сравнивается со светилом (*чу михр*), но и отождествляется с ним (*йиксавара*). Достаточно отчетливо звучит в миниатюре и изобразительная метафора солнцеподобия могольского властителя — свет нимба падишаха по своей природе тождественен свету солнца, поскольку является эманацией великого светила. На рассматриваемой миниатюре поэтические строки призваны усилить звучание изобразительной метафоры и активизировать важные смысловые оттенки и подтексты, связанные с мистической концепцией *фарр-и изади*. Следует отметить также, что сам иконографический извод зримой метафоры солнцеподобия достаточно легко может быть расширен и дополнен при помощи многочисленных изобразительных «претекстов», где Великий Могол предстает как падишах-солнце (подробнее см.: [Атманова, 2017, с. 25–26]). Не менее интересно отметить и то, что в изобразительном варианте художник обыгрывает не только метафорическое, но и буквальное значение лексемы *йиксавара*: Шах Джахан один единственный (*йик* / *йика*) стоит на земном глобусе-троне (*савара*). Он — *кутб* («полюс / ось»), медиатор между дольним и горним мирами, истинный правитель своей эпохи (*шах-и заман*, «шах времени»), наместник Бога на Земле. Это прочтение по-своему оттеняется и в некоторой степени усиливается мизансценой, представленной на миниатюре: возле Шах Джахана изображены принцы, которые стоят на украшенной цветами земле, близко к падишаху, но не вместе с ним на глобусе.

Как уже было отмечено ранее, к сожалению, в научных исследованиях по могольской портретной миниатюре, как правило, существенно обуживаются, либо совсем игнорируются семиотические и содержательные возможности вербального текста панегирической направленности. Чаще всего о нем говорят как о простом комментарии, призванном лишь пояснять содержание живописного произведения. Между тем вышеприведенный анализ миниатюр вполне убедительно показывает, что вербальный компонент в могольском монаршем портрете играл весьма важную роль: он вступал в более сложные взаимоотношения с изобразительным текстом, не ограничивая свою связь с ним одной только синонимией. Даже в тех случаях, когда поэтические строки, казалось бы, просто дублировали топику и мотивику иконического компонента

[9] О фигуре *ташбих* см.: [Ватват, 1985, с. 130–136; Шамс-и Кайс, 1997, с. 221–228].

[10] Об *ихаме* см.: [Ватват, 1985, с. 127–128, 188–189; Шамс-и Кайс, 1997, с. 228–229, 403–404].

(например, как на известной миниатюре Абу-л Хасана[11]), содержательный потенциал их все равно был более разносторонним и глубоким. Другими словами, появление на портретной миниатюре вербального панегирического текста практически всегда было вызвано более значимыми причинами, чем желание простого пояснения. Следует также заметить, что в прославительных надписях на миниатюрах могли присутствовать тропы и образы конвенциональные для панегирической риторики, но не включенные при этом в канву изобразительной материи. Нередко письменный текст содержал текст имплицитный (скрытые аллюзии, ассоциации и т. д.), который «транслировал» в семантическое пространство живописной композиции релевантную панегирическую топику, усиливая прославительно-торжественную патетику произведения и делая более многогранной его символическую образность.

По предположению Азфара Моина, вербальные тексты на миниатюрах [12] должны были доходчиво объяснять «сложный символизм» (complex symbolism) могольских аллегорических композиций [Moin, 2014, p. 193]. Однако следует заметить, что прочесть персоязычные тексты на миниатюрах в те времена могли только образованные люди, главным образом представители придворной элиты, не нуждавшиеся в силу своей эрудированности в подобных надписях-пояснениях. Так называемый «сложный символизм» аллегорических портретов на самом деле не представлял собой ничего нового и сложного, поскольку зиждился на богатых традициях индийской и персидской классической литературы, хорошо знакомых суфийских философских концептах, конвенциональных метафорах власти, универсальных мифологемах и т. д. Иными словами, даже в тех случаях, когда «сложный символизм» облекался в новомодную европеизированную форму, он не нуждался в специальном пояснении.

Единственный вариант, когда с абсолютной уверенностью можно говорить об исключительно пояснительной функции текста, — это надписи с разъяснением действительно незнакомых или малоизвестных символов и образов. Например, на миниатюре, приписываемой кисти Абу-л Хасана, где падишах Джахангир уничтожает Далиддара [13], имеется панегирический текст: «Благословенное изображение Его Величества, который стрелой [своего] великодушия изгнал из мира Далиддара и заново возвел [устои] мира [своим] справедливым правлением и прозорливым правосудием». Поскольку упоминаемый Даллидар являлся персонажем, заимствованным из мифологии индуизма[14], то для тех, кто не был достаточно хорошо знаком с ней и ее могольской версией, в тексте, сразу под именем, была добавлена поясняющая надпись: «т. е. существо [приносящее] обнищание / разруху» (*йа‘ни шахс-и ифлас*).

---

[11] *Абу-л Хасан*. «Джахангир символически убивает Малика ‘Амбара». Ок. 1616 г. Альбом Минто. Chester Beatty Library, Dublin (In 07A.15). Описание аллегорической композиции см.: [Атманова, 2016а, с. 62–63; 2016б, с. 104–105; Wright, 2008, pl. 50].

[12] Азфар Моин называет эти тексты комментариями и пояснительными надписями (comments, commentary, explanatory script) [Moin, 2014, p. 193, 195, 198].

[13] *Абу-л Хасан* (?). «Джахангир уничтожает Далиддара». Ок. 1620 г. Los Angeles County Museum of Art, Los Angeles (M.75.4.28). Описание аллегорической композиции см.: [Атманова, 2016а, с. 66–67; 2016б, с. 112].

[14] Имя Далиддар («нужда, бедность») образовано от санскритского слова *даридра* («нищий, нуждающийся»). Даридра (Алакшми) — старшая сестра богини процветания Лакшми, ее антипод. С ней связываются негативные состояния и моменты в жизни человека (болезни, ссоры, нищета и т. д.).

Письменный текст в могольском искусстве обладал достаточно высоким статусом, что было обусловлено глубокой культурной традицией. Особое отношение к слову и поэтическим строкам, высокоразвитая культура художественного письма, главенствующая роль искусства каллиграфии (по отношению к пластическим искусствам) являются безусловным подтверждением того, что предназначение вербального текста в могольской живописи не могло быть сведено только лишь к функции обычного пояснения. Панегирические строки на миниатюрах обладали более высоким семиотическим статусом, и это не зависело от того, где размещался текст — внутри живописной композиции или на периферии в картушах. Значимость присутствия вербального панегирика в художественном пространстве миниатюр косвенно подтверждает и тот факт, что его довольно часто воспроизводили на миниатюрах-копиях, создаваемых в могольских мастерских позднее[15]. Следует обратить внимание и на то обстоятельство, что одни и те же панегирические строки могли присутствовать одновременно в нескольких абсолютно разных портретных композициях. Так, например, цитируемое ранее четверостишие с аллегорического портрета Шах Джахана[16] украшает по крайней мере еще две могольские миниатюры с портретом императора[17]. Поскольку одни и те же панегирические строки могли быть использованы в совершенно разных по сюжету и поджанру произведениях, то со всей определенностью можно утверждать, что роль их точно не сводилась к выполнению лишь утилитарной функции комментария-пояснения. Предназначение панегирических надписей было более разноплановым и семиотически осмысленным.

Все вышесказанное в итоге позволяет прийти к выводу о том, что в индийском могольском монаршем портрете панегирические надписи не только активизировали, но по-своему и актуализировали изобразительный компонент, тем самым выводя его в иные, семантически сопряженные сферы смыслообразования и смыслопологания. Выстраивая различные типы связей с иконическим компонентом, вербальный текст обогащал содержательный потенциал живописной композиции и преумножал возможности ее интерпретации. Таким образом, словесный и изобразительный тексты, разные по своей семиотической природе и представляющие собой разные перцептивные модальности, взаимодействуя, образовывали единое смысловое и визуальное целое, создавая эффект комплексного, эмоционально-глубокого воздействия на зрителя.

[15] Ср., например: 1) *Хашим*. «Портрет Шах Джахана, стоящего на земной сфере». Ок. 1629 г. Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington (F 1939.49a) [Атманова, 2019, с. 62] и 2) «Портрет Шах Джахана, стоящего на земной сфере». 1630−1640 гг. Chester Beatty Library, Dublin (11A.22) [Leach, 1995, p. 455–456]. Также см.: 1) *Абу-л Хасан*. «Портрет Джахангира с земной сферой». 1623 г. Freer Gallery of Art, Smithsonian Institution, Washington (F1948.28) [Атманова, 2019, с. 66–67] и 2) «Портрет Джахангира с земной сферой». Сер. XVII в. Christie's. (Lot 20, 26 April 2012).

[16] См. примеч. 7.

[17] 1) *Мурад* (?). «Дарбар Шах Джахана». Ок. 1630−1635 гг. Петербургский альбом. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург (Е 14, л. 34) [Акимушкин, Грек, Иванов, 1962, с. 78; Habsburg et al., 1996, pl. 125]; 2) *Балчанд*. «Джахангир принимает принца Хуррама (Шах Джахана) после его возвращения с военной компании в Меваре». Ок. 1635 г. «Падшах-нама». Royal Library, Windsor Castle, Windsor (MS.1367, f.43b) [Beach, Koch, 1997, p. 28–29, 161].

Литература / References

Акимушкин О. Ф., Грек Т. В., Иванов А. А. *Альбом индийских и персидских миниатюр XVI–XVIII вв.* М., 1962 [Akimushkin O. F., Grek T. V., Ivanov A. A. *Album of Indian and Persian Miniatures of the 16th–18th Centuries*. Moscow, 1962 (in Russian)].

Атманова Ю. Г. Индийский панегирик в ракурсе визуальной семиотики: вербальный и изобразительный тексты могольского монаршего портрета. Часть I // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2019. № 1 (7). С. 58–68 [Atmanova Yu. Indian Eulogy from the Perspective of Visual Semiotics: Verbal and Pictorial Texts of Mughal Royal Portrait. Part II // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 1. Pp. 58–68 (in Russian)].

Атманова Ю. Г. Лучезарный лик Великого Могола: концепция *фарр-и изади* и ее визуальное воплощение // *ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2017. № 2 (12). С. 9–29 [Atmanova Yu. The Radiant Face of the Great Mughal: The Concept of Farr-i izadi and Its Visual Representation // *ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2017. 2 (12). Pp. 9–29 (in Russian)].

Атманова Ю. Г. Прославление падишаха Джахангира: культурно-исторический и политический контекст могольского визуального панегирика // *ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2016. № 2 (8). С. 53–70 [Atmanova Yu. The Eulogy of Badshah Jahangir: Cultural, Historical and Political Context in the Mughal Visual Panegyric // *ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2016. 2 (8). Pp. 53–70 (in Russian)].

Атманова Ю. Г. Прославление падишаха Джахангира: поэтологические вариации могольского аллегорического портрета // *ПРАΞНМА. Проблемы визуальной семиотики*. 2016. № 3 (9). С. 97–114 [Atmanova Yu. The Eulogy of Badshah Jahangir: Poetical Variations of Mughal Allegorical Portrait // *ПРАΞНМА. Journal of Visual Semiotics*. 2016. 3 (9). Pp. 97–114 (in Russian)].

Ватват Рашид ад-Дин. *Сады волшебства в тонкостях поэзии (Хада'ик ас-сихр фи дака'ик аш-ши'р)*. Пер. с перс., исслед., комм. Н. Ю. Чалисовой. М., 1985 [Rashid ad-Din Watwat. *Gardens of Magic in the Nuances of Poetry*. Tr. and intr. by N. Yu. Chalisova. Moscow, 1985 (in Russian)].

Шамс ад-Дин Мухаммад ибн Кайс ар-Рази. *Свод правил персидской поэзии (ал-Му'джам фи ма'айир аш'ар ал-'аджам)*. Часть II. *О науке рифмы и критике поэзии*. Пер. с перс., исслед., комм. Н. Ю. Чалисовой. М., 1997 [Shams-i Qays b. Muhammad ar-Razi. *A Compendium of the Standards of Persian Poetry*. Tr. and intr. by N. Yu. Chalisova. Moscow, 1997 (in Russian)].

Beach M. C., Koch E. *King of the World. The Padshahnama: An Imperial Mughal Manuscript from the Royal Library, Windsor Castle*. London, 1997.

Habsburg F., Petrosyan Yu. A., Welch S. C., Ivanov A., Akimushkin O. *The St. Petersburg Muraqqa': Album of Indian and Persian Miniatures from the 16th through the 18th Century and Specimens of Persian Calligraphy by 'Imād al-Ḥasanī*. Milano, 1996.

Leach L. Y. *Mughal and Other Indian Paintings from the Chester Beatty Library*. Vol. I–II. London, 1995.

Moin A. Azfar. *The Millennial Sovereign: Sacred Kingship and Sainthood in Islam*. New York, 2014.

Thackston W. M. Calligraphy in the Albums // Wright E. *Muraqqa: Imperial Mughal Albums from the Chester Beatty Library, Dublin*. Alexandria, 2008. Pp. 153–163.

Wright E. *Muraqqa: Imperial Mughal Albums from the Chester Beatty Library, Dublin*. Alexandria, 2008.

ПРОГУЛКА ПО ГОРОДУ С ХАНУМАНОМ (ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ОБ ИДЕАЛЬНОМ ГОРОДЕ И *КХАНДХАВАРЕ* В «РАМАЯНЕ», «АРТХАШАСТРЕ» И ПАЛИЙСКИХ ИСТОЧНИКАХ)

Е. Г. Вырщиков*

Статья является развитием предыдущих статей, опубликованных автором в «Вестнике Института востоковедения РАН» (№ 3, 2018; № 1, 2019), первая из которых касалась образа города в палийских текстах, а вторая — образа идеального города в «Артхашастре». Данная публикация посвящена, прежде всего, исследованию образа идеального города в «Рамаяне». С этой целью автор переводит главу эпоса, описывающую столицу ракшасов Ланку, когда в нее тайно проникает друг Рамы Хануман. Перевод показывает, что главным элементом идеального города в эпической поэме является «внутренний город» *антахпура* — проводник власти царя над городом и знак этой власти. Аналогично данные «Артхашастры» показывают, что любая идеальная крепость или город являются проводником власти царя над идеальной джанападой. Однако не только город-крепость играет эту роль. Перевод одной из глав цейлонской «Махавамсы» (вместе с данными «Артхашастры») показывает, что эту роль играет и *кхандхавара* — правильно обустроенный военный лагерь. Возведение кхандхавары кем-либо, кроме царя, воспринимается как военное вторжение или мятеж. Предложенные выводы, по мысли автора, показывают важность сравнительного изучения разных памятников при рассмотрении каждой культуроведческой проблемы Древней Индии.

Ключевые слова: брахманизм, буддизм, «Рамаяна», «Махавамса», «Артхашастра».

WALK AROUND THE CITY WITH HANUMAN (IDEAS ABOUT THE IDEAL CITY AND *KHANDHAVARA* IN THE “RAMAYANA”, THE “ARTHASHASTRA” AND THE PALI SOURCES)

Yevgeniy G. Vyrschikov

This publication is a development of previous articles published by the author earlier in *Journal of the Institute of Oriental Studies* RAS (3, 2018; 1, 2019). The first article dealt with the image of the city in Pali texts, and the second with the image of the ideal city in *Arthashastra*. The present article deals with the image of the ideal city in the *Ramayana*. To this end, the author translates the Chapter of the epic, describing the capital of Rakshasa Lanka, when it is secretly penetrated by Rama’s friend Hanuman. The translation shows that the main element of the ideal city in the epic poem is the “inner city” *antahpura*, the conductor of king’s power over the city and the sign of this power. Similarly, the *Arthashastra’s* data show that any ideal fortress or city is the conductor of the king’s power over the ideal janapada. However, not only the fortress-city plays this role: The translation of a Chapter of the Ceylonian *Mahavamsa* (along with the data of *Arthashastra*) shows that this role is played by *khandhavara*

* Евгений Геннадиевич ВЫРЩИКОВ, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; bimbisara@yandex.ru

Yevgeniy G. VYRSCHIKOV, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental studies RAS, Moscow; bimbisara@yandex.ru

(properly organized military camp). The construction of *khandhavara* by anyone other than the king is perceived as a military invasion or rebellion. The author argues that these conclusions show the importance of comparative study of different sources when considering each cultural problem of Ancient India.

Keywords: Brahmanism, Buddhism, the Ramayana, the Mahavansa, the Arthashastra

Представленная статья продолжает публикации [Вырщиков, 2018] и [Вырщиков, 2019]. Конкретно нас интересует сюжет из палийской «Махапариниббана-сутты», связанный с началом строительства города Паталипутра [Вырщиков, 2018, с. 171–172] и его параллели в «Артхашастре» [Вырщиков, 2019, с. 84–93]. Следуя тексту, автор в основном обращает внимание на обряд закладки города. Главной частью ритуала является сооружение *васту* (пал. vatthu), которые, если судить по контексту, идентичны *васту-мандалам* из санскритских строительных текстов (подробнее о последних см. [Тюлина, 2012]). Затем следует нисхождение божеств на соответствующие им места-*васту* (которое и наблюдает Будда). Однако мы не можем не учитывать и контекст происходящего. Дело в том, что само строительство ведется в порядке подготовки к предстоящей войне с племенем *ваджей* (пал. vajji), задуманной царем Аджаташатру (*Аджатасатту Ведехипутта* палийских текстов, младший современник Будды). Опираясь на крепость Паталипутра, он и рассчитывает наступать на ваджей.

Эта двойственность города-крепости, обладающей двумя аспектами – сакральным и военным – не может не заинтересовать исследователя: ведь если в палийском каноне упор делается на сакральный аспект, то совсем иное отношение к проблеме обнаруживается в памятниках брахманистской ориентации.

Идеальный город-крепость в «Рамаяне»

Древнеиндийский эпос «Рамаяна» содержит ценные сведения, касающиеся бытовавших в древности представлений об идеальном городе-крепости. Как ни странно, в эпосе это не Айодхья, родной город Рамы и Лакшманы, а столица нелюдей-ракшасов Ланка, где правит злобный Равана. Обратимся к эпизоду, когда друг Рамы царь обезьян Хануман тайно проникает в Ланку, чтобы достичь «внутреннего города» (*антахпура*) Раваны [The Ramayana of Valmiki, 1960, V, 4].

sa nirjitya purīṃ śreṣṭhāṃ lankāṃ tāṃ kāmarūpiṇīm |
vikrameṇa mahātejā hanūmānkapisattamaḥ || 1 ||
advāreṇa mahābāhuḥ prākāramabhipupluve |
niśi lankāṃ mahāsattvo viveśa kapikuñjaraḥ || 2 ||

Это [он], завоевавший город прекраснейший, ту [самую] Ланку,
[подобную] женщине с вызывающими желание формами(1), |
посредством героизма исполненный огня герой Хануман,
превосходнейший из обезьян. || 1 ||
Без [всяких] ворот длиннорукий каменную стену переплыл [по воздуху], |
[и так] ночью в Ланку проник, [о] великое существо, слон среди обезьян. || 2 ||

praviśya nagarīṃ lankāṃ kapirājahitaṃkaraḥ |
cakre 'tha pādaṃ savyaṃ ca śatruṇāṃ sa tu mūrdhani || 3||
praviṣṭaḥ satvasampanno nisāyāṃ mārūtātmajaḥ |
sa mahāpathamāsthāya muktāpuṣpavirājitam || 4 ||
tatastu tāṃ purīṃ lankāṃ ramyāmabhiyayau kapiḥ |
hasitodghuṣṭaninadaistūryaghoṣapuraḥ saraiḥ || 5 ||
vajrānkuśanikāśaiśca vajrajālavibhūṣinaiḥ |
gṛhamukhyaiḥ purī ramyā babhāse dyaurivāmbudaiḥ || 6 ||

Проникнув в город Ланку, [самый] благодетельный из царей-обезьян |
сделал затем [шаг] левой ногой(2) — так ведь у врагов в обычае; || 3 ||
Он вошел ночью, совершенное существо, сын Марута, |
ступив на главную улицу (3), сверкающую украшениями и цветами. || 4 ||
И отсюда (4) вступила (5) Обезьяна в тот город, в услаждающую Ланку, |
[Сопровождаемый] звуками как смеха, так и торжественных восклицаний,
с движущимся позади шумом музыкальных инструментов. || 5 ||

(6) Фасадами домов, украшенными [защитными] сетями ваджр, подобными ваджрам-анкушам (7), — сиял [ими] приятный город, как Небо(8) облаками. || 6 ||

prajajvāla tadā lankā rakṣogaṇagṛhaiḥ śubhaiḥ |
sitābhrasaddaśaiścityaiḥ padmasvastikasaṃsthitaiḥ || 7 ||
vardhamānagṛhaiścāpi sarvataḥ suvibhūṣitā |
tāṃ citramānyābharaṇāṃ kapirājahitankaraḥ || 8 ||
rāghavārthaṃ carandhīmāndadarśa ca nananda ca |
bhavanādbhavanaṃ gacchandadarśa pavanātmajaḥ || 9 ||
vividhākṛtirūpaṇi bhavanāni tatastataḥ |
śuśrāva madhuraṃ gītaṃ tristhānasvarabhūṣitam || 10 ||

Засверкала тогда Ланка прекрасными домами ракшасов из свиты [Раваны], |
подобными белым облакам (9) святилищами,
падмы и свастики (10) содержащими[в себе]; || 7 ||
Домами, имеющими вход с трех сторон (11)
и со всех сторон прекрасно разукрашенными, |
То украшение из пестрых цветочных гирлянд обезьяний царь-благодетель ||8||
[ради] замысла потомка Рагху (12) бродячий [шпион] премудрый
и увидел, и возрадовался. |
От дома к дому идущий сын ветра увидел || 9 ||
дома различного типа, имеющие разнообразный вид, то там, то сям; |
Услышал [он] сладостное трехголосое пение (13); || 10 ||

strīnāṃ madanavidvānāṃ divi cāpsarasāmiva |
śuśrāva kāñcīninadaṃ nūpurānāṃ ca niḥkhanam || 11 ||
sopānanidrāṃścaiva bhavaneṣu mahātmanām |
āsphoṭitaninādāṃśca kṣveditāṃśca tatastataḥ || 12 ||
śuśrāva japatāṃ tatra mantrānrakṣogṛheṣu vai |
svāghyāyaniratāṃścaiva yātughānāndadarśa saḥ || 13 ||

rāvanastavasaṃyuktāngarjato rākṣasānapi |
rājamārgaṃ samāvṛtya sthitaṃ rakṣobalaṃ mahat || 14 ||

(14) Услышал он звук канчи (15) и позвякивание ножных браслетов(16) |
женщин (17), охваченных страстью, подобно апсарам в небе, || 11 ||
Так [и] звуки лестниц в жилищах благочестивых |
и шумы, трещащие и скрипящие то там, то сям. || 12 ||
Услышал [он] там в домах бормочущих мантры ракшасов, |
и углубленных в рецитацию вед, [и] толпы «шатунов» (18) он увидел (19), ||13||
а также ракшасов, ревущих собрание хвалебных песен Раване. |
Свернув на «царскую дорогу» (20), [увидел он] стоящую [в боевом порядке]
великую силу (21) ракшасов. || 14 ||

dadarśa madhyame gulme rākṣasasya carābanhvan |
dīkṣitāñjaṭilānmuṇḍān gojināmbaravāsasaḥ || 15 ||
darbhamuṣṭipraharanānagnikuṇḍāyudhāṃstathā |
kūṭamudgarapāṇīṃśca daṇḍāyudhadharānapi || 16 ||
ekākṣānekakarṇāṃśca calalambapayodharān |
karālānbhugnavaktāṃśca vikaṭānvāmanāṃstathā || 17 ||
dhanvinaḥ khanganaśacaiva śataghnīmusalāyudhān |
paridhottamahastāṃśca vicitrakavacījjvalān || 18 ||

Он увидел среди толпы множество шпионов ракшасов; |
Посвящаемых [аскетов] — со спутанными волосами и бритоголовых,
одетых в бычьи шкуры и как Джина (22) [— в четыре стороны света]. ||15||
[Увидел он] там боевые огненные сосуды, бросающиеся [горящими] пучками травы, |
и [воинов] с боевыми топорами из рога в руках, и несущих боевые дубины. ||16||
Одноглазых, одноухих, со свисающими, трясущимися грудями, [подобными] женским
со страшными перекошенными лицами уродливых карликов там [он увидел]. ||17||
Лучников, мечников, воинов с булавами и с ракетами, |
все время потрясающих оружием в руках, в разноцветных сверкающих панцирях, || 18 ||

nātisthūlānnātikṛśānnatidīrghātihṛsvakān |
nātigaurānnātikṛṣṇānnatikubjānn vāmanān || 19 ||
virūpānbahurūpāṃśca surūpāṃśca suvarcasaḥ |
dhvajinaḥ patākinaścaiva dadarśa vividhāyudhān || 20 ||
śaktivṛkṣāyudhāṃścaiva paṭṭisāśanidhāriṇaḥ |
kṣepaṇīpāśāhastāṃśca dadarśa sa mahākapiḥ || 21 ||

Не очень мощных, не очень хилых, не очень высоких, не очень мелких, |
не очень светлых, не очень темных, не слишком кривых и не низкорослых; ||19||

И безобразных, и заурядных (23), и благообразных, и прекрасных |
знаменосцев с особыми знаками и без (24) увидел он разновооруженных; ||20||
Деревянными дротиками вооруженных, трезубцы-молнии несущих, |
с пращами и петлями — увидел он, Великая Обезьяна, || 21 ||

sragviṇaḥ svanuliptāṃsca varābharaṇa bhūṣitān |
nānāveṣa samāyuktānyathāsvairagatānbahun || 22 ||
tīkṣṇaśūladharāṃścaiva vajriṇaśca mahābalān |
śatasāhasramavyagramārakṣaṃ madhyamaṃ kapiḥ || 23 ||
rakṣodhipatinirdiṣṭaṃ dadarśantaḥpurāgrataḥ |
sa tadā tadgṛhaṃ dṛṣṭvā mahāhāṭakatoraṇam || 24 ||
rākṣasendrasya vikhyātamadrimūrdhni pratiṣṭhitam |
muṇḍarīkāvataṃsābhiḥ parikhyābhiḥ samāvṛtam || 25 ||
prākārāvṛtamatyanta dadarśa sa mahākapiḥ |
triviṣṭapanibhaṃ divyaṃ divyanādavināditam || 26 ||

Несущих венок должным образом (25) раскрашенных,
отборными предметами убранства украшенных, |
Одетых в одежды разнообразные (26),
подобно множеству «бродящих [по свету] своевольно»(27); || 22 ||
Несущих острые копья и ваджроносцев великое войско, |
[и] равный ста тысячам
сомкнутый [строй] телохранителей в середине [увидел царь] обезьян, ||23 ||
[Их], показывающих на [присутствие] владыки ракшасов, увидел он перед антахпура; |
[и] тогда увидел он то здание (28) с великой золотой тораной (29), || 24 ||
[Тот дворец] вышеназванный царя ракшасов на вершине горы стоящий, |
Рвами с ушными кольцами белых лотосов окруженный, || 25 ||
Стеной скрытый беспредельно, увидел он (30), Великая Обезьяна, |
Подобный тройному небу Индры, издающий небесные звуки: || 26 ||

vājihreṣitasaṃghuṣṭaṃ nāditaṃ bhūṣaṇaistathā |
rathairyānairvimānaiśca tathā gajahayaiḥ śubhaiḥ || 27 ||
vāraṇaiśca caturdanntaiḥ śvetābhranicayopamaiḥ |
bhūṣitaṃ rūciradvāraṃ maktaiśca mṛgapakṣibhiḥ || 28 ||
rakṣitaṃ sumahāvīryairyātudhānaiḥ sahasrasaḥ |
rākṣasādhipaterguptamāviveśa gṛhaṃ kapiḥ || 29 ||
sahemanāmbūnadacakravālaṃ mahārhamuktāmaṇibhūṣitāntam |
parārdhyakālāgurūcandanākta sa rāvaṇāntaḥpuramāviveśa || 30 ||

Наполняющее пространство ржание коней-ваджинов (31), звучащее с украшениями — |
[Со звуками] колесниц кшатриев, повозок и колесниц богов (32),
слонов и коней-гайа (33) прекрасных, || 27 ||
[Белых] слонов четырехклычных, подобных белым облакам. |

[В тот,] разукрашенный, прекрасновратный,
[украшенный] дикими зверями и птицами беззаботными, || 28 ||
Защищаемый великодоблестными демонами (34) по тысяче [в отряде] |
Тайный дворец царя ракшасов [царь] обезьян проник, || 29 ||
В этот великий золотой круг,
украшенный по краю наидрагоценнейшими драгоценностями, |
в превосходный, из черного тяжелого сандала изготовленный
антахпура Раваны он проник. || 30 ||

Комментарий.

(1) Женщина с вызывающими желание формами (санскр. kāmarūpiṇī) — распространенное в литературе древности уподобление города женщине, при котором качества города метафорически переносятся на воображаемую женщину (напр. Вавилон — город-блудница, и т. д.). Примечательно, что здесь вражеский город-«женщина» называется purī (используя ту же основу, что и в «Артхашастре»), а не nagarī.

(2) То есть, Хануман прикинулся ракшасом походкой и повадками.

(3) Главная улица (санскр. mahāpatha) — как будет ясно далее, это одна из двух главных улиц, пересекающих город крест-накрест (как это предписано в «Артхашастре», см. выше).

(4) То есть Хануман, перелетев через стену с воротами (тут становится понятна фраза из второго стиха «без [всяких] ворот, безвратно», санскр. advāreṇa), начинает движение по городу с самого начала главной улицы. В дальнейшем этот факт окажется важен.

(5) Это означает, что Хануман, ступив на улицу, уже не летит, а идет по ней пешком, прикидываясь ракшасом.

(6) В интересах русского синтаксиса переводить данный стих лучше одной строкой.

(7) Ваджра-анкуша (санскр. vajrānkuśa), она же просто ваджра — здесь: знак в виде косого креста, одна черта которого называется ваджра («дубина, палица»), а вторая — анкуша («стрекало»), знак выполнял защитную функцию; его усиленный вариант — ваджраджала (санскр. vajrajāla, букв. «сеть ваджр») — сеть из косых насечек, в которой запутываются нечистые и вредоносные сущности.

(8) В данном случае говорится не о небе вообще: Небо названо как имя собственное (санскр. dyaus), облака — как его украшение.

(9) Здесь повторно облака упоминаются как украшения Неба, значит, это клише, а не случайный эпитет.

(10) *Падма* (санскр. padma, букв. «*лотос*») — в данном случае имеется в виду символ в виде звездочки, вписанной в окружность, либо стилизованное под данный символ изображение лотоса; *свастика* (санскр. svastika, от благопожелания svasti) в Древней Индии изображает прежде всего движение по часовой стрелке (подобно движению солнца с востока на запад), то есть *прадакшину* — почтительный обход объекта почитания в соответствующем направлении; оба символа имеют благопожелательный смысл.

(11) Дом такого типа называется *вардхамана* (санскр. vardhamāna, в тексте букв. vardhamāna-gṛha «*дом типа вардхамана*»). Обилие домов такого типа говорит о

зажиточности городских домохозяев (gṛhastha).

(12) Здесь потомок Рагху — Рама.

(13) Имеется в виду пение в трех канонических регистрах в соответствии с музыкальным каноном *тристханасвара* (санскр. tristhānasvara).

(14) В данном стихе первая и вторая строка при переводе поменялись местами.

(15) *Канчи* (санскр. kāñcī) — женский набедренный пояс.

(16) Имеются ввиду *нупуры* (санскр. nūpura) — женские лодыжечные браслеты.

(17) Судя по контексту, под «женщинами» подразумеваются танцовщицы или куртизанки. В «Артхашастре» тем же словом (санскр. Strī — *женщина [в своем естестве, без признаков происхождения и социальной роли]*) обозначаются царские наложницы.

(18) Под «шатуном» (санскр. yātu) обычно подразумевается злой дух, в данном случае речь идет о ракшасах.

(19) Раз Хануман не только слышал, но и видел, что происходит в домах, значит, по пути он не только шел пешком, но и время от времени взлетал к окнам.

(20) «Царская дорога» (rājamārga) — вторая «главная дорога» города, которая ведет к царскому дворцу-*антахпура*. Она располагается перпендикулярно той «главной улице», по которой Хануман двигался только что; свернув на «царскую дорогу», Хануман двинулся к *антахпура* (цели своего путешествия).

(21) Подразумевается войско Раваны.

(22) Речь идет о бродячих аскетах-паривраджаках. Здесь бесполезно идентифицировать с каждым эпитетом конкретную школу или направление. Соблазнительно, например, считать, что посвящаемые со спутанными волосами — это шиваиты, бритоголовые — буддисты, одетые в шкуры — неизвестная школа брахманистского толка, а одетые «как Джина» — джайны-дигамбары. Но и вишнуиты выстригали волосы на голове (исключая один клок), а многие школы адептов йоги по сей день ходят «как Джина». Объективно в тексте указаны лишь четыре попарно противопоставленных внешних признака (dīkṣitān-*jaṭilān-muṇḍān* и *go-jina*-ambara-vāsasaḥ), два из которых (всегда первые в паре!) определенно принадлежат брахманским школам. Но если два оставшихся, по мысли авторов, принадлежат школам шраманским, то есть буддистам и джайнам-дигамбарам (а упоминание Джины в тексте вряд ли случайно и наводит на эту мысль), то налицо подобнозначность оппозиций (образование схожих смыслов друг относительно друга) *брахманы* / *шраманы* и *наличие* / *отсутствие*: то есть для авторов значимо, что брахманы с волосами, шраманы — без; брахманы в одежде, шраманы — голые, хотя в реальности все обстояло намного сложнее; в любом случае, этот перечень призван указывать, что в Ланке представлены все направления и школы паривраджаков.

(23) Буквально «*много-образных*» (санскр. bahurūpān), то есть сочетающих в себе как некрасивые, так и красивые формы, как все люди и нелюди с заурядной внешностью.

(24) Имеются ввиду два вида знаменосцев: санскр. dhvajin и санскр. patākin.

(25) Здесь «*должным образом*» = санскр. su- (санскр. su-anulipta «*должным образом раскрашенный*»).

(26) Цвет одежды свидетельствует о принадлежности к определенной варне; смешение цветов в одежде — знак непонимания правильной социальной иерархии, всеобщей оскверненности и ритуальной нечистоты (что понятно, ведь речь идет о

ракшасах).

(27) Санскр. svaira «*свободный, своевольный*» — качество в Древней Индии сугубо отрицательное; оно знаменует, прежде всего, свободу от оков дхармы: чем «ниже» существо, тем более оно «свободно», такая «свобода» по природе свойственна ракшасам.

(28) Здесь *антахпура* представлен именно в виде здания-дворца (санскр. gṛha «*дом*»).

(29) *Торана* (санскр. toraṇa) — ритуальные ворота в виде арки.

(30) Дворец, скрытый за подобной стеной, Хануман мог увидеть, только снова взлетев.

(31) *Ваджин* (санскр. vājin) — жеребец гандхарвов, это совсем не то же, что конь для людей (санскр. aśva).

(32) Колесница богов, или *вимана* (санскр. vimāna), отличается от колесницы людей-кшатриев (санскр. ratha).

(33) *Гайа* или *хайа* (санскр. haya) — конь богов.

(34) Здесь демоны типа yātudhāna — речь опять идет об уже знакомых нам «шатунах», см. прим. (18).

Облик Ланки, нарисованный в данной главе «Рамаяны», интересен как своим сходством, так и несходством с обликом города-крепости в «Артхашастре». Нет, он не копирует васту, на котором построен, как это делается в «Артхашастре», и вообще не содержит ничего неправдоподобного (пока речь не заходит о дворце Раваны) — это просто хорошо устроенный город. А все же некоторое сходство есть. Прежде всего, обращает на себя внимание то, что город в плане разрезан крест-накрест двумя «главными дорогами» , как и в «Артхашастре». Одна из них так и называется «*великая (главная) улица*» (санскр. mahāpatha), другая — «*царская дорога*» (санскр. rājamārga). Но здесь по-другому расставлены акценты. Для «Рамаяны» главное не рассечение плана на доли (как в «Артхашастре»), а ориентация города по четырем сторонам света, свойственная всякой окультуренной территории. Этот мотив присутствует и в «Артхашастре», но там он оттеснен на задний план. Это, во-первых, означает, что главных ворот в городской стене четыре, а не двенадцать, как в «Артхашастре» (при этом четыре локапалы в «Артхашастре», связанные с воротами, сближают обе картины). Во-вторых, эта картина позволяет уточнить местоположение *антахпура* в идеальном городе и его статус.

Приведенный отрывок прямо выходит на проблему места антахпура в сакральной геометрии города, которая решается А. А. Вигасиным в следующем виде: «“План города” в “политическом трактате” вычерчивается по тем же принципам сакральной геометрии, что и схема алтарной площадки в ритуальных сутрах. Центр — наиболее священная часть территории — занят комплексом царских зданий. Поэтому совершенно неправдоподобны реконструкции... (имеется ввиду [Schlingloff, 1969] — *Е. В.*), согласно которым внутренний город находится у внешней, городской стены» [Вигасин, 1999, с. 39]. Однако, во-первых, о том, что *антахпура* отодвинут к северу от центральной части города, прямо говорит сама «Артхашастра» [The Kautilīya Arthaśāstra, 1986, II.4.7]. Во-вторых — проследим маршрут Ханумана во время его тайного путешествия по Ланке.

Вначале, перелетев через городскую стену, Хануман идет по «главной улице» до самого центра, где сворачивает на «царскую дорогу». И только свернув за угол, он видит

стражу ракшасов, а за ней — «внутренний город». Такое физически возможно только если дворец Раваны отодвинут от центра, как это и рекомендует «Артхашастра». Поэтому нет никаких оснований, ссылаясь на грихья-сутры, игнорировать прямые указания «Артхашастры», как это делает А. А. Вигасин. В этом вопросе он, скорее всего, неправ. Модель, которую он выстраивает, годится для представлений о *джанападе* в «Артхашастре»: прямоугольная (квадратная) в плане, она имеет в центре столицу, и действительно напоминает алтарную площадку с алтарем в центре. Предписанные шастрой решительные действия царя по наведению порядка в царстве сродни тщательному очищению алтарной площадки от сора перед жертвоприношением. При перенесении этой логической схемы на город выясняется, что место алтаря занимает храмовый комплекс, а вовсе не царский дворец, но могло ли быть иначе? Ведь царь не жрец и не жертва, он выгодополучатель на этом жертвоприношении. В этом плане сдвигание *антахпура* на север от центра вполне в логике «Артхашастры», дополнительные теоретические соображения здесь избыточны.

В конце концов, если в двух дхармичных текстах фантастического содержания (а это значит, что их авторы жестко связаны представлениями о «должном», но в отношении обыденной действительности у них «своя рука — владыка») царская резиденция упорно отодвигается от центра города — это может быть вызвано только важными соображениями идеологического или ритуального порядка. Во всяком случае, такого рода соответствиями между столь разными текстами (вспомним, что большая часть целевой аудитории «Рамаяны» была отлучена от изучения шастр) невозможно пренебречь.

Это не единственное схождение между «Рамаяной» и «Артхашастрой» в вопросе устройства идеального города. Вернемся еще раз к прогулке Ханумана по Ланке. Пройдя перекрестье главных улиц в центре города, он сворачивает на «царскую дорогу», которая в итоге упирается в *антахпуру*, стоящий поперек дороги. Дворец Раваны, вероятнее всего, как и в «Артхашастре», также расположен на севере, и вот по каким соображениям. Мы имеем дело с эпической поэмой, где ритуально-мифологичекая основа является своего рода фундаментом. Хануман — герой сугубо положительный, значит, и влететь в Ланку он должен с «чистого» направления: с севера или востока. Но тогда и повернуть на центральном перекрестке он должен в «положительном» направлении, «по солнцу». Мы получаем два варианта: или он влетает с востока и сворачивает на север, или он влетает с севера и сворачивает на запад. Первое вероятнее, чем второе: ведь и покинуть впоследствии город герой должен в «чистом» направлении, а это никак не западное, самое «нечистое» направление. В первом же случае движение Ханумана подобно движению солнца: появился на востоке, совершил поворот на середине и удалился в сторону севера. Но это, впрочем, только предположение.

Далее, Хануман обнаруживает, что дворец Раваны скрыт за высоченными стенами со рвами, заполненными водой, то есть, расположен, хоть и внутри городской стены, но в отдельной от города цитадели. Значит, прав А. А. Вигасин, когда отказывается переводить *антахпура* как «дворец» (или «гарем», как у Ф. И. Щербатского), а переводит как «внутренний город» [Вигасин, 1999, с. 38]. В эпическом сознании идеальная царская резиденция выглядит именно как «внутренняя цитадель», в буквальном смысле слова — город в городе, причем противостоящий собственно

городу.

Однако здесь нужно сделать следующее уточнение. В тексте этот сандалово-золотой дворец назван словом gr̥ha- (букв. «*дом*»), и это важная деталь. В своей структуре антахпура асимметрично делится на две части. Одна из них — *дом*, резиденция царя, место его жительства с женами и наложницами (в «Артхашастре» это выделенное внутреннее пространство называется vasa-gr̥ha). Вторая называется rajaveśman «*зал царского совета*» (это место могло носить и другие названия, например, rajasabha, и др., но суть его оставалась прежней). Это два места, во всех отношениях противостоящих друг другу. Чтобы понять суть этого антагонизма, обратимся к «Читрасутре» [Вертоградова, 2014 (Читрасутра, 43.11–14)] — трактату по теории и технологии живописи [Вертоградова, 2014, с. 150–151]:

11. В (частных) домах могут быть представлены *расы*:
Приязни, смеха, покоя.
Остальные (расы) никогда не следует представлять
Ни в чьем доме.

12. Все *расы* могут быть представлены
В храме божества и в царском дворце.
Во дворце они не должны быть показаны
В царских покоях.

13 Во дворце все *расы* могут быть показаны
В зале для царского совета.
Кроме залы для совета и храма божества,
Нигде не могут быть показаны (все *расы*).

14. Битву, *шмашану*, печаль, смерть,
Охваченного горем, унылого, подверженного оскорблениям –
Неблагоприятное никогда не следует изображать
Ни в чьем доме.

(пер. В. В. Вертоградовой)

Зал советов — единственное некультовое сооружение, где допустимо изображать любые *расы*, включая те, что связаны с насилием, смертью, унижением, печалью, и т. д. Если обратиться к эпосу, именно из этого места отдает свои приказы Равана, вопреки премудрым советам своих приближенных; именно здесь творят свои гнусности кауравы (включая попытку раздеть Драупади). Это место особое во всех отношениях. По-видимому, его прообразом (и культурно-историческим «предком») был «мужской дом». Напротив, никакие *расы*, связанные с чем-либо негативным, не допускались в царский *дом*. *Дом* должен был вернуть царю веселое расположение духа.

И в связи с этой двойственностью антахпуры выявляется еще одна особенность представлений о городе в «Рамаяне».

Если в палийском каноне внимание уделено городу исключительно как сакральному месту, да и «Артхашастра» отдает этому мотиву должное, то в «Рамаяне» этот мотив несколько приглушен. Блестящим храмам города уделена только одна строка (страстным куртизанкам — в два раза больше), на сакральность места лишь

мельком указывают черты сакральной геометрии, связанной с *предполагаемой* ориентацией по сторонам света. Зато гипертрофированное место в тексте занимает антахпура: в тридцати стихах, посвященных описанию Ланки, шестнадцать посвящены антахпуре и прилегающей к нему территории. Антахпура Раваны преобладает в Ланке сразу в двух средах: и в картине городского универсума, и на самом тексте, чисто количественно, а это не может быть случайностью. Ведь если «Артхашастра» изначально посвящена исключительно действиям царя и его советников, то «Рамаяна» не связана столь жесткими рамками, и тем не менее мы наблюдаем то, что наблюдаем. Но над Ланкой и над страной нависает вовсе не сандалово-золотой дворец Раваны, хоть он упомянут и красочно описан, а «фигура умолчания» — *зал советов*. *Дом* в антахпуре упомянут только потому, что именно он является целью тайного путешествия Ханумана, ведь в *зале советов* ему делать нечего.

Таким образом, сакральный и военный аспект города-крепости сходятся, как в фокусе, в священной особе царя. Здесь перед нами прямо встают три проблемы, связанные с соотношением в сознании создателей древнеиндийских памятников трех категорий: город и царская власть; царская власть и джанапада; и, наконец, город как медиатор-проводник царской власти на территории джанапады. Однако, надо заметить: не только город является таким медиатором.

КХАНДХАВАРА В СТРУКТУРЕ ЦАРСКОЙ ВЛАСТИ

Каждый раз, когда мы заводим речь об обустройстве городского (крепостного) пространства (реального или символического — неважно), неизбежно встает вопрос: кто является источником превращения хаотического пространства в сакрально упорядоченное? Для «Артхашастры», например, здесь ситуация очевидная: данная шастра в принципе посвящена действиям царя в той или иной ситуации. Конечно, то или иное из описываемых конкретных действий может санкционировать царский советник (раздел [II] в основном их действиям и посвящен) или даже чиновник или командир среднего ранга, а осуществляют его рядовые служащие, рабочие или воины, но это ничего не значит: они лишь органы чувств царя, и успешность управления царством зависит от того, насколько хорошо царь владеет своими «индриями» (санскр. indriya «*незримая основа того или иного физического органа чувственного восприятия, отвечающая за потенциальную способность к восприятию*»), осуществил ли он «обуздание индрий» (санскр. indriyajaya; см. [The Kautilīya Arthaśāstra, 1986, I.6-7]). Отсюда понятно, что в «Артхашастре» обустройство крепости от начала до конца является действием священной особы царя. А что на этот счет нам говорит палийский канон и прочие палийские памятники?

Из переведенного в [Вырщиков, 2018, с. 171–172] отрывка «Махапариниббана-сутты» о строительстве города Паталипутта [Dīgha Nikāya, II, 3.86] с учетом ситуационного контекста [Dīgha Nikāya, II, 3.71] ясно, что, хотя закладкой города руководят его советники Сунидха и Вассакара, само строительство города ведется по прямому приказу царя Аджатасатту Ведехипутта в рамках подготовки к задуманной им войне. И здесь важная деталь, меняющая статус населенного пункта: сама постройка цитадели или форта превращает деревню Паталигама в город Паталипутта. Наличие цитадели, построенной на сакральном месте-*васту* с санкции царя дает населенному пункту вместилище «царственности», которое, в свою очередь, может распространять

эту «царственность» на сельскохозяйственную округу; деревня же как таковая является всего-навсего частью этой округи, и только. Что позволяет думать именно так? Ведь мысленные построения «Артхашастры» непосредственно не сталкиваются с физической реальностью, а «Рамаяна» — эпос, а не историческая хроника. Объективно рассмотреть ситуацию нам поможет «Махавамса» (пал. Mahāvaṃsa) — цейлонская хроника и историческая поэма, написанная на пали, о прямом влиянии брахманизма на которую речи не идет. К моменту создания «Махавамсы» буддизм на Цейлоне представлял собой прочно укоренившуюся традицию (в том числе в миру), главным соперником которой был вовсе не брахманизм или шраманские религии, вроде джайнизма, а культы местных божеств, которых в палийских текстах называют, по традиции, *якшами* (пал. yakkha) и *нагами* (пал. naga).

Рассматриваемый эпизод [Mahāvaṃsa, 1958, 37.1–50] касается смуты, разгоревшейся перед вторжением на Цейлон с континента царя *чолов*. Толчком к ее началу послужило разорение, а затем и разрушение большого культового комплекса Махавихара в результате религиозной реформы, затеянной царем Махасеной под влиянием прибывшего из страны чолов (букв. «*с другого берега [пролива]*», пал. paratīrato) монаха-наставника (*тхеры*; пал. thera) Сангхамитры. Эти действия царя и Сангхамитры вызвали недовольство у населения, как у простых людей, так и у высших сановников.

17. Meghavaṇṇābhayo nāma rañño sabbatthasādhako
sakhā amacco kuppitvā Mahāvihāranāsane
18. coro hutvāna Malayaṃ gantvā laddhamahabbalo
khandhāvāraṃ nivesesi Dūratissakavāpiyaṃ.
19. Tatrāgataṃ taṃ sutvāna suhāyaṃ so mahīpati
yuddhāya paccuggantvāna khandhāvāraṃ nivesayi.
20. Sādhu pānaṃ ca maṃsaṃ ca labhitvā Malayābhatam
«na sevissaṃ sahāyena vinā raññā» ti cintiya
21. ādāya taṃ sayaṃ yeva rattiṃ nikkhama ekako
rañño santikam āgamma tam atthaṃ paṭivedayi.
22. Tenābhataṃ tena saha vissattho paribhuñjiya:
«kasmā coro ahū me tvam?» iti rājā apucchi taṃ.
23. «Tayā Mahāvihārassa nāsitattā» ti so bravi
«Vihāraṃ vāsayissami, khama me taṃ mamaccayam»
24. iccevam abravi rājā, rājānaṃ so khamāpayi.
Tena saṃñāpito rājā nagaraṃ yeva āgami.
25. Rājānaṃ saṃñāpetvā so Meghavaṇṇābhayo pana
raññā saha na āganchi dabbasaṃbhārakāranā.
....
29. ānetvā dabbasaṃbhāraṃ Meghavaṇṇābhayo tu so
Mahāvihāre nekāni pariveṇāni kārayi.

17. [Некто] по имени Мегхаваннабхая, друг-советник (1) царя, исполняющий всю [царскую] артху, разгневавшись от разрушения Махавихары;

18. бунтовщиком став, в Малаю (2) придя, могучее войско [собрав], укрепленный лагерь воздвигнул в Дуратиссакавапие.

19. Прослышав о том [человеке], пришедшем туда, царь, для битвы выйдя,

[также] укрепленный лагерь воздвигнул.

20. Благие и питье, и мясо взяв [у] малаев-данников (3), «Не стану я потреблять [этого] без друга-царя» — так подумав;

21. взяв [все] это, сам, в одиночку выйдя [из лагеря] ночью, к царю близко подойдя, [Мегхаваннабхая] тот смысл ему поведал.

22. [Когда же] им взятое [он,] близкий с тем [царем,] вкусил, царь так спросил его: «Отчего ты [против] меня бунтовщиком стал?».

23. «Из-за тебя — Махавихары разрушение» — сказал он. «Вихару я оживлю, прости меня [за] тот [мой] проступок» —

24. так сказал царь; царя он простил, [и] тем умиротворенный царь в город направился.

25. Царя успокоив, Мегхаваннабхая тогда вместе с царем не пошел по причине [наличия] множества ценностей (4).

....

29. Доставив [в город] множество ценностей, Мегхаваннабхая в Махавихаре некоторое [количество] келий повелел соорудить.

Комментарий:

(1) *Друг-советник* — личный советник царя; в «Махавамсе» такой человек называется sakhā amacco «*исполняющий всю [царскую] артху*» (в палийском каноне это отдельное потомственное сословие (*паккха*), называемое amaccā pārisajjā); это означает, что речь идет о первом советнике царя (или об одном из главных советников), управлявшим царством в целом, а не ответственным за какое-то отдельное направление;

(2) *Малая (Малая-Раттха)* — страна, располагавшаяся в центральной части Цейлона и чуть южнее, на широте, близкой к нынешней столице Шри-Ланки Коломбо; в то время основные культурные и экономические центры Ланки располагались на севере, центральный и, в особенности, южный Цейлон считались отсталой окраиной;

(3) Контекст говорит о том, что «друг-советник» приступил к сбору дани на территории, подвластной царю, не имея на то полномочий; накормив царя собранным, он указал таким символическим жестом на признание царской власти;

(4) Если это не преувеличение, то данный отрывок говорит о том, что в процессе сбора дани округа была порядком разграблена: ведь Малая на тот момент — периферия, страна определенно небогатая, а тут собранную дань не смогли вывезти в столицу за один раз, вывоз потребовал личного присутствия новоявленного хозяина.

Итак, перед нами описание мятежа, сомнений в том нет, ведь и хронист [Mahāvaṃsa, 1958, 37.18], и сам царь [Mahāvaṃsa, 1958, 37.22] называют Мегхаваннабхаю бунтовщиком, преступником (пал. cora), и тот согласен с такой характеристикой своих действий, хоть и оправдывает их крайними обстоятельствами [Mahāvaṃsa, 1958, 37.23]. Однако в чем же конкретно состоит преступление? Ничего кровопролитного или угрожающего с виду не произошло, но что-то же заставило царя, бросив все дела, идти с войском в глухой угол собственного царства и, придя, изготовиться к битве. Все дело в военном лагере (пал. khandhāvāra), установленном Мегхаваннабхаей после прихода в Малаю. Заметим, что, придя в Малаю, царь также первым долгом устанавливает

военный лагерь, как бы в противовес мятежнику; на этот факт хронист обращает особое внимание — с чего бы? Ведь больше ничего о военных приготовлениях царя не говорится, и вдруг — такая подробность, малозначимая на первый взгляд.

Ответ на этот вопрос снова дает «Артхашастра» [The Kautilīya Arthaśāstra, 1986, X.1, 1]. Военный лагерь (санскр. khandhāvāra; термин полностью совпадает с палийским) строится по всем правилам васту-видьи и уподобляется крепости, с особым местом для *антахпура*; строительство военного лагеря — исключительная прерогатива царя, покушение на которую означает покушение на монополию царя на применение вооруженного насилия (на чем «Артхашастра» настаивает; и не только она: «царь-каратель», обладающий монополией на осуществление карательных мероприятий — общее место и в шастрах, и в эпосе). Интересная деталь в «Махавамсе»: поставив лагерь, Мегхаваннабхая тут же приступает к сбору дани на царской земле, а ведь «поедатель царства», по «Артхашастре», — это ипостась царя, и «поедание царства» — его же прерогатива. То есть акция, устроенная Мегхаваннабхаей, чисто демонстративная на первый взгляд, на деле представляет собой полномасштабный бунт, государственное преступление, пусть и без кровопролития (шутка ли — раздробление царства); так что царю было из-за чего задавать вопрос: *«Отчего ты [против] меня бунтовщиком стал?»*.

В данном эпизоде мы видим, что пунктом, возвышающимся над округой, и источником «царственности» может быть не только город или крепость, но и военный лагерь. Более того, из контекста видно, что для «Махавамсы» военный лагерь с царем — это временная столица, источник власти; находясь в нем, можно собирать подати

И снова перед нами прямая параллель с «Артхашастрой», с одной лишь разницей: оснований подозревать «Махавамсу» в прямом заимствовании конкретных представлений из брахманистских источников нет. К тому же, речь тут идет (в отличие от «Артхашастры») не о теоретических фантазиях, а о имевших место исторических событиях, хоть бы и полулегендарных — здесь отличие качественное, Индия такого жанра, как «Махавамса», не знала и знать не могла. И здесь возникает отсылка к «Рамаяне», к сравнению ее представлений о городе с представлениями «Артхашастры». Ясно, что в широком кругу слушателей эпоса уже бытовали представления об идеальном городе, крепости, кхандхаваре, и т. д., которые послужили основой для дальнейшей разработки в узком кругу ученых брахманов. Авторам «Махавамсы» не было нужды заимствовать из «Артхашастры» представления, которые и без того уже существовали в эпическом и народно-мифологическом сознании. Тут надо, правда, учитывать, что между «Рамаяной» и «Махавамсой» разница качественная. «Махавамса» не эпос, а хроника исторических событий, рассказанная эпическими выразительными средствами. Эта разница, выражаясь метафорически, подобна разнице между «Словом о полку Игореве» и эпическими песнями «времен Бояновых», от которых «Слово» отталкивается, но с которыми же и порывает.

Тем не менее, возвращаясь от Цейлона к Индии, надо особо отметить важность изучения эпоса. Через живую связь с народно-мифологическими представлениями эпос активно формирует сознание *всей* культуры, от царского двора до низшего из шудр, от рафинированных пандитов до самых безграмотных из женщин. В этом смысле эпос по-настоящему народен, но не является частью ни народной культуры, ни элитарных субкультур. Эпос автономен как субкультурная составляющая Большой культуры. Он доступен веяниям и сверху, и снизу, и притом сам активен и вверх, и вниз. Эпос, сам

являясь самостоятельной субкультурной единицей, восприимчив к воздействию других субкультур. Эта восприимчивость наделяет его интересным свойством: в эпосе постоянно присутствует момент соскальзывания текста в *интертекст*. А значит, через смысловое поле интертекста эпос самым парадоксальным образом был способен влиять на разнообразные феномены культуры Древней Индии.

Так или иначе, важность сравнительного изучения многообразных источников при рассмотрении каждой культуроведческой проблемы Древней Индии представляется очевидной.

Сокращения

санскр. — санскритский пал. — палийский

Литература / References

Вертоградова В. В. *Живопись Древней Индии по «Читрасутре» из «Вишнудхармоттарапураны» — теория и технология*. М, 2014 [Vertogradova V. V. *Painting of Ancient India by "Citrasutra" from "Visnudharmottarapurana" — Theory and Technology*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Вигасин А. А. «Артхашастра» и ритуалистика // *Древние культуры Восточной и Южной Азии*. М., 1999 [Vigasin A. A. "Arthashastra" and Ritualism // *Ancient Cultures of Eastern and Southern Asia*. Moscow, 1999 (in Russian)].

Вырщиков Е. Г. Два образа города в палийских текстах: культурные представления в исторической перспективе // *Вестник Института Востоковедения РАН*. 2018.№ 3. С. 169–177 [Vyrschikov E. G. Two Images of the City in the Pali Texts: Cultural Representation in Historical Perspective // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 3. Pp. 169–177 (in Russian)].

Вырщиков Е. Г. Представления об идеальном городе-крепости в «Артхашастре» // Вестник Института Востоковедения РАН. 2019. № 1. С. 84–93 [Vyrschikov E. G. Ideas about the Ideal City-Fortress in "Arthashastra" // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2019. 1. Pp. 84–93 (in Russian)].

Тюлина Е. В. Пространство, его «испытание» и почитание в обрядах освящения скульптуры и архитектуры // *Индия — Тибет: текст и феноменология культуры*. М., 2012 [Tyulina E. V. Space, Its "Test" and Worship in the Rites of Consecration of Sculpture and Architecture // *India — Tibet: Text and the Phenomenology of Culture*. Moscow, 2012 (in Russian)].

Dīgha Nikāya. Vol. II. Eds. T.W. Rhys Davids, J.E. Carpenter. Oxford, 1995.

Mahāvaṃsa. Ed. W. Geiger. London, 1958.

Schlingloff D. *Die altindische Stadt. Eine vergleichende Untersuchung*. Wiesbaden, 1969.

The Kautilīya Arthaśāstra. Part I. Ed. R.P. Kangle. Delhi, 1986.

The Ramayana of Valmiki. Gen. ed. G.H. Bhatt, U.P. Shah. Baroda, 1960.

О ТАНАТОЛОГИИ ЯПОНСКОГО МЫСЛИТЕЛЯ ИМАМИТИ ТОМОНОБУ

Е. Л. Скворцова*

Статья посвящена взглядам японского философа Имамити Томонобу (1922–2012) на проблему смерти, которую он рассматривает, соотнося ее с понятием Ничто. Последний вид действия Ничто как ограничения Бытия внутри сущего означает неизбежную конечность, т. е. смерть всякого сущего. Рациональной разработке темы смерти мешало то обстоятельство, что преимущественно этой сферой занималась религия. В XX в. смертью как сугубо человеческой формой Ничто вплотную занялась философия экзистенциализма, но, как считает Имамити, экзистенциалисты шли от частного к общему, тогда как правильным должен быть обратный путь. Японский философ поднимает важную проблему «редуцирования» умирания в эпоху высокоскоростного общества. В рамках своей концепции эко-этики ученый ратует за то, чтобы в современном технологичном обществе отношение к процессу умирания было четко определено, а не выносилось за пределы человеческого сознания.

Ключевые слова: Имамити Томонобу, смерть, процесс умирания, танатология, Ничто, Бытие, М. Хайдеггер, экзистенциализм, эко-этика, метатехника, урбаника.

ON THANATOLOGY IN JAPANESE PHILOSOPHER IMAMICHI TOMONOBU'S THOUGHT

Elena L. Skvortsova

The article is devoted to the views of the Japanese philosopher Imamichi Tomonobu (1922–2012) on the problem of death, which he considers in connection with the concept of Nothingness. The action of Nothingness as the limitation of Being within every particular being means the inevitable finiteness, that is, the death of every living thing. The rational development of the theme of death was hampered by the fact that religion was mainly concerned with this topic. In the 20th century the philosophy of Existentialism came to grips with death as a purely human form of Nothingness. But prof. Imamichi believes that the Existentialists proceeded in their reasoning from the particular to the general, whereas the right way should be the opposite. The Japanese philosopher raises an important problem of "reducing" the process of dying in the era of high-speed society. Within the framework of his concept of "eco-ethics" the scientist advocates that in the modern high-tech world, the attitude should be clearly defined, and not carried beyond the limits of human consciousness.

Keywords: Imamichi Tomonobu, death, process of dying, thanatology, Nothingness, Being, M. Heidegger, Existentialism, eco-ethics, meta-technique, urbanica.

* Елена Львовна СКВОРЦОВА, доктор философских наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; squo0202@mail.ru

Elena L. SKVORTSOVA, DSc (Philosophy), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; squo0202@mail.ru

Общефилософская концепция Имамити. Человек в условиях высокотехнологичной мембраны

Проблема смерти и умирания рассматривается Имамити Томонобу в нескольких работах и анализируется профессором как с философской точки зрения, так и с точки зрения, так сказать, обыденной, бытовой. Хотя зачастую эти позиции — философа и обывателя — переплетены. Это проявляется при знакомстве с основными позициями собственной философской концепции японского ученого, названной им «метатехникой» и объединяющей, в частности, «эко-этику» и «урбанику». Прежде чем коснуться танатологической темы, охарактеризуем общефилософскую позицию Имамити.

В названии «метатехника» ощутимо влияние аристотелевской Метафизики. Анализируя последнюю, Имамити полагал, что эта наука о первых началах и причинах в природном окружении человека устарела. Она отличается от новых мировоззренческих концепций прежде всего из-за фундаментальных перемен среды обитания современного человечества. Прежняя экосреда, непосредственно предоставлявшая индивидууму возможности для самореализации, к XX в. постепенно была заменена «технологической мембраной», образовавшейся между человеком и Природой и являющейся продуктом удовлетворения человеческих желаний, с одной стороны, и итогом работы человеческого интеллекта — с другой. Хотя природа по-прежнему составляет фундамент существования человеческой жизнедеятельности, она вследствие безудержной цивилизационной активности человечества постепенно утрачивает свои животворящие свойства. Вода из нынешних рек и водоемов часто перестает быть пригодной для питья; воздух в городах загрязнен и вызывает многочисленные заболевания; продукты питания, выращиваемые с применением пестицидов и генной инженерии, отнюдь не способствуют полноценной здоровой жизни. Все это — следствие активного применения технологий, необходимых для «исправления» природной среды, недостаточной для удовлетворения возросших потребностей человеческого сообщества.

По мнению философа, современные технологии обрели столь гигантскую мощь, что коллективному человеку приходится брать на себя соответствующую ответственность за выбор целей, для достижения которых следует применить такую мощь. Новая позиция человека по отношению к миру и самому себе в новых условиях формулируется профессором Имамити в рамках новой философии — «метатехники». Прежде всего метатехника должна обратить внимание на появление «новой абстракции» и изменение человеческих качеств в мире высоких скоростей.

Новая абстракция — это абстракция процесса. В сфере природных феноменов, замечает философ, время возникает как совершенно определенная конкретная длительность. Такая конкретная длительность в природе видима, она имеет свои «узловые точки» для каждого вида существ. Мир, в котором изменения носят неприродный характер, — это, как указывает японский ученый, — мир скорости. В мире высоких скоростей все, казалось бы, создается для блага человека. Трудовые процессы, занимавшие раньше львиную долю времени человеческой жизни, отданы на откуп машинам. Жизнь стала легче, появился досуг, свободное время, которое индивидуум может потратить с пользой для себя и своей семьи. Общество, где преобладают не природные, а технологические изменения, презирает длительность, в

нем много досуга, но нет места для зрелости. Там, где отсутствует природная длительность, отсутствует и временн*а*я составляющая, есть лишь пространственное измерение, «топология без хронологии. Под сенью победоносных высоких скоростей время умирает» [Imamichi Tomonobu, 1982, p. 85].

Главным показателем цивилизации становится «прогресс». Современная цивилизация деформирует человека, ее вожделенной целью стала вечная молодость. Такая цель требует фактического игнорирования проблем старости, болезней, горестей, кризисов, проблемы необходимости тяжелого рутинного труда. Но такое игнорирование приводит и к «купированию» поры зрелости; этот «новый дивный мир» — мир постоянной лихорадочной гонки за удовольствиями по сути укорачивающей время осмысленной жизни. Акцент на результате является отрицанием важности усилия, утверждает ученый: «Мы воспитывались на основе таких ценностей, как служение и жертвенность, а также на упорстве, усилии и терпении, необходимых для трудового процесса» [Imamichi Tomonobu, 1982, p. 88]. Любой, даже самый творческий труд на 90% состоит из рутины. Легкое достижение результата ведет к массовой утрате качеств и навыков традиционной системы ценностей, составлявших основу народной жизни. Легкий доступ ко всем благам, избыточность всевозможных искусственных вещей еще больше изолирует человека от природы.

«Урбаника» Имамити посвящена вопросам культуры мегаполисов. К XX в. большая часть населения земли стала жить в городах, причем не просто в городах, а в мегаполисах. В мегаполисе люди, независимо от своей этнической принадлежности, ведут одинаковый образ жизни. Они примерно одинаково одеты, примерно одинаково питаются, по большей части одинаково проводят время на работе, и все передвигаются главным образом под землей. Город — это место, где представление о трудовом процессе искажено по сравнению с представлением традиционного общества; место, где постепенно разрушаются традиционные семейные ценности — семья не только не является необходимостью, но зачастую становится просто обузой. Здесь стираются традиционные гендерные различия; происходит искажение и деградация традиционных представлений о сущности человека. Японский философ называет город «логовом блуждающих анонимов».

Города — источники транслируемых СМИ образцов, несущих обаяние зла. Это центры производства, где возможности новых компьютерных технологий воплощают фантазии не всегда адекватных творцов. Глобализация делает такой процесс еще более мощным и суггестивным. Обществу навязываются образцы не самого праведного поведения и образы «героев», не только эпатирующих зрителей внешним видом или разнузданностью, но и несущих «месседж» презрения к труду, гедонизма и эгоизма. Пропагандируется жизнь в свое удовольствие и ненасытное потребительство. Сегодня как никогда актуально звучат слова немецкого мыслителя Э. Фромма (1900–1980), бичующего потребительское помешательство представителей современной цивилизации: «Мы — вечные потребители, мы приобретаем и приобретаем. Восемь часов в день, каждый на своем рабочем месте, мы работаем, мы активны. Но в часы досуга мы погружаемся в безделье с пассивностью потребителей. Потребительское отношение из сферы экономики постепенно распространяется на все сферы повседневной жизни. Мы потребляем сигареты и коктейли, книги и телепередачи; мы как будто припали к большой детской бутылочке, которая должна обеспечить все наши

потребности» [Фромм, 2014, с. 171]. В мегаполисе все, что можно только пожелать, находится в шаговой доступности. Формируется ситуация ускоренного стимулирования желаний, быстрого потребления и новых соблазнов.

Концепцию «урбаники» японский ученый дополняет понятием «эко-этики». По его мнению, до 1980-х гг. этика считалась наукой о морали и межчеловеческих отношениях (*ethica inter homines*). Однако в новом технологическом окружении отношения между индивидуумами все больше опосредствуются «технологической мембраной». Люди все реже контактируют лицом к лицу, непосредственно; они все чаще выступают как наборы букв и цифр в поисковиках электронной почты и социальных сетях или как коды доступа, как цепочка цифр мобильных телефонов. Поскольку отношения людей между собой опосредованы технологической средой, предмет такой философской дисциплины, как «этика» (мораль) должен включать в себя и техносреду, т. е. неодушевленный компонент межчеловеческих связей.

С другой стороны, в условиях продолжающегося вырождения окружающей природной среды под напором техники человек все больше ощущает себя ущербной частью деградирующей природы. Ведь угнетенное положение природы несет в себе угрозу и для самого человека. Человек дышит природой, ест, пьет ее, в прямом и переносном смысле выбрасывает в природу отходы жизнедеятельности. Вот почему в нынешних изменившихся условиях жизни мораль, и вслед за ней изучающая ее философская наука этика, не могут не измениться. Отныне в нормативные отношения должны быть включены не только явления природы, но и предметы технологической среды. Что же касается этики, то она должна стать наукой, изучающей как межчеловеческие отношения (*ethica inter homines*), так и этику в отношении вещей (*ethica ad res*), т. е. стать «эко-этикой».

Имамити об экзистенциалистском понимании смерти

Если вернуться к основной теме нашего исследования, касающейся анализа профессором Имамити проблемы смерти в высокотехнологическом обществе, то надо обратить внимание на его полемику с экзистенциальным взглядом на смерть — тень Хайдеггера постоянно присутствует в танатологических текстах японского философа. Имамити соглашается со своим немецким коллегой в том, что жизнь человека («присутствие») есть «бытие-к-смерти» и в том, что смерть в обществе людской (Man) повседневности является неким случайным событием, происходящим с кем-то другим. «Публичность обыденного общения “знает” смерть как постоянно бывающее происшествие, “смертный случай”. Тот или этот ближний или дальний “умирает”. Незнакомые “умирают” ежедневно и ежечасно. “Смерть” встречает как знакомое внутримирно случающееся событие. Как такое она остается в характерной для повседневно встречного незаметности» — читаем мы у Хайдеггера [Хайдеггер, 2011, с. 252–253]. Однако для Имамити Томонобу важно, что понятия жизни, смерти, длительности, развития, старения, зрелости в условиях высокотехнологичной среды обретают несколько иные смыслы по сравнению с традиционными.

Хайдеггер трактует жизнь каждого человека как «падающее бытие-к-смерти», т. е. процесс умирания начинается в любую эпоху для любого индивидуума с момента его появления на свет. Жизнь (присутствие) = умиранию. Но язык повседневности затушевывает страшную истину о неизбежности собственной смерти, относя это

событие в неопределенное будущее и осуществляя тем самым своеобразное «бегство от смерти»: «Что присутствие, всегда свое, фактично всегда уже умирает, т. е. существует в бытии к своему концу, этот факт оно утаивает себе тем, что переделывает смерть в обыденно происходящий смертный случай у других, в любом случае лишь яснее удостоверяющий нам, что “сам ты” еще ведь “жив”» [Хайдеггер, 2011, с. 254][1].

Действительно, человек конечен. Еще Аристотель использовал как характерный пример следующее умозаключение: «1-я посылка: все люди смертны; 2-я посылка: Сократ — человек. Вывод: Сократ смертен». Мы все вроде бы знаем, что умрем. Но как мы это знаем? На уровне бытового сознания мы понимаем неизбежность конца — «все там будем». Однако где-то в глубине души теплится сознание: «но пока не я!»[2]. Впрочем, смерть, полагает Имамити Томонобу, является предметом, заслуживающим не просто обывательских пересудов. Она нуждается в глубокой рефлексии, собственная конечность должна продуцировать не просто страх, ужас или элегическую грусть. Анализируя танатологию экзистенциализма, Имамити указывает на ее неполноту в том смысле, что экзистенциалисты в первую очередь опирались на анализ конкретных субъективных состояний человека при выявлении общей причины, их порождающей, т. е. шли от частного к общему.

Философский фундамент танатологии: Ограничение и отрицание как явленные формы Ничто

«Смерть мыслится человеком как самая главная стихийная сила, имеющая над каждым живущим безусловную власть. Можно много раз наблюдать чужую смерть со стороны, но рано или поздно она приходит к самому наблюдателю. И ее приход неотвратим. Каждый встанет перед лицом смерти, однако сущность ее окутана тайной. Чем она является для человека и вообще зачем она? Что ожидает человека там, за порогом смерти? Какое отношение к ней является верным, а какое обусловлено заблуждениями человека, его земными иллюзиями?» [Берестнев, 2019, с. 158]. Японский мыслитель пытается выстроить общефилософский фундамент танатологии. Исходный пункт рассуждений Имамити — осознание того, что смерть есть по сути *ограничение человеческой жизни в этом мире*. Но ограничение — необходимое условие как собственно существования “дел и вещей”, так и условие их осознания в нашем опыте: «Ограничение есть базовая философская категория в том смысле, что, упразднив ограничение, мы не только не сможем вынести суждение о чем бы то ни было, но наш опыт (*тайкэн*), кристаллизующийся в суждениях, также невозможен без ограничения. Нечего и говорить, что для реализации опыта необходимо наличие определенной вещи, чего-то, о чем этот опыт. Однако мы совершенно точно знаем, что наше “*Я*”

[1] «“Каково, умер; а я вот нет”, — подумал или почувствовал каждый» [Толстой, 1982, с. 55].

[2] «Тот пример силлогизма, которому он учился в логике Кизеветера: Кай — человек, люди смертны, потому Кай смертен, казался ему во всю его жизнь правильным только по отношению к Каю, но никак не к нему. То был Кай-человек, вообще человек, и это было совершенно справедливо; но он был не Кай и не вообще человек, а он всегда был совсем, совсем особенное от всех других существо… Если бы и мне умирать, как Каю, то я так бы и знал это, так бы и говорил мне внутренний голос, но ничего подобного не было во мне; и я и все мои друзья — мы понимали, что это совсем не так, как с Каем» [Толстой, 1982, с. 86–87].

ограничено в опыте. Нет такого опыта, в котором "*Я*" непосредственно не знало бы[3] своей ограниченности. Поэтому для нас, не могущих сомневаться в явленности опыта, нет сомнения и в явленности ограничения. Нам ясна достоверность ограничения, но что представляет собой его явленность?» [Имамити, 1984, с. 389], — вопрошает профессор Имамити. Каким образом наш опыт предъявляет нам вещи? Чем они предстают для нас и чем являются сами по себе?

Ясно, что, утверждая и демонстрируя себя как таковые, они в то же время не являются никакими иными вещами, т. е. необходимо несут в себе отрицание (*хитэйсэй*). По мнению ученого, «сейчас мы видим, что "отрицательность" существует не только в измерении суждения, а (наоборот) мы видим суждение, утверждающееся из сферы отрицания внутри опыта, и эту реальность забывать нельзя. Поэтому нельзя упускать из виду, что проблема находится не только и не столько в сфере слов (языка, языковых выражений), сколько является "отрицательностью" (*хитэйсэй*) в сфере явленного осознанного опыта (*исикитэки тайкэн-но тихэй*) сущего» [Имамити, 1984, с. 391]. Таким образом, «отрицательность» выходит за рамки чисто языковых феноменов и, будучи формой сущностного ограничения, находится в сфере реальных феноменов и имеет онтологическую природу. «Отрицание бытия есть небытие, Ничто (*му*), ограничение есть явленная форма Ничто. Итак, явленность ограничения — это не что иное, как явление Ничто (*му*) в измерении бытия. Следовательно, сущность ограничения, как сказано выше, это Ничто, явленное в виде отрицания (*хитэй*)» [Имамити, 1984, с. 391].

Получается, что в жизни мы сталкиваемся с отрицанием и ограничением как явленными формами Ничто, а это в свою очередь означает, что *Ничто так или иначе существует*. При этом языковое выражение данного факта парадоксально: Несуществование (Небытие) все-таки существует! Если Ничто и "существует", то никак не в виде ограниченного и оформленного сущего, которое уже не есть Ничто. Загадка способа "существования Ничто" вряд ли поддается решению усилиями нашего разума. Мы можем лишь констатировать, пишет Имамити Томонобу, что «если в сфере Бытия в целом ограничение выступает общей явленной формой Ничто, то оно является универсальным понятием. Если изначально невозможно осознать его в качестве такового, то тогда мы не сможем здесь ни о чем рассуждать. Смысл нашего вопроса заключается в том, чтобы уяснить, является ли Ничто только понятием? Впрочем, то, что оно не просто понятие, ясно из нашего предыдущего рассуждения. Ограничение — это ни в коем случае не "всего лишь" понятие; это и явление, внешнее по отношению к нашему разуму, т. е. оно существует и как понятие в интеллекте, но и сопровождается соответствующими явлениями вне его. Все рассуждения о нем — не просто языковая игра» [Имамити, 1984, с. 394].

Способы действия Ничто

Раз так, следует определить те способы, которыми «пользуется» Ничто для своей деятельности по оформлению мира сущих. *Creatio ex nihilo* — творение мира из Ничто — стало возможным, считает Имамити, в том числе благодаря созидательной силе Ничто, заключающейся прежде всего в ограничении, т. е. проведении границ между

[3] «"Знать" — означает знать ограниченные явления в пределах осознанного опыта» [Имамити, 1984, с. 390].

отдельными сущими [4]. Вот почему первый способ проявления Ничто — горизонтальный принцип действия, отделяющий одно сущее от другого. Или, по словам японского философа, «Ничто является индивидуализирующим принципом, вычленяющим каждое отдельное сущее из других сущих» [Имамити, 1984, с. 395]. Однако действие Ничто не ограничивается только "горизонтальным" ограничением. Прежде Ничто должно отделить сущие от Бытия, т. е. «Ничто существует как разрыв между Бытием и сущим» [Имамити, 1984, с. 396] и это принципиальное «вертикальное» действие Ничто. «Действие Ничто, отделяющего сущее от Бытия, это не только ограничение по горизонтали, индивидуализирующее, отделяющее одно сущее от другого сущего; оно выходит за пределы этого плоского измерения как такового и является расстоянием от Бытия до сущего, — читаем у Имамити. — Назвать это "ограничением" не то чтобы нельзя; это действительно ограничение, но ограничение, выступающее как выразительная форма Ничто, это самоограничение Ничто как такового. Следовательно, ограничение как индивидуализирующий принцип есть явленная форма Ничто, а Ничто как расстояние от Бытия до сущего есть абсолютное Ничто как самоограничение. Действие Ничто, таким образом, имеет две формы: сепарация как "горизонтальное ограничение" сущего и сепарация как "вертикальное ограничение", обеспечивающее абсолютную разницу между сущим и высшим Бытием» [Имамити, 1984, с. 396–397].

Но помимо «горизонтального» и «вертикального» способа ограничительного действия Ничто существует еще и третий, «внутренний» способ, действующий внутри каждого сущего. Именно он имеет прямое отношение к теме нашей статьи и указывает на отрицающую активность внутри сущего. Почему возможна внешняя, горизонтальная индивидуализирующая активность Ничто? Потому что всякое сущее отличается от другого сущего внутренними принципами своего существования (бытия). Такие принципы, или правила (*китэй*), есть ничто иное, как еще один вид ограничительной активности Ничто, полагает Имамити: «Поэтому ограничение Ничто, будучи одновременно принципом обособления (*кобэцука*), является скорее принципом индивидуализации (*котайка*), логически предшествующим принципу обособления. Данное обстоятельство означает, что Ничто не только отделяет одно сущее от другого извне, выступая лишь формальным ограничением, «отрезающим» сущие друг от друга, но и, вторгаясь вовнутрь сущего, ограничивает (задает пределы) его изнутри. Это означает, что сущее содержит Ничто внутри себя. Имеющееся внутри каждого сущего ограничение как действие Ничто нападает изнутри на бытийственность (*сондзайсэй*) сущего и поэтому отличается от Бытия. Все это свидетельствует, что самая сердцевина сущего связана с Ничто. Вследствие действия Ничто по отношению к Бытию появление отделенных друг от друга сущих говорит о том, что в своей сердцевине они связаны с Ничто. Действие Ничто по отношению к вечности Бытия носит разрывающий (расщепляющий) характер, поэтому в своей сердцевине сущие принадлежат Ничто. Принадлежа Ничто, сущие являются ограниченными пределами (*ю:гэнтэки*) в смысле невечными (*хиэйэнтэки*). Короче, это означает, что ось способа бытия сущего склоняется не к вечности, а по необходимости неизбежно склоняется к Ничто и направлена к гибели» [Имамити, 1984, с. 399].

---

[4] Этот процесс — разумеется, в очень упрощенном виде — можно наглядно представить в виде «ножниц» – Ничто, нарезающих бесконечные блины Бытия на вермишель сущих.

Подводя итог длинному философскому дискурсу о видах действия Ничто, Имамити Томонобу констатирует: «Итак, мы признали, что всего у Ничто в общем есть три вида, три облика. И какой бы из них оно ни принимало в качестве действующего ограничения, любой облик поистине могущественен: во-первых, как сила, делающая сущее сущим; во-вторых, как сила, отделяющая сущее от Бытия и одновременно от других сущих; и, в-третьих, как сущность, разлагающая (уничтожающая) сущее изнутри. Таким образом, Ничто является главным принципом (причиной) возникновения индивидуальности, личной идентичности (*дзико до:ицу*) и темпоральности» [Имамити, 1984, с. 400].

Последний вид действия Ничто как ограничения Бытия внутри сущего, ведущего к максимальному разложению, ослаблению в сущем бытийственного измерения, означает неизбежную конечность (смерть) всякого сущего. Однако наличие внутренней структуры или внутреннего принципа бытия сущего означает причастность Ничто к форме индивидуальной (личной) идентичности. Наша идентичность неизбежно вплетена в действие Ничто, которое внутри нас одновременно и определяет сущность, и задает пределы нашей самости. Таким образом, Ничто — это не только слово, понятие, взятое из философского лексикона. Это особая реальность, которая выступает и должна мыслиться, по словам японского философа, «как ограничение нашего собственного существования, как существующее внутри нашего собственного "*Я*". Взглянув на это таким образом, мы впервые увидим, что Ничто есть не только негативность как неполнота возможностей (несовершенство способностей) и не только негативность как разделение с "другим". Являясь и тем, и другим, Ничто отрезает нас от вечности Бытия и направляет к уничтожению и, будучи неким темпоральным ограничением, оно не может не мыслиться как взаимосвязанное со смертью» [Имамити, 1984, с. 401].

Если у Ничто есть силы разрушать любую сущность (последнюю Имамити называет «чахлой вещью»), если Ничто обладает силой причинить смерть каждому, значит, это уже не Ничто, а нечто, некая особая реальность. Но как может «быть чем-то» Ничто? С эмоциональной точки зрения для каждого индивидуума самым сильным проявлением Ничто является его личная смерть и рационально осмыслить ее феномен пытались самые разные европейские философы со времен Античности. Однако рациональной разработке этой темы мешало то обстоятельство, что преимущественно сферой смерти занималась религия. Выше уже указывалось, что в XX в. смертью как сугубо человеческой формой Ничто вплотную занялась философия существования или экзистенциализма, в первую очередь опиравшаяся на анализ субъективных состояний человека: тревоги, заботы, депрессии, отчаяния, ужаса — на единичные формы проявления Ничто при анализе общей причины, их порождающей, т. е. шли от частного к общему. Между тем, логически правильным должен был быть, считает Имамити, обратный путь: от общего (Ничто) — к частным состояниям. Именно в лице вышеупомянутых М. Хайдеггера и Ж.-П. Сартра это течение европейской мысли сделало, по мнению профессора Имамити, колоссальный шаг вперед в понимании смерти: «они стали анализировать жизнь человека через смерть и усматривали сущее через Ничто. Таким образом была подготовлена почва для видения вещей из ограничения, т. е. индивидуального — из общего» [Имамити, 1984, с. 407].

ТАНАТОЛОГИЯ КАК ТЕЛЕОЛОГИЯ И *EXTASIS* ДУШИ

Здесь уместно напомнить, что японский философ по вероисповеданию был римским католиком, вследствие чего трактовал человеческую душу в духе Августина, как простую нематериальную, а потому бессмертную сущность. Однако его христианские убеждения следует принимать с оговорками: далеко не всякая душа, по Имамити, удостаивается бессмертия. Смерть — уничтожение и окончание мирских, телесных «дел и вещей». Это последняя дверь, сквозь которую должен пройти человек. Приведем слова современного японского исследователя мотивов смерти в творчестве Достоевского Накамура Кэнноскэ, который утверждает, что у русского писателя «не заметно стремления сделать смерть темой глубочайших размышлений или философских бесед, как у Сенеки или Марка Аврелия. Не приходят ему в голову и мыли в духе "memento mori": раз по пословице "утром — румян лик, вечером — "белы косточки", то следует творить молитву в надежде на загробную жизнь и, дабы смерть не застала врасплох, постоянно хранить трезвенное бдение. Здесь… вовсе не та смерть, что служит духовным мерилом добродетельной жизни, но реальная, плотская, не поддающаяся украшениям умозрительными спекуляциями и метафорами, та, с которой имеет дело не эссеист, а патологоанатом. И именно ей должны подчиниться все живые существа. И для этого не может быть никаких исключений и не приемлются никакие возражения. Как бы ни пленял кто людей при жизни и какие бы удивительные чудеса ни совершал, но даже и сам Сын Божий обречен всецело покориться этой смерти и стать безжизненной материей. Так сильна смерть. Не всемогущий Бог, но смерть. Этот убийца, подстерегающий в засаде весь мир живого, умерщвляющий живых, безвозвратно делая их неодушевленными предметами; вечный и всеобщий "закон природы"» [Накамура, 1997, с. 94–95].

Конечно, есть искушение приравнять биологическую смерть человека к смерти любого другого живого существа, но, как полагает Имамити Томонобу, между ними есть существенное различие. И коренится оно *в цели* существования животного (растения) и человека. Цель животного существования — зачатие себе подобного и затем — бесконечное повторение себе подобных в следующих поколениях. Разумеется, это касается и человеческой цели самовоспроизводства, но у человека помимо биологического измерения присутствует также измерение «трансцендентное», «вертикальное». Соответственно и цель его существования — соединение с вечным бесконечным Бытием. Для реализации последнего необходимы своего рода тренировки, «репетиции исхода», когда душа «трансцендирует» из мира обыденности, выходя за пределы собственного материального бытия и соединяясь с неким духовным миром. Подобное состояние достигается, к примеру, во время чтения серьезной книги, глубокого погружения в волны захватывающе сложной классической музыки, в экстатические моменты самозабвенного творчества.

Смерть есть наше окончательное соединение с трансценденцией, при котором мы навсегда лишаемся нашего тела с его повседневными заботами и хлопотами. При этом наша душа, закалившаяся в ходе регулярного рационального и эмоционального труда трансцендирования, соединяется с бесконечностью, являющейся ограничением Ничто, т. е. с Бытием. Вот как об этом пишет японский философ: «Чтобы завершить свое существование, наша душа должна, насколько это возможно, отделиться от чувственных вещей, став чистой самостью. Для этой цели чувственные вещи

небесполезны; душа, постепенно приближаясь к своему собственному бытию, должна укрепляться (усиливаться). И что же происходит, когда таким образом усиленная душа по возможности становится самой собой? Конкретно происходит трансцендирование души как ее характеристика. Выходя за пределы феноменального мира, она соприкасается с миром иным. Именно расставшись с феноменальным миром, направив острие своих помыслов от временного мира к миру вечности, она соприкасается с ним. Иначе говоря, душа, отделившись от оков телесной оболочки, стремится переместиться в свой мир. Сосредоточившись на какой-либо мысли или на читаемом тексте, мы, абсолютно не осознавая состояния своего тела, полностью забываемся. Это означает, что душа почти оторвалась от своего "места". Такое состояние трансцендирования души лишено чувственной телесности, которую она покинула, пребывая в самозабвении. Выступает ли телесность для души как Ничто и не является ли смерть для человека с трансцендированной душой, в отличие от обычной смерти животных, вратами в какую-то иную жизнь? …Здесь мы можем признать за душой вероятность бессмертия именно благодаря смерти. И когда мы так думаем, получается, что смерть — это не что иное, как *extasis*, т. е. полное освобождение от тела. Поэтому смерть, если мыслить строго, есть не что иное, как восхождение души к Бытию как таковому» [Имамити, 1984, с. 410, 412–413]. Таким образом, по Имамити, смерть для творческого индивидуума выступает *кайросом*, т. е. ключевым моментом плодоношения, завершающим его историческое (но не просто животное) существование. Что же касается людей с неразвитыми душами, то им суждено, согласно логике Имамити, разделить судьбу животных и растений.

Важность процесса умирания

Следует особо подчеркнуть, что из всех живых существ только человек осознает свою смертность. По-настоящему экзистенциальным переживанием это осознание становится в условиях «естественной» смерти от старческой немощи либо от смертельной болезни. Такое умирание Имамити Томонобу анализирует в разделе «эко-этика», являющемся частью его философской системы, получившей название «метатехника». Ученый пишет, что умирание человека представляет собой специфическое состояние «парадоксального единства пребывания и исчезновения, продолжения и окончания, действия и успокоения, страдания и искупления» [Imamichi, 1983, p. 4]. Однако и философия, и религия (ритуально обслуживающая смерть и связывающая смерть с человеческой греховностью) уделяли *процессу умирания*, по мнению Имамити, недостаточно внимания. Гораздо более значимой для них выступает собственно смерть. Поясним это на примере рассуждений японского философа.

Имамити указывает, что в условиях высокоскоростн*о*го общества мы сталкиваемся с новым видом абстракции: абстракции временного процесса и ориентацией на результат. Это имеет отношение и к умиранию человека, когда исключительно важный для него и иногда очень длительный процесс «иссекается» из жизни как его самого, так и его близких, скрывающих от умирающего страшную правду и старающихся до последнего убедить его, что до конца еще далеко. «Сам процесс умирания скрыт в специальной палате клиники» [Imamichi, 1983, p. 4]. Высокие технологии XX в. образовали, наряду с природной, новую среду обитания, которая, будучи порождением стремления человека ко все большему комфорту и различных

технических усовершенствований, превратила смерть в «*акцидент*»[5], т. е. в никак не подготовленное, «внезапное» событие. Самым распространенным примером такой смерти является смерть в ДТП. Высокотехнологичное общество, подчеркивает Имамити Томонобу, в разы увеличило вероятность такой внезапной смерти, и теперь подобная смерть, смерть без умирания, становится нормальной для современного городского жителя. Кроме того, нынешняя организация жизненного пространства, архитектура современного жилища не подразумевает совместного проживания нескольких поколений одной семьи — здесь нет условий для содержания умирающих больных и стариков. «Во второй половине XX в. в Японии на смену традиционной патриархальной системе “большой” семьи пришла нуклеарная, т. е. семья из супругов и их не состоящих еще в браке детей либо только из супругов. До недавнего времени именно таких семей, состоящих из супругов и их детей, в Японии было большинство» [Авдюшенкова, 2018, с. 399]. Даже двери в сегодняшних квартирах не приспособлены для выноса гроба. Здесь умирание является нормальным объектом медицины, экономики и технологии — к нему относятся прагматически-рационально, ему пытаются противодействовать доктора, но оно никак не осмысляется духовно. «В сегодняшнем высокотехнологичном мире драматический процесс умирания каждого конкретного человека для его друзей или членов семьи часто скрывается под покровом металлически и механически оснащенных учреждений, — читаем у Имамити. — Термин “танатология” употребляется для описания момента смерти — *thanatos*. Но смерть предполагает умирание. Танатология игнорирует умирание. Почему? Во-первых, потому что сухая информация о смерти легче переносится, чем необходимость сострадания умирающему, жизнь с умирающим, бытие с драмой умирания. Во-вторых, потому что технологический образ мышления нашел новую абстракцию, которая акцентируется на эффекте, результате и исключает процесс» [Imamichi, 1983, p. 2–3]. Смерть становится просто информацией, оповещающей семью и друзей о свершившемся акте. Японский философ сокрушается: «Технологии лишают человека драматизма умирания. Само по себе умирание изначально является временн*ы*м сроком, в котором происходит космическая метаморфоза индивидуума от временного существования в вечный покой. Как рождение является космической эпифанией животворной силы в индивидууме, так и смерть является не только последней фазой боли, но и последней возможностью человека проявить себя. В таком самопроявлении умирающий субъект есть единственный главный герой этого драматического напряжения, так как человек должен в одиночку пережить отведенный ему срок умирания» [Imamichi, 1983, p. 4].

В рамках своей эко-этики японский ученый ратует за то, чтобы в современном высокотехнологичном обществе отношение к процессу умирания было четко определено, а не выносилось за границы человеческого сознания. Он переосмысливает знаменитое базовое положение философии Р. Декарта “Cogito, ergo sum” («Мыслю, следовательно, существую») как “Morior, ergo sum” («Умираю, следовательно, существую»). «Не должно быть нечеловеческого умирания, а должно быть умирание по-

[5] От латинского *accidere,* «падать на что-либо». Термин Аристотеля, обозначающий случайное, почти всегда несущественное свойство вещи. В философии акциденция противопоставляется сущности (субстанции) и означает происшедшие от некоторого процесса случайности, свойства и назначения которых не принадлежат к постоянному.

человечески. Это означает, что нечеловеческое биотехническое количественное продление жизни не должно быть разрешено. На учебных семинарах по эко-этике должна быть серьезно обсуждена моральная возможность эвтаназии» [Imamichi, 1983, p. 10]. Когда боль превышает границы человеческого достоинства, он превращается в животное, и подлинно гуманная смерть возможна лишь тогда, когда сам умирающий находится в сознании и ясно отдает себе отчет в том, что умирает. Философ же посредством эко-этических размышлений проясняет значение умирания как места личного целеполагания с телеологической точки зрения. При этом он обязан учитывать геронтологические проблемы: «Технологический период — это не только период в жизни такого общества, где много технического оснащения, но также период в жизни общества, где много старых и больных людей. Предыдущая этика была, собственно, ориентирована на моральную подготовку молодых поколений к их деятельности на поле боя реальной жизни… Эко-этика должна служить не только молодым, но и старшим генерациям, завершившим этап своей активной рабочей деятельности» [Imamichi, 1983, p. 10].

Заключение

Подводя итоги, отметим прежде всего глубину теоретического погружения японского философа в тему умирания и смерти. Его рациональный, дедуктивный метод исследования выстраивается в рамках полемики как с религиозной трактовкой смерти, выступающей закономерным итогом греховной жизни человека, так и с философской трактовкой смерти Хайдеггером и Сартром, наиболее близкой взглядам ученого. В основании метода лежит логика Аристотеля: принцип вывода от общего — к частному. В случае Имамити — от «ограничения — к ограниченному», от Ничто — к отрицанию, ограничению как основе идентичности сущих; от ограничения – к смерти и т. д. Еще одна характеристика метода Имамити — его диалектический характер: отрицание есть в то же время утверждение — качество сущего таково именно потому, что оно не является каким-либо иным сущим; также здесь наличествует отрицание отрицания — трансцендирование души к Бытию как отрицанию Ничто.

Религиозные убеждения Имамити Томонобу реализованы в его рассуждениях о взаимном ограничении Бытия и Ничто. Хотя последнее и уничтожает тело и все мирские «дела и вещи», развитая духовная сущность — неуничтожима, и после смерти заключается в объятия бесконечного Бытия, ограничивающего Ничто (т. е. смерть).

Танатология японского профессора есть неотъемлемая часть его общефилософской концепции «метатехники», описывающей совершенно новое — высокотехнологичное — окружение сегодняшнего индивидуума. Высокие скорости в такой надприродной среде не только «урезают» длительность из человеческой жизни и сосредоточиваются лишь на конечном результате жизненных процессов. Они неизбежно приводят к умалению значения глубокого размышления и всестороннего обдумывания в сравнении с востребованной мгновенной «быстроты реакции на сигнал». В итоге это ведет к искажению природы человека (неуклонно стареющего, но остающегося незрелым). Превращение смерти индивидуума в «*акцидент*» есть явление того же порядка.

Литература / References

Авдюшенкова И. В. Новые погребальные практики в современной Японии. Дзюмокусо: — погребения под деревьями // *История и культура Японии*. № 11. СПб., 2018 [Avdyushenkova I. V. New Burial Forms in Contemporary Japan: Jumokuso: — Burials Under Trees // *History and Culture of Japan*. Vol. 11. Saint-Petersburg, 2018 (in Russian)].

Берестнев Г. И. Семиотика страха: смерть, игра, черный юмор // *Человек*. 2019. № 1. С. 154–172 [Berestnev G. I. The Semiotics of Fear: Death, Game, and Black Humor // *Chelovek*. 2019. 1. Pp. 154–172 (in Russian)].

Имамити Томонобу. *Би-но исо то гэйдзюцу* (Фазы красоты и искусство). Токио, 1984 [Imamichi Tomonjdu. *Bi-no iso: to geijutsu (Phases of Beauty and Art*). Tokyo, 1984 (in Japanese)].

Кэнноскэ Накамура. *Чувство жизни и смерти у Достоевского*. СПб., 1997 [Kennosuke Nakamura. *Sense of Life and Death in Dostoyevsky*. Saint-Petersburg, 1997 (in Russian)].

Толстой Л. Н. Смерть Ивана Ильича // Толстой Л. Н. *Собрание сочинений в 22 томах*. Том 12. М., 1982 [Tolstoy L. N. The Death of Ivan Ilyich // Tolstoy L. N. *Collected Works in 22 vv*. Vol. 12. Moscow, 1982 (in Russian)].

Фромм Э. *Вы будете как боги*. М., 2014 [Fromm E. *You Will Be Like Gods*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Хайдеггер М. *Бытие и время*. М., 2011 [Heidegger M. *Being and Time*. Moscow, 2011 (in Russian)].

Imamichi Tomonobu. Eco-ethishe Betrachtungen uber die Neige zur Vergessenheit eines wichtigsten Prozesses // *Acta institutions philosophiae etaesthetical*. Vol. 1. Tokyo, 1983. S. 1–10.

Imamichi Tomonobu. Hight Speed Society and Art // *Studia Comparata de Aesthetica*. Vol. 7. Tokyo, 1982. Pp. 85–90.

ПЕРВОЕ ПОДНОШЕНИЕ БУДДЕ: БЕДНАЯ ТРАПЕЗА И БОГАТСТВО СМЫСЛОВ. ЧАСТЬ II

Н. В. Александрова, М. А. Русанов*

Во второй части статьи, посвященной агиографическому сюжету о двух купцах, ставших первыми буддийскими донаторами, рассматриваются важные эпизоды, анализ которых проливает свет на проблемы, связанные с ролью мирян в общине в период ее формирования. Рассказы об обретении чаши для подаяния, о принятии благотворителей в сангху, о получении ими реликвий позволяют составить представление об идеях, лежавших в основе взаимодействия монашеского сообщества и светских последователей буддийского учения. Исследование основано на использовании как индийских (санскритских и палийских), так и китайских буддийских текстов.

Ключевые слова: буддизм, буддийская агиография, буддийская община, литература винаи, почитание реликвий.

THE FIRST OFFERING TO BUDDHA: A POOR MEAL, BUT A WEALTH OF MEANING. PART II

Natalia V. Aleksandrova, Maxim A. Rusanov

In the second part of the article devoted to the hagiographic story of the two merchants who became the first Buddhist donators we continue to consider important episodes of the legend. Analysis of this data sheds light on the problems of the role of lay people in the early community. The narratives about receiving the alms bowl, about acceptance of the benefactors into the Buddhist community, about getting of the relics allow better understanding the concepts underlying the interaction of the monastic fraternity with the Buddhist laity. The study is based on the research of Indian Buddhist texts in Sanskrit and Pali, as well as on Chinese written sources.

Keywords: Buddhism, Buddhist hagiography, Buddhist community, Vinaya literature, Relic Worship.

---

* Наталия Владимировна АЛЕКСАНДРОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; старший научный сотрудник Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; surnevo@mail.ru

Natalia V. ALEKSANDROVA; PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Senior Research Fellow, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University — Higher School of Economics, Moscow; surnevo@mail.ru

Максим Альбертович РУСАНОВ, кандидат филологических наук, профессор Института классического Востока и античности Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики», Москва; marusanov@yandex.ru

Maxim A. RUSANOV, PhD (Philology), Professor, Institute of Oriental and Classical Studies, National Research University — Higher School of Economics, Moscow; marusanov@yandex.ru

В первой части нашей работы были рассмотрены начальные эпизоды буддийского предания о Трапуше и Бхаллике — двух купцах, совершивших первое подношение Будде после его просветления и ставших первыми буддистами-мирянами. Анализ различных вариантов рассказа о встрече торговцев с Татхагатой и приношении ими пищи позволил сделать вывод о связи этой части легенды с культом деревьев, который всегда был широко распространен в Индии[1].

Еще один важный элемент, присутствующий во всех версиях сюжета о Трапуше и Бхаллике, — это подношение чаши богами.

Будда, готовый принять подношение купцов, задумывается о том, как он может это сделать. Во всех текстах в той или иной форме провозглашается, что он не может взять предложенную ему пищу в руки. Мотивировка этого запрета также довольно единообразна: «Татхагаты не принимают [еду] в руки» (na kho tathāgatā hatthesu paṭiggaṇhanti)[2].

«Виная дхармагуптаков» дает размышления Будды в более развернутой форме: «Тогда Почитаемый в Мире подумал так: “Вот два человека совершили подношение меда и жареного зерна. В какой же сосуд я приму это?” Затем он сказал: “Будды прошлого, татхагаты, достигшие правильного просветления, чем пользовались, чтобы принять [подношение] еды? Будды, Почитаемые в Мире, не принимали еду в руки”»[3].

Особенно четкая формулировка содержится в «Винае махишасаков»: «Почитаемый в Мире подумал: “Все будды прошлого принимали [подаяние] с помощью патры (鉢). Так же будут поступать и будущие будды. Я теперь должен принять дар, используя патру”»[4].

Боги-хранители четырех сторон света без слов понимают мысль Татхагаты. Ни в одном из текстов Будда не обращается к богам с просьбой. Всякий раз они узнают о его потребности сверхъестественным образом.

Согласно палийской Винае, четыре божества сторон света приносят Бхагавану «четыре каменные чаши» (cattāro selamaye patte). Такая же ситуация представлена и в Винае дхармагуптаков, согласно которой боги принесли «каменные чаши» (石鉢). В тексте махишасаков значатся «чистые и благоуханные каменные чаши» (香淨石鉢), которые охарактеризованы эпитетом 自然, что можно истолковать как «[возникшие] сами собой». Смысл этого определения помогает понять текст из «Сутры о благом явлении царевича», переведенной Чжи-цянем: «Тогда четыре царя богов, издалека узнав, что Будде нужна чаша (鉢), подобно людям, кланяясь и сложив руки [в знак почитания] (如人屈申臂頃), отправились на гору Эна (頞那山). Стоило им только подумать об этом, как изнутри камня сами собой появились четыре чаши — благоуханные, чистые,

[1] О буддийском мотиве приношения пищи, связанном с культом деревьев, см. также [Александрова, 2018, с. 39, 43].

[2] Vinaya, Mahāvagga, I, 4 // *Pāli Tipiṭaka*. URL: https://tipitaka.org/romn/ (дата обращения 01.03.2019).

[3] 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0781c28– 0782a02 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

[4] 彌沙塞部和醯五分律, 宋罽賓三藏佛陀什共竺道生等譯. T1421, 22.0103a22–23 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

незапятнанные (石中自然出四鉢。香淨潔無穢). Каждый из четырех богов взял по одной чаше, они вернулись и преподнесли их Будде»[5].

Остается неясным, какой индийский топоним (вероятно, мифологический) стоит за транскипцией *Эна* (頞那), но для нашей темы имеет значение, что чаши не изготовлены ремесленником, не созданы богами, а являются порождением горы.

Такое же дарение четырех каменных чаш фигурирует и в «Сангхабхедавасту» [Saṅghabhedavastu, I, 1977, p. 122–126].

В других памятниках этот эпизод усложнен введением дополнительного мотива. Так, в «Ниданакатхе» Будда не сразу принимает дар богов: «Тогда, узнав его мысли, Четыре Великих Правителя с четырех сторон света поднесли чаши, сделанные из сапфира (indanīlamaṇimaye patte). Бхагаван отверг их. И они снова поднесли четыре чаши, сделанные из камня бобового цвета (? muggavaṇṇaselamaye)» [Jātakaṭṭhakathā, 1992, p. 210].

В «Махавасту» приводится целый список драгоценных материалов, чаши из которых были отвергнуты Бхагаваном; он согласился принять лишь «четыре каменные чаши» (catvāro śailapātrāṇi) [Mahāvastu, 2004, p. 181–182].

Особый вариант сюжета предлагает санскритская «Лалитавистара». «Дарение чаши» здесь также начинается с пространного перечня драгоценностей, из которых были изготовлены сосуды, не принятые Татхагатой. Однако далее в рассказ вводятся новые персонажи. Один из богов сторон света вспоминает событие, имевшее место когда-то в прошлом: «Тогда Великий Правитель Вайшравана обратился к трем другим Великим Правителям:

— Почтенные, боги из разряда Синих (nīlakāyika) отдали нам четыре каменные чаши (śailapātrāṇi). Тогда мы подумали: “Будем из них есть”. Но бог из разряда Синих по имени Вайрочана сказал нам:

(84) Не ешьте из этих сосудов, храните их, достойных почитания как чайтья; [когда] будет Победитель по имени Шакьямуни, преподнесите эти чаши ему.

(85) Почтенные, [пришло] время, [настал] срок преподнести Шакьямуни сосуды; с пением и игрой на музыкальных инструментах, мы отдадим чаши, совершив поклонение.

(86) Он — сосуд, состоящий из дхармы (bhājanaṃ dharmamayaṃ), который не разобьется, а эти каменные сосуды могут быть разбиты, никто другой не сможет [их] принять — пойдем, чтобы [они] были приняты» [Lalitavistara, 1987, p. 317–318].

Никаких других упоминаний о богах «из разряда Синих» в буддийской литературе обнаружено не было [Edgerton, 1998, vol. II, p. 310]. Можно только сказать, что они мыслятся как группа, занимающая более высокое положение, чем боги четырех сторон света (mahārāja «Великие Правители»).

Финал эпизода выглядит одинаково во всех текстах. Будда соединяет все четыре чаши и делает из них одну. При этом он руководствуется мыслью, что, приняв чашу одного бога, он лишит заслуги трех остальных. Упоминаются и линии, идущие вдоль края чаши Будды и оставшиеся от соединения сосудов.

[5] 佛說太子瑞應本起經, 吳月支優婆塞支謙譯. T0185, 03.0479b01–04 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

Первый вопрос, возникающий при анализе эпизода дарения чаши, — это вопрос о необходимости этого предмета монашеского обихода. Почему Будда говорит, что он не может принять предложенную ему пищу в руки? В категорическом утверждении, что Татхагаты никогда не берут подношение в руки, содержится хотя и не сформулированное, но вполне ясное противопоставление себя и своих норм поведения другим людям и их нормам. Если требуется подчеркнуть, что будды чего-то не делают, значит, есть кто-то, кто делает именно так. Показательно, что в ранней версии «Лалитавистары» (перевод Фа-ху) прямо говорится: «Не следует, как другие подвижники, получать еду в руки» (不宜如餘道人手受食也)[6]. Действительно, среди приверженцев иных шраманских учений, противников и оппонентов буддизма, пользовалось популярностью идея полного отказа от какого-либо личного имущества. Так, адживики и часть джайнов не носили одежду, рассматривая наготу как важный элемент подвижничества. В «Махасаччака-сутте» последователи Маккхали Госалы (адживики), охарактеризованы как «лижущие [свои] руки» (hatthāpalekhana) — по мнению ряда исследователей, это говорит о том, что монахи-адживики не имели чаш, а принимали подаяние непосредственно в руки. Хотя существуют и контексты, где говорится, что Маккхали носил чашу [Basham, 2002, p. 118, 121]. В текстах брахманизма имеются упоминания о подвижниках (parivrājaka), которые, достигнув высокой степени самосовершенствования, бросали в воду свое последнее имущество — набедренную повязку, посох и кувшин (kamaṇḍalu), становясь свободными от любых привязанностей к предметному миру [Paramahaṃsaparivrājakopaniṣad, 1983, p. 419]. В канонических текстах джайнов-шветамбаров монаху разрешается иметь чашу (paḍiggahā, pāya; или даже две чаши — для твердой и мягкой пищи) [Schubring, 2000, p. 258–259]. Однако в стихах тамильского поэта Самбандара (VII в. н. э.), шиваита и убежденного противника шраманских религий, буддисты регулярно описываются как «обладатели чаш», а джайны как «те, кто ест с руки, стоя на ногах» [Павлова, 2014, с. 135]. По-видимому, слова о татхагатах, которые не принимают милостыню в руки, подразумевают противопоставление буддистов сторонникам аскетических практик, чьи лидеры, как и Будда, претендовали на достижение просветления.

В то же время наличие постоянной чаши отличает Будду (и буддийского монаха) не только от приверженцев крайнего аскетизма, но и от обычных мирян. Традиционно в Индии посуда, использовавшаяся для еды, была одноразовой. Не только пальмовые листья, на которые клали вареный рис, но и глиняные и деревянные сосуды выбрасывали сразу после употребления [Сюань-цзан, 2012, с. 61].

Таким образом, обладание чашей предстает не просто как элемент быта, использование предмета, который делает получение милостыни более удобным, но как непременный атрибут и отличительный знак монаха из буддийской общины. Согласно Винае, чаша входит в число восьми личных принадлежностей (parikkhāra) монаха. Получение и смена чаши сопровождаются специальными обрядовыми действиями [Upasak, 2001, p. 133–135].

Однако среди прочих предметов монашеского обихода чаша имела особое значение. Буддийская сангха состоит из монахов (bhikṣu) и мирян (upāsaka), первые

[6] 佛說普曜經，西晉月氏三藏竺法護譯. T0186, 03.0526c01 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

стремятся достичь освобождения, а вторые, не имея такой возможности, ставят своей целью получение «заслуг» (puṇya). Наиболее регулярный способ обретения «заслуги» — это милостыня; именно с ее помощью мирянин обеспечивает существование монаха. Можно сказать, что чаша является своеобразной «точкой схождения» интересов: в ней монах получает пищу, необходимую для поддержания тела в состоянии способности к медитации и проповеди, а мирянин совершает даяние пищи, обеспечивающее ему благое рождение в будущем.

Чаша Будды — это своего рода прообраз всякой монашеской чаши, она тоже сопряжена с этими же смыслами: божества обещают Трапуше и Бхаллике возможность обрести великую заслугу, а медитирующему под деревом Будде, которому предстоит отправиться в Мригадаву и произнести первую проповедь, необходима пища. При этом чаша Будды отличается от чаши обычного монаха: она воспринимается как святыня, и потому агиографический сюжет предлагает обоснование для ее особого сакрального статуса. Если монахи получают чашу как дарение от мирян, то чаша Будды — это дар богов. Боги-хранители четырех сторон света приносят четыре чаши, т. е. каждая из них ассоциирована с определенной стороной света; в руках Будды они соединяются воедино — через этот агиографический мотив чаша Татхагаты предстает в качестве центра мироздания.

Особым является и материал, из которого сделана чаша. Обычные монашеские чаши делались из глины или железа. Изготовление чаши из дерева и драгоценных материалов рассматривается в Винае как серьезная провинность, запрещалось также использование в качестве посуды тыквы и черепа [Upasak, 2001, p. 134]. В ряде версий предания Будда, действительно, отказывается от драгоценных сосудов, его чаша сделана из камня. В двух версиях предания — в сутрах, переведенных Чжи-цянем и Фа-ху — чаши, подаренные богами, сами собой (自然) возникают из горы. Следовательно, они не созданы богами и не принадлежали богам, они пребывают в мире изначально, будучи предназначены Будде.

В реальной жизни каменная чаша вряд ли была возможна: она была слишком тяжелой, чтобы монахи могли носить ее с собой. Чаша из камня — скорее не предмет обихода, а изображение предмета, объект поклонения, который должен покоиться в святилище.

Прямое сопоставление чаши со святилищем мы находим в санскритской «Лалитавистаре», где бог Вайрочана говорит богам четырех сторон света: «Не ешьте из этих сосудов, храните их, достойных почитания как чайтья» (mā eṣu bhokṣyatha bhājaneṣu dhāretime cetiyasaṃmatīte). Этот же образ в развернутом виде представлен в записках Сюань-цзана в рассказе о строительстве первых ступ в Балхе, представляющем собой продолжение истории двух купцов. Когда Трапуша и Бхаллика, собираясь на родину, спросили Будду, как следует почитать реликвии, он молча расстелил на земле свою одежду, поставил на нее опрокинутую чашу, а над ней водрузил посох «подобно тому порядку, как сооружается ступа» [Сюань-цзан 2012, с. 47]. Иными словами, чаша Татхагаты стала прообразом купола ступы.

Прекрасный рассказ о дальнейшей судьбе чаши Будды приводит китайский паломник V в. Фа-сянь: «В этой стране Фа-сянь слушал, как некий индийский монах, восседая на высоком сиденье, произносил сутру, гласившую: “Первоначально патра Будды пребывала в Вайшали, ныне пребывает в Гандхаре”. Через много сотен лет —

когда Фа-сянь слушал проповедь, число лет было точно указано, но теперь он его не помнит — перейдет в страну западных юэчжей, еще через много сотен лет — в страну Хотан, еще через много сотен лет — в Ханьскую землю, еще через много сотен лет — в страну Симхала, еще через много сотен лет — вернется в Индию. Затем она вознесется на небеса Тушита. Бодхисаттва Майтрейя увидит патру и произнесет в восхищении: "Явилась патра почтенного Будды Шакьямуни!" Дэвы соберутся и семь дней будут приносить дары цветами и благовониями. По истечении же семи дней она возвратится в Джамбудвипу, и царь морских драконов внесет ее в драконий дворец. Ко времени, когда Майтрейе суждено обрести просветление, патра вновь разделится на четыре части и вернется к изначальному своему месту — на гору Аньна. Когда Майтрейя достигнет просветления, четыре царя дэвов вновь обратят свои помыслы к Будде, как это было во времена прежнего учения Будды. Все 1000 будд бхадракальпы будут владеть одной патрой.

Когда исчезнет патра, иссякнет [время] учения Будды. Когда иссякнет учение Будды, срок жизни людей сократится до пяти лет, и в эти пять лет всего будет не хватать — и риса, и масла. Тогда народ, жестоко озлоблен, станет выдирать траву и деревья, но [травы] превратятся в ножи, [а деревья] — в палки; и все бросятся друг друга колотить, резать да убивать. Но останутся еще среди них достойные, и удалятся они в горы. Когда все грешники перебьют друг друга, они вернутся и станут говорить между собой так: "В прошлые времена жизнь людей была очень долга, и лишь из-за дурных дел и поступков, противных учению, срок нашей жизни сократился до пяти лет. Ныне нам всем должно следовать добру, взращивать в сердце любовь и сострадание, утверждать веру и добродетель. И, если каждый последует вере и добродетели, срок жизни человеческой удлинится до 80 000 лет. Когда же в мир явится Майтрейя и начнет вращать Колесо Учения, то прежде всего спасет тех последователей Учения, завещанного Шакьей, кто ушел от мира, кто принял 'три защиты', кто приносил дары 'трем сокровищам'. Во вторую же и в третью очередь он спасет тех, кто связан [мирскими узами]". Фа-сянь пожелал переписать эту сутру, но сей человек сказал: "Это не сутра, но откровение моего сердца"» [Александрова 2008, с. 147–148].

В этом фрагменте чаша отождествляется с самой дхармой: время странствий этой реликвии по миру приравнивается к периоду существования буддийского учения, а ее уход из земного мира равнозначен исчезновению общины Будды Шакьямуни[7].

Дарение чаши — важнейший в смысловом отношении эпизод рассказов о Трапуше и Бхаллике, но сюжет о подношении купцов на этом не заканчивается: дарители должны были получить то «благо», которое было обещано божеством, прервавшим их путь.

Согласно всем текстам, Трапуша и Бхаллика становятся первыми буддистами-мирянами (upāsaka). Для этого им следовало произнести известную формулу о «принятии прибежищ» (śaraṇa, пали saraṇa). В отличие от обычного перечисления «трех прибежищ» — Будда, дхарма, сангха — они называют лишь два, поскольку сангха, буддийская община, еще не существует. В палийской Винае купцы произносят слова о прибежищах по собственной инициативе, но в других памятниках говорится, что Будда призвал их сделать это.

[7] Еще о символике патры см.: [Александрова 2008, с. 96].

В Винае дхармагуптаков этот эпизод представлен следующим образом:

Он принял у торговцев жареное зерно и мед и, приняв у торговцев жареное зерно и мед, прибегнул к разъяснениям (勸喻) и обратил (開化) их [в истинное учение]. Он произнес клятвенное обещание:

«Поскольку вы совершили дарение,
вы непременно обретете пользу и истину;
Если совершать дарение с радостью,
То непременно обретешь блаженство и радость!
Вы, торговцы, теперь можете прибегнуть к Будде, прибегнуть к дхарме».

Они выслушали наставление Будды и сказали: «О обладающий великой добродетелью, мы теперь прибегаем к Будде, прибегаем к дхарме». Они стали самыми первыми среди *упасаков* (優婆塞) и получили два прибежища. Эти два брата-торговца — самые главные [среди мирян][8].

Это первенство и главенство Трапуши и Бхаллики среди буддистов-мирян подчеркивается во всех источниках. Модель существования буддийской общины, основанная на получении монахами даров от мирян, которые, в свою очередь, приобретают религиозную заслугу (puṇya), заложена именно в этом эпизоде.

Собственно, puṇya и есть то «благо», которое божество сулило караванщикам, призывая их совершить подношение. Это «благо» мыслится не как некая абстракция, в ряде текстов оно разворачивается в длинную череду благ, которые ожидают дарителей в ближайшем будущем. Так, в «Сутре о благом явлении царевича» Будда обращается к Трапуше и Бхаллике с пространной речью, в которой обещает награду не только им, но и всем жертвователям: «Ныне вы, податели пищи, обрели великую силу. И в будущем во все времена дарители будут обретать намерение [достичь просветления], будут обретать прекрасный облик, будут обретать силу, будут обретать почтительность, будут обретать радость. Они будут пребывать в блаженстве, избавятся от болезней, получат постоянную защиту и долголетие. Зловредные духи не смогут беспокоить их и приблизиться к ним. Имея благие помыслы, они утвердятся в добродетели, проникнут в сущее. Благие духи постоянно будут охранять их (…)»[9].

В наиболее развернутом виде тема награды, ожидающей новообращенных купцов, присутствует в «Махавасту» [Mahāvastu, 2004, p. 182–185] и «Лалитавистаре» [Lalitavistara, 1987, p. 322–326]. Эти памятники содержат два варианта одного стихотворного текста, представляющего собой весьма многословное благословение, адресованное странствующим торговцам. Фрагмент построен как перечень космологических элементов, распределенных по сторонам света. В какую бы сторону ни отправились купцы, их ждет удача:

dhanaiṣiṇāṃ prayātānāṃ vaṇijāṃ vai diśo daśa |
utpadyantāṃ mahālābhās te ca santu sukhodayāḥ || [Lalitavistara, 1987, p. 323, строфа 111].

---

[8] 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0782a06–13 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

[9] 佛說太子瑞應本起經, 吳月支優婆塞支謙譯. T0185, 03.0479b10–13 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

«У купцов, стремящихся к богатству, отправившихся в десять сторон света, пусть появится великая прибыль, и пусть будут они удачливы в начинаниях».

Далее речь идет о четырех главных сторонах света: каждая из них характеризуется через перечисление связанных с ней созвездий и божественных существ. Всякий раз называется имя Великого Правителя, т. е. божества-хранителя стороны света, упоминаются его сыновья и обитающие там божественные девы. Для востока и юга названы также святилища (*cetiya*), для запада и севера — священные горы. Каждый из этих элементов буддийского космоса объявляется покровителем купцов-караванщиков.

Можно высказать предположение, что этот фрагмент из «Махавасту» и «Лалитавистары» некогда был самостоятельным текстом, имевшим хождение в качестве ритуального благословения для торговцев, отправляющихся в дальний путь. Однако его включение в рассказ о Трапуше и Бхаллике выглядит вполне органичным. Он становится благопожеланием, которое сам Будда произнес во имя успеха двух купцов, которым предстояло долгое путешествие, что создавало прецедент, позволявший монахам таким же образом благословлять других купцов, поддерживавших общину.

Интересно отметить также и то, что в «Лалитавистаре» благословение торговцев дополнено «пророчеством» (vyākaraṇa), в котором Будда предрекает, что Трапуша и Бхаллика станут Победителями (jina), т. е. сами достигнут просветления [Lalitavistara, 1987, p. 326, строфы 153–154]. Это значит, что Татхагата объявляет двух купцов не только мирянами, но и бодхисаттвами. Такое дополнение можно рассматривать как реализацию в сутре махаянских идей.

Однако в «Лалитавистаре», где повествование украшено многими деталями и отступлениями, отсутствует важный элемент истории Трапуши и Бхаллики, представленный во многих других памятниках. Два странствующих купца, сделавшись первыми мирянами, стали также и первыми строителями буддийского святилища.

Согласно «Нидана-катхе», покидая Будду, купцы попросили его дать им некий предмет для поклонения (paricāritabbaṭṭhāna). Бхагаван провел правой рукой по голове и вручил новообращенным прядь своих волос в качестве реликвии (kesadhātu). Прибыв в родной город, торговцы поместили святыню в золотой ларец и воздвигли над ним чайтью [Jātaṭṭhakathā, p. 211]. В «Махавасту» Будда вручает купцам не только прядь волос, но и кончики своих ногтей, вследствие чего они воздвигают не одно святилище, а два — «ступу волос» (keśastūpa) и «ступу ногтей» (nakhastūpa).

В палийской Винае и Винае махишасаков эпизода вручения реликвий нет, но в Винае дхармагуптаков он изложен с наибольшей полнотой:

Затем два торговца обратились к Будде: «Теперь мы хотим отправиться отсюда в родные места. Скажи, когда мы придем туда, как можем обрести заслугу (福 puṇya)? Как совершать поклонения и подношения?» Почитаемый в Мире понял их мысль. Он дал им [прядь] волос и [кусочек] ногтя и сказал: «Возьмите это и отправляйтесь в путь, вы обретете заслугу, совершая поклонение и подношения [этим реликвиям]». Тогда торговцы, хотя и получили волосы и ноготь, не могли с должным чувством совершать подношения [этому] и сказали: «Такие волосы и ногти обычные люди считают не имеющими ценности предметами, которые выбрасывают. Скажи, как Почитаемый в Мире будет принимать у нас подношения?» Почитаемый в Мире понял сокровенные мысли торговцев. Он сказал торговцам: «Вы никогда не должны позволять [такого же]

пренебрежительного отношения к волосам и ногтям Татхагаты, как к волосам, выросшим [у людей]. И не должны говорить, что обычные люди считают их не имеющими ценности. Вы спрашиваете — как Татхагата повелевает вам совершать подношения? Торговцы должны знать: повсюду — в мире богов, [среди богов мира] Мары (魔眾), [среди богов мира] Брахмы (梵眾), среди шраманов и брахманов — боги и люди совершают подношения и поклонение волосам и ногтям Татхагаты. Пусть боги и обычные люди, [боги мира] Мары, [боги мира] Брахмы, шраманы и брахманы обретут заслуги, которые нельзя измерить»[10].

Как можно видеть, история Трапуши и Бхаллики призвана очертить круг обязанностей буддиста-мирянина, которые являются одновременно способом обретения «заслуг». Причем, если в одних памятниках главной добродетелью *упасаки* провозглашается подношение даров (в первую очередь — пищи), то в других к этому добавляется почитание реликвий и строительство ступ. Как известно, основным каноническим текстом, в котором обосновывается сооружение ступ и поклонение мощам Татхагаты, является «Махапаринирвана-сутра». В ней речь идет о погребальных ритуалах, совершаемых после ухода Будды из мира и завершающихся получением мощей. Соответственно, тема ступы в этой сутре связана именно с преданием о появлении мощей. В рассматриваемом же нами сюжете возведение ступ и поклонение им фигурируют как элемент поведения идеального мирянина.

В некоторых вариантах предания история о подношении пищи осложнена еще одним эпизодом. Еда, которую принесли купцы, вызвала у Будды недомогание. Такую версию финальной части рассказа мы обнаруживаем в «Махавасту». Правда, в интересующем нас фрагменте текст ключевой фразы в издании Э. Сенара неясен: vāṇijakānāṃ madhutarpaṇaṃ pītaṃ pītena bhagavato te ca abhiṣyanditā [Mahāvastu, 2004, p. 181–186], но если принять амендации, предложенные Ф. Эджертоном [Edgerton, 1998, vol. II, p. 57, сл. ст. “abhiṣyandati”] и Дж. Джонсом [Mahāvastu, 1956, p. 298, n.3], и читать pittā… abhiṣyanditā, то можно предложить перевод: «Вкусил медовое кушанье купцов, и желчь [у него] пришла к переизбытку». Тогда логика рассказа становится достаточно ясной. Впервые поев после семи дней голодания, Будда почувствовал себя плохо. Узнав об этом, Шакра принес ему плод *харитаки* (harītakī, Terminalia Chebula). Приняв этот плод в качестве лекарства, Бхагаван исцелился. Оставшийся черенок он посадил в землю, и в течение дня на этом месте выросло большое дерево с плодами и цветами, ставшее первым «чудесным деревом» (ṛddhīvṛkṣa), созданным Буддой.

В «Сангхабхедавасту» этот эпизод рассказан с иными подробностями. Получив подношение купцов, Будда с чашей отправился на берег Найранджаны, где съел мед и лепешки. Еда вызвала у него недомогание, названное в тексте vātābādhikaṃ glānyaṃ «слабость из-за болезни, [вызванной] ветром [в теле]». Это стало известно «злодею Маре», который тут же явился и предложил Татхагате уйти в паринирвану, потому что наступило «время для паринирваны». Будда ответил, что не уйдет из мира до тех пор, пока у него не будет учеников — монахов и монахинь, мирян и мирянок. Как и в «Махавасту», бог Шакра принес Просветленному плод харитаки, который способствовал исцелению [Saṅghabhedavastu, 1977, vol. I, p. 126].

[10] 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0782a13–25 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

Еще один вариант эпизода содержит Виная дхармагуптаков: «Тогда два брата-торговца встали с сиденья и снова отправились в путь. А Почитаемый в Мире, съев жареное зерно и мед, скрестив ноги и, не двигаясь, сидел под деревом. Он погрузился в медитацию освобождения и предавался радости. Через семь дней он поднялся из медитации. В теле у него было движение ветра (風動). То дерево называлось Джамбудвипа, поскольку оно [стояло в середине] земли, называемой Джамбудвипа (閻浮提). Он ушел от него к стоящему недалеко дереву *харитаки* (呵梨勒 harītakī). Дух этого дерева сразу уверовал в Будду. Он взял плод *харитаки* и преподнес его Почитаемому в Мире. Поклонился ему и встал в стороне. Дух дерева обратился к Будде и сказал Почитаемому в Мире: "Поскольку ты съел жареное зерно и мед, в твоем теле ветер пришел в движение. Хочу, чтобы ты теперь съел этот плод. Как только ты съешь его, он сразу же подействует как лекарство и удалит внутренний ветер". Тогда Почитаемый в Мире из сострадания принял тот [плод] и сказал: "Теперь ты прибегни к Будде и прибегни к дхарме". Тот ответил: "Пусть будет так, я прибегаю к Будде и прибегаю к дхарме". И все духи приняли прибежище, но дух дерева *харитаки* был самым первым. Тогда Почитаемый в Мире съел плод *харитаки* и под тем деревом сидел семь дней, погруженный в размышления, не двигаясь»[11].

Этот способный вызвать недоумение эпизод присутствует не во всех памятниках. Не удивительно, что его нет в «Лалитавистаре», где Бодхисаттва представлен как «бог над богами», самое совершенное существо, которое вряд ли может страдать от расстройства желудка. Но ситуации с недомоганием от первой трапезы после просветления нет и в палийской Винае. По-видимому, идея, которую данная ситуация привносит в агиографический сюжет, заключается в демонстрации того, что после достижения просветления Будда остается земным человеком — его тело все так же подвержено недугам и нуждается в лекарственных средствах. Сюжет разрабатывается по-разному, приобретая дополнительные смыслы. В «Махавасту» история завершается появлением первого «чудесного дерева», созданного Буддой. Это лишний раз подчеркивает глубокую связь буддизма с культом деревьев. Еще более развернуто эта тема представлена у дхармагуптаков: целебный плод предлагает не бог Шакра, а дух дерева, который далее, как и два странствующих купца, становится членом буддийской общины. В «Сангхабхедавасту» появление Мары, предлагающего Будде сразу уйти в паринирвану, создает смысловую связь с рассказом из «Махапариниббана-сутты», согласно которому Будда испытывает недомогание после своей последней трапезы и Мара настаивает на его уходе.

Неожиданный вариант развития агиографического сюжета дает Виная махишасаков. В ней эпизод с недомоганием следует сразу за рассказом о просветлении, и лишь после исцеления Будды к нему приходят купцы.

«Тогда в теле Почитаемого в Мире возникло недомогание, связанное с ветром (風患). Дух горы Масура (? 摩修羅) взял плод *харитаки* (訶梨勒) и преподнес Будде, чтобы Будда съел его и устранил недомогание, связанное с ветром. Будда взял его, съел, и недомогание, связанное с ветром, сразу устранилось. Он сел, скрестив ноги, и сидел семь дней, испытывая радость освобождения (解脫). По прошествии семи дней он встал

[11] 四分律, 姚秦罽賓三藏佛陀耶舍共竺佛念等譯. T1428, 22.0785c26– 0786a11 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

из медитации и отправился к людям. В то время [поблизости] были пятьсот торговцев, которые ехали на пятистах повозках…»[12]

В этом рассказе болезнь Просветленного не увязывается с угощением, преподнесенным Трапушей и Бхалликой. Вероятно, такая перестановка, делающая недуг немотивированным, была призвана снять с первых буддийских донаторов возможное обвинение в том, что их пища послужила причиной болезни Татхагаты.

При всех вариантах рассматриваемого эпизода за ним стоит единая трактовка образа Будды как существа, хотя и достигшего освобождения от страданий, но наделенного бренным человеческим телом. Его повседневная жизнь — образец для всех последующих поколений монахов, которые будут достигать состояния архата, но останутся подверженными болезням и испытывающими потребность в лечении.

Нужно отметить, что данный эпизод, видимо, не случайно не был воспринят составителями большинства агиографических памятников, поскольку он лежит вне того круга проблем, которые стоят за повествованием о двух купцах, предложивших Просветленному свое скромное угощение.

В завершение следует обобщить предложенные выше наблюдения, рассматривая предание о первом подношении Будде как единое целое.

Рассказ о Бхаллике и Трапуше строится как череда эпизодов, каждый из которых несет свою смысловую нагрузку. При этом в качестве сквозной темы, объединяющей все элементы сюжета, выступает установление роли мирян внутри буддийской общины.

Само появление института мирян (upāsaka) предание связывает как раз с эпизодом подношения купцов, совершенного сразу после просветления Будды. Трапуша и Бхаллика становятся прообразом всех *упасаков*, живущих семейной жизнью, но поддерживающих монастырские сообщества. Формирование сангхи начинается именно с них, поскольку проповедь в Оленьем Парке, положившая начало обращению первых монахов, еще не была произнесена.

По ходу развития сюжета в центре внимания оказываются различные аспекты проблемы взаимоотношений мирян и монахов. Первая часть рассказа — прибытие купцов на место действия и сама сцена подношения — содержит осмысление милостыни как ритуального действия. Еда, которую домохозяин дает подвижнику, сидящему под деревом, предстает в качестве «замены» жертвенной пищи, приносимой божеству дерева. Культы локальных божеств, столь важные в индийской народной культуре, были использованы для формирования буддийской топографии. Буддийский сакральный локус становится преемственным по отношению к архаичным культовым центрам.

Следующий сюжетный мотив — обретение чаши для сбора подаяния — представляет отношения между буддистами, отрешившимися от мира, и теми, кто остается в миру, в виде предмета-символа. Чаша Будды, прообраз всех монашеских чаш, всячески превозносится в рассказе: она имеет божественное происхождение, она центр мироздания, она приравнивается к святилищу (чайтье). Мирянин, помещая свое подношение в чашу монаха, соприкасается с предметом высокого сакрального статуса.

Дальнейшее развитие действия — принятие «двух защит» и благословение, произнесенное Буддой, — эксплицитно выражает главные мотивировки, которыми

---

[12] 彌沙塞部和醯五分律, 宋罽賓三藏佛陀什共竺道生等譯. T1421, 22.0103a08–12 // *The SAT Daizōkyō Text Database*. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

должны руководствоваться купцы-караванщики, посещающие священные места буддизма. Они обретают не только «заслуги», влияющие на их дальнейшие перерождения, но и получают покровительство божественных сил во всех своих начинаниях.

Эпизод вручения реликвий представляет собой важнейший акт, утверждающий особый статус мирянина в буддийской общине. Именно он (а не монах) становится строителем культовых сооружений, связанных с почитанием мощей. Эти святилища позволяют создавать «присутствие» Будды даже в тех местах, где он никогда не бывал (купцы увозят полученные реликвии на большое расстояние), тем самым создавая основу для распространения религии и делая ее способной охватывать все новые и новые территории.

Литература / References

Александрова Н. В. *Путь и текст. Китайские паломники в Индии.* М., 2008 [Aleksandrova N. V. *The Path and the Text: Chinese Pilgrims in India*. Moscow, 2008 (in Russian)].

Александрова Н. В. Сакральная топография Бодх-гаи и текстовая традиция // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 5. С. 38–47 [Aleksandrova N. V. The Sacred Topography of Bodh-Gaya and Buddhist Narration // *Vesthik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 5. Pp. 38–47 (in Russian)].

Павлова М. Б. *Проблемы раннесредневекового тамильского бхакти* (*на материале гимнов шиваитского поэта Тирунянасамбандара*). Диссертация на соискание ученой степени кандидата филологических наук. М., 2014 [Pavlova M. B. *Problems of Early Medieval Tamil Bhakti (on the Material of the Hymns of the Saiva Poet Tirunyanasambandar).* PhD thesis. Moscow, 2014 (in Russian)].

Сюань-цзан. *Записки о Западных странах [эпохи] Великой Тан.* Введение, перевод с китайского и комментарий Н. В. Александровой. М., 2012 [*Xuan-zang. Notes on the Western Lands [Composed under] the Great Tang.* Introduction, Translation and Commentary by N. Aleksandrova. Moscow, 2012 (in Russian)].

Basham A. L. *History and Doctrines of the Ājīvikas. A Vanished Indian Religion.* Delhi, 2002.

Edgerton F. *Buddhist Hybrid Sanskrit Grammar and Dictionary.* Vol. I-II. Delhi, 1998.

Jātaṭṭhakathā of śrī Buddhaghoṣa. Critically Edited and Annotated with Notes by Prof. Lakshmi Narayan Tiwari. Varanasi, 1992.

Lalitavistara. First edition ed. by P. L. Vaidya, second edition ed. by Shridhar Tripathi. *Buddhist Sanskrit Texts.* No.1. Darbhanga, 1987.

Mahāvastu Avadāna. Ed. by Dr. S. Bagchi. Vol. III. Darbhanga, 2004.

The Mahāvastu. Translated from the Buddhist Sanskrit by J. J. Jones. Vol. III. London, 1956.

Paramahaṃsaparivrājakopaniṣad. One Hundred and Eight Upanishads. Varanasi, 1983.

Saṅghabhedavastu. The Gilgit Manuscript of the Saṅghabhedavastu. Part I. Ed. by Raniero Gnoli. Serie Orientale Roma. Vol. XLIX.1. Roma, 1977.

Schubring W. *The Doctrine of the Jainas Described after the Old Sources.* Delhi, 2000.

Upasak C.S. *Dictionary of Early Buddhist Monastic Terms* (*Based on Pali Literature*). Nalanda, 2001.

Электронные ресурсы / Electronic sources

The SAT Daizōkyō Text Database. URL: http://21dzk.l.u-tokyo.ac.jp/SAT/ (дата обращения 04.07.2019).

Vinaya, Mahāvagga, I, 4 // *Pāli Tipiṭaka.* URL: https://tipitaka.org/romn/ (дата обращения 01.03.2019).

ТЮРКСКИЕ МАМЛЮКИ В СТРАНЕ ПИРАМИД В ЭПОХУ МОНГОЛЬСКОГО НАШЕСТВИЯ (XIII–XIV ВВ).

А. Ш. Кадырбаев*

Статья посвящена роли выходцев из тюркских кочевых народов, особенно кипчаков, в Египетско-Сирийском султанате в эпоху монгольского нашествия, когда они стали главной силой, отразившей монгольское нашествие, а именно, — мамлюками — воинами элитных частей, сформированными из тюркских рабов. Эпоха правления тюркских мамлюков в Египте и Сирии — время неизгладимого взаимовлияния разных цивилизаций и культур. Тюркский элемент, в частности кипчаки, сыграл важную роль в повороте исторических судеб не только Египта и Сирии, но и всей Евразии в эпоху средневековья. Разные причины обусловили миграцию кипчаков в эти страны, столь несхожие с тюркской кочевой культурой. И, хотя в итоге тюркские пришельцы были поглощены и ассимилированы высокоразвитыми цивилизациями упомянутых стран Арабского мира, они не исчезли бесследно. Особо интересной в отношении цивилизационного взаимовлияния арабов и тюрок является эпоха монгольских завоеваний XIII в., разметавшая кипчаков далеко за пределы родных степей — от Средиземного моря до Индийского и Тихого океанов. Именно в это время тюркские выходцы из степей от Алтая до Дуная, известных с XI по XIV вв. под названием Дешт-и-Кипчак — Страна кипчаков, объединяющей ныне территории от Казахстана до Восточной Европы, оказались властителями могущественных государств и сыграли важную роль не только в истории стран Арабского Востока, но и в международных отношениях того времени.

Ключевые слова: Египет, Сирия, мамлюки, Кипчаки, Монголы, султанат, Золотая Орда, Дешт-и-Кипчак, команы.

TURKISH MAMELUKS IN EGYPT AND SYRIA DURING THE MONGOL INVASION (13TH–14TH CENTURIES)

Alexander Sh. Kadyrbaev

The article is devoted to the history of Turkic Qipchaq Mamlukes — guardian troops, comprised of slaves who served in Egypt and Syrian Sultanate during the Mongol invasion. Mamlukes were representatives of Turkic peoples who came from Eurasian steppes as a result of Mongol invasion in the 13th century. This article describes the role of representatives of Turkish Qipchaq (the Kipchaks) people in Egypt-Syrian Sultanate when they served as main armed force against Mongol invaders. The historical role of Turkic Qipchaq in 11th–13th centuries was decisive. A lot of Qipchaq were taken prisoners by Mongols and sold as slaves to other countries; many of them to Egypt and Syria. The Qipchaq youngsters were considered excellent warriors for personal Guards of Moslem rulers of Egypt — Mamlukes. In 1250 the Qipchaq`s Mamlukes seized power and began to rule Egypt and Syria. After some time, Egypt and Syria were surrounded by enemies. Mongols approached from

* Александр Шайдатович КАДЫРБАЕВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kadyr_50@mail.ru

Alexander Sh. KADYRBAEV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Moscow; kadyr_50@mail.ru

the east, and Western European crusaders neared from west. The Qipchaq Mamlukes had parried both menaces. They saved Egypt from the fate of other countries, where during the time of Mongol invasion "blood flew like a river in the streets". Therefore, the Qipchaq became rulers of the huge, powerful and highly cultural country of the East — Egypt-Syrian Sultanate — and one of the main forces in international relations and world politics of 13th–14th centuries.

Keywords: Egypt, Mamlukes, Mongols, empire, nomads, Golden Horde, steppe, Qipchaq, Kipchaks, Tatars, Islam, Turks, Sultanate, guardian troops.

Монгольское нашествие раскидало тюркских выходцев из Дешт-и-Кипчака, чьи земли простирались тогда на степных просторах от Алтая до Дуная. Известно о десяти тысячах кипчаков, нашедших убежище в Византии. Среди окружения византийских императоров находились знатные кипчакские фамилии — Караджей, Алакасеев, Цитов, прославившиеся на ратном поприще, а также византийский полководец Альпамиш [Каждан, 1974, с. 148, 163, 165, 201–202, 215, 217, 244, 261–262] Часть кипчаков бежала во Второй Рим из Крыма в 1242–1243 гг. морем с согласия правителя Валахии (на территории современной Румынии), но вместо убежища подверглась вероломному нападению валахов и рассеялась по соседним странам — Дунайской Болгарии и Венгрии, где они пользовались заметным влиянием и даже становились правителями Болгарии, основавшими там не одну правящую династию. [Златарски, 1972, с. 430–480; Тизенгаузен, 1884, с. 542]. В 1239 г., когда мощная волна монгольского нашествия охватила Южную Русь и шло наступление на Киев, 40 тысяч причерноморских кипчаков-половцев во главе с ханом Котяном Сутоевичем (?–1241) откочевали в Венгрию и обрели здесь новое отечество. Известные в Венгрии под именем команы, куманы или куны, они оставили яркий след в истории и культуре этой страны. Приняв католицизм, официальную религию Венгерского королевства, куманы стали военным сословием венгерского общества и сохраняли свой тюркский язык с этническим самосознанием до XIX в., когда были ассимилированы венграми. До наших дней сохранились письменные памятники тюркского языка куманов, в частности, датируемый XIV в. словарь «Кодекс куманикус» и тюркские слова в современном венгерском языке, что отчасти объясняется как куманским, так и более поздним турецким влиянием, когда в XVI в. Венгрия на 70 лет была завоевана Османской империей [Голубовский, 1889, с. 56].

Многие из кипчаков попали в плен к монголам и были проданы в рабство. Особенно много их попало в Египет и Сирию. Арабский автор Ал-Айни писал: «Взятые в плен из этих народов (кипчаков. — *А. К.*) были отвезены в земли сирийские и египетские…» [Тизенгаузен, 1884, с. 503]. Кипчакские юноши, как и вообще тюрки, высоко ценились в качестве прекрасных воинов для личной гвардии мусульманских правителей. Этих воинов в Египте и Сирии называли мамлюками. Гвардия пополнялась рабами, купленными еще детьми и юношами, обученными военному делу и воспитанными при дворце. Как предполагалось, мамлюки должны были быть преданы своему повелителю и независимы от государственного аппарата, правительства и его чиновников. Лучшими мамлюками считались тюркские рабы [Босворт, 1971, с. 99–100].

Похожую ситуацию можно было видеть уже в большинстве мусульманских стран Ближнего и Среднего Востока в IX–X вв., когда тюрки контролировали власть в таких могущественных державах, как Багдадский халифат Аббасидов и государство

Газневидов в Индии, Иране и Афганистане, империя Саманидов в Средней Азии и Восточном Иране, Египте и Сирии при династии Фатимидов, где элитные части гвардии формировались из тюрок. Именно в это время у арабских летописцев появляется изречение, приписываемое самому пророку Мухаммаду: «Не трогайте тюрок, пока они не трогают вас!» [Barber, Stern, 1967, p. 245–246]. Еще более впечатляющее славословие принадлежит персидскому историку времен султаната Сельджуков Мухаммаду бин Али Раванди (XII в.): «Слава Аллаху, велик Он, что защитники ислама могущественны… В землях византийцев, арабов, персов и русов слово принадлежит тюркам, страх перед мечами которых прочно живет в сердцах» [Босворт, 1981, с. 33].

В Египте, куда было продано много рабов тюркского происхождения, гвардия мамлюков оказалась уже в XIII в. сформированной в основном из кипчаков. К середине этого столетия мамлюки захватили власть и стали во главе Египетско-Сирийского султаната. Именно они создали ту боевую силу, которая стала неодолимой преградой для доселе непобедимых монголов. Так, например, они не подпустили монголов к границам Египта и спасли Каир от участи Багдада и городов Дунайсера, Нисибина (Нусайбина) и Харрана в Сирии, где по свидетельству персидского историка и летописца монгольской эпохи Рашид-ад-Дина во время вторжения войск внука Чингисхана Хулагу монгольские завоеватели «учинили резню и грабеж» [Рашид-ад-Дин, 1946, с. 49]. Египет и Сирия — центры арабо-мусульманской цивилизации — находились в окружении врагов. С востока надвигались монголы, а с запада европейские крестоносцы. Мамлюки отразили обе угрозы [Тизенгаузен, 2003, с. 190].

Шаджарат-ад-Дурр — тюрчанка на египетском троне

Свергнув последнего представителя правящей династии Айюбидов Туран-шаха, мамлюки возвели на египетский трон жену его умершего отца Малика Салиха, тюрчанку Шаджарат-ад-Дурр, которая правила страной с помощью мамлюкских военачальников три месяца. Она не только блистала красотой, но и вошла в историю как деятельная правительница, одержавшая победу над крестоносцами при Дамиетте и в 1249 г. взявшая в плен короля Франции Людовика IX. По совету мамлюков она уступила трон мамлюку, туркмену Айбеку, который женился на ней и поначалу находился под ее влиянием. Но, после того как он решил жениться на другой, и отстранить ее от власти, преданные Шаджарат-ад-Дурр мамлюки по ее приказу убили Айбека. В кровавой драме, разыгравшейся при египетском дворе, погибла и сама Шаджарат-ад-Дурр, не выдержавшая противоборства с рвавшимися к власти кипчакскими мамлюками. Шаджарат-ад-Дурр стала основательницей нового султаната в Египте и Сирии, известного в истории как султанат кипчакских мамлюков Бахрийя. Ввиду того, что их главные силы дислоцировались в военном городке на острове, омываемом водами Нила, который в Египте называют «бахри» («море, река»), они стали называться «мамлюками моря» или «речными мамлюками» — бахри-мамлюками [Бахрие Учок, 1982, с. 39–52].

К этому времени западноевропейские крестоносцы, чьи опорные крепости на Ближнем Востоке еще сохранялись после первых крестовых походов, заключили союз с монголами, которых вели на завоевания внуки Чингисхана, против Египетско-Сирийского султаната. Основатель монгольской империи в Азербайджане, Персии и на Ближнем Востоке ильхан Хулагу, внук Чингисхана, сокрушивший Багдадский халифат

и казнивший его правителя – халифа, направил в 1259 г. в Каир четырех послов с письмом, в котором предупреждал султана мамлюков Мустафу Кутуза (1259–1260), что ему не спастись от монгольских армий, и требовал полной капитуляции. Кутуз приказал разрубить одного из послов пополам, а остальных обезглавить. Мамлюки приняли монгольский вызов (Буниятов, 1986, с.195).

Что касается Кутуза, то о нем аль-Макризи пишет: «Говорят, что его звали Махмуд ибн Мамдуд, что его мать была сестрой Джелаль-ад-Дина (последнего хорезмшаха). Кутуза взяли в плен татары (монголы), которые продали его в Дамаске» [Буниятов, 1986, с. 194]. Так что у Кутуза были старые счеты с монголами. Интересно отметить, что султан Кутуз принял к себе на службу многих хорезмийцев, среди которых преобладали тюрки — кипчаки, канглы, огузы-туркмены, скитавшиеся по странам Передней Азии после гибели своего предводителя — хорезмшаха Джелала ад-Дина Манкбурны и преследуемые монголами. Они представляли внушительную военную силу. Кутуз «обласкал, расспросил (их) и подарил много добра». Эмиры хорезмийцев сыграли свою роль в убийстве монгольских послов. По их мнению, «если пойдем к Хулагу под защиту, стыда и сраму не будет, но, конечно, пить из чаши, заведомо зная, что в ней будет яд и идти навстречу смерти, далеко от пути разума. Обязательства и обещания Хулагу не исполняются, потому что он после договора и обещания убил халифа и других и, если отправиться к нему, он, вероятно, поступит с нами так же». Кутуз сказал: «Если мы не опередим монголов и не поднимемся их отразить, то вскоре Египет будет опустошен, как это случилось с другими странами… Надо выбрать одно из трех: либо примириться, либо воевать, либо покинуть родину».(Буниятов, 1981, с.195) Принять последнее условие также не представлялось возможным, мамлюки уже теряли родину предков и не могли лишиться нового отечества. В 1260 г. Кутуз нанес монголам сокрушительное поражение в Сирии недалеко от Назарета у Айн-Джалуда в Палестине, у берегов реки Иордан [Киракос Гандзакеци, 1976, с. 233] и по этому случаю один из арабских авторов приводит следующие его слова: «Я тот, кто разбил монголов и отомстил за своего дядю хорезмшаха» [Буниятов, 1986, с. 195]. Кутуз с триумфом вернулся в Каир, но пал от рук заговорщиков, которых возглавил его ближайший соратник Захир Рукн-ад-Дин Бейбарс Бундуктари (Пондоктар).

Бейбарс — раб, ставший властелином

Бейбарс, в 1260 г. став султаном, дважды разбил монголов в Сирии. Личность Бейбарса интересна и противоречива. Аль-Макризи писал, что Бейбарс был родом из кипчакского племени бурдж-оглы (бурчевичей древнерусских летописей), обитавшего в Причерноморье [Тизенгаузен, 2003, с. 196], а народные арабские предания Египта связывают происхождение Бейбарса с приаральскими степями Дешт-и-Кипчака, прилегающими к Хорезму [Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса, 1975, с. 11–12]. У него были голубые глаза (вернее, один голубой глаз, так как другой был закрыт бельмом). Из-за этого недостатка он еще мальчиком был продан в Дамаске всего за 800 динаров и попал в войско мамлюков. После того как Бейбарс прошел в Сирии курс военного обучения, он стал мамлюком, быстро выдвинулся и прославился на полях сражений как талантливый военачальник. Он был главным заговорщиком среди убийц Туран-шаха (1249–1250). Это был темноволосый, высокий, физически сильный человек,

обладавший мощным голосом. Благодаря изощренному уму, железной воле, неистощимой энергии и жестокости он пробил себе дорогу к султанскому трону, не брезгуя заговорами и убийствами. Он правил Египтом более семнадцати лет (1260–1277). Бейбарс оказался мудрым правителем и способствовал экономическому процветанию Египта. В его правление были перестроены многие каналы, судоверфи, военные укрепления, необходимые для успешной эксплуатации богатств страны и ее обороны.

Главное внимание Бейбарс уделял укреплению центральной власти в Египте и поддержанию высокой боеспособности армии мамлюков. Он расправлялся с мятежными мамлюкскими эмирами любыми средствами. Ему удалось хотя бы на время своего правления свести на нет нескончаемые междоусобицы в мамлюкской среде, многие десятилетия изнурявшие страну, мешавшие налаживанию хозяйства и торговых связей. Укрепив свое положение, Бейбарс приступил к расширению границ. Победоносные походы в Сирию, Малую Азию, Судан и богатая добыча, которой он щедро наделял своих воинов, сделали Бейбарса еще более популярным среди буйных мамлюков и обеспечили ему семнадцать относительно спокойных лет правления без мятежей и переворотов. Бейбарс сломил силы крестоносцев на Земле Обетованной у Гроба Господня, отвоевав у них города Халеб (Алеппо) и Дамаск. В 1268 г. под натиском мамлюков Бейбарса пала Антиохия, в руках крестоносцев остались только Триполи и Акка. Он справился и с орденом исмаилитов-ассассинов, перед которыми с XI до начала второй половины XIII вв. трепетали владыки христиан и мусульман Ближнего и Среднего Востока [Федоров-Давыдов, 1968, с. 49–50]. К 1273 г. Бейбарсу сдались последние крепости ассассинов. Но главным противником Бейбарса оставались монголы. К числу наиболее знаменитых его побед над ними относится битва при Альбистане в Сирии в 1277 г., когда мамлюки внезапно атаковали противника «на заре». На поле сражения остались 7 тысяч монгольских воинов и 3 тысячи их союзников-грузин. Бейбарс возвращался из победоносных походов через Бабар-Наср — Врата Победы и торжественным маршем проходил с воинами-мамлюками через весь Каир, когда ликующие толпы жителей египетской столицы и купцы осыпали мамлюков золотыми и серебряными монетами [Олдридж, 1970, с. 75–80].

Бейбарс установил дружеские отношения с золотоордынскими ханом Берке, ставшим мусульманином и ярым врагом монгольского государства на Ближнем Востоке — империи ильханов Хулагуидов. Созданное монголами государство Золотая Орда, или Улус Джучи занимало бывшие кипчакские владения — Дешт-и-Кипчак — степные просторы Казахстана и Восточной Европы и уже к этому времени подверглось сильной тюркизации со стороны местного кипчакского населения [Тизенгаузен, 2003, с. 52–55]. Бейбарс, несомненно, был незаурядной личностью, способным государственным деятелем и талантливым полководцем. При нем, хотя бы на короткий срок, после столетий смут и усобиц, в Египте и Сирии воцарился порядок, своими заботами о земледелии и торговле он сумел поднять благосостояние страны и, несмотря на обременительные налоги и поборы, обеспечить жителям сносное существование. Он был религиозен, запретил употребление наркотиков и вина, курение гашиша, закрыл все питейные заведения и публичные дома. Когда в 1264 г. в Каире возник кризис с продовольствием, Бейбарс обязал знатных и богатых людей, в том числе и мамлюков, кормить за свой счет определенное каждому из них число жителей столицы. Он

беспощадно взимал дань со всех покоренных иноземных городов и правителей. Велики были его победы над монголами и крестоносцами. При этом Бейбарс был типичным деспотом, человеком своего времени. Придя к власти путем убийств, он расправлялся и с действительными, и с мнимыми врагами. Но в арабской народной памяти он сохранился как могущественный, благородный и справедливый султан, герой и защитник ислама [Олдридж, 1970, с. 80–87].

Немало мамлюкских эмиров, будь у них возможность, с удовольствием зарезали бы Бейбарса и заняли его трон. Но, в биографии Бейбарса упоминается, что султан ухитрялся появляться одновременно сразу в нескольких местах и имел двойников. Никто никогда не знал, где он будет находиться в следующую минуту, и это путало планы заговорщиков.(Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса, 1975, с.13-14)

Курд Саладин — создатель правящего сословия мамлюков в Египте

Не первый раз в истории Египта рабы становились властителями. Предшественники мамлюков — победитель крестоносцев, султан Египта, курд Салах ад-Дин (1171–1193), известный в Европе как Саладин, основатель и наиболее яркий представитель правящей до мамлюков династии Айюбидов, и особенно султан Малик Салих, — создали в Египте такие условия, что султаны, выходцы из рабов-мамлюков, стали ядром правящего класса, господствовавшего затем на протяжении 400 лет. Именно мамлюкам даровали Айюбиды поместья, земли, замки, города и целые провинции при условии, что они будут впредь нести воинскую службу.

Со времени фараонов Египет не помнил, чтобы в стране силой создавали подобную систему служилой земельной аристократии. Айюбиды принесли в Египет эту систему фактически на плечах своих военачальников, рабов-мамлюков. Это своеобразное сочетание воина-раба и феодального сеньора породило класс людей, который формировался в результате покупки новых рабов, прошедших затем адаптацию в мамлюкской системе и обеспечивающих жизнеспособность новых государственных институтов.

В целом мамлюкская система содействовала стабильности египетско-сирийского государства, хотя его и потрясали частые насильственные смены властителей. При мамлюках власть редко переходила от отца к сыну, чаще ее захватывали соперничавшие группы мамлюков, назначавшие султанами своих представителей. Этот процесс начался после падения династии Айюбидов [Тизенгаузен, 2003, с. 52–69].

Обстановка, создавшаяся после смерти последнего Айюбида, благоприятствовала мамлюкам, аппетиты и амбиции их разгорались, и они больше не расставались с властью до 1811 г. Кипчакские мамлюки установили в Египте и Сирии порядки, ставшие образцом для преемников, своеобразную «демократию», при которой мамлюки немилосердно грызлись друг с другом. Аль-Макризи постоянно упоминает, что эмиры «возвели» того или иного мамлюка в ранг султана, но в действительности это была жесточайшая борьба наиболее влиятельных мамлюков за власть, и каждый старался подольше удержаться на троне, пока его не убивали или лишали поддержки другие мамлюки. Соперничество мамлюков неизбежно вело к столкновению отдельных клик и кровопролитным сражениям на улицах столицы [Тизенгаузен, 2003, с. 197–199].

Учитывая историческую обстановку, в которой кипчакские мамлюки правили Египтом и Сирией в XIII–XIV вв., можно представить, как они могли сохранить власть

столь продолжительное время, потому что были и процветавшими землевладельцами, и купцами, но, прежде всего, они были воинами.

Калавун — основатель первой правящей династии мамлюков в Египте

В 1279 г. к власти пришла семья, которой предстояло править Египтом и Сирией 103 года. Основателем этой династии был мамлюк Калавун (1279–1291), которому дали прозвище «Человек-тысяча», так как он был куплен на невольничьем рынке за тысячу динаров. Этот плечистый красивый мужчина тоже был родом из кипчакских степей. Калавун говорил по-тюркски и плохо знал арабский язык. Он продолжал политику Бейбарса по упрочению центральной власти и создал новый отряд мамлюков, сформированный из кавказских народностей. Эти называемые в источниках «черкесские» мамлюки (Ayalon, 1949, с.135-147) были дислоцированы в каирской цитадели («бурдж» — башня цитадели) и стали называться бурджи-мамлюки, т.е. «башенные мамлюки». Они стали прочной опорой султана и противовесом его соплеменников – бахри-мамлюков, чьи эмиры нередко оспаривали трон своего повелителя.

«Смелому сопутствует удача» — гласит восточная пословица, и эти слова можно в полной мере отнести к Калавуну. Почти все свое правление он провел в военных походах за пределами Египта, сражаясь в Сирии и Малой Азии с монголами и их вассалами — Армянским и Грузинским царствами, а также с крестоносцами. В 1281 г. мамлюки Калавуна наголову разгромили 150-тысячное монгольское войско Хулагуидов, вторгшееся в пределы их государства. В 1289 г. Калавун отобрал у крестоносцев Триполи на землях, где ныне расположен Ливан. В 1291 г. под натиском мамлюков пали Акка, Бейрут, Тир, Сидон и Хайфа — последние оплоты западноевропейских рыцарей на Земле Обетованной. В 1286–1290 гг. калавун заключил торговые договоры с Генуей, Сицилией, Кастилией (Испанией). Александрия и Каир становятся посредниками в торговле между Западом и Востоком. Мамлюки распространили влияние созданного ими государства с 1279 по 1290 гг. на Нубию (ныне северный Судан) и Йемен. Мекка, святое место для мусульман, также подчинилась Калавуну. Все это обеспечивало безопасность торговых путей в Индию и отвечало интересам мамлюков и египетско-сирийского купечества [Тизенгаузен, 2003, с. 47–48].

Именно во времена Бейбарса и Калавуна были заложены основы мамлюкского государства в Египте и Сирии. Ан-Насир, единственный сын Калавуна от монгольской принцессы Аслун-хатун, наследовал в 1291 г. трон отца. Он был типичным представителем кипчакских мамлюков со всеми их пороками. Ан-Насир правил Египтом и Сирией 42 года (1294–1295, 1299–1309, 1309–1340), если не считать почти пятилетнего перерыва, когда по молодости лет он не сумел удержать власть в 1295–1299 и 1309 гг. Набравшись сил, он вернул себе трон и жестоко отомстил врагам. Ан-Насир вошел в плеяду тех удивительных правителей, вокруг имени которых были созданы легенды как об их огромных богатствах, расцвете искусства и знаний во время их правления, так и об их неимоверной жестокости.

Мамлюкская система, в которой во второй половине XIII в. доминировали кипчаки, помогла объединению государства, а торговые пути, особенно в Средиземноморье, были в сравнительной безопасности, несмотря на войны с

монголами и крестоносцами. Дальновидный Ан-Насир укрепил выгодный союз с Золотой Ордой, враждовавшей с врагами мамлюков — монголами государства ильханов Хулагуидов, и, тем самым, обеспечил безопасность своих границ. Ан-Насир был помолвлен с девушкой по имени Тулунби из рода Чингисхана по инициативе правящей верхушки Золотой Орды. Он поддерживал мирные отношения с Византией, так что к середине XIV в. Египет был более стабильным и единым централизованным государством, чем любая страна Европы того времени, страдавшая от междоусобиц. Ан-Насир придавал большое значение средиземноморской торговле, свидетельством чему служит прорытый в годы его правления (в 1311 г.) канал между Александрией и Нилом, на строительстве которого работали 100 тысяч человек [Успенский, 1926, с. 20–25].

Монгольская угроза оставалась на повестке дня и в эпоху Ан-Насира. В начале XIV в. монголы и мамлюки совершали взаимные нападения, предпринимали крупные походы. В 1303 г. Ан-Насир разгромил монголов под Дамаском, и эта битва имела переломное значение. По возвращении из этого похода на улицах Каира перед Ан-Насиром и его мамлюками расстилали ковры, за армией победителей двигалось 700 пленных монголов. Египет при Ан-Насире богател и процветал, но после его смерти в 1341 г. в стране началась гражданская война, голод и чума, унесшая около миллиона жизней.

После Ан-Насира правили его девять сыновей, но каждый удерживался на троне лишь несколько лет: мамлюки убивали одного султана за другим. Господство тюркских мамлюков подходило к концу. В 1382 г. кавказский или черкесский мамлюк Баркук был «возведен» в султаны и заложил основы последней мамлюкской династии в Египте [Кадырбаев, 1997, с. 104–114].

Арабский автор XIV в. аль-Омари, составивший объемную географическую и политическую энциклопедию о современных ему народах Востока, не мог скрыть своего высокомерного отношения араба-мусульманина и горожанина к «диким», по его мнению, кочевым племенам кипчаков. Он писал, что кипчаки живут в нищете, у них нет посевов, а стужа губит их скот. Он характеризовал их как «жалкий народ» без веры, привязанности и проницательности. Но, на тех же страницах у аль-Омари можно встретить совершенно другой отзыв, когда автор вспоминает, что из среды кипчаков происходили сами султаны и их вельможи: «Тюрки из этих стран (кипчакской степи) — один из лучших родов тюркских по своей добросовестности, храбрости, избежанию обмана, совершенству своих станов, красоте своих фигур и благородству своих характеров. Цари из них (мамлюкские султаны Египта) чувствуют склонность к своим сородичам и хлопотали об усилении числа их, так как Египет заселился и стал охраняем ими со всех сторон. Из них были светила государственного совета, председатель собраний и предводители земли Египта» [Тизенгаузен, 2003, с. 101–116].

Каир тюркских мамлюков

В Каире возникли целые районы, где жили кипчаки. Один такой квартал носил название Орда. В Египте при мамлюках утвердилось много черт общественного и частного быта кипчакской степи. Бахри-мамлюки пренебрегали иногда даже шариатом и заставляли судить по степному обычному праву. Жители Каира с удивлением наблюдали, как мамлюкские эмиры кипчакского происхождения разъезжали на необычных на их взгляд повозках, которые видел в степях Дешт-и-Кипчака и описал в

1245 г. Джованни Плано Карпини, посол Римского Папы к великому монгольскому хану. Когда султаны выезжали из стен дворцов, их мамлюки-гвардейцы строились по степным традициям и надевали тюбетейки и длинные кафтаны вместо чалмы и другой арабской одежды [Федоров-Давыдов, 1968, с. 9–15].

Как когда-то на степных просторах Дешт-и-Кипчака пировали их тюркские предки, так и здесь в арабском Египте к столу знатных мамлюков и самих султанов закалывали лошадей и овец. Ели конину, пили кумыс [Федоров-Давыдов, 1968, с. 49]. Ан-Насир тратил огромные деньги на покупку лошадей, а для свадьбы своего сына заколол 20 тысяч овец. Кумыс подавали на приемах у султана Бейбарса, что стало одним из обстоятельств его гибели. Намереваясь уничтожить своего соперника принца Малик-Кахера, Бейбарс приготовил для него чашу отравленного кумыса. Однако в стиле сюжетов Шекспира, Малик-Кахер ловко поменял чаши, Бейбарс выпил яд и в мучениях умер (1277). Ему было не больше 50 лет [Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса, 1975, с. 12].

В Египте переводили на кипчакский язык произведения арабской и персидской поэзии и прозы. Кипчаки Египта говорили на родном языке, претерпевшем, однако, значительное изменение под влиянием других тюркских наречий, особенно огузского диалекта. В течение всего почти полуторавекового правления бахри-мамлюков кипчакско-огузский язык был официальным государственным языком Египта. На кипчакско-огузском языке, оформившемся в Египте как литературный язык ко второй половине XIV в., создается немало литературных произведений самого разнообразного содержания. Кипчакско-огузский язык оказывал заметное воздействие на лексику и грамматику арабского языка, о чем свидетельствуют арабо-тюркские (кипчакские) словари мамлюкской эпохи [Наджип, 1965, с. 21]. Интересно, что наименование, известное в русской транскрипции как «казах», а в казахской как «казак», впервые встречается в тюрко-арабском словаре 1245 г., составленном в Египте, хотя носило тогда не этническое (т. е. не стало еще названием народа), а социальное значение — «вольный», «свободный», «скиталец». Среди двуязычных словарей выделяется «Книга постижений языка тюрков» — труд Абу Хаяна (1256–1345), составленный в 1313 г., а также сочинение выходца из тюрков Джамала ад-Дина ат-Турки «Достаточное для желающего познать языки тюрков и кипчаков». Важно отметить, что у обоих авторов в качестве основного источника упоминается сочинение «Яркие лучи», автором которого был кипчак Аладдин Байлик ал-Кыфчаки. Из произведений этого круга можно отметить словарь «Книга собрания толковых слов тюркских, арабских, монгольских и персидских», составленный в Египте в 1245 г.. В основу его положен кипчакский язык, но присутствует также и лексический материал из туркменского [Кумеков, 1988, с. 12–16].

Мамлюки покровительствовали искусству и науке, особенно медицине. Египет и Сирия XIV в. славились врачами, была развита даже гинекология, что необычно для мусульманской страны. Существует мнение, что именно в Египте времен бахри-мамлюков зародилась психотерапия [Олдридж, 1970, с. 50]. Знамениты были и египетские окулисты, искусно удалявшие катаракты. Кипчакские мамлюки поощряли ветеринарию, которая породила интересную литературу о лошадях, столь милых сердцу выходцев из степных просторов Дешт-и-Кипчака.

Очень важно, что в XIII–XIV вв., в эпоху войн с монголами, «вздумавшими покорить мир», Египет и Сирия стали убежищем для мусульман со всего света. К 1300 г. население Каира достигало миллиона человек, так как туда стекались беженцы их всех мусульманских стран, спасавшиеся от монгольских варварств.

Таким образом, в Египте и Сирии появилось много мусульманских ученых и философов, ремесленников, градостроителей и учителей, чья безопасность была гарантирована военной мощью Мамлюкского султаната. В последующие 200 лет эти представители науки и искусства способствовали расцвету культурной жизни Египта и Сирии. Только в Каире было построено 150 мечетей, медресе и мавзолеев, и почти все они были шедеврами архитектурного искусства. Многие из них и поныне радуют взоры тех, кому выпало счастье видеть эти жемчужины архитектуры: мечеть Бейбарса, возведенную по его личному приказу, мечеть султана Хасана, медресе-мавзолей в Бейналь-Касрейне, знаменитый акведук Ан-Насира, по которому вода из Нила поступала в цитадель — резиденцию мамлюкских султанов и многие другие здания [Олдридж, 1970, с. 81–86].

В период правления кипчакских мамлюков в Египетско-Сирийском султанате жили два величайших историка того времени — аль-Макризи и Ибн-Халдун [Тизенгаузен, 2003, с. 169–180]. В сочинении последнего «Книга назиданий в сборнике начала…» приводится масса сведений о кипчаках. Великий историк обновляет представление о тюрках, отмеченное более ранними арабскими авторами, как о «благородных дикарях». Он дает обзор повсеместного господства тюрок в мусульманском мире его времени и замечает, что «в период, когда безмятежная жизнь и праздность мусульман, отсутствие у них жизненных сил и мужества, обрушили на их головы вторжение монголов, Аллах сделал Египет защитным бастионом против неверных, взрастив там доблестных защитников в лице мамлюков из сильных и многочисленных тюркских племен. Более того, — продолжает он, — Аллах своим Провидением сделал так, что волна за волной, поколение за поколением, тюрки будут приходить в мусульманский мир, чтобы не дать старым привычкам к вялости и спокойной жизни снова укрепиться среди мусульман» [Босворт, 1981, с. 20–36]. Но особенно он был знаменит своим трудом «Пролегомена», который касался социальных проблем, актуальных и поныне. Его книга стоит в одном ряду с трудами Н. Макиавелли, появившимися сто лет спустя.

Аль-Макризи — типичный арабский историк, без его трудов нельзя обойтись при изучении Египта и Сирии в мамлюкскую эпоху [Тизенгаузен, 2003, с. 190–199]. Вспоминая страшные нравы того времени, с удивлением читаешь в «Пролегомене» Ибн-Халдуна, что «источником наилучшей системы правления государством является доброта». Эти слова выражают протест против изуверств этой варварской эпохи [Тизенгаузен, 2003, с. 169–180]. Оба ученых — продукт эпохи кипчакских мамлюков, они, прежде всего, были интеллектуалами в самом высоком смысле этого слова.

К концу эпохи кипчакских мамлюков общая атмосфера в стране не способствовала развитию культуры и духовных ценностей. Египет и Сирия погружались во мрак мамлюкских распрей. Безумная грызня между мамлюками вспыхнула с новой силой, и изо дня в день мамлюкские воины тюркского и кавказского происхождения, потомки степняков и горцев рубили друг друга клинками на улицах египетской столицы. Тюркские мамлюки играли господствующую роль в правящей

элите Египетско-Сирийского султаната в XIII–XIV вв., хотя и оставались чужеземцами в этой стране. Они были изолированной «кастой» в египетском обществе, своеобразным привилегированным военным сословием и, хотя пополнялись рабами, все же подлинными рабами в эпоху кипчакских мамлюков были широкие слои египетского и сирийского арабского мусульманского, а также, иудейского, коптского и другого восточно-христианского населения [Олдридж, 1970, с. 71–86].

История кипчакских мамлюков противоречива, и ее нельзя рисовать только в черных красках. Хотя власть иностранцев, каковыми и являлись кипчакские мамлюки, была вечным проклятием Египта и Сирии, именно эти тюркские воины, изгнанные монгольскими завоевателями из своих родных степей, проданные в рабство, оказались правителями огромной, мощной, богатой и культурной арабской страны и спасли своим мужеством и героизмом на поле брани мусульманскую цивилизацию от монгольского варварства. Как сказал аль-Омари: «Над татарами (монголами) никто, кроме них (мамлюков. — *А. К.*) не одерживал верха. Благодаря этой победе, победа над татарами стала постоянной, и одержана она была именно ими, а не кем именно другим, хотя и было тогда много царей мусульманских и велико их рвение к священной войне… Не будь этого, распался бы народ истинной религии (т. е. мусульмане), расшатались бы столбы веры (ислама), добрались бы всадники поклонников солнца (т. е. монголов) до крайних пределов запада и покорились бы им все правители земли» [Босворт, 1981, с. 36].

Литература / References

Бахрие Учок. *Женщины-правительницы в мусульманском мире*. М., 1982 [Bahriye Uchok. *The Women-Rulers in Moslem World*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Босворт К. Э. Нашествие варваров: появление тюрок в мусульманском мире // *Мусульманский мир. 950–1150*. М., 1981 [Bosvort K. E. The Invasion of Barbarians: Appearance of Turks in Moslem world // *Moslem World. 950–1150*. Moscow, 1981 (in Russian)].

Босворт К. Э. *Мусульманские династии*. М., 1971 [Bosvort K. E. *Moslem Dynasties*. Moscow, 1971 (in Russian)].

Буниятов З. М. *Государство Хорезмшахов – Ануштегинидов. 1096–1231*. М., 1986 [Buniyatov Z. M. *The State of Khvarezmshahs – Anushteginids. 1096–1231*. Moscow, 1986 (in Russian)].

Голубовский П. В. *Половцы в Венгрии. Исторический очерк*. Киев,1889 [Golubovsky P. V. *Polovtsians in Hungary. Historical Essay*. Kiev, 1889 (in Russian)].

Жизнеописание султана аз-Захира Бейбарса. М., 1975 [*The Description of the Life of Sultan Az-Zahir Baibars*. Moscow, 1975].

Златарски Е. *История на Българската държава през средните векове*. Т. 3, София, 1972 [Zlatarski E. *The History of Bulgarian State During Mediaeval Ages*. Vol. 3, Sofia, 1972 (in Bulgarian)].

Кадырбаев А. Ш. *За пределами Великой Степи*. Алматы, 1997 [Kadyrbaev A. Sh. *Out of the Limits of the Great Steppe*. Almaty, 1997 (in Russian)].

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974 [Kajdan A. P. *Social Component of the Ruling class of Byzantine Empire in 11th– 12th centuries*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Киракос Гандзакеци. *История Армении*. М., 1976 [Kirakos Gandzakezi. *The History of Armenia*. Moscow, 1976 (in Russian)].

Кумеков Б. Е. *Арабские источники о кипчаках*. Алма-Ата, 1988 [Kumekov B. E. *The Arabian Sources about Kipchaks*. Alma-Ata, 1988 (in Russian)].

Наджип Э. Н. *Кипчакско-огузский литературный язык Египта XIV в.* Автореферат докторской диссертации. М., 1965 [Nadjip E. N. *The Kipchak-Oguzian Literary Language of Egypt in XIV Century*. DSc Dissertation. Moscow, 1965 (in Russian)].

Олдридж Д. *Каир. Биография города*. М., 1970 [Aldridge J. *Cairo. Biography of the City*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Рашид-ад-Дин. *Сборник летописей*. Том III. М.–Л., 1946 [Rashid-ad-Din. *The Collection of Cronicles*. Vol. III. Moscow, Leningrad, 1946 (in Russian)].

Тизенгаузен В. Г. *Извлечения из сочинений арабских. Сборник материалов по истории Золотой Орды*. Т. 1. М., 2003 [Tizengauzen V. G. *The Extracts of Arabian Sources. The Materials for the History of Golden Horde*. Vol. 1. Moscow, 2003 (in Russian)].

Успенский Ф. И. Византийские источники о монголах и египетских мамлюках // *Византийский временник*. Т. XXIV. СПб, 1926. С. 40–50 [Uspenskiy F. I. Byzantine Sources about Mongols and Mamlukes of Egypt // *Vizantiiskii vremennik*. Vol. XXIV. Saint Petersburg, 1926. Pp. 40–50 (in Russian)].

Федоров-Давыдов Г. А. *Курганы, идолы, монеты*. М., 1968 [Fedorov-Davydov G. A. *The Mounds, the Idols, the Coins*. Moscow, 1968 (in Russian)].

Ayalon D. The Circassians in the Mamluk Kingdom // *Journal of the American Oriental Society*. 1949. 69.3. Pp. 135–147.

Barber C. R., Stern S. M. *Muslim Studies*. London, 1967.

МОНГОЛЫ НА СЛУЖБЕ АТАМАНА Г. М. СЕМЕНОВА И БАРОНА Р. Ф. УНГЕРНА

С. Л. Кузьмин*

По архивным данным, мемуарам и другим источникам в статье проведен анализ участия монголов в войсках атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. Унгерна. Не имея возможности интегрироваться во Внешнюю Монголию, создать собственные независимые или автономные структуры, участники движения внутренних монголов за независимость примыкали к силам, способным дать им возможность избежать включения в республиканский Китай: к японцам, декларировавшим восстановление Цинской монархии, к панмонголистам, декларировавшим создание объединенного Монгольского государства, к Унгерну, стремившемуся к восстановлению империи Чингисхана. Собственных ресурсов для содержания войска у борцов за независимость Монголии не было, и это наложилось на «традицию» разбоев, широко распространившуюся во Внутренней Монголии с начала XX в. в результате китайской колонизации, а также на вербовку в повстанческие отряды маргинальных элементов разных национальностей. В 1919 и 1920 гг. Китай незаконно отменил соглашения 1915 г. с Россией, обеспечивавшие автономный статус Внешней Монголии и Барги. В освобождении Внешней Монголии от китайской оккупации в 1921 г., осуществленной бароном Унгерном, широко участвовали представители Внешней и Внутренней Монголии. Вместе с тем, в Барге сохранилось положение, возникшее в результате включения этого региона в Китай в 1919 г..

Ключевые слова: Монголия, Барга, Россия, Китай, Маньчжурия, Япония, Бавужав, Белое движение, харачины, Гражданская война, независимость, международные отношения, панмонголизм

MONGOLS IN THE SERVICE OF ATAMAN G. M. SEMENOV AND BARON R. F. UNGERN

Sergius L. Kuzmin

Analysis of cooperation of Mongols (in particular, the members of guerrilla movement known as the Kharachin movement) with the troops of ataman Grigory M. Semenov and baron Roman F. von Ungern-Sternberg was conducted based on archival data, memoirs and other relevant sources. Not being able to integrate themselves into Outer Mongolia in order to create their own independent or autonomous structures, participants of this movement joined the forces they wanted to use in order to avoid inclusion into the Republic of China: The Japanese, who declared restoration of the Qing monarchy, the Pan-Mongol movement, who declared the creation of a united Mongolian state, and baron Ungern, who sought to restore the empire of Genghis Khan. Fighters for independence of Mongolia had no resources to maintain the army6 which was supplemented with a “tradition” of robberies widespread in Inner Mongolia since the beginning of the 20th century as a result of Chinese colonization, as well as recruitment of marginal elements of different nationalities in

* Сергей Львович КУЗЬМИН, доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; ipe51@yahoo.com

Sergius L. KUZMIN, DSc (History), PhD (Biology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Sciences RAS, Moscow; ipe51@yahoo.com

the guerrilla troops. In 1919 and 1920 China illegitimately canceled the agreements of 1915 with Russia, ensuring the autonomous status of Outer Mongolia and Barga (Hulunbuir). In 1921 Baron Ungern liberated Outer Mongolia from Chinese occupation. As shows this paper, members of different nationalities of Inner and Outer Mongolia actively participated in this liberation. At the same time, Barga maintained its new status, established as a result of China's actions in 1919 and 1920 aimed at its inclusion in the Republic of China.

Keywords: Mongolia, Barga, Russia, China, Manchuria, Japan, Babujab, White movement, Kharachins, civil war, independence, international relations, Pan-Mongolian movement.

На монгольских территориях, входивших в состав империи Цин, с 1911 г. шло национальное движение монголов, усилившееся после развала империи и провозглашения Китайской республики. На территории Внешней Монголии, автономия которой была закреплена Китайско-русско-монгольским соглашением 1915 г., активные боевые действия не велись с 1911 до 1920 гг., когда монголы поднялись против незаконной отмены автономии их страны Китаем в 1919 г. Из остальных монгольских территорий движение против китайской аннексии было наиболее интенсивным в Барге (Хулунбуире) и Внутренней Монголии, где с 1912 г. китайские власти проводили интенсивную колонизацию и карательные акции.

В конфликтах с Китаем монголы традиционно рассчитывали на защиту со стороны Российской империи. Однако в условиях разрастающихся революционных действий в 1917 г. на территории России эти возможности быстро уменьшались. Кроме того, монголы, в том числе повстанцы, втягивались во внутрироссийский конфликт. Хорошо изучено формирование Монгольской народно-революционной армии во Внешней Монголии. Однако монголы также участвовали в действиях на стороне российских белых формирований, в особенности — атамана Г. М. Семенова и барона Р. Ф. фон Унгерн-Штернберга. Этот вопрос обсуждается в ряде работ [Гирченко, 1940; Белов, 2003; Базаров и др., 1998; Базаров, 2002; Марковчин, 2003; Отрощенко, 2006; 2011; Кузьмин, 2011; 2016; Касаточкин, 2014; Курас, 2016]. Однако недостаточно изучена связь этих формирований с повстанцами, в частности, с представителями так называемого харачинского движения, на короткое время в 1917 г. захватившими контроль над значительной частью Барги (Хулунбуира), ее столицей — Хайларом, частью Внутренней Монголии, вторгавшимися во Внешнюю Монголию. Статья посвящена рассмотрению этого вопроса, в основном по архивным материалам РГАСПИ, РГВА и АВПРИ, с использованием мемуаров очевидцев и ранее опубликованных данных.

Вскоре после Февральской революции — летом 1917 г. «комиссар Всероссийского Центрального комитета по формированию добровольческих дружин есаул Семенов хотел бы завербовать в свои отряды харачинцев. Благоволите телеграфировать, может ли он рассчитывать на успех и сообщите Ваш взгляд. В утвердительном случае Семенов прибудет в Хайлар для выяснения условий»[1].

Как писал сам атаман Семенов, по прибытии в Забайкалье в 1917 г. он сразу решил, примирив враждующие племена (то есть харачинов и баргутов), предложить

[1] Телеграмма чиновника по дипломатической части в Иркутске вице-консулу в Хайларе П. К. Усатому от 1 августа 1917 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761ю Д. 397. Л. 43; Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 2].

харачинам вступить в его части; предложение было принято обеими враждующими сторонами. На созванной по инициативе Семенова конференции договорились о том, что баргуты дадут свободный пропуск через Баргу харачинам, вытесненным китайцами из Внутренней Монголии. Кроме того, баргуты во главе с Гуйфу и его сыном Фушаном приступили к созданию собственных воинских частей. Новые части были поставлены на защиту участка КВЖД между Хайларом и Маньчжурией. Китайские власти требовали роспуска этих отрядов [Семенов, 2002, с. 131–133]. Формирование монголо-бурятского полка шло поначалу медленно: к началу января 1918 г. в полк прибыло не более 20 монголов (харачинов и баргутов) и пять бурят [Марковчин, 2003, с. 178].

Здесь необходимо пояснение. Согласно Китайско-русско-монгольскому Кяхтинскому соглашению 1915 г. Внешняя Монголия рассматривалась как государство, являющееся автономией под сюзеренитетом Китайской республики, отдельное от Барги (Хулунбуира), автономный статус которой в том же году был закреплен отдельным Русско-китайским соглашением. Монгольское руководство, которому Барга ранее изъявила подданство, не согласилось с этим, но вынуждено было подчиниться новым реалиям. Командир части отрядов повстанцев — Бавужав (Бабучжаб) из Внутренней Монголии не согласился с Кяхтинским солглашением и продолжил борьбу за освобождение всей Монголии от власти Китая. В 1916 г. он был убит, но его отряды, при поддержке японцев, не сложили оружие. В 1917 г. они на короткое время захватили Хайлар — столицу Барги (Хулунбуира) и большую часть этой монгольской территории. В сентябре того же года они утратили контроль там и в значительной части перешли в состав маньчжурских провинциальных войск Китая. По названию одного из первых монгольских этносов, поддержавших национальное движение, их стали называть харачинами. Но затем они пополнялись другими этносами внутренних монголов, отчасти — внешних монголов и даже китайцев. В 1917 г. монголы — харачины, харчины и чахары составляли часть этого войска, наряду с внешними монголами и китайцами, но именно по первым трем названиям оно вошло в историю.

Учитывая претензии на власть большинства населения Хулунбуира — баргут-монголов, фудутун [2] Шэнфу (по национальности даур) пообещал предоставить управление баргутам, преобразовать милицию и для этого пригласить российского офицера. Усатый предложил вопрос о последнем оформить особым письменным соглашением с Шэнфу. Он рекомендовал установить этому офицеру содержание от Барги в 400 р. в месяц с сохранением офицерского жалованья, и на этот пост немедленно пригласить Шароглазова [3]. Есаул И. Х. Шароглазов в 1913 г. служил начальником конвоя российской миссии в Пекине[4].

Фактически предлагалось создать в Барге собственные военные формирования по аналогии с Внешней Монголией, где этим занимался войсковой старшина А. Ф. Васильев. Для Барги это было актуально в связи с тем, что при захвате ее столицы в мае 1917 г. монгольскими повстанцами баргинское ополчение разбежалось, а в

---

[2] *Фудутун* — наместник, пользовавшийся правами губернатора.

[3] Донесение Усатого в Пекин 20 октября 1917 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 35; Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2. Л. 151].

[4] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 91; Фонд МИД канцелярия. Оп. 470. Д. 78. Л. 327].

середине сентября того же года повстанцы были выбиты из Хайлара совместными действиями русских, эвенков-солонов и баргутов, и ушли на юг.

В 1917–1918 гг. Семенов и его сторонники постепенно устанавливали контроль за участком КВЖД в Забайкалье и Барге. В декабре 1917 г. Семенов, Унгерн и еще пять казаков разоружили российский гарнизон станции Маньчжурия численностью 1500 человек. Захваченные казармы и имущество были использованы для формирования Особого Маньчжурского отряда (ОМО) Семенова. Отряд начал свое существование 9 января 1918 г. С самого начала при комплектовании ОМО предполагалось включать «кавказских инородцев и некоторые монгольские племена, как-то буряты и баргуты»[5]. В его состав вошел Монголо-бурятский конный полк в 559 человек, 80 из которых были монголами.

Борьба красных и белых на КВЖД привела к вводу туда китайских войск. Они вошли и были расквартированы в декабре 1917 — январе 1918 гг.[6] Китайские войска были введены «вследствие беспорядков, происшедших на КВЖД из-за борьбы русских партий». Главнокомандующим временной охраной в полосе отчуждения КВЖД был назначен начальник штаба командующего войсками Чжан Хуаньсян, его первым помощником — командир 4-й смешанной бригады Чжан Минцзю, вторым помощником — командир 2-й кавалерийской бригады Чжан Куйу[7]. Чжан Куйу принимал участие в ликвидации «харачинского движения», а позже был связан с Унгерном[8]. Ввод китайских войск на КВЖД был оформлен в январе 1918 г. соглашением с российским посланником в Пекине Н. А. Кудашевым, назначенным туда еще до 1917 г.

Разместив набранные монгольские войска от станции Маньчжурия до Хайлара, Семенов решил назначить комендантом Хайлара барона Унгерна. В Хайларе были части Железнодорожной бригады и конные части Пограничной стражи. Там велась революционная пропаганда, большинство офицеров были распропагандированы большевиками. Они не хотели такого коменданта. В январе 1918 г. Унгерн во главе русской сотни и 250 конных баргутов в течение не более двух часов разоружил хайларский гарнизон численностью 800 штыков. Разоруженные были отправлены в Россию. Белые заняли Хайлар раньше, чем китайцы [Семенов, 2002, с. 136–138].

В свое время баргутский князь Гуйфу вступил в переговоры с Семеновым для урегулирования баргуто-харачинских отношений [Семенов, 2002, с. 132]. Чтобы далее формировать монгольские отряды, Унгерн доставал деньги всеми возможными способами, вплоть до продажи казенного имущества [Марковчин, 2003, с. 178]. Когда на станции останавливался транзитный поезд с военными, вышедшими из подчинения белым властям, к нему выходил Унгерн с урядником Е. Бурдуковским и требовал сдать оружие — иначе будут вызваны две сотни [Степанов, 1921, с. 15–16]. В действительности сотен не было. Но оружие сдавали, поезд уходил.

[5] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 4].
[6] Подробнее см.: [Кузьмин, 2019].
[7] Копия сообщения комиссара по дипломатическим делам Хэйлунцзянской провинции на имя российского консула в Цицикаре от 19 января/6 февраля 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 52].
[8] Подробнее см.: [Кузьмин, 2019].

Унгерн решил расширить свои действия на КВЖД с помощью баргутов. В начале февраля 1918 г., взяв 130 баргутских солдат, он без ведома баргинских властей повез их на станцию Бухэду и далее к городу Цицикар с целью разоружить «ненадежные» войска вдоль всей линии. Усатый просил его не делать этого и указывал, что выступление баргутов за пределы Барги может вызвать недоразумения с китайцами. Так и вышло. На станции Чингисхан (или Бухэду) баргуты были задержаны китайцами и обезоружены. Только благодаря вмешательству из Харбина (по другим данным, атамана Семенова) баргутов и Унгерна отпустили. В результате баргинские власти заявили, что в таком случае они не могут предоставлять своих солдат в распоряжение Семенова. Усатый договорился с баргутами, что баргинские солдаты впредь будут только охранять КВЖД в пределах Барги – от станции Маньчжурия до Хингана. Он убедил Семенова, что баргуты в боевом смысле не имеют никаких знаний, как показал опыт их борьбы с харачинами. Семенов согласился и сказал, что они ему нужны только чтобы произвести впечатление, и что если он и воспользуется ими, то не более, чем несколькими сотнями[9] [Семенов, 2002, с. 138–140].

Чтобы дальнейшая вербовка баргутов проходила без эксцессов, было решено доверить ее есаулу Шароглазову, которому поручалось также установить контакты с забайкальским казачеством на предмет борьбы с красными[10].

Кудашев возложил на Шароглазова, помимо прямых обязанностей инструктора баргинской милиции, «особое поручение, касающееся внутренних дел Забайкалья. Это поручение связано с предприятием есаула Семенова и имеет целью оказать содействие последнему… С другой стороны, на И. Х. Шароглазова должно лечь выполнение тех обязанностей, которые ныне возложены на барона Унгерн-Штернберга в Барге и которые, как свидетельствуют Ваши донесения, следует, несомненно, поставить в известные рамки, дабы не испортить самого дела». Шароглазову вменялось в обязанность быть в постоянном контакте с вице-консульством в Хайларе и следовать указаниям Усатого[11].

15 марта 1918 г. хулунбуирский фудутун подписал контракт с Шароглазовым, что с этого дня он приглашается инструктором хулунбуирских войск сроком на три года. Шароглазов обязуется обучать баргинских солдат пешему и конному строю, их число определяет баргинский фудутун. Посылать солдат в другие места по своему усмотрению Шароглазов не может. Если понадобятся младшие инструкторы, они приглашаются по указанию Шароглазова, но не более одного на каждые 150 человек. Шароглазову уплачивается из Управления Хулунбуира жалованье и квартирные в 450 р. в месяц. Жалованье удерживается из арендной платы за Чжалайнорские копи. Кроме того, при подписании соглашения фудутун уплачивает Шароглазову 2000 р. на обзаведение. Жалованье младшим инструкторам — 150 р. в месяц[12]. 7 апреля 1918 г.

[9] Донесение Усатого советнику российской миссии в Пекине В. В. Граве от 9 февраля 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 55–56 об.].
[10] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 73–73 об.].
[11] Телеграмма посланника в Пекине консулу в Хайларе от 16 февраля 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1555. Л. 73–73 об.].
[12] Копия контракта [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 90–91].

Унгерн писал Семенову, что, по слухам, Шароглазов обещает от 100–120 р. каждому нанимаемому пешему монголу[13].

Китайские власти старались взять под своей контроль всю Баргу. Так, цицикарский губернатор потребовал «от баргутов установить границу на севере, проведя ее от караула Чжуртэй, против русского поселка Чалбучи, то есть отобрать более половины границы и установить там китайские караулы»[14].

В октябре произошли изменения в баргинской власти, которые были выгодны Китаю. Помощник фудутуна — ново-баргут Чэхэджа ушел в отставку, на его место был назначен Чэн Шань, до того бывший начальником отделения Управления фудутуна по назначению центрального правительства Китая. Шэнфу сделал представление о назначении на место Чэн Шаня своего соплеменника — даура Цэнда (Чэндэ) — вице-министра иностранных дел Внешней Монголии. Это не встретило возражений в Пекине, но ургинское правительство не отпускало Цэнда[15]. Несколько более мелких должностей были также замещены даурами. Таким образом, надеясь на китайскую силу, дауры не стали считаться с ранее данным обещанием о предоставлении должностей по управлению баргутам[16]. Китайские власти последовательно проводили курс на ликвидацию автономии Барги и выведение ее из-под контроля России.

Между тем, Семенов и Унгерн в 1918 г. воплощали в жизнь план формирования войск из внутренних монголов. Для этого в Цицикар был послан есаул М. А. Шадрин. В Цицикаре со своим отрядом в конвое губернатора служил участник повстанческого движения монголов Найдан-ван (Найден-гун, Найданжав), перешедший на службу к китайцам после смерти Бавужава. Самого Найдана, находившегося в составе личного конвоя губернатора, последний не хотел выпускать из-под своего контроля [Базаров, 2002, с. 18–19]. В апреле 1918 г. «два монгольских ина[17] харачинов, стоявших в Цицикаре, были обезоружены китайцами и распущены, якобы за попытку к бунту. Командиры инов, один из них, известный мне и Граве Фушэнгэ, обратились ко мне с просьбой об устройстве на русскую службу их и их людей, всех их 400 человек с лошадьми… до тысячи человек, получивших военную подготовку в китайских войсках»[18]. Фушэнгэ со своими людьми находились в городе Лисисян у железнодорожной станции Чжалантунь в хошуне Джалайт. Фушэнгэ, навербовав еще людей и увеличив отряд до 500 человек, получив через Семенова разрешение от монгольского управления Барги, летом 1918 г. перешел через Баргу в Даурию, занятую белыми [Базаров, 2002, с. 19].

Семенов после ареста красными показывал на допросе: баргинские князья на съезде в Чите в 1917 г.[19] просили его примирить их с харачинами, и он уговорил

---

[13] [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1об.].

[14] Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 9 марта 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1565. Л. 401].

[15] Цэнд-гун курсировал между Ургой и Хайларом до 1925 г., когда он остался в Барге [Atwood, 2002, p. 126].

[16] Донесение Усатого в Пекин от 5/18 октября 1918 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 76–76об.].

[17] *Ин* — отряд, батальон.

[18] Телеграмма российского консула в Цицикаре С. В. Афанасьева в миссию в Пекине от 5 апреля 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1565. Л. 336].

[19] Август 1917 г., когда в Хайларе находились захватившие его отряды монгольских повстанцев.

Фушэнгэ прекратить боевые действия против них и перейти в его части [Марковчин, 2003, с. 149].

Шадрин получил от Семенова чин подполковника и был отправлен для дальнейшей вербовки. Он решил привлечь к движению более важное лицо, чем Фушэнгэ, и опять обратился к Найдан-вану. Тот отправил его к одному из высших лам Внутренней Монголии — Нэйсэ-гэгэну Мэндэбаяру из хошуна Джалайт. Тот согласился [Базаров, 2002, с. 19–20].

Вскоре было «получено донесение, что Чадарбал и Бумбужав со своими харачинами бежали из Мукдена и направились к месту прежней своей стоянки на реке Халхе»[20]. По подсчетам Т. Наками, весной 1918 г. в войске Семенова 600 человек составляли люди монгольского происхождения [Наками 2000, с. 124]. Прибывшие к Семенову монголы были хорошо вооружены: у них было вывезенное в 1915–1917 гг. из Монголии оружие отряда Бавужава, даже артиллерия. Они с трудом пробирались в Даурию из Внутренней Монголии, контролируемой китайцами [Базаров, 1998, с. 233–234].

Итак, известные харачинские лидеры со своими людьми, в прошлом участниками повстанческого движения Внутренней Монголии под руководством Бавужава, выходили из китайского подчинения и уходили к белым. Монголы участвовали в боях против красных в Забайкалье, получали награды. Так, монгольский офицер Гантумур был награжден орденом Св. Георгия 4-й степени за то, что 14 июня 1918 г. выбил с высоты пехоту противника; командир 1-й сотни Гомбо (Гамбо) — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою в горах в районе разъезда № 843 Забайкальской железной дороги; всадник 2-й сотни Ли Юн — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 18 июля 1918 г. у станции Мациевская; всадник 1-й сотни Тумэн-Ульд (Тумун-Ульди) — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою в районе разъезда № 843 Забайкальской железной дороги; всадник 1-й сотни Намжил — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 28 июля 1918 г. под станцией Абагайтуй; всадник 1-й сотни Моху — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 28 июля 1918 г. под станцией Абагайтуй; всадник 1-й сотни Шинхай — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 1 июля 1918 г. за станцию Мациевскую; всадник 1-й сотни Эрдэнэ-Цогт (Эрдын-Чокто) — орденом Св. Георгия 4-й степени за храбрость в бою 1 июля 1918 г. за станцию Мациевскую; всадник 1-й сотни Юнруб — Георгиевской медалью за успешную рекогносцировку у озера Солонха; всадник 2-й сотни Тайпын — Георгиевской медалью за храбрость в бою 14 июля 1918 г. у разъезда № 843 Забайкальской железной дороги[21].

В июле 1918 г. посланный Семеновым Ц.-Е. Цыдыпов договорился с руководством Барги о том, что оно проведет мобилизацию, а Семенов предоставит оружие и боеприпасы [Базаров, 2002, с. 19–23].

Харачины, отличившиеся грабежами в Барге и Внешней Монголии в 1917 г., не оставили этой склонности. В августе 1918 г. они под началом прапорщика Жуча по распоряжению штаба ОМО угнали 18 тыс. овец из приаргунских станиц, поддерживавших красных партизан. Их предполагали передать казакам, пострадавших

[20] Донесение Усатого от 4/17 мая 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1565. Л. 292; Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 145].

[21] [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 35].

от большевистских реквизиций. Но оказалось, что часть этих овец принадлежит казакам Семенова. Частично они были возвращены владельцам, остальное было уже продано или съедено [Юзефович, 2015, с. 82]. В феврале 1919 г. семеновцы, среди которых было 60 харачинов, разграбили село Александровский Завод, часть жителей перебили, женщин изнасиловали [Шанхайская жизнь, № 491 (131), 14.06.1921].

Некоторые монголы уходили от белых. В сентябре 1918 г. в Барге появилось несколько хунхузских шаек, состоявших главным образом из китайцев и харачинов, бежавших из войск Семенова. Они были хорошо вооружены, занимались в основном грабежом скота. Единственный торговый тракт Хайлар — Старый Цурухайтуй, по которому исстари шли все сношения Барги и Забайкалья, сделался почти непроезжим из-за грабежей и убийств[22].

В 1918 г. Унгерн перебазировался из Хайлара на станцию Даурия. Там из добровольцев 1 сентября 1918 г. была сформирована Отдельная конная туземная бригада, которая дала начало Азиатской конной дивизии, освободившей Внешнюю Монголию от китайских оккупантов в 1921 г. Монголы, как и остальные, за службу получали жалованье[23]. Баргуты и другие монголы проявляли своенравие, могли не выполнить приказ Унгерна о разоружении, если были многочисленны. В этом случае барон старался расформировать их отряд. Унгерн планировал использовать маньчжуров и монголов (харачинов и торгоутов) против китайских войск в случае конфликтов с ними[24].

В Даурии действовало училище монгольских юнкеров, где преподавали русские офицеры; поддерживалась тесная связь с Хайларом[25]. На 7 марта 1919 г. в училище было 57 человек, из них 12 монголов 2-го Даурского конного полка, 4 монгола конвоя Фушэнгэ и 19 монголов 3-го Хамарского полка. За знание монгольского языка солдатам и офицерам шли доплаты к жалованью. Унгерн ввел обязательное изучение монгольского языка, уклонение от уроков считал за уклонение от службы, лично контролировал знание языка. В монгольские праздники занятия в дивизии не проводились[26]. Сам Унгерн ходил в монгольском халате (дээл) с погонами.

Сформированные в Забайкалье «харачинские» полки располагались в Даурии и Шарасуне на границе Барги, что беспокоило баргутов. Они опасались, что эти солдаты могут уйти от Семенова и прийти в Баргу: ведь в Барге уже действовали «харачинские шайки». Новый случай еще больше убедил их в этом. В начале февраля 1919 г. харачины (по японским сведениям — 300 человек, по сведениям полиции — 80 человек) оставили Шарасун и двинулись по направлению к станции Мациевская. По японским сведениям, им навстречу была выслана конница, и харачинов уговорили вернуться обратно[27].

В этот период разворачивалось панмонгольское движение, направленное на создание единого монгольского государства. 25 февраля 1919 г. в Чите открылся съезд

---

22 Донесение Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 17/30 сентября 1918 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 399. Л. 19–19 об.].

23 Величины жалования на начало 1919 г. см.: [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 9, 30–30об.].

24 [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 1. Л. 2–2об.].

25 [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 11–12, 22–23об., 31].

26 [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 13–13об., 20–23об., 53].

27 Послание Усатого в миссию в Пекине от 22 февраля 1919 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 78–78об.].

панмонголистов при участии делегатов от бурят, внутренних монголов и баргутов. В протоколе съезда указывалось, что там были представители «от всей Монголии: Внутренней, Внешней, Хулунбуирской и Бурятской… ныне по отношению к Китайской республике она [Монголия] не находит ничего общего ни в обычаях, ни в интересах». Съезд вынес резолюцию, где фиксировались основные установления о новом государстве, которое должно возглавить временное правительство. Местом его пребывания должен был стать Хайлар. Постановление подписали председатель съезда Нэйци-тойн-хутухта (Нэйсэ-гэгэн) из Внутренней Монголии (участник монгольского восстания 1912 г., сподвижник князя Удая [28] — *С. К.*); товарищ председателя хулунбуирский «кандидат на князя 5-й степени, оберегающего государство, ротный командир» Линшэн; «товарищ председателя и председатель Бурятской народной думы» Даши Сампилун; «секретарь тайджи» Добдонванчук из Внутренней Монголии; секретарь из бурят Бимбаев; представители на съезде: Внутренней Монголии войсковой воевода, «князь 5-й степени, оберегающий государство» Фушэнгэ; Внутренней Монголии «помощник по управлению войсками Хасбатур»; Хулунбуира «кандидат на главного начальника ротный командир» Эрхимбату; Хулунбуира «имеющий шарик 1-го класса ротный командир» Данчжиннэрэн; Хулунбуира делопроизводитель Дахасу; Бурятской народной думы член Баярту Вампилун; Бурятской народной думы член Цэдэн-Еши Цыдыпов; бурятский «уполномоченный по делам просвещения» Дорж Ринчино (Э.-Д. Ринчино); бурятского Агинского аймака тайша Намдак Дылыков[29].

По словам Фушэнгэ, «наша действительная цель — помочь белым русским против Красной армии. Через сотрудничество с белыми мы могли бы получить оружие и экономическую помощь, чтобы вести наше движение за независимость Внутренней Монголии, а затем объединиться с Внешней Монголией и основать независимую Великую Монголию» [Bulag, Humphrey, 1996, p. 9].

«Баргинские представители на съезде возбуждали вопрос, не будет ли присоединение Барги к новому государству противоречить соглашению о Барге 1915 г., не усмотрят ли китайцы в этом нарушения соглашения и не пришлют ли в Баргу свои войска, о чем уже имеются сведения». Семенов ответил, что это не противоречит Соглашению и что против ввода в Баргу китайских войск он примет меры. При этом он заявил, что мысль об образовании монгольского правительства одобрена российским временным правительством. Баргинские чиновники говорили, что выбора у них нет[30].

На съезде произошел раскол: баргинский даур Фушан и внутренний монгол Фушэнгэ поставили вопрос о восстановлении маньчжурской династии, которая должна даровать права Монголии, а бурятский национал-демократ Э.-Д. Ринчино заявил, что Монголия должна стать федеративно-демократической республикой, буряты будут за это бороться, от идеи восстановления маньчжурской династии надо отказаться, надо заняться политической работой среди «масс». Доводы Ринчино вызвали негодование монголов, особенно Фушэнгэ [Базаров и др., 1998, с. 231–232]. Последний претендовал на первенство, хотел уйти во Внутреннюю Монголию, и Унгерну с Нэйсэ-гэгэном с трудом удалось удержать его [Базаров, 2002]. Согласно запискам японца Д. Синоды,

[28] [Клинов, 1945, с. 153–158].
[29] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 13–16; ГАРФ. Фонд Р-200. Оп. 1. Д. 478. Л. 7–13].
[30] Послание Кудашеву в Пекин о панмонгольском съезде от 11 марта 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 8об.].

содержащим подробные сведения о монголах в семеновских войсках, согласие с решениями съезда Фушана можно было расценить как одобрение их руководителями Барги — Шэнфу и Цэндом [Наками, 2000, с. 126]. Однако официально власти Барги не стали присоединяться к панмонголистам (см. ниже).

В апреле 1919 г. в Японию была направлена делегация в составе Фушэнгэ и Нэрэмпил-гуна для получения визы для панмонголистов на Парижскую мирную конференцию, но она не добилась успеха [Отрощенко, 2006, с. 119]. Причины этого в следующем. Белое «Омское» Российское правительство было против панмонголистов, так как они претендовали на части России, населенные бурятами. Не поддержали их также Англия, Франция и США. Не поддержало их и правительство Японии, в мае 1919 г. принявшее решение в пользу «Омского» правительства А. В. Колчака и о направлении военной и финансовой помощи Семенову только через него [Батбаяр, 2002, с. 31].

На станции Даурия, где Унгерн формировал Туземный конный корпус, формировались и войска панмонголистов. Фушэнгэ и Нэрэмпил-гун стали видными деятелями панмонгольского движения. Нэрэмпил-гуну было тогда 33 года. Он происходил из Джеримского сейма (как и Нэйсэ-гэгэн Мэндэбаяр), отлично владел китайским языком, участвовал в борьбе с китайцами в 1911–1912 гг., в 1914–1915 гг. участвовал в Кяхтинских переговорах. В 1916 г. он оставил службу в Урге, в августе 1916 г. прибыл в Хайлар, хотел вернуться на родину, но не решился. Когда харачины заняли Хайлар в 1917 г., Нэрэмпил поступил к ним на службу. Он был человек развитый, со склонностями авантюриста, но осторожный и нерешительный. Фушэнгэ происходил из уезда Суйдун провинции Гирин, ему было 39 лет, в свое время он был ламой, знал монгольскую грамоту. В отряде Чадарбала он возглавлял около 400 человек. В конце 1917 г. перешел на службу в войска Хэйлунцзянской провинции; в 1918 г. поступил к Семенову. Российская дипломатия характеризовала его как человека корыстолюбивого, который в отряде Бавужава был на содержании японцев; дважды ездил в Японию [31]. Согласно уже упоминавшимся запискам Синоды, «состав монгольских войск в Даурии — это воины Бавужава». Семенов набирал этих солдат с помощью Чинраб-Джамцо, ламы хорчинского дацана Ганджур. После прибытия Фушэнгэ численность монголов в войсках быстро увеличилась: если в июне 1918 г. монгольские части составляли 800 человек, то в марте 1919 г. — 1000 человек. Эти люди были родом из сеймов Джерим, Джоуда и Дзосоту Внутренней Монголии [Наками, 2000, с. 126]. Это согласуется с российскими архивными данными: монгольские части состояли в основном из остатков партизан Бавужава[32].

Итак, известные по литературе харачины, хорчины, чахары и другие монголы из войск Семенова и Унгерна были представителями разных сеймов Внутренней Монголии. Эти названия к ним в целом следует относить в лучшем случае условно.

19 марта 1919 г. «в Хайлар прибыло два китайских пехотных ина 29 дивизии, всего около 800 человек». Они расположились в казармах в полосе отчуждения, частью

---

[31] Телеграмма в российскую миссию в Пекине от 29 марта 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 21–22].
[32] [РГАСПИ. Фонд 532. Оп. 4. Д. 337. Л. 7].

в вагонах. Китайцы просили власти Барги о помощи для войск, но им было отказано[33]. В мае в Хайлар ожидалось прибытие еще 400 человек пехоты и кавалерии войск провинции Хэйлунцзян[34]. Всего в мае в Хайлар прибыло три пехотных ина, одна рота артиллерии с четырьмя орудиями и пулеметная команда с четырьмя пулеметами, ожидалось прибытие двух эскадронов конницы[35]. Возможно, это было средством противодействия панмонголистам.

Подобно правительству Внешней Монголии, власти Барги не стали присоединяться к панмонголистам, опасаясь конфликта с Китаем. Шэнфу заверил Усатого, что он против вхождения Барги в панмонгольское государство, но указал, что китайцы безнаказанно нарушают соглашение 1915 г., введя войска, захватив северную часть Барги и пытаясь захватить еще больше. Так как Россия не может защитить автономию Барги, то Барга волей-неволей должна присоединиться к панмонгольскому движению, но создание монгольского государства без Внешней Монголии невозможно. Барга могла бы отказаться от участия в этом движении, если Китай даст гарантии того, что не будет нарушено соглашение 1915 г., то есть выведет войска, уберет китайские караулы на границе, прекратит разработку золота на севере Барги, установит порядок сношения центрального правительства с фудутуном, а не через цицикарские власти, которые постоянно вмешиваются в дела Барги[36].

Барга оказалась в затруднительном положении из-за «монголо-бурятского движения, поднятого Семеновым»: в случае присоединения ей грозило нашествие китайских войск, в случае неприсоединения — нашествие харачинов со станции Даурия. По мнению Кудашева, баргутам следовало поддерживать статус-кво, стараться не пускать в Баргу харачинов Фушэнгэ[37]. Поддерживая панмонголистов, Семенов надеялся склонить на их сторону не только Внешнюю Монголию, но и Баргу. В мае 1919 г. баргинские власти получили от отряда Семенова 230 японских винтовок и 23000 патронов[38].

По-видимому, разногласия между монголами в Забайкалье и российским командованием нарастали. В июне 1919 г. Усатый сообщал в Омск о потере доверия монголов из состава панмонголистов к Семенову [Батбаяр, 2002, с. 31]. 1 августа 1919 г. российский генеральный консул в Урге А. А. Орлов телеграфировал управляющему МИД: «Монгольское правительство получило сообщение со станции Даурия, будто бы распоряжение[м] из Омска о разоружении и высылке харачин в Хэйлунцзянскую провинцию предполагается место изменить [по] просьбам баргутов и направить харачин в Хайлар. Министр иностранных дел настоятельно просит меня

[33] Телеграмма Усатого из Хайлара в российскую миссию в Пекине от 19 марта 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 18; Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 109].

[34] Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 4 мая 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 54].

[35] Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 21 мая 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 63–64].

[36] Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 19 марта 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 19–20].

[37] Телеграмма Кудашева из Пекина Усатому в Хайлар от 25 апреля 1919 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 48–48об.].

[38] Телеграмма Усатого из Хайлара в миссию в Пекине от 12 мая 1919 г., [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 336. Л. 60–60об.].

ходатайствовать перед министерством об удалении их за баргут. С аналогичной просьбой обращается к китайскому сановнику, но не уверен в исполнении последним его просьбы»[39].

По-видимому, «Омское» правительство, стремясь к ликвидации панмонгольского движения, решило выслать внутренних монголов из России в маньчжурскую провинцию Хэйлунцзян. Однако сами они при этом известии предпочли Хайлар, который уже захватывали двумя годами ранее. Омск якобы согласился с этим «по просьбе баргутов», что сомнительно: в 1917 г. баргуты с трудом добились ухода харачинов из Хайлара. Министр иностранных дел Внешней Монголии обратился к МИД «Омского» правительства и китайскому сановнику в Урге о том, чтобы харачины были удалены «за Баргу» — т. е. в Маньчжурию — несомненно, опасаясь их рейдов из Барги на восток Внешней Монголии, которые они уже проводили в 1917 г.

4 сентября 1919 г. расквартированные в Даурии харачины подняли восстание против российских офицеров. Белые объясняли этот бунт по-разному: подкуп пекинскими дипломатами; инсценировка семеновской контрразведкой, чтобы обезглавить харачинов; невыплата жалованья [Юзефович, 2010, с. 177]; желание разоружить бурятские войска и казнить русских офицеров, хотевших ввести строгую дисциплину [Коростовец, 2004, с. 419]. Примечательно объяснение некоторых очевидцев. Японцы пытались через «маньчжурскую партию» (т. е. сторонников восстановления Цинской династии) произвести «внутренний разрыв» в панмонгольском правительстве и войсках, чтобы ликвидировать все движение. Заговор возглавил Фушэнгэ — сторонник Цинской династии. Целью заговорщиков было истребление членов правительства из бурят, разоружение бурятской бригады, милиции, захват остальных членов правительства и уход в Маньчжурию к Чжан Цзолиню[40]. Заговорщики решили обезоружить бурятскую бригаду народной милиции, захватить Нэйсэ-гэгэна, расстрелять бурятских лидеров, захватить оружие и затем уйти в Маньчжурию [Базаров и др., 1998, с. 236–237].

Более обоснованными представляются другие объяснения. Фушэнгэ был недоволен главенством бурят и приказом Семенова о переброске летом 1919 г. монголо-бурятских частей в Верхнеудинск вместо борьбы с китайцами. Помнили монголы и то, что в апреле 1919 г. Семенов в поселке Даурия произвел смотр Бурятской бригаде и выразил благодарность за отличную учебу[41]. Относительно монголов в приказе по корпусу полковник Жуковский указал, что они совсем не работают, большую часть неуспеха отнес на счет монгольских офицеров: неопытны, мало понимают в военном деле[42]. Наконец, к августу усилилось недоверие монголов к Семенову: они пытались отправить собственную делегацию в Японию, но атаман воспрепятствовал этому [С-кий, 1922, с. 593–603]. О возможных планах удаления харачинов в Хэйлунцзян сказано выше.

По-видимому, Фушэнгэ планировал возобновить борьбу за восстановление власти династии Цин. Эти планы раскрыли благодаря агенту. Русские с помощью бурят решили арестовать Фушэнгэ, но 4 сентября 1919 г. тот поднял бунт. По свидетельству

39 [ГАРФ. Фонд Р-200. Оп. 1. Д. 479. Л. 57].
40 [РГАСПИ. Фонд 532. Оп. 4. Д. 337. Л. 7].
41 [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 96].
42 [РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 2. Л. 102].

очевидца Лордкипанидзе, со станции Андриановки на станцию Даурия был вызван бронепоезд. Последний прибыл в Даурию утром и встречен на станции штабом генерала П. П. Левицкого. Напротив станции, где находился бронепоезд, была гостиница, в которой был Фушэнгэ. Левицкий был обеспокоен тем, что делают запертые в казармах «лояльные» солдаты из Внутренней Монголии. В поезд были доставлены арестованные в казармах офицеры. В 10 часов утра к Фушэнгэ в гостиницу послали мальчика-бурята с запиской, предлагая сдаться. Ответа не было, и в 12 часов был сделан предупредительный выстрел из пушки. Затем на гостиницу двинулась цепь юнкеров-бурят при поддержке артиллерии. Засевшие в гостинице монголы отстреливались из маузеров, часть стала выходить и сдаваться. Некоторые в момент сдачи стреляли или пытались стрелять. Часть монголов перебежала из гостиницы в погреб во дворе с настилом из бревен в 2 аршина и «бойницами». Артиллерия разбомбила погреб. Из-под обломков вытащили полуоглушенных и задавленных монголов. Труп Фушэнгэ опознали по выбитому глазу. Вся операция заняла примерно 2,5 часа. 15–16 пленных монголов доставили в бронепоезде к станции Даурия и стали готовить к расстрелу. Монголы смогли завладеть винтовкой и захватить вагон, затем солдатам удалось разъединить состав[43]. При подавлении бунта было убито более 200 харачинов, 150 с оружием бежали в Монголию[44].

Панмонгольское правительство во главе с Нэйсэ-гэгэном и остатки его войск перебазировались в Верхнеудинск. В монгольских частях Азиатской конной дивизии началось брожение, участились случаи дезертирства. Преимущественно это стало основанием расформирования в первой половине сентября 1919 г. Особого экспедиционного отряда Левицкого, созданного летом 1919 г. для похода панмонголистов на Внешнюю Монголию. Оставшиеся после этого части 11 октября были сведены в две бригады: Отдельную Азиатскую конную бригаду и Отдельную Монголо-Бурятскую конную бригаду. В Отдельную Монголо-Бурятскую конную бригаду вошли Даурский конный полк, в который переводились все монголы из Хамарского полка, Бурятский конный полк и конно-артиллерийский дивизион. В ноябре 1919 г. Монголо-Бурятская бригада стала называться Отдельной Монголо-Бурятской имени Зорикто Батора конной бригадой — по титулу одного из героев национально-освободительного движения монголов Тогтохо-тайджи, пожалованному ему Богдо-гэгэном VIII в 1911 г. Даурский конный полк был переименован в Монгольский конный полк имени Чингис-хана, конно-артиллерийский дивизион получил имя Чидорга Багатора Цог Чжибхоланта. Монголо-Бурятскую бригаду возглавил Левицкий. «В Монгольском полку существовала система двойного командования, то есть монголы имели собственных офицеров и десятников, но фактическое командование осуществлялось русскими офицерами» [Касаточкин, 2014, с. 66–68].

В октябре 1919 г. генерал Сюй Шучжэн ввел войска в Ургу и начал процесс ликвидации автономии Внешней Монголии. Это стало образцом для тех, кто готовил ликвидацию автономии Барги. В ноябре на границу с Россией по реке Аргунь почти во все лавочки и поселки по монгольской стороне реки введены китайские войска численностью около 2 батальонов. Все недоразумения между русскими и китайцами

---

[43] [Hoover Institution on War. Микрофильм, box 15].

[44] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1579. Л. 504].

теперь стали решаться не через монгольские власти, а через китайского полковника Ина (командира 1-го полка пограничной стражи). «Монгольские чиновники низведены на нет, а сами монголы загнаны»[45].

27 ноября 1919 г. Кудашев сообщил Усатому об отмене автономии Внешней Монголии. Он указал, что аннулирование договоров произошло вследствие поданной генералу Сюй Шучжэну монгольским правительством петиции, вызванной его угрозами. «Петиция, однако, не была, несмотря на примененное насилие, утверждена самим Хутухтой [т. е. Богдо-гэгэном VIII — *С. К.*], который продолжает до сих пор относиться отрицательно к отмене автономии Внешней Монголии. При настоящей нашей слабости надо ожидать, что следующим шагом китайского правительства будет также отмена нашего соглашения с Китаем о Барге… В Ваших объяснениях с баргутами по этому поводу было бы весьма желательно подчеркнуть факт насилия китайцев над монголами, уклонение Хутухты от дачи своего согласия на отмену автономии, наличие моего протеста и в особенности ту часть оного, где упоминается о нашем праве, как только признанное всероссийское правительство будет восстановлено, выяснить свое отношение к настоящему вопросу. Такого же образа действий мы будем придерживаться, если китайцы решатся на аннулирование баргинского соглашения»[46]. История показала, что эти надежды не оправдались.

Чжан Цзолиню из Пекина было предложено послать в Хайлар надежное лицо для переговоров с Гуйфу о подчинении Хулунбуира Китаю и об устройстве административного управления этим краем на новых началах. Чжан Цзолинь поручил цицикарскому дуцзюню (губернатору) Суню командировать в Хайлар полковника Гэн Юйтяня, квартировавшего на станции Маньчжурия[47]. Результат этих действий был ожидаемым: особое положение Барги (Хулунбуира) было упразднено в январе 1920 г., что стало прямым следствием упразднения автономии Внешней Монголии. Это было сделано опять же по «ходатайству» самого Хулунбуира и теми же методами. Как и в случае с Внешней Монголией, президентским декретом от 30 января 1920 г. признано необходимым немедленно удовлетворить это «ходатайство»[48]. «Ходатайство» подало правительство Барги (в которое входил и Цэнд-гун) 28 января 1920 г. Губернатору провинции Хэйлунцзян из Пекина было приказано занять Баргу большим гарнизоном [Atwood, 2002, p. 137]. 10 февраля баргинскими властями была получена телеграмма из военного министерства об утверждении в должности фудутуна избранного старшины Гуйфу[49].

Надежды баргутов на переговоры в Пекине не оправдались. Там категорически отказались обсуждать преобразования в Барге, отослав их в Цицикар. Хулунбуирские представители Цэнд и Яусян встретили в Пекине и Цицикаре теплый прием. Для

---

[45] Рапорт вр. и. д. управляющего Нерчинско-Заводским уездом поручика Сущева управляющему Забайкальской областью от 17 ноября 1919 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 194–195].

[46] [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 184–185].

[47] Донесение из консульства в Мукдене в Пекин и Хайлар от 27 декабря 1919 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 201].

[48] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1548. Л. 301–302].

[49] Донесение Усатого в Пекин от 11 февраля 1920 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 199–199об.].

высшего управления Хулунбуиром была учреждена должность уполномоченного по охране, на которую был назначен Чжан Куйу[50].

Китайские войска были введены во Внешнюю Монголию и Баргу под предлогом защиты от панмонголистов, хотя реальной угрозы не было. До 1920 г. ими была сделана лишь неудачная инсценировка наступления на Внешнюю Монголию, после чего они находились в Забайкалье. Здесь китайские войска в составе бригады им. Зоригто-Батора в начале января 1920 г. вели бои с красными партизанами в направлении Ново-Селенгинска. 8 января 1920 г. бригада им. Зоригто-Батора в 200 штыков (русских) и 600 сабель (монголов) при нескольких пулеметах и четырех орудиях (из которых действовало лишь одно) под командой Левицкого выступила из Верхнеудинска на Троицкосавск [Касаточкин, 2014, с. 72].

Возможно, далее бригада должна была идти на Ургу. По пути панмонголисты заняли и разграбили несколько деревень. Левицкий, узнав о занятии чехословаками[51] Верхнеудинска и разоружении семеновцев, а затем о возврате им оружия, а также, возможно, о занятии китайцами Троицкосавска, приказал отряду вернуться в Верхнеудинск, но монголы отказались. Возник конфликт. На льду Гусиного озера монголы убили Левицкого и большинство других русских (всего около 100 человек [Гирченко, 1940, с. 74]). Очевидно, здесь смешались разные мотивы: месть за Фушэнгэ, желание бороться за освобождение Внутренней Монголии от китайцев, пограбить.

Далее панмонголисты вышли в район Кяхты, проводя по дороге массовые грабежи. В 40 верстах от Кяхтинского Маймачена их руководители вступили в переговоры с китайцами. Последние хитростью захватили панмонголистов и расстреляли 12 их руководителей, в том числе Нэйсэ-гэгэна и Нэрэмпил-гуна. Пленных панмонголистов китайцы отправили в Ургу, где заставили выполнять общественные работы [Ургинский, 1921, с. 183–185; Магсаржав, 1994, с. 173–182]. Затем, вооружив их в Урге, отправили часть из них на запад. Ван Сяоцун, комиссар Улясутая, видя их склонность к грабежу, поспешил выдворить их в Кобдо и далее в Урянхай [Оссендовский, 2005, с. 119, 125–127]. Часть же их оставили в Урге и вооружили, чтобы использовать против Унгерна при его наступлении на Ургу в 1920 г. Однако они присоединились к барону.

Другая часть панмонгольского отряда — около 100 человек — не поверила китайцам и не пошла в Кяхтинский Маймачен [Ургинский, 1921, с. 183–185]. Перейдя границу юго-восточнее, она задержалась в Халхе для грабежа. «Харачины разграбили три мелких прииска “Монголора”, одну русскую заимку, подвергнув пыткам нескольких русских; преследуемые китайцами, перешли в Цэцэнханский аймак и находятся в Дзун-хурэ, куда китайцы посылают отсюда отряд»[52]. В марте 1920 г. сообщалось о нападении шайки харачинов на торговую фирму В. Мордоховича и Д. М. Чупрова в Бревен-хийде, грабежах и убийствах русских и китайских торговцев. Шайка из 92 (по другим

[50] Донесение Усатого из Хайлара в Пекин 1 марта 1920 г. [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 3. Л. 187–188].
[51] Чехословацкий национальный корпус, участвовавший в составе Русской армии в Первой мировой войне, в мае – августе 1918 г. выступил против советской власти. В 1919–1920 гг. эшелоны отступавших чехословаков занимали железнодорожные пути в Восточной Сибири и Забайкалье.
[52] Телеграмма Орлова из Урги от 26 февраля 1920 г. [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 334. Л. 218].

сведениям — 150) человек ограбила и сожгла палатки, убила двух русских, неизвестно, сколько китайцев, и далее направилась из Халхи в Хайлар[53]. По-видимому, харачины собирались идти не в сам Хайлар, занятый китайскими войсками, а на одно из мест своих старых стоянок — возможно, на реку Халх-гол.

Менее чем через полгода после этого — 23 сентября 1920 г. был издан декрет президента Китая о прекращении признания российского посланника в Пекине Кудашева и подведомственных ему консулов в качестве официальных российских представителей в Китае. На принятие решения о том, чтобы прекратить признавать российских представителей, китайское правительство толкали иностранные советники[54]. 1 января 1921 г. российская миссия в Пекине во главе с Кудашевым была закрыта[55]. В это время в Сибири уже была советская власть, а Унгерн воевал с китайцами в Монголии, которую к середине весны того же года полностью освободил от китайских оккупантов. Важную роль в этом играли отряды внешних и внутренних монголов, присоединившиеся к нему.

Унгерн ставил целью объединение всех народов монгольского корня в одно Срединное (Среднеазиатское) государство от Амура до Каспийского моря, под главенством маньчжурского хана[56]. Фактически, он стремился к восстановлению империи Чингисхана. Иногда он употреблял термин «Китай» как синоним Цин, понимая под этим империю маньчжуров, а не национальное государство китайцев. Внутри этой империи Унгерн собирался создать крепкий федеративный союз Тибета, монгольских и тюркских стран, признававших зависимость от маньчжурской династии. Позже он решил подключить к нему Маньчжурию и Китай, начав с провинции Шаньдун. «Если бы и являлись опасения, что восстановленные императоры будут держать сторону Китая, как это было иногда в древнее время, то этому всегда есть противовес — союз Тибета, Синьцзяна, Халхи, Внутренней Монголии, Барги, Маньчжурии, Шаньдуна»[57].

Идея такого союза появилась у барона не случайно. В 1920-х гг. в бывшей империи Цин была распространена идея «федерации самоуправляющихся провинций». Он мог знать и о том, что в 1906 г. были идеи создания союзного государства Монголии и Тибета [Кузьмин, 2016, с. 77]. Восстановление монархии Богдо-гэгэна Джебцзундамба-хутухты VIII было для Унгерна лишь первым шагом в реализации его плана. Фактически, это был панмонгольский план, более широкий, чем план потерпевшего крах движения панмонголистов. Более того, этот план был геополитически невыгоден Японии, т. к. в случае его успеха в Азии появлялось сильное государство, которое составило бы противовес доминированию Японии.

В Азиатской конной дивизии в 1921 г. служили представители многих монгольских народностей: буряты, халхасцы, чахары, харачины, баргуты, ойраты и др.[58] Был там и отряд японских наемников, который в 1920 г. возглавлял К. Хатакэяма — очевидно, тот самый, который в числе других японских офицеров в 1917 г. участвовал

[53] Телеграмма Орлова от 17 марта 1920 г., [АВПРИ. Фонд Консульство в Урге. Оп. 732. Д. 26. Л. 480–491].
[54] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 243. Л. 246–249].
[55] [АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 243. Л. 228].
[56] [ГАРФ. Фонд 9427. Оп. 1. Д. 392. Л. 35–46; РГВА. Фонд 16. Оп. 3. Д. 222. Л. 123–124об.].
[57] [АВПРФ. Фонд 0111. Оп. 2. П. 104. Д. 47. Л. 45–46об.; РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 9. Л. 104–107].
[58] Подробнее см.: [Кузьмин, 2011].

«в харачинских беспорядках в Барге»[59]. Перед походом на Сибирь, когда численность Азиатской дивизии была наибольшей, в мае 1921 г. монголов в дивизии и поддерживавших ее отрядах было, очевидно, свыше 2500 человек.

Летом 1921 г. положение белых на КВЖД ухудшилось, особенно в Хайларе. Комендант Хайлара Чжан Куйу, хотя и был родственником Унгерна, по-видимому, не мог или не хотел изменить положение. После занятия Внешней Монголии красными унгерновские войска ушли в Баргу, по соглашению с Чжан Куйу разоружились и отбыли на восток в предоставленных железнодорожных вагонах.

В целом, повстанческое движение внутренних монголов после смерти его лидера Бавужава претерпевало трансформации. Не имея возможности интегрироваться во Внешнюю Монголию, создать собственные независимые или автономные структуры, участники этого движения примыкали к тем силам, которые хотели использовать его для того, чтобы избежать включение монголов в национальное государство ханьцев — республиканский Китай: к японцам, декларировавшим восстановление Цинской династии, к панмонголистам, декларировавшим создание объединенного монгольского государства, к Унгерну, восстанавливавшему независимость Богдоханской Монголии. Они стали существенным военно-политическим фактором в Забайкалье, Барге, Внешней и Внутренней Монголии. С одной стороны, будучи частью движения панмонголистов, потерпевшего крах, они использовались Китаем как предлог для оккупации Внешней Монголии и Барги, нарушавшей китайские международные обязательства по соглашениям 1915 г. С другой стороны, они приняли участие в освобождении Внешней Монголии от китайских оккупантов.

Литература / References

Базаров Б. В. *Неизвестное из истории панмонголизма*. Улан-Удэ, 2002 [Bazarov B. V. *Unknown from the Pistory of Pan-Mongolism*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

Базаров Б. В., Цибиков Б. Д., Очиров С. В. *Эльбек-Доржи Ринчино о Монголии*. Улан-Удэ, 1998 [Bazarov B. V., Tsibikov B. D. Ochirov S. V. *Elbek-Dorzhi Rinchino on Mongolia*. Ulan-Ude, 1998 (in Russian)].

Батбаяр Ц. *Монголия и Япония в первой половине XX в.* Улан-Удэ, 2002 [Batbayar Ts. *Mongolia and Japan in the 1st Half of the 20th Century*. Ulan-Ude, 2002 (in Russian)].

Белов Е. А. *Барон Унгерн фон Штернберг: биография, идеология, военные походы 1920–1921 гг.* Москва, 2003 [Belov E. A. *Baron Ungern von Sternberg: Biography, Ideology and Military Campaigns in 1920–1921*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Гирченко В. *Империалистическая интервенция в Бурят-Монголии (1918–1920 гг.).* Улан-Удэ, 1940 [Girchenko V. *Imperialist intervention to Buryat-Mongolia in 1918–1920*. Ulan-Ude, 1940 (in Russian)].

Касаточкин Д. Р. Отдельная Монголо-Бурятская конная бригада имени Зорикто Батора // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2014. № 1. С. 65–75 [Kasatochkin D. R. Separate Zorikto Bator Mongol-Buryat Horse Brigade // *Vestnik Buriatskogo gosudarstvennogo universiteta* (*Bulletin of Buryat State University*). 2014. 1. Pp. 65–75 (in Russian)].

Клинов А. И. *Внутренняя Монголия и Китай. Диссертация на соискание степени канд. ист. наук.* Б.м., 1945 [Klinov A. I. *Inner Mongolia and China*. Ph. D. Diss. S. l., 1945 (in Russian)].

59 [АВПРИ. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 7. Л. 61].

Коростовец И. Я. *От Чингис хана до Советской республики.* Улан-Батор, 2004 [Korostovets I. Ya. *From Genghis Khan to Soviet Republic.* Ulan-Bator, 2004 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *Изгнание монгольских повстанцев из Хайлара в 1917 г. и положение в Барге (Хулунбуире)* (в печати). 2019 [Kuzmin S. L. *The Expulsion of the Mongol Rebels from Hailar in 1917 and the Situation in Barga (Hulunbuir)* (in print). 2019 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. История барона Унгерна: опыт реконструкции. М., 2011 [Kuzmin S. L. *History of Baron Ungern: An Attempt of Reconstruction.* Moscow, 2011 (in Russian)].

Кузьмин С. Л. *Теократическая государственность и буддийская церковь Монголии в начале XX века.* М., 2016 [Kuzmin S. L. *Theocratic Statehood and Buddhist Church in Mongolia in the Beginning of the 20th Century.* Moscow, 2016 (in Russian)].

Курас Л. В. *Транснациональная история монгольского мира в условиях революционного подъема: первая четверть XX в.* Иркутск, 2016 [Kuras L. V. *Transnational History of Mongolian World in the Conditions of Revolutionary Rise: 1st Quarter of the 20th Century.* Irkutsk, 2016 (in Russian)].

Магсаржав Н. *Монгол улсын шинэ түүх.* Улаанбаатар, 1994 [Magsarzhav N. *Modern history of Mongolia.* Ulaanbaatar, 1994 (in Mongolian)].

Марковчин В. В. *Три атамана.* М., 2003 [Markovchin V. V. *Three Atamans.* Moscow, 2003 (in Russian)].

Наками Т. Семенов и монгольские войска // *Проблемы истории и культуры кочевых цивилизаций Центральной Азии.* Т. 4. Улан-Удэ, 2000. С. 123–127 [Nakami T. Semenov and Mongolian Troops // *Problems of History and Culture of Nomadic Civilizations of Central Asia.* T. 4. Ulan-Ude, 2000. Pp. 123–127 (in Russian)].

Оссендовский А. Ф. *Люди, боги, звери.* Москва, 2005 [Ossendowski A. F. *People, Gods, Beasts.* Moscow, 2005 (in Russian)].

Отрощенко І. В. Даурський уряд і буряти // *Східний світ.* 2006. № 1. С. 113–124 [Otroshchenko I. V. Daurian Government and Buryats // *Skhidnii svit.* 2006. 1. Pp. 113–124 (in Ukrainian)].

Отрощенко І. В. *На шляху до Великої Монголії (панмонгольський рух у 1920–1930-ті роки).* Київ, 2011 [Otroshchenko I. V. *On the Road to Great Mongolia (Panmongolian Movement in 1920–1930).* Kyiv, 2011 (in Ukrainian)].

[Семенов Г. М.] Атаман Семенов. *О себе. Воспоминания, мысли и выводы.* Москва, 2002. [Semenov G. M.] Ataman Semenov. *Memoirs, Thoughts and Conclusions.* Moscow, 2002 (in Russian)].

С-кий А. Ф. Япония в «панмонгольском движении» // *Новый Восток.* 1922. № 2. С. 593–603 [S-kii A. F. Japan in the “Pan-Mongolian Movement” // *Novyy Vostok.* 1922. 2. Pp. 593–603 (in Russian)].

Степанов В. В. *Правда об атамане Семенове.* Б.м., 1921 [Stepanov V. V. *The Truth about Ataman Semenov.* S. l., 1921 (in Russian)].

Ургинский. К событиям в Монголии // *Русское обозрение.* 1921. № 1–2. С. 17–190 [Urginskii. On the Mongolian Events // *Russkoe obozrenie.* 1921. 1–2. Pp. 17–190 (in Russian)].

Шанхайская жизнь. № 491 (131), 14.06.1921. Шанхай [*Shankhayskaya zhizn,* 491 (131), 14.06.1921. Shanghai (in Russian)].

Юзефович Л. *Самодержец пустыни.* Москва, 2015 [Yuzefovich L. *Autocrat of the Desert.* Moscow, 2015 (in Russian)].

Юзефович Л. А. *Самодержец пустыни. Барон Р. Ф. Унгерн-Штернберг и мир, в котором он жил.* М., 2010 [Yuzefovich L. A. *Autocrat of the Desert. Baron R. F. Ungern-Sternberg and the World Where He Lived.* Moscow, 2010 (in Russian)].

Atwood C. P. *Young Mongols and Vigilantes in Inner Mongolia's Interregnum Decades, 1911–1931.* Vol. 1. Leiden, Boston, Köln, 2002.

Bulag U., Humphrey C. Some Diverse Representations of the Pan-Mongolian Movement in Dauria // *Inner Asia.* 1996. 1.1. Pp. 1–23.

Архивные документы / Archive documents

Архив внешней политики Российской империи, Москва (АВПРИ) [Archive of Foreign Policy of Russian Empire, Moscow]. Фонд [Вице-] Консульство в Хайларе. Оп. 573. Д. 2, Д. 3;

АВПРИ. Фонд Консульство в Урге. Оп. 732. д. 26.

АВПРИ. Фонд МИД канцелярия. Оп. 470. Д. 78.

АВПРИ. Фонд Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 243, Д. 334, Д. 336, Д. 397, Д. 399, Д. 1548, Д. 1555, Д. 1565, Д. 1579.

Архив внешней политики Российской федерации, Москва (АВПРФ) [Archive of Foreign Policy of Russian Federation, Moscow]. Фонд 0111. Оп. 2. П. 104. Д. 47.

Государственный Архив Российской Федерации, Москва (ГАРФ) [State Archive of Russian Federation, Moscow]. Фонд 9427. Оп. 1. Д. 392.

ГАРФ. Фонд Р-200. Оп. 1. Д. 478, Д. 479.

Российский государственный архив социально-политической истории, Москва (РГАСПИ) [Russian State Archive of Social and Political History, Moscow]. Фонд 532. Оп. 4. Д. 337.

Российский государственный военный архив, Москва (РГВА) [Russian State Military Archive, Moscow]. Фонд 16. Оп. 3. Д. 222.

РГВА. Фонд 39454. Оп. 1. Д. 1, Д. 2, Д. 9.

Hoover Institution on War, Revolution and Peace, Stanford, USA. Микрофильм, box 15.

КОЛОНИАЛЬНЫЙ ТАЙВАНЬ 1920-х гг. ГЛАЗАМИ БРИТАНСКИХ АНАЛИТИКОВ: ОУЭН РАТТЕР И ФРЕНСИС ПИГГОТ

В. Э. Молодяков*

Настоящая статья анализирует сочинения о колониальном Тайване двух британских аналитиков: колониального чиновника и писателя Оуэна Раттера (1889–1944) и военного дипломата Френсиса Пиггота (1883–1966), посетивгих Тайвань в начале 1920-х гг., когда генерал-губернатором острова был назначен опытный администратор и чиновник Дэн Кэндзиро (1855–1930). В книге «По Формозе» (1923), ставшей результатом поездки, Раттер высоко оценил достижения японских колониальных властей по экономическому и социальному развитию острова, но посчитал неуспешной их политику в отношении аборигенов, которых японцам не удалось полностью привлечь на свою сторону. Исходя из опыта собственной службы в колониальной администрации Британского Северного Борнео, Раттер рекомендовал проводить политику сохранения культуры и традиций аборигенов вместо их насильственной «японизации». В мемуарах «Разорванная нить» (1950) Пиггот также высоко оценил работу японской администрации на Тайване. Работы обоих сохраняют ценность для изучения колониальной модернизации Тайваня и ее международного имиджа.

Ключевые слова: Оуэн Раттер, Френсис Пиггот, Тайвань, Япония, Великобритания, Британское Северное Борнео, колониальная политика, аборигены.

COLONIAL TAIWAN IN THE 1920s AS SEEN BY BRITISH ANALYSTS: OWEN RUTTER AND FRANCIS S. G. PIGGOT

Vassili E. Molodiakov

This article deals with the works on colonial Taiwan by two British analysts: colonial civil servant and writer Owen Rutter (1889–1944) and military man and diplomat Francis S. G. Piggott (1883–1966), who visited Taiwan in the early 1920s when experienced administrator and civil servant Den Kenjiro (1855–1930) was appointed Governor-General. In his book *Through Formosa* (1923) written as a result of his trip Rutter highly appraised Japanese colonial administration's achievements in the domain of economic and social development of the island, but evaluated as unsuccessful its policy dealing with Taiwanese aborigines, whom the Japanese mainly failed to attract to their side. Basing on his own experience in the colonial administration of British North Borneo, Rutter recommended preservation of aboriginal culture and traditions instead of the policy of forced "Japanization" of the natives. In his memoirs *Broken Thread* (1950) Piggot also highly estimated the work of Japanese administration in Taiwan. These two works are of high value for studies of Taiwan's colonial modernization and its image abroad.

Keywords: Owen Rutter, Francis S. G. Piggott, Taiwan, Japan, Great Britain, British North Borneo, colonial policy, aborigines.

* Василий Элинархович МОЛОДЯКОВ, доктор политических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; dottore68@mail.ru

Vassili E. MOLODIAKOV, DSc (Politology), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; dottore68@mail.ru

Назначение бывшего министра транспорта, опытного администратора Дэн Кэндзиро (1855–1930) генерал-губернатором Тайваня — первого штатского на этом посту (29 октября 1919 г. — 6 сентября 1923 г.), ранее бывшем прерогативой исключительно военных, — ознаменовало начало нового этапа освоения первой японской колонии. Более либеральная и гибкая, чем у его предшественников, политика Дэн — разумеется, не вырабатывавшаяся им единолично и одобренная центральным правительством — предусматривала различные реформы, имевшие стратегической целью социальную и политическую ассимиляцию тайваньцев в японское общество. На тактическом уровне это выражалось в расширении возможностей для местного населения китайского происхождения в сферах образования, бизнеса и социальной активности, разрешении японо-тайваньских браков, выпуска газет на тайваньском языке[1], допущении дискуссий о самоуправления и поощрении ассимиляционных настроений [2]. Реформы, предпринятые под руководством Дэн, имевшего опыт не только государственной службы, но и предпринимательской деятельности (железные дороги и автомобилестроение), были призваны повысить эффективность колониальной администрации и улучшить ее отношения с местным населением, включая аборигенов, которые оставались напряженными, несмотря на более чем два десятилетия колониального управления островом[3]. Не принижая значения всего сделанного его предшественниками, включая гражданского губернатора Гото Симпэй (1898–1906), заложившего основы колониального управления островом, генерал-губернатора Сакума Самата (1906–1915), силой «замирившего» многие враждебные японцам племена аборигенов, и его преемника Андо Садаёси (1915–1918), при котором началась политика «интеграции» (яп. *до:ка*) местного населения, следует признать, что именно деятельность Дэн на посту генерал-губернатора окончательно сделала Тайвань «витриной» японской колониальной политики, которую можно было с гордостью демонстрировать европейцам.

Ранее автор анализировал книги о колониальном Тайване (в англоязычных текстах тех лет остров именовался «Формоза»; в переводе, за исключением заглавий книг, мы не сохраняем это название) трех американцев: Пултни Бигелоу, Гарри Франка и Гарольда Фогта, посетивших остров в 1921, 1923 и 1925 гг. Первые двое побывали здесь в бытность Дэн генерал-губернатором, который лично принял Бигелоу [Bigelow, 1923, p. 136–137]. В 1921 г. назначенный генерал-губернатором Филиппин Леонард Вуд посетил Тайвань с кратким визитом по дороге к месту службы и встретился с Дэн; обе колониальные администрации изучали деятельность друг друга [Молодяков, 2016]. Если американцы оставались новичками в колониальном управлении и могли чему-то поучиться на примере японцев, то британцы изначально смотрели на последних свысока, не стесняясь выражать сомнения в способности не-«белой» и не-христианской державы проводить успешную «цивилизаторскую» политику в отношении «дикарей» даже в период англо-японского союза (1902–1921). Прекращение его существования в результате давления США во время Вашингтонской конференции — еще один фактор,

[1] Это являлось уступкой по сравнению с прежней администрацией, навязывавшей в качестве языка СМИ только японский как государственный язык.
[2] Подробнее см.: [Tsurumi, 1977, Ching, 2001].
[3] Подробнее см.: [Верченко, 2016; Перминова, 2016].

который необходимо принимать во внимание при анализе британских оценок японской политики в целом и колониальной в частности в 1920-е гг.

Среди британских аналитиков, посетивших Тайвань в 1920-е гг., особого внимания заслуживают двое, о которых пойдет речь в настоящей статье.

Оуэн Раттер (Owen Rutter; 1889–1944) побывал здесь в 1921 г. [Otness, 1999, p. 140–141], хотя в его книге «По Формозе. Рассказ о японской островной колонии» (1923; в 1989 г. переиздана в Тайбэе), вышедшей два года спустя, год посещения не указан — чтобы содержащаяся в ней информация казалась более свежей и актуальной (к аналогичному приему прибег Фогт). Бывший колониальный чиновник и участник мировой войны, Раттер в послевоенные годы сделал выбор в пользу профессиональных занятий литературой, выступая как автор книг о путешествиях и романов из жизни «экзотических» для британского читателя стран и народов. На Тайвань он приехал собирать материалы для очередной книги, рассчитывая заработать на рассказе о «красивом, восхитительном, но малоизвестном острове, поездки иностранцев на который обычно не поощряются», но оговорил в предисловии, что это не «хроника захватывающих приключений» и не «справочный труд» [Rutter, 1923, p. 7].

Свою цель Раттер изложил следующим образом: «Показать, как за тридцать лет японцы преуспели, и великолепно преуспели, в экономическом развитии того, что досталось им в виде чуть лучше пустыни; и как они не преуспели, несмотря на самые добрые намерения, подчинить и обустроить местные племена, которых столетия тирании и преследований сделали непокорными» [Rutter, 1923, p. 7]. Позиция Раттера не была ни откровенно прояпонской, как у Бигелоу или Фогта, готовых восторгаться всем увиденным, ни откровенно антияпонской, как у одного из первых иностранных визитеров колониального периода — немца Адольфа Фишера, перевод очерков которого о посещении Тайваня в феврале-марте 1898 г. не случайно появился в российском «Новом журнале литературы, искусства и науки» осенью 1904 г., в разгар русско-японской войны, и вписывался в общую картину антияпонской пропаганды [Головачев, Молодяков, 2014, с. 27–29]. Не связанный моральными (и, тем более, иными) обязательствами перед японской стороной, Раттер, как и Франк, стремился беспристрастно зафиксировать увиденное — то, что ему позволили увидеть местные власти, а не только то, что они сами показывали. Подобно остальным западным путешественникам того времени, Раттер не знал ни японского, ни китайского, ни тайваньского языков и вынужден был полагаться на переводчиков и провожатых, но в отличие от остальных «туристов» он имел опыт службы в колониальной администрации Британского Северного Борнео (1910–1915) на рядовых должностях — не вырабатывал политику и не влиял на нее, но осуществлял ее на практике. Тем ценнее наблюдения и выводы, сделанные доброжелательным, но не ангажированным автором, компетентным в вопросах колониальной администрации и изучившим основную литературу по теме, включая образцовый для своего времени и сохраняющий значение до наших дней труд бывшего американского консула на Тайване Джеймса Дэвидсона «Остров Формоза» [Головачев, 2018, с. 80–82], из которого Раттер заимствовал многие сведения, особенно об истории и физической географии «прекрасного острова» [Rutter, 1923, p. 28–29].

Френсис Пиггот (Francis S. G. Piggott; 1883–1966) посетил Тайвань в начале 1923 г. по казенной надобности — в качестве британского военного атташе в Токио. В

отличие от Раттера, Пиггот считался знатоком Японии, где он провел четыре года в детстве (1887–1891), когда его отец служил юридическим советником японского правительства, и два года (1904–1906) в качестве стажера военного министерства для изучения японского языка, и откуда вернулся буквально влюбленным во все японское. Именно по его инициативе, одобренной вышестоящим начальством, императору Тайсё в 1918 г. было присвоено звание почетного фельдмаршала британской армии — для улучшения координации действий двух стран во время «союзной» интервенции на Дальнем Востоке России [Best, 2013, p. 103–104]. В 1921–1922 гг. Пиггот участвовал в работе Вашингтонской конференции, занимаясь вопросами, связанными с Японией, после чего был отправлен в Токио на должность военного атташе, которую занимал в 1922–1926 гг. и в 1936–1939 гг. (в литературе лучше изучен второй период). Пиггот претендовал на то, чтобы быть компетентным истолкователем всех связанных с Японией проблем, от военно-политических до психологических, и выступал в качестве активного сторонника и пропагандиста англо-японского сотрудничества вплоть до декабря 1941 г., что вызывало антипатии многих чиновников Форин-офис, а затем навлекло на него подозрения спецслужб. Не углубляясь в детали его военно-дипломатической деятельности и, тем более, не пытаясь дать здесь ее оценку, рассмотрим небольшой по объему, но содержательный фрагмент мемуаров Пиггота «Порванная нить» (1950), посвященный поездке на Тайвань [Piggott, 1950, p. 173–175], который ранее не привлекал внимание исследователей. Несомненно бóльшую ценность представляет его официальный отчет, составленный по возвращении в Токио, упомянутый в мемуарах и, насколько известно, не опубликованный.

Раттер приехал на Тайвань с Северного Борнео, где старший коллега по службе в колониальной администрации Дж. Ирвинг помог ему получить рекомендательное письмо на имя генерал-губернатора от одного из влиятельных представителей местной японской колонии. Содействие властей и британского консула на Тайване Дж. Фиппса позволило ему «заглянуть во многие окна, обычно закрытые для путешественников» [Rutter, 1923, p. 15–16, 7]. В порту Такао (совр. Гаосюн) на юге острова супругов Раттер ждал назначенный сопровождать их чиновник внешнеполитического отдела генерал-губернаторства Косимура, благодаря которому знаменитые своей придирчивостью служащие паспортного и таможенного контроля пропустили гостей генерал-губернаторства за три минуты [Rutter, 1923, p. 45–46]. Пиггот — дипломат, прибывший по приглашению британского консула Фиппса, — въехал на Тайвань через северный порт Килун (совр. Цзилун), но о паспортном контроле даже не упомянул, видимо, «не заметив» его благодаря вниманию местных властей к официальному лицу все еще дружественной державы [Piggott, 1950, p. 173].

Японские колониальные власти охотно снабжали иностранных гостей справочными материалами и статистическими данными, стараясь продемонстрировать не только свои успехи, но и открытость, особенно когда избыток печатной продукции был призван компенсировать невозможность увидеть то или иное место своими глазами. В отличие от Пиггота [Piggott, 1950, p. 174], Раттер, попавший в Хэйто (совр. Пиндун) в не-сезон, не смог посмотреть в действии местный сахарный завод, посещение которого входило в рекомендуемую программу двухнедельного тура по острову [Official Guide, 1933, p. 459] (в настоящее время там находится музей сахарной промышленности). Однако дирекция завода не только чествовала Раттера парадным

обедом из пяти блюд и обильно снабдила информацией, но и показала ему оборудование, дав необходимые пояснения. Результатом стал настоящий панегирик тайваньскому сахарному производству [Rutter, 1923, p. 50–56], бывшему предметом гордости колониальных властей как наиболее передовая в то время отрасль промышленности... и вскоре оказавшемуся объектом суровой критики в книге японского экономиста Янаихара Тадао «Тайвань под властью империализма» (1929)[4]. На соляном заводе в Анпине Раттеру повезло больше: он не только получил статистические данные об объеме производства, продукция которого обеспечивала остров и вывозилась в Японию и Корею, но и увидел процесс выпаривания соли из морской воды [Rutter, 1923, p. 103–106]. Положительное впечатление на него произвели лесное хозяйство в Каги (совр. Цзяи), Алишаньская лесная железная дорога, построенная для развития заготовок древесины, и камфорный завод в Тайхоку (совр. Тайбэй) [Rutter, 1923, p. 119–123, 185–189]. Пиггот также констатировал, что «цветущее положение тайваньской промышленности — чайной, сахарной и камфорной — является гарантией торгового и экономического будущего колонии» [Piggott, 1950, p. 175].

Другим предметом гордости японских властей была система начального и среднего образования для местного населения (как китайского происхождения, так и аборигенов), имевшая конечной целью их ассимиляцию. Даже критики признавали ее успехи, несомненные особенно с учетом сопротивления части местного населения любым новшествам. Отметив как трудности, так и достижения в данной сфере, Раттер сделал вывод: «Местные жители постепенно начинают понимать преимущества хорошего образования для своих детей» как возможного социального лифта [Rutter, 1923, p. 93]. Наряду с этим он отметил: «Очевидно, что японцы не желают допускать уроженцев острова до сколько-нибудь ответственных постов и считают залогом безопасности и эффективности сохранение всей власти в своих собственных руках» [Rutter, 1923, p. 150]. Раттеру организовали экскурсию по тюрьме в Тайхоку [Rutter, 1923, p. 202–204], но категорически отказались показать производство опиума — очевидно, с учетом критики, которой подвергалась за границей политика японских властей в этой области. Раттер назвал «правильной» эту политику, направленную на ограничение употребления опиума, производство и продажа которого были государственной монополией, а не на его полный запрет [Rutter, 1923, p. 189–200][5].

Критику Раттера вызвала политика властей в отношении аборигенов Тайваня, посещение образцовой деревни которых было неотъемлемой частью туристической программы по острову. Японцы хотели показать иностранцам, каких успехов единственная не-«белая» и не-христианская из колониальных держав достигла в том, что официально провозглашалось одной из главных целей колониальной политики, — в «просвещении дикарей», т. е. сначала в их «замирении», затем в распространении среди них начального образования и азов европейской материальной цивилизации. Обе функции совмещались: учителем в начальной школе деревни аборигенов обычно был местный полицейский. Как бывший чиновник колониальной администрации Раттер признал несомненные материальные достижения японцев по продвижению благ

[4] Переиздание [Янаихара, 1988]; русский перевод со значительными искажениями [Ятухара, 1933]; подробнее [Головачев, Молодяков, 2014, с. 84–89].
[5] Подробнее см.: [Головачев, Перминова, 2016].

цивилизации в аборигенную среду и одновременно констатировал, что политика ассимиляции, частью которой было обучение местных детей в японских школах, отрывает их от традиций и обычаев своего народа [Rutter, 1923, p. 217–219].

Раттер считал тайваньских аборигенов этнически близкими аборигенам Северного Борнео [Rutter, 1923, p. 236, 241–247], которых он знал не только как администратор, но и как ученый-этнограф [Rutter, 1929], а потому полагал себя вправе сравнивать и судить. «Не надо быть специалистом, чтобы заключить, что, если два схожих народа живут в схожих условиях, при одной и той же форме правления могут быть достигнуты одинаковые результаты. Однако методы обращения японцев с аборигенами Тайваня не столь успешны, что признают и они сами. …Они вынуждены позволить ста тысячам («немирных». — *В. М.*) аборигенов лишать их семи тысяч квадратных миль территории. …Японцы рискуют своей жизнью внутри районов за колючей проволокой с пропущенным электрическим током, которой они окружили этих детей лесов. Это унизительно. …Японцы потратили много денег и отдали немало жизней. Они пытаются усмирять «охотников за черепами» и одновременно развивать их. …Японцы добились поразительных успехов во всех своих торговых, промышленных, экономических и научных предприятиях на Тайване. Почему же они провалились в одной важной вещи — урегулировании отношений с местным населением?» [Rutter, 1923, p. 247–249].

Основными причинами этого Раттер считал недостаток у японцев опыта в обращении с аборигенами и гордость, не позволявшую учиться у более опытных колониальных держав. «Возможно, это произошло потому, что им пришлось изучать слишком много вещей, и на эту они не обратили внимания. Возможно, потому что вообще не считали нужным учиться. Я склонен думать, что они недооценили важность проблемы и отмахнулись от нее. …Аборигены были всего лишь помехой на их пути; они презирали их как «дикарей» даже тогда, когда вынуждены были понять, что это сила, с которой приходится считаться. Кажется, они не знают способа подружиться с местными племенами; более того, это, похоже, никогда и не приходило им в голову» [Rutter, 1923, p. 249].

Главной ошибкой японцев Раттер считал настойчивую ассимиляторскую политику в отношении аборигенов, у которых давно существовали свой язык, традиции и уклад жизни. «Власти Тайваня заставляют аборигенов учить японский язык, вместо того чтобы посылать чиновников изучать местные наречия. Они разрушают дух аборигенной расы, вместо того чтобы поощрять его. Поэтому язычники не спешат подчиняться японскому влиянию; поэтому японцы потерпели неудачу» [Rutter, 1923, p. 250–251]. В качестве выхода он советовал использовать опыт Северного Борнео, где британские власти столкнулись и успешно решили такие же проблемы: «К аборигенам надо относиться не как к «дикарям», но как к детям… Требовались только терпение, такт и решимость действовать, но все это было» [Rutter, 1923, p. 252–253]. Раттер также критиковал стремление местных властей насаждать японское право в аборигенной среде, испокон веков жившей по своим собственным законам, рекомендовал передать больше власти вождям тех племен, которые готовы сотрудничать с колониальной администрацией, и привлекать аборигенов на службу в полицию в зоне их проживания. «Это не грезы и не утопия, — заключил он. — Это делалось и делается. Не верю, что Япония не может найти людей, которые сделают это» [Rutter, 1923, p. 261].

Самой недоступной для иностранцев сферой жизни колониального Тайваня оставалась военная, но и здесь японцы демонстрировали избирательный подход. По свидетельству Пиггота, командующий Тайваньской армией генерал Фукуда Хэйтаро предоставил ему «практически полную свободу ездить, куда захочется, и осмотреть столько подразделений гарнизона (около 6000 человек), сколько возможно. …Важной особенностью поездки было почти полное отсутствие каких-либо ограничений на получение информации. …Каждый военный, от самого командующего до ротных командиров в Тайнане и Тайтю, полицейские чины в Хэйто, управляющие камфорными и сахарными заводами, учителя и даже инженер на радиостанции в Килуне — все были готовы ответить на любой разумный вопрос» [Piggott, 1950, p. 175]. Даже Раттеру — неофициальному штатскому визитеру — разрешили посетить гарнизон Тайхоку, где его радушно приняли офицеры во главе с командиром, показали казармы и позволили понаблюдать за стрельбами [Rutter, 1923, p. 265–266].

Стремясь расширить потенциальную читательскую аудиторию, Раттер сочетал информацию специального характера и исторические экскурсы, заполнившие многие страницы его книги, с живыми бытовыми зарисовками, создававшими «эффект присутствия», вроде описания японской гостиницы *рёкан* в Тайнане и бани *фуро* при ней [Rutter, 1923, p. 63–68, 107–108] или особенностей обмена визитными карточками с японцами [Rutter, 1923, p. 56–58, 109–110]. Этой же цели служили многочисленные фотографии (иллюстрации к мемуарам Пиггота в силу жанра больше напоминают семейный альбом). Не забывал Раттер отмечать и внимание к нему японских официальных лиц, включая губернаторов префектур и мэров городов, чтобы подчеркнуть свой статус [Rutter, 1923, p. 68–69, 110, 115–116, 129–130], в чем у Пиггота не было необходимости. Апофеозом стал рассказ о приеме, оказанном автору в Тайхоку, где ему понравилось, особенно в «пышно украшенном мрамором и обошедшемся в 300000 фунтов стерлингов великолепном здании» генерал-губернаторства, которое неизменно вызывало восхищение иностранных путешественников [Rutter, 1923, p. 145–149, 167–170, 179–183]. Жаль только, что британским визитерам не удалось встретиться с самим генерал-губернатором Дэн, который в обоих случаях находился в Японии [Rutter, 1923, p. 148; Piggott, 1950, p. 173].

Информативная для своей эпохи книга Оуэна Раттера «По Формозе» к настоящему времени во многом утратила значение как источник сведений о колониальном Тайване, но сохраняет ценность для историков колониальной политики Японии и ее международного резонанса. Фрагмент мемуаров Френсиса Пиггота «Порванная нить» о посещении им Тайваня в качестве британского военного атташе вводит новую значимую фигуру в контекст изучения западного восприятия японской колониальной политики и задает дальнейшее направление поисков.

Литература / References

Верченко А. Л. Становление японской власти на Тайване и сопротивление местного населения (1895–1915 гг.) // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования.* М., 2016. С. 64–79 [Verchenko A. L. Implementation of the Japanese Order in Taiwan and the Resistance of the Islanders (1895–1915) // *Taiwan Under Japanese Rule. New Materials and Studies*. Moscow, 2016. Pp. 64–79 (in Russian)].

Головачев В. Ц., Молодяков В. Э. *Тайвань в эпоху японского правления. Источники и исследования на русском языке. Аналитический обзор.* М., 2014. [Golovachev V. Ts., Molodiakov V. E. *Taiwan Under Japanese Rule. Russian Language Sources and Studies. Analytical Review*. Moscow, 2014 (in Russian)].

Головачев В. Ц., Перминова В. А. Журналист И. С. Левитов об опиумной политике на Тайване // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования.* М., 2016. С. 89–100 [Golovachev V. Ts., Perminova V. A. Journalist I. S. Levitov about Japanese Opium Policy in Taiwan // *Taiwan Under Japanese Rule. New Materials and Studies*. Moscow, 2016. Pp. 89–100 (in Russian)].

Головачев В. Ц. *Этнополитическая история Тайваня в мировой историографии XVII–XXI вв.* М., 2018 [Golovachev V. Ts. *Ethno-Political History of Taiwan in the World Historiography, 17–21st centuries.* Moscow, 2018 (in Russian)].

Молодяков В. Э. Витрина японской колониальной политики: Тайвань в записках американских путешественников 1920-х годов // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования.* М., 2016. С. 162–178 [Molodiakov V. E. Showcase of Japanese Colonial Policy: Taiwan Seen by American Voyagers in the 1920s // *Taiwan Under Japanese Rule. New Materials and Studies*. Moscow, 2016. Pp. 162–178 (in Russian)].

Перминова В. А. Этническая политика и национальные проблемы в первые 20 лет японского управления на Тайване (1895–1915 гг.) // *Тайвань под японским управлением: новые материалы и исследования.* М., 2016. С. 80–89 [Perminova V. A. Ethnic Policy Problems during the First 20 Years of Japanese Colonial Rule in Taiwan (1895–1915) // *Taiwan Under Japanese Rule. New Materials and Studies*. Moscow, 2016. Pp. 80–89 (in Russian)].

Яутихара Т. *Формоза под властью японского империализма.* М., 1934 [Yauchihara T. *Formosa under the Rule of Japanese Imperialism*. Moscow, 1934 (in Russian)].

Янаихара Т. Тэйкокусюги ка-но Тайван. (Тайвань под властью империализма). Токио, 1988 [Yanaihara T. *Taiwan Under Imperialism*. Tokyo, 1988 (in Japanese)].

Best A. Major-General F. S. G. Piggott (1883–1966) // *Britain & Japan. Biographical Portraits.* Vol. VIII. Cortazzi H. (ed.). Leiden, Boston, 2013. Pp. 102–116.

Bigelow P. *Japan and Her Colonies*. London, 1923.

Ching L. T. S. *Becoming "Japanese". Colonial Taiwan and the Politics of Identity Formation.* Berkeley, 2001.

An Official Guide to Japan. A Handbook for Travelers. Tokyo, 1933.

Otness H. M. *One Thousand Westerners in Taiwan, to 1945. A Biographical and Bibliographical Dictionary*. Taipei, 1999.

Major-General F. S. G. Piggott. *Broken Thread.* Aldershot, 1950.

Rutter O. *Through Formosa. An Account of Japan's Island Colony*. London, 1923.

Rutter O. *The Pagans of North Borneo*. London, 1929.

Tsurumi P. E. *Japanese Colonial Education in Taiwan*. Cambridge, 1977.

НАТУХАЙЦЫ В СИСТЕМЕ ПОЛИТИКИ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Л. И. Цвижба[*]

На примере натухайского общества в статье рассматривается процесс присоединения народов Западного Кавказа к России в XIX в. На основе архивных источников (многочисленные донесения, рапорты, записки военных чиновников) показан сложный путь вхождения в систему Российской империи. Желание отдельных представителей натухайцев покориться российской политике встречало сопротивление соседей — более сильных убыхов, шапсугов и представителей собственного общества, под влиянием которых они зачастую отказывались от ранее принятых обязательств в знак покорности России. Весьма показательна история 159 натухайцев, захваченных в плен во время военных действий Адагумского отряда в 1858 г. и отправленных в Самарскую губернию на поселение. Сложные взаимоотношения в обществе, влияние внешнего фактора на принятие покорности, выдача аманатов показывают, как непросто и порой трагично выстраивались взаимоотношения с представителями российской власти на Кавказе.

Ключевые слова: Западный Кавказ, Черноморская береговая линия, натухайское общество, старшины, добровольное вхождение, присяга, покровительство России, судьба пленных.

NATUKHAI PEOPLE IN THE POLITICAL SYSTEM OF THE RUSSIAN EMPIRE

Larisa I. Tsvizhba

The example of Natukhai society is used in the article to demonstrate the process of incorporation the peoples of the Western Caucasus into Russian Empire in the 19th century. Basing the research on archival sources (numerous written accounts, reports, and notes of military officials) the author shows the difficult way for the subjects to enter the Russian Empire. The desire of individual Natukhai to submit to Russian political system met with the resistance of stronger neighbors (Ubykhs, Shapsugs), as well as the representatives of their own society, who often forced them to give up their earlier obligations as a sign of obedience to Russia. Quite demonstrative is the story of 159 Natukhai, captured during military clash of the Adagumskiy Unit in 1858 and sent to Samara Province for settlement. The most complex relationships within the society, external factors, influencing the process of submission to Russia, as well as the issue of *Amanats* demonstrate the most difficult and sometimes tragic way of establishing relationships between the Caucasian peoples and the representatives of the Russian authorities.

Keywords: Western Caucasus, Black Sea coastline, Natukhai society, elders, voluntary occurrence, oath, Russian protection, Amanats.

---

[*] Лариса Исиновна ЦВИЖБА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; laratas@mail.ru

Larisa I. TSVIZHBA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; laratas@mail.ru

Интеграция горских обществ в политическую систему России шла сложно. Добровольные вхождения в состав России, нарушения принятых обязательств, интриги в обществах, междоусобица осложняли взаимоотношения сторон и оттягивали завершение этого процесса. Об этом свидетельствуют хранящиеся в архивах многочисленные донесения, переписка и записки российских военных чиновников. Эти материалы позволили выстроить картину покорения одной из народностей Западного Кавказа — натухайцев. Приводимые здесь факты свидетельствуют о том, какая ломка шла в обществах и общественных отношениях, в привычном укладе жизни горцев, как выстраивались их отношения с русскими, и какое было в целом напряженное, тяжелое время.

«Натукуадж и Шеки, прежде составлявшие особое владение Магомета Занова, бежавшего в Турцию, где он известен под именем Сефер-бей, занимают место по берегу моря от устья Кубани до реки Пшады между крепостью Анапою, укреплением Геленджиком и Ольгинским мостовым укреплением, народонаселение 140000 человек (непокорных). Люди Натукуадж и Шеки, живущие ближе, чем другие, к Анапе, прежнем местопребывании турок, ревностные магометане, равно как и часть сапсуг [шапсуг], народ торговый» [РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6382. Л. 2, 4 об.–5], читаем в составленном А. И. Мендом обзоре политического состояния Кавказа (1840 г.), где речь идет о натухайцах.

«За Абином вплоть до Новороссийска, Анапы и устьев Кубани в Черное море жили натухайцы. По причине ли близости моря или менее суровой местности, но только натухайцы отличались более мирными, нежели воинственными наклонностями. Хищничеством же вовсе не занимались, как их соседи шапсуги, потому что не были способны к приобретениям, соединенными с опасностями, или не находили в том нужды по довольствии жизни, к чему много способствовала торговля», — свидетельствуют записки участника Кавказской войны М. Я. Ольшевского [Ольшевский, 2003, с. 487].

В 1830-е гг. начались активные военные действия против горцев Западного Кавказа, повлекшие за собой уничтожение аулов. Активность в противостоянии проявляли обе стороны. Среди горцев были люди и более лояльно настроенные на интеграцию в Россию, но подобная позиция не всегда воспринималась однозначно, что усложняло взаимоотношение и приводило к междоусобице и затягиванию принятия присяги со всеми вытекающими последствиями. К тому же, Черноморская береговая линия со множеством укреплений и крепостей, строительство которой завершилось к концу 1830-х гг., отрезала горцев от внешнего мира, закрыла торговые связи, в том числе контрабандные, с купцами, доставлявшими необходимые им товары из Турции.

Так, начальник 1-го отделения Черноморской береговой линии контр-адмирал Л. М. Серебряков писал командующему войсками на Кавказской линии и в Черномории 31 января 1840 г. о том, что в натухайском обществе проводятся собрания, которые вызывали настороженность у начальника Черноморской береговой линии генерал-лейтенанта Н. Н. Раевского. Один из представителей натухайского общества тохавов (свободное сословие) Безим Соупух, «пользовавшийся по богатству и природному уму весьма сильным влиянием на своих соплеменников», приехав к Серебрякову с охранными листами, выданными ему в разное время русскими

генералами, просил, чтобы войска не разоряли его аула и жилища натухайцев (более 200 семейств), расположенные на недалеком расстоянии по рекам Декош, Киаштух, Хоком, Мсегак и Секенух, объясняя это тем, что он и упомянутые им натухайцы не будут предпринимать никаких неприязненных действий, напротив, он будет уведомлять о злоумышленных намерениях прочих племен. Покориться правительству Безим Соупух был не прочь, но он не решался на такой поступок, опасаясь «мщения других племен», уверяя, что жители, от имени которых он пришел, «весьма к этому склонны и всеми силами стараться будут сохранить миролюбивые с нами отношения» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 2–2 об.].

Действительно, тохав Безим и его единомышленники не нарушали данных ими обещаний не предпринимать «ничего вредного». Мало того, налаживались доверительные отношения с военными и русским населением, и это подтверждалось их частым появлением для торговли в форте Раевский и в Анапе. Случались и неоднократные прибытия Безима с другими старшинами к анапскому коменданту для обмена информацией. Как отмечал Серебряков, Безим сказал, что члены общества тохав убедились в предательском и вредном для них влиянии другого натухайского сословия — узденей, и что они намерены от них отделиться и действовать независимо, по собственному своему соглашению [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 3–3 об.].

В чем заключался конфликт в натухайском обществе? Почему затянулся вопрос поведения собрания натухайцами для принятия покорности на полтора года? Причина крылась в распрях внутри общества по вопросу отношения к торговле с русскими, которую часть натухайцев воспринимала как выгодное мероприятие, но были и те, кто препятствовал этому сближению. В разнородном обществе старшины и влиятельные люди аулов навязывали народу определенное поведение, преследуя собственные цели, заставляя отречься от ранее принятой присяги. На настроение натухайцев также влияли соседние убыхи, шапсуги, которые оказывали активное сопротивление российской политике на Кавказе, под предлогом, что вопрос покорности должен быть согласован со всеми теми, между кем существовало обязательство «действовать заодно». В то же время командир Отдельного Кавказского корпуса генерал Е. А. Головин писал в донесении военному министру в мае 1841 г. о слабости русской армии: «Не поддерживая войсками желающих покориться правительству, порождаем как в них, так и в других враждебных племенах мысль о нашем бессилии, что кавказские народы не могут до сих пор постигнуть силы, обширности и могущества России, встречая повсюду отряды гораздо слабее себя, они не верят, что мы имеем неисчерпаемые средства для их покорения» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 50–51]. Период принятия решения покорности натухайским обществом освещен в статье [Цвижба, 2014].

В другом рапорте, датированном также маем 1841 г., корпусный командир писал военному министру, что, несмотря на продолжительную борьбу с горцами, «мы еще так далеки от нашей цели — повсеместного утверждения владычества нашего на Кавказе. Напрасно мы стараемся распространить истинные понятия о могуществе и силе России, напрасно свидетельствуют о том горцы, видевшие собственными своими глазами и безмерность нашей империи, и многочисленность войск наших. Хитрые возмутители и враждебные нам старшины горцев уверяют, хотя это и справедливо, что войска из отдаленных стран России не могут прийти на Кавказ, ибо мы в вечной войне

с другими сильными народами, а легковерные, невежественные толпы им верят, пока не убедятся в противном, пока не увидят против себя значительных сил [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 56–56 об.].

Тем временем, военные отряды все более продвигаются вглубь горских поселений, а командование довольно состоянием и настроением солдат. «Войска отряда бодры, веселы и воодушевлены постоянными успехами при беспрестанных рекогносцировках и действиях против неприятеля», — писал начальник Черноморской береговой линии в Военное министерство 30 июня 1842 г. Потерпев поражение, горцы 8 июня рассеялись, шапсуги и абадзехи разошлись по домам. Между тем, приближающееся время жатвы и опасение неминуемого разорения края заставила натухайцев в очередной раз заговорить о переговорах с русскими, для чего они вновь собрались в долине Китлемиш, расположенной между Анапой и фортом Раевский. Численность их доходила до 500 человек. Примечательно, что от дворян был всего один человек — посланный быть в курсе происходящего. 23 июня в лагерь на Гостогае приехали три делегата от собрания натухайцев с просьбой, чтобы начальник Черноморской береговой линии генерал-адъютант И. Р. Анреп приехал в Анапу для переговоров с уполномоченными от собрания. Желание натухайских крестьян было исполнено, но с оговоркой, в случае «нелепых требований» горцев, будут немедленно прекращены переговоры и «приступлено к очищению края оружием» [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 69–69 об.].

Встреча натухайских делегатов с Анрепом состоялась 26 июня в Анапе. «Выбор их предвещал успех переговоров, это были: Сопух, житель долины Мескаш, известный издавна преданностью к нам; Ислам Бжизю, мулла, который год в собрании у горцев доказывал с Кораном необходимость покориться» русскому царю и еще один старшина из аула Шиитх. Все трое не из знати, но люди «значительные и уважаемые в народе», — писал Анреп в рапорте в Военное министерство. Переговоры жителей, занимавших пространства от Псебеста до вершины Сушмая и Гостогая и всего прибрежья от Новороссийска до Анапы, длившиеся трое суток, завершились присягой и выдачей аманатов. В ходе переговоров было отмечено, что и жители Псебеса в скором времени последуют примеру присягнувших, а что касается дворян, то их сопротивление ничтожно, да и во всей земле натухайцев их не более 40 семей, большей частью вовсе не имеющие крестьян или владеющих одною и ли двумя семьями. В то же время, г.-а. Анреп, отмечал, что старшины, с которыми он встречался, очень искренне желали покорности и были убеждены в ее необходимости, при этом генерал награждает их весьма своеобразными характеристиками, в частности, что «нельзя вполне ручаться с этим пылким, легкомысленным и переменчивым народом». Чтобы не провоцировать жителей Псебеста, было поручено контр-адмиралу Серебрякову прекратить «любые неприязненные действия» в отряде, «стараясь угрозами и ласками скорее склонить жителей Псебеста присоединиться к покорившимся их соплеменникам», продолжать строительство крепости и прокладки дороги на Вареникову пристань [РГВИА. Ф. 14719. Оп. 3. Д. 493. Л. 70–71 об.].

Нескоро произойдет окончательное покорение народов Западного Кавказа, в том числе и натухайцев. К тому же здесь активно работали ставленники имама Шамиля, которые вели пропагандистскую деятельность среди населения для «объединения их под религиозным знаменем для борьбы с русским царизмом» [Касумов, Касумов, 1992,

с. 141]. И это влияние имело определенный результат. Так, только за 1846 г. на Черноморской береговой линии произошло 88 сражений. В этот период российская армия вела больше оборонительную войну на «береговой линии», не совершая карательных экспедиций во внутренние районы Закубанья [Касумов, Касумов, 1992, с. 101–102].

Появление наиба Шамиля Магомед-Амина (Мухаммеда-Амина) в 1848 г. среди горцев Западного Кавказа также имело определенное влияние на умы населения. Магомед-Амин сумел сосредоточить в своих руках светскую и духовную власть, произвел ряд административных преобразований, создал округа, в том числе и у шапсугов и натухайцев. Попытка наиба объединить всех закубанских адыгов и создать государственную систему, схожую с имаматом Шамиля, не увенчались успехом, и тому причиной были внешние и внутренние факторы. [Касумов, Касумов, 1992, с. 102].

Магомет-Амин не смог достичь единства в управлении и все чаще встречал противодействие своей власти, хотя он неоднократно был предводителем горцев в сопротивлении российской политике. После пленения Шамиля в 1859 г. он складывает оружие, вступает в подданство России, а затем эмигрирует в Турцию. Тогда же более активную деятельность проявляет русская армия на Западном Кавказе, куда направлены все военные силы, сосредоточенные на Кавказе, для приведения в покорность горцев. В том же 1859 г. часть натухайцев, это примерно 8000 человек, приняла присягу на подданство России [РГВИА. Ф. 38. Оп. 7. Д. 736. Л. 28].

Из записки императора Александра II, датированной 1860 г., следует, что Магомет-Амин, «с самым многолюдным населением Правого крыла Кавказской линии, признал также наше владычество. Есть слухи, что натухайцы последовали его примеру» [Кавказ в Российской империи, 2005, с. 165–166].

До завершения военных действий на Западном Кавказе остается менее четырех лет. В этот период времени произойдут самые трагические события у народов Кавказа: это не только пленения, переселения, ссылки в регионы России, но и вынужденный и принудительный исход в Турцию, и гибель тысяч горцев разного возраста и пола. Не избежал этой участи и натухайский народ. А пока идет покорение горцев, соседствующих с натухайцами, принятие присяги на подданство России, и как следует из рапорта начальника Натухайского округа генерал-майора П. Д. Бабича начальнику Кубанской области Н. И. Евдокимову от 30 декабря 1860 г. шапсуги, принявшие подданство России 24 декабря 1860 г. дали аманатов: Хаджибея Хамту, Хахо Бжегата и Цекуой Натхо, которые отправлены в Анапу, где находились аманаты от натухайцев [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 459. Л. 12–12 об.].

Из предположений о военных действиях на Правом крыле Кавказской линии с осени 1859 г. по 1 декабря 1860 г., составленных генерал-лейтенантом Г. И. Филипсоном, который был активным участником покорения народов Западного Кавказа, следует, что «опустошительная осенняя экспедиция прошлого года поставила натухайцев в бедственное положение». Он отмечал влияние шапсугов на натухайцев и что им «не достает единства и воли» для самостоятельного действия. Филипсон писал, что лучшие люди перебиты или переселились к шапсугам, среди натухайцев не осталось людей, которые смогли бы влиять решительно на свой народ и привести к покорности. Такая ситуация, безусловно, облегчает войскам вести наступательные действия, особенно в зимнее время. Для упрочения власти на территории между Лабою

и Белою, куда полагалось поселить казачье население, необходимо было изгнать непокорных горцев. Для этой цели Филипсон полагал лишать горцев «насущных потребностей жизни, отнятием от них пространств, удобных для хлебопашества и скотоводства», тем более что в предыдущих экспедициях Майкопским и Лабинским отрядами были проложены просеки от Майкопа к Лабинской станице, которые сделали доступными многие сельскохозяйственные поляны. Филипсон категоричен, он отмечал, что необходимо «завладеть этими полянами, не давать горцам ни сеять, ни жать, ни косить, значит решить ту задачу, которая указана г[осподино]м главнокомандующим» [ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 39. Л. 23–38; Проблемы кавказской войны, 2001, с. 108–111].

Кроме этих наступательных действий войска должны были провести дополнительные меры по укреплению передовых линий, организовать строительство двух новых станиц для казачьего населения между Кубанью и Большой Лабой и т. д. Вердикт Филипсона был таков: «Таким образом, в конце 1860 г. мы окончательно устроим наше местное вооруженное население до Большой Лабы, станем твердою ногою в нагорной полосе между Белой и Малой Лабою и отделим Адагумскую линиею землю натухайцев от других народов» [ГАКК. Ф. 347. Оп. 2. Д. 39. Л. 23–38; Проблемы кавказской войны, 2001, с. 112–113].

Тем временем начальник Константиновского укрепления полковник А. Ф. Лыков в рапорте начальнику Натухайского округа генерал-майору П. Д. Бабичу от 24 декабря 1860 г. писал, что к нему явился житель аула Мескаго Гаджи-Магомет Ацок со старшинами геленджикскими: Окепсом Гусейном и Клостен-Нале Оцоком. Они попросили покровительства русского правительства, выразили готовность принять присягу на верноподданство России. Как следует из рапорта Лыкова, Гаджи-Магомет Ацок объявил, что все прибрежные аулы фальшивого Геленджика, Пшады, Уланки и Джубы желают последовать их примеру, не обращая внимание на влияние Карабатыра, который остается при своем прежнем мнении (Карабатыр — сын натухайского князя Сефер-бея Зана, который также агитировал натухайцев не повиноваться русским. — *Л. Ц.*). При этом говорилось, что жители названных аулов, численность которых достигала сто дворов, готовы встретить и принять русских хлебом и солью, а также довольствием для войска. Здесь же отмечалось, что старшины остальных аулов обязались явиться 4 января 1861 г. [РГВИА. Ф. 14257. Оп. 3. Д. 459. Л. 15–15 об.].

Генерал М. Ольшевский, написавший, что «только натухайцы отличались более мирными, нежели воинственными наклонностями», говоря о начавшихся переселениях в Турцию в начале 60-х годов XIX в. отметил одну из причин исхода: «Одновременно с ногайцами началось первое переселение в Турцию и натухайцев, возбужденное отчасти неудовольствиями от построения на их земле наших укреплений и станиц» [Ольшевский, 2003, с. 502].

Действительно, активные наступательные действия в среду обитания горцев стесняли их, вынуждали оставлять свои жилища, уходить в леса, в горы, но это не спасало их от столкновения с военными отрядами и неминуемым переселением.

14 октября 1861 г. начальник Кубанской области Н. И. Евдокимов в письме начальнику Натухайского округа П. Д. Бабичу писал о жестких мерах, необходимых против не желающих покориться натухайцев: «Обратите против непокорных имеющиеся у Вас силы и заставьте их быть послушными. Натухайцы давно нарушили свое обязательство, и вы имеете полное право наказывать их хоть сейчас, но

воздерживаетесь от этого только из сожаления к невинным, которые между ими еще есть. Затем объявите решительно, что мы строим станицы, где нам нужно, и что при первом выстреле с их стороны истребим все их жилища, что прошу вас исполнить, как только со стороны натухайцев будет дан к тому повод». Евдокимов беспощаден к тем, «на которых нельзя положиться» и предлагает «истребить аулы неповинующихся и поселить в болота аулы покоренных» [ГАКК. Ф. 389. Оп. 1. Д. 36. Л. 20–22; Проблемы кавказской войны, 2001, док. № 82].

Ответ на вопрос с выселением горцев был понятен, но что предстояло сделать с тему, кого нужно было оставить на территории России? Этот вопрос становится острым во второй половине XIX в., когда проявившим безусловную покорность предстояло расселиться на новых, предназначенных для них территориях. В документах периодически встречаются подобные сведения (например, куда переселить шапсуг, проживающих на реке Убине и принявших покорность в 1863 г.) [ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 308. Л. 28; Проблемы кавказской войны, 2001, с. 198]; свидетельства об успешной деятельности начальника Натухайского округа по переселению натухайцев на плоскость и составление посемейных списков для наделения их землей на правом берегу реки Кубани. Здесь вновь возникает вопрос расселения вновь прибывших среди русских, что не очень одобрительно воспринимается горскими обществами. «Знаю предубеждение горцев к выселению в русские пределы и то презрение, с каким смотрят они на всякого поселившегося между русскими, я думаю, что лучше всего, в виде опыта, попробовать уговорить нескольких, более или менее влиятельных людей из натухайцев, переселиться за Кубань в том районе, что за ними, по всей вероятности, последуют потом и другие», — так пишет в конфиденциальном письме командующий Адагумским отрядом помощнику начальника Натухайского округа подполковнику Д. А. Маняти 4 августа 1863 г. В письме идет речь и о поощрении: «Для большего убеждения натухайцев к переселению за Кубань не мешает выбранному вами для сего коноводу обещать по секрету хорошее денежное награждение» [ГАКК. Ф. 325. Оп. 1. Д. 308. Л. 39–40, 42, 48–49; Проблемы кавказской войны, 2001, с. 199–201].

Итак, вопрос о том, что делать с покорившимися горцами более или менее прояснился, но как быть с попавшимися в плен в период военных действий — ведь они считались непокорными? Если первых старались переселять на Дон и расселять среди русского населения, вторых отправляли на поселения подальше от Кавказа. Как реально решались эти непростые для сторон вопросы, которые имели трагические последствия для горцев, оставшихся в России?

Вопрос о расселении пленных горцев возник не сразу. Он обсуждался еще в начале активных военных действий против горцев Западного Кавказа, а в 1840 г. вышло Высочайшее повеление, объявленное военным министерством командиру Отдельного Кавказского корпуса 19 июля 1840 г. В этом документе судьба горцев расписана по категориям:

1. Добровольно являющиеся горцы с их семействами, если таковые находятся, причисляются к разным станицам Войска Донского, записываются в казаки и наряжаются на службу в полки, кроме командируемых в Отдельный Кавказский корпус.

2. Пленные горцы по прибытии в Новочеркасск, по распоряжению войскового начальства, зачисляются в арестантские роты внутренних губерний, дети их, имеющие более 7 лет, мужского пола, определяются в батальоны военных кантонистов, а

женского пола — в Московский воспитательный дом, жены же пленных, с другими малолетними детьми оставляются в Войске Донском [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 9–10 об.].

Вместе с тем появилась еще одна категория горцев, дополнившая две вышеназванные. Это «порочные азиатцы» Кавказского и Закавказского края, которых главнокомандующий Отдельным Кавказским корпусом мог удалять на срочное или бессрочное жительство под надзором полиции; которых считали удобным поселить «во внутренних более отдаленных от Кавказа губерниях» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 12–14].

В вопросах о военнопленных весьма показательна судьба 159 натухайцев, захваченных в плен в период военного похода Адагумского отряда и «разорения аулов», расположенных на речках Дуг и Озерейк 14 ноября 1858 г. Их предстояло отправить на высылку в Самарскую губернию, куда они добирались более двух месяцев, но, не успев и не имея возможности обустроиться на новом месте жительства, были вынуждены отправиться в обратный путь, так как натухайское общество стало покорным. 23 марта 1861 г. из Самарской губернии на Кавказ вернулись 68 человек, выживших в этом «путешествии» [РГВИА. Ф. 330. Оп. 3. Д. 587. Л. 159–160].

Процесс покорения горцев шел сложно. Военные отряды русской армии были беспощадны в достижении поставленных целей — приведение в покорность народов Кавказа. Уничтожение посевов, разорение аулов, пленение — все это приводило к безусловной их покорности и принятию присяги на верность России. История 159 пленных натухайцев подтверждает, что российская власть на Кавказе легко распоряжалась человеческими судьбами, когда в тяжелый и неподготовленный путь были отправлены и малолетние дети, и старики, не доехавшие до места назначения. Документы, к сожалению, не отражают человеческие эмоции, в списках пленных есть только отметки: «болен», «умер», «умерли дорогой»…

Литература / References

Кавказ в Российской империи: проекты, идеи, иллюзии и реальность. Начало XIX — начало XX вв. СПб., 2005 [*The Caucasus in the Russian Empire: Projects, Ideas, Illusions, and Reality. The Beginning of the 19th — the Beginning of the 20th Centuries.* Saint Petersburg, 2005 (in Russian)].

Касумов А.Х., Касумов Х.А. *Геноцид Адыгов.* Нальчик, 1992 [Kasumov A. H., Kasumov H. A. *The Adyghes Genocide.* Nalchik, 1992 (in Russian)].

Ольшевский М. *Кавказ с 1841 по 1866 год.* Серия: *«Воспоминания участников Кавказской войны XIX века».* СПб., 2003 [Olshevskii M. *Caucasus from 1841 to 1866. Series: "Memories of Participants of the Caucasian War of the 19th Century".* Saint Petersburg, 2003 (in Russian)].

Проблемы кавказской войны и выселение черкесов в пределы Османской империи (20 — 70-е гг. XIX в.). Сборник архивных документов. Под ред. Т. Х. Кумыкова. Нальчик, 2001 [*Problems of the Caucasian War and the Eviction of the Circassians into the Ottoman Empire (20th — 70th of the 19th Century). Collection of Archival Documents.* Kumikov T. X. (ed.). Nalchik, 2001 (in Russian)].

Цвижба Л. И. Натухайцы. Из истории присоединения Западного Кавказа к России // *Республика Абхазия.* № 71. 4 июля 2014 [Tsvizhba L. I. From the History of the Accession of the Western Caucasus to Russia // *Republic of Abkhazia.* № 71. July 4, 2014 (in Russian)].

Архивные документы / Archive documents

Государственный архив Краснодарского края (ГАКК) [State Archive of Krasnodar Region]. Фонд 325. Опись 1. Дело 308. Лист 28, 39–40, 42, 48–49.
ГАКК. Фонд 347. Опись 2. Дело 39. Лист 23–38.
ГАКК. Фонд 389. Опись 1. Дело 36. Лист 20–22.
Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА) [Russian State Military Historical Archive]. Фонд 38. Опись 7. Дело 736. Лист 28.
РГВИА. Фонд 330. Опись3. Дело 587. Лист 9–10, 12–14, 159–160.
РГВИА. Фонд 846. Опись 16. Дело 6382. Лист 2, 4–5.
РГВИА. Фонд 14257. Опись 3. Дело 459. Лист 12, 15.
РГВИА. Фонд 14719. Опись 3. Дело 493. Лист 2–3, 50–51, 56, 69, 70–71.

ИСТОРИЯ ТОРГОВЛИ РОССИИ СО СТРАНАМИ ВОСТОКА НА НИЖЕГОРОДСКОЙ ЯРМАРКЕ

И. Ю. Авдаков*

Нижегородская ярмарка на протяжении более трехсот лет была важнейшим внутренним рынком нашего государства и в течение почти двух столетий считалась барометром русской хозяйственной жизни. Она содействовала развитию внутреннего обращения страны, а с некоторых пор стала играть важную роль и в ее внешней торговле. В середине XVIII в. она была признана деловыми кругами тогдашнего общества установщицей цен для всей внутренней торговли государства, мерилом его хозяйственных успехов. Это важное событие связано с появлением на рынке азиатского продукта — чая. Караванная торговля чаем производилась до середины XIX в., пока на русский рынок не стал проникать чай из колоний европейских государств через Суэцкий канал. Нижегородская ярмарка служила важнейшим рынком для товаров Средней Азии, Закавказья, Западной Сибири, Монголии, Персии и Западного Китая. Ее посещало около полусотни торговых фирм Персии, Монголии, Бухары и Турции. В ярмарке были заинтересованы торговые фирмы Японии и Китая. Изменение торговой политики после 1917 г. привело к оживлению товарооборота с восточными странами, но в конце 1920-х гг. Нижегородская ярмарка начала понемногу терять свое былое значение, а с началом реализации пятилетних планов утратила саму основу, на которой базировалась ее торговля.

Ключевые слова: Нижегородская ярмарка, Макарьевская ярмарка, восточная торговля России.

THE HISTORY OF RUSSIAN TRADE WITH THE COUNTRIES OF ORIENT AT THE NIZHEGORODSKAYA FAIR

Igor Y. Avdakov

For over three hundred years the Nizhny Novgorod Fair was the major domestic market of the Russian state. For almost two hundred years it was regarded as a barometer of Russian economic life. The Nizhegorodskaya Fair furthered the development of the circulation of domestic goods within the country and later played a significant role in foreign trade. In the middle of the 18th century the fair reached such a level that it was recognized by the business community of the society as a price-fixer for all domestic trade in the state. This momentous event was connected with the introduction of the new product from Asia — tea. The Nizhegorodskaya Fair was the main market for the goods from Central Asia, the Transcaucasus, western Siberia, Mongolia, Persia, and western China. During its heyday the Fair was visited by the representatives of about fifty trading firms from Persia, Mongolia, Bukhara, and Turkey. Commercial companies from Japan and China also took interest in the Fair. Changes in trade policy after the infamous events of 1917 led to a new rise of commodity exchange with the Orient. Large purchases of Oriental goods by major state and cooperative organizations, setting up of joint

* Игорь Юрьевич АВДАКОВ, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; avdakovigor@yandex.ru

Igor Yu. AVDAKOV, PhD (Economics), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; avdakovigor@yandex.ru

ventures and strengthening of contract-based trade paved the way for switching over from operations with on-hand goods to doing business by signing contracts and using only samples. Introduction of strict regulations at the end of 1920th diminished the historical role of The Nizhegorodskaya Fair in Russian trade with the countries of Orient.

Keywords: The Nizhegorodskaya Fair, The Makarievskaya Fair, Oriental Trade of Russia.

Нижегородская ярмарка в экономической истории — явление незаурядное. Она служила зеркалом, в котором, по образному выражению автора книги «Роль ярмарок в русской торговле» И. Канделаки, отражалась наша культурно-экономическая действительность [Канделаки, 1914, с. 1]. Нижегородская ярмарка содействовала развитию внутреннего обращения страны, а с некоторых пор стала играть важную роль и в ее внешней торговле. Ни одна ярмарка в мире не могла сравниться с Нижегородской. Такие крупнейшие западноевропейские ярмарки, как Лейпцигская в Германии и Лионская во Франции значительно уступали ей не только по величине торгового оборота, но и по влиянию, которое она оказывала на развитие рынка своей страны.

История возникновения Нижегородской ярмарки уходит корнями в далекое прошлое и тесно связана с развитием торговли в бассейне реки Волги во времена Хазарского каганата и далее Великой Булгарии. Один из лучших знатоков истории Нижегородской ярмарки академик В. П. Безобразов писал, что «происхождение Макарьевской ярмарки[1] без всякой натяжки может быть отнесено к глубочайшей древности: ее начало, без сомнения, надо искать в Великой Булгарии, на Волге и Каме» [Безобразов, 1882, с. 14]. Возникновение международной торговли на берегах Итиля[2] объясняется, во-первых, существованием сильно развитых и в то же время взаимосвязанных рынков в Прибалтике и бассейне Каспия, во-вторых, исключительно удобными транспортными возможностями системы Волги. Связь между Макарьевской ярмаркой и рынками древнего Поволжья легко обнаружить при внимательном изучении торговли, поскольку в обоих случаях мы имеем дело с рынком, возникшим на стыке Европы и Азии и представлявшим собой связующее звено в торговле Востока и Запада. По мере укрепления экономических и политических позиций Московского государства центр торговли переносился вверх по Волге, ближе к Москве, которая, по мысли русского историка Н. И. Костомарова, «давала торговле всей России меру, монету, направление» [Костомаров, 1882, с. 84].

С середины XVI в. началось оживление торговой жизни Нижнего Новгорода. В следующем столетии он превратился в важнейший пункт торговли России с Востоком. Особенно заметен его рост, после того как весь бассейн Волги до самого Каспия вошел в пределы русского государства, на что обратил внимание еще В. О. Ключевский. [Ключевский, 1918, с. 27]. Этот рост был связан с началом использования природных богатств Урала, с колонизацией Сибири, с изменением торговых путей из Азии в Европу под влиянием турецких захватов на Средиземном море, с торговлей России с Западом и особенно обязан прочным коммерческим связям Поволжья с Востоком.

[1] Макарьевская ярмарка позже стала называться Нижегородской в связи с ее переносом в Нижний Новгород.
[2] *Итиль* — древнее название Волги.

К началу XVII в. восточная граница русского государства была отодвинута в Сибирь. Казань и Астрахань прочно вошли в состав Московского царства, и таким образом было устранено крупное препятствие на пути развития поволжской торговли. В тех условиях торговля могла принять либо форму постоянных рынков местного значения (например, в Москве), либо форму ярмарок (например, в Холмогорах, Архангельске, Астрахани).

Одной из наиболее значительных ярмарок была знаменитая Макарьевская. В 1435 г. в урочище Желтые воды был основан монастырь Св. Макария, названный Троицким. Спустя четыре года казанский хан Улу-Магомет совершил налет на Нижегородскую землю и уничтожил до основания только что построенный монастырь. Сам его основатель инок Макарий удалился на Унту, где и умер спустя семьдесят лет (1504). Вторично монастырь был отстроен в 1626 г. Авраамием по разрешению патриарха Филарета. Одновременно с постройкой монастыря возникла и Макарьевская ярмарка. Отсутствие на всем протяжении Волги крупных рынков, за исключением Астрахани, выгодное географическое положение новой ярмарки и активизация русской торговли на Востоке вследствие сильного противодействия развитию торговли на Западе со стороны балтийских стран, несомненно, явились причинами, породившими этот торг. Первоначально торговля на ярмарке ограничивалась одним днем, а участие в ней принимали крестьяне окрестных сел и само монастырское хозяйство. На ярмарке торговали главным образом предметами домашнего обихода (тогда это был еще розничный рынок). Однако в дальнейшем сроки торговли удлинялись, а торговля постепенно становилась оптовой. Ярмарка из местной превращается в общенациональную.

В конце XVII в. на ярмарке насчитывалось 672 лавки и 448 шалашей, из которых производилась всякого рода розничная торговля. Помимо этого на территории ярмарки строились квасные и хлебные печи. На объемы торговли указывают размеры оборота по рыбе (почти 16 тыс. руб.) и по соли (66 тыс. пудов).

Первое известие о ярмарке в западноевропейской литературе мы находим у нидерландского путешественника и писателя Корнелия де Бруина. [Сказания иностранцев о Московском государстве, 1918, с. 271]. Описывая ярмарку, он говорит о значительности ее оборотов и отмечает существование постоялого двора — караван-сарая. Ассортимент ярмарочных товаров был еще очень узок. Основное влияние на его структуру оказывала естественно-географическая среда. Волга давала рыбу, окружающие леса и пашни — мед, пушнину, зерно и т. д. Удобные пути делали возможным привозить товары из самых отдаленных мест России. Отличительной особенностью данного периода является полное отсутствие тех товаров, которые впоследствии прославили ярмарку.

Со времен Петра Великого Макарьевская ярмарка переживала период бурного расцвета. В середине XVIII в. она была признана деловыми кругами тогдашнего общества установщицей цен для всей внутренней торговли государства, мерилом его хозяйственных успехов. Это славное событие связано с появлением на рынке азиатского продукта — чая.

В Россию чай проник из Азии в 1638 г., а спустя несколько лет, после установления нормальной и постоянной торговли с Китаем, чай стал занимать видное место на внутреннем рынке России среди других наиболее доходных статей

ярмарочной торговли. В 1689 г. Нерчинским мирным договором была установлена граница между Россией и Китаем, и спустя 40 лет предоставлена русским купцам возможность приобретать чай в двух пограничных пунктах — Кяхте и Цитухайтэ. Отсюда чай доставлялся на ярмарку с помощью хорошо организованного караванного сообщения. Караванная торговля чаем производилась до середины XIX в. и даже несколько позднее, пока на русский рынок не стал проникать чай из колоний европейских государств в связи с резким сокращением сроков доставки чая из Азии в Европу через Суэцкий канал.

Стремясь укрепить отечественную торговлю, Петр I издал торговый устав 1704 г., в 1718 г. он создал коммерц-коллегию, а в год окончания Северной войны написал регламент главному магистрату, где вменял последнему в обязанность заботиться об увеличении числа ярмарок и всемерном их укреплении. Указом 1698 г. Петр передал в казну часть доходов монастыря от пошлинных сборов, а в 1704 г. он обязал монастырь платить в царскую казну 10% от доходов, получаемых с извоза. До тех пор всякого рода мостовые, конские, паромные пошлины считались неотъемлемым правом монастырского хозяйства. С переходом ярмарки в казну на ее благоустройство государство отпускало средства; ее охраняли солдаты, а церковь аккуратно из года в год в день Св. Макария благословляла купцов в ярмарочном храме. С этих пор само государство расчищало путь для Макарьевского торжища. Все, что каким-то образом мешало развитию торговли, устранялось законодательным путем. Тормозило развитие Макарьевского рынка существование сильно развитых ярмарок на Украине и совпадение сроков ярмарочной торговли, что не позволяло русским купцам торговать в течение круглого года. Этот недостаток был устранен Петром I, который установил начало Макарьевской торговли 29 июня, т. е. на месяц раньше прежнего.

Подобная ярмарочная политика государства благоприятно отражалась на развитии Макарьевской ярмарки. За почти пятьдесят лет (1697–1741 гг.) обороты возросли в шесть с лишним раз, а за следующее полстолетие (1741–1790 гг.) они увеличились уже в 62 раза, хотя следует учесть, что покупательная способность нашего рубля и тогда сильно менялась.

На рост макарьевской торговли указывает большое число торговых помещений (балаганов). К 1762 г. их насчитывалось свыше восьмисот. Это позволило внести в торговлю организованное начало. Стало возможным специализировать торговые помещения, упорядочить саму ярмарочную торговлю.

В правление императора Александра I был построен гостиный двор, состоявший из 30 корпусов с 2 тыс. лавок. С. В. Сперанский дает другие числа. Он считает, что «Гостиный двор» в Макарьевской ярмарке состоял из 24 деревянных двухэтажных корпусов, вмещавших в себя 1400 лавок [Сперанский, 1922, с. 6]. Соответственно рос доход от полавочного сбора. Если в 1755 г. он равнялся всего тремстам рублям, то через семь лет уже достиг 1 тыс. руб., а в 1790 г. составил 15 тыс. руб.

До 1804 г. ярмарка состояла в ведении Нижегородской казенной палаты, а затем была передана в управление гражданского губернатора. Это обстоятельство сыграло большую роль в ее судьбе, так как в 1816 г., когда грандиозный пожар уничтожил строения, нижегородский губернатор С. А. Быховец, враждовавший с князем Грузинским, на земле которого частично раскинулась ярмарка, подал мысль

правительству перенести торжище в Нижний Новгород. Его поддержал российский канцлер Н. П. Румянцев. Но были, конечно, и более веские причины для перенесения ярмарки в Нижний Новгород, например большая близость к Москве и тесные экономические отношения с обеими государственными столицами. Приходилось учитывать и то, что Волга подмывала на старом месте берега и ярмарочная площадь год от года сокращалась, тогда как обороты ярмарки непрерывно росли [Безобразов, 1882, с. 119].

В 1817 г. в Нижнем была организована временная ярмарка. Однако успех ее превзошел все ожидания, и со следующего года приступили к строительству постоянных помещений[3]. Через четыре года окончилось строительство Гостиного двора, по примеру Макарьевской ярмарки также разделенного на отдельные корпуса (всего их насчитывалось 60), внутри которых было размещено две с половиной тысячи лавок. В таком виде ярмарка, невзирая на отдельные конструктивные изменения, сохранилась до 1917 г.

С перенесением ярмарки в Нижний Новгород начинается новый и заключительный этап в ее истории. На новом месте она достигла небывалого до тех пор расцвета: достаточно сказать, что ярмарка занимала огромную территорию, равную 312 га. В некоторых источниках дается другая площадь — равная 272 десятинам [Сперанский, 1922, с. 6]. На ней размещались 16,8 тыс. магазинов, лавок и товарных складов, общей стоимостью около миллиарда золотых рублей дореволюционной чеканки. Помимо этого под ярмарку отводились пристани и караваны судов, численностью до трех тысяч. По закону 1882 г. из всех оптовых ярмарок России только одна Нижегородская была отнесена к разряду наиболее крупных: на ее долю приходилось около половины ярмарочного оборота страны. По переписи министерства финансов на 1 января 1904 г., в России насчитывалось 18 тыс. ярмарок, но четыре крупнейших (Нижегородская, Ирбитская, Полтавская и Харьковская) давали 4/5 всего оборота русских ярмарок. Из их среды Нижегородская ярмарка выделялась не только величиной оборота, но и широтой ассортимента, а также обширностью района, который она обслуживала. Одним из показателей уровня развития ярмарочной торговли является доля в ней оптовой торговли. На Нижегородской ярмарке на долю розничной торговли приходилось 3–5% всего товарооборота и 2/3 участвующих фирм, причем розничные операции производили и некоторые оптовые фирмы.

Крестьянские промыслы оставили след и на развитии ярмарки. Окружающие села до последнего времени поставляли сюда различные изделия кустарного промысла (металлические изделия, гончарную посуду, деревянные ложки, местные широкополые шляпы-заволжанки, валяную обувь), а также продукты питания. Крестьяне торговали в розницу и оптом, а иногда вели дела с заграницей, чаще всего с восточными купцами.

В России, как нигде в Европе, с давних пор получила широкое распространение мелочная торговля — коробейничество. Офени Поволжья и Владимирской губернии наживались на скупке сельскохозяйственной продукции и на непомерно высоких процентах за выданные ими крестьянам в страдную пору ссуды. Коробейники, или по-местному *булыни*, по замечанию Андрея Печерского, «забирая осенью лен, охулки на руки не кладут — процентов двести придется им на сданные в долг серпы и косы»

[3] Планировка и строительство ярмарки было поручено известному инженеру генерал-лейтенанту А. А. Бетанкуру.

[Мельников, 1910, с. 99–100]. Таких мелких оптовиков в тех краях особенно много было в дореформенный период, в связи с тем, что главный торговый центр государства — Нижегородская ярмарка вовлекала в орбиту своего влияния всю обширную округу от Саратова до Владимира на Клязьме.

«Съездить к Макарию» — эта фраза настолько укрепилась в языке крестьян-торговцев, что исследователи Нижегородской ярмарки неизменно подчеркивали близость к ней крестьянских хозяйств, а некоторые из них считали Макарьевский рынок подлинно народным. В середине XIX в. один из таких исследователей писал: «Количество берет верх над качеством и потому неудивительно, что наибольшую ценность из товаров, обращающихся на ярмарке, составляют предметы общенародного употребления. В этом отношении Нижегородская ярмарка есть, бесспорно, первый народный рынок, скромный быт потребителей отражается на ее товарах» [Очерк Нижегородской ярмарки, 1858, с. 28]. Однако нужно помнить, что конечной целью производства служит потребление — в первую очередь широких слоев населения. Это правило общее для всех рынков, в том числе и для нижегородской торговли. Ярмарки были рассчитаны на массового потребителя наиболее ходового товара, иначе теряется смысл ярмарочной торговли и, как логическое следствие, — замена ярмарки биржей.

Безусловно, нищета придавленных крепостничеством крестьян отражалась на ассортименте и особенно на объемах ярмарочной торговли. Но непосредственной связи между «скромным бытом потребителя» и товарным ассортиментом Нижегородской ярмарки нет, поскольку последняя служила прежде всего лишь промежуточным звеном между оптовиками-заготовителями и оптовиками-покупателями, которые в свою очередь передавали их следующему звену для торговли ими в отдаленных районах Российской империи.

Нижегородская ярмарка концентрировала в своей округе четыре вида кустарного промысла, имевших всероссийское значение: войлочно-кошмовальный (Ардатовский уезд), ложкарный (Семеновский уезд), рукавийный (Богородский уезд и Юринская волость) и металлический (Павловский уезд). На ярмарку работали кустари Владимирской, Московской, Костромской и других близлежащих губерний, а также все промыслы Поволжья. Обилие кустарных промыслов привело к тому, что Нижний Новгород стал считаться одним из самых крупных районов кустарной промышленности.

Это положение не меняется и в советский период. С восстановлением и дальнейшим развитием кустарной промышленности в 1920–1928 гг. ее участие на ярмарке в Нижнем Новгороде становится с каждым годом все более заметным. До последних дней ярмарка играла главнейшую роль в сбыте продукции кустарного промысла. Насколько органичной была связь Нижегородского рынка с кустарничеством, свидетельствует хотя бы тот факт, что в 1917–1921 гг., когда ярмарки не существовало вовсе, каждую осень на ее территории стихийно возникала торговля изделиями кустарной промышленности [Малышев, 1925, с. 17–18].

После Октябрьской революции значение ярмарки не только сохранилось (для тех районов кустарной промышленности, которые раньше были тесно с ней связаны), а даже возросло за счет вовлечения новых, ранее с ней не связанных регионов. Современники видели причину втягивания этих районов в сферу влияния ярмарки как необходимость восстановления разрушенных во время гражданской войны связей и

нахождения новых рынков сбыта для кооперированной кустарной промышленности [Отчетный ежегодник Нижегородской ярмарки, 1922, с. 226]. Это мнение верно лишь отчасти. Оно применимо только к государственной, крупной кооперированной и частной кустарной промышленности. Что касается мелких и средних кустарных объединений и частников, то основная причина заключается в отсутствии более или менее емких рынков, помимо нижегородского, поскольку в этот период многочисленные местные ярмарки были ликвидированы. Такое положение на внутреннем рынке оказало существенное влияние на характер торговли изделиями кустарного промысла. Так, до последних дней торговля наличным товаром сохранялась, а переход к более культурным методам торгового обслуживания (например, к ярмаркам образцов или выставкам) так и не произошел, в то время как Европа давно уже перешла к организации подобных торговых выставок.

В условиях НЭПа подъем ярмарочной торговли знаменовал собою важный этап нормализации внутреннего товарооборота. Политика Советского государства в отношении ярмарки преследовала в основном три цели: оживить товарооборот, использовать расширение внутреннего рынка для победы над частником, организовать контроль и регулирование торговли. Все это нашло отражение в изменении района обслуживания.

Впервые были вовлечены Киргизия и Дальний Восток, но зато отошли Польша и частично Прибалтика, которые, впрочем, и ранее тяготели к германским ярмаркам.

Связь отдельных районов с ярмаркой осуществлялась как по рекам Волжской системы, так и по железным дорогам. Из районов, связанных с ярмаркой в основном железными дорогами, нужно выделить Промышленный центр. Тесная связь между ними проявлялась в участии Промышленного центра в ярмарочной торговле Нижнего Новгорода, а также в реализации через Московскую биржу непроданных на ярмарке товаров. Первоначально через Московскую биржу проходили операции по сбыту нереализованных на ярмарке хлопчатобумажных тканей. Постепенно услугами биржи стали пользоваться торговцы других отраслей. Даже в 1924 г. наблюдались случаи оформления сделок в Москве, тогда как были они начаты еще в Нижнем Новгороде. Как подметил в 1880-х гг. В. П. Безобразов, переход Нижегородской ярмарки в Москву был бы только заключительным, логически вполне объяснимым моментом ее исторического движения с Востока на Запад [Безобразов, 1882, с. 257].

Этот процесс неизмеримо усилился в период НЭПа и реконструкции нашего хозяйства. Торговля предприятий всероссийского, а затем всесоюзного значения спустя два года существования ярмарки носила скорее формальный характер и в значительной мере была связана с реальным продвижением товара, что подтверждается данными об участии центральных организаций в ярмарке 1925 г. Заинтересованность центральных организаций в участии на Нижегородской ярмарке ограничивалась главным образом сбытом своей продукции, тогда как заготовку они вели в основном между собой.

С усилением планирования заинтересованность трестов и синдикатов в сбыте своей продукции на ярмарке значительно уменьшается, а с развитием государственной торговли вовсе исчезает. Участие центральных, восточных и некоторых крупных местных фирм стимулировало постепенную замену торговли наличным товаром сделками по образцам и контрактам. Однако это превращение ярмарки товаров в

ярмарку образцов было задержано другими важными факторами, прежде всего самим развитием Нижегородского рынка — его стремлением стать местным.

Существование Нижегородской ярмарки после Октябрьской революции было обусловлено в известной мере традиционно сложившимся взглядом на ярмарку как на съезд «всероссийского» значения. Этим инстинктивно руководствовались организаторы первой советской ярмарки в Нижнем Новгороде в 1918 г. На самом деле ее судьба была решена уже в октябре 1917 г.

Сила Нижегородской ярмарки заключалась прежде всего в своеобразии развития русской торговли, в наличии нескольких замкнутых ярмарочных систем, соприкасавшихся друг с другом непосредственно на ярмарке в Нижнем Новгороде (межрайонная торговля) или (с ее помощью) через завоз товаров на отдельные ярмарки (например, украинские), а также через реализацию собственных товарных остатков в Нижнем Новгороде (Ирбитская ярмарка). Тесная связь районов, как было подмечено еще И. С. Аксаковым [Аксаков, 1856, с. 16, 128] проявлялась в тесном контакте между русскими ярмарками, которые группировались вокруг Нижнего Новгорода. С уничтожением основы, на которой базировалось развитие ярмарочной торговли Нижнего Новгорода, была создана предпосылка к постепенной ликвидации «Всероссийского» торжища. Будучи признанным центром сбыта продукции кустарной промышленности, Нижегородская ярмарка и раньше проявляла склонность обслуживать скорее местные интересы, нежели общегосударственные. До революции треть грузов кустарного происхождения, привезенных из Поволжья, приходилась на долю самой Нижегородской губернии, а в 1923–1928 гг. она выросла с 62,4 до 80,9%. В 1925 г. районы, связанные с Волгой, покупали на ярмарке около четверти привозимых в Нижний Новгород изделий кустарного промысла. Если же включить в эту группу Урал, то доля ее участия повысится до 32,1%.

По «Всероссийскому» торжищу был нанесен удар и с другой стороны. Дело в том, что торговля на Нижегородской ярмарке носила не только «всероссийский» характер, но и в известной мере международный. До Первой мировой войны она оказывала большое влияние на торговлю мехом Лейпцига. Через Нижегородскую ярмарку проходило около 40% русского экспорта кожевенного сырья. Через ярмарку шла реализация монгольской степной овчины и среднеазиатского каракуля. Основным покупателем кожевенного сырья выступали США, Германия и Австро-Венгрия. В Советское время значение ярмарки во внешней торговле заметно сократилось. На величину заграничного оборота оказало воздействие, во-первых, нарушение коммерческих связей за годы войны и интервенции, во-вторых, монополия внешней торговли.

До войны на ярмарку приезжало более десяти европейских фирм и около 5 тыс. коммерсантов. Экономическая блокада Советской России странами Антанты била не только по интересам Союза, но и по хозяйству Западной Европы, что послужило достаточно убедительным мотивом для создания целой системы ярмарок в странах Прибалтики. Однако участие Госторга на прибалтийских ярмарках не исключало важную роль Нижегородского рынка во внешней торговле. С ярмарки 1922 г. было вывезено в Ригу 900 пудов льна и 1200 пудов щетины. Кроме того, многие заготовительные операции Госторга проходили через Нижний Новгород.

Гораздо большее развитие на ярмарке получила восточная торговля. Торговля с Востоком издавна была одним из основных направлений Нижегородской ярмарки. Но развитие этого направления находилось в тесной зависимости от политики государства по отношению к странам Востока. До революции политика России была направлена на укрепление своих позиций в восточных странах, а в торговле с Востоком русские купцы были заинтересованы не менее, чем восточные. Протекционистская политика проводилась только по отношению к странам Западной Европы, а в торговле с Востоком правительство применяло, как правило, льготные тарифы. С исчезновением на ярмарке кяхтинского чая и хлопка наиболее крупной статьей восточной торговли следует назвать бакалею, кожсырье, каракуль, мерлушку и т. д. Падение оборотов чайной торговли резко отразилось на кяхтинской торговле. За один год (1880–1881) оборот по чаю сократился в два раза, а за двадцать с лишним лет (1852–1879 гг.) объем продаж и покупок в Кяхте упал с 22 млн. руб. до 1,5 млн. руб. С другой стороны, для таких товаров, как щетина, конский волос, шерсть, ярмарка сохраняла свое значение вплоть до момента ее ликвидации в 1930 г. В 1913 г. конского волоса было привезено в размере 71 тыс. пудов, щетины — 8715 пудов и шерсти — 475000 пудов.

Нижегородская ярмарка служила важнейшим рынком для товаров Средней Азии, Закавказья, Западной Сибири, Монголии, Персии и Западного Китая. В лучшие времена ее посещало около полусотни торговых фирм Персии, Монголии, Бухары и Турции. В ярмарке были заинтересованы торговые фирмы Японии и Китая. Насколько прочно был связан с Нижегородской ярмаркой Восток, убедительно свидетельствуют данные об участии восточных фирм в ярмарках военных лет. В течение 1914–1916 гг. ее посетили представители 73 торговые фирмы из нейтральных восточных стран. Изменение торговой политики после 1917 г. привело к оживлению товарооборота с восточными странами. Советский Союз проводил по отношению к Западу политику поощрения экспорта, в том числе путем участия на международных ярмарках. В то же время иностранная торговля на территории СССР была ограничена исключительно сферой Внешторга. Монополия внешней торговли в сочетании с ликвидацией частного скупщика экспортного сырья привели к падению экспортного значения Нижегородской ярмарки.

Совершенно иная ситуация сложилась в русско-азиатской торговле. Здесь при сохранении общих принципов монополии внешней торговли наблюдается ряд существенных отклонений. Первое, что бросается в глаза, — это ярко выраженное покровительственное отношение к торговле самих восточных стран, равно как и наша заинтересованность во внешней торговле с Востоком в условиях полной изоляции страны на Западе. И даже после, когда СССР наладил свои отношения с европейскими государствами, восточная торговля давала большой доход при реэкспорте товара за границу. Например, в 1922 г. на азиатской границе с пуда персидской бакалеи взималась пошлина в два раза меньше той, которой облагались товары этой же группы на европейской границе. Введение в действие льготного тарифа 1922 г. и отмена или значительное сокращение налогового обложения при перевозках груза по воде и железным дорогам, отмена попудного сбора и т. д., естественно, стимулировали импорт товаров с Востока. С другой стороны, «обстановка концентрированного торга на ярмарке дала возможность направить почти все завезенные на ярмарку импортные товары в руки государственных и кооперативных организаций, закупивших все сырье и

большую часть дефицитных потребительских товаров». В 1928 г. 96% грузов, завезенных с Востока, попало в каналы государственной и кооперативной торговли.

Вполне понятно, что Советский Союз был заинтересован в налаживании торговых связей с восточными странами. Для этой цели организовывались смешанные общества, как например, Персхлопок, Русперссахар, Персазнефть и т. д. Такие страны, как Монголия и Тува[4] вели торговлю на Нижегородской ярмарке через специально созданные государственные организации. Массовые закупки восточных товаров крупными государственными и кооперативными объединениями, создание смешанных обществ и укрепление договорных начал в торговле подготовили почву для перехода от операций с наличным товаром к сделкам по образцам[5]. Уже на ярмарке 1925 г. сделки по образцам составляли 40% всего оборота восточных фирм.

С переходом к всеобъемлющему планированию историческая роль Нижегородской ярмарки в организации русской торговли с Востоком была сведена к минимуму. К этому необходимо добавить, что Нижний Новгород является важнейшим рынком сырья, в том числе из восточных стран, а торговля сырьем может перейти от товарной ярмарки, как известно, только к бирже, минуя институт ярмарок образцов или торговых выставок. Для ярмарки образцов характерен сбыт тех товаров, которые, с одной стороны, должны быть апробированы перед заключением сделки на их поставку, а с другой, на ней существует потребность в предоставлении гарантии стандартизации поставляемых товаров, что может быть достигнуто лишь с внедрением в производство серийных методов. Анализ развития Нижегородской ярмарки показывает, что до конца своих дней она сохраняла патриархальные черты русской ярмарочной торговли, в то время как Лейпцигская ярмарка к концу XIX в. превратилась в ярмарку образцов и тем самым приспособилась к современному капиталистическому хозяйству.

---

[4] Тувинская народная республика, частично признанное (СССР в 1924 г. и МНР в 1926 г.) государство в Южной Сибири, просуществовавшее с 1921 по 1944 гг. — *Прим. ред.*

[5] Зигмунд Шильдер считает, что ярмарки образцов заменяют собой выставки образцов, поскольку первые усвоили прием, систему и организацию выставок, а последние направлены на укрепление товарооборота. Другой немецкий теоретик ярмарочного дела Вильгельм Иенль был иного мнения. Он полагал, что, в отличие от ярмарок, выставки товарных образцов преследуют культурно-политические, но не экономические задачи.

Литература / References

Аксаков И. *Исследование о торговле на Украинских ярмарках.* СПб., 1856 [Aksakov I. *The Research on Trade at the Ukrainian Fairs.* Saint-Petersburg, 1856 (in Russian)].

Безобразов В. П. *История народного хозяйства.* СПб., 1882 [Bezobrazov V. P. *The Economic History.* Saint-Petersburg, 1882 (in Russian)].

Канделаки И. *Роль ярмарок в русской торговле.* СПб., 1914 [Kandekaky I. *The Role of Fairs in Russian Trade.* Saint-Petersburg, 1914 (in Russian)].

Ключевский В. О. *Боярская дума.* СПб, 1918 [Kluchevskiy V. O. *The Boyarskaya Council.* Saint-Petersburg, 1918 (in Russian)].

Костомаров Н. И. *Очерки торговли Москвы XVII века.* СПб., 1982 [Kostomarov N. I. *Essays on Moscow Trade in 17th Century.* Saint-Petersburg, 1882 (in Russian)].

Ласло Ф. *Международные ярмарки после мировой войны.* М., 1931 [Laslo F. *International Fairs after the World War.* Moscow, 1931 (in Russian)].

Малышев С. *Противникам Нижегородской ярмарки.* М., 1925 [Malishev S. *To the Opponents of the Nizhegorodskaya Fair.* Nizhniy Novgorod, 1925 (in Russian)].

Мельников П. И. (Андрей Печерский). *Полное собрание сочинений.* Т. III. М., 1960 [Melnikov P. I. (Andreiy Pecherskiy). *Complete Works.* Vol. III. Moscow, 1960 (in Russian)].

Отчетный ежегодник Нижегородской ярмарки. Нижний Новгород, 1922 [*Yearbook of Statistics of the Nizhegorodskaya Fair for 1918*. Nizhniy Novgorod, 1918 (in Russian)].

Очерк Нижегородской ярмарки составлен для Министерства внутренних дел в 1858 году. СПб., 1858 [*A Brief Story of Nizhegorodskaya Fair for the Ministry of Home Affairs, composed in 1858*. Saint-Petersburg, 1858 (in Russian)].

Сказания иностранцев о Московском государстве. СПб., 1918 [*The Tales of Foreigners about Moscow State.* Saint-Petersburg, 1918 (in Russian)].

Сперанский С. В. *Нижегородская ярмарка в ее прошлом.* М., 1922 [Speranskiy S. V. *The Nizhegorodskaya Fair and Its Past.* Moscow, 1922 (in Russian)].

ТУРЕЦКИЙ ВЫБОР

В. М. Ахмедов*

В статье рассматриваются актуальные вопросы взаимоотношений России и Турции в разрешении сирийского кризиса на фоне соперничества России и США на поле сирийского конфликта. Автор анализирует непростые взаимодействия Анкары с исламистскими организациями Сирии. Особое внимание уделяется изучению характера отношений между джихадистскими организациями Сирии. Анализируется природа их разногласий на идеологическом уровне и в практической сфере. Исследуются вопросы, связанные с неоднозначным отношением этих организаций к Р. Т. Эрдогану. Показано острое соперничество джихадистских организаций Сирии в вопросах идеологии и практических действий на поле сирийского конфликта. Предпринята попытка обозначить перспективу российско-турецкого сотрудничества в деле разрешения проблемы Идлиба, северных и северо-восточных районов Сирии.

Ключевые слова: Россия, Турция, США, Идлиб, джихадисты.

TURKEY'S CHOICE

Vladimir M. Akhmedov

The article studies actual questions of the development of the Russia-Turkey relations in resolving the Syrian crisis. The author analyzes complicated relationships between Ankara and Islamite organizations in Syria. The study focuses on the origin of complicated interactions between jihadists' organizations in Syria. The nature of contradictions between jihadists' organizations in Syria servers the subject of author's analysis in ideological and practical terms. The study explores the problems related to the complicated attitude of Syrian jihadist's organizations to R. T. Erdogan and shows the active ideological and practical rivalry among jihadist's organizations in Syria with regards of their military actions in Syrian conflict. The author strives to reshape the visible perspective of Russian-Turkish cooperation in resolving the problem of Idlib, as well as Northern and North-Eastern regions of Syria.

Keywords: Russia, Turkey, USA, Idlib, jihadists.

Прошедший в конце апреля — начале мая 2019 г. двенадцатый раунд Астанинских переговоров не принес ожидаемых результатов и породил определенные разочарования у российских участников мероприятия. России не удалось склонить турецкую сторону к проведению силовых операций в отношении Хейат Тахрир аш-Шам (ХАТАШ) — Комитета освобождения Леванта — в Идлибе и добиться согласия Анкары и сирийской оппозиции утвердить состав конституционной комиссии в предложенном РФ формате. Неприятный осадок у России оставил достигнутый прогресс в турецко-американских контактах по вопросу

* Владимир Муртузович АХМЕДОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; arabist@live.com

Vladimir M. AKHMEDOV (PhD), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; arabist@live.com

о создании зоны безопасности в районе Евфрата на севере Сирии. Еще большую озабоченность российских представителей вызвали активные действия Турции совместно с США с целью установить контроль над курдскими районами к востоку от Евфрата. Москва уже давно стремилась сорвать эти планы и вынудить США отвести свои силы и подконтрольные ей вооруженные формирования из этих районов, чтобы совместно с сирийскими правительственными войсками превратить эту территорию в зону своего влияния.

Возможно, в ответ на эти турецко-американские демарши сирийские войска при поддержке российских ВКС активизировали боевые операции в районе Идлиба, Телль-Рифъата и Африна. Со своей стороны турецкие силы предприняли наступление, и захватили районы в пограничной с Сирией полосе. Источники из поддерживаемой Турцией «Национальной армии» заговорили о вероятности проведения масштабных боевых операциях в этом районе[1].

В результате описанных событий Р. Т. Эрдоган оказался в эпицентре российско-американского соперничества за зоны влияния в Сирии. Фактически Турция была поставлена в сложное положение, а сфера маневров Анкары на поле сирийского конфликта оказалась ограниченной. Более того, массированная атака правительственных войск при поддержке российских ВКС на Идлиб могла привести к бегству на турецкую территорию около трех миллионов человек, что в перспективе создавало угрозу внутренней стабильности в стране и вероятность подрыва ее территориальной целостности.

В то же время, как показали недавние события, отношения Турции с вооруженными отрядами оппозиции, особенно джихадистского характера, складывались весьма непросто, и Анкара может полагаться на них с большой долей осторожности и до известных пределов[2].

Действительно, в течение последнего времени вопрос об отношениях джихадистских организаций Сирии[3] с Турцией является предметом острых дискуссий, особенно в рядах «ХАТАШ». Многие члены организации сомневались в том, оправдано ли сотрудничество с Турцией с религиозной и идеологической точки зрения и как может измениться обстановка в организации в случае укрепления позиций Р. Т. Эрдогана после его победы на выборах летом 2018 г. Все эти и другие вопросы служили предметом споров между «ХАТАШ» и связанных с «аль-Каидой» (деятельность запрещена на территории России) групп, входящих в объединение «Харрас эд-Дин» («Стражи веры»). Организация «Харрас эд-Дин» в основном состоит из тех, кто вышел из «ан-Нусры», после того как она летом 2016 г. переименовалась в «ДЖАФАШ» («Армия завоевания Леванта»). «Харрас эд-Дин» официально оформилась в феврале 2018 г. как новая группировка «аль-Каиды» в Сирии.

---

[1] «Россия активизировала силы всех своих союзников против Турции после провала Астаны и данных о соглашении с Вашингтоном по востоку от Евфрата». // *Аль-Кудс*. 05.05.2019 (авторский перевод названия статьи с арабского языка). URL: https://tinyurl.com/y6xusbnf; https://cutt.ly/fySCi5 (дата обращения 07.06.2019).

[2] Подробнее о том, как развивались эти отношения на начальном этапе кризиса, см.: [Goldsmith, 2015, p. 194–200].

[3] Подробнее об истории и деятельности исламистских и джихадистских организаций Сирии см.: [Ахмедов, 2015, с. 52–60].

Вопрос о сближении «ХАТАШ» с Турцией в течение длительного времени служил предметом острых споров внутри организации. Это порождало проблемы фракционного характера внутри организации и ставило под вопрос характер ее отношений с рядом влиятельных фигур, связанных с «аль-Каидой»[4].

Еще совсем недавно «ХАТАШ» отказывалось от каких-либо отношений с Турцией и критиковала движения «Ахрар аш-Шам» и «Нур эд-Дин Эд-Зенки» за сотрудничество с Турцией по дипломатическим и военным вопросам. Отношение «ХАТАШ» к Турции внезапно изменилось, после того как организация открыто оказала поддержку турецким вооруженным силам в овладении ими позиций в северо-западных районах и создания там контрольно-наблюдательных пунктов. Идеологическим обоснованием изменения поведения «ХАТАШ» в отношении Турции стала фетва, изданная в октябре 2017 г. одним из видных представителей джихадистского движения Абу Катада аль-Фаластыни. Характерно, что после того как весной 2018 г. «ХАТАШ» подверглась острой критике, один из известных шариатских авторитетов Абу Фаттах аль-Фархали подтвердил, что «ХАТАШ» не пересекла ни одну из «красных линий» в отношениях с Турцией. Буквально через две недели политический представитель «ХАТАШ» Юсеф аль-Хаджар публично признал факт близких отношений организации с Турцией, которую он назвал союзником. После того как в начале июня 2018 г. связанный с «аль-Каидой» Аднан Хадид стал интересоваться, остается ли «ХАТАШ» по-прежнему приверженной джихаду, «ХАТАШ» была вынуждена опубликовать заявление о своей приверженности делу войны с «неверными». «ХАТАШ» явно пыталась балансировать между политической целесообразностью и прагматизмом с одной стороны и исламистскими принципами с другой. В заявлении организация прямо отмечала, что «исламская политика является частью джихада» и «ХАТАШ» действует в интересах борьбы с «неверными» до тех пор, пока эта борьба не противоречит основам шариата[5].

После победы Р. Т. Эрдогана на выборах 24 июня 2018 г. споры только усилились и велись вокруг вопросов того, как близко и тесно можно сотрудничать с Турцией. Так, Абу Катада фактически поддержал Р. Т. Эрдогана как альтернативу еще большим «безбожникам» и таким образом оправдал контакты с ним.

С другой стороны, один из знакомых Абу Катады и идеологов современного джихадизма Абу Мухаммад аль-Макдиси высказал абсолютно противоположное мнение в отношении Р. Т. Эрдогана, назвав его светским правителем, что с его точки зрения не могло оправдать контакты с турецким лидером[6].

К данному мнению присоединился еще один известный идеолог джихадизма Билал Хурайсат, более известный под псевдонимом Абу Хадиджа аль-Урдани, прежде отвечавший за безопасность и идеологию в «ан-Нусре» (до того как она отошла от «аль-

4. Подробнее об этом см.: Hamming T. How Turkey and the election of Erdogan are fragmenting the jihadi movement // *Jihadica. Chronicling the global jihad.* 06.07.2018. URL: http://www.jihadica.com/how-turkey-and-the-election-of-erdogan-are-fragmenting-the-jihadi-movement/ (дата обращения 05.07.2019).

5. Hamming T. How Turkey and the election of Erdogan are fragmenting the jihadi movement // *Jihadica. Chronicling the global jihad.* 06.07.2018. URL: http://www.jihadica.com/how-turkey-and-the-election-of-erdogan-are-fragmenting-the-jihadi-movement/ (дата обращения 05.07.2019).

6 *Makdisi on Erdogan election.* URL: http://www.jihadica.com/wp-content/uploads/2018/07/Maqdisi-on-Erdogan-election_1.png (дата обращения 07.06.2019).

Каиды»). Вскоре он вошел в шариатский совет вновь образованной организации аль-Каиды «Харрас эд-Дин»[7].

Однако Абу Катада поддержали два известных клерикала — Абдулла аль-Мухайсини (КСА), в прошлом член «ХАТАШ», и Тарик Абдельхалим (Египет), давшие понять, что победа Р. Т. Эрдогана — меньшее из зол. Наибольшую поддержку Абу Катада получил из Лондона от своего ученика Абу Махмуда аль-Фаластини, заявившего, что хотя не обязательно считать Р. Т. Эрдогана «правильным» мусульманским правителем, это не значит, что организация должна плодить вокруг себя врагов. К критике Абу Катада присоединилась и Исламское Государство (ИГ, запрещена в России)[8]. 5 февраля 2019 г. лидер «аль-Каиды» Айман аз-Завахири также в своем выступлении подверг «ХАТАШ» критике.

В любом случае споры свидетельствовали об острых разногласиях и расколах внутри джихадистского движения Сирии. Разногласия внутри «ХАТАШ» достигли своего пика в сентябре 2018 г., когда один из видных членов и идеологов «ХАТАШ» Абу Якзан аль-Масри выступил против линии руководства организации в вопросах отношений с Турцией. В конце сентября он сделал ряд резких заявлений, в которых раскрыл подлинный светский характер правления в Турции и обвинил Анкару в антиисламских действиях. Аль-Масри также порицал движения «Ахрар аш-Шам» и «Нур эд-Дин Зенки» за их сотрудничество с Турцией. В декабре 2018 г. он резко критиковал действия Турции в отношении РПК с точки зрения того, что две сражающие светские силы не имеют никакого отношения к борьбе за веру и не приносят исламу пользы. По неподтвержденным данным, он был вскоре арестован. В начале февраля 2019 г. Абу Якзан ал-Масри, высокопоставленный представитель непримиримого крыла «ХАТАШ», объявил о своем уходе из организации. Данное решение могло рассматриваться как прямой ответ на интервью Абу Мухаммеда аль-Голани (эмира «ХАТАШ»), в котором он выразил полную поддержку Турции и планируемых ею операций против повстанческих курдских отрядов в северных районах Сирии. В ответ на отставку аль-Масри шариатский совет «ХАТАШ» сделал заявления о том, что ни одна фетва не может быть издана без предварительного одобрения советом.

Отход аль-Масри от «ХАТАШ» и его арест стали серьезным испытанием для организации, поскольку аль-Масри не только долгое время был идеологическим рупором организации, но и возглавлял ее элитное подразделение «ал-Асаиб Хамра». В 2013 г. аль-Масри вошел в состав «Ахрар аш-Шам», но уже в сентябре 2016 г. он присоединился к «ХАТАШ» и часто участвовал в боевых операциях. Аль-Масри не мог не видеть, как его шеф аль-Голани сближается с Р. Т. Эрдоганом, и его отставка была предрешена. Многие деятели «ХАТАШ» полагали, что аль-Масри может вернуться, тогда как другие считали, что он найдет себе место в рядах «Харрас эд-Дин» (в дальнейшем сокращено «Харрас» А.В.).

---

[7] Hamming T., van Ostaeyen P. The True Story of al-Qaeda's Demise and Resurgence in Syria // *Lawfare. Hard National Security Choices*. 08.04.2018. URL: https://www.lawfareblog.com/true-story-al-qaedas-demise-and-resurgence-syria (дата обращения 05.07.2019).

[8] The Nullifiers of Islam or The Invalidators of Islam // *Askislampedia*. URL: http://www.askislampedia.com/home/-/wiki/English_wiki/Nullifiers+of+Islam+or+The+Invalidators+of+Islam/pop_up;jsessionid=41D3319C35B21B5B65526F05899E0C57 (дата обращения 05.07.2019).

В мае 2018 г. произошло первое столкновение между «ХАТАШ» и «Харрас», когда один из клерикалов «Харрас» Абу Укба аль-Курди был убит «ХАТАШ» на контрольно-пропускном пункте в районе Халеба (Алеппо). Столкновения и аресты членов «Харрас» продолжились летом 2018 г. Со своей стороны «Харрас» обвиняло «ХАТАШ» в препятствовании им ведения боевых операций против правительственных войск.

В конце января в ходе встречи представителей руководства «ХАТАШ» и «Харрас» они обменялись взаимными обвинениями, которые со стороны «Харрас» сводились к тому, что оружие «ХАТАШ» принадлежит аль-Каиде, в то время как акида (идеологическая основа) проводимого «ХАТАШ» джихада не соответствует принципам аль-Каиды и извращена. На этом основанию они требовали вернуть им часть оружия. Ответ «ХАТАШ» не заставил себя ждать. «ХАТАШ» отвергла обвинения «Харрас» в незаконном обладании оружием и пригрозила разоблачительными письмами из архивов «ан-Нусры» и «аль-Каиды»[9].

Для решения спора была создана комиссия из клерикальных авторитетов, представлявших интересы обеих сторон, в состав которой вошли аль-Макдиси, Сибаи Абдельхалим аль-Хашеми и Наиль бен Гази. Они стремились высказываться уклончиво и в основном выступали за примирение между двумя организациями, отвергая взаимную вражду[10].

Пытаясь сгладить возникшие разногласия, глава шариатского совета «ХАТАШ» Абу Абдалла Аш-Шами предложил «Харрас» создать вместе с «ХАТАШ» вооруженную коалицию и образовать общий военный совет, который могли бы возглавить представители «Фейлак аш-Шам», Сирийской Свободной Армии (ССА) и «Братья-мусульмане». Любопытно, что он провел параллель между ССА и Национальной армией, в состав которой входят «Ахрар аш-Шам» и движение «Нур эд-Дин Зенки», назвав САА более законной, чем Национальная армия. Он также призвал «Харрас» прекратить переманивать на свою сторону членов «ХАТАШ»[11].

Посреднические усилия ничего не дали, и «Харрас» продолжали стоять на своем, что вносило раскол в движение повстанцев и их идеологов. Противники «ХАТАШ» считали, что конфликт с «Харрас» был специально организован руководством «ХАТАШ», чтобы выглядеть более «умеренными» в глазах Турции. В конечном счете, к концу 2018 г. между двумя группами было достигнуто некое понимание по оружию.

В сложившейся ситуации Турция не могла продолжать долго балансировать между Россией и США, не рискуя поставить свою безопасность и интересы в Сирии под угрозу.[12] Возможно, осознание этого обстоятельства, наряду с меняющимися в

[9]. Al-Tamimi A. J. The Hay'at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII) // *Aymenn Jawad Al-Tamimi blog*. 03.02.2019. URL: http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7 (дата обращения 05.07.2019).

[10] Support of Muhajireen to HTS // *Jihadica. Chronicling the global jihad*. URL: http://www.jihadica.com/wp-content/uploads/2019/02/Support-of-muhajireen-to-HTS_1.jpg (дата обращения 07.06.2019).

[11]. Подробнее см.: Al-Tamimi A. J. The Hay'at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII) // *Aymenn Jawad Al-Tamimi blog*. 03.02.2019. URL: http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7 (дата обращения 05.07.2019).

[12] Подробнее о взаимоотношениях России и Турции, а также других акторов сирийского кризиса см.: [Ахмедов, 2018, с. 134–150].

пользу России геополитическими раскладами в регионе, подтолкнуло Р. Т. Эрдогана заявить 18 мая 2019 г. о начале совместной работы Турции и России над ЗРК С-500 и подтвердить сделку по С-400. Этому решению Турции также способствовали результаты серии закрытых контактов российских и турецких представителей. Анкара не могла не понимать, что утрата поддержки со стороны РФ может негативно отразиться на внутренней безопасности Турции и на сохранении ее интересов в Сирии и Ираке. Выступление Р. Т. Эрдогана совпало с заявлением российского центра по примирению в Сирии об одностороннем прекращении огня сирийскими правительственными войсками в северных районах Хомса и в Идлибе. Этот жест России отвечал интересам Турции, которая предпочитает политическое урегулирование силовому решению сирийского кризиса. К тому же, турецкий президент не может не видеть, что на фоне буксующей политики США в регионе, Россия последовательно добивается успехов не только в Сирии.

Таким образом, решение Турции по ракетной сделке с РФ могло также свидетельствовать о вновь формирующемся альянсе сил в лице России, Турции, Ирака и Ирана[13].

Литература / References

Ахмедов В. М. *Роль исламского фактора в общественно-политическом развитии арабских стран Ближнего Востока и его эволюция в условиях сирийского восстания (90-е — начало XXI вв.).* М., 2015 [Akhmedov V. M. *The Role of the Islamic Factor in the Socio-Political Development of Arab Countries and Its Evolution in Terms of the Syrian Uprising (the 90th — the Beginning of the 21st cc.).* Moscow, 2015 (in Russian)].

Ахмедов В. М. С*ирийское восстание. История. Политика. Идеология.* М., 2018 [Akhmedov V. M. *Syrian Uprising: History, Politics, Ideology*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Goldsmith L. T. *Cycle of Fear. Syria's Alawites in War and Peace*. London, 2015.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Есть ли связь решения Эрдогана дать ход сделке с Россией по С-400 с развитием ситуации в Идлибе, и были ли неожиданные заявления аль-Асада о турецко-сирийской встрече лишь языковой оговоркой // *Ар-Рай аль-Яум*. 21.05.2019 (на арабском языке). URL: https://tinyurl.com/y4nbw3dj (дата обращения 07.06.2019).

Россия активизировала силы всех своих союзников против Турции после провала Астаны и данных о соглашении с Вашингтоном по востоку от Евфрата // *Аль-Кудс*. 05.05.2019 (на арабском языке). URL: https://tinyurl.com/y6xusbnf; https://cutt.ly/fySCi5 (дата обращения 07.06.2019).

Al-Tamimi A. J. The Hay'at Tahrir al-Sham-al-Qaeda Dispute: Primary Texts (VIII) // *Aymenn Jawad Al-Tamimi blog*. 03.02.2019. URL: http://www.aymennjawad.org/2019/02/the-hayat-tahrir-al-sham-al-qaeda-dispute-primary-7 (дата обращения 05.07.2019)

[13] Есть ли связь решения Эрдогана дать ход сделке с Россией по С-400 с развитием ситуации в Идлибе, и были ли неожиданные заявления аль-Асада о турецко-сирийской встрече лишь языковой оговоркой // *Ар-Рай аль-Яум*. 21.05.2019 (на арабском языке). URL: https://tinyurl.com/y4nbw3dj (дата обращения 07.06.2019).

Hamming T. How Turkey and the election of Erdogan are fragmenting the jihadi movement // *Jihadica. Chronicling the global jihad*. 06.07.2018. URL: http://www.jihadica.com/how-turkey-and-the-election-of-erdogan-are-fragmenting-the-jihadi-movement/ (дата обращения 05.07.2019).
Hamming T., van Ostaeyen P. The True Story of al-Qaeda's Demise and Resurgence in Syria // *Lawfare. Hard National Security Choices*. 08.04.2018. URL: https://www.lawfareblog.com/true-story-al-qaedas-demise-and-resurgence-syria (дата обращения 05.07.2019).
Makdisi on Erdogan election // *Jihadica. Chronicling the global jihad*. URL: http://www.jihadica.com/wp-content/uploads/2018/07/Maqdisi-on-Erdogan-election_1.png (дата обращения 07.06.2019).
Support of Muhajireen to HTS // // *Jihadica. Chronicling the global jihad*. URL: http://www.jihadica.com/wp-content/uploads/2019/02/Support-of-muhajireen-to-HTS_1.jpg (дата обращения 07.06.2019).
The Nullifiers of Islam or The Invalidators of Islam // *Askislampedia*. URL: http://www.askislampedia.com/home/-/wiki/English_wiki/Nullifiers+of+Islam+or+The+Invalidators+of+Islam/pop_up;jsessionid=41D3319C35B21B5B65526F05899E0C57 (дата обращения 05.07.2019).

ИЗМЕНЕНИЯ В КОНСТИТУЦИИ ЕГИПТА 2014 г.

В. В. Беляков*

В апреле 2019 г. в Египте прошел референдум по изменениям в конституции 2014 г. Главные из них — сокращение численности парламента и введение квоты 25 % для женщин, увеличение продолжительности срока пребывания у власти президента до шести лет и восстановление сената. Автор приходит к выводу, что поправки, внесенные в конституцию Египта 2014 г., вызваны изменениями, происшедшими за последние пять лет, и свидетельствуют о стабилизации ситуации в стране: президент пользуется огромной популярностью, активнее стали действовать египетские женщины. Введение сената демонстрирует, что египтяне готовы возродить государственную систему, существовавшую при Хосни Мубараке, а Египет в целом возвращается к положению, существовавшему в стране до 2011 г., но на новом уровне.

Ключевые слова: Египет, конституция 2014 г., парламент, сенат, Вооруженные силы.

CHANGES IN EGYPTIAN 2014 CONSTITUTION

Vladimir V. Belyakov

In April 2019 there was held the Referendum on changes for the 2014 Constitution in Egypt. The most important of said changes were the reduction of the number of elected MPs, at least 25 percent of the seats to be reserved for women representatives in Parliament, an increase in presidential term up to six years and reintroduction of the Senate. The author argues that the amendments made to the Egyptian Constitution of 2014 are caused by the changes that have occurred over the past five years and indicate a stabilization of the situation in the country: The President is very popular, Egyptian women became more active. The introduction of the Senate demonstrates that Egyptians are ready to revive the state system that existed under Hosni Mubarak, while Egypt as a whole is returning to the situation that existed in the country until 2011, but at a new level.

Keywords: Egypt, 2014 Constitution, Parliament, Senate, Armed Forces.

Конституция, по которой живет ныне Египет, была принята в январе 2014 г. Она была результатом смены власти, происшедшей 3 июля 2013 г., когда с поста президента был отстранен представитель «Братьев-мусульман» Мухаммед Мурси. Страну вновь возглавили военные. Конституцию готовили с таким расчетом, чтобы она не походила на предыдущую. Так, президент должен был избираться только на два срока по четыре года каждый, а верхнюю палату парламента ликвидировали. Произошли и другие изменения, хотя и не такие явные.

В 2018 г. нынешний президент Египта Абдель Фаттах ас-Сиси был избран на второй срок. К этому времени он уже пользовался таким авторитетом, что получил 97 % голосов. Видимо, вскоре после этого и появилась идея изменить конституцию

* Владимир Владимирович БЕЛЯКОВ, доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; beliakov2007@yandex.ru

Vladimir V. BELYAKOV, DSc (History), Leading Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; beliakov2007@yandex.ru

и дать возможность президенту находиться на своем посту более долгий срок, тем более что началось сооружение двух грандиозных объектов. Первый из них — новая столица Египта в 50 км к востоку от Каира, а второй — атомная электростанция в Ад-Дабаа, в 130 км к западу от Александрии. Была надежда на то, что оба этих объекта будут закончены при нынешнем президенте.

Изучив текст конституции, инициативная группа парламентариев пришла к выводу, что следует изменить и некоторые другие статьи, кроме срока президентства. В феврале 2019 г. она представила парламенту предложения об изменениях в конституции. Больше двух месяцев парламентарии обсуждали поправки и одобрили их в 12 статьях. Поправки были внесены в следующие статьи:

Статья 102 (первый параграф). Снижается число депутатов парламента с 596 до 450, причем 25 % мест (112) предоставляется женщинам[1].

Это положение вызвало оживленные дискуссии. Многие парламентарии утверждали, что предоставление 25 % мест для женщин нарушает принцип единства и может быть воспринято как неконституционное положение. Другие парламентарии утверждали, что для женщин достаточно зарезервировать 10 % мест. Сейчас в парламенте 90 депутатов-женщин (12 %), наибольшее число в истории Египта. По правилам Межпарламентского союза женщины должны составлять не менее 30 % депутатов, но это число было признано египтянами завышенным.

Статья 102 (третий параграф). Закон, регулирующий выборы Палаты представителей (парламента), должен быть изменен, чтобы соответствовать данной статье. Закон должен предусмотреть равное распределение населения во время выборов и разрешить выдвижение либо индивидуальных кандидатов, либо партийных списков (или комбинации и того, и другого).

Поправки, касающиеся срока пребывания президента у власти и его функций, внесены в четыре статьи конституции.

Статья 140 (первый параграф). Президент республики избирается на шесть лет (вместо четырех) и не может занимать эту должность более двух сроков. Первый срок считается с выборов 2018 г., второй — с 2024 г. Были предложения отсчитывать два срока, начиная с 2022 г., но они были отвергнуты. Тем самым возможность пребывания ас-Сиси на посту президента была значительно расширена, хотя ограничения во времени и не сняты.

Статья 150. «Президент республики имеет право назначить одного или более вице-президента, утвердить его / их обязанности и освободить от занимаемой должности».

Статья 160 (первый параграф). «Если временные причины не дают возможность президенту исполнять его обязанности, то его заменяют вице-президент или премьер-министр, если вице-президент не назначен».

Статья 160 (последний параграф). «Если исполняющий обязанности президента вступает в должность, то он не имеет права изменять конституцию, распускать палату представителей или сенат, распускать правительство. Он также не имеет права быть кандидатом на пост президента». Последняя фраза добавлена.

---

[1] Здесь и далее см.: [Essam el-Din, 2019a].

Разделы, посвященные судебной власти, уточняются, причем роль президента республики в их назначении увеличивается.

Статья 185. «Каждая юридическая организация ответственна за свою работу, с ней будут консультироваться по законам, регулирующим ее деятельность. Президент республики назначает глав юридических организаций из пяти кандидатов, представленных советом, сроком на четыре года.

Создается Высший совет юридических организаций во главе с президентом республики. Совет ответствен за деятельность юридических организаций. В случае отсутствия президента он делегирует главу юридической организации. Юридические организации имеют собственный бюджет. Будет издан закон, регулирующий деятельность Высшего совета юридических организаций. Все его решения должны быть приняты единогласно».

В Конституции 2014 г. эта статья сформулирована иначе: «Все судебные органы самостоятельно ведут свое делопроизводство. Каждый судебный орган имеет свой бюджет, статьи которого утверждаются Палатой представителей. После одобрения каждой статьи бюджета он включается в общий государственный бюджет отдельной строкой. Мнение судебных органов учитывается при принятии законопроектов, регулирующих их деятельность» [Сапронова, 2014, с. 227].

Очевидно, что в новой статье президенту республики отводится роль контроля за судебными органами. Это видно и из редакции статьи о генеральном прокуроре.

Статья 189 (второй параграф). «Генеральный прокурор, ответственный за генеральную прокуратуру, назначается президентом республики из трех кандидатов, выдвинутых Высшим советом юридических организаций, сроком на четыре года».

Значительно сокращена статья о Государственном совете.

Статья 190. «Государственный совет будет заниматься исключительно разрешением административных споров, дисциплинарных вопросов и прошений, рассматривать проекты законов и декретов. По этому вопросу будет издан специальный закон, в деталях регулирующий роль Государственного совета».

Роль президента усиливается и при назначении председателя Верховного конституционного суда.

Статья 193 (третий параграф). «Председатель Верховного конституционного суда назначается президентом республики из числа его заместителей. Члены суда назначаются президентом только по рекомендации его председателя и после решения генеральной ассамблеи, в соответствии с законом, регулирующим данный вопрос».

Прежняя формулировка была следующей: «Генеральная ассамблея избирает председателя Верховного конституционного суда из трех старейших вице-председателей суда, а также вице-председателей и членов президиума, которые затем назначаются президентом республики, что регулируется соответствующим законом» [Сапронова, 2014, с. 230].

Уточняются статьи, посвященные Вооруженным силам Египта.

Статья 200 (первый параграф). «Вооруженные силы принадлежат народу. Их задача — защищать страну, обеспечивать безопасность и единство ее территории, защищать конституцию и демократию, поддерживать основные столпы государства и его гражданский характер, завоевания народа, права и свободы каждого. Только государство осуществляет строительство вооруженных сил, и персонам, властям или

группам запрещено формирование военных, полувоенных организаций и милиции». Здесь добавлено «защищать конституцию и демократию, поддерживать основные столпы государства и его гражданский характер, завоевания народа, права и свободы каждого» [Сапронова, 2014, с. 232].

Статья 204 (второй параграф). «Гражданские лица могут предстать перед военным судом исключительно за нападения на военные учреждения, военные лагеря, военные зоны и границы, военное снаряжение, автомобили, оружие, амуницию, документы, секреты, фонды и военные предприятия. В военный суд передаются также преступления, связанные с уклонением от призыва и нападениями на офицеров и персонал Вооруженных сил, исполняющих свои служебные обязанности».

Эта статья изменена частично: «Судебному преследованию военной юстиции не могут быть подвержены гражданские лица, за исключением случаев, когда их действия представляют прямую угрозу военным учреждениям и их деятельности, военным или приграничным зонам, их оборудованию, оружию, амуниции, документам, содержащим военные секреты, военным фондам и складам, а также персоналу вооруженных сил при выполнении ими своих обязанностей. Военная юстиция может рассматривать преступления, носящие коррупционный характер [Сапронова, 2014, с. 233].

Статья 234: «Министр обороны назначается после утверждения кандидатуры Высшим советом вооруженных сил». В предыдущей редакции было добавлено: «Положения этой статьи остаются в силе на два полных президентских срока, начиная с даты вступления настоящей конституции в силу» [Сапронова, 2014, с. 242].

Статьи 243 и 244 указывают, что рабочие и крестьяне, а также молодежь, христиане, инвалиды и египтяне, живущие за границей, должны быть адекватно представлены в парламенте. В первоначальном тексте было указано, что речь идет о составе первой Палаты представителей [Сапронова, 2014, с. 243].

Большая группа статей посвящена восстанавливаемому государственному органу — сенату. Статьи 248 и далее дополнены в конституцию.

Статья 248. «Сенат авторизован изучать и предлагать основы демократии, укрепление социального мира, базовых элементов общества и его высших ценностей, прав, свобод и общественного долга, углубления и расширения демократической системы.

Статья 249. Позиция сената выражается по следующим вопросам:

— предложения об отмене одной или нескольких статей конституции;

— разработка генеральных планов социально-экономического развития;

— договоры о союзе и все договоры, относящиеся к суверенитету;

— разработка законов, изменяющих положения конституции, представленных сенату президентом республики или палатой представителей;

— вопросы, переданные в сенат президентом, по общей политике государства или по внешней или межарабской политике.

Статья 250. Выборы в сенат должны проводиться в течение 60 дней, предшествующих истечению его срока.

Сенат должен состоять из 180 человек, избранных на пять лет. Две трети членов сената избираются тайным голосованием, треть назначается президентом.

Статья 251. Сенатор должен быть египтянином в возрасте не менее 35 лет, иметь диплом университета и иметь разрешение на осуществление своих гражданских и политических прав.

Закон должен определить условия других кандидатов, выборную систему и распределение избирательных округов, чтобы добиться адекватного представительства от населения провинций. Может быть использована индивидуальная или существующая избирательная система или их комбинация в любой пропорции.

Статья 252. Член сената не может быть одновременно членом палаты представителей.

Статья 253. Премьер-министр, его заместители, министры и другие члены правительства не могут отчитываться в сенате».

Указанные поправки к конституции 2014 г. были вынесены на всенародный референдум, состоявшийся 21–23 апреля 2019 г. В нем приняли участие 26,3 млн. избирателей — 44,3 % от общего числа 61,5 млн. человек. Для Египта это неплохой показатель. 23,4 млн. избирателей (88,8 %) поддержали поправки в конституцию, 2,9 млн. (11,1 %) проголосовали против них [Essam el-Din, 2019b].

Поправки, внесенные в конституцию Египта 2014 г., вызванные изменениями, происшедшими за последние пять лет, свидетельствуют о том, что ситуация в стране стабилизировалась. Президент Абдель Фаттах ас-Сиси пользуется огромной популярностью. Активнее стали действовать египетские женщины. Введение сената показывает, что египтяне хотели бы возродить государственную систему, существовавшую при Хосни Мубараке. Складывается впечатление, что Египет возвращается к положению, которое было в стране до 2011 г., но уже на новом уровне.

Литература / References

Сапронова М. А. *Египет: 90 лет конституционных трансформаций (1923–2013).* М., 2014 [Sapronova M. A. *Egypt: 90 Years of Constitutional Transformation (1923–2013).* Moscow, 2014 (in Russian)].

Essam el-Din G. The Final Draft // *Al-Ahram Weekly*. No.1439. 18.04.2019 (a).

Essam el-Din G. Amendments Approved: What's Next? // *Al-Ahram Weekly*. No.1440. 25.04.2019 (b).

ГАЗ В ВОСТОЧНОМ СРЕДИЗЕМНОМОРЬЕ КАК ПРИЧИНА НОВЫХ КОНФЛИКТОВ СТРАН РЕГИОНА

Н. М. Горбунова, И. И. Иванова*

Авторы статьи ставят перед собой задачу наиболее полно представить проблемы, возникшие на региональном ближневосточном уровне в последние годы в связи с открытием и разработкой Левантийского бассейна газа и нефти. Что сулит разработка ресурсов каждой из стран, на морском шельфе которых обнаружены крупные залежи углеводородов, как провести морские границы, как освоить месторождения и куда вести трубопроводы — вот неполный перечень вопросов, содержащих в себе новый конфликтный потенциал. В статье анализируются различные позиции по этим проблемам Ливана, Турции, Израиля, Сирии и других стран.

Ключевые слова: Восточное Средиземноморье, Левантийский бассейн, месторождения, газ, нефть, региональные конфликты, Ливан, Турция, Израиль, Сирия.

NATURAL GAS IN THE EASTERN MEDITERRANEAN AS A TRIGGER OF NEW CONFLICTS BETWEEN THE COUNTRIES OF THE REGION

Natalia M. Gorbunova, Inessa I. Ivanova

The authors of the article set a task to present in the most comprehensive way the problems risen at the Middle East Region level due to the discovery and development of the Levant Oil and Gas Basin. What can expect each country with vast shelf sea hydrocarbon deposits, how could sea borders be drawn, what are the ways of deposits development, and what could be the destination of the pipelines — that is a short but incomplete list of new conflict's potential topics. The article analyses different positions of Lebanon, Turkey, Israel, Syria and other countries on these problems.

Keywords: Eastern Mediterranean, Levant Basin, deposit, gas, oil, regional conflicts, Lebanon, Turkey, Israel, Syria.

При попытке разобраться в клубке многочисленных конфликтов и кризисных ситуаций на Ближнем Востоке так или иначе возникает вывод, что их число не уменьшается, а с течением времени продолжает расти, несмотря на огромные усилия по мирному урегулированию как самими странами региона, так и мировым сообществом. Это относится, к примеру, к палестино-израильскому конфликту, острые фазы которого чередуются с периодами тлеющего недовольства. Даже внутрисирийский конфликт, в который втянут целый ряд соседних

* Наталья Максовна ГОРБУНОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; nigorbunov@mail.ru

Natalia M. GORBUNOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; nigorbunov@mail.ru

Инесса Ильинична ИВАНОВА, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, доцент МГИМО ГУ МИД РФ, Москва; INIV216@mail.ru

Inessa I. IVANOVA, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Assistant Professor, Moscow State University of Foreign Affairs, Moscow; INIV216@mail.ru

стран и мировых держав, пока далек от завершения. На фоне этих опасных процессов постепенно все более ясно вырисовывается возникший относительно недавно новый источник противоречий и серьезных региональных конфликтов, а именно, открытие и начало освоения и дележа так называемого Левантийского осадочного бассейна в Восточном Средиземноморье, располагающего огромными запасами газа и нефти. Обнаружение этих месторождений ведет к обострению неразрешенных конфликтов в регионе. За месторождения сейчас борются Турция, Греция, Кипр, Израиль, Ливан и Египет. Привлечены к ним внимание и ресурсы крупнейших мировых нефтегазовых гигантов. Эксперты не исключают, что в результате противостояния перечисленных государств может измениться баланс на мировом энергетическом рынке, а средиземноморский газ может также составить конкуренцию российскому[1].

Турецкий журналист Таха Даглы, перечисляя казалось бы совершенно разные события, такие как спор между Турцией и Грецией за острова Кардак, прилет в Эр-Рияд и заявление об отставке премьер-министра Ливана Саада Харири, его визит во Францию, возведение Израилем стены на границе с Ливаном и прочее, сводит их к одному общему знаменателю: к борьбе за природный газ в Восточном Средиземноморье[2]. Первое крупное месторождение в этом районе («Тамар» с запасами газа в размере около 200 млрд. куб. м) было открыто в 2001 г. на шельфе Израиля. Затем последовало обнаружение более крупных месторождений, самыми значимыми из которых стали израильский «Левиафан» с запасами до 650 млрд. куб. м газа и египетский «Зухр» — 850 млрд. куб. м. На израильских месторождениях работает американская компания *Noble Energy*. «Зухр» разрабатывают Eni, Роснефть и BP[3].

Американские специалисты обнаружили запасы природного газа у берегов Ливана в 2009 г. Израиль сразу предъявил претензии на два из двенадцати шельфовых блоков, и в 2013 г. начал добывать газ из двух скважин. Переговоры по его транспортировке велись с Египтом, Грецией, греческим Кипром, а договоренность с Ливаном не сложилась. В 2011 г. на шельфе Кипра было найдено первое крупное месторождение газа, получившее название «Афродита», запасы которого оцениваются в 200 млрд. куб. м. Для его разработки Кипр привлек итальянскую нефтегазовую компанию *Eni*, вслед за чем Турция немедленно объявила себя защитницей прав Турецкой Республики Северного Кипра на прилегающую часть шельфа. Однако *Eni* заявила, что продолжит бурение в районе Кипра, несмотря на противодействие турецких властей, о чем 15 марта 2018 г. и сообщило министерство иностранных дел Кипра по итогам встречи его главы Никоса Христодулидеса и вице-президента *Eni* Лапо Пистелли[4].

---

[1] См. Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[2] См. Даглы Т. За всем стоит борьба за газ в Средиземноморье // *Иносми.ру*. 20.02.2018. URL: https:// https://inosmi.ru/politic/20180220/241501221.html (дата обращения 13.06.2019).

[3] Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[4] См. Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019); Бовдунов А. 19 марта

Сирия также собирается начать добывать нефть на своем шельфе. В конце 2017 г. министр нефти и природных ресурсов страны Али Ганем заявил, что газ начнут извлекать уже в начале 2019 г. 31 января 2018 г. Россия и Сирия подписали «дорожную карту» энергетического сотрудничества. Геологическая служба США считает, что на сирийском шельфе может залегать до 700 млрд. куб. м газа — в два раза больше, чем в материковой части страны.

По данным французских специалистов, в Левантийском осадочном бассейне может быть сосредоточено свыше трех триллионов кубометров газа и 850 млн. баррелей нефти. По другим данным, общее количество газа в этом районе составляет 3,8 трлн. куб. м. Для сравнения: это в восемь раз меньше разведанных запасов газа России [5]. С учетом того, что Левантийский бассейн как перспективный регион газодобычи расположен поблизости от емкого европейского газового рынка, одним из главных вопросов, естественно, стал вопрос транспортировки газа в Европу.

Включился в нефтегазовую гонку и Ливан. В декабре 2017 г. в Ливане было заключено важное соглашение, по которому он предоставил французскому, итальянскому и российскому энергетическим гигантам все полномочия на разведку и добычу природного газа на своем участке шельфа, а конкретно, на четвертом и девятом блоках. Соответствующая документация была заверена в феврале 2018 г.[6] Права на поиски газа на ливанском шельфе получила российская компания «Новатэк» в консорциуме с *Total* и *Eni*. По ожиданиям властей страны, в ее исключительной экономической зоне залегают 700 млрд. куб. м газа. Поскольку Ливан отверг предложение Израиля о сотрудничестве в освоении шельфа, последний воспринял это как вызов. Дело в том, что Израиль оспаривает принадлежность девятого блока, который считается наиболее перспективным с точки зрения запасов углеводородов. По свидетельству *The Wall Street Journal*, министр обороны Израиля А. Либерман и президент Ливана М. Аун вступили в словесную дуэль по поводу границ и природного газа Средиземноморья. В своем заявлении Авигдор Либерман утверждал, что исследуемый кусок шельфа «по всем стандартам наш» и предостерег иностранные компании от работы в этом районе. Израиль на этом этапе начал возводить стену на границе с Ливаном и откровенно пригрозил ему войной [7]. Несмотря на

2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[5] Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

[6] См. Даглы Т. За всем стоит борьба за газ в Средиземноморье // *Иносми.ру*. 20.02.2018. URL: https:// https://inosmi.ru/politic/20180220/241501221.html (дата обращения 13.06.2019); Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

[7] Barnes J. E. U.S., Russia Trade Accusations Over Military Encounter in Mediterranean // *The Wall Street Journal*. 29.06.2016. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-russia-trade-accusations-over-military-encounter-in-mediterranean-1467231766 (дата обращения 14.06.2019); Даглы Т. За всем стоит борьба за газ в Средиземноморье // *Иносми.ру*. 20.02.2018. URL: https:// https://inosmi.ru/politic/20180220/241501221.html (дата обращения 13.06.2019); Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018.

территориальные противоречия, министр энергетики и водных ресурсов Ливана Сезар Абу Халил сообщил, что бурение начнется уже во второй половине 2019 г. По его словам, «консорциум уже подал план разработки и бюджет программы. Я все это одобрил». Однако сложность проблемы состоит в том, что морская граница между Ливаном и Израилем, которые де-юре с 1948 г. находятся в состоянии войны, до сих пор не определена[8].

Россия в этой борьбе заняла сторону Ливана, хотя транспортировка средиземноморского газа через Грецию в Европу (как это планируется в будущем) может противоречить ее собственным интересам.

К ливано-израильским противоречиям и вопросам, связанным с Кипром, добавляется традиционная напряженность между Турцией и Грецией. Они придерживаются разных позиций относительно того, как должна проходить морская граница между странами в Эгейском море. Обе страны оспаривают принадлежность незаселенных островов.

На этой же почве столкнулись не только интересы Турции и Греции: произошло прямое столкновение кораблей этих стран в районе островов Кардак. НАТО и ЕС при этом сразу встали на сторону Греции. 29 июня 2016 г. американский энергетический гигант «Эксон Мобил» (*Exxon Mobil*) заключил соглашение с греческим Кипром об отправке двух специальных судов для разведки и добычи природного газа в этом районе. Ливан отреагировал на это холодным приемом госсекретаря США Рекса Тиллерсона во время визита в Бейрут, состоявшегося на следующий день[9].

В феврале 2018 г. турецкие военные корабли остановили принадлежавшее *Eni* судно, занимавшееся разведкой нефтегазовых ресурсов на шельфе Кипра. Тогда Турция заявила, что работы нарушают права турок-киприотов на пользование кипрскими углеводородами. В ответ Еврокомиссия потребовала от Анкары избегать угроз в отношении стран-членов ЕС, осудила действия Турции и Греция. США, в свою очередь, заявили о необходимости уважения прав Кипра на добычу полезных ископаемых. Причиной обострения традиционно напряженных греко-турецких отношений стало обнаружение геологоразведочным судном *Eni* за неделю до инцидента месторождения газа на кипрском шельфе с запасами в 170–230 млрд. куб. м[10]. Добавим, что в разведке и эксплуатации газовых богатств Кипра активно участвуют и американские компании *ExxonMobil* и *Noble Energy*. Но, несмотря на

URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[8] Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

[9] Barnes J. E. U.S., Russia Trade Accusations Over Military Encounter in Mediterranean // *The Wall Street Journal*. 29.06.2016. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-russia-trade-accusations-over-military-encounter-in-mediterranean-1467231766 (дата обращения 14.06.2019); Даглы Т. За всем стоит борьба за газ в Средиземноморье // *Иносми.ру*. 20.02.2018. URL: https:// https://inosmi.ru/politic/20180220/241501221.html (дата обращения 13.06.2019).

[10] Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

действия американцев, Турция по-прежнему продолжает заявлять, что считает неприемлемыми односторонние действия по эксплуатации ресурсов Кипра.

Стремление Анкары завладеть дополнительными источниками энергоресурсов объяснимо, считает эксперт Дмитрий Жарский: Турция зависит от энергетических поставок из других стран. В начале февраля 2018 г. Анкара объявила, что и она включается в газовую гонку. «Искать и исследовать эти ресурсы — наше суверенное право», заявил министр иностранных дел Турции Мевлют Чавушоглу в интервью греческой газете «Катимерини», продолжив: «Мы планируем начать в ближайшем будущем бурение в регионе Восточного Средиземноморья…» Глава турецкого МИД подчеркнул, что Анкара не признает договор между Кипром и Египтом о разделе морского шельфа и будет действовать без оглядки на это соглашение[11].

«Анкара, похоже, спешит со своими планами из-за укрепления сотрудничества между Израилем и Кипром», говорит председатель совета директоров компании «2К» Иван Андриевский, продолжая: «У Израиля и Кипра есть идея организовать мощный экспорт газа в Евросоюз через Грецию. Турция не может этому потворствовать своим бездействием и тоже хочет заработать как деньги, так и политические очки… Новый газопровод, если он будет построен, воплотит хотя бы частично мечту Евросоюза о диверсификации газовых поставок. Ключевая роль России в газовых поставках будет уменьшена, и, хотя кипрский газ будет дороже российского, "Турецкий поток" получит серьезного конкурента…» Андриевский считает, что «возможны конфликты самого различного рода: споры о границах, иски и судебные разбирательства, угрозы военного вмешательства, создание морской блокады и т. п. Этот регион просто живет конфликтами»[12].

Главный посыл внешнеполитического курса Турции в последние годы звучал как «ноль проблем с соседями». Анкара приложила немало усилий для продвижения этого курса. После массовых протестов на фоне резкой исламизации страны в мае 2016 г. новым премьер-министром был назначен Бинали Йылдырым, который, помимо восстановления стабильности внутри страны, объявил лозунгом внешней политики «Больше друзей, меньше врагов». Общенациональный референдум по превращению Турции из парламентской республики в президентскую укрепил власть Р. Т. Эрдогана, что не могло не отразиться на его отношениях с соседними странами. Споры о принадлежности нефтегазовых месторождений напрямую противоречат заявленному курсу.

Вот как высказался об этом турецкий эксперт Керим Хас: «…новый виток внешней политики Турции, возможно, скажется и на приостановленных переговорах по кипрскому вопросу. После референдума официальная Анкара может предпринять более решительные шаги для влияния на геополитические и энергетические парадигмы

[11] Башкатова А. Турция взялась за углеводородные тайники Кипра // *Независимая газета*. 04.09.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-09-04/1_4_7303_turkey.html (дата обращения 03.06.2019); Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[12] Башкатова А. Турция взялась за углеводородные тайники Кипра // *Независимая газета*. 04.09.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-09-04/1_4_7303_turkey.html (дата обращения 03.06.2019).

в Восточно-Средиземноморском регионе»[13]. Мнение эксперта основывается на реальных действиях и соглашениях в различных областях с соседними странами и, в частности, с Ливаном. Турция активно продвигает проект соглашения о свободной торговле с этой страной. В декабре 2016 г. в Бейрут на встречу с новым премьер-министром С. Харири прибыла делегация турецкого-ливанского Делового совета. Ее турецкий сопредседатель Рон Йырджалы заявил, что предприниматели двух стран с нетерпением ждут ратификации соглашения о свободной торговле, которое «послужит на пользу обеим странам и внесет вклад в развитие отношений между ними». Обе стороны сошлись на том, что существует потенциал сотрудничества на Ближнем Востоке в странах Персидского залива, в России, а также в Африке. При этом отдельных слов удостоились ливанские проекты в нефтегазовой сфере, к которым, по словам ливанской стороны, они заинтересованы привлекать турецкие компании[14].

Споры Ливана с Израилем вокруг нефтегазовых слоев на шельфе еще более усугубили и без того напряженные отношения между двумя странами. Обострение их на данном этапе произошло на фоне признания Соединенными Штатами израильского суверенитета над Голанскими высотами и перенесения посольства США, а за ним ряда других стран в Иерусалим. В этих условиях власти Ливана решили искать посредничества в спорных вопросах у Москвы. В конце марта 2019 г. президент Мишель Аун прибыл с официальным визитом в Россию, рассчитывая на ее «деликатное вмешательство» в ситуацию с Левантийским осадочным бассейном. Накануне своего приезда в Москву ливанский лидер заявил, что не видит ни одной причины, по которой Россия не могла бы выступить посредником в споре Ливана и Израиля по поводу морской границы. Вопрос с границами Ливану необходимо решить не только с еврейским государством, но и с сирийским правительством, также претендующим на часть нефтегазового шельфа. Как не раз отмечала арабская пресса, по словам обозревателя «Независимой газеты» Игоря Субботина, Россия — одна из стран, которым Башар Асад обязан сохранением власти в Сирии, и она могла бы помочь Ливану в этих вопросах[15].

Посредником в набирающем обороты конфликте между двумя ближневосточными соседями по поводу морского шельфа предлагают себя и Соединенные Штаты. Это продемонстрировал визит в Ливан в марте 2019 г. госсекретаря Майкла Помпео. На встрече со спикером Палаты депутатов Набихом Берри шеф американской дипломатии заявил: «США желают совместно с ООН помочь Ливану в разрешении пограничного спора с Израилем». Скорее всего, американские условия рассчитаны на удовлетворение интересов израильской стороны. Например, предложенный Р. Тиллерсоном в 2018 г. компромиссный план предполагал передачу Бейруту 60–65% спорных участков на шельфе. Однако М. Аун заявил тогда, что его страна «не уступит Израилю ни миллиметра». Ему вторил лидер «Хезболлы»

[13] Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике*. 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 13.06.2019).

[14] Ковалев В. И. О современных отношениях между Турцией и Ливаном // *Институт Ближнего Востока*. 15.12.2016. URL: http://www.iimes.ru/?p=31353 (дата обращения 13.06.2019).

[15] Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

Хасан Насралла, призвавший ливанское правительство «отстаивать право на освоение шельфовых месторождений газа в Восточном Средиземноморье с позиции силы, опираясь на национальное единство». Он выразил уверенность, что все ливанцы готовы объединиться для защиты нефтегазовых запасов — достояния всего народа и посоветовал правительству Ливана «не доверять посредничеству США»[16]. Насралла также заявил, что будет защищать морские границы Ливана от израильских посягательств и готов за пару часов остановить производство на израильских морских платформах. Это подвигло Израиль принять меры по укреплению безопасности в местах добычи углеводородов, а в израильских СМИ появились заголовки о грядущей «Третьей ливанской войне»[17].

В непримиримой позиции официальных кругов Ливана относительно спора с Израилем о морской границе и разделе нефтегазовых богатств шельфа явно просматривается не только антиизраильская риторика и практика «Хезболлы», но и ее главного спонсора — Ирана. Заметное укрепление политического и экономического влияния этого шиитского движения внутри Ливана, по-видимому, обеспокоило Вашингтон. 22 апреля 2019 г. представитель госдепартамента США Майкл Эванофф заявил, что США «намерены положить конец потоку средств "Хезболлы" и объявляют о награде в размере до 10 млн. долларов за информацию, позволяющую сорвать финансовые операции движения "Хезболла", которое во многих странах признано террористической организацией». По его словам, «предложение о награде… создаст стимулы к тому, чтобы нам предоставили информацию, которая позволит нам ликвидировать сеть финансирования» этой организации. Со своей стороны, помощник министра финансов США Маршалл Биллингсли отметил, что «США используют все имеющиеся возможности для того, чтобы ликвидировать все источники средств финансирования "Хезболлы"… и лишить эту организацию доступа к ресурсам»[18].

Эксперт Российского совета по международным делам Антон Мардасов считает, что Россия, выступив посредником в территориальном споре Израиля и Ливана, могла бы закрепить свой статус важной силы на Ближнем Востоке. В случае же реальной разработки месторождений энергоресурсы скорее всего пошли бы на поддержку официального Дамаска[19]. О заинтересованности Сирии в том, чтобы Россия активно участвовала в восстановлении страны, свидетельствуют важные решения, принятые в декабре 2018 г. в ходе заседания российско-сирийской Межправительственной комиссии по торгово-экономическому сотрудничеству, которую с российской стороны

[16] Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

[17] Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[18] См.: США предлагают награду в размере до 10 млн. долларов за информацию о финансах «Хизбаллы» // *NEWSru.com*. 22.04.2019. URL: https://www.newsru.com/world/22apr2019/hizballahprize.html (дата обращения 13.06.2019).

[19] США предлагают награду в размере до 10 млн. долларов за информацию о финансах «Хизбаллы» // *NEWSru.com*. 22.04.2019. URL: https://www.newsru.com/world/22apr2019/hizballahprize.html (дата обращения 13.06.2019).

возглавляет вице-премьер Юрий Борисов. Был заключен ряд коммерческих соглашений в сфере разведки и добычи углеводородов на территории Сирии[20].

Можно констатировать, что мнения самых разных экспертов и специалистов по Ближнему Востоку относительно новой реальности — «открытия невероятных богатств» в этом регионе — во многом сходятся. Так, саудовское издание *Arab News* считает, что эта ситуация «трансформирует Восточное Средиземноморье в геополитическую горячую точку, и столкновения кажутся неизбежными, поскольку Россия и США могут использовать эту арену в своем постоянно возрастающем соперничестве»[21]. Вполне обоснованной представляется точка зрения эксперта НИУ ВШЭ Григория Лукьянова, который считает, что это «мощнейший фактор конфликтного потенциала в регионе»: «Те государства, которые не являлись газовыми и нефтяными гигантами, теперь представляют собой угрозу для сложившихся в регионе социально-экономических и политических отношений». По его словам, ключевая проблема состоит в том, что энергетической державой может стать Израиль. Ранее он был импортером энергоресурсов, сейчас же за счет высокого инновационного потенциала еврейское государство превратится в реального конкурента арабских стран: «Он может подавить их энергетические комплексы, что выводит на первый план новую вариацию арабо-израильского конфликта». По мнению политолога, позиция Ливана, где в лице «Хезболлы» сильно иранское присутствие, создает дополнительную проблему. Израиль может изменить баланс на энергетическом рынке и превратиться как экспортер газа в конкурента России, Ирана, Катара и в том числе «Турецкого потока» в Южной Европе. Однако возникновение полномасштабных войн из-за газа, по мнению эксперта, маловероятно, в то время как столкновения на дипломатическом уровне и юридическом поле будут достаточно жаркими и болезненными[22]. Свой взгляд на эту проблему высказал турецкий обозреватель Эрдал Карагёль. «В то время как в наши дни эти региональные проблемы еще не решены, с открытием ресурсных возможностей региона существующие споры нарастают еще больше. Ведь очевиден тот факт, что энергетический вопрос определяет дипломатические отношения государств. Следовательно, в первую очередь, из-за кипрского вопроса, проблемы безопасности, а также ошибочной и проблемной политики Израиля ситуация в регионе еще более осложняется… С этой точки зрения, для стран, обладающих запасами в регионе, энергетика содержит потенциал, позволяющий решать проблемы благодаря сотрудничеству и торговой деятельности»[23].

Краткий обзор открывшейся новой реальности на ближневосточном морском шельфе показывает, что существуют две перспективы развития событий в этой части мира. Первая, наиболее вероятная, предполагает рост напряженности между странами

---

[20] Вице-премьер РФ Борисов обсудил с Асадом российское участие в восстановлении Сирии // *Интерфакс*. 20.04.2019. URL: https://www.interfax.ru/world/658792 (дата обращения 13.06.2019).

[21] Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[22] Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

[23] Карагёль Э. Будущее природного газа в Восточном Средиземноморье // *Иносми.ру*. 30.06.2017. URL: https://inosmi.ru/politic/20170630/239705209.html (дата обращения 13.06.2019).

региона. Вторая, более желательная, дает повод для переговорных процессов и освоения нефтегазовых богатств, что позволит каждой из этих стран получить новый импульс для экономического развития и значительные финансовые ресурсы. И хотя второй вариант развития ситуации в регионе не так очевиден, как первый, он предполагает более разумный, прагматичный и перспективный путь для любой из заинтересованных сторон.

Несомненно, узел проблем на Ближнем Востоке, связанных с длительной гражданской войной в Сирии, миллионами беженцев и кризисном состоянии власти в этой стране, так и не был развязан, несмотря на вовлеченность в этот конфликт соседних государств, России и Запада. При этом не состоялись различные планы по разделу Сирии и переформатированию карты Ближнего Востока. Теперь же к этой ситуации добавились проблемы дележа и разработки Левантийского осадочного бассейна, которые становятся приоритетными и не менее острыми. Похоже на то, что все конфликтные вопросы странам региона придется решать в совокупности. А их решение, по всей видимости, может быть достигнуто не с помощью оружия и силы, а путем экономического, политического и социального развития.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Башкатова А. Турция взялась за углеводородные тайники Кипра // *Независимая газета*. 04.09.2018. URL: http://www.ng.ru/economics/2018-09-04/1_4_7303_turkey.html (дата обращения 03.06.2019)

Бовдунов А. 19 марта 2018 г. «Открытие невероятных богатств»: как месторождения газа в Средиземноморье вызывают конфликты на Ближнем Востоке // *RT*. 19.03.2018. URL: https://russian.rt.com/world/article/493913-gas-sredizemnomoryie-konflikt (дата обращения 13.06.2019).

Вице-премьер РФ Борисов обсудил с Асадом российское участие в восстановлении Сирии // *Интерфакс*. 20.04.2019. URL: https://www.interfax.ru/world/658792 (дата обращения 13.06.2019).

Даглы Т. За всем стоит борьба за газ в Средиземноморье // *Иносми.ру*. 20.02.2018. URL: https:// https://inosmi.ru/politic/20180220/241501221.html (дата обращения 13.06.2019).

Карагёль Э. Будущее природного газа в Восточном Средиземноморье // *Иносми.ру*. 30.06.2017. URL: https://inosmi.ru/politic/20170630/239705209.html (дата обращения 13.06.2019).

Ковалев В. И. О современных отношениях между Турцией и Ливаном // *Институт Ближнего Востока*. 15.12.2016. URL: http://www.iimes.ru/?p=31353 (дата обращения 13.06.2019).

Субботин И. Москву втягивают в конфликт взрывоопаснее спора о Голанах. Власти Ливана ждут посредничества в «газовых» трениях с Израилем // *Независимая газета*. 26.03.2019. URL: http://www.ng.ru/world/2019-03-26/1_7540_livan.html (дата обращения 13.06.2019).

США предлагают награду в размере до 10 млн. долларов за информацию о финансах «Хизбаллы» // *NEWSru.com*. 22.04.2019. URL: https://www.newsru.com/world/22apr2019/hizballahprize.html (дата обращения 13.06.2019).

Хас К. Новая. Жаркая. Своя. Внешняя политика Анкары после референдума // *Россия в глобальной политике*. 18.04.2017. URL: https://globalaffairs.ru/global-processes/Novaya-Zharkaya-Svoya-Vneshnyaya-politika-Ankary-posle-referenduma-18684 (дата обращения 13.06.2019).

Barnes J. E. U.S., Russia Trade Accusations Over Military Encounter in Mediterranean // *The Wall Street Journal*. 29.06.2016. URL: https://www.wsj.com/articles/u-s-russia-trade-accusations-over-military-encounter-in-mediterranean-1467231766 (дата обращения 14.06.2019).

БУДДИЙСКИЕ НАРРАТИВНЫЕ ИСТОЧНИКИ О НАЧАЛЕ ДИНАСТИИ ПАЛОВ

А. А. Столяров*

В статье рассматриваются содержащиеся в буддийских рукописях сведения об обстоятельствах восшествия на престол первого государя династии Палов Гопалы I. Основных источника три: санскритская рукопись «Арья-Манджушри-Мула-Кальпа», составленная около середины VIII в., тибетская «История буддизма» Будона Ринчендуба, составленная в начале XIV в., и «Истории буддизма в Индии», сочинение ламы Таранатхи, составленное в начале XVII в. Привлекаются также сведения эпиграфических источников. Автор приходит к выводу о том, что имеет смысл пересмотреть сложившееся в индологии мнение, согласно которому началом династии определяется 750 г., а на правление первого государя отводится четверть века.

Ключевые слова: история Индии, история буддизма, индийская историография, буддийские рукописи, династия Пала, Арья-Манджушри-Мула-Кальпа, Будон Ринчендуб, лама Таранатха.

BUDDHIST NARRATIVE SOURCES ON THE BEGINNING OF THE PĀLA DYNASTY

Alexander A. Stolyarov

The article deals with the evidence of Buddhist MSS on the circumstances of Gopāla I, the first ruler of the Pāla dynasty, ascencion to the throne. Three main sources are considered, namely the Sanskrit MSS "Arya Manjushri-Mula-Kalpa", compiled around the middle of the 8th century, Tibetan "The History of Buddhism", compiled by Bu-ston Rin-chen ‘Grub in the beginning of the 14th century, and "The Stories of Buddhism in India", compiled by Lama Taranatha in the beginning of the 17th century. The research also considers the epigraphical evidence. The author argues that it makes sense to reconsider previously existing among the Indologists opinion, according to which the year 750 is fixed as the beginning of the Pāla Dynasty, and a whole quarter of a century is fixed for the rule of the first Pāla ruler.

Keywords: history of India, history of Buddhism, Indian historiography, Buddhist MSS, Pāla Dynasty, Arya Manjushri-Mula-Kalpa, Bu-ston Rin-chen ‘Grub, Lama Taranatha.

Хронология династии Палов сильно уплотнена. Правителям тесно во временных рамках, отведенных им исследователи. Причина тому — расширение списка государей, появление в нем новых имен, а также увеличение сроков правления уже известных правителей вследствие обнаружения новых источников — надписей и рукописей — в последней четверти XX — начале XXI в.

* Александр Александрович СТОЛЯРОВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН; доцент ФМО и ЗР ИАИ РГГУ, Москва; astol007@gattamelata.com

Alexander A. STOLYAROV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS; Associate Professor, Russian State University for the Humanities, Moscow; astol007@gattamelata.com

При этом надежных источников определения точных дат правления, помимо надписей и рукописей, у исследователей нет, так же, как нет и ясных хронологических привязок. Все даты в генеалогии Палов, кроме дат последнего, двадцатого государя, относительны. То же самое справедливо и для современных им соседних с ними династий. В результате у многих правителей дата окончания правления отсчитывается по последней датированной надписи, что не вполне корректно.

Между тем, имеет смысл попытаться расширить хронологические рамки династии Палов за счет смещения датировок ее основателя и первого государя Гопалы I в более ранние годы. В силу отсутствия источников, непосредственно относящихся к его правлению, дата его воцарения может быть определена лишь очень приблизительно. Исследователи считают, что это произошло примерно в середине VIII в. Единственная информация, которую содержат о нем источники, как нарративные, так и эпиграфические, относится к обстоятельствам его восшествия на престол. В их изложении, как и следовало ожидать, это событие окутано множеством преувеличений и умолчаний.

Известно несколько буддийских сочинений, где так или иначе упоминался Гопала I и его потомки. Их авторы ставили главной целью изложить историю учения — от учителя к ученику, поэтому те или иные государи упоминались ими в зависимости от того, в какой степени они оказывали покровительство буддизму.

Сочинения этого жанра сохранились по большей части на китайском и тибетском языках, на санскрите есть лишь одна рукопись — «Арья-Манджушри-Мула-Кальпа», обнаруженная вместе с другими рукописями в 1909 г. на самом юге Индии в княжестве Траванкор (ныне дистрикт Каньякумари штата Тамилнаду), причем, это был не первоначальный текст, а вариант, переписанный в XVI в. Существуют два издания рассматриваемой рукописи. Первое, более полное, вышло в свет в 1920 г., издателем стал *махамахопадхъяя*[1] Т. Ганапати Шастри (1860–1926) [Ganapati Sastri, 1920]; в 1989 г. этот же текст был стереотипно переиздан без каких-либо комментариев [Ganapati Sastri, 1989]. В 1934 г. появилось другое издание исторической части рукописи, подготовленное К. П. Джаясвалом (1831–1937) при содействии Рахула Санкритьяяны (1893–1963) [Jayaswal, 1934]. В новом издании санскритский текст был откорректирован [2], сверен с тибетским переводом, сделанным около 1060 г. и вошедшим впоследствии в Ганджур (Тибетский канон). За исключением первых девяти строк, написанных прозой, вся историческая часть состоит из 1005 строф, составленных размером *ануштубх*[3]. История учения изложена предположительно от лица Будды в форме пророчества, повествование ведется в будущем времени, при этом многие персонажи обозначены только начальными буквами. По мнению К. П. Джаясвала, «Арья-Манджушри-Мула-Кальпа» была составлена в Бенгалии около 770 г., после смерти Гопалы, или, по крайней мере, не позже 800 г. [Jayaswal, 1934, p. 3].

---

[1] *Махамахопадхъяя* — почтительное обращение, официальный титул, который присваивают заслуженным ученым, проявившим себя в области традиционных, классических областей знания в Индии. Присваивается Правительством Индии; до 1947 г. — британским колониальным правительством, в средневековой Индии и ранее — правителями княжеств.

[2] К. П. Джаясвал обратил внимание на ряд ошибок, допущенных Ганапати Шастри при первом издании текста [Jayaswal, 1934, p. 2–3].

[3] *Ануштубх* — один из древнейших размеров силлабо-тонического стиха. Обычно восьмисложный с ямбическим окончанием.

«Арья-Манджушри-Мула-Кальпа» сообщает, что появлению Гопалы предшествовали события, которые в целом можно охарактеризовать как период раздора, смуты. В строфах 679–682 сказано, что пока «эти буйные правители будут заняты причинением взаимного вреда», появится Бха, который «возглавит народ Гауда»[4], но он будет «смертельно больным»[5]. Вслед за ним будет Да, но только на десять дней. Потом в стране Гауда на Ганге Бха будет править три дня. Строфа 683 повествует: «тогда будет государь Гопалака от всех — велеречивый государь, милосердный и могущественный»[6]. Слова «от всех» (sarvadaḥ) в первой половине строфы можно трактовать либо как намек на избрание Гопалы на царство «всеми» жителями, либо как указание на то, что его воцарение совершилось в интересах «всех» жителей страны. Далее в строфах 684–690 описываются некоторые обстоятельства его жизни и перечисляются добродетели: в юности он будет находиться под влиянием женщин, но, благодаря дружбе с хорошими людьми, вступит на праведный путь и построит много буддийских монастырей и святилищ, садов, водоемов, странноприимных домов, мостов, индуистских храмов, пещер и проч. Первая половина строфы 690 гласит: «Править он будет 27 лет и умрет восьмидесятилетним»[7]. Впрочем, как признает К. П. Джаясвал, срок жизни многих государей сильно преувеличен [Jayaswal, 1934, p. 4].

Самый ранний из тибетских текстов, в которых упоминается основатель династии Палов Гопала I, — это «История буддизма» Будона Ринчендуба (1290–1364), почитаемого всеми тибетскими школами, завершенная им в 1322 г., или более чем через полутысячелетие после рассматриваемых событий [Будон, 1999]. История Гопалы, изложенная Будоном, напоминает волшебную сказку:

«В восточном лесу Кхадира, в стволе высокого дерева обитал дух дерева. Случилось так, что пастух той страны умер, и его прекрасная жена смотрела за овцами (вместо него). Упомянутый дух дерева имел с ней половую связь, и (от их союза) родился замечательный сын, которого назвали Гопалой. Его отец дал ему драгоценные камни, и, благодаря силе его добродетели, он приобрел царскую власть. Именно этим царем был построен монастырь Наланда. Царица [регентша] Гопалы, которая не имела власти над царем, решила подчинить его своему влиянию и попросила брахмана дать ей магическую силу, чтобы осуществить это. Брахман принес из Гималаев зачарованное снадобье, запечатал его и вручил рабыне-девушке [царицы]. Последняя, переходя через мост, упала, и снадобье было отнесено течением, постепенно достигло океана и было схвачено царем нагов[8], который и проглотил его. Таким образом, благодаря силе снадобья, царь нагов, повелитель океана, подпал под власть царицы, соединился с ней, и от этого союза родился сын, названный Шримад Дхармапалой. В то время, когда в благоприятный час проводились (над ребенком) религиозные церемонии, надменно поднялась голова змеи. Царь, рассвирепев, решил отрубить ее, но ему было показано кольцо, на котором он увидел письмена нагов. Тогда он продолжал поклоняться и после того посвятил себя образованию (ребенка). Когда последний вырос, у него возникло желание построить храм более великолепный, чем все другие, и [он]

---

[4] agraṇī-gauḍa-loka.

[5] mahā-vyādhi-samākula.

[6] tato Gopālako rājā bhayitā sarvadas-tadā | priyavādī ca so rājā ghṛṇī c-aiva mahābalaḥ.

[7] viṁśād varshāṇi saptaṁ ca janman-āśītiko mṛtaḥ.

[8] Здесь: мифические существа, демоны, часто с телом змеи и головой человека.

осведомился у предсказателя [по этому поводу]. Предсказатель сказал, что необходимо сделать фитиль из хлопка, принадлежащего аскетам и брахманам, достать масло из домов царей и купцов, принести огонь от масляного светильника из места епитимии и поместить горящий светильник перед охраняющим божеством:

— Если ты обратишься с просьбой, то змей Дхармапалы отбросит светильник, и в месте, [где он упадет], нужно строить храм.

Это было сделано, но внезапно появился ворон, который забросил светильник в озеро. [Юноша] расстроился, но ночью царь нагов с пятью змееголовыми пришел к нему и сказал:

— Я твой отец и я осушу это озеро. Ты построишь храм на его месте. [Для того чтобы совершить это], ты должен совершать жертвоприношения семь недель. Это было сделано. На двадцать первый день озеро было осушено и (в том месте) был построен монастырь Одантапури.

У этого царя было четыре сына: царь, пандит, маг и (другой) царь, греховного поведения. Последний испугался, что он может лишиться богатств, но его отец дал ему драгоценный камень. У этого (четвертого сына) тоже был сын по имени Дэвапала, который обладал силой торжественной молитвы (*пранидхана-бала*) и был исполнен веры в Праджняпарамиту» [Будон, 1999, с. 230].

Будон Ринчендуб почитается всеми тибетцами, прежде всего, за то, что, будучи в течение 37 лет настоятелем монастыря Шалу, он собрал, отредактировал и систематизировал все имевшиеся на то время переводы буддийской литературы, создав основной вариант тибетского канона. Цитированную выше «Арья-Манджушри-Мула-Кальпу» он включил в раздел «Ганджур» (слово самого Будды), однако, повествуя в «Истории буддизма» о Гопале I, никак не воспользовался содержавшимися в ней сведениями.

Еще почти через три столетия, около 1608 г., была создана книга «Истории буддизма в Индии», публикация сочинения ламы Таранатхи (1575–1634) [Таранатха, 1869], где также говорится о Гопале I и его потомках. Так же, как у Будона, в рассказе Таранатхи много преувеличений и сказочных деталей, хотя общая канва в целом позволяет вспомнить о сюжете, изложенном в «Арья-Манджушри-Мула-Кальпе».

«В одном месте, неподалеку от леса Пундравардхана, находящемся между Мадхъядеша и границами востока, жила одна девица, происходившая из рода кшатрия, весьма красивой наружности. Однажды от совокупления ее с гением дерева родился один с отличными признаками мальчик, который, подросши несколько, нашел под деревом, в котором жил гений, драгоценность, изливавшую свет. Получив за нее от одного учителя посвящение и приказание созерцать богиню Чунда, совершив ее, он постоянно носил скрытно небольшую палицу, символ своего божества. Однажды богиня явилась ему во сне и благословила его. После этого он, придя в храм Арья Кхасарпаны, молился о том, чтобы сделаться царем, и получил приказание отправиться за этим на восток, куда он и пришел. В это время уже много лет как в Бхангале не было царя; так как жители этого царства претерпевали бедствия, то главнейшие из них, собравшись на сейм, избрали царя для управления страной по законам, но в ту же ночь он был съеден весьма сильной и свирепой драконихой, принявшей на себя вид жены прежнего паря, по словам одних Говичандры, а по другим Лалитачандры. Таким же образом умерщвляла она и прочих царей по мере их избрания, но так как говорили, что

нельзя оставить страны без царя, то продолжали избирать новых царей, которые, будучи избраны поутру, убивались тою же ночью, а назавтра с рассветом выносили их труп. Таким образом прошло несколько лет, причем все жители царства чередовались в доставлении царей; в это то время совершивший богиню Чунда пришел в один дом, в котором все были погружены в печаль; на вопрос свой о причинах он получил ответ, что дошла очередь до сына (хозяина того дома) быть на завтрашний день царем; он сказал, что если ему заплатят, то он заменит его, и те чрезвычайно обрадовались. Взяв плату, он был избран на следующий день царем; в полночь та дракониха, приняв вид ракшаски, пришла по обыкновению съесть его, но он ударил ее символом божества, и она умерла. Когда с рассветом явились люди для выноса трупа, то, увидев его живым, весьма изумились; обещавшись затем занять место и других, он был семь раз избираем на царство в продолжение семи дней. Тогда все сказали, что добродетели его велики, и избрали в цари навеки. Он принял имя Гопала. Владычествуя вначале над Бхангалой, он под конец покорил своей власти и Магадху. Он основал храм по имени Найлендра неподалеку от Отантапури и, основав в обеих великих странах (Бхангале и Магадхе) множество монастырей для духовных, принес великие жертвы религии. Индрадатта говорит, что этот царь был возведен на царство на следующий год после кончины учителя Мимансака, но Кшемендрабхадра говорит, что это случилось спустя семь лет. Он царствовал 45 лет» [Таранатха, 1869, с. 199–200].

Трудно сказать, принадлежала ли «Арья-Манджушри-Мула-Кальпа» к числу рукописей, использованных Таранатхой при написании «Историй». Так или иначе, оба источника сходятся на том, что к моменту воцарения Гопалы I в стране наблюдался кризис власти, причем Гопала был наделен ею в результате некоей процедуры, напоминающей выборы; вступил же он на престол зрелым человеком и правил долго.

Рассказ Таранатхи содержит ряд деталей, отсутствующих в «Арья-Манджушри-Мула-Кальпе»: так, Гопала происходил из местности «неподалеку от леса Пундравардхана» и основал монастырь Одантапури (район современного Бихар-шарифа, столицы дистрикта Наланда). Последняя деталь отражена также и в рассказе Будона Ринчендуба.

Сюжет с избранием на престол присутствует и в надписях Палов: в генеалогической части Муршидабадской и Кхалимпурской жалованных грамот Дхармапалы, сына Гопалы I [Furui, 2011; Kielhorn, 1896–1897]. Сообщается, что Гопала был избран «подданными (prakṛtibhiḥ), чтобы избежать обычая рыб (matsya-nyaya apohitum)»[9]. «Обычай рыб» — стандартное в санскритской классической литературе выражение, присутствующее в эпосе, пуранах, «Артхашастре», трактуемое как ситуация, «когда большая рыба ест мелкую», и означающее состояние анархии, приводящее к необходимости иметь царя. Термин *prakṛti*, одно из значений которого «народ, подданные», будучи употреблен во множественном числе, мог означать также «советники государя, министры».

В то же время, нельзя не обратить внимание на полное отсутствие надписей, относящихся ко времени Гопалы I, притом что от правления его сына и преемника Дхармапалы дошло сразу восемь надписей разного типа: три жалованных грамоты, две надписи на крупных и три на малых объектах, а от правления внука Девапалы — 14

[9] mātsya-nyāyam=apohituṁ prakṛtibhir=Lakshmyāḥ karaṅ=grāhitaḥ śrī-Gopāla iti kshitīśa-śirasāṁ cūḍāmaṇis=tat=sutaḥ.

надписей.

Остаются лишь свидетельства буддийских рукописей, лишь одна из которых может быть соотнесена со временем правления Гопалы I, а остальные составлены многими веками позже и потому наполнены сказочными небылицами. При этом все без исключения исследователи периода, составляя генеалогию династии Палов, начинают ее с 750 г. и отводят на правление первого государя 25 лет. И это при полном отсутствии каких-либо свидетельств, кроме одной рукописи, в которой, как и во всех других индийских / буддийских текстах подобного рода, нет и намека на хронологию.

Все эти обстоятельства позволяют говорить о необходимости пересмотреть устоявшееся мнение о хронологии начала династии Палов и отодвинуть дату ее основания в более раннее время, сократив сроки правления первого государя династии, Гопалы I — с одной стороны, и расширить рамки правления некоторых государей начального и последующих периодов — с другой.

Литература / References

Будон Ринчендуб. *История буддизма (Индия и Тибет)*. Пер. с тиб. Е. Е. Обермиллера, пер. с англ. А. М. Донца. СПб., 1999 [Bu-ston Rin-chen 'Grub. *The History of Buddhism (India and Tibet)*. Trans. from Tib. by E. Obermiller, trans. from Eng. by A. M. Donets). Saint-Petersburg, 1999 (in Russian)].

Таранатха – *Буддизмъ, его догматы, исторія и литература*. Часть 3. *Исторія буддизма въ Индіи, сочиненіе Даранаты*. Переводъ съ тибетскаго В. П. Васильева. СПб., 1869 [*Buddhism, Its Beliefs, History and Literature*. Part 3. *The History of Buddhism in India, Tractate by Daranata*. Translation from Tibetan by V. P. Vasilyev. Saint-Petersburg, 1869 (in Russian)].

Furui R. Indian Museum Copper Plate Inscription of Dharmapala, Year 26: Tentative Reading and Study // *South Asian Studies*. 2011. 27.2. Pp. 145–156.

Ganapati Sastri T. (ed.). *The Aryamanjusrimulakalpa*. Part 1. (*Trivandrum Sanskrit Series*, No.70). Trivandrum, 1920.

Ganapati Sastri T. (ed.). *The Āryamañjuśrīmūlakalpa*. (*Bibliotheca Indo-Buddhica Series*, No.57). Delhi, 1989.

Jayaswal K. P. *An Imperial History of India in a Sanskrit Text [c. 700 B.C.— c. 700 A.D.] with a Special Commentary on a Later Gupta Period*. Sanskrit Text Revised by Ven. Rahula Sankrityayana. Lahore, 1934.

Kielhorn F. Khalimpur Plate of Devapaladeva // *Epigraphia Indica*. Calcutta, 1896–1897. Vol. 4. Pp. 243–254.

О НЕКОТОРЫХ МАТЕРИАЛАХ ПО ИСТОРИИ ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ КАБИНЕТА-БИБЛИОТЕКИ ИМЕНИ АКАДЕМИКА В. А. ГОРДЛЕВСКОГО ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

А. В. Болдырев*

В статье дан краткий обзор материалов по истории Османской империи мемориального кабинета-библиотеки им. В. А. Гордлевского: этнографические и военные очерки, путевые записки, политические обозрения, исследования в области востоковедения. Материалы Кабинета показывают, что отечественной тюркологии было присуще непредвзятое описание жизни османских народов. В известной степени это придавало исследованиям излишне нарративный характер, но позволяло избежать необоснованных обобщений. В дальнейшем полученные сведения служили материалом для более аналитического подхода.

Ключевые слова: кабинет-библиотека, В. А. Гордлевский, этнографические и военные очерки, политические обозрения.

ABOUT SOME MATERIALS ON THE HISTORY OF THE OTTOMAN EMPIRE OF THE OFFICE-LIBRARY OF ACADEMICIAN V. A. GORDLEVSKY IN THE INSTITUTE OF ORIENTAL STUDIES RAS

Andrey V. Boldyrev

The article provides a brief overview of materials on the history of the Ottoman Empire memorial of the office-library of academician Vladimir A. Gordlevsky: Ethnographic and military essays, travel notes, political reviews, and research in the field of Oriental studies. The materials of the Cabinet show that an objective description of the life of the Ottoman peoples was inherent in Russian Turkic studies. To a certain extent, this gave the research an unduly narrative character, but also made it possible to avoid unreasonable generalizations. Subsequently, the received information served as material for a more analytical approach.

Keywords: study library, V. A. Gordlevsky, ethnographic and military essays, political reviews.

После смерти академика Владимира Александровича Гордлевского (1876–1956), согласно его завещанию, Институт востоковедения РАН получил на хранение обширную библиотеку ученого, а в 1958 г. по решению Президиума АН СССР в Институте был создан Мемориальный кабинет-библиотека им. академика В. А. Гордлевского. Фонд библиотеки содержит около 10 тыс. единиц хранения. Охват материалов кабинета-библиотеки занимает период с конца XVIII в.

* Андрей Викторович БОЛДЫРЕВ, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; boldirew.andrei2011@yandex.ru

Andrey V. BOLDYREV, PhD (History), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; boldirew.andrei2011@yandex.ru

до наших дней. В основном, это литература по истории отечественного востоковедения, по истории, филологии, этнографии Турции и тюркоязычных народов[1].

Из *этнографических очерков* следует отметить сочинение известного российского тюрколога и ираниста Ильи Николаевича Березина (1818–1896) «Путешествие по Дагестану и Закавказью». В его работе дан этнографический обзор края от Дербента до Баку, его военная история (присоединение к России), обычаи горцев, климат, занятия жителей, административное деление, природа и религиозные традиции — фундаментальный историко-географический и этнографический обзор. Последнее вполне применимо и к книге кавказского краеведа, армянского этнографа и археолога Ервавда Александровича Лалаяна (1864–1931) «Айсоры (ассирийцы. — *А. Б.*) Ванского вилайета», где дается история и подробное описание ассирийского населения одной из анатолийских провинций Османской империи [Лалаян, 1914]. С работами И. Н. Березина и Е. А. Лалаяна перекликается книга подполковника генерального штаба и военного востоковеда Петра Ивановича Аверьянова (1867–1937) «Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия» [Аверьянов, 1900]. Целью книги было дать представление о возможном противнике России в будущей войне — турецких курдах, поэтому в приложениях содержатся различные документы (письма, записки, рапорты и т. п.), частью извлеченные из Архива Штаба Кавказского военного округа, частью перепечатанные из актов Кавказской археологической комиссии в Тифлисе.

Из *путевых записок* следует выделить «Дневные записки путешествия из Архипелагского, России принадлежащего, о-ва Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся» переводчика и географа Сергея Ивановича Плещеева (1752–1802). В 1772 г., будучи еще лейтенантом, Плещеев дал подробное военное описание греческого острова, находящегося под покровительством России [Плещеев, 1773]. В 1786 г. была издана первая книга военно-морского деятеля и разведчика, первого русского африканиста Матвея Григорьевича Коковцева (1745–1793) «Описание архипелага и варварского берега…» [Коковцев, 1786]. Издание совпало с появлением Греческого проекта Екатерины II и имело большой успех. В главе «Примечание о нравах и обычаях жителей архипелагских» дана подробная этнографическая характеристика греков Эгейского архипелага. В книге Коковцев сделал попытку пересмотреть традиционный взгляд на жителей Средиземноморья. «Имя Варваров прилично народу злонравному, беззаконному и жестокосердному, — писал он, — а народы варварийские вообще показались мне добронравнее и страннолриимчивее многих европейцев…» Книга Коковцева заслужила лестные отзывы критики. Путевые впечатления, дающие представления о разных сторонах жизни Османской империи, даны еще в трех очерках — в отчете о поездке в Стамбул в 1808 г. генерала Александра Григорьевича Краснокутского (1781–1841) [Краснокутский, 1815] и в описаниях османской столицы середины XIX — начале XX вв., сделанных И. Н. Березиным и известным востоковедом Владимиром Федоровичем Минорским (1877–1966) [Березин, б. г.; М-ский, 1903].

[1] Подробнее см.: [Болдырев, 2018].

Как бы в продолжение книги М. Г. Коковцева, в 1835 г. было издано сочинение российского дипломата, писателя и историка Константина Михайловича Базили «Очерки Константинополя» (1809–1884) [Базили, 1835]. В предисловии к своей книге Базили указывает на то, что «о Турции написано столько вздору, что самое сильное воображение затрудняется чему верить. Мы как самые близкие соседи с турками должны иметь и больше о них известий и больше взыскательности и больше строгости и разборчивости в известиях». В целом «Очерки» Базили — это живое описание быта, гарема, тюрем, базара, невольничьих рынков, взаимоотношениях четырех этнонациональных групп — турок, армян, греков, евреев. Фактология переплетается в книге с литературными заимствованиями (описание последнего янычарского бунта 1826 г.) Автор претендовал на научное описание страны, однако это не всегда ему удавалось. Во многом с очерками Базили перекликается книга журналиста Юрия Кази-Бека (Ахметуков Кази-Бек Ахмедович) (1870–1929) «Очерки и рассказы о царстве османов» — сведения о султане Абдулгамиде II и его дворе [Кази-Бек, 1897].

Политические обозрения и исследования в области востоковедения в рамках Кабинета представлены в обзорах и дневниках К. М. Базили, М. П. Вронченко, А. Н. Мандельштама, А. Н. Харузина, А. В. Тырковой, Е. А. Рагозиной. Книга К. М. Базили «Архипелаг и Греция в 1830–1831 гг.» посвящена Греции в период правления графа Каподистрия и заканчивается описанием его убийства. Значительное место занимает описание быта и нравов населения Архипелага [Базили, 1834]. Знаково в этом отношении описание Смирны: «В августе, — пишет Базили, — весь город в хлопотах от винных ягод. Продают, покупают, укладывают в коробки, грузят все это со спорами с криком, с несносною суматохой… Смесь народов со всех концов земного шара. Торговля и интерес свела Индейца с Бухарцем, Шведа с Алжирцем в углу Малой Азии. Американский бриг погружен шелком и шалями Персии, коврами Турции». Отмечается благотворное влияние от пятилетнего пребывания на Островах русской эскадры. Противоположную картину азиатской части Османской империи дает генерал-майор и востоковед Михаил Павлович Вронченко (1802–1855) в труде «Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии». Согласно полученному заданию, Вронченко исследовал Малую Азию в 1833–1836 гг. Руководствуясь только личными впечатлениями, он ориентировался на сведения военно-стратегического характера — описание анатолийского населения, его нравов, обычаев, занятий, торговли. В целом, констатируется обнищание, бедность, произвол и беззаконие податных агентов [Вронченко, 1839].

В политическом обзоре «Младотурецкая революция: историко-политический очерк» русский дипломат и юрист-международник Андрей Николаевич Мандельштам (1869–1949) исследует «анатомию» движущих сил младотурецкой революции, начиная от ее предпосылок и заканчивая кануном Первой мировой войны [Мандельштам, 1915]. Главный вывод автора состоит в том, что структура османского общества вернула «революционеров» к политике старого режима. Тематически к обзору Мандельштама примыкают воспоминания сотрудницы газеты «Речь» Ариадны Владимировны Тырковой (по мужу Вильямс) (1869–1962) «Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе». В ее воспоминаниях, относящихся к 1911–1912 гг., отражены такие стороны позднеосманского периода, как армянский вопрос, настроения в армии, атмосфера в редакциях политических газет, выборы в османский парламент, механизм

предвыборных манипуляций, характеристики младотурецких лидеров (Талаат и Джавид-паши) [Тыркова, 1916]. О знаменитой книге говорили, что «в записках, написанных леди», основа самая разнообразная: «частью по слухам там, на месте, по разговорам и словам самих же действующих лиц, а больше по личным наблюдениям». Наблюдательный женский взгляд на жизнь в Османской Турции в середине 1870-х гг. представлен в записках дочери российского консула на Хиосе Е. А. Рагозиной «Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг.», напечатанных в 1910 г. [Рагозина, 1910].

Отдельно следует сказать о епископе Порфирии (в миру Константин Александрович Успенский) (1804–1885). Не являясь профессиональным востоковедом, он внес огромный вклад в дело изучения и сбора сведений о Востоке (главным образом о Палестине, Сирии, Ливане и Египте, т. е. тех мест, где было сильно влияние восточно-христианской церкви). По мнению крупных отечественных востоковедов, очерки путешествий П. Успенского представляют большой интерес для изучения Ближнего Востока, поскольку «это дневники не просто монаха-паломника, а человека, много повидавшего и знавшего по своему служебному положению» [Успенский, 1894–1902]. В работе известного русского ученого, автора обширного курса истории Восточной Церкви Алексея Петровича Лебедева (1845–1908) «История греко-восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени» дана история христианских конфессий Османской империи за пятьсот с лишним лет [Лебедев, 1903].

Военные очерки представляют собой военное обозрение военных действий и описание военно-топографического характера. Таковые представлены в библиотеке работами полковника Егора Ильича Энергольма (1788–1848) [Энергольм, 1830], журналиста Григория Константиновича Градовского (1842–1915) [Градовский, 1878], подполковника генерального штаба Петра Андреевича Томилова (1870–1948) [Томилов, 1907а; 1907б]. В них приведены сведения об истории европейских и азиатских вилайетах Османской империи, их географическом и экономическом положении, жителях, военном значении и т. п. В этом плане хочется выделить работу этнографа и топографа, генерал-майора Егора Ивановича Чирикова (1804–1862). Будучи в 1849–1852 гг. комиссаром-посредником по турецко-персидскому разграничению, он составил путевой журнал, где представлены материалы по статистике, географии, истории и этнографии Азиатской Турции и Ирана. В 1875 г. журнал вышел отдельным изданием в *Записках Кавказского отдела Императорского Русского географического общества* под редакцией сотрудника демаркационной комиссии Матвея Авелевича Гамазова (1812–1893). Путевой журнал Чирикова есть классический историко-географический труд с описанием священных для шиитов городов Кербела и Неджеф (Ирак) [Чириков, 1875]. Сведения военно-топографического характера пограничных областей Османской империи и Персии дает в своем обзоре штабс-капитан Яков Петрович Проскуряков, совершивший в 1849–1852 гг. путешествие от турецкого Самсуна до Персидского залива (первое издание книги выпущено в 1869 г.). Военно-статистическое описание Ванского и Битлисского вилайетов, данное военным этнографом генерал-майором Владимиром Теофиловичем Маевским, описывает сложную этноконфессиональную ситуацию в восточно-анатолийских областях Османской империи [Маевский, 1904].

Материалы Кабинета показывают, что отечественной тюркологии было присуще непредвзятое описание жизни османских народов. В известной степени это придавало исследованиям излишне нарративный характер, но позволяло избежать необоснованных обобщений. В дальнейшем полученные сведения служили материалом для более аналитического подхода.

Литература / References

Аверьянов П. И. *Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких и русских курдов*. Тифлис, 1900 [Averyanov P. I. *Kurds in the Wars of Russia with Persia and Turkey during the 19th Century. The Current Political Situation of Turkish and Russian Kurds*. Tiflis, 1900 (in Russian)].

Базили К. М. *Архипелаг и Греция в 1830–1831 гг.* Ч. 1–2. СПб, 1834 [Basili K. M. *The Archipelago and Greece in 1830–1831*. Parts 1–2. Saint-Petersburg, 1834 (in Russian)].

Базили К. М. *Очерки Константинополя*. Ч. 1–2. СПб., 1835 [Bazili K. M. *Essays on Constantinople*. Part I–II. Saint-Petersburg, 1835 (in Russian)].

Березин И. Н. *Путешествие по Дагестану и Закавказью*. Казань, 1850 [Berezin I. N. *Journey through Dagestan and Transcaucasia*. Kazan, 1850. (in Russian)].

Березин И. Н. *Посещение цареградских достопримечательностей во время пребывания в Константинополе Е. И. В. вел. кн. Константина Николаевича в 1845 г.* Б. м., Б. г. [Berezin I. N. *Visiting the Sights of Constantinople during the Stay in Constantinople of H. I. M. Prince Konstantin Nikolaevitch in 1845*. W. p., w. y. (in Russian)].

Болдырев А. В. Академик В. А. Гордлевский и его мемориальный кабинет-библиотека в Институте востоковедения РАН // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018. № 6. С. 18–21 [Boldyrev A. V. Academician V. A. Gordlevsky and His Memorial Study Library at the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAS* (*Journal of the Institute of Oriental Studies RAS*). 2018. 6. Pp. 18–21(in Russian)].

Вронченко М. П. *Обозрение Малой Азии в нынешнем ее состоянии*. Ч. 1. СПб., 1839 [Vronchenko M. P. *The Review of Asia Minor in Its Present State*. Part I. Saint-Petersburg, 1839 (in Russian)].

Градовский Г. К. *Война в Малой Азии в 1877 году. Очерки очевидца*. СПб., 1878 [Gradovsky G. K. *War in Asia Minor in 1877. Essays of the Eyewitness*. Saint-Petersburg, 1878 (in Russian)].

Кази-Бек Ю. *Современная Турция. Очерки и рассказы о царстве османов*. СПб., 1897 [Kazi-Bek Yu. *Modern Turkey. Essays and Stories about the Kingdom of the Ottomans*. Saint-Petersburg, 1897 (in Russian)].

Коковцев М. Г. *Описание архипелага и варварского берега*. СПб., 1786 [Kokovtsev M. G. *Description of the Archipelago and the Barbarian Coast*. Saint Petersburg, 1786 (in Russian)].

Краснокутский А. Г. *Дневные записки поездки в Константинополь*. М., 1815 [Krasnokutsky A. G. *Day Notes of the Trip to Constantinople*. Moscow, 1815 (in Russian)].

Маевский В. Т. *Военно-статистическое описание Ванского и Битлиского вилайетов*. Тифлис, 1904 [Maevsky V. T. *Military-Statistical Description of the Vilayets of Van and Bitlis*. Tiflis, 1904].

Мандельштам А. Н. *Младотурецкая революция: историко-политический очерк*. М., 1915 [Mandelstam A. N. *The Young Turk Revolution: A Historical and Political Essay*. Moscow, 1915 (in Russian)].

М-ский (Минорский) В. Ф. *Константинопольские увеселения. Из летних впечатлений*. Тифлис, 1903 [Minorsky V. F. *Constantinople Amusements. Summer Impressions*. Tiflis, 1903 (in Russian)].

Лалаян Е. А. *Айсоры Ванского вилайета*. Тифлис, 1914 [Lalayan E. A. *The Aysors of the Province of the Vilayet of Van*. Tiflis, 1914 (in Russian)].

Лебедев А. П. *История греко-восточной церкви под властью турок. От падения Константинополя (в 1453 г.) до настоящего времени.* СПб., 1903 [Lebedev A. P. *History of the Greek-Eastern Church under the Rule of the Turks. From the Fall of Constantinople (in 1453) to the Present.* Saint-Petersburg, 1903 (in Russian)].

Плещеев С. И. *Дневные записки путешествия из Архипелажского, России принадлежащего, о-ва Пароса в Сирию и к достопамятным местам, в пределах Иерусалима находящимся*. СПб., 1773 [Plescheev S. I. *Daily Travel Notes from the Archipelago Island of Paros, Belonging to Russia, to the Memorable Places within Jerusalem.* Saint-Petersburg, 1773 (in Russian)].

Проскуряков Я. П. *Заметки о Турции.* (*Записки Кавказского отдела Императорского Русского Географического Общества.* Кн. 25, Вып. 1-й). Тифлис, 1905 [Proskuryakov Ya. P. *Notes on Turkey.* (*Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society.* Vol. 25, Issue 1). Tiflis, 1905 (in Russian)].

Рагозина Е. А. *Из дневника русской в Турции перед войной 1877–1878 гг.* СПб., 1910 [Ragozina E. A. *From the Diary of a Russian in Turkey before the War of 1877–1878.* Saint-Petersburg, 1910 (in Russian)].

Томилов П. А. *Отчет о поездке в Турцию Генштаба подполковника Томилова.* Ч. 2. *Маршрут от Кавказа через Курдистан и Месопотамии к Средиземному морю.* СПб., 1907 [Tomilov P. A. *Report of the Visit to Turkey of Lieutenant Colonel Tomilov of the General Staff.* Part II. *The Route from the Caucasus through Kurdistan and Mesopotamia to the Mediterranean Sea.* Saint-Petersburg, 1907 (in Russian)].

Томилов П. А. *Отчет о поездке в Малую Азию по Азиатской Турции в 1904 г.* Т. 1. *Район Багдадской железной дороги от Аданы до Мосула.* СПб., 1907 [Tomilov P. A. *Report of a Trip to Asia Minor in Asian Turkey in 1904.* Vol. I. *Region of the Baghdad Railway from Adana to Mosul.* Saint-Petersburg, 1907 (in Russian)].

Тыркова А. В. *Старая Турция и младотурки. Год в Константинополе.* Петроград, 1916 [Tyrkova A. V. *Old Turkey and Young Turks. A Year in Constantinople.* Petrograd, 1916 (in Russian)].

Успенский П. *Книга бытия моего. Дневники и автобиография. Записки епископа П. Успенского.* Т. 1–8. СПб., 1894–1902 [Uspensky P. *The Book of My Being. Diaries and Autobiography. Notes of Bishop P. Uspensky.* Vol. 1–8. Saint-Petersburg, 1894–1902 (in Russian)].

Чириков Е. И. *Путевой журнал Е. М. Чирикова, русского комиссара — посредника по турецкому разграничению. 1849–1852.* (*Записки Кавк. отд. Имп. Рус. геогр. общ-ва.* Кн. 9. Изд. под ред. М. А. Гамазова). СПб., 1875 [Chirikov E. I. *The Travel Journal of E. I. Chirikov's, Russian Commissioner and Mediator for Turkish Delimitation. 1849–1852.* (*Notes of the Caucasian Department of the Imperial Russian Geographical Society*. Ed. by M. A. Gamazov). Saint-Petersburg, 1875 (in Russian)].

Энергольм И. Н. *Записки о городах Забалканских, занятых русскими войсками в достопамятную кампанию 1829 года.* СПб, 1830 [Energolm I. N. *Notes on the Cities of Zabalkansky, Occupied by Russian Troops in the Memorable Campaign of 1829.* Saint-Petersburg, 1830 (in Russian)].

В ПОИСКАХ ЭМОЦИЙ ПОД НЕБОМ ЮЖНОЙ АЗИИ, ИЛИ ПРИГЛАШЕНИЕ К «АФФЕКТИВНОМУ ДИСКУРСУ». ЧАСТЬ II. «РОГ ИЗОБИЛИЯ» И СВОБОДА ТРУДНОГО ВЫБОРА

И. П. Глушкова*

Памяти
д-ра Ашока Келкара (1929–2014)

В обзорной статье из пяти эпизодов представлены основные теоретико-методологические подходы в области *emotional / affective studies,* популярных в западной академической науке и малозаметных в отечественной. Предваряя публикацию пятого тома междисциплинарного проекта «Под небом Южной Азии» (ПНЮА), прокладывающего дорогу к анализу эмоциональных парадигм южноазиатского ареала, статья одновременно задается вопросом: каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложим к другой? Предлагаемый ниже эпизод посвящен противоборству и взаимодействию двух противоположных концепций — универсализма и конструктивизма, диапазону их возможностей и попыткам их синтезирования, а также очень важному — с точки зрения выхода за пределы западоориентированных построений — дискурсу с привлечением данных «экзотической» социальной антропологии.

Ключевые слова: эмоциональный / аффективный поворот, emotion vs. ratio, чувства, универсализм, социальный конструктивизм, философия, психология, социальная / культурная антропология, лингвистика, история эмоций, проблемы дефиниции.

IN SEARCH OF EMOTIONS UNDER THE SKIES OF SOUTH ASIA, OR AN INVITATION TO THE 'AFFECTIVE DISCOURSE'. PART II. "THE CORNUCOPIA" AND FREEDOM OF DIFFICULT CHOICE

Irina Glushkova

In remembrance of
Dr Ashok Kelkar (1929–2014)

This five-episode survey deals with main theoretical and methodological approaches within the field of emotional / affective studies, well established in the Western academic scholarship but still of unspectacular character in Russia. Briefly prefacing a publication of the 5th volume of the 'Under the Skies of South Asia' project (USSA), which starts the road to the analysis of the emotional paradigms of the South Asian milieu, the paper also asks us if a discourse on emotions in one cultural model can be applicable to another? The following episode focuses on the confrontation and interaction of two opposite concepts — universalism and constructivism, the range of their competence and attempts to

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com
Irina GLUSHKOVA, DSc (History), PhD (Linguistics), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

synthesize them, as well as on the discourse based on the data from “exotic” fields of social anthropology, which goes beyond the West-oriented constructions

Keywords: emotional / affective turn, emotion vs. ratio, feelings, universalism, social constructivism, philosophy, psychology, social / cultural anthropology, linguistics, history of emotions, definition problems.

Исследования аффективной сферы располагаются в диапазоне концептуального выбора между двумя полюсами — универсалистской концепцией, утверждающей одинаковость эмоций для разных культур и времен, и конструктивистской, считающей их культурно обусловленными и / или социально конструируемыми, т. е. прививаемыми контекстуальным воспроизводством.

Первая восходит к физикалистским трудам психологов и опирается на представления об общности «базовых / фундаментальных» (различаемых некоторыми специалистами) эмоций, вырабатываемых единообразной физиологической базой, что проявляется в типологическом сходстве внешних выражений, в том числе, в лицевой мимике. Приверженцы этого подхода сосредоточены на поиске критериев для обоснования таких эмоций и их количестве, ими же перманентно подвергаемых коррекции[1]. Например, американец Кэррол Изард[2], как и все, не оставляя попыток уточнить хотя бы рабочее определение эмоции («эмоция — это нечто, что переживается как чувство [feeling], которое организует и направляет восприятие, мышление и действия» [Изард, 2007, с. 9] и др.) и с опорой на три уровня анализа — нейрофизиологический, экспрессивный и субъективный — выделяет десять базовых эмоций, характеризуя их как положительные, отрицательные и нейтральные: интерес (interest), радость (joy), удивление (surprise), печаль (sadness), гнев (anger), отвращение (disgust), презрение (contempt), страдание (distress), стыд (shame), вина (guilt), соположение которых формирует эмоциональные состояния (например, тревожность смешивает в себе страх, гнев, вину и интерес и т. д.). В дальнейшем Изард оперирует сдвоенным понятием — emotion feeling («чувство эмоции»?), объясняя его как фазу в нейробиологической активности, где «чувство» является «динамическим элементом эмоции», и устанавливает невральную основу для каждой с изучением ее организующего и мотивирующего влияния на человека [Izard, 2009]. Наконец, пытаясь совладать с «рогом изобилия» (cornucopia), из которого уже к 2010 г. на Amazon.com выплеснулись 347272 наименования книг об эмоциях (сейчас их намного больше), К. Изард пишет статью «Множество значений / аспектов эмоций: определения, функции, активация и регулирование», в которой сопоставляет дефиниции «эмоции», предложенные его 34 выдающимися (distinguished) коллегами. Признавая, что «никакой краткий синтез не может объять все заложенное в 34 дефинициях», он предлагает

[1] См. аккуратно подобранную библиографию по обоим направлениям в [Pavlenko 2002]. В частности, на первой же странице автор воспроизводит набор базовых эмоций Изарда и Экмана без *happiness*, но с *enjoyment* [Pavlenko, 2002, p. 208]. См. 14 разных списков эмоций (от двух до одиннадцати), предложенных разными психологами: *Basic emotions*. URL: http://changingminds.org/explanations/emotions/basic%20emotions.htm (дата обращения 30.05.2018). См. также: [Rassel 1994] о поэтапном движении экспериментальных психологов XX в. к универсализму.

[2] У К. Изарда, как и у П. Экмана, о котором речь пойдет ниже, общий учитель — Силвэн Томкинс (потомок русских эмигрантов), автор одной из теорий аффектов.

составное, растянутое на девять строк, описание, начиная его словами «Эмоция состоит из нейронных цепей...» [Izard, 2010, p. 367].

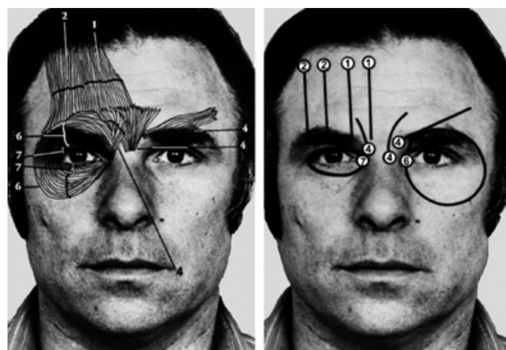
Недавний лидер в области универсализма американский ученый Пол Экман [Экман, 2010], психолог, антрополог и лингвист, автор нейрокультурной теории выражения лица, утверждает универсальность шести[3] базовых эмоций (счастье [happiness], печаль [sadness], отвращение [disgust], удивление [surprise], гнев [anger], страх [fear]) и их лицевой «считываемости» благодаря «характерным универсальным сигналам». Энергичный популяризатор, Экман составил подробные описания собственных этапов — начиная с 1960-х гг. — изучения невербальных коммуникаций, в первую очередь, экспериментов с фотографиями, на которых запечатлены лица людей, по просьбе ученого сымитировавших ту или иную эмоцию. Из полученных снимков он отсортировывал те, на которых, по его мнению, аффекты отображались в чистом виде, и демонстрировал комплекты подопытным группам, предлагая соединить ту или иную фотографию с одной из заданных списком эмоций. Реагируя на критиков, упрекавших его эксперименты в постановочности, и, следовательно, в симуляции эмоций, Экман опробовал свою методологию на бесписьменном племени из Новой Гвинеи. Его члены, выслушав через переводчика краткий сюжет (например, «у этого человека только что умер ребенок»), объясняли охватившее их чувство не соединением со словом из списка, а выбором фотографии с определенным выражением, что подтвердило выводы Экмана. Позднее он установил «правила отображения» наложением нормированных способов проявления чувств на базовые, считая последние «истинными». С именами Экмана и его коллеги Уоллеса Фризена связана система FACS (Facial Action Coding System), или «система кодирования лицевых движений» (*илл. 1*), на 500 страницах которой изложены принципы маркировки — от симметричности до интенсивности — всех видимых атрибутов лица вплоть до изгибов губ, век, языка и т. д. и поведения отдельных мышц. Наконец, П. Экман занял одну из руководящих позиций в Национальном институте психического здоровья США, что способствовало триумфальному шествию его теории вплоть до начала 2000-х гг.[4], пока нейронауки не «переключили поиски эмоций с лица на мозг. С точки зрения естественных наук и в соответствии с принципами научного доказательства и подтверждения, исследование Экмана — банкрот» [Plamper, 2015, p. 158]. Тем не менее в 2011 г. после теракта 9/11 он стал практически главным разработчиком программы SPOT (Screening Passengers by Observational Techniques, *илл. 2*), т. е. «просеивания пассажиров методами наблюдения», и к 2012 г. предложенное им оборудование было установлено в 161 американском аэропорту, что оппоненты сочли пустой тратой средств и имитацией защищенности [Plamper, 2015, p. 161]. В 2009 г. Лиза Фелдмэн Бэрритт и Джеймс Расселл[5], наиболее

[3] На протяжении жизни взгляды П. Экмана менялись, и так называемых базовых эмоций становилось то больше, то меньше. В дополнение к перечисленным выше он выделял презрение (contempt), стыд (shame), чувство вины (guilt), смущение (embarrasment), благоговейный трепет (awe) и т. д.

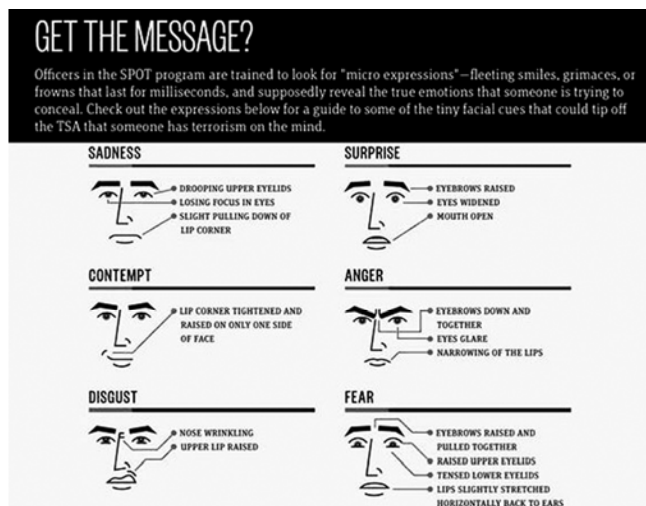
[4] Именно поэтому в «Истории эмоций» Я. Пламппер подробно останавливается на взглядах П. Экмана и пересказывает аргументацию его наиболее последовательных критиков [Plamper, 2015, p. 144–163]. Критика Экмана сопутствует поэтапному изложению его метода на протяжении всей подглавки и суммируется на ее последних страницах.

[5] См. [Russell, 1994], где автор сводит в таблицу взгляды основных поборников универсализма лицевых выражений (и, в свою очередь, присовокупляет обширную библиографию). Основная идея статьи выражена в следующем тезисе: «Вкратце, тезис об универсализме опережает Дарвина на несколько

последовательные противники универсальной считываемости эмоций, словно протестуя против включения П. Экмана в список 100 самых влиятельных людей по версии *Times*, основали журнал *Emotion Review*.

Илл. 1. Реклама предлагаемого Полом Экманом и его группой учебника *FACS Manuel* (по: https://www.paulekman.com /product/facs-manual/)

Илл. 2. Учебная инструкция по «просеиванию пассажиров методами наблюдения» (по: https://www.google.com/search?q=Get+the +message%3F+Officers+in+the+SPOT+program& source=lnms&tbm=isch&sa=X&ved=0ahUKEwi1ge _EiZTjAhXxh4sKHZpfDg8Q_AUIECgB&biw= 1280&bih=610#imgrc=157GGixPXQZhzM:)

Конструктивистский подход подразумевает упор на когнитивные и социокультурные признаки эмоций и считает их не «продуктами природы» или индивидуальными свойствами, а культурными моделями. По утверждению некоторых, этот подход пустил свои первые ростки в социологии: его привязывают к взглядам французского социолога и философа Эмиля Дюркгейма, трактовавшего, например, траур у австралийских аборигенов не как движение собственных чувств, задетых личной утратой, а как ритуал, продиктованный обычаем [Fisher, Chon, 1989, p. 1][6]. Другие обнаруживают истоки конструктивизма в классической этнографии и/или (культурной) антропологии, в которой стал выделяться психологический компонент вне связи с намерениями исследователя, оказавшегося в необычных обстоятельствах. Тот же Дюркгейм, доискиваясь до причин социальной спаянности коллектива, черпал примеры из работ ранних этнографов — путешественников и миссионеров, что

тысячелетий. Похоже, большинству не приходило в голову, что лицевые выражения могут не быть универсальными. И эволюционисты, и креационисты верили в универсализм. Универсализм — предпосылочное допущение, часть здравого смысла, характерный, по крайней мере, для западной культуры. Так ли это в других культурах как раз и является темой это статьи» [Russell, 1994, p. 104]. И, добавлю, должно бы стать главным в исследовании эмоций в пространстве от Катманду до Мале.

[6] Цитируемая статья — одна из бесчисленных публикаций на эту тему, часто основанных на противоположных мнениях и не интегрированных между собой. См. максимально полную библиографию и обзоры в [Stets, Turner, 2006; 2014].

создавало повод для разговора не о самой эмоции, но о ее выражении [Plamper, 2015, p. 83], отрегулированном пересказом свидетелей.

Особую роль в историографии эмоций Я. Пламперотводит 1970-м гг. (хотя в дальнейшем отвергает условность любых хронологий) и, в первую очередь, трудам Джан Л. Бриггз [Briggs, 1970], Роберта Леви [Levy, 1975] и Мишель З. Розалдо [Rosaldo, 1980], объединенным описанием «экзотического другого» — канадских инуитов (utku), таитян и филиппинских иллонготов — охотников за черепами соответственно. В каждом случае «эмоциональный» интерес формировался не как первоначальная задача, но вырастал из процесса длительной «притирки» к локальным сообществам, т. е. понимания, угадывания и предвосхищения движения чувств — их приливов и отливов, которые могли бы сказаться на безопасности исследователей–чужаков с Запада. Душевные переживания и настроения индивидов и групп, не вполне опознаваемые со стороны, но выражаемые вербально, часто не обнаруживали лексических соответствий в родном языке исследователей, что Р. Леви пояснил с помощью неологизма «гипокогниция» (hypocognition). В то же время у таитян отсутствовали лексемы для банальных в англоязычном мире *sorrow* и *guilt*, а сходное (с точки зрения стороннего наблюдателя) душевное переживание выражалось вербализацией физического недомогания — «чувствовать себя больным». Тем более Леви не обнаружил в таитянском языке *affect, passion, feeling* и, наконец, *emotion* [Levy, 1975, p. 271], аналоги которых также непросто отыскать под небом Южной Азии.

Сопоставимые же — внутренние — состояния несли иную социокультурную нагрузку и в ряде случаев их проявление подавлялось и контролировалось культурными нормами (в терминологии Р. Леви, hypercognized [Levy, 1975, p. 324], отсюда — hypercognition, «гиперкогниция», *илл. 3*)[7], что в дальнейшем стало объектом исследования в лингвистической антропологии и когнитивной лингвистике. В среде инуитов, например, главенствовал императив, давший название книге Бриггз — «Никогда не сердиться (anger): портрет эскимосской семьи» (*илл. 4*), где описывался концепт *ihuma*, или «эмоциональный контроль», владение которым блокировало выражение этой негативной эмоции: «Бриггз могла бы считать гнев (anger) среди утку гиперкогнитивным» [Plamper, 2015, p. 96]. Таким же гиперкогнитивным был гнев *riri* (anger) таитян, помещенный ими в кишечник: *riri* требовал немедленного выхода наружу, т. е. культивировался внешним проявлением, в противном случае его накопление становилось опасным для самого человека, что буквально иллюстрировалось сформулированным Леви общим положением: «Чувства располагаются на полдороги к действию и подвержены значительной культурной обработке» [Levy, 1975, p. 324].

Иллонготы описывали свое сердце (*rinawa*) как «тяжелое» (*liget*), что становилось следствием накопления негатива — от гнева до горя, и «облегчали» его, т. е. делали приятным для собственной жизни, обезглавливая, без выраженного материального

[7] Оба термина используются в американской психиатрии, антропологии и когнитивной лингвистике, хотя их понимание зачастую претерпевает существенные изменения. Например, практикующий психиатр Паоло Бертрандо различает культурно-доминирующие эмоции и подразумеваемые / скрытые (что, в том числе, выясняется в диалоге с пациентом). Первые — такие, как «любовь» (love) в американской культуре — он относит к гиперкогнитивным, т.е. максимально манифестируемым; вторые — как «стыд» (shame) — к гипокогнитивным, т.е. не демонстрируемым [Bertrando 2018].

интереса или объявления военных действий, представителей соседних племен. Розалдо обнаружила, что в рамках антропологии она не может списать подобное поведение на ритуалы перехода, инициации или иную норму: «Иллонготы говорили, что мужчины отправляются на охоту за головами под воздействием эмоций. Не боги, а “тяжелые” чувства заставляли их убивать. Обезглавливанием они пытались “отвести гнев”, который “лежал грузом” и угнетал их опечаленные “сердца”» (цит. по [Plamper, 2015, p. 100]). Тем самым, по мнению Розалдо, *liget*, т. е. anger, и сменявшее его *bēya*, которое осуществляло сдерживание, т. е. переводило индивида в другой эмоциональный регистр, являлись «саморегулирующей экосистемой», не «э-моцией» в нормативах ее культуры, а «моцией сердца», и личность в иллонготской среде формировалась установлением баланса между этими двумя сущностями [Plamper, 2015, p. 101].

Metaphors and Frames

- We see the world and speak about the world through **frames**
- These help us understand the cultural meaning behind something
  - Are attached to **ideology**, or ideas about how things should be
- Robert Levy analyzed hypocognition, or the lack of frames
  - He suggested that high suicide rates in Tahiti were influenced by the language not having words to express grief

Илл. 3. Гиперкогниция по Роберту Леви: связь между суицидом и отсутствием лексемы «горе» у таитянцев (иллюстрация из презентации Брайс Джордж, по: https://images.slideplayer.com/20/5986679/slides/slide_41.jpg)

Илл. 4. «Не знающие гнева иннуиты» (из коллекции Джан Бриггз, по: https://www.keranews.org/post/playful-way-teach-kids-control-their-anger)

В отличие от Бриггз и Леви, которые описывали не сам гнев, а способы его подачи и сокрытия, именно Розалдо вместе с Лилой Абу-Лагход [Abu-Laghod, 1986] и Катериной Лац [Lutz, 1988] Пламппер называет выразителями почти экстремального полюса социального конструктивизма [Plamper, 2015, p. 146]. Сопоставив сдержанность и даже скрытность бедуинских женщин из рода алауд-али относительно повседневных взаимоотношений в семье с изъявлением их душевного беспокойства — гнева, печали, любви, ревности, ненависти и т. д. — в «маленьких песнях» (*ghinnāwas*), Абу-Лагход установила, что «истинная идиома чувствования не оформляется в виде телесных сигналов или неформальных высказываний, опознаваемых западной моделью, но реализуется вместо этого в литературном жанре, который даже на пике импровизации, придерживается установленных норм» [Plamper, 2015, p. 104], и в целом подчиняется коду *hasham*, стыда и скромности, т. е. бедуинскому варианту «эмоционального регулятора».

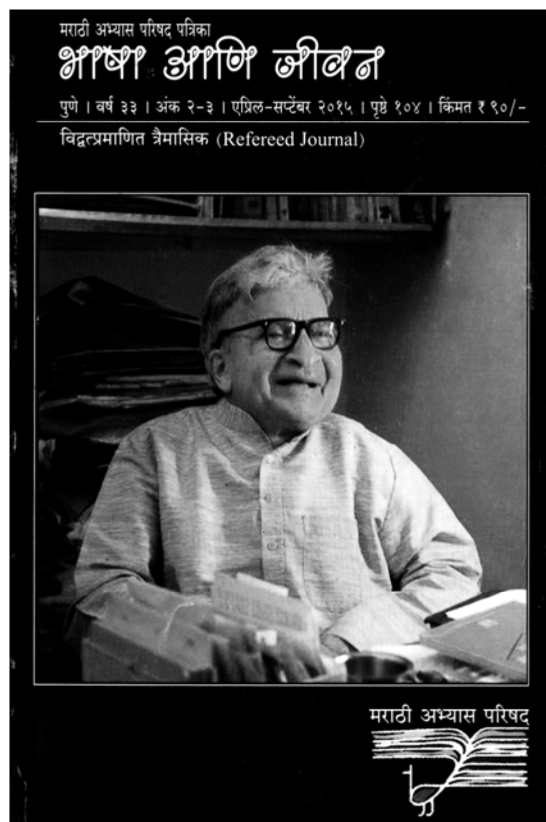
Наконец, в поисках чувствительности, не связанной с гендерными стереотипами Запада, на тихоокеанском атолле Ифалик Лац утвердилась в мысли, что «эмоциональный опыт не является докультурным (т. е. врожденным. — *И. Г.*), но

главным образом культурным. Распространенное предположение, что эмоции неизменны во всех культурах, здесь вытесняется вопросом — каким образом дискурс об эмоциях в одной культуре может быть приложен к другой?» [Lutz, 1988, p. 5]. Проводя параллели между американским и микронезийским обществами, Лац выискивала не семантические заменители, но прагматический и перформативный аспекты и эмоциональные знаки, выраженные в действии. Ифалукский *song*, например, она определила как «оправданный гнев» (justifiable anger), своего рода моральную компетенцию старшего по социальному статусу, позволяющую ему не бурный выплеск и утерю контроля над собой, но провозглашение *song*, что провоцирует *metagu*, «страх» (fear), у младших, который, в свою очередь, учит их правильному поведению в коллективе. И. Лац, естественно, предупреждает о несоразмерности эмоциональных сущностей, т. е. признает их непереводимость: «Хотя ифалукский *song* можно перевести как anger, потому что сценарии, навеваемые каждым из этих понятий, и использование того и другого в социальной сцепке, показывают много общего, явления, которые они порождают, отличаются друг о друга по важным показателям. Термин *song* в особенности вызывает у ифалукского собеседника значительно более отчетливую и однозначную картину морального проступка одного и моральное порицание этого нарушения другим, что и есть *song*» [Lutz, 1988, p. 10]. *Song* в сопоставлении с anger подвергнут тщательному препарированию в одной из глав исследования (еще две главы посвящены *fago*, «сострадание / любовь / печаль» [compassion / love / sadness), и fear). Принципиальная позиция Лац недвусмысленно выражена в иронии титульного словосочетания — «неестественные эмоции» («Неестественные / ненатуральные эмоции [emotions]: ежедневные чувства [sentiments] на микронезийском атолле и их вызов западной теории»), поскольку ифалукское чувствование вступило в явное противоречие с еще господствовавшими на Западе в момент написания книги взглядами о «естественности», т. е. в значительной степени, неподконтрольности и «универсальности» эмоций. По существу И. Лац поставила под сомнение саму западную методологию, нацеленную на обобщение идей, а не на отражение опыта, что можно поставить в упрек и пятому, «эмоциональному», тому проекта ПНЮА, осуществляющему первый шаг к интерпретациям эмоций под небом Южной Азии в рамках русскоязычного дискурса с отсутствующей системой дефиниций и, к сожалению, без многотрудного и осознанного накопления данных именно в этой области.

Совершив с опорой на выстроенный ими бедуинско-микронезийский фундамент «революцию», Л. Абу-Лагход и И. Лац совместными усилиями разместили эмоции в пространстве «экзотического» социума и вывели их за пределы эксклюзива западной психологии и философии. Они соединили эмоции с «одним из наиболее популярных и наименее разработанных в англо-американской академической среде понятием, буквально наводнившим гуманистику и преследующим многие из социальных наук» — дискурсом, пришедшим из французского постструктурализма [Abu-Laghod, Lutz, 1990, p. 7][8]. Гетероглоссию «дискурса» исследовательницы ограничили прагматико-семантической и культурно-идеологической модальностями,

[8] Речь идет о конце 1980 — начале 1990-х гг., на протяжении которых осуществлялся терминологический прорыв почти во всех областях гуманитарного знания. В отечественную науку некоторые из новых терминов вошли на уровне заимствований, без тянущегося за ними шлейфа серьезных дискуссий. «Дискурс» как раз из их числа.

сформулировав «дискурсивный поворот» в изучении эмоций как «прагматических актов и коммуникативных перформансов» [Abu-Laghod, Lutz, 1990, p. 11]. Их позиция изложена в совместном манифесте — «Введение: эмоция, дискурс и политика повседневной жизни», предваряющем коллективную работу «Язык и политика эмоций» [Lutz, Abu-Laghod, 1990], все участники которой (за единственным исключением) обратились к незападным обществам на примере Индии[9], Фиджи, Соломоновых островов, Египта и Сенегала. Эта книга была одной из первых ласточек в «эмоциональном дискурсе», к которой д-р Ашок Келкар настойчиво, фактически приказным тоном, привлек мое внимание: «А теперь раскрой свой блокнот, запиши название и возьми на мой абонемент в библиотеке Декан-колледжа». Через пару дней он как бы мимоходом поинтересовался, выполнила ли я его распоряжение. Вообще, он обладал феноменальной памятью, что не мешало ему самому в разговоре с ровней вставлять реплики вроде «Погоди-ка, пожалуй: вот это я запишу». Эта же память позволяла ему точно удерживать в голове дату, к которой я обещала очередную статью для основанного им ежеквартального маратхиязычного журнала «Язык и жизнь» (*Bhāṣā āṇi jīvan*) (*илл. 5*) и жестко требовать ее в назначенный срок.

Илл. 5. Обложка журнала «Язык и жизнь», посвященного д-ру Ашоку Келкару

Литература / References

Аппадураи А. Топография личности: хвала и эмоции в индусской Индии // Глушкова И. П., Ванина Е. Ю. (ред.). *Под небом Южной Азии. Хула и хвала: коммуникативные модальности исторического и культурного своеобразия.* М., 2017. С. 122–145 [Appadurai A. Topographies of the Self: Praise and Emotion in Hindu India // Glushkova I. P., Vanina E. Yu. (eds.). *Under the Skies of South Asia. Censure and Praise: Communicative Modalities of Historical and Cultural Specificity.* Moscow, 2017. Pp. 122–145 (in Russian)].

[9] См. статью Арджуна Аппадураи «Топография личности: хвала и эмоции в индусской Индии» в 4-м томе ПНЮА [Аппадураи, 2017]. Статья М. Травик (Untouchability and the Fear of Death in a Tamil Sog) из того же сборника «Язык и политика эмоций» также посвящена Индии. Между тем, Клиффорд Гирц, основатель символическо-интерпретативной антропологии еще в 1959 г. опубликовал статью с реестром яванских эмоций (The Vocabulary of Emotion: A Study of Javanese Socialization Processes); Гананатх Обейесекере с 1980-х гг. почти во всех работах так или иначе затрагивал эмоции в контексте шриланкийского буддизма.

Изард К. Э. *Психология эмоций. (Серия «Мастера психологии»)*. СПб., 2007 [Izard C. E. *Psychology of Emotions. ('Masters of Psychology' Series)*. Saint-Petersburg, 2007 (in Russian)].

Экман П. *Психология эмоций. Я знаю, что ты чувствуешь. (Серия «Мастера психологии»)*. СПб, 2010 [Ekman P. *Psychology of Emotions. I know What You Feel ('Master of Psychology' series)*. Saint-Petersburg, 2010 (in Russian)].

Abu-Laghod L. *Veiled Sentiments: Honor and Poetry in a Bedouin Society*. Berkley, Los Angeles, 1986.

Abu-Laghod L. Introduction: Emotion, Discourse, and the Politics of Everyday Life // Lutz C., Abu-Lughod L. (eds.). *Language and the Politics of Emotion. (Studies in Emotion and Social Interaction)*. Cambridge, 1990. Pp. 1–23.

Bertrando P. *Emotions and the Therapist. A Systematic-Dialogical Approach*. Oxon, New York, 2018.

Briggs J. L. *Never in Anger: Portrait of an Eskimo Family*. Cambridge, 1970.

Clanton G., Smith L. G. (eds.). *Jealousy*. Lanham, Maryland, 1987.

Fisher G. A., Chon Kyum Koo. Durkheim and the Social Construction of Emotions // *Social Psychology Quarterly*. 1989. 52.1. Special Issue: Sentiments, Affect and Emotion. Pp. 1–9.

Gilbert P., Andrews B. (eds.). *Shame. Interpersonal Behavior, Psychopathology, and Culture*. New York, Oxford, 1998.

Izard C. E. Emotion Theory and Research: Highlights, Unanswered Questions, and Emerging Issues // *Annual Review of Psychology*. 2009. 60. Pp. 1–25.

Izard C. E. The Many Meanings / Aspects of Emotion: Definition, Functions, Activation, and Regulation // *Emotion Review*. 2010. 2.4. Pp. 363–370.

Levy R. I. *Tahitians: Mind and Experience in the Society Islands*. Chicago, 1975.

Lutz C. A. *Unnatural Emotions: Everyday Sentiments on a Micronesian Atoll and Their Challenge to Western Theory*. Chicago, 1988.

Lutz C., Abu-Lughod L. *Language and the Politics of Emotion. (Studies in Emotion and Social Interaction)*. Cambridge, 1990.

Pavlenko A. Emotions and the body in Russian and English // *Pragmatics & Cognition*. 2002. July. Pp. 207–241.

Plamper J., Lazier B. (eds). *Fear: Across the Disciplines*. Pittsburgh, 2012.

Plamper J. *The History of Emotions. An Introduction*. Translated by Keith Tribe. Oxford, 2015.

Reddy W. M. Against Constructionism: The Historical Ethnography of Emotions // *Current Anthropology*. 1997. 38.3. Pp. 327–351.

Rosaldo M. Z. *Knowledge and Passion: Ilongot Notions of Self and Social Life*. Cambridge, 1980.

Russell J. A. Is There Universal Recognition of Emotion from Facial Expression? A Review of the Cross-Cultural Studies // *Psychological Bulletin*. 1994. 115.1. Pp. 102–141.

Smith R. H. (ed.). *Envy: Theory and Research*. New York, 2008.

Stearns P. N. *Amercian Fear: The Causes and Consequences of High Anxiety*. London, 2006.

Stets J., Turner J. H. (eds.). *Handbook of the Sociology of Emotions*. New York, 2006.

Stets J., Turner J. H. (eds.). *Handbook of the Sociology of Emotions*. Vol. II. Dordrecht, 2014.

White G. M. Proverbs and Cultural Models: An American Psychology of Problem Solving // Holland D., Quinn N. (eds.). *Cultural Models in Language and Thought*. Cambridge, 1987. Pp. 151–172.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Basic emotions. URL: http://changingminds.org/explanations/emotions/basic%20 emotions.htm (дата обращения 30.05.2018).

IS KHMER A LANGUAGE WITH “DECORATIVE” MORPHOLOGY? (ON JOHN HAIMAN’S VISION OF KHMER)

Tamara G. Pogibenko*

This paper is an attempt to challenge prof. Haiman’s approach to analyzing the Khmer language data. More specifically, it argues against the attempt to depict Khmer as a language with a lot of referential junk and decorative morphology, violating the basic principle of packaging information clearly and economically. It is maintained that prof. Haiman’s conclusions are based on incorrect syntactic and semantic analysis which does not take into account diachronic evidence and comparative data. Evidence is provided to show that synonym lexical complexes can be a means of semantic derivation.

Keywords: Khmer, lexical complex, asemantic units, diachronic evidence.

МОЖНО ЛИ СЧИТАТЬ, ЧТО КХМЕРСКИЙ ЯЗЫК — ЭТО ЯЗЫК С «ДЕКОРАТИВНОЙ» МОРФОЛОГИЕЙ? (КРИТИКА ВЗГЛЯДОВ ДЖ. ХАЙМАНА НА КХМЕРСКИЙ ЯЗЫК)

Т. Г. Погибенко

В статье предпринята попытка поставить под сомнение методы Дж. Хаймана, используемые при анализе кхмерского языка. Критике подвергается точка зрения проф. Хаймана, считающего, что в кхмерском языке есть множество языковых средств, не выражающих никакого смысла, но использующихся чисто в декоративных целях, что нарушает принцип экономии и прозрачности при передаче информации. В статье утверждается, что выводы Дж. Хаймана являются следствием ошибочного синтаксического и семантического анализа без учета диахронических свидетельств и результатов сравнительного анализа родственных языков. Приводятся аргументы в пользу того, что синонимические лексические комплексы могут создаваться не только для «красоты», но и для порождения новых смыслов.

Ключевые слова: кхмерский язык, лексический комплекс, асемантичные единицы, диахронические свидетельства.

This paper is an attempt to challenge prof. Haiman’s approach to analyzing the Khmer language data. John Haiman has done research on syntactic change in Germanic languages, the grammar of Hua (Papua New Guinea), iconicity in Syntax, the Rhaeto-Romance languages of Switzerland and Italy. His works on Khmer include a book [Haiman, 2011], and several articles: [Haiman, 2012; 2013], [Haiman, Ourn, 2000; 2003]. The present analysis is mostly based on [Haiman, 2013], it argues against the attempt

* Тамара Григорьевна ПОГИБЕНКО, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; t.pogibenko@mail.ru

Tamara G. POGIBENKO, PhD (Philology), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; t.pogibenko@mail.ru

to depict Khmer as a language with a lot of referential junk and decorative morphology, violating the basic principle of packaging information clearly and economically.

Khmer (Cambodian) has two basic typological features: syllabic type phonology and isolating type morphology, which account for its many language-specific characteristics. Khmer data analysis cannot be successful without taking into consideration its typology as well as the direction of evolution of the Khmer word on the diachronic scale. It seems that prof. Haiman's analysis fails to do that. What is more, his analysis is based on a couple of pet theories. As a result, we are offered a somewhat puzzling depiction of Khmer grammar. Prof. Haiman believes that languages like Khmer violate the fundamental principles a human language is supposed to observe. To introduce this idea prof. Haiman resorts to the language which is supposed to be persuasive. Here are some of the examples:

"Cambodian is an «everything-drop» language" [Haiman, 2012, p. 122], "Cambodian is an "anything goes" language" [Haiman, 2012, p. 124], Cambodian makes vast use of "decorative frills" [Haiman, 2012, p. 121], "The evidence within Cambodian favors the 'whole cloth' theory" [Haiman, 2012, p. 121]. Last but not least, is the following challenging statement: "There is very little autonomous grammar to describe. There is not even much evidence for the reality of larger syntactic units like a Noun Phrase consisting of Noun + Adjectives + Measure Phrase, let alone more dubious entities such as VP and S" (i.e. predicate verb phrase and no subject whatsoever) [Haiman, 2012, p. 122].

Regretfully, there are other prominent linguists who do not hesitate to use depreciating vocabulary once they fail to account for the Khmer language phenomena they confront. Thus, Saveros Pou (Lewitz), the French linguist of Cambodian origin, a specialist in Khmer etymology and epigraphy, the author of an Old Khmer dictionary, commentator and translator of Khmer versions of Rāmayana (Rāmakerti I and Rāmakerti II), writing about the profusion of *ta* and *ta gi* in Rāmakerti I, argues that their usage is sometimes "paralinguistique" [Pou, 1982, p. 11]. Her statement about *nu*, *nā*, *pi* and *ta* in early Middle Khmer is no less expressive: she maintains that their functions "are multiplied to the extent that they encumber and pile up making the phrase difficult and sometimes overloaded with ambiguity" [Pou, 1982, p. 11]. However, the functions of Old Khmer *ta*, *ta gi* are clearly defined in [Jenner, 2009], [Погибенко, 2008]. As for the phenomenon described as "pile up" (se chevaucher), it is a result of the typological shift in subordination strategies which took place during the transition period from Old Khmer to Middle Khmer when markers of dependent predication *ta*, *ti* were replaced by new grammatical means through the stage of combinations of both (see [Погибенко, 2012]).

The famous British linguist Judith Jacob seems to have the same sentiment about *gi* in Old Khmer as Saveros Pou does. Thus, she wrote the following about the borrowed Sanskrit warning formula: "The only way in which Sanskrit was modified in those passages was by an increased admixture of Khmer words, producing some particularly difficult sentences" [Jacob, 1977, p.161]. The example she cites has four Khmer words including *gi* 'copula of identity', the rest are all Sanskrit loans [Jacob, 1977, p. 152]. In [Pogibenko, 2010, p. 73–74] it is argued that "the admixture" of Khmer *gi* is not a "complexity", but a refinement of the borrowed Sanskrit idiom.

IS KHMER AN EFFECTIVE TOOL FOR PACKAGING INFORMATION CLEARLY AND ECONOMICALLY?

Prof. Haiman maintains that Khmer is a type of language which violates the generally accepted maxim that a language exists for packaging information as clearly and as economically as possible because it has "referential junk on the sentence level" and "decorative motivation for much of the morphology" [Haiman, 2013, p. 61–62]. In fact, Khmer possesses a unique tool for packaging information clearly and economically. This tool is lexical complex (LC) — a multi-word unit designed to express a complex of semantic components which are united in one semantic structure. LC is neither a phrase with a fixed type of syntactic or semantic relation, nor a compound.[1] This unit provides different types of semantic derivation; its function is similar to that of derivational morphology of non-isolating languages. LC, in particular, synonym LC (a compound, in prof. Haiman's terminology), is exactly the unit which prof. Haiman qualifies as "referential junk" and "decorative morphology" [Haiman, 2013, p. 62].

LC enables the speaker to express as much meaning as possible using as few words as possible. Languages which do not possess such units cannot compete with Khmer in the strife for packaging information clearly and economically. Translating such multi-word units into non-isolating languages is tough job. It involves either leaving out some of the meaning or using more words to convey the meaning in full scope. The following example from *Rāmakerti II* [Pou, 1982] will illustrate this point. Khmer LCs, their translation into French, and glossing into English[2] are given in bold.

(1) *niəŋ klah* ***ba:c sa:c*** *kɔŋkiə* (lit. 'girl — some — **ladle out** — **splash** — water')
vɯl vɛh prɒva: cap *daj* (lit. '**turn** – **avoid** — **grasp** (with difficulty) — **catch** — hand')
niəŋ klah ***hael huəh*** *haəj nèj* (lit. 'girl — some — **swim** — **go beyond** – from')
kɒɲcrò:k tĕəh *tɯk* ***khca:j khcɒ:*** (lit. '**splash** — **slap** — water — **dissipated** — asem.') [Pou, 1982, p. 21]
'elles **jettent** de l'eau **à pleines mains** (sur leurs compagnes qui)
cherchent à s'esquiver,
elles **nagent**
et **frappent** l'eau **pour la faire rejaillir**,' [Pou, 1982, p. 157]

LC *ba:c sa:c*, 'to take handfuls of water and splash' depicts two actions, the French translation "jetter" depicts the action *sa:c* and the action *ba:c* is left out, being represented by the participant "pleines mains" 'handfuls' excorporated from the semantic structure of the verb *ba:c*. The second line in Khmer gives a movie-like image of the participants' vivacious activities. It is so detailed that if you asked several people to act it they would perform in a similar way. It is possible due to the LCs *vɯl vɛh* 'turn away to evade (being splashed with water)' and *prɒva: cap* (*daj*) 'to make attempts to catch the other party's hands (to stop them from splashing water)'. While the English translation is much too wordy, the French translation "cherchent à s'esquiver" 'try to evade' gives no details at all. From the LC *hael huəh* 'to swim away' the French translation leaves out the meaning 'away'. From the complex

[1] See: [Еловков, 1992, с. 106–147, Погибенко, 2018a, 2018b].
[2] The English glossing is mine. — *T. P.*

kɒɲcrò:k ťeəh khca:j khcɒ: ‘splash dissipating by hitting the palm’ the French translation “frapper pour faire rejaillir” (‘hit to make (it) splashed’) leaves out the participant “palm” and the meaning “dissipate”.

LCs existed in proto-AA, they are attested in different Austroasiatic languages including Munda, though their reflexes in Munda can be quite puzzling [Погибенко, 2018a; 2018b].

“Decorative affixation”

In [Haiman, 2013] it is argued that Khmer has “referential junk at the sentence level”, i.e. words and morphemes which do not make referential contribution to the utterance. The term “decorative” refers to linguistic units, which are used non-referentially, i.e. their input is not made to the meaning but elegance. To promote his opinion, Prof. Haiman gives examples of two types: decorative affixation and decorative reduplication. His analysis invites criticism.

1. The case of *srac* and *sɒmrac* in Khmer

Prof. Haiman gives the following example which is supposed to illustrate the alleged phenomenon of decorative affixation.[3] It is taken from a dialog between two people. We shall show that the analysis is not correct.

(2)	A:	*kecka:*	*jə:ŋ*	*ba:n*	*sɒmrac*	*ʔɒh*	*haəj*
		matter	1PL	have, get; **PST**	finish, accomplish	exhaust; **REZ**	PTCL

‘Is our business completely accomplished?’

B:	*ba:t*	*ruəc*	*srac*	*ʔɒh*	*haəj*
	yes	**finish, accomplish**; REZ	finish accomplish; **REZ**	exhaust; **REZ**	PTCL

‘Yes, it is completely accomplished’

Double glossing “have, get; PST”, “exhaust; REZ”, etc. is used for the units which can function with both lexical and grammatical meaning; their function in these sentences is given in bold. Double (or more) function words is a prominent typological feature of isolating languages, such words never pose any problems in syntactic analysis since their function is unambiguously determined by their position.

The analysis prof. Haiman gives is incorrect. His translation of both *sɒmrac* and *srac* as ‘ready’ is wrong. He makes a mistake interpreting *ruəc* as ‘PST’, i.e. past tense marker. These mistakes lead to the wrong conclusions about the alleged replacements in sentence (B): *ruəc* (main verb) — a replacement for *ba:n* (auxiliary), *srac* (resultive component in LC) — a replacement for *sɒmrac* (main verb). The word *ruəc* can also function as an auxiliary, but this function is only realized in postposition to the main verb, e.g. *thvə̀ ka: ruəc* ‘finish doing work’. The word *srac* is a double function verb, but *sɒmrac* can only be used as a lexeme.

So *ruəc* cannot be a replacement for *ba:n* because in (2) they have different functions. For the same reason *srac* cannot be a replacement for *sɒmrac*. Applying prof. Haiman’s procedure we might as well claim that in the following sentences “finished” is a replacement for “have”:

[3] The transcription, glossing and translation are mine. – *T. P.*

(3) *I have done it*
I finished doing it

Moreover, prof. Haiman's opinion that *srac* and *sɒmrac* are synonyms is wrong: they can only be synonyms as main verbs, which is not the case in (2). In the position of a dependent predicate short form is only used.

Prof. Haiman also maintains that *srac* and *sɒmrac* were synonyms in Old Khmer. As a matter of fact, in Old Khmer the situation was similar to that in Modern Khmer. Thus in DPAK and DAK *saṃrac(c)/saṃrāc* is a transitive verb 'to finish, to complete, to fulfill', *srac/srāc/sarac/sarāc* is an intransitive verb 'to be finished, to be ready, to be complete'. It means that only short form was used in dependent positions, as for example, in the often used formula *duñ srac* 'bought completely' (K205, 12), (K207, 15). *Srac* is often used in narration as a delimiting element marking events in a sequence, that is to say, in Old Khmer it started to migrate towards conjunction but was not as successful as its synonym *haəj* 'REZ; CNJ'. Usually *srac* is accompanied by *dep* 'afterwards', *srac* marking the completion of the preceding event, *dep* marking the beginning of the event that follows. Example:

(4) *bhūmi neḥ ti duñ* **srāc** *ti jvan ta kamrateṅ jagat çrijayakṣetra* **dep** *oy ta kvan teṅ vīja teṅ gaṅ teṅ jīva*
'This land which was bought completely (*srāc*) and given to god *Çrijayakṣetra*, then (*dep*) was entrusted (lit. given) to the children: *teṅ Vīja teṅ Gaṅ teṅ Jīva*' (K205,12)

In the inscription K669B both *saṃrāc* and *srāc* are used: *saṃrāc* functioning as an independent main verb, *srāc* — as a dependent attributive predication:

(5a) *894 çaka pūrṇṇamī phālguṇa nu vraḥ kamrateṅ añ divākarabhaṭṭa nivedana ta dhūlī vraḥ pāda dhūlī jeṅ vraḥ kamrateṅ [añ çri] jayavarmmadeva kala* **samrāc** *homa dvādaçarātrī vraḥ pāda [vraḥ ā]jña kanloṅ kamrateṅ añ*
'In the year 894 in full moon of the month Phālguṇa V. K. A. Divākarabhaṭṭa informed His Majesty Çri Jayavarmmadeva when he accomplished (*samrāc*) the ceremony dvādaçarātrī[4] for Her Majesty the deceased queen < … >' (K669B, 1-4)

(5b) *vraḥ dakṣiṇa phley* **srāc** *dvādaçarātri*
'donation (to the officiating priest) for accomplishing (lit. donation *srāc*) the ceremony of dvādaçarātri' (K669B, 8)

In AA the phenomenon of long and short forms is not a trivial problem. Thus, for instance, it has provoked a most controversial linguistic myth that in Proto-Munda an independent noun could not be less than two more long [Anderson, Zide, 2002]. A more holistic approach is required to account for the puzzling co-existence of long and short forms in AA. One thing is clear: whatever the origin of short forms, it is the short counterpart that is used in complex units and dependent positions. Thus, in Munda languages short forms of nouns are used in compounds and incorporation [Anderson, Zide, 2002]. In MK short reduced forms of LCs are used in compounds, for example: Ma *caw klaw* 'man', but *kɒn klaw* 'son' (lit. 'child — man'), *klaw at bù?* 'chief, head' (lit. 'man — chief'). In Ma the short form of noun is also used when it is incorporated into the complex of result. Compare the examples:

[4] The funeral ceremony of twelve nights.

(6a) *ʔaɲ klɒ gɒʔ* ***lɒ̀tàs*** *nàs*
1SG listen hear sound thunder
'I can hear the sound of thunder' [Погибенко, Ефимов, PS 224a].

(6b) *ʔaɲ klɒ* ***tàs*** *gɒʔ nàs*
1SG listen sound hear thunder
'I can hear the sound of thunder' [Погибенко, Ефимов, PS 224a, T].

2. "Meaningless infixes"

Prof. Haiman attempts to prove the existence of decorative infixation in Khmer: "There are examples going back to Old Khmer of purely decorative infixation of *-am(n)-*. In an early inscription, *c-aN-pa:r* appears as a variant of *cpa:r* 'garden' [Lewitz, 1976, 742]. The modern language provides dozens of examples of the same phenomenon [Haiman, Ourn, 2003]" [Haiman, 2013, p. 63].

Actually, the examples prof. Haiman gives illustrate *phonological* processes reshaping phonological structure of the word, or more precisely, its syllabic structure. In MK languages the strategy of supplying CV presyllables with a coda to make them CVC is widespread. Generally, for that purpose /r/, /l/, or nasal codas are used. The process embraces both words derived with affixes and simple disyllabic words. Thus, in Ksingmul *all* presyllables and initial clusters notwithstanding their morphological status are provided with an optional /l/ coda, for example: ksm. *kəgaŋ* ~ *kəlgaŋ* 'forest', viet. *quen* — ksm. *kəlwiən* 'to be acquainted', viet. *thợ mộc* – ksm. *səlmok* 'carpenter' [Погибенко, 1990, с. 23].

A more sophisticated device elaborated for this purpose is coda-copying when the coda for the presyllable is provided by copying the coda of the main syllable (see [Погибенко, 2012, с. 411–418]). This strategy is used in Semelai [Kruspe, 2004] and Khmu [Swantesson, 1983]. Possible reflexes of coda-copying strategy can be found in Nicobarese: nank. *oplo:p* 'shawl' from *lo:p* 'cover the shoulders'.

It would be a mistake to qualify those processes as "decorative morphology" or as a drive for elegance. By doing that we would miss on something really significant going on in a MK derivative. MK infixes violate the fundamental principle of isolating languages with syllabic type phonology: morpheme boundaries usually coincide with syllable boundaries so that a morpheme cannot be shorter than a syllable. Taking the Semelai example *cman* 'to tell a folktale' → **c-n-man* 'a folktale' → (coda copying applied) *c-nn-man* [cə.nən.man] [Kruspe, 2004, p. 78] we can conclude that the strategy of completing presyllables with a coda is not for elegance but to make the affix syllabic and thus more transparent.

So, the phonological processes reshaping the word syllabic structure is not the drive for elegance, as prof. Haiman presumes, but the drive for processing efficiency.

"DECORATIVE REDUPLICATION": THE CASE OF LEXICAL COMPLEXES

In [Haiman, 2013] the term "decorative reduplication" covers two types of Khmer multi-word units: synonym compounds, including hybrid types with borrowed words, and compounds with an asemantic component. Many of them are alliterating. In Khmer grammatical tradition the components that have no meaning and cannot be used on their own are called "*bɒreva: sap*" 'servant word'. The vocabulary of such complexes is vast and unexplored. A holistic approach is required to account for the existence of those puzzling

units. They are numerous and found throughout the AA phylum, and it is most unlikely that they are purely decorative.

1. Where do the asemantic roots come from?

As a matter of fact, prof. Haiman confesses that at first he believed that the now meaningless roots have once been meaningful but for some reason lost their meaning. Later prof. Haiman changed his opinion and now he thinks that "a sizable number, perhaps even the majority, of servant words are not the now semantically opaque holdovers from earlier lost synonyms that happened to alliterate, but rather creations out of whole cloth or non-synonyms which have been dragooned into servant status in order to provide symmetrical partners for meaningful words" [Haiman, 2013, p. 67]. Actually, there is ample evidence in support of prof. Haiman's initial opinion, i.e. that many now meaningless roots did once have meaning. The following examples from Khmer can illustrate this point.

pe:l pa:l 'to whirl in the air, to flutter', both components are meaningless and the complex might have been qualified as a classic case of euphonic repetition, if it were not for the fact that the second component is a recognizable AA verb **pa:r/pa:l* 'to fly' which has been lost in Khmer.

cɒmroŋ cɒmraən 'to promote progress, to be progressing', lit. 'asem. — to develop, to become better, to promote progress'. The Modern Khmer archaic nominal *cɒmroŋ* 'reforging', derived from *croŋ* 'to improve or repair an edged weapon (such as knife or sword) by reforging, resharpening' [Headley, 1977], has no semantic motivation to be used in this LC. However, it could be its causative homonym *cɒmroŋ* 'to forge, resharpen' that found its way into the complex, with a metaphorical input 'to improve'. This assumption is even more plausible since *cɒmraən* is also a causative (*craən* 'numerous'). The two causatives would have provided both symmetry and alliteration. In Khmer we find other examples of infixed noun/causative homonyms, for example, *lʔɒ:* 'good, beautiful' — *lɔmʔɒ:* 'beauty, decoration' and 'to decorate, to make better'. Such homonyms are also found in Old Khmer: *duk* 'to put, to place' — *panduk* 'load; responsibility; one who carries a load or burden, one who is responsible' and 'to be responsible' [DAK].

So components can lose their meaning or totally disappear from the language, but still remain in situ in the once constructed LC. We can also see that alliteration is not necessarily a deliberately constructed phenomenon, it can be purely incidental.

Quite often a component, meaningless in one language, has meaningful cognates in other languages, for example: Ma *dɒŋ kɒ̀l* 'to help', lit. 'help — asem.', Kəho *kol* 'to help'; Ma *prə jaw* 'ancient', lit. 'asem. — ancient', Khmer *pre:ŋ* 'ancient'. Not infrequently in the course of fieldwork on the Ma language we found ourselves in a situation when one and the same word in an LC was asemantic according to one native speaker and had meaning according to another. For example, for *cà rəɲha* 'to solve (a problem)' we have two glossings: 'asem. — asem.' in ATR 56 and 'to break, to solve — asem.' in ASP 50. As a matter of fact, Prof. Haiman is also aware of this problem, he deals with it in para 2.2.5, where he describes the lack of consensus between speakers about the particular semantic input each component makes [Haiman, 2013, p. 71].

In Munda languages we find a most desperate type of asemantic word survivor — the so-called "echo forms". These are bound words which have no meaning and are only used in complex predications, for example, *talig* in the following sentence from Gtaʔ:

(7) *næŋ bagweʔ-dʒog n-talig -e*
1SG kill-take 1SG-ECO-FUT
'I will kill (you) and throw (you) away' [Anderson 2007, p. 264]

The asemantic *talig* has two word-like features: it is separated from the main verb and inflected for tense and person. Gtaʔ *dʒog talig* has a cognate LC in Khmer where both components have meaning: khm. *jɔ:k tumlĕək* 'throw away', lit. 'to take — to drop (causative from *tlĕək* 'to fall')'.

To make it all even more thrilling, in [Mahapatra 1976, p. 822] we find the same Gtaʔ complex: *jog-tlak* 'to pick up and throw' which can assume different phonological forms: *jog-tlik, jag-tlak, jig-tlik, jig-tlak*. It looks like our complex has started its hesitant migration towards repetition — one more wide-spread type of units of AA lexicon surrounded with much controversy. This example suggests that one possible source for repetitions might be LCs.

As it was already said, Prof. Haiman's opinion is that the meaningless units found in compounds have been "dragooned" into their positions on the grounds of form, not meaning, to provide symmetrical, i.e. alliterating parts. He suggests four strategies of constructing such "servant" units. All of them invite criticism.

"Conscription" is a strategy of providing an alliterating "servant" notwithstanding its meaning, which is nothing more but "out of the whole cloth" creation. Prof. Haiman's list of examples [Haiman, 2013, p. 68] definitely needs revisiting. A more careful analysis shows that in all examples the "servant" word "paved its way into the complex" on the grounds of meaning and meaning alone, alliteration being just a happy coincidence.

For example, *phɒh psa:* 'to heal', lit. 'to heal — to make or become well or healthy again'. Oddly enough, prof. Haiman glosses *psa:* as 'market', i.e. makes use of a homonym. One might suspect that it is not a mistake, but a case of applying a demonizing strategy to prove the pet theory.

Similarly, in *rɯəŋ ra:j* 'matter, affair', lit. 'story — to tell', prof. Haiman glosses *ra:j* as an onomatopoeic word. Actually, it is borrowed from Thai *ra:j ŋa:n* 'to inform, to report'.

"Procrustean adaptation" strategy prof. Haiman sees as "surgery" performed on the servant word, i.e. adding or subtracting phonetic material to conform the main component. Actually, it is making use of a semantically suitable *morphological* form of the synonym to create an alliterating pattern. For example in *prɒhak prɒhael* 'like, looks like', lit. 'CAUS-to seem, to appear — probably, approximately, similar', *prɒhak* is a causative from *hak*, the latter is mostly used as a bound form in *hak douc* 'to seem that'.

"Adam's rib" strategy it is when the "servant" word is "manufactured out of cognate accusatives of their patterns" [Haiman, 2013, p. 69]. For example, *miən c-ɒmn-eh* 'knowing, competent', lit. 'to have — knowledge'. Are we supposed to consider English *take a decision* (= to decide), have a bath (= to bathe) as decorative morphology too? The list of the examples needs revisiting. There are inaccuracies in translation, as it seems, intentional ones, designed to accommodate the pet theory. Thus, *miən cɒmneh* 'knowing, competent' Prof. Haiman translates as 'to know', or *baek k-umn-ɯt* 'to change one's mind', lit. 'break — thought', as 'to think' and *baek* as 'to open' (probably confused with *baək* 'to open').

2. Synonym complexes or semantic derivation?

Synonym LCs much too often are not "decorative morphology" but means of semantic derivation, i. e. derivational morphology. Thus, for instance, in (8) the LC *khla:c kraeŋ*

‘to be afraid’, lit. ‘to fear — to fear’, generates new meaning: *khla:c* describes an emotion caused by an existing reason (mother’s words), *kraeŋ* describes an emotion caused by a potential reason (mother’s death). Alliteration is a coincidence.

(8) *koun cɒŋ thvə̀: aoj mda:j rɔ̆jĕəh daəm tru:ŋ slap daoj sa: ru:p koun ru:ʔ* < … >
niəŋ phej nah ***khla:c kraeŋ*** *miəda: niəŋ slap daoj sa: ru:p niəŋ*
‘Do you want me to have heartbreak? < … >
The girl got scared (*phej*), (she) was afraid (*khla:c kraeŋ*) that her mother would die because of her behavior, since her mother had weak heart’ [Soth Polin, 1965, p. 14].

Similarly, in (9) the LC *krɒsa:l lè:ŋ* ‘to enjoy’, lit. ‘to enjoy (royal) — to play, to enjoy’, is not a case of “decorative morphology”, but semantic derivation. It is constructed to describe a mixed set of participants which includes a royalty:

(9) *khlah roəm niəŋ khlah thvə̀ phlè:ŋ*
khlah criəŋ lɔvə̀:j lɔvè:ŋ ʔə:ŋ ʔɒ:
hael hae ksatri: bɒ:vɒ:
krɒsa:l lè:ŋ *knoŋ cɛəlɛəʔthi:*
[Pou, 1982, p. 21]
‘Some were dancing, some playing a musical instrument,
some singing in resounding voices,
swimming, along with the splendid sovereign
enjoying themselves in the water’[5]

Synonym LCs best reveal their non-“decorative” but purely functional nature in the text. The following example will clarify our point. In a short story for children three lexical units are used with the same meaning ‘to take care, to look after’ [Rɯəṅ nitiən khlej, 1994, p. 11–12]. Each has a specific function in the text and we cannot change one for another. In (10a) in the position of a dependent predicate the short form *thae* can only be used (see “Decorative affixation”, 1). LC *mə̀:l thae* , lit. ‘to look — to take care’, and *thae rĕəksa*, lit. ‘to take care — to take care, to guard, to watch (skt)’, are absolute synonyms and describe similar situations in the text, i.e. “watching the children do not leave the safe territory”, but they are not interchangeable, because in the text they perform different functions. LC *mə̀:l thae* is used in the direct speech of a peasant woman (10b), *thae rĕəksa* is used in the narrator’s speech. And it cannot be the other way round, because in *thae rĕəksa* the second component is a Sanskrit borrowing and using it in (10b) would produce a non-well-formed text.

(10a) *Bɒ:ŋ proh ceh* ***thae*** *pʔoun*
‘The elder brother can (*ceh*) take care (*thae*) of his younger siblings’ [Rɯəṅ nitiən khlej, 1994, p. 11]

(10b) *mda:j phdam koun bɒ:ŋ tha: “koun ʔaeŋ* ***mə̀:l thae*** *tŏəm pʔoun tĕəŋ pi: phɒ:ŋ kom ʔaoj tɯw lè:ŋ chŋa:j pi: pĕəh”*
‘The mother instructed her elder son: “Sonny, look after the small ones. Don’t let them go far from home”’ [Rɯəṅ nitiən khlej, 1994, p. 11]

(10c) *dɒl mda:j ʔəwpuk tɯw bat tɯw kɒ:* ***thae rĕəksa*** *pʔoun tĕəŋ pi: nŏəm khniə lè:ŋ nɯw muk ti:*

[5] The translation is mine. — *T. P.*

rɔbɒ:ŋ

‘Once his parents left, (he) looked after his younger siblings so that they didn’t go outside the fence’ [Rɯən nitiən khlej, 1994, p. 12]

To sum up: careful, unprejudiced, holistic analysis will show that many LCs that we are likely to consider as purely decorative are actually constructed to generate new meanings or perform specific functions in the text.

3. Hybrid synonym lexical complexes

In Modern Khmer we find many hybrid LCs with a borrowed component. For example: *pra:thna: cɒŋ* ‘to wish’, lit. ‘to wish (skt) — to wish’; *samaj ka:l* ‘time, period’, lit. ‘time (skt.) — time’. Such complexes prof. Haiman also considers as purely “decorative”: “Khmer ransacks its lexical resources to create such symmetrical compounds out of native and as well as borrowed roots” [Haiman, 2013, p. 67].

Actually, hybrid synonym LC were already used in Old Khmer inscriptions. Examples: *dakṣiṇa phley* ‘fee to an officiating priest’, lit. ‘fee to an officiating priest (skt) — fruit; earning, revenue’ (K.669B, 8.); *varṣa chnāṃ* ‘year’, lit. ‘year (skt) — year’ (K254B, 2); *pāñjiya cval* ‘to record’, lit. ‘to record (skt) — to enter’ (K205, 5).

There is no doubt that hybrid synonym LCs in Old Khmer were not “decorations”, but a necessity. Khmer inscriptions were carved on stone and their function was purely pragmatic. They were to deliver a message concerning donors, donees, and donations with detailed description of objects donated, their parameters, provenance, etc. It is more likely that Old Khmer hybrid synonym LCs were specially constructed to make the message as clear as possible for the addressee who did not have knowledge of Sanskrit or Pali. The Khmer word accompanying a borrowed term did the job. For example, the often used Sanskrit term *yajamāna* ‘offering; to make an offering’[6] is found in a hybrid LC with Old Khmer *oy* ‘to give’. Compare: *kantai ta* ***yajamāna*** *ta vraḥ* ‘women, donated to God’ (K926, 4) and *kantai ta pos* ***oy [ya]jamāna*** *kpoñ 1* ‘one serving woman donated to God’ (K557, 3).

In [Haiman, 2013, p. 67] we find Modern Khmer LC *bɒmphɯt bɒmphej* ‘to frighten’ as an example of “decorative reduplication” with a “purely decorative servant” word *bɒmphɯt*. Actually, both components are meaningful and capable of standing alone: *bɒmphɯt* ‘CAUS-to be afraid’, *bɒmphej* ‘CAUS-to be afraid’, the corresponding non-causative LC is *phɯt phej* ‘to be fearful’ (KPC). This complex goes back to the Old Khmer LC comprised of two borrowings: *bhita bhaya* ‘to be fearful’, lit. ‘to be frightened (skt. *bhīta* ‘frightened’) — to be scared (skt. *bhaya* ‘fear’)’ (DAK). This LC is only found in one inscription in the idiom *bhita bhaya nuv bhrānta* ‘to be fearful of going astray’ (K393S, 40).

To conclude: Khmer, an important member of the Austroasiatic language phylum, is a promising field of linguistic analysis. It belongs to the isolating and syllabic type of languages and is often misunderstood by linguists. Its most prominent feature — lexical complex remains an open challenge. A holistic approach is required to account for the staggering abundance of complex units comprised of quasi-synonyms or containing asemantic components, as well as for the puzzling coexistence of long and short forms of a word.

[6] In [DAK] and [DPAK] yajamāna is only given as a noun, however in [Jacob, 1977, p. 163–164] it is shown that in Pre-Angkor Khmer several Sanskrit nominal forms were used as verbs, yajamāna in their number.

Diachrony and comparative analysis are important dimensions in addressing these issues. A diachronic perspective provides explanations to many idiosyncratic phenomena which synchronic analysis finds unmotivated, while comparative analysis reveals the different paths of their diachronic drift towards becoming a typological rare.

Regretfully, linguists often use the data of isolating languages with the aim to find proof for their pet theories. The fact that scholars like prof. Haiman turn to that enigmatic field of research is encouraging and inspiring, provided that it is not done just to prove pet theories.

Abbreviations and conventions

AA	Austroasiatic (languages)
ASP	Questionnaire "Tense –aspect"
asem.	asemantic
ATR	Questionnaire "Attributive relations"
CAUS	causative
CLF	1. classifier 2. Questionnaire "Classifiers"
CNJ	conjunction
khm.	Khmer
ksm.	Ksingmul
LC	lexical complex
lit.	literally
MK	Mon-Khmer (languages)
nanc.	Nancowry
PL	plural
PS	Questionnaire "Parts of speech"
PST	past tense
PTCL	particle
REZ	result
Skt	Sanskrit
viet.	Vietnamese
-	morpheme boundary
.	syllable boundary

Список литературы / References

Арутюнова Н. Д. *Типы языковых значений. Оценка. Событие. Факт.* М., 1988 [Arutynova N. D. *Types of Linguistic Meanings. Evaluation. Event. Fact.* Moscow, 1988 (in Russian)].

Еловков Д. И. *Структура кхмерского языка. Фонетика. Фонология. Грамматика. Лексика. Семантика.* СПб, 2006 [Elovkov D. I. *The Structure of the Khmer Language. Phonetics. Phonology. Grammar. Vocabulary. Semantics.* Saint-Petersburg, 2006 (in Russian)].

КРС — Горгониев Ю. А. *Кхмерско-русский словарь.* М., 1974 [Gorgoniev Yu. A. *Khmer-Russian Dictionary.* Moscow, 1974 (in Russian and Khmer)].

Падучева Е. В. *Динамические модели в семантике лексики.* М., 2004. [Paducheva E. V. *Dynamic Models in the Semantics of Vocabulary.* Moscow, 2004 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. *Австроазиатская аффиксация и полипредикация. Сравнительно-историческое исследование.* Канд. дисс. Москва, 2008 [Pogibenko T. G. *Austroasiatic Affixation and Polyprediction. Comparative Historical Research.* PhD Theses. Moscow, 2008 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. *Австроазиатские языки: проблемы грамматической реконструкции.* М., 2012 [Pogibenko T. G. *Austroasiatic Languages: Problems of Grammatical Reconstruction.* Moscow, 2012 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в австроазиатских языках // *Труды Института востоковедения РАН.* Вып. 19. *Проблемы общей и востоковедной лингвистики: Лексикология и лексикография.* М., 2018a. С. 197–211 [Pogibenko T. G. Lexical complex in Austroasiatic languages // *Proceedings of the Institute of Oriental Studies, RAS.* Issue 19. *Problems of General and Oriental Linguistics: Lexicology and Lexicography.* Moscow, 2018a. Pp. 197–211 (in Russian)].

Погибенко Т. Г. Лексический комплекс в языке ма // *Вестник Института востоковедения РАН*. 2018b. № 5. С. 200–211 [Pogibenko T. G. Lexical Complex in the Ma Language // *Vestnik Instituta vostokovedeniya RAN* (*Journal of the Institute of Oriental Sciences RAS*). 2018b. 5. Pp. 200–2011 (in Russian)].

Погибенко Т. Г., Буй Кхань Тхе. Язык ксингмул. Лингвистический очерк // *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции 1979 года*. М., 1990. С. 10–87 [Pogibenko T. G., Bui Khanh The. The Ksingmul Language. Linguistic essay // *Materials of the 1979 Soviet-Vietnamese Linguistic Expedition*. Moscow, 1990. Pp. 10–87 (in Russian)].

Погибенко Т. Г., Ефимов А. Ю. *Материалы советско-вьетнамской лингвистической экспедиции. Язык ма*. (Рукопись) [Pogibenko T. G., Efimov A. J. *Materials of the Soviet-Vietnamese Linguistic Expedition. The Ma Language.* (Manuscript in Russian)].

Anderson G., N. Zide. Issues in Proto-Munda and Proto-Austroasiatic Nominal Derivation: The Bimoraic Constraint // *Papers from the 10th Annual Meeting of the Southeast Asian Linguistic Society, Arizona State University*. Tempe, 2002. Pp. 55–74.

Anderson G. *The Munda Verb*. Berlin, New York, 2007.

DAK – Jenner Ph. *A Dictionary of Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

DPAK – Jenner Ph. *A Dictionary of Pre-Angkorian Khmer*. Canberra, 2009.

Jacob J. Sanskrit Loanwords in Pre-Angkor Khmer // *Mon-Khmer Studies VI*. Hawaii, 1977. Pp. 151–168.

Haiman J. *Cambodian: Khmer*. Philadelphia, 2011.

Haiman J. Competing Motivations // Jae Jung Song (ed.). *The Oxford Handbook of Linguistic Typology*. Oxford, 2011. Pp. 121–124.

Haiman J. Decorative Morphology in Khmer // *The Aesthetics of Grammar: Sound and Meaning in the Languages of Mainland Southeast Asia*. Cambridge, 2013. Pp. 61–82.

Haiman J., Ourn N. Coordinate Compounds and Khmer Phrase Structure // *Southeast Asian Linguistics Society Papers*. 2000. Pp. 146–166.

Haiman J., Ourn N. Nouns, Verbs and Syntactic Backsliding in Khmer // *Studies in Language*. 2003. 27.3. Pp. 505–528.

Headley R. *Cambodian-English Dictionary*. Washington, 1977.

Kruspe N. *A Grammar of Semelai*. Cambridge, 2004.

Lewitz S. The Infix –b- in Khmer // Jenner Ph., Thompson L., Starosta S. (eds.). *Austroasiatic Studies*. Part II. Honolulu, 1976. Pp. 741–760.

Mahapatra K. Echo-Formation in Gtaʔ // Jenner Ph., Thompson L., Starosta S. (eds.). *Austroasiatic Studies*. Part. II. Honolulu, 1976. Pp. 815–832.

Pogibenko T. Copula of Identity in Old Khmer // *Mon-Khmer Studies 39*. Nakhon Pathom, 2010. Pp. 61–74.

Pou S. *Rāmakerti II. (Deuxième version du Rāmāyana khmer). Texte khmer, traduction et annotations*. Paris, 1982.

Rɯəŋ nitiən khlej. Thnak ti: 1. Phnom Penh, 1994.

Sot Polin. *Ci:vɯt ɯt nej*. Phnom Penh, 1965.

Swantesson J.-O. *Kammu Phonology and Morphology*. Lund, 1983.

НЕКОТОРЫЕ ДОПОЛНЕНИЯ К «БИНАРНОЙ ТЕОРИИ РЕДУПЛИКАЦИИ» («ЗАМЕЩАЮЩАЯ РЕДУПЛИКАЦИЯ» В ЧАДСКИХ ЯЗЫКАХ И В АККАДСКОМ)

О. В. Столбова[*]

В статье рассматривается особый тип фонологической редупликации, которая не предусмотрена в рамках «Бинарной теории редупликации» [Inkelas, 2005] и «Типологии компенсирующей редупликации» [Yu, 2005]. Свойства «замещающей редупликации» анализируются на материале чадских и аккадского языков. Особое внимание уделяется связи замещающей редупликации с диахронией. Показано, что правильная внутренняя реконструкция для словоформ, возникших в результате замещения ларингала, открывает новые возможности для поиска этимологий.

Ключевые слова: бинарная теория редупликации, замещающая редупликация, реконструкция, этимология, чадские языки, аккадский язык.

SOME ADDITIONS TO THE “DUAL THEORY OF REDUPLICATION” (“REPLACING REDUPLICATION” IN CHADIC LANGUAGES AND IN AKKADIAN)

Olga V. Stolbova

The paper claims that the “replacing reduplication” is not provided by “The Dual Theory of Reduplication” [Inkelas, 2005] and “Typology of Compensatory Reduplication” [Yu, 2005]. We focus on the main characteristics of the “replacing reduplication” in Chadic languages and in Akkadian. Also the diachronic aspect will be under discussion, viewing that the proper internal reconstruction of reduplicated forms allows for a more adequate search of cognates.

Keywords: Dual Theory of Reduplication, replacing reduplication, reconstruction, etymology, Chadic languages, Akkadian language.

Согласно «Бинарной теории редупликации» с типологической точки зрения основную оппозицию в этой области образуют морфологическое дублирование[1] (“morphological doubling”) и фонологическое удвоение (“phonological duplication”) [Inkelas, 2005, p. 351].

---

[*] Ольга Валерьевна СТОЛБОВА, доктор филологических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; Stolbova.O@yandex.ru

Olga V. STOLBOVA, DSc (Phililogy), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; Stolbova.O@yandex.ru

[1] Существенно, что под редупликацией обычно понимается именно морфологическое дублирование, см., например, следующее определение в Энциклопедическом словаре: «Редупликация — это полное или частичное повторение корня, основы или слова как способ образования слов, грамматических форм, фразеологических единиц». — *Энциклопедический словарь.* URL: http://znachenieslova.ru/slovar/encyclopedic/ (дата обращения 15.04.2019).

Более детальному анализу фонологического удвоения (или «компенсирущей редупликации») посвящена статья Алана Ю [Yu, 2005]. Основной тезис автора, основанный на исследованиях в этой области, [2] заключается в том, что компенсирующая редупликация играет второстепенную роль в морфологической конструкции, обеспечивая фонологическую адекватность словоформы «на выходе». Компенсирующая редупликация не влияет на семантику, она наблюдается в языках разных семей.

Среди иллюстративного материала наиболее интересными и понятными нам представляются примеры из языка хауса (чадская ветвь афразийской семьи), а именно:

a. Имена существительные 5-го класса образуют мн. ч. с помощью инфикса *-aa-* между согласными в финальной позиции. Например, *turkee,* мн. ч. *turaakuu* «коновязь», *kurmii*, мн. ч. *kuraamuu* «джунгли». У имен со структурой C_1VC_2V во мн. ч. редуплицируется второй согласный (в противном случае инфиксация невозможна): *ḳafaa,* мн. ч. *ḳafaa**f**uu* «нога (foot)», *gaɓaa,* мн. ч. *gaɓaa**ɓ**uu* «сустав» [Yu, 2005, p. 398].

b. Имена существительные 6-го класса образуют мн. ч. с помощью суффикса *-unaa-*, при этом первый слог имени во мн. ч. должен иметь структуру CVV или CVC_2. Имена с «тяжелым» первым слогом в ед. ч. просто присоединяют суффикс к основе: *jaakii,* мн. ч. *jaakunaa* «осел», *karfu,* мн. ч. *karfunaa* «ремень», *gwaggo,* мн. ч. *gwaggunaa* «бабуин». Если же начальный слог в ед. ч. имеет вид CV-, то требуемая структура слога во мн. ч. (а именно — CVC-) обеспечивается с помощью компенсирующей редупликации второго согласного, а именно: *bakaa,* мн. ч. *ba**kk**unaa* «лук», *damii* мн. ч. *da**mm**unaa* «связка» [Yu, 2005, p. 400].

Результаты своих исследований Алан Ю сформулировал как «Общую теорию компенсирующей редупликации» / “General Theory of Compensatory Reduplication” [Yu, 2005, p. 401–404]. При этом он нигде не упоминает о том, что эта теория не универсальна, потому что (как и «Бинарная теория») ограничивается только исследованием редупликации внутри словоформы (“word-internal reduplication” [Inkelas, 2008, p. 351]). Однако, как показывает анализ лексики чадских языков, чисто фонологическая редупликация возможна и в начальной позиции. Дело в том, что для многих языков этой семьи характерна утрата начального ларингала с последующей редукцией гласного (HVC_2VC_3- > VC_2VC_3 > C_2VC_3-). Потенциальная угроза исчезновения всего первого слога может компенсироваться редупликацией согласного следующего слога (HVC_2VC_3- > $C_2VC_2VC_3$-, HVC_2- > C_2VC_2-). Это тоже чисто фонологическая (компенсирующая) редупликация, именно этот термин использует в своей работе Р. Гравина[3] применительно к фонологическому дублированию в центр.-чад. языках. Автор приводит следующие примеры:

Zulgo *papaɗ* «есть, жевать»[4] ~ Mada *áhpaɗ*, Muyang *áxpə́ɗ*, Moloko *paɗay*, Baka *poɗáy* «есть, жевать». Все эти формы являются рефлексами центр.-чад. корня **həpaɗ-* «есть, жевать». Очевидно, что редупликация в языке Zulgo является превентивной мерой,

---

[2] Список релевантных работ приведен в: [Yu, 2005, p. 397].

[3] Gravina R. *Central Chadic Reconstructions.* 13.05.2015. URL: https://centralchadic.webonary.org (дата обращения 15.04.2019).

[4] Здесь и далее сначала приводится форма с редупликацией, а после знака ~ даются когнаты в других языках. Названия афразийских языков даются в латинице с заглавной буквы. Список источников по чадским языкам см. в: [Stolbova, 2019, p. 7–21].

направленной на сохранение структуры словоформы (в противном случае — как в языках Moloko и Baka — первый слог утрачивается).

Cuvok, Mofu *mamaɗ* «ветер» ~ Dugwor, Mikiri *hēméɗ*, Baka, Moloko *hə̀mad,* Ould *āmàɗ*, Mada *amad,* Skn *mid,* Gude *meɗa* «ветер».

Gemzek, Merey *baᵐbaẓ* «кровь» ~ Mbazla *hambus* «кровь».

Mbuko *dẓəⁿdẓak* «дым» ~ Moloko *haẓak,* Gemzek *hədẓak*, Muyang *aẓak* «дым».

Как уже отмечалось, этот тип редупликации не предусмотрен «Бинарной теорией». Поэтому представляется уместным предложить какой-то рабочий термин для его описания, например, «замещающая редупликация».

Замещающая редупликация начального ларингала характерна не только для центральной ветви, она наблюдается также и в восточно- и западно-чадских языках. См. следующие примеры:

Вост. ветвь: Bidiya *lool* «плакать, кричать» ~ Mokilko *ˀòolé*, Mubi *àlláw,* Kajakse *ˀálào* «плакать».

Вост. Somrai *nùnī* «спать» ~ Центр. Vame *han-*, Merey *həna* «спать».

Зап. Hausa *ẓíiẓà* «шум голосов»; центр. Zulgo *ɮáàɮa*[5] «крик» ~ Центр. Mafa *haɮaw-* «громко говорить», Mada *óhɮó* «быстро и громко говорить». Все эти формы восходят к чад. **hVɮV-* «громко говорить; крик».

Зап. Warji *šiši* «вставать, просыпаться» ~ Центр. Makari *hèsí,* вост. Mubi *híssê* «просыпаться».

Центр. Makari *bobi* «крыть соломой» ~ Вост. Ndam *ábâ,* Migama *ˀúbáw* «закрывать, укрывать».

Центр. Chuvok *má-lə́wlá* «сухой» ~ Центр. Mbedam *ma-hʷal* «сухой».

Центр. Wandala *bubáa* «одежда» ~ Центр. Lamang *həba* «надевать, носить», зап. Tangale *uba-k*, Kupto *ˀúɓá-k* «вид одежды», Ngizim *àbáyà* «вид длинной одежды». Начальный ларингал сохраняется в семитских языках: Amharic *habbā* «вид одежды» [Cohen, 1970, p. 355].

Зап. Kupto *màaméy* «крыть соломой» ~ Зап. Tangale *wume* «закрывать, укрывать», центр. Glavda *xum* «укрывать». См. семитские когнаты с начальным фарингальным: Arabic *ˁmm* «couvrir entièrement, tout à fait; укрыть целиком» [Biberstein-Kazimirski, 1860, vol. 2, p. 357], Geez *ˁwm, ˁoma* «cover; покрыть, укрыть» [Leslau, 1987, p. 78].

Зап. Karekare *rere* ‘дерево’ ~ Зап. Bolewa *rèwe* «дерево», центр. Mafa *rúwá* «вид дерева», вост. Ubi *rèyò* «палка, дерево», Dangla *ˀàar*, Bidiya *ˀàraw* «вид дерева». См. генетически родственное имя существительное в древнеегипетском языке: *ˁrw* “Art Baum, вид дерева” [Erman, Grapow, 1937, S. 210].

Зап. Hausa *ráaríyáa* «любая дорог, улица, тропа» ~ Зап. Mupun *árè,* Mwaghavul *ár*, Ngas *aar* «дорога, тропинка», центр. Gidar *ura* «путь», вост. Barein *árá, áará* «дорога», Saba *ˀaro* «дорога, тропа», Mawa *ər*, Ubi *ˀoorà*, Mabire *or* «дорога», Bidiya *ˀóorà* «путь, дорога», Kajakse *ˀérí*, Birgit *ˀáró* «дорога». Когнаты с начальным алефом (подтверждающие, что редупликация в языке хауса вторична) обнаруживаются в кушитских языках: Iraqw *ˀirwaa*, Gorowa *ˀurûwa* «путь, дорога» [Mous, Qorro, Kiessling, 2002, p. 57].

Центр. Afade *boboy* «облако» ~ Вост. Tumak *ˀūbə̄y*, Ndam *yíbé* (< **ˀibe*) «облако».

---

[5] С помощью знака *ɮ* в литературе по чадским языкам обозначается звонкая латеральная фрикативная фонема.

См. семитские когнаты с начальным фарингальным: Hebrew *ˁwb* “verdunkeln, темнеть”, *ˁāb* «облако» [Köhler, Baumgartner, 1958, S. 685].

Приведенный материал позволяет сделать некоторые выводы о замещающей редупликации в чадских языках. В биконсонантных формах с начальным ларингалом (HVCV) возможна замещающая редупликация ($HVC_1V > C_1VC_1V$), но невозможна полная редукция начального слога ($HVC_1V > C_1V$), поскольку структура CV характерна только для местоимений и предлогов. Напротив, при исходной структуре HVC_1VC_2V, наблюдается как замещающая редупликация ($HVC_1VC_2V > C_1VC_1VC_2V$), так и полная редукция начального слога ($HVC_1VC_2V > C_1VC_2V$). При этом исходная форма с начальным ларингалом может не сохраниться ни в одном из языков-потомков. Поэтому, если для семитского корня HC_1C_2 мы находим чадские когнаты вида $C_1VC_1VC_2V$ и C_1VC_2V, можно с большой долей вероятности реконструировать прачадский корень с начальным ларингалом, см. следующие примеры:

Arabic *ḥfš* “péler, ôter l’écorce”; «снимать кожу(ру)» [Biberstein-Kazimirski, 1860, vol. 1, p. 458] ~ Центр.-чад. Podoko *paɬa* «снимать кожуру, отрывать, отламывать», Buwal *pāpāɬ* «снимать кожуру с арахиса». Судя по арабской параллели, можно реконструировать чад. **HVpaɬ-*.

Akkadian *esēru,* Ugaritic, Hebrew, Aramaic, Arabic *ˀsr,* Geez *ˀasara* “to bind, to make prisoner” / «связывать, брать в плен» [Leslau, 1987, p. 44; Olmo Lete, Sanmartin, 2014, p. 131] ~ Центр.-чад. Mafa *cacar* «связывать солому при плетении», вост. Kaba, Nanchere *-sar* «привязывать, прикреплять», Lele *sār* «привязывать» (< чад. **ˀVcVr-* «привязывать»).

Совершенно очевидно, что замещающая редупликация в чадских языках — это превентивная мера, направленная на сохранение исходной структуры словоформы. Она наблюдается только в словоформах с начальными ларингалами, которые нестабильны и подвержены лениции[6].

Типологическую параллель чадским языкам в этом отношении представляет аккадский язык. По свидетельству семитологов только «в текстах Саргоновского периода[7] общесемитские **ḥ, *h, *ġ,* и, вероятно, **ˀ* и **ˁ* регулярно выступают как отдельные фонемы» [Коган, Лёзов 2009, с. 124]. В диалектах, засвидетельствованных с начала II тыс. до н. э., в этой серии фонем произошли существенные изменения: «в какой мере старо-ассирийский диалект сохранил прасемитские гуттуральные (в старо-вавилонском в основном утраченные), установить затруднительно» [Коган, 2009, с. 195]. Таблица согласных фонем аккадского языка [Коган, Лёзов, 2009, с. 123] включает лишь один ларингал — алеф.

Учитывая, что словари аккадского языка содержат значительное количество форм со структурой $C_1C_1C_2$, можно предположить, что, по крайней мере, некоторые из них (не помеченные, как заимствования из шумерского языка)[8] возникли в результате

[6] О системе гуттуральных фрикативных в чадских языках (реконструкция, рефлексы, внешние параллели) см. [Stolbova, 2019, p. 27–37].

[7] «Диалект аккадского языка, отраженный в текстах Саргоновского периода (ок. 2350–2170 гг. до н. э.), принято называть староаккадским» [Маркина, 2009, с. 178].

[8] Редупликация начального слога характерна для лексики шумерского языка, и некоторое количество таких форм обнаруживаются среди аккадских заимствований из шумерского. Но сам факт заимствования отмечается в словаре, например: “*gugallu* ‘bull of extraordinary seize’ Sum. lw.” [Gelb et al., g, p. 122], поэтому

замещающей редупликации ($HC_1C_2 > C_1C_1C_2$). Подтверждением этой гипотезы будут следующие пары когнатов: $C_1C_1C_2$, в аккадском языке ~ HC_1C_2 в семитских или иных афразийских языках.

На данном этапе исследования мы уже можем предложить несколько лексических параллелей, отвечающих этим требованиям, а именно:

1. Akkadian *lulīmu* “red deer, stag” / «олень» [Gelb et al., l, p. 241] ~ Arabic *hulum-* “chamois, chèvres de montagne” / «серна, горный козел» [Biberstein-Kazimirski, 1860, vol. 2, p. 181].

2. Akkadian *babaru* (a syn. for forest) syn. list [Gelb et al., b, p. 7] ~ Arabic *ḥabir* “être couvert d’une riche végétation (se dit du sol)” / «быть покрытой пышной растительностью (земля)» [Biberstein-Kazimirski, 1860, vol. 1, S. 185].

3. Akkadian *bubūtu* “famine, want; hunger” / «голод, желание» [Gelb et al., b, p. 301] ~ в семитских языках: **ʔbb/y* «хотеть, желать»: Arabic *ʔbb*, Hebrew, Aramaic *ʔby* [Cohen, 1970, p. 3, 5]; в зап.-чадских языках: Kupto *ʔàbbéy* “to cohabit; to love” / «любить», Ngizim *bábi* “copulation by animals”.

4. Akkadian *tatītu (tatīdu)* (a variety of oak tree and its wood / вид дуба) [Gelb et al., t, p. 299] ~ в чадских языках: **ʔitVt-* «дерево»: зап. Hausa *ítàačee* «дерево, древесина», Daffo *yitát,* Bokkos *yit,* Sha *yíčàw,* Mundat *yìč* «дерево», центр. Gude *tə́tə̀yá* «вид дерева», вост. Jegu *ʔétó* «дерево, лес», Barein *ití* «дерево», Migama *ʔéttú,* Dangla *ètò* «дерево, древесина», Bidiya *ʔáto* «тамаринд», Jegu *ʔétó* «дерево», Gude *tə́tə̀yá* «вид дерева», Jegu *ʔétó* «дерево, лес», Barein *ití* «дерево», Migama *ʔéttú,* Dangla *ètò* «дерево, древесина».

5. Akkadian *šišnu,* Syriac *šišnā* “Lieschgras”; «тимофеевка» [Soden, 1981, S. 1250] ~ в чадских языках: зап. Ngamo *sàn-tà,* центр. Fali Kiriya *swən,* вост. Bidiya *sìnyaamò* «трава». Аккадская параллель указывает на чад. **HVsVn-* «трава».

Еще в двух случаях семитские параллели к аккадской форме с редупликацией менее надежны.

6. Akkadian *bibirru* (a disease/болезнь) [Gelb et al., b, p. 219]. В качестве потенциального когната можно рассмотреть корень с семантикой «колдовство, чары» в семитских языках: Sabaic *ḥbr* “sorcery” / «колдовство», Ugaritic *ḥbr* “exorcist” / «заклинатель», Hebrew *ḥbr* “charm, spell” / «чары, заклинание» [Olmo Lete, Sanmartin, 2014, p. 348]. Совмещение семантики «болезнь» и «колдовство» представляется возможным.

7. Akkadian *ṣasāru* (mng. unkn.) “the wild boars …ed him” [Gelb et al., ṣ, p. 116]. Значение аккадского корня не установлено, однако, исходя из контекста, можно предложить в качестве когната семитский корень с семантикой «окружить, осадить», а именно: Arabic *ḥṣr* “serrer, presser, acculer, entourer” / «окружить, загнать в угол», Jibbali *ḥəṣər* Mehri *ḥəṣáwr* “cerner, assiéger” / «окружить, взять в осаду» [Cohen, 1993, p. 911].

Наконец, очевидно, что и в следующем случае аккадская словоформа возникла в результате замещающей редупликации.

8. Akkadian *dadmū* “the inhabited world (settlements and inhabitants)” / «обитаемый мир» [Gelb et al., d, p. 18]. По мнению семитологов, *dadmū* восходит к **damdam-*. Заметим, однако, что форма под звездочкой не отмечена в качестве варианта к *dadmū*, ни в одном

нет оснований полагать, что вся аккадская лексика с аналогичной структурой не имеет семитской и афразийской этимологии.

из многочисленных контекстов, приведенных в [Gelb et al., d, p. 18–20]. Кроме того, реально засвидетельствованные в аккадских словарях формы с полной редупликацией (C_1VC_2-C_1VC_2-) обычно имеют варианты с ассимиляцией ($C_1VC_1C_1VC_2$-) и упрощением геминаты ($C_1VC_1VC_2$-), см. например: Akkadian *damdāmu* и *daddāmu* «мул» [Gelb et al., d, p. 64], Akkadian *šaršāru* и *šaššāru* «пила» [Soden 1981, S. 1198], Akkadian *ṣarṣaru(m), ṣa(ṣ)ṣarum* и *ṣāṣiru(m)* «кузнечик», Aramaic, Arabic *ṣarṣar* «кузнечик» [Soden, 1972, S. 1086]. Гипотетическая форма **damdam-* также должна была пройти эту череду трансформаций: **damdam-* > *daddam-* > *dadam-* > *dadm-*. Поскольку ни одна из промежуточных форм не засвидетельствована, логично рассматривать *dadmū* как результат замещающей редупликации из **ˀad(V)m-*. Такая внутренняя реконструкция хорошо коррелирует с семитскими когнатами: Hebrew *ˀădāmā* “earth, arable ground with water and plants” / «(пахотная) земля», Aramaic *ˀadamtā* «земля, почва» [Köhler, Baumgartner, 1958, S. 15], Arabic *ˀadīm-* “terre; tout l’espace du ciel et de la terre que l’oeil peut embrasser” / «земля» [Biberstein-Kazimirski, 1860, vol. 1, p. 15].

В словарях можно найти еще достаточно аккадских слов со структурой $C_1C_1C_2$, у которых нет этимологии. Вот лишь несколько из них: *ṣuṣūnu* (a tree) “the term indicates an exotic tree, possibly the tamarind” / «вид дерева» [Gelb et al., ṣ, p. 262], *šušerû* “chill” / «прохлада» syn. list [Gelb et al., $š_3$, p. 380], *lulmû* “(ear)ring” / «кольцо» [Gelb et al., l, p. 242], *susānu* “ein Silbergefäss” / «сосуд из серебра» [Soden, 1972, S. 1063], *titennu* “(a four-pronged pitchfork used for winnowing)” / «вилы» [Gelb et al., t, p. 434], *papānu* “eine Binsenart” / «вид камыша» [Soden, 1972, S. 823], *lilibu* (var *ilibu or lilipu*) (“a leather object” / «предмет из кожи») lex.* [Gelb et al., l, p. 186]. Признав эти и аналогичные по структуре слова формами с замещающей редупликацией, можно значительно расширить круг поиска когнатов в семитских и других афразийских языках.

Заключение

Как следует из приведенного материала «замещающая редупликация» (в отличие от «компенсирующей») не рассматривается в рамках «Бинарной теории». Основное различие состоит в следующем: компенсирующая редупликация призвана только компенсировать потенциальную неадекватность словоформы на чисто фонологическом уровне, иными словами — получить правильную, с фонологической точки зрения, структуру словоформы *«на выходе»* (например, после эпентезы показателя мн. ч.). Фонологический состав словоформы значения не имеет, редупликация происходит внутри словоформы. Замещающая редупликация призвана сохранить *исходную* слоговую структуру словоформы. Для достижения этой цели замещается начальный согласный, подверженный лениции — в чадских и аккадском языках это ларингалы. Никакого предварительного изменения словоформы (как при компенсирующей редупликации) не происходит.

Еще одно различие состоит в том, что в рамках «Бинарной теории» анализируется редупликация на синхронном уровне, а замещающая редупликация связана с диахронией. Правильная внутренняя реконструкция для словоформ, возникших в результате замещения ларингала ($C_1C_1C_2$ < $*HC_1C_2$), открывает новые возможности для поиска этимологий. Как следует из приведенного материала, нам удалось обнаружить семитские когнаты для чадской лексики и найти приемлемые этимологии для нескольких аккадских форм структуры $C_1VC_1(V)C_2$-.

Сокращения / Abbreviations

вост. — восточный
зап. — западный
центр. — центральный
чад. — чадский

Литература / References

Коган Л. Е. Староассирийский диалект // *Языки мира. Семитские языки.* М., 2009. С. 195–204 [Kogan L. E. Old Assyrian dialect // *Languages of the World. Semitic Languages*. Moscow, 2009. Pp. 195–204 (in Russian)].

Коган Л. Е., Лёзов С. И. Аккадский язык // *Языки мира. Семитские языки.* М., 2009. С. 113–178 [Kogan L. E., Lezow S. I., Akkadian language // *Languages of the World. Semitic Languages.* Moscow, 2009. Pp. 113–178 (in Russian)].

Маркина Е. В. Староаккадский (саргоновский) диалект // *Языки мира. Семитские языки.* М., 2009. С. 178–195 [Markina E. V. Old Akkadian (Sargonic) dialect // *Languages of the World. Semitic Languages.* Moscow, 2009. Pp. 178–195 (in Russian)].

Biberstein-Kazimirski A. de. *Dictionnaire arabe-français.* Vol. 1–2. Paris, 1860.

Cohen D. *Dictionnaire des racines semitiques.* Fasc. 1–2. Paris, 1970. Fasc. 3–5. Leuven, 1993.

Erman A., Grapow H. *Wörterbuch der ägyptischen Sprache.* Bd. I. Berlin, 1937.

Gelb I. J., Landsberger B., Oppenheim A. L., Reiner E. (eds.). *The Assyrian Dictionary of the Oriental Institute of the University of Chicago.* Glückstadt, 1957–2010.

Inkelas Sh. The Dual Theory of Reduplication // *Linguistics.* 2008. 46.2. Pp. 351–401.

Köhler L., Baumgartner W. *Wörterbuch zum hebräischen alten Testament.* Leiden, 1958.

Leslau W. *Comparative Dictionary of Ge'ez.* Wiesbaden, 1987.

Mous M., Qorro M., Kiessling R. *Iraqw-English Dictionary.* Köln, 2002.

Olmo Lete G. del, Sanmartín J. *A Dictionary of the Ugaritic Language in the Alphabetic Tradition.* Vol. 1. Leiden, Boston, 2014.

Soden W. von. *Akkadisches Handwörterbuch.* Bd. 2. Wiesbaden, 1972.

Soden W. von. *Akkadisches Handwörterbuch.* Bd. 3. Wiesbaden, 1981.

Stolbova O. *Chadic Lexical Database.* Issue V. Moscow, 2019.

Yu A. C. L. Toward a Typology of Compensatory Reduplication // *Proceedings of the 24th West Coast Conference on Formal Linguistics*, Somerville, 2005. Pp. 397–406.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Энциклопедический словарь. URL: http://znachenieslova.ru/slovar/encyclopedic/ (дата обращения 15.04.2019).

Gravina R. *Central Chadic Reconstructions.* 13.05.2015. URL: https://centralchadic.webonary.org (дата обращения 15.04.2019).

СТАРЫЕ ВЫЗОВЫ И НОВЫЕ РЕШЕНИЯ В ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ: ВОЗМОЖНОСТИ ФОРМАТА ОБОЛОЧКИ «ЛЕКСИКОТРОНИКА» ДЛЯ ЭЛЕКТРОННОГО ЯПОНСКО-РУССКОГО СЛОВАРЯ. ЧАСТЬ I

К. И. Демич, А. В. Костыркин*

В статье рассматриваются возможности цифрового формата японско-русского словаря в исторической ретроспективе как старых словарных проблем, так и разрешения новых противоречий уже электронной эпохи. В электронной среде возможно разделение единого словарного пространства на пространство хранения и представления информации. Подобное разделение стало главным содержанием революционных изменений, связанных с автоматизацией лексикографии. В заключении авторы предлагают новые техники лексикографирования, соответствующие возможностям электронной среды. В открывающей части публикации под этим углом зрения исследуются базовые для традиционной лексикографии теоретико-практические проблемы: принцип экономии места и требование лексикологической классификации. Прослеживается насыщенная коллизиями история использования приемов гнездования, уходящая корнями в славянскую и раннюю отечественную академическую лексикографию, и традиция выявления лексикографических парадоксов, берущая начало в словарной типологии Л. Щербы, продолженная при обсуждении выводов по итогам работы над 17-томным Академическим словарем русского языка, крайне созвучных рассуждениям французских лексикографов А. Рея и С. Делесаль. Особого внимания требует такая важная веха, как спор так называемых Пражской и Братиславской словарных школ относительно подходов к описанию полисемии в переводном словаре.

Ключевые слова: история лексикографии, теория лексикографии, электронные словари, гнездование, словарные антитезы, эргономика, контрастивная лингвистика.

OLD CHALLENGES AND NEW SOLUTIONS IN DIGITAL ENVIRONMENT: THE POTENTIAL OF “LEXICOTRONICA” JAPANESE DICTIONARY SHELL APPLICATION’S FILE FORMAT. PART I

Kyrill I. Demitch, Alexander V. Kostyrkin

* Кирилл Игоревич ДЕМИЧ, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cyrlc@yandex.ru

Kyrill I. DEMICH, Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cyrlc@yandex.ru

Александр Вячеславович КОСТЫРКИН, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kost@ivran.ru

Alexander V. KOSTYRKIN, PhD (Linguistics), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kost@ivran.ru

The paper discusses the Japanese-Russian dictionary's file format in retrospective of old lexicographic problems and new ones emerged in electronic age dictionaries with storage and presentation space separation in digital environment. Such separation seems to be the main intension of automation in lexicography, proclaimed as a revolution by Roberto Busa. Finally, the paper suggests some novel lexicographic techniques as a solution to the discussed challenges. The initial part discusses key contradictory subjects of theoretical and practical lexicography: space-saving, nesting, needs of lexicological classification. Their historical roots are traced down in Slavic and Russian academic lexicography. The research lines up explications of lexicographical antinomies by prominent scholars that take origin in dictionary typology by Leon Scherba. Along this line, the special matter is the debate between Czech and Slovak lexicographers on approaches to sense discrimination within bilingual entry. The parallel study deals with related episodes in history of Russian academic lexicography started with the Russian dictionary of the Academy by Princess Dashkova. The lexicographic findings of the 17-volume Dictionary of Modern Standard Russian resonate with Rey and Delesalle's ideas on typology of "dictionnaire culturel".

Keywords: history of lexicography, theory of lexicography, electronic dictionaries, nesting, lexicographical paradox, user studies.

С освоением лексикографией новой для нее электронной среды насущно встает проблема преемственности между традиционной бумажной и электронной лексикографией. В центре дискуссий оказываются вопросы о том, существует ли теория лексикографии как научная дисциплина, нужна ли такая теория электронной лексикографии, и если да, то в какой мере она должна наследовать традиции [Tarp, 2012, p. 111–113]. Поскольку электронная лексикография обслуживает определенные справочные нужды, она все больше рассматривается просто как часть информатики, и в соответствии с этим на нее начинают распространяться общие принципы теории информации. С другой стороны, те возможности, которые предоставляет лексикографии новая вычислительная среда, позволяют переосмыслить и переоценить традиционные словарные подходы. Практически неограниченные объемы хранения и новые средства отображения информации ознаменовали наступление новой словарной эпохи. К сожалению, пока общая проблематика дискуссии так и остается на абстрактном уровне, поскольку лишь конкретные решения могут показать связь с традицией, в зависимости от того, насколько они пригодны для решения старых и наболевших проблем и снятия казалось бы неразрешимых противоречий.

Одним из предварительных результатов дискуссии, обусловленной появлением новых лексикографических возможностей, стало прояснение того принципиально нового обстоятельства, что привычные рассуждения о том, сколько места в словаре нужно уделять определенной информации, становятся беспредметными, и разговор должен вестись не о «словарном пространстве» (*dictionary space*) вообще, а о двух его разных параметрах. С одной стороны, нужно говорить о месте в памяти компьютера (*storage space*), занимаемом словарем, что требует разработки и оптимизации форматов разметки и хранения словарных данных. Можно считать, что с ростом доступности и уменьшением габаритов средств хранения электронных данных по этому параметру нет ограничений, и текст словаря может иметь произвольно большой размер. С точки зрения аппаратных средств, разработка форматов хранения и передачи словарных данных связана теперь с оптимизацией скорости, точности и полноты словарного поиска. Более существенен второй параметр — размер пространства, доступного для

визуального представления словарных данных (*presentation space*). В традиционной бумажной лексикографии это пространство соответствует книжному развороту. Бумажный словарь, даже перенесенный путем оцифровки в электронную форму, продолжает подчиняться всем ограничениям статичного представления информации, унаследованным от полиграфического издания, и в этом случае пространство, занимаемое им на дисплее компьютера, принципиально не отличается от разворота физической копии словаря. Синтез с динамическими возможностями графического пользовательского интерфейса позволяет выводить информацию, адаптируя ее к конкретному пользовательскому запросу [Lew, 2011]. Решение задачи экономии места в словаре при таком подходе переходит из исключительного ведения лексикографической типографики в область юзабилити и эргономики (*user studies*) и становится задачей эффективной организации виртуального рабочего места и экономии пользовательского внимания.

В основной комплекс проблем и противоречий, долгое время находившихся в центре внимания лексикографической теории, не имевших адекватного разрешения, традиционно входят следующие три: двусмысленность принципа экономии места; насыщенная многими коллизиями история использования приемов гнездования; и противоречивость требования строгой лексикологической классификации материала. Одним из переломных моментов в развитии лексикографической теории стала формулировка Л. В. Щербой его знаменитых «противоположений». Это задало теоретический импульс в сторону решений, способных реализоваться только в эпоху компьютерной лексикографии. По мнению В. М. Андрющенко, Роберто Буза (с которым согласен Андрющенко), видимо, был первым, кто в 1961 г. в своем докладе на Международном коллоквиуме в Тюбингене по механизации лексикографических исследований сравнил революционное значение автоматизации в лексикографии с изобретением книгопечатания: «Как во времена Гутенберга печатная книга заменила рукопись, так и сегодня на смену книге печатной приходит “электронная книга”» [Андрющенко, 1988, с. 201]. Можно сказать, что с развитием более изощренных средств электронной визуализации данных основным содержанием этой революции в сфере общественных коммуникаций для лексикографии явилось выделение в едином до того словарном пространстве двух основных параметров: *storage space* и *presentation space*, а одним из ее следствий стала возможность полноценной работы на *медио-уровне* [1], самостоятельно выделяемом в структурной организации словаря, — возможность, до сих пор не получившая ни должной теоретической проработки, ни широкого практического применения.

Принцип экономии места

Принцип окончательно закрепился в отечественной лексикографии в формулировке Л. Д. Левицкого: «максимум правильной информации на минимальном количестве страниц» [Berkov, 1988, p. 99; Levitzky, 1957; Берков, 1973, с. 168; Зализняк, 1957, с. 156]. В силу того, что в бумажной лексикографии невозможно реально разграничить место, необходимое для хранения и для визуализации материала, этот принцип содержит в себе двусмысленность: *что* является объектом экономии —

[1] Здесь и далее термин приводится в авторской орфографии. — *Прим. ред.*

внимание читателя или место в словаре? Изначально основной идеей Левицкого было стремление к максимальной полноте описания, благодаря всеохватному сбору и фиксации информации, и названный принцип заявлялся им как вспомогательный, в задачи которого входило компенсировать возможное чрезмерное увеличения объема словаря. Эта формулировка Левицкого в несколько измененном виде была повторена В. П. Берковым, ставящим принцип Левицкого уже в центр словарной работы: «максимум информации на минимуме места», хотя и с оговоркой: «без ущерба для интересов читателя» [Берков, 2004, с. 4]. Однако, несмотря на оговорку, вспомогательный прием компрессии в итоге превращается в самодовлеющую, самодостаточную идею экономии. Принцип концентрации словарных данных из вспомогательного становится основным.

Метод гнездования

В славянскую лексикографию способ гнездового расположения слов вошел в самом конце XVI в., когда в Праге в 1598 г. вышел из печати содержащий элементы гнездования *Sylva Qvadrilingvis* Даниэля Адама из Велеславина. Образцом для него послужил пятиязычный лексикон Хельфрика Еммелия, изданный в Страсбурге в 1592 г. [Гладка, Мартинцова, 2013, с. 730].

Традиция использования приема гнездования в отечественной истории создания больших академических толковых словарей восходит к первому словарю Академии Российской, где он применен впервые как принцип расположения слов «по чину словопроизводному» [Словарь, 1789, с. X]. Еще до завершения публикации, уже после выхода первых томов словарь стал предметом «очень жаркой критики, в особенности относительно метода расположения слов, принятого согласно этимологической, а не алфавитной системе» [Дашкова, 2009, с. 180]. С учетом этих возражений сразу после завершения публикации началась работа по подготовке новой версии этого словаря (1806–1822), упорядоченного уже по алфавиту [Цейтлин, 1958, с. 32–33]. Основные возражения, что «словарь запутан и худо приспособлен к народному употреблению», были вызваны тем, что «словопроизводный» принцип затруднял беглый поиск загнездованных единиц.

Использованный в первой версии академического словаря деривационно-этимологический способ расположения материала может быть отнесен к гнездованию только ретроспективно. Сам термин «гнездование» появился в употреблении в отечественной практике вместе с «Толковым словарем живого великорусского языка» В. И. Даля. В его основе лежит метафора единого словопроизводного «куста» или «семейства» однокоренных семантически связанных близкородственных слов. Его использование было поддержано и дополнительно разработано во введении к 3-му изданию И. А. Бодуэном де Куртенэ. Пользуясь принципом гнездования, Даль не делал различия между деривационным и лексическим способами организации гнезда. Нередко расположение загнездованных единиц было настолько неочевидным, что в 3-м издании это потребовало со стороны редактора, Бодуэна де Куртенэ, серьезной переработки и многочисленных исправлений [Даль, 1903, с. v].

Следующей вехой в истории обращения отечественной академической лексикографии к приемам гнездования нужно назвать проект, начатый до революции А. А. Шахматовым, включавший в себя 6-е и 7-е издания «Словаря русского языка», так

и не завершенный окончательно к 1937 г. и перезапущенный с 1939 г. в качестве «Словаря современного русского литературного языка» в 17-ти томах [Филин, 1963, с. 105], первый том которого вышел лишь после войны [Чернышев, 1950]. Работа над 7-м изданием велась в «Институте языка и мышления им. Марра» (до переименования «Яфетидологический институт») [Farina, 1995a, p. 164]. После начала разработки в Академии наук нового словаря в 1939 г. «гнездовая структура статьи была сохранена, но принцип отбора слов в гнездо претерпел некоторые изменения», от лексического к деривационному, от слов, связанных «по форме и значению», к словам, связанным «по происхождению и значению» [Farina, 1995a, p. 167]. После дискуссии в газете «Правда», начатой статьями за подписями А. С. Чикобавы и И. В. Сталина в мае–июне 1950 г., и последовавшего за этим разгрома марризма желание редакции академического издания наглядным образом дистанцироваться от приемов, использовавшихся марристами и тем самым формально дискредитированных, хорошо понятно [Чернышев, 1955, с. iii]. Поскольку I том уже успел выйти, а II и III были в печати, алфавитно-гнездовой порядок был заменен алфавитным только начиная с четвертого тома. Однако то, насколько гнездование соответствует идеям Марра, остается под вопросом [Farina, 1995a, p. 168].

На фоне этой скорее идеологической, чем лингвистической коллизии и в свете первого вышеназванного противоречия гнездование, которое осуществляется «для экономии места — и только для этого» [Берков, 2004, с. 79], понятое лишь как «объединение в одной статье описания нескольких заголовочных слов (лемм)» [Берков, 2004, с. 78], начало терять для общей теории лексикографии свою содержательность как средство семантизации и вырождаться в формальный прием.

В итоге метод гнездования оказался вытеснен из большой академической лексикографии на периферию, в область учебных и деривационных словарей [Иванова, 1977], где был заново переоткрыт и фактически реабилитирован революционными, имевшими международный резонанс [Йирачек, 1973], работами А. Н. Тихонова «Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка» [Тихонов, 1972] и «Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде» [Тихонов, 1974]. Исследования Тихонова послужили началом нового этапа в развитии теории словообразования, так называемого «гнездового бума», когда исследование словообразовательных процессов вышло на качественно новый уровень. В частности, это привело к разграничению «таких понятий, как словообразовательное, лексическое, грамматическое гнездо» [Казак, 2004].

Требование лексикологической классификации

Отношения между лексикографией и лексикологией всегда были неоднозначными, с тех пор как последняя начала выделяться и складываться в самостоятельную дисциплину. До сих пор существуют крайние взгляды: одни рассматривают лексикографию как раздел лексикологии наряду с ономастикой, этимологией и другими разделами, другие понимают ее как совершенно независимый от лексикологии раздел лингвистики, вплоть до отказа в научности и отнесения к ремесленным искусствам. В теоретическом отношении доминирование лексикологии особенно остро начало сказываться в утверждении требования строить лексикографию

как науку «о способах классификации словесного материала и его представления в словарях» [Дорошевский, 1973, с. 36]. В. Дорошевский говорит об интеграции различных языковых дисциплин, но понимает такую интеграцию, как построение четких иерархических отношений между ними, и при этом, хотя внешне и ставит лексикографию в позицию «в некотором смысле вышестоящую по отношению к лексикологии», но делает это за счет утверждения лексикографии на фундаменте лексикологии, то есть в зависимое от лексикологии положение.

Между тем, предположение о существовании в лексикологии универсальных теоретических решений всех словарных задач вызывает сомнение и давно ставится под вопрос авторами, демонстрирующими несостоятельность лексикологии как единственной теоретической основы лексикографии: «критикуемое понимание теории лексикографии основывается, как кажется, на мысли о том, что имеется некая общезначимая лингвистическая интерпретация языковых явлений, которую лексикографу остается только взять и использовать. ...Если обратиться к описаниям языка, как они излагаются в существующих общелингвистических трудах, нетрудно убедиться, что общезначимые решения в лингвистике скорее исключение, чем правило. Правилом же является нечто противоположное — наличие широкого спектра альтернативных, несходных и взаимно дополнительных точек зрения практически по каждому из существенных вопросов» [Морковкин, 1987, с. 34]. По сути, требуется особая лексикология, которую можно было бы назвать «словарной»: «языковые единицы и категории должны быть рассмотрены так, чтобы в самой их интерпретации содержалось указание на те блоки сведений, которые требуют обнаружения в ходе лексикографирования» [Морковкин, 1987, с. 34]. Согласно одному из подходов, сама разработка метаязыка лексикографического описания «с ориентацией на унифицирование» его способов и средств возможна только на базе обобщения опыта такого описания «в терминах семиотики, лексической и когнитивной семантики, текстологии, коммуникативной лингвистики», предполагающей помимо разработки типологии словарей выработку и закрепление в ней «соответствия между типом словаря и его метаязыком» [Табанакова, 2001, с. 21–22].

Кроме того, относительно лексикографии лексикология имеет ряд существенных ограничений; различия затрагивают и предметы двух дисциплин. Не все единицы, мыслящиеся как словарные слова, попадают в разряд объектов изучения лексикологии. Лексикология не занимается морфемами, а фразеология — в частности, как часть лексикологии, — не интересуется регулярными и тривиальными словосочетаниями [Ривелис, 2007, с. 297] и не исследует вопрос о границах между ними и их семантизирующей способности, и соответственно, о возможности и необходимости использования их в качестве иллюстрирующего словарного материала и т.д. «Очень важным является положение Л. В. Копецкого о том, что объектом лексикографии является весь словарный состав данного литературного языка, представленный прежде всего толковыми словарями. Лексикология, как и грамматика, оперирует чаще примерами, образцами, а теория лексикографии изучает то, как просто, наглядно и понятно отразить весь словарный состав языка» [Денисов, 1977, с. 38].

Требование строгой лексикологической классификации словарного материала может также поддерживаться и завышенными ожиданиями со стороны самих лексикографов-практиков и частично базироваться на этих ожиданиях, когда

теоретическое руководство со стороны лексикологии может ошибочно пониматься как пошаговая инструкция для каждого конкретного случая, которой лексикология действительно не располагает и не предлагает детализированных критериев для решения такого рода задач. В совокупности с принципом экономии места в словаре, отягощенным издательскими ограничениями на расход бумаги, так понятое требование строгой классификации сводится либо к общим и навязчивым двусторонним декларациям о необходимости строгой сортировки словарного материала по рубрикам словарной статьи, что на практике не всегда возможно, поскольку наталкивается на сопротивление ряда языковых явлений, в частности, такого, как *семантическая диффузия* [Шмелев, 1984, с. 94], либо к поиску однозначных критериев единственно правильного размещения в словаре загнездованных единиц в целях экономии словарного места, что лишает сам метод гнездования всякого исследовательского потенциала и значительно обедняет его иллюстративные и семантизирующие возможности. В итоге фундаментальная и неотменяемая задача статьи — «разъяснять заголовочное слово» [Розенталь, Теленкова, 2003, с. 453] и быть «зеркалом смысловой структуры слова» [Денисов, 1977, с. 26] — неявно выхолащивается и оказывается отодвинута на второй план.

Так или иначе, с необходимостью вернуться к решению этой фундаментальной задачи можно связать разработки таких лексикографических подходов к описанию языка как «интегральный» [Апресян, 1986] и «комплексный» [Тихонов и др., 2001]. В частности, нужно признать ее неотменяемый характер даже в случае с возвращением к решению такой задачи в парадигме структурализма (структурная лексикология) и генеративизма (трансформационная грамматика) через воссоздание остраненного «лексикографического портрета» при повышенном внимании к таким проявлениям классного уровня языка, как выделяемые автором «лексикографические типы» [Апресян, 1990, с. 70]. Основным объектом такого «интегрального» описания выступает «лексема в ограниченном номинативном значении» [Демич, Костыркин, 2018а; 2018б]. У англоязычных теоретиков лексикографии можно встретить аналоги этой категории, акцентирующие разные проявления такой лексемы: в качестве «смысловых объектов» (*meaning item*) с акцентом на лексической семантике объекта, или структурной категории «сублеммы» (*sub-lemma*) в качестве единицы, опосредующей макро- и микро-структуры словаря, выходящей на его медио-уровень [Hartmann, James, 1998, p. 32, 83, 94]. В «комплексном» подходе Тихонова в рамках теории мотивации и проблематики деривативного гнездования лексема рассматривается в своем традиционном понимании, когда подобно многозначному слову она может обладать собственным набором лексико-семантических вариантов разной степени мотивированности [Тихонов, 2005, с. 142]. С этим связаны существенные отличия двух подходов как в плане структурной модели словаря в целом, так и его имплицитного медио-уровня. Однако, оба предполагают высокую лексикографическую самостоятельность с упором на собственно лексикографические средства и методы исследования. По мнению Апресяна, лексикология может обеспечивать лексикографию, по крайней мере, своеобразными «полуфабрикатами» [Апресян, 1990, с. 73].

Традиционные лексикографические противоречия в преддверии электронного века

В лексикографии есть и другие традиционные противоречия. Это, прежде всего, связанные с выделением типов словаря, говоря словами Л. В. Щербы, его знаменитые «противоположения» (1939/1940) [Щерба, 1958]: словарь нормативный (современного языка) или дескриптивный (исторический), словарь лингвистический или энциклопедический, словарь литературного или разговорного языка, словарь толковый или переводной, словарь имен собственных или нарицательных и др. По мнению Л. Згусты, «Опыт общей теории лексикографии» Щербы стал первой попыткой создания полноценной классификации словарей разных типов [Zgusta, 1991, p. 38]. Однако в своих рассуждениях Щерба «не ограничивается словарной типологией, а также затрагивает ряд центральных лексикографических тем» [Farina, 1995b, p. 308]. Такой подход, связанный с выявлением лексикографических противоречий, стал впоследствии одним из важнейших направлений в дискуссиях по теоретической лексикографии.

Благодаря переводу в 14-м выпуске сборника «Новое в зарубежной лингвистике», в отечественную традицию были введены дополнительные противопоставления, выделяемые французскими исследователями А. Реем и С. Делесаль [Рей, Делесаль, 1983], часть из них, в сущности, является продолжением и уточнением «Опыта» Щербы. Французские теоретики анализируют противоречивость современных лексикографических описаний, вскрывая не только конфликтность, но и взаимодополнительность двух основных направлений гуманитарного знания, так или иначе связанных с языкознанием и обусловленных, соответственно, требованиями с одной стороны современной синхронной лингвистики (постсоссюрианской и постхомскианской), с другой — традициями классической филологии, продолженных, по мнению авторов, на французской почве Э. Ренаном и М. Фуко.

Следуя за выводами Рея и Делесаль, можно сказать, что некоторые типы словарей Щербы существуют только как идеальные модели, нереализуемые в чистом виде на практике, в действительности же каждый конкретный словарь такого идеального типа имеет в терминах «противоположений» Щербы гибридный характер. Так, в частности, противопоставление исторического и нормативного принципов в интерпретации Рея и Делесаль проявляет себя не только как внешнее противоречие историко-филологического и синхронно-лингвистического подходов, но оказывается заложено в саму структуру «словарей литературного языка» (*dictionnaire culturel*), стремящихся «согласовать не вполне совместимые друг с другом критерии» [Рей, Делесаль, 1983, с. 285] как при построении структурной модели всего словаря, так и при упорядочении отдельных значений в статье на микро-уровне. В основе конфликта исторического и нормативного принципа лежит то обстоятельство, что «[н]орма определяет не только специфические особенности употребления (такие, например, как в модели Якобсона), но и общую динамику слова» [Рей, Делесаль, 1983, с. 290].

Рей и Делесаль выделяют три подхода к гибридизации исторического и нормативного принципов при построении реальных словарей, упорядочивая их по степени корректности организации материала: 1) подход, основанный на «относительной панхронии», когда примеры систематизируются на основе грубой хронологической аппроксимации, приблизительно делятся по принадлежности к

нескольким периодам и оформляются разными способами (как в словаре Литтре); 2) регистрируются все лексические единицы, которые «анализируются единообразно с момента их первой письменной фиксации» (как «в больших исторических словарях германских языков — начиная с Оксфордского»); 3) «чисто эмпирический подход», направленный на то, чтобы «с одной стороны избежать панхронических заблуждений, а с другой — выделить для потенциального потребителя информацию, касающуюся языкового прошлого» (словарь Робера или «Большой Ларусс») [Рей, Делесаль, 1983, с. 274–275]. По мнению авторов, последняя смешанная модель наиболее последовательна, поскольку при помощи помет, таких, как «архаичное», «устаревшее», «классическое» словарю придается «более определенная дидактическая ориентация» [Рей, Делесаль, 1983, с. 275].

Типологию Рея и Делесаль можно легко распространить на традиционную японскую лексикографию, где гибридизация этих двух принципов имеет глубокие корни, и именно она вынужденно будет воспроизводиться в японско-русской лексикографии, ориентированной на филиацию значений в японских толковых словарях. Японской лексикографии всегда был свойственен естественно складывающийся комплексный подход, где не принято жестко делить словари на исторические и современные, а старая лексика регулярно включается в современные японские словари и большинство иллюстративного материала в этих словарях приводится из старых памятников [Алпатов, 1987, с. 43]. В сущности, это и есть еще один яркий пример схожей смешанной модели, хотя и с не всегда последовательным уходом от «панхронии», когда при отсутствии прямых стилистико-хронологических помет их роль выполняет отсылка к хрестоматийному каноническому тексту («Кодзиэн» [Shinmura, 2008]); фактически, такая отсылка является разновидностью пометы, поскольку в качестве «синкретического параметра» [Караулов и др., 1982, с. 8] в скрытом виде содержит в себе необходимую стилистическую и историческую характеристику, в той степени, в которой в качестве «побочного средства стилистической характеристики слов и словосочетаний» может выступать и удачно выбранная цитата, которая сама «подкрепляет стилистическую помету, а иногда и вполне заменяет ее» [Бабкин, 1977, с. 28]. Опыт национальной японской лексикографии требует учета еще и в том отношении, что в нем довольно наглядно проявляет себя хорошо угадываемый и схватываемый традицией глубинный и неотменяемый характер противоречия, в полной мере соответствующего, говоря словами Н. Д. Андреева, одному «из наиболее существенных, фундаментальных свойств [самого] языка», в силу которого он «одновременно оказывается синхронически стабильным и диахронически изменчивым», что и выражается, в итоге, в такой одной из его наиболее «диалектически противоречивых характеристик» [Андреев, 1976, с. 58].

Возвращаясь к истории отечественной академической традиции, можно заключить, что предварительное подведение итогов работы над 17-томным Словарем русского языка (1937–1965) и желание взглянуть на них с точки зрения противоположений Щербы привели составителей к теоретическому переосмыслению сущности самих эти антиномий. Прежде всего, из них стоит отметить две: кроме исторических и нормативных, также противопоставление толковых и энциклопедических словарей. В первом случае, изначальная установка Инструкции для составителей, исходящая из того, что «русская классическая литература является

неотъемлемым достоянием современной культуры» [Филин, 1958, с. 10] вошла в противоречие с другим очевидным и хорошо осознаваемым лексикографами фактом, что литературный язык XIX — начала XX в. содержит массу лексики, стоящей «вне пределов словарных норм современного литературного языка» [Филин, 1958, с. 10]. В итоге, необходимость совместить историзм с нормативностью привела к появлению еще одного, не совсем последовательного структурно типа гибридизации этих двух принципов посредством введения в структуру статьи специального раздела исторической справки, усложненных помет и в отдельных случаях этимологического принципа упорядочения значений [Тезисы, 1966, с. 3, 5, 17].

Что касается второго противопоставления, то конфликт филологического и энциклопедического принципов описания словарного материала существовал на протяжении всей истории составления академических словарей русского языка, где были «примеры совершенно безудержного “наивного” энциклопедизма (Словарь Академии Российской), и полного его отрицания (Словарь 1847 г.)» [Кутина, 1976, с. 20]. Это скрытое противоречие, впервые явно сформулированное Щербой, начало осознаваться как теоретическая проблема и стало предметом обсуждения в 1930-е гг. в кругу составителей толкового словаря под ред. Д. Н. Ушакова. Также немаловажную роль в формулировке этой проблемы сыграло и участие самого Щербы в составлении последних опубликованных томов «Словаря русского языка» под ред. А. А. Шахматова (1891–1937) и в работе над первыми томами будущего 17-томного Словаря в довоенный период. Одним из результатов этих дискуссий стало сознательное отторжение энциклопедического принципа при составлении филологических словарей [Кутина, 1976, с. 20]. Позже, при работе над 17-томным словарем в послевоенные годы, выяснилось, что это противоречие с большим трудом снимается выбором типа словаря или редакционной политики [Тезисы, 1966, с. 11], будучи не менее глубинным, чем в предыдущем случае, и связанным с «противоречивым единством значения и понятия», диалектический характер которого привлекал внимание еще Потебни [Ковтун, 1977, с. 208]. Оно проявляется в том, что, «становясь общенародным», значение термина «непременно обретает свойство “тривиальности”» [Ковтун, 1977, с. 211], «попадая из сферы научного употребления в общий язык, термины упрощают и видоизменяют свои значения, а терминологические значения слов нередко становятся базой для создания значений общенародных» [Ковтун, 1955, с. 75], в результате чего «термин надо обрабатывать как слово и слово как термин» [Денисов, 1974, с. 204]. Так, в частности, было выявлено «то в высшей степени примечательное обстоятельство, что в общем языке (и даже в обиходной его форме) получают языковую реализацию не только обиходные понятия, но и понятия научные» [Тезисы, 1966, с. 21], описание которых «по существу своему энциклопедично» [Тезисы, 1966, с. 22; Ковтун, 1977, с. 214], но которые также «нуждаются в лингвистическом описании» [Ковтун, 1977, с. 215].

Анализируя конфликт между филологическим принципом описания единиц в словарях, называемых «толковыми», в которых продолжает «паразитировать» энциклопедизм, Рей и Делесаль приходят к схожим выводам, что он связан с противоречивыми свойствами определенной лексики, которая требует в конечном итоге смешанных моделей описания [Рей, Делесаль, 1983, с. 296–297].

В целом, выводы по итогам масштабной словарной работы над 17-томным Словарем русского языка вплотную приближались к таким требованиям по

организации хранения словарной информации и по работе с ней, которые по сути предвосхищали подходы информатики [Тезисы, 1966, с. 7–8], и могли реализоваться только в эпоху компьютерной лексикографии. Это и разработка новых способов классификации и систематизации лексико-фразеологического материала, и прежде всего, идея создания универсальной словарной картотеки, по многим параметрам соответствующей такой, на базе которой становится возможной реализация замыслов Андрющенко, когда в электронном виде «традиционное разнообразие типов словарей преобразуется в разнообразие режимов их эксплуатации» [Андрющенко, 1988].

Дискуссия чешских и словацких русистов

Своеобразным отголоском разработки Л. В. Щербой оснований теории лексикографии, предполагавшей при подготовке словарей деление словарного запаса на активный и пассивный [Ривелис, 2007, с. 137; Денисов, 1974, с. 4, 114], можно считать расхождение между так называемыми Братиславской и Пражской лексикографической школами [Берков, 1973, с. 117]. Пражская школа оформилась вокруг лексикографического отделения Чехословацко-советского института под руководством проф. Л. В. Копецкого и акад. Б. Гавранка; работой братиславского лексикографического центра руководил проф. А. В. Исаченко [Изучение, 1956, с. 154], воспитавший «целую плеяду лексикографов, которые продолжили его работу и углубили теорию двуязычной лексикографии» [Ярошова, 2013, с. 874]. Обе точки зрения соответствуют двум известным в лексикографии «основным и противоборствующим подходам к построению двуязычного словаря» [Ривелис, 2007, с. 127]. Расхождение выявилось в ходе дискуссии, проходившей в 1952 г. в Братиславе и которая «указала на основные различия в понимании структуры словарной статьи в двуязычном словаре между братиславскими и чешскими русистами» [Ярошова, 2013, с. 877]. Братиславский лексикографический сборник [Peciar, 1953], где были опубликованы материалы дискуссии, стал «одной из первых работ современной теоретической лексикографии в Европе» [Ярошова, 2013, с. 877].

На этой конференции 1952 г. «братиславская группа отчетливо сформулировала принцип своей концепции двуязычного словаря (использование переводных эквивалентов и членение заголовочного слова на основании эквивалентов, а не смысловой структуры исходного слова)» [Ярошова, 2013, с. 877]. В частности, один из братиславцев, Л. Дюрович, утверждал, что «членить лемму надо по “переводным значениям”... коих есть ровно столько, сколько существует несинонимических эквивалентов в выходном языке» [Ďurovič, 1961, p. 83; Ривелис, 2007, с. 255]. Понятие «переводного значения», положенное в основу братиславского подхода, было разработано Исаченко [Ривелис, 2007, с. 129, 255]. Парадоксальным образом, в своей практической работе над Словацко-русским [Isačenko, 1951] и Русско-словацким [Čulenová et al., 1952] словарями в целом Исаченко «исходил из концепции Л. В. Щербы и опирался на принципы, примененные Л. В. Щербой в его “Русско-французском словаре”» [Ярошова, 2013, с. 874].

Пражский подход считается классическим в той степени, в которой он предполагает классический способ филиации значений в двуязычном словаре [Берков, 1973; 1977; Копецкий, 1958; 1973; 1974; Фельдман, 1957], в котором лемма «должна быть представлена в принципе так же, как в толковом словаре» [Ривелис, 2007, с. 127]: в той

степени, в которой каждое слово «в каждом конкретном языке обладает своей самостоятельной смысловой структурой (простой или сложной), независимо от того, каким количеством эквивалентов весь объем его значения может быть передан в каком-либо другом языке», при филиации оно соответственно «членится на значения только в соответствии со своей смысловой структурой — независимо от того, каким количеством переводящих эквивалентов его значения передаются в выходном языке словаря» [Берков, 2004, с. 117]. Этот же подход традиционно принят и в отечественной японистике [Фельдман, 1957; Фельдман-Конрад, 1970].

Самостоятельное и безусловное использование братиславского подхода приводит к возникновению эффекта обратной интерференции — либо к излишнему дроблению значений при дивергенции входного языка с выходным, либо к их неоправданному схлопыванию при конвергенции, отвечающих не реальной внутриязыковой полисемии входного языка, а полисемии конфронтативной, возникающей на границе языков вследствие описания исходного языка средствами языка целевого [Косериу, 1989, с. 74; Штернеманн и др., 1989, с. 158–159]. Однако, при соответствующих ограничениях, некоторой доработке и согласовании с классическими методами, он мог бы найти свое корректное и эффективное применение для решения определенного рода задач.

Предварительные итоги

Подводя предварительные итоги, нужно отметить, что с разделением пространства хранения и представления словарных данных в цифровой среде, вместе с новыми возможностями для решения рассмотренных выше традиционных проблем возникают и новые вызовы. Их осмысление современными лексикографами продолжает начатую Л. Щербой традицию выявления лексикографических парадоксов. В этих рассуждениях особое место занимает идея «словарных проекций», введенная в отечественную лексикографию В. М. Андрющенко применительно к задачам автоматизации обработки словарных данных. Анализу этих проблем будет посвящена вторая часть публикации.

В цифровой среде возможна системная работа с медио-уровнем словаря, что позволяет использовать новые техники лексикографирования: метод каскадного цитирования и прием построения псевдолексических проекций. Реализация этих техник при разработке файлового формата словарной оболочки «Лексикотроника» по-своему развивает идею словарных проекций. В третьей, заключительной части публикации будут рассмотрены теоретические вопросы использования предлагаемых методов. В основе альтернативного псевдолексического описания лежит использование адаптированного «братиславского» подхода, примиряющего теоретический конфликт чешских и словацких лексикографов и позволяющего при конфронтативном сравнении нейтрализовать эффект обратной межъязыковой интерференции. Эта техника дает дополнительное преимущество — возможность обойти жесткие требования строгой лексикологический классификации с учетом препятствий, вызываемых явлениями семантической диффузии. Другая техника — метод межстатейного цитирования позволяет в электронном словаре заменить традиционное гнездование глубоко структурированным каскадом межстатейных цитат и, таким

образом, решить проблему экономии места в словаре, переосмыслив ее, исходя из задач экономии читательского внимания.

Особые требования при обращении к медио-уровню словаря предъявляет проблема электронной гибридизации нормативного и исторического словарей. Как теперь ясно из архивных источников, широкое обсуждение итогов работы над 17-томным академическим словарем русского языка оказало заметное влияние на выработку критериев отбора словника Японско-русского словаря 1984 г. [Демич, Костыркин, Шаляпина, 2019, с. 169]. Составители академического 17-томника, отталкиваясь от анализа словаря исторического типа, делают вывод, что такой тип неизбежно требует обращения к полевой модели языка с нормативным ядром. Выстраивая типологию гибридных моделей больших словарей общей лексики, французские лексикографы Рей и Делесаль приходят к аналогичным заключениям о том, что нормативный словарь такого класса возможен только с известной уступкой историчности. Параллелизм этих рассуждений лишний раз подтверждает насущность более детальной проработки методов подобной гибридизации. В заключении третьей части будет предложен опыт осмысления возможных решений этой задачи с помощью современных вычислительных средств и обоснована надежность использования Японско-русского словаря 1984 г. в качестве содержательного ядра при составлении расширенной версии словаря в электронном формате.

Литература / References

Алпатов В. М. О специфике японских словарей // Головнин И. В., Гривнин В. С. (ред.). *Язык и культура. Новое в японской филологии*. М., 1987. С. 40–49 [Alpatov V. M. Some Features of Japanese Dictionaries // Golovnin I. V., Grivnin V. S. (eds.). *Language and Culture. Recent Advances in Japanese Philology*. Moscow, 1987. Pp. 40–49 (in Russian)].

Андреев Н. Д. Квазилингвистика Хомского (О причинах неудачи порождающих грамматик) // *Вопросы языкознания*. 1976. № 5. С. 58–73 [Andreev N. D. Quasilinguistics of Chomsky (Why Generative Grammars Fail) // *Voprosy yazykoznaniya*. 1976. 5. Pp. 58–73 (in Russian)].

Андрющенко В. М. Автоматизация в лексикографии. Современное состояние и новые возможности. // *Советская лексикография*. М., 1988. С. 201–224 [Andryushchenko V.M. Automation in Lexicography // *Sovetskaya leksikografiya*. Moscow, 1988. Pp. 201–224 (in Russian)].

Апресян Ю. Д. Интегральное описание языка и толковый словарь // *Вопросы языкознания*. 1986. № 2. С. 57–70 [Apresian Yu. D. Integrative Description of Language and an Explanatory Dictionary // *Voprosy Yazykoznaniya*. 1986. 2. Pp. 57–70 (in Russian)].

Апресян Ю. Д. Лексикографический портрет глагола «выйти» // *Вопросы кибернетики. Язык логики и логика языка*. М., 1990. С. 70–96 [Apresian Yu. D. A Lexicographic Portrait of the Verb "vyiti" // *Voprosy kibernetiki. Iazyk logiki i logika iazyka*. Moscow, 1990. Pp. 70–96 (in Russian)].

Бабкин А. М. Слово в контексте и словаре // *Современная русская лексикография, 1976*. Л., 1977. С. 3–35 [Babkin A. M. Word in Context and in Dictionary // *Sovremennaya russkaya leksikografiia, 1976*. Leningrad, 1977. Pp. 3–35 (in Russian)].

Берков В. П. *Вопросы двуязычной лексикографии (словник)*. Л., 1973 [Berkov V. P. *Issues of Bilingual Lexicography (word list)*. Leningrad, 1973 (in Russian)].

Берков В. П. *Слово в двуязычном словаре*. Таллин, 1977 [Berkov B. P. *Word in Bilingual Dictionary*. Tallin, 1977 (in Russian)].

Берков В. П. *Двуязычная лексикография. Учебник*. 2-е изд., перераб. и доп. М., 2004 [Berkov V. P. *Manual of Bilingual Lexicography*. 2nd ed. Moscow, 2004 (in Russian)].

Гладка З., Мартинцова О. Традиция и современность в чешской лексикографии // *Славянская лексикография*. М., 2013. С. 727–757 [Hladka Zd., Martincová O. Tradice a současnost české lexikografie // *Slavic Lexicography*. Moscow, 2013. Pp. 727–757 (in Russian)].

Даль В. И. *Толковый словарь живого великорусского языка*. 3-е изд. доп. И. А. Бодуэном-де-Куртенэ. Т. 1. СПб., 1903 [Dal V. *Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language*. 3rd ed. Saint-Petersburg, 1903 (in Russian)].

Дашкова Е. Р. *Записки княгини: Воспоминания. Мемуары*. М., 2009 [Dashkova E. P. *Memoirs of the Princess Daschkaw, Written by Herself*. Moscow, 2009 (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания // *Тезисы докладов межинститутской научной конференции «Востоковедные чтения 2018». Лексикология и лексикография*. М., 2018(а). С. 17–18 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. Japanese Word in Electronic Dictionary: The Categories of Lemma, Lexeme, Vocabulary Item and Headword within Lexicographic Structures // *Abstracts of the inter-institute scientific conference "Oriental Reading 2018". Lexicology and Lexicography*. Moscow, 2018(a) (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В. Японское слово в электронном словаре: Категории леммы, лексемы, словарного и заголовочного слова в структуре словарного описания // *Востоковедные чтения 2018. Лексикология и лексикография*. Вып. 19. М., 2018(б). С. 166–178 [Demich K. I., Kostyrkin A. V. Japanese Word in electronic dictionary: the categories of lemma, lexeme, vocabulary item and headword within lexicographic structures // *"Oriental Reading 2018". Lexicology and Lexicography*. Vol. 19. Moscow, 2018(б) (in Russian)].

Демич К. И., Костыркин А. В., Шаляпина З. М. *Исследования по японско-русской электронной лексикографии*. Вып. 1. М., 2019 [Demich K. I., Kostyrkin A. V., Shalyapina Z. M. *Studies in Japanese-Russian Electronic Lexicography*. Vol. 1. Moscow, 2019 (in Russian)].

Денисов П. Н. *Очерки по русской лексикологии и учебной лексикографии*. М., 1974 [Denisov P. N. *Outlines of Russian Lexicology and Pedagogical Lexicography*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Денисов П. Н. Типология учебных словарей // Денисов П. Н., Морковкин В. В. (ред.). *Проблемы учебной лексикографии*. М., 1977. С. 23–42 [Denisov P. N. The Typology of Learner's Dictionaries // Denisov P. N., Morkovkin V. V. *Matters of Pedagogical Lexicography*. Moscow, 1977. Pp. 23–42 (in Russian)].

Дорошевский В. *Элементы лексикологии и семиотики*. М., 1973 [Doroszewski W. *Elements of Lexicology and Semiotics*. Moscow, 1973 (in Russian)].

Зализняк А. А. Рец. на: Mélanges linguistiques, publiés a l'occasion du VIIIe Congrès International des linguistes à Oslo, du 5 au 9 auôt 1957. Édition de l'Académie de la Rép. Popul. Roumaine. Bucarest, 1957 // *Лексикографический сборник*. Вып. 3. М., 1958 [Zaliznyak A. A. Review on: Mélanges linguistiques... // *Leksikograficheskij sbornik*. Vol. 3. Moscow, 1958 (in Russian)].

Иванова Т. Ф. «Частичное гнездование» слов в учебном толковом словаре для иностранцев // Денисов П. Н., Морковкин В. В. *Проблемы учебной лексикографии*. М., 1977. С. 72–83 [Ivanova T. F. «Incomplete Nesting» of Words in Student's Explanatory Dictionary for Foreigners // Denisov P. N., Morkovkin V. V. *Matters of Pedagogical Lexicography*. Moscow, 1977 (in Russian)].

Изучение русского языка в Чехословакии за последние десять лет // *Вопросы языкознания*. 1956. № 1. С. 152–155 [Russian Language Study in Czechoslovakia in the Last Decade // *Voprosy Yazykoznaniya*. 1956. 1. Pp. 152–155 (in Russian)].

Йирачек Йиржи. Рец. на: Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B. Russian derivational dictionary. New York, 1970 // *Sborník prací Filozofické fakulty brněnské univerzity. A. Řada jazykovědná*. Vol. 21, Issue A20. Brno, 1973. Pp. 247–250 [Jiraček Jirži. Review on: Worth D. S., Kozak A.

S., Johnson D. B. Russian Derivational Dictionary. New York, 1970 // *Collected Papers of the Faculty of Arts, Brno University*. Vol. 21, Issue A20. Brno, 1973. Pp. 247–250 (In Russian)].

Казак М. Ю. *Интегративная теория словообразовательного гнезда: грамматическое моделирование; квантитативные аспекты; потенциал; прогнозирование*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Белгород, 2004 [Kazak M, Yu. *Integrative Theory of a Word-Formative Nest: Grammatical Modelling, Quantitative Aspects, Potential, Prognosis*. Belgorod, 2004 (in Russian)].

Караулов Ю. Н., Молчанов В. И., Афанасьев В. А., Михалев Н. В. Анализ метаязыка словаря с помощью ЭВМ. М., 1982 [Karaulov Yu. N., Molchanov V. I., Afanasyev V. A., Mikhalev N. V. *Analysis of Dictionary Meta-Language with the Help of a Computer*. Moscow, 1982 (in Russian)].

Ковтун Л. С. О значении слова // *Вопросы языкознания*. 1955. № 5. С. 65–77 [Kovtun L. S. On the Meaning of Word // *Voprosy Yazykoznaniya*. 1955. 5. Pp. 65–77 (in Russian)].

Ковтун Л. С. Соотношение эстетического и логического компонентов в лексической номинации // Серебренников Б. А. (ред.). *Языковая номинация. Общие вопросы*. М., 1977. С. 207–229 [Kovtun L. S. On the Correlation of Esthetical and Logical Components in Lexical Nomination // Serebrennikov B. A. (ed.). *Language Nomination. General Issues*. Moscow, 1977. Pp. 207–229 (in Russian)].

Копецкий Л. В. Двуязычный словарь славянских языков (на материалах русско-чешского и чешско-русского словарей) // *Вопросы языкознания*. 1958. № 3. С. 77–89 [Kopeckij L. V. Bilingual Dictionary of Slavic Languages (the Case of Russian Czech and Czech-Russian Dictionaries) // *Voprosy Yazykoznaniya*. 1958. 3. Pp. 77–89 (in Russian)].

Копецкий Л. В. Актуальные вопросы лексикологии и лексикографии в свете современных лингвистических теорий // Ružička J., Poldauf I. (eds.). *Slova a slovník: Zborník referátov z lexikologicko-lexikofrafickej konferencie v Smoleniciach*. Bratislava, 1973. Pp.39–54 [Kopeckij L. V. Actual Issues of Lexicology and Lexicography in the Light of Contemporary Linguistic Theories. // Ružička J., Poldauf I. (eds.). *Slova a slovník: Zborník referátov z lexikologicko-lexikofrafickej konferencie v Smoleniciach*. Bratislava, 1973. Pp. 39–54 (in Russian)].

Копецкий Л. В. О статье двуязычного славянского словаря // Филин Ф. П. и др. (ред.). *Вопросы исторической лексикологии и лексикографии восточнославянских языков*. М., 1974. С. 15–21 [Kopeckij L. V. On an Entry in a Bilingual Slavic Dictionary // Filin F. P. et al. (eds.). *Issues of Historical Lexicology and Lexicography of East Slavic Languages*. Moscow, 1974. Pp. 15–21 (in Russian)].

Косериу Э. Контрастивная лингвистика и перевод: их соотношение // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXV. М., 1989. С. 63–81 [Coseriu E. Contrastive Linguistics and Translation: Their Correlation // *New in Foreign Linguistics*. Vol. 25. Moscow, 1989. Pp. 63–81 (in Russian)].

Кутина Л. Л. Термин в филологических словарях (к антитезе: энциклопедическое — филологическое) // *Проблематика определений терминов в словарях разных типов*. Л., 1976. С. 19–29 [Kutina L. L. The Term in Philological Dictionaries (Towards the Antithesis: encyclopedic — philologic) // *On Term Definition Problem in Dictionaries of Different Types*. Leningrad, 1976. Pp. 19–29 (in Russian)].

Морковкин В. В. Об объеме и содержании понятия «теоретическая лексикография» // *Вопросы языкознания*. 1987, № 6. С. 33–42 [Morkovkin V. V. On Extension and Intention of the “Theoretical Lexicography” Concept // *Voprosy Yazykoznaniya*. 1987. 6. Pp. 33–42 (in Russian)].

Рей А., Делесаль С. Проблемы и антиномии лексикографии // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. 14. *Проблемы и методы лексикографии*. М., 1983. С. 261–300 [Rey A., Delesalle S. Problemes et conflits lexicographiques // *New in Foreign Linguistics*. Vol. 14. Moscow, 1983. Pp. 261–300 (in Russian)].

Ривелис Е. *Как возможен двуязычный словарь*. Стокгольм, 2007 [Rivelis E. *How Is the Bilingual Dictionary Possible*? Stockholm, 2007 (in Russian)].

Розенталь Д. Э., Теленкова М. А. *Справочник по русскому языку. Словарь лингвистических терминов*. М., 2003 [Rozental D. E., Telenkova M. A. *Russian Language Guide. Linguistic Terms Dictionary*. Moscow, 2003 (in Russian)].

Словарь Академии Российской (1789–1794). Т. 1. СПб., 1789 [*Russian Dictionary of Academy (1789–1794)*. T. 1. Saint Petersburg, 1789 (in Russian)].

Табанакова В. Д. *Идеографическое описание научной терминологии в специальных словарях*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. Тюмень, 2001 [Tabanakova V. D. *Ideographic Description of Scientific Terminology in Specialized Dictionary*. Tyumen, 2001 (in Russian)].

Тезисы докладов на совещании, посвященном итогам работы над «Словарем современного литературного языка» (1948–1965 гг.) и перспективам работы над словарями современного русского литературного языка. 18–22 апреля 1966 г. Л., 1966 [*Brief Outline Reports at Summing up Meeting on the "Dictionary of Modern Standard Russian" Project (1948–1965) and Prospects on Modern Standard Russian Dictionaries Development. 1966, April 18–22*. Leningrad, 1966 (in Russian)].

Тихонов А. Н. *Проблемы составления гнездового словообразовательного словаря современного русского языка*. Самарканд, 1972 [Tikhonov A. N. *On Compilation of a Nesting Word-Formation Dictionary of Contemporary Russian*. Samarkand, 1972 (in Russian)].

Тихонов А. Н. *Формально-семантические отношения слов в словообразовательном гнезде*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1974 [Tikhonov A. N. *Formal Semantic Relations of Words in a Word-Formative Nest*. Moscow, 1974 (in Russian)].

Тихонов А. Н., Тихонова Е. Н., Тихонов С. А., Чупашева О. М., Зуева М. Ю. *Комплексный словарь русского языка*. М., 2001 [Tikhonov A. N., Tikhonova E. N., Tikhonov S. A., Chupasheva O. M., Zuyeva M. Yu. *Complex Dictionary of Russian Language*. Moscow, 2001 (in Russian)].

Тихонов А. Н. *Лексическое гнездо в современном русском языке*. М., 2005 [Tikhonov A. N. *Lexical Nest in Contemporary Russian Language*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Фельдман Н. И. Об анализе смысловой структуры слова в двуязычных словарях // *Лексикографический сборник*. Вып. 1. М., 1957. С. 9–35 [Feldman N. I. On Sense Discrimination in Bilingual Dictionaries // *Lexicographic Collection*. Vol. 1. 1957. Pp. 9–35 (in Russian)].

Фельдман-Конрад Н. И. *Вопросы японско-русской лексикографии*. Диссертация на соискание ученой степени доктора филологических наук. М., 1970 [Feldman-Konrad N. I. *The Matters of Japanese-Russian Lexicography*. Moscow, 1970 (in Russian)].

Филин Ф. П. Состав словника (отбор слов) // *Инструкция для составления «Словаря современного русского литературного языка» (в 15 томах)*. М.–Л., 1958. С. 10–17 [Filin F. P. On Word-list Selection // "*Dictionary of Modern Standard Russian" (in 15 Volumes). Lexicographer's Manual*. Moscow, Leningrad, 1958. Pp. 10–17 (in Russian)].

Филин Ф. П. О новом толковом словаре русского языка // *Известия АН СССР*. Отделение литературы и языка. Т. XXII. Вып. 3. М., 1963. С. 177–189 [Filin F. P. On the New Russian Explanatory Dictionary // *Izvestiya AN SSSR*. T. 12. Vol. 3. Moscow, 1963. Pp. 177–189 (in Russian)].

Цейтлин Р. М. *Краткий очерк истории русской лексикографии*. М., 1958 [Zeitlin R. M. *A Brief Outline of the Russian Lexicography*. Moscow, 1958 (in Russian)].

Чернышев В. И. (ред.). *Словарь современного русского литературного языка в 17 томах*. Т. 1, 4. М.–Л., 1950, 1955 [Chernyshev V. I. *Dictionary of Modern Standard Russian in 17 volumes*. T. 1, 4. Moscow, Leningrad, 1950, 1955 (in Russian)].

Шмелев Д. Н. *Проблемы семантического анализа лексики (на материале русского языка)*. М., 1984 [Shmelev D. N. *On Semantic Analysis of Lexis (the Case of Russian Language)*. Moscow, 1984 (in Russian)].

Штернеманн Р. и др. Введение в контрастивную лингвистику // *Новое в зарубежной лингвистике*. Вып. XXV. М., 1989. С. 144–178 [Sternemann R. et al. Introduction to Contrastive Linguistics // *New in Foreign Linguistics*. Vol. 25. Moscow 1989. Pp. 144–178 (in Russian)].

Щерба Л. В. Опыт общей теории лексикографии // *Избранные работы по языкознанию и фонетике*. Т. 1. Ленинград, 1958. С. 54–91 [Scherba L. Towards a General Theory of Lexicography // *Selected Works on Linguistics and Phonetics*. T. 1. Leningrad, 1958. Pp. 54–91 (in Russian)].

Ярошова А. Словацкая лексикография // *Славянская лексикография*. М., 2013. С. 863–879 [Yaroshova A. Slovak Lexicography // *Slavic Lexicography*. Moscow, 2013. Pp. 863–879 (in Russian)].

Berkov P. V. A Modern Bilingual Dictionary — Results and Prospects // *Proceedings of the 3rd EURALEX International Congress*. Budapest, 1988. Pp. 97–106.

Čulenová E., Ďurovič L., Isačenko A., Lapárová V., Malíková O., Sásiková M. *Príručný slovník rusko-slovenský*. Bratislava, 1952.

Ďurovič Ł. Ekvivalent v dvojjazyčnom slovníku // *Lexikografický sborník. Materiály z porady o prekladových slovníkoch, ktorá bola 13-16 októbra 1959 v Piešt'anoch*. Bratislava, 1961. Pp. 78–88.

Farina D. M. T. Cr. Marrism and Soviet Lexicography // Kachru Braj B., Kahanet H. (eds.). *Cultures, Ideologies, and the Dictionary. Studies in Honor of Ladislav Zgusta*. Tübingen. 1995. Pp. 153–170.

Farina D. M. T. Cr. L. V. Shcherba's "Opyt": A Contribution to Theoretical Lexicography // *International Journal of Lexicography*. Vol. 8, Issue 4, 1 Dec. 1995. Pp. 304–313.

Hartmann R. R. K., James G. *Dictionary of Lexicography*. London, New York, 1998.

Isačenko A. V. *Slovensko-rusky prekladový slovnik, diel I, A–O*. Bratislava, 1951.

Levitzky L. D. Bilingual Dictionaries: Suggestions. // *Melanges linguistiques*. Bucharest, 1957. Pp. 249–256.

Peciar Š. (red.). *Lexikografický zborník. Materiály z l. celoštátnej konferencie lexikografov*. Bratislava 1952. Bratislava, 1953.

Shinmura I. (ed.). *Kojien* (Japanese Dictionary). 6th ed. Tokyo, 2008 [広辞苑. 新村出編, 第六版. 東京, 2008. (in Japanese)].

Tarp S. Theoretical Challenges in the Transition from Lexicographical p-Works to e-Tools // Granger S., Paquot M. (eds.). *Electronic Lexicography*. Oxford, 2012. Pp. 108–118.

Zgusta L. Typology of Etymological Dictionaries and V. I. Abaev's Ossetic Dictionary // *Lexicographica: International Annual for Lexicography*. 1991. 7. Pp. 38–49.

Электронные ресурсы / Electronic sources

Lew R. Space Restrictions in Paper and Electronic Dictionaries and Their Implications for the Design of Production Dictionaries. // Bański P., Wójtowicz B. (eds.). *Issues in Modern Lexicography*. München, 2011. URL: https://repozytorium.amu.edu.pl/bitstream/10593/799/1/Lew_space_restrictions_in_paper_and_electronic_dictionaries.pdf (дата обращения 23.05.2019).

РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ В. В. НАУМКИНА «НЕСОСТОЯВШЕЕСЯ ПАРТНЕРСТВО. СОВЕТСКАЯ ДИПЛОМАТИЯ В САУДОВСКОЙ АРАВИИ МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ»

В. Я. Белокреницкий*

В прошлом году, юбилейном для Института востоковедения РАН, вышла в свет новая книга его научного руководителя Виталия Вячеславовича Наумкина, действительного члена Российской Академии наук, доктора исторических наук, профессора, лауреата Государственной премии РФ в области науки за 2018 г., главного редактора ряда периодических изданий, в том числе, «Вестника Института востоковедения РАН». Ниже предлагается рецензия на книгу «Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами» (М.: Институт востоковедения РАН, 2018), в которой делается попытка сжать богатую информацию, содержащуюся в издании, выделив наиболее интересные с точки зрения рецензента линии и акценты анализа.

Ключевые слова: СССР, Саудовская Аравия, история дипломатии.

REVIEW OF THE MONOGRAPH OF VITALY V. NAUMKIN "THE PARTNERSHIP FAILED. SOVIET DIPLOMACY IN SAUDI ARABIA BETWEEN WORLD WARS"

Vyacheslav Ya. Belokrenitsky

Last year, which was a Jubilee Year for the Institute of Oriental Studies, RAS, saw the publication of a new book written by its academic leader Vitaly V. Naumkin, the full member of the Russian Academy of Sciences, Doctor of Sciences(History), Professor, Laureate of the State Prize in the field of science for 2018, chief editor of several academic magazines (including *The Journal of the Institute of Oriental Studies, RAS*). In the review of the said monograph, the author tries to digest the rich information of the book, highlighting the most interesting alleys and viewpoints of analysis from his point of view.

Keywords: USSR, Saudi Arabia, history of diplomacy.

Рецензируемая монография В. В. Наумкина обладает многими достоинствами, среди которых выделяются многоплановость и многоаспектность исследования, широкое использование архивных документов, главным образом из Архива внешней политики РФ (АВП РФ), а также из архива британского Форин-офиса, уважительный, хотя подчас и критический подход к

* Вячеслав Яковлевич БЕЛОКРЕНИЦКИЙ, доктор исторических наук, профессор, зав. Центром изучения стран Ближнего и Среднего Востока Института востоковедения РАН, Москва; enitsky@yandex.ru

Vyacheslav Ya. BELOKRENITSKY, DSc (History), Professor, Head of the Centre for the Study of Near and Middle Eastern Countries, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; enitsky@yandex.ru

написанному коллегами, богатый и выразительный иллюстративн7ый фотоматериал (часть фотографий была специально приобретена для данной монографии в *Getty Images*), филигранная тщательность примечаний, посвященных, как правило, жизненному пути многих известных и не слишком известных советских и иностранных политиков и дипломатов. Сразу отмечу, что книга представляет большой интерес не только для арабистов и специалистов по международным отношениям на Ближнем Востоке, но и для более широкого круга читателей, в том числе знатоков и любителей отечественной истории раннего советского периода.

В короткой рецензии попробую остановиться на некоторых из отмеченных особенностей книги. Речь пойдет, прежде всего, о многогранности исследования, наличии в нем нескольких проблемно-тематических пластов, сложно переплетенных и органично взаимосвязанных. Первый — это сама история советско-саудовских отношений в 1920-х–1930-х гг., тяжелая, подчас героическая работа советских дипломатов, работавших в изнуряющем климате и находившихся под давлением как местной обстановки, так и требований из Москвы; второй — ситуация на Ближнем Востоке в последние годы Первой мировой войны и после ее окончания, социально-политический строй в Аравии, борьба за королевство Хиджаз, его завоевание правителем Неджда Абдель Азизом ибн Саудом, дипломатические контакты и внешнеполитические связи объединенного королевства и третий — внешняя политика СССР на саудовском и — шире — ближневосточном направлении, различия точек зрения в советском руководстве на значение связей с Саудовской Аравией и Востоком вообще, известные противоречия между ведомствами, проводившими внешнеполитический курс Москвы.

Основываясь на богатейшем фактическом материале по первому из условно выделенных тематических пластов или планов повествования, легко выявляются три главных этапа в эволюции дипломатических отношений между СССР и королевством Хиджаз (с 1932 г. — Саудовским королевством) — начальный, с 1923–1924 до 1927–1928 гг., когда после принятия Москвой принципиального решения об установлении официальных отношений с Хиджазом, они развивались по нарастающей, срединный, в целом успешный, продолжавшийся до 1932–1933 гг., и завершающий, когда двусторонние связи угасали и полностью сошли на нет в 1937–1938 гг. (дипотношения не были формально разорваны, но по решению саудовского короля прекращены в апреле 1938 г.) [Наумкин, 2018, с. 446].

Исследуя начальный этап, автор подчеркивает, что установление дипотношений с Хиджазом, или, как писалось в принятой тогда орфографии «Геджасом», было и их восстановлением, поскольку в царское время с 1890 по 1914 гг. Россия поддерживала консульские отношения с правителем области в границах Османской империи, где располагались главные святыни мусульманского мира — города Мекка и Медина, и куда совершали паломничество российские мусульмане. Стоит отметить в связи с этим, что автор делится с читателем планами продолжить работу над давно интересующей его темой, работая над еще одной книгой, посвященной России и Аравии до Первой мировой войны [Наумкин, 2018, с. 8].

Главное действующее лицо этапа зарождения двусторонних отношений с советской стороны — первый «дипломатический агент и генеральный консул» в Джидде, уроженец Башкирии, революционер, участник Гражданской войны, по ее

окончании перешедший на службу в Народный комиссариат по иностранным делам (НКИД) Керим Абдрауфович Хакимов. В книге излагается его биография, помещены фотография и Анкетный лист, хранящиеся в АВП РФ [Наумкин, 2018, с. 89–93]. Как подчеркивает автор, К. А. Хакимов заложил основы отношений с Хиджазом, в первое время после его приезда находившемся под властью королей из хашимитского рода шерифов Мекки. Первому представителю Москвы пришлось по ходу пребывания в столице Хиджаза, портовом городе Джидда, налаживать отношения с Ибн Саудом, сменившим хашимитов в качестве правителя королевства, и с этим деликатным и нелегким делом он успешно справился. Москва оказалась первой столицей, признавшей Ибн Сауда главой нового государства, что позволило Хакимову стать дуайеном (старейшиной) дипломатического корпуса в Джидде [Наумкин, 2018, с. 142–143].

К 1927 г., когда его настойчивые просьбы о замене в связи с ухудшением здоровья были удовлетворены, связи с королевством (точнее двумя государствами — Хиджазом и Недждом с присоединенными областями) опирались на прочный фундамент. К. А. Хакимов и после отъезда, оправившись от болезней, продолжал эпизодически участвовать в поддержании контактов с саудовским государством. Еще работая там, он подготовил тщательно продуманный проект полноценного договора между Джиддой и Москвой. Генконсул очень хотел, чтобы договор оказался первым, заключенным королем с иностранной державой. Разработанный Хакимовым договор, на время «положенный под сукно» [Наумкин, 2018, с. 171], лег в основу подготовленного НКИД в апреле 1927 г. секретного доклада с предложением заключить договор. Его текст, хранящийся в АВП РФ, опубликован в книге В. В. Наумкина [Наумкин, 2018, с. 208–213]. Договор, кстати, не был вынесен на рассмотрение саудовской стороны, скорее всего, из-за осложнившейся для СССР в том году международной обстановки — разрыву Лондоном торговых и дипломатических отношений с Москвой (с. 216).

Со сменившим Хакимова казахом Назиром Тюрякуловичем Тюрякуловым связан второй и третий этапы в эволюции двусторонних отношений. Получив назначение в 1927 г., он прибыл в Джидду и приступил к работе лишь летом следующего 1928 г. Ему, как и его предшественнику, а также временно исполнявшему обязанности генконсула Юсуфу Туйметову, удалось наладить отношения с королем, его правительством, и, что очень важно, с дипломатическими представителями ряда других стран — прежде всего Великобритании, но также Франции, Италии, Нидерландов, Турции и Персии. Вплоть до начала 1930-х гг. отношения между двумя государствами развивались достаточно успешно. В 1930 г. был повышен статус представительства — дипломатический агент и генконсул стали соответственно полномочным представителем и чрезвычайным посланником [Наумкин, 2018, с. 343]. Между тем, иностранные конкуренты и местные недоброжелатели препятствовали установлению нормальных торговых связей между Страной Советов и королевством, и вплоть до 1933 г. сохранялся дискриминационный режим в отношении поставок советских товаров.

По причине охватившего капиталистический мир в 1929–1933 гг. экономического кризиса Саудовское королевство остро нуждалось в деньгах (главным их источником были совершавшие хадж паломники, число которых в кризисные годы

сократилось) и серьезно рассчитывало на финансовую поддержку Советского Союза. СССР был включен в программу европейского турне, которое сын Абдель Азиза, эмир Фейсал, занимавший в правительстве пост министра иностранных дел, совершил летом 1932 г. Фейсал был принят в СССР на самом высоком уровне, но, как подчеркивается в книге, положительного результата визит не принес, поскольку по неизвестным причинам «советское правительство не пошло на предоставление кредита королевству» [Наумкин, 2018, с. 391]. После этого начался упомянутый спад; двусторонний договор так и не был заключен, тогда как западные страны подписали его одна за другой [Наумкин, 2018, с. 441]. Усилия Н. Т. Тюрякулова, продолжавшего пользоваться расположением короля и его министров, разбивались о равнодушие и недовольство Москвы, где готовилась почва для расправы над дипломатом. В январе 1936 г. его освободили от работы, а в 1937 г. арестовали и впоследствии расстреляли. Такая же трагическая участь постигла и Хакимова, и Туйметова, и ряд других сотрудников миссии, приезжавших туда ненадолго, в частности М. М. Аксельрода, автора содержательных статей и научных работ об Аравии, перешедшего из НКИД на работу в Иноотдел ОГПУ (Объединенного государственного политического управления, вошедшего в 1934 г. в состав НКВД) [Наумкин, 2018, с. 105–107, 434–435, 441–442].

Особенности предыстории и истории Саудовского королевства и его специфика (второй пласт исследования) охарактеризованы в книге сжато и емко, в высшей степени профессионально. Образцово осветив традиционную социальную структуру в аравийских обществах, состоявших из членов племен и жителей городов, отметив частые войны и набеги, межплеменную и внутриплеменную рознь, господство «патронажно-клиентельной» системы, В. В. Наумкин касается истории дома светских правителей — Саудидов, установивших в XVIII в. взаимовыгодный союз с «популярным богословом и проповедником» Абдель Ваххабом, создателем крайне ригористического, пуританского учения. В книге отмечается, что его последователи не любят слово «ваххабиты», предпочитая называть себя «единобожниками» (*муваххидун*), сторонниками истинного монотеизма [Наумкин, 2018, с. 14].

После разгрома в начале XIX в. первого саудидского государства в середине того же столетия возникло второе, а в начале XX в. — третье, во главе с молодым (родился в 1880 г.) Абдель Азизом. Центр его власти находился к западу от Хиджаза, в отделенной от нее горами области Неджд. В 1902 г. Абдель Азиз отобрал главный город области Эр-Рияд у соперников Рашидидов, пользовавшихся покровительством Османской Турции. В союзе с поддерживающими его ваххабитскими улемами (богословами) Абдель Азиз принялся насаждать истинный ислам среди арабов-бедуинов, кочевавших «в почти необитаемых» пустынях вокруг оазисов Неджда. На этой волне возникло движение *ихванов*, братьев по истинному единобожию. Господство Османов в Аравии к началу Первой мировой войны приобрело во многом формальный характер, а во время войны их место заняла Англия, признавшая договором 1915 г. власть Ибн Сауда над Нежддом и рядом присоединенных областей (Эль-Хаса и др) [Наумкин, 2018, с. 17–18].

Правивший в Хиджазе «великий шериф» Мекки Хусейн бин Али в том же 1915 г. получает от англичан заверения, что они готовы поддержать его усилия по созданию единого арабского хашимитского королевства. В ответ Хусейн инициировал восстание арабских племен против турок, чем помог ослабить их сопротивление английским и французским войскам [Наумкин, 2018, с. 26–28]. Между тем, по тайному

договору Антанты 1916 г., известному как «договор Сайкс-Пико», обнародованному большевиками вскоре после прихода к власти и часто ныне вспоминаемому в отечественной литературе, подчиненный до войны Османам арабский мир планировалось разделить между Англией и Францией. Царская Россия, как отмечает автор, не была полноценным участником договора, хотя ей отводилась «доля пирога» в грядущей добыче в виде включения в ее состав Константинополя и ряда прилегающих к Черноморским проливам районов [Наумкин, 2018, с. 41]. В. В. Наумкин уверен, что, вступая в мировую войну, Россия не преследовала экспансионистских целей: она никогда не участвовала в походах европейцев на Восток, «о чем помнят и что высоко ценят в арабском мире» [Наумкин, 2018, с. 42].

Соглашаясь в целом с авторской трактовкой, нельзя все же не заметить, что наделять имперскую Россию какими-то особыми свойствами, отличающими ее от других колониальных держав, кажется не вполне убедительным. Вопрос о специфике российского колониализма как принадлежащего «интеграционному (сухопутному) типу» [см: Гайдар, 2005] продолжает быть дискуссионным, и автор имеет полное право занять по этому поводу определенную позицию. Он пишет, что большинство наших современных историков, скорее всего, согласится с тем, чтобы считать российскую экспансию на Восток особым случаем, сыгравшим позитивную роль в культурно-экономическом развитии окраин империи [Наумкин, 2018, с. 50]. Но то же самое, видимо, можно сказать и о колониализме других метрополий, хотя способ установления имперской власти по морю или по суше, безусловно, накладывал определенный отпечаток на форму колониальной власти.

В книге, между прочим, приводятся и резкие оценки российского колониализма, которые долгое время давались руководителями СССР. Показателен отрывок из выступления Н. С. Хрущева на сессии Генеральной Ассамблеи ООН в 1960 г., в котором, в частности, говорится: «Царское правительство проводило на окраинах России по существу колониальную политику, которая мало чем отличалась от того, что и сейчас можно наблюдать в колониальных странах. Узбеков, казахов, таджиков и другие нерусские национальности пренебрежительно называли “инородцами”. Их не считали за людей и нещадно эксплуатировали» [Наумкин, 2018, с. 49–50].

После опубликования Советской Россией тайных договоров, «великий шериф» Хусейн затаил обиду на англичан, что, впрочем, не помешало его сыновьям, Абдалле и Фейсалу, стать королями созданных ими по окончании войны Трансиордании и Ирака. Меньше повезло еще одному сыну Хусейна — Али, которому великий шериф уступил престол правителя Хиджаза в 1925 г. Под ударами ихванов Ибн Сауда власть хашимитов в Хиджазе к тому времени держалась на волоске. Заняв сначала Мекку и разрушив там все могилы, кроме могилы Пророка, воины Ибн Сауда в декабре 1925 г. заняли Джидду. Абдель Азиз был провозглашен королем Хиджаза, оставаясь султаном Неджда и присоединенных областей. Автор указывает на необычность возникшего государства, остроумно называя его «аравийским кентавром». Вскоре оно была ослаблено (султанат Неджда превратился в королевство), а затем и вовсе устранено с провозглашением через шесть лет королевства Саудовской Аравии.

В. В. Наумкин детально прослеживает создание и совершенствование системы управления в «двусубъектном» государстве Ибн Сауда, его продуманные шаги по «подтягиванию» Неджда до уровня Хиджаза, который сам преобразуется в

административном и социальном отношении до образцов, достигнутых в других частях тогдашнего арабского мира. Освещает он и роль иностранцев в системе управления, выделяя среди них сирийца Юсуфа Ясина, ливанца Фуада Хамсу, египтянина Хафиза Вахбу и других [Наумкин, 2018, с. 162–164]. Влиянием на короля пользовались не только выходцы из арабских стран, но и европейцы, в частности, англичанин Сент-Джон Филби, отец прославившегося впоследствии советского разведчика-нелегала Кима Филби [Наумкин, 2018, с. 164–166].

Привлекает внимание автора и вопрос о судьбе халифата на всемусульманском конгрессе в Мекке. Отмечу, что этот, как и другие сюжеты, связанные с историей королевства, затрагиваются им в тесной связи с основной темой — деятельностью нашей дипмиссии в Джидде и шире — в связи с политикой Москвы, оказавшейся на стороне тех, кто не осуждал ваххабитов за их ригоризм и «варварство» и поддерживавшей Ибн Сауда. Такая позиция вытекала из антибританских установок НКИД во главе с Г. В. Чичериным (см. ниже).

В вопросе о наследии ликвидированного светскими турецкими властями в 1924 г. халифата (с 1516 г. халифом был османский султан), выявились, как хорошо показано в книге, две линии — проанглийская и саудовская, независимая от британской. Англичане организовали проведение под своей эгидой оказавшегося малопредставительным конгресса в Каире, где пытались решить вопрос о новом халифе, а Абдель Азиз созвал всемусульманский конгресс в Мекке летом 1926 г. В нем приняла участие делегация советских мусульман из семи муфтиев во главе с руководителем Центрального духовного управления в Уфе Р. Фахретдиновым. Второй по величине после делегации государства Ибн Сауда (16 человек) оказалась индийская делегация (12 человек). Как можно понять из приводимых в книге документов, индийские мусульмане выступали в числе наиболее последовательных сторонников «исламского интернационала», и провал этой идеи Москву порадовал [Наумкин, 2018, с. 202]. Стоит, наверное, заметить, что халифатистское движение в Индии, пережив бурный подъем в 1919–1922 гг., когда мусульмане, выступавшие в защиту Османского халифа от посягательств Англии, получили широкую поддержку со стороны немусульман, испытало затем острый кризис и размежевание в своих рядах. Из антиколониального оно превратилось отчасти в силу, которую англичане, тогда господствовавшие в Индии, могли использовать в своих интересах [История Востока, 2006, с. 323–324].

Образование «двуглавого» королевства не положило конец его внутренним распрям. Говоря словами автора, «несмотря на усиление позиций короля, расслабляться ему было рано» [Наумкин, 2018, с. 301]. К тяжелой экономической ситуации, которая отмечалась выше, в 1929 г. добавился мятеж племен. В книге приводится почти без комментариев хранящийся в АВП РФ политотчет полпреда Н. Т. Тюрякулова от марта 1930 г. о «восстании Давиша» (по имени его предводителя) [Наумкин, 2018, с. 301–305]. Ибн Сауду удалось справиться с вооруженным выступлением, что укрепило авторитет его власти и престиж правительства за рубежом. Но социальные и экономические проблемы не оставляли королевство вплоть до окончания Второй мировой войны.

Едва ли не самым по-прежнему актуальным представляется третий проблемно-тематический пласт монографии В. В. Наумкина, связанный с внешней политикой Советского Союза, в частности, с политикой Москвы на Востоке, прежде всего, на

Ближнем Востоке и в мусульманском ареале. Определенное представление о ней в рецензии уже дано, но увлекательность и значимость книги раскрывается через детали внешнеполитического курса и судьбы конкретных людей, его определявших и проводивших. Начать нужно с фигуры Георгия Васильевича Чичерина, которому автор по справедливости отводит ведущее место среди тех, кто проложил дорогу для прихода (или возвращения) России в Аравию. Г. В. Чичерину, второму после Л. Д. Троцкого наркоминделу сначала РСФСР, а затем СССР, отведено немало места в книге, прослежен его «путь аристократа в революцию», отмечены такие личные качества, как одержимость работой, привычка трудиться по ночам и тем «напрягать» подчиненных. С некоторым удивлением читаешь о неприязненных отношениях и жестком соперничестве Чичерина с его заместителями — М. М. Литвиновым и Н. Н. Крестинским [Наумкин, 2018, с. 67].

В. В. Наумкин отмечает, что Г. В. Чичерина считали «англофобом, германофилом и туркофилом, что, конечно, было сильным преувеличением» [Наумкин, 2018, с. 69]. При этом автор признает, что эмоции играли свою роль в жестких антианглийских позициях наркома. После Лозаннской конференции 1922–1923 гг., где Чичерин резко полемизировал с английским министром иностранных дел лордом Керзоном, именно эмоции подвигли его положительно отреагировать на желание короля Хиджаза Хусейна наладить отношения с Москвой [Наумкин, 2018, с. 73].

Кстати, привлекает внимание интересная деталь в работе НКИД времен Чичерина. В структуре НКИД было всего два территориальных, позднее — территориально-политических отдела: Запада и Востока с рядом подотделов [Наумкин, 2018, с. 50]. Но на восточное направление нарком смотрел в основном через призму борьбы с главным соперником — Великобританией, поэтому в задачи наших представителей в Хиджазе входил сбор информации о деятельности и планах англичан. Им предписывалось вести себя с ними корректно, избегая возможных провокаций. Особенно осторожно пришлось им действовать после упомянутого выше разрыва Великобританией отношений с СССР в мае 1927 г. [Наумкин, 2018, с. 216], связанного с деятельностью «левых» в Коминтерне и напоминавшего о том, что НКИД был не единственной структурой, проводившей советскую внешнюю политику. Деятельность Коммунистического интернационала, образованного в 1919 г., на первых порах была особенно значительной.

Вместе с тем, и в дальнейшем советская политика строилась исходя не только из прагматических, государственных интересов, но и из соображений идеологических — распространения революционной, коммунистической идеологии. После неудач, которые коммунисты потерпели в Европе (Германии, Венгрии), взоры Москвы обратились на Восток; существенное влияние на формирование ее внешнеполитической линии оказывал Коминтерн, где преобладали левацкие настроения людей вроде индийца М. Н. Роя, стремившихся к радикальным преобразованиям любой ценой. К концу 1920-х гг. левая тенденция подвергается внутрипартийной критике, в частности, со стороны И. В. Сталина, и уступает более умеренной.

Кризис 1927 г., как отмечается в книге, сказался на отношениях с Ибн Саудом «не так сильно», поскольку, в частности, его государство квалифицировалось идеологически как «патриархально-феодальное», где нет перспектив для

революционной работы. Трудные времена, которые переживала наша дипломатия в конце 1920-х гг. (отношения с Англией были восстановлены осенью 1929 г.), мешали проведению курса НКИД. Г. В. Чичерин переживал в это время, по словам В. В. Наумкина, «серьезный личный кризис», связанный как с ухудшением здоровья, так и с глубоким разочарованием из-за укрепления личной власти Сталина, первых репрессий и безуспешности попыток профессионально выстроить работу НКИД. В 1930 г. последовала его отставка, а жизнь закончилась в 1936 г. в Москве, где, страдая от болезней, он вел затворнический образ жизни [Наумкин, 2018, с. 325–327].

Правой рукой Чичерина по работе со странами Востока, как следует из книги, был Л. М. Карахан. Именно ему в основном направлялись депеши полпреда Н. Т. Тюрякулова из Джидды, он отвечал на запросы, а иногда и отчитывал Тюрякулова за качество информации или перебои с получением почты. На рубеже 1920–1930-х гг. едва ли не основной проблемой для наших дипломатов в Хиджазе стала торговля. И здесь интересы НКИД переплетались и порой вступали в противоречие с интересами наркомата внешней торговли (НКВТ). Автор книги не отрицает возможность появления элементов коррупции в деятельности торговых органов, тесно связанных операциями с зарубежными контрагентами. Вредил и узкий подход НКВТ, ставящего во главу угла экономический аспект. Именно об этом свидетельствует, в частности, излагаемое в книге содержание записки секретаря дипмиссии Ш. Измайлова о решении наркомата закрыть в 1934 г. «персидскую линию СФТ» (советского торгового флота), соединявшую Одессу с Хиджазом, как убыточную [Наумкин, 2018, с. 411–412].

Важным достижением советской дипломатии в борьбе за саудовский рынок, пишет автор, стала сделка по продаже в королевство нефтепродуктов. В мае 1931 г. представитель Востгосторга подписал в Джидде соглашение о продаже 60 тыс. ящиков бензина и 40 тыс. ящиков керосина на общую сумму около 10 тыс. долларов [Наумкин, 2018, с. 368–369]. В связи с ухудшением финансового положения королевства в 1932 г. и условиями договора, предусматривающего уплату неустойки, вопрос о «нефтяном долге» саудовского королевства приобрел в дальнейшем немалое значение. Он был, в частности, успешно использован нашей дипломатией для давления на саудовское правительство с целью отмены дискриминационных ограничений на советскую торговлю мукой и нефтепродуктами [Наумкин, 2018, с. 403–404].

Это давление тщательно отслеживалось английскими представителями в Джидде, что следует из хранящихся в архиве Форин-офис депеш в Лондон британского полпреда Э. Райана. В книге помещены факсимиле некоторых документов и переведенные выдержки из конфиденциальных документов англичан. Из них, между прочим, видно, что советский импорт угрожал интересам торговцев зерном и мукой из Индии и Австралии, торговле нефтепродуктами британским монополистом фирмой «Шелл» и американцам [Наумкин, 2018, с. 406–410].

В связи с последним хочется заметить, что в книге редко упоминаются Соединенные Штаты Америки. В этом, однако, вина не автора, который, в частности, отмечал: «Похоже, в Москве не придавали значения событию, которому суждено было в корне изменить судьбу королевства. В 1931 г. американский миллионер Крейн согласился предоставить Ибн Сауду заем для проведения работ по поиску водных и минеральных ресурсов» [Наумкин, 2018, с. 354]. Не заметили, судя по всему, советские дипломаты и предоставленной королем в 1933 г. концессии американской «Стандард

ойл». Между тем, по сведениям известного западного историка Н. Фергюсона, в продвижении американских интересов активную роль играл упоминавшийся выше Сент-Джон Филби, и его «предательство» интересов родной империи в немалой степени обеспечило преобладание американских нефтяных компаний над британскими [Ferguson, 2004, p. 268].

Такое невнимание к делам в Саудовской Аравии было, очевидно, во многом связано с изменениями, произошедшими в НКИД после отставки Г. В. Чичерина. Третьего наркома, Максима Максимовича Литвинова, как пишет автор, Восток почти совсем не интересовал. В какой-то степени это было естественно, поскольку главные события разворачивались в Европе. В 1934 г. Л. М. Карахана назначили полпредом в Турцию, что еще больше ослабило внимание к деятельности Н. Т. Тюрякулова и советско-саудовским отношениям. Карахана, как и многих других полпредов в 1937–1938 гг. репрессировали, аппарат НКИД подвергся чистке [Наумкин, 2018, с. 435–436]. М. М. Литвинова репрессии не затронули, хотя в 1939 г. на посту наркома его сменил В. М. Молотов, сохранивший за собой руководство Совнаркомом. Сталин до конца доверял Литвинову и дал ему умереть в своей кровати в 1951 г. Это, однако, не помешало его потомкам стать убежденными противниками режима личной власти [Наумкин, 2018, с. 337].

Нет сомнения, что монография В. В. Наумкина размером почти в 40 печатных листов — свидетельство его колоссальной работоспособности, глубокой эрудиции и живого интереса к историческому материалу. Зная о других сторонах научной деятельности автора (а краткий список работ помещен в монографии на с. 454–455) приходится только поражаться широте и разносторонности его научного таланта. В книге, между прочим, находит отражение такая авторская черта, как особое внимание к людям-носителям опыта той эпохи, о которой он пишет. Еще в конце 1980-х гг. автор взял интервью у уникального человека, С. В. Матюшкина, который почти два года в 1930–1932 гг. проработал секретарем советского полпредства в Джидде. Рассказ о его деятельности и долгой, почти столетней жизни [Наумкин, 2018, с. 261–265], а также о встречах с А. И. Ступаком, упоминаемым в депеше Н. Т. Тюрякулова от марта 1930 г. [Наумкин, 2018, с. 259], как и некоторые сопоставления и заключения автора вытягивают нить повествования, доводя ее до наших дней.

Закончить рассказ о советско-саудовских отношениях в 1920–1930-х гг. хотелось бы словами В. В. Наумкина из яркого эпилога: «Эта книга, в которой автор поставил перед собой задачу рассказать о достижениях советской дипломатии в Аравии в период между мировыми войнами, возможно, получилась несколько грустной. Но я не хотел превратить ее ни в панегирик, ни в мартиролог. То, как работали наши отечественные дипломаты, разведчики и востоковеды, всегда вызывало у меня чувство восхищения, и я надеюсь, что его разделит со мною читатель» [Наумкин, 2018, с. 451–452]. И еще одна цитата: «В начале марта 1938 г., после нескольких лет поисков, американские геологи обнаружили в восточной части королевства гигантские залежи нефти. Такие проблемы, как выплата «нефте-керосиновых» долгов или покупка энергоресурсов, перестали быть головной болью для Ибн Сауда, оказавшегося правителем страны, в которой находится четверть мировых запасов «черного золота» [Наумкин, 2018, с. 453].

Список литературы / References

Гайдар Е. Т. *Долгое время. Россия в мире. Очерки экономической истории.* М., 2005 [Gaidar E. T. *The Long Time. Russia in the World. Essays in Economic History.* Moscow, 2005 (in Russian)].

История Востока. Т. V. *Восток в новейшее время (1914–1945).* Отв. ред. Р. Г. Ланда. М., 2006 [*History of the East.* Vol. V. Landa R. G. (ed.). *East in the Modern Time (1914–1945).* (in Russian)].

Наумкин В. В. Несостоявшееся партнерство. Советская дипломатия в Саудовской Аравии между мировыми войнами. М., 2018 [Naumkin V. V. *The Partnership Failed. Soviet Diplomacy in Saudi Arabia between the World Wars.* Moscow, 2018 (in Russian)].

Ferguson N. *Empire. The Rise and Demise of the British World Order and the Lessons for Global Power.* New York, 2004.

РЕЦЕНЗИЯ НА: В. А. МАТВЕЕНКО «ЭКЗИСТЕНЦИАЛЬНО-ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ ЯПОНИИ ПЕРИОДА НАРА (VII–VIII ВВ.)»

С. А. Полхов*

В рецензии подвергаются критическому рассмотрению положения кандидатской диссертации В. А. Матвеенко «Экзистенциально-онтологические основания политической культуры Японии периода Нара (VII–VIII вв.)»[1]. Отмечается отсутствие определения понятия «политическая культура» и проблематичность отнесения к ней категории *макото* (истинное) в данной работе. Показывается неудовлетворительное применение диссертантом теории Л. Болтански и Л. Тевено.

Ключевые слова: Древняя Япония, Нара, политическая культура, Люк Болтански, Лоран Тевено, ва, макото.

REVIEW: “EXISTENTIAL-ONTOLOGICAL FOUNDATIONS OF THE POLITICAL CULTURE OF JAPAN IN THE NARA PERIOD (7TH–8TH CENTURIES)” (PHD DISSERTATION BY V. A. MATVEENKO)

Svyatoslav A. Polkhov

The review gives a critical assessment of the thesis “Existential-Ontological Foundations of the Political Culture of Japan of the Nara period (7th–8th cc.)”. The absence of the definition of the notion “political culture” in the thesis is stated. The problematic character of attributing to “political culture” the category of *makoto* (true) is noticeable in this work. The author of the thesis made an unsuccessful attempt to apply the theory of L. Boltanski and L. Theveno in his study.

Keywords: Ancient Japan, Nara, Political Culture, Luc Boltanski, Laurent Thévenot, *wa*, *makoto*.

Как известно, развитие научного знания в XX в. прошло под знаменем междисциплинарного синтеза, который оказался весьма плодотворным, породил новые исследовательские направления и привел к взаимному

---

* Святослав Александрович ПОЛХОВ, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; cjr-ran@yandex.ru

Svyatoslav A. POLKHOV, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; cjr-ran@yandex.ru

[1] Место защиты диссертации Валентина Александровича Матвеенко на соискание ученой степени кандидата философских наук — ФГАОУ ВО «Дальневосточный федеральный университет» (Диссертационный совет Д 999.075.03). Научный руководитель — Д. В. Конончук, официальные оппоненты — д.иск. Е. С. Штейнер, к.ф.н. М. В. Бабкова.

Отзывы на кандидатские и докторские диссертации и их авторефераты регулярно публикуются в российских научных периодических изданиях, см. например: «Российский ежегодник предпринимательского (коммерческого) права», «Вестник Томского государственного университета», «Современное право» и т. д.

обогащению категориального аппарата и методологии гуманитарных дисциплин. Однако применение понятий и методов разных наук в одном труде должно исходить из определенных правил, нарушение которых приводит к отрицательному результату. Так, если исследование проводится на стыке философии, истории и некоторых других наук, теории и понятия, которыми оперирует автор, должны быть приложимы к материалу исторических источников. Представляется, что одной из главных проблем рассматриваемой в рецензии диссертационной работы является неадекватность теоретических концепций, на которые опирается диссертант, конкретике привлеченных им исторических источников.

Диссертация В. А. Матвеенко состоит из введения, трех глав, заключения, приложения и списка литературы. Соискатель ученой степени в своем исследовании использует методы ряда дисциплин, в том числе философии, социологии, истории. Обозначив в названии темы хронологические рамки, автор анализирует исторические источники (хроники, своды законов, поэтические антологии и др.).

Необходимо отметить, что ранее в отечественном японоведении действительно не изучались «экзистенциально-онтологические основания» политической культуры древней Японии (VII–VIII вв.). Формулировка темы выглядит вполне оригинальной, но автору, как представляется, не удалось выстроить стройной и логически выверенной системы аргументации, провести адекватный анализ источников и прийти к выводам, имеющим эвристическую ценность.

Автор в начале работы подчеркивает актуальность избранной темы: «Мы предполагаем, что именно особенность глубинных экзистенциально-онтологических интуиций, свойственная традиционной японской культуре и выраженная в ее интеллектуальной традиции, во многом определяет и политическую культуру древней Японии, некоторые черты которой актуальны и по сей день» [Матвеенко, 2019, с. 2]. Сохранение значимых особенностей политической культуры древности в современной Японии выглядит утверждением, не подкрепляемым развернутой аргументацией. Диссертант также игнорирует кардинальные изменения в социальной, политической, экономической структуре, в идеологии и менталитете японцев с древности до настоящего времени. Автор утверждает: «…Действия законодательных сводов и политических доктрин, принятых в то время, формально никто не отменял до Реставрации Мэйдзи (1868—1889), что позволяет нам говорить о Нара как об истоке японского политического мышления» [Матвеенко, 2019, с. 134] [2] . По мнению диссертанта, формальное сохранение законодательных сводов будто бы говорит о длительном существовании японской политической культуры в ее традиционной форме. Между тем аргумент, которому В. А. Матвеенко придает столь большое значение, неубедителен. Хотя кодексы периода Нара никто специально не упразднял до Реставрации Мэйдзи, они в значительной степени перестали действовать уже в период Хэйан (794–1185). Тогда были приняты законы *кяку* и *сики*, сильно видоизменившие государство *рицурё:*, перестала функционировать надельная система и система рекрутской военной повинности и т. д. В эпохи Камакура и Муромати после появления военного правительства (*бакуфу*) кодексы периода Нара утратили ощутимое влияние на социально-политические процессы, их тексты были понятны узкой группе законоведов,

[2] Аналогичным по смыслу тезисом автор открывает свой труд [Матвеенко, 2019, с. 4].

работавшей при императорском дворе в Киото, а политическая культура самурайства, которое образовало второй центр власти в период Камакура, а затем стало определять социально-политическое развитие страны в Средние века, никак не была связана с их содержанием. Автор так и не смог доказать часто повторяемый тезис: «Способ осуществления политики в Японии просуществовал в традиционной форме до Реставрации Мэйдзи (1868–1889)» [Матвеенко, 2019, с. 19].

Автор пишет: «Действия законодательных сводов, принятых в то время, никто не отменял на государственном уровне вплоть до периода Мэйдзи (1868–1912), потому что предполагалось, что все последующие законы являются своего рода дополнениями к существовавшим с VII в.» [Матвеенко, 2019, с. 21]. Слово «предполагалось» из приведенной цитаты подразумевает, что японские законодатели последующего времени осознавали принимаемые ими новые законы как дополнение к сводам *рицурё:*. Подобная установка должна была бы отражаться в тексте законов, в преамбулах к ним и других источниках. Между тем данные источников опровергают указанный выше тезис В. А. Матвеенко. Знаменитый кодекс периода Камакура «Госэйбай сикимоку» (1232 г.), введенный по инициативе *сиккэн* (фактического правителя Японии) Хо:дзё: Ясутоки, не рассматривался как дополнение к сводам периода Нара. *Сэнгоку даймё:*, японские князья периода политической раздробленности конца XV–XVI вв., могли видеть в своих уложениях дополнение к «Госэйбай сикимоку», но никак не к сводам VIII в. Практически ни один крупный законодательный памятник XIII — середины XIX вв., относившийся к праву воинов (*букэ-хо:*), которое стало играть определяющую роль в жизни страны, не считался и не был дополнением к сводам VIII в.

Как указывается в работе В. А. Матвеенко, «объектом исследования является политическая культура Японии периода Нара (VII–VIII вв.)». «Предметом исследования является экзистенциально-онтологическое содержание категорий, лежащих в основании политической культуры Японии того же периода. Цель исследования состоит в философском прояснении экзистенциально-онтологического содержания категорий, лежащих в основании политической культуры Японии периода Нара (VII–VIII вв.), понимаемой как опыт общежития и заботы об общем благе, концептуально выраженный в ее национальной мыслительной традиции», — указывает автор [Матвеенко, 2019, с. 12].

Несмотря на то, что понятие «политическая культура» является для работы ключевым, используется при формулировке главной цели и задач исследования, автор нигде не приводит его трактовок в современной науке. Это является существенным недостатком работы и затрудняет понимание выводов автора. Дело в том, что существуют, по меньшей мере, три подхода к истолкованию «политической культуры»: 1) совокупность всех духовных явлений в мире политики; 2) типичные образцы поведения человека в политической сфере; 3) система поведенческих ценностей [Политология: учебник, 2008, с. 432–433; Пугачев, Соловьев, 2005, с. 307]. Разнообразие трактовок обязывало автора дать и обосновать свое определение этого понятия. Кроме того, желательно было бы привести перечень категорий, которые ученые обычно относят к политической культуре Японии периода Нара.

В числе важнейших положений, которые В. А. Матвеенко вынес на защиту, первым по счету идет следующее утверждение: «Политическая культура периода Нара является политической культурой деонтологического типа, что приводит к активному

включению этических категорий в область политического» [Матвеенко, 2019, с. 16]. Автор в заключении повторяет в несколько иной формулировке эту мысль, считая ее, по-видимому, важным результатом своих изысканий: «..Мы можем говорить о характере японской традиционной политической культуры как о деонтологическом, т. е. рассматривать ее как аксиологическую, фокусирующую свое внимание на вопросах выбора правильных форм политического правления, правильной политической практики, политических идеалов и политического блага» [Матвеенко, 2019, с. 135]. Между тем деонтологический характер политической культуры древней Японии, как и практически политической культуры любой другой эпохи и страны, самоочевиден и не нуждается в обосновании. Деонтологический подход в политической философии, как известно, основное внимание уделяет политическим идеалам, ценностям и нормам, представлениям об идеальном правлении и политическом благе. Любая политическая культура по своему определению — это ценности и ориентации, диктующие политическое поведение. Обратимся к дефиниции политической культуры в «Новой философской энциклопедии»: «Система исторически сложившихся политических традиций, убеждений, ценностей, идей и установок практического политического поведения, обеспечивающая воспроизводство политической жизни общества на основе преемственности» [3] . Значит, априори любая политическая культура в некоторой степени деонтологична. Как деонтология соизмеряет действия человека с этическими принципами, так и в любом варианте политической культуры есть представление о плохом и хорошем правлении, должном и недолжном политическом поведении. Иными словами, политическая культура не может не быть деонтологичной, одна из ее общественных функций — аксиологическая, и доказывать это нет необходимости. Так в политической мысли древнего Рима был артикулирован образ идеального гражданина (*vir bonus*), в Греции и Риме сформулированы учения об идеальном государственном устройстве и идеальном правителе и т. д. [Утченко, 1977, с. 141–222].

Конфуцианская этика и китайская политическая традиция, сформировавшие политическую культуру Японии периода Нара, насквозь деонтологичны — они содержат этические, аксиологические нормы, детерминировавшие поведение индивида в обществе и государстве. Таким образом, упомянутое положение, выносимое диссертантом на защиту, на самом деле не нуждается в обосновании.

Автор пытается применить наработки представителей так называемой «прагматической социологии» (Люк Болтански и Лоран Тевено) для постижения политической культуры периода Нара: «Для анализа суждений и представлений о должном устройстве общества в качестве методологии мы возьмем модель “патриархального града”, которую предлагают в своем труде “Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов” Л. Болтански (род. 1940) и Л. Тевено (род. 1949)» [Матвеенко, 2019, с. 33].

Л. Болтански и Л. Тевено полагают, что некоторые произведения политической философии определяют связи между людьми в обществе. Они называют их «грамматиками» политической связи, которые люди используют, вынося суждения о справедливости или несправедливости в конфликтных ситуациях [Болтански, Тевено,

[3] Политическая культура // *Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН.* URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec8847219e418510e4f8ec (дата обращения 07.06.2019).

2013, с. 115]. Согласно Л. Болтански и Л. Тевено, в современном обществе наличествует шесть «градов», «в основе которых лежат принципы величия, в соответствии с которыми определяется положение человека в каждом из миров». Принцип того или иного града выражен в конкретном произведении политической философии: 1) мир «вдохновенный» (Августин. «О граде Божьем»); 2) мир «патриархальный» («Политика» Боссюэ); 3) мир «репутационный» (Гоббс. «Левиафан»); 4) мир гражданский («Общественный договор» Руссо); 5) мир рыночный («Богатство народов» Адама Смита); 6) мир «индустриальный» («Индустриальная система» Сен-Симона). Вышеупомянутые социологи считают, что каждый из нас одновременно существует в нескольких (или даже во всех) указанных выше мирах-градах [Наумова, 2014, с. 248]. В. А. Матвеенко пытается показать, что «Уложение» принца Сё:току-тайси из 17 статей (604 г.) — произведение «политической философии», которое лежит в основе «патриархального града», каковым, по его мнению, является японское общество периода Нара. Однако Л. Болтански и Л. Тевено требуют, чтобы основополагающее произведение политической философии представляло бы тот или иной град **в систематической форме.** «Богатство народов» Адама Смита или «О граде Божьем» Августина — достаточно большие по объему сочинения, в то время как «Уложение» Сё:току-тайси умещается на нескольких страницах (без комментариев) и не содержит систематического изложения принципов, относящихся к «патриархальному» по классификации Л. Болтански и Л. Тевено «граду». Это набор наставлений правителя для сановников, а не трактат в виде системы идей. Поэтому В. А. Матвеенко неверно оценивает «Уложение», оно на деле не может быть квалифицировано как основа «града». Кстати говоря, сами Л. Болтански и Л. Тевено недвусмысленно указывают, что принципы «патриархального града» описываются именно в «Политике» французского мыслителя Боссюэ. Применение концепции «градов» ничего не дает для понимания политической культуры древней Японии, соответственно весь материал, относящийся к этому сопоставлению, является избыточным в тексте работы. Автор задействует концепцию Л. Тевено и Л. Болтански лишь для того, чтобы аргументировать деонтологический характер японской политической культуры в VII–VIII вв. Между тем, как уже отмечалось, это самоочевидно.

Можно констатировать, что значение, придаваемое В. А. Матвеенко «Уложению» принца Сё:току-тайси из 17 статей, явно преувеличено. Так, автор убежден, что оно — «свод теоретических и практических установок, которые заложили фундамент японского политического мышления и дискурса, длившегося вплоть до начала прошлого столетия» [Матвеенко, 2019, с. 35]. Однако это небольшое по объему сочинение, безусловно, известное в период Нара и последующие эпохи, все же было лишь одним из важных, но далеко не главным произведением, оказавшим воздействие на генезис политической культуры Японии. Куда более важным было обучение будущих японских чиновников в столичной академии «Дайгакурё:» и провинциальных школах. Они штудировали классические трактаты китайского конфуцианства, китайскую литературу и поэзию и должны были знать чуть ли не наизусть: «Лунь юй» («Беседы и суждения»), «Ли цзи» («Записки [о правилах] благопристойности»), «Чжоу ли» («Этикет Чжоу»), «И ли» («Образцовые церемонии и [правила] благопристойности») и многое другое. Целые книги и пространные отрывки в течение 9 лет, а именно столько в среднем учились в столичной академии, зазубривались наизусть и

пересказывались на экзаменах [Прасол, 2001, с. 30–34]. Нет никаких данных о значимой роли «Уложения» Сё:току-тайси в программе обучения. На первом плане была китайская конфуцианская классика, а не «Уложение» из 17 статей, которое было в большой степени (хотя и не полностью) короткой выборкой (компиляцией) идей из конфуцианского канона. «Уложение» было задумано, судя по всему, как увещевание для японских сановников. Основой государства скорее должны были стать по замыслу законодателей своды «Тайхо: рицурё:» и «Ёро: рицурё:» VIII в., в которых до мельчайших деталей прописывались новые для Японии общественные, экономические и политические отношения, а не маленький свод наставлений. В. А. Матвеенко полагает, что в «Уложении» принца Сё:току-тайси «все статьи представляют собой практические меры, необходимые для создания централизованной власти над доселе неуправляемым обществом» [Матвеенко, 2019, с. 36]. Возникает естественный вопрос: а как же Япония управлялась до создания «Уложения» в начале VII в. н. э.? Ведь раннее государство в Японии складывалось в период Кофун (III–VI вв.), и к моменту составления «Уложения» уже существовали политические традиции и механизмы власти, позволявшие династии Аматэрасу править и контролировать в определенной мере подвластное население.

«Центральными исследуемыми категориями японского политического мышления в рамках данного исследования выступают согласие *ва* 和, должное *ги* 義 и истинное *макото* まこと», — пишет В. А. Матвеенко [Матвеенко, 2019, с. 5]. Между тем нет основания связывать категорию *макото* (истинное) с политическими воззрениями, относящимися к управлению, власти, политическому процессу. То, что в древнеяпонских источниках есть иероглифы, которые автор пытается связать с *макото*, еще не означает, что эта категория играла сколько-нибудь существенную роль с политической культуре. *Макото* связывают прежде всего с синтоистской традицией, однако ее отнесение к сфере политического выглядит совершенно неестественно, автор в своей работе не приводит серьезных аргументов в пользу такого подхода. Это религиозно-этическая и социально-философская, но не политическая категория. *Макото* в японском синто — это прямота или прямодушие, искренность, истинность. В то же время это одно из немногих этических требований, предъявляемых в *синто* к людям [Боги, святилища, обряды Японии, 2010, с. 130]. Возможно, столь произвольный подход автора объясняется тем, что он не привел четкой дефиниции понятия «политическая культура» в диссертации.

В 3-й главе своей работы «Экзистенциально-онтологические основания ключевых категорий политической культуры периода Нара (VII–VIII вв.)» автор пытается зафиксировать и проанализировать *макото* в древнеяпонских источниках. «Парадоксом, с которым исследователь сталкивается при первой же попытке знакомства с японской истиной, является то, что на протяжении истории всей японской философской мысли о *макото* он не найдет практически никаких упоминаний — за редкими, разумеется, исключениями», — отмечает он [Матвеенко, 2019, с. 94]. Представляется, что это мнимый парадокс. Как уже было сказано, *макото* является важнейшей категорией синтоистской традиции и традиционной этики.

«В целом можно предположить, что ранние японские философы не мыслили *макото* как самостоятельное понятие», — пишет автор. Тогда на каком основании он ранее отнес *макото* к важнейшим категориям политической культуры? Сам

В. А. Матвеенко полагает, что оно не было самостоятельным в древнеяпонской «философии». Представляется, что автор в очередной раз противоречит сам себе.

Диссертант в таблице пытается оценить частоту употребления иероглифов, которые он рассматривает как «модусы *макото*» в древнеяпонских хрониках (真 *син* , 実 *дзицу*, 信 *син*, 誠 *сэй*) [Матвеенко, 2019, с. 100]. Между тем такой анализ не является корректным, так как не поясняется, в составе каких сочетаний употребляется тот или иной иероглиф. Между тем, соединяясь с другим знаком, иероглиф может приобретать совсем иной смысловой оттенок, мало или совсем не связанный с понятием *макото* (истина). Кроме того, эти иероглифы в древнеяпонских текстах могли использоваться фонетически — в составе географических названий и личных имен. Поэтому никаких надежных выводов на основании чисто арифметического подсчета частотности появления этих четырех знаков в указанных текстах сделать невозможно. Непонятно, в каком контексте и каком смысле они использовались. Автор же не привел таблицы с сочетаниями иероглифов, которые бы позволили проверить релевантность его анализа.

В работе повсеместно встречаются необоснованные постулаты. Так, автор считает, что «привычного нам понимания справедливости как категории морально-правового сознания в японском обществе нет, так как оно не было развито исторически» [Матвеенко, 2019, с. 47]. Между тем важнейшей категорией, относящейся к справедливости, в памятниках средневековой японской мысли является понятие *до:ри* 道理 . Это полисемантичное слово употребляется в том числе и как «справедливость», соответствие действий правителя, его приближенных или вассалов универсальным принципам справедливости. Оно не раз упоминается и в знаменитом кодексе законов «Госэйбай сикимоку» (1232 г.) и в наставлениях даймё и самураев средневековой Японии. Представления о справедливости суда и законов, оцениваемых с точки зрения «справедливости», беспристрастности были широко распространены в средневековом японском обществе, как и в период Токугава. Однако соответствующие представления зародились еще в Древней Японии: достаточно обратиться к наставлениям принца Сё:току, чтобы в этом удостовериться. Например в ст. 11 содержится призыв к должной (по сути справедливой) оценке заслуг и провинностей. «Сановники, ведающие государственными делами! Выявляйте заслуживающих как награду, так и наказание». В ст. 12 составитель «Уложения» требует от наместников правителя Ямато: «Не облагайте [двойными] налогами простой народ». Что это, если не призыв к справедливости?[4] Наконец название «Уложения» Сё:току-тайси говорит само за себя. 憲法 (*кэмпо:*) — значит «государственные законы, основополагающие установления». Однако у этого бинома в японских словарях обнаруживается еще один смысл – «справедливость, беспристрастность» (公平 *ко:хэй*).

Серьезным недостатком работы является игнорирование некоторых важных источников периода Нара. Во-первых, речь идет о переведенном на русский язык и несправедливо оставленном без внимания сочинении «Кадэн. Жизнеописание рода Фудзивара» — «родовой биографии» глав могущественного клана Древней Японии, а также японских эпитафиях-боси VIII в. [Сахарова, 2006; Родин, 2011]. Наконец,

[4] Конституция Сётоку (604 г. н. э.) // *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада.* URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/600-620/Konst_Setoku/text2.phtml (дата обращения 07.06.2019).

диссертант пренебрег и материалом уникальных комментариев к законодательным сводам VIII в. — «Рё:-но гигэ» (833 г.) и «Рё:-но сю:гэ» (вторая половина IX в.) [Мещеряков, Грачев, 2010, с. 191–193]. Автор также не изучил в достаточной мере биографии «Сёку нихонги», анализ которых помог бы углубить понимание основ политической культуры периода Нара.

Для работы В. А. Матвеенко характерна несогласованность разных ее частей, автор часто высказывает взаимоисключающие идеи на разных страницах своего труда. Он то и дело оперирует терминами, не утруждая себя их четкими определениями. Так, он не поясняет, что такое «положения величия» и «согласованная система величия» [Матвеенко, 2019, с. 54].

В то же время В. А. Матвеенко использует термин «тип господства». Как известно, Макс Вебер выделял три типа легального господства — традиционный, харизматический, рациональный; каждый из них определяется «мотивами повиновения или характером легитимности» со стороны управляемых по отношению к власть предержащим (управляющим) [Арон, 1993, с. 513]. В работе В. А. Матвеенко встречается выражение «уравнивающий тип господства». Далее автор утверждает, что в основе «японского типа господства» лежит «идея равенства как воплощение аксиомы доступа ко всем благам в равной степени». Между тем основополагающее социальное деление в Древней Японии основывалось на различении «подлого люда» (неполноправных и рабов) и «доброго люда» (общинников и чиновников), что известно и В. А. Матвеенко. Не менее важным было превосходство чиновной элиты, многократно закрепленное в законодательных сводах периода Нара, над простым народом, лишенным ее правовых, социальных и экономических привилегий. Иерархия и неравенство пронизывали Древнюю Японию, что известно любому специалисту. Тип господства в Древней Японии никак не может быть назван уравнивающим, напротив, в древнеяпонских памятниках неравенству придается огромное значение. Несмотря на это, диссертант пишет: «Таким образом, в Японии тип господства мы можем назвать уравнивающим» [Матвеенко, 2019, с. 49]. В. А. Матвеенко продолжает: «Именно идея равенства как воплощение аксиомы доступа ко всем благам в равной степени (а3), о которой мы говорили в первой части, лежит в основе доверия — основе должного *ги* 義». Однако ни в «Уложении» принца Сё:току-тайси, ни в других памятниках Древней Японии мы не найдем «идеи равенства как воплощения аксиомы доступа ко всем благам».

В диссертации далее встречается следующее умозаключение относительно «японского типа господства»: «Японский тип господства полностью основан на конфуцианской взаимозависимости господства и подчинения: правитель сам собой олицетворяет и производит благо — согласие *ва* 和, а общество дает ему власть, и это является иллюстрацией понимания справедливости как равной взаимности» [Матвеенко, 2019, с. 50]. Эта мысль автора противоречит прежде высказанной на с. 48–49 его идее об **уравнивающем** характере японского типа господства, так как господство и подчинение предопределяют наличие иерархии. В данном случае снова проявляется отсутствие логики. Представление о том, что «общество» дает власть правителю в обмен на *ва* 和 отсутствует в древнеяпонской политической культуре.

2-я глава работы называется «Язык как феноменологический базис и смысловая форма политической культуры». Она мало соотносится с тематикой диссертации, то

есть с исследованием основ политической культуры периода Нара, а содержит рассуждения о связи японского языка и японской культуры. В то же время в главе практически нет анализа японской политической культуры. Если читатель обратится к выводам ко 2-й главе, то прочтет: «Миф — это основа японской политической культуры, чему свидетельствует используемая в исследовании база источников, это «холодный» медиум сознания, который не дифференцирует чувства и людей, а привлекает в себя в качестве соучастника» [Матвеенко, 2019, с. 90]. Необходимо подчеркнуть, что во 2-й главе В. А. Матвеенко совсем не исследует древнеяпонские мифы, связанные с политической культурой периода Нара. И этот вывод тоже не имеет твердого фундамента. Между тем столь прямолинейно и без оговорок изложенная мысль о мифологической основе японской политической культуры никак не согласуется с колоссальным влиянием вполне рациональной конфуцианской политической мысли на политическую идеологию древней Японии, о котором автор часто упоминал в 1-й главе, анализируя «Уложение» Сё:току-тайси. В работе необходим более сбалансированный взгляд на эту проблему, хотя, разумеется, роль мифов в идеологии древнеяпонского государства никто не собирается отвергать. В целом, выводы 2-й главы оказываются оторванными от ее содержания. В этой главе немало экскурсов в культурологические и лингвистические теории, и лишь в выводах к ней автор делает попытку вернуться к теме диссертации.

Здесь же находим самоочевидные утверждения, которые автор выдает за выводы: «Язык политической культуры становится возможным к существованию только тогда, когда возможно единство политически объединенного общества и лингвистически объединенного общества» [Матвеенко, 2019, с. 91]. Понятно, что политическая культура существует лишь при условии формирования политически связанного социума, говорящего на одном языке. Но зачем столь тривиальную мысль фиксировать в выводах ко 2-й главе?

Одной из часто упоминаемых категорий является *ва* 和 — гармония, согласие. Автор считает *ва* «высшей политико-философской ценностью японской культуры». Более того, он убежден, что «*ва* 和 противопоставляется китайскому принципу *ли* 理, закладывая основное различие между японской и китайской мыслительными традициями, различая их как традиции этики и метафизики» [Матвеенко, 2019, с. 52]. По мнению диссертанта «категория согласия *ва* 和, тем самым, осмысляется в качестве того, что отличает японцев от всех остальных». Далее он снова отмечает: «Мы хотим подчеркнуть исконно японские корни такого смыслового поля, т. к. оно совершенно не фигурирует в этимологических словарях китайских иероглифов» [Матвеенко, 2019, с. 113]. Уверенность автора в уникальности *ва*, будто бы исконно присущего японской политической культуре, несколько удивляет. Согласно авторитетной энциклопедии духовной культуры Китая, *хэ* 和(гармония) — одна из категорий китайской философии, которая встречается в философских сочинениях этой страны еще в V–II вв. до н. э. Следовательно, японцы, осваивая опыт и наследие китайской цивилизации, включили это понятие в свой «идейный арсенал». *Хэ* 和 упоминается и в «Лунь юй»: благородные мужи (*цзюнь-цзы*) в отличие от «ничтожных людей» (*сяо жэнь*) «пребывают в гармонии, но не объединены в группировки (*тун*)» [Духовная культура Китая, 2006, с. 512–513]. Кроме того, идея гармонии между различными общественными слоями или социальное

согласие как идеальный принцип устройства общества и государства не была чужда и западноевропейской традиции (вспомним доктрину Адальберона Ланского и Герарда Камбрийского о людях молитвы, воинах и землепашцах, заботящихся друг о друге [Дюби, 2000]). В. А. Матвеенко также утверждает, что *ва* 和 — это «противоположность высшему китайскому принципу *ли* 理» [Матвеенко, 2019, с. 3]. Однако, как уже было сказано, 和 (кит. *хэ* — «гармония») — важная категория китайской философии, она вовсе не противопоставляется *ли* 理, который понимается как «принцип, закон, правило». У Мо-цзы *ли* 理 противоположна смуте и хаосу, а Мэн-цзы понимал под *ли* «правило, основание нравственности». Неоконфуцианцы трактовали *ли* как «исходное субстанциальное начало, составляющее природу вещей» [Духовная культура Китая, 2006, с. 295–296]. Совершенно непонятно, в каком плане *ли* (яп. *ри*) 理 может противостоять *ва* 和 (кит. *хэ*).

Диссертант стремится прояснить смысл *ва* 和, анализируя разные фрагменты хроник «Нихонги» и «Сёку Нихонги» [Матвеенко, 2019, с. 118–120]. Он пытается показать, что *ва* 和 (согласие) в основном начинает пониматься как способ, «коим существует общество и государство», и в значении аксиологической модели, к которой надо стремиться [Матвеенко, 2019, с. 118]. Однако из семи примеров, приводимых им, лишь три (менее половины) соответствуют его предположению, в остальных случаях говорится о мире как отсутствии войны (между странами, например) или же о здоровье как отсутствии болезней. Последующие фрагменты также не подтверждают мысль В. А. Матвеенко [Матвеенко, 2019, с. 120–121]. Здесь *ва* 和 употребляется не в смысле «гармония, согласие в обществе или государстве», а в более «приземленном» и узком значении — два корейских царства «договорились» о союзе, «дружелюбные решения», «уладь подозрения» и др. Тем самым ранее предложенная В. А. Матвеенко трактовка не применима ко многим фрагментам хроник древней Японии. В «Кодзики» *ва* 和 часто применяется в контексте замирения (покорения) враждебных земель и различных «недругов». Диссертант так и не смог показать, какое место принадлежит *ва* 和 в древнеяпонской идейно-политической системе координат и не доказал ее ключевую роль.

Если *ва* 和 в самом деле приобретает столь важный статус, стоило бы показать, пусть даже со ссылками на работы других ученых, что в последующую эпоху Хэйан оно превратилось в центральную категорию в структуре политической культуры, чего автор не сделал.

Очень странно, что В. А Матвеенко ограничивает свое исследование всего лишь несколькими категориями, значение которых (*макото* — истинное) именно для политической культуры неочевидно. В то же время он игнорирует такие важные категории, как *сэйдай* («мудрое правление»), *сэйка* (преобразующая сила государя) и др. [Грачев, 2009, с. 174]. Автору непременно следовало бы рассмотреть и важнейшие ритуалы и церемонии, происходившие при дворе японских государей периода Нара, разобрать их символику — все это позволило бы более рельефно представить основные принципы политической культуры древней Японии. Кроме того, необходимо было бы обратиться и к древнему *синто*, и к буддизму и их влиянию на «коды» политической культуры периода Нара — тема, совершенно не раскрытая в работе. В

связи с этим представленный в работе В. А. Матвеенко анализ выглядит явно недостаточным для полноценного раскрытия темы исследования.

Автор также не привлек в нужном объеме специальные исследования (монографии и статьи) на японском языке, посвященные политической культуре и идеологии Японии VII–VIII вв.

В приложении к работе В. А. Матвеенко содержится новый перевод знаменитого «Уложения» принца Сё:току-тайси из 17 статей. Автор обязан был бы учесть и использовать для перевода публикацию текста «Уложения», сопровожденную непревзойденными по глубине комментариями Иэнага Сабуро [Сё:току-тайси-сю:, 1975]. Дело не только в том, что это классическое издание текста «Уложения». Сложные для понимания термины в нем объяснены, и автору эти комментарии весьма бы пригодились.

Диссертант активно использует терминологию экзистенциальной философии Мартина Хайдеггера — одного из величайших философов XX в. Как известно, в центре внимания М. Хайдеггера *Dasein* — человеческое бытие, бытие, наделенное сознанием. Характерный для человека способ существования он называет «экзистенцией». «Экзистенциалами» он называет модусы (характеристики) экзистенции человека, к которым М. Хайдеггер относит и «заботливость» [Бурханов, 2013, с. 59–60]. Представляется, что идеи немецкого мыслителя касаются фундаментальной онтологии и мало (или же совсем не) приложимы для изучения столь конкретной темы, как политическая культура Японии периода Нара. Исходя из высочайшего уровня обобщения в работах М. Хайдеггера, его мысли, вероятно, более соответствуют рассмотрению основ политической культуры человека вообще, без привязки к конкретной цивилизации.

Представляется, что автор весьма вольно трактует термины из работ М. Хайдеггера. Так, он использует выражение «экзистенциалы японского Мира» [Матвеенко, 2019, с. 138]. Между тем экзистенциалы в текстах немецкого философа, как известно, имеют статус универсальных бытийных характеристик экзистенции человека, не привязанных к одной культуре, японской или какой-либо иной.

Представляется, что работа В. А. Матвеенко имеет ряд существенных недостатков:

1) автор не дал внятное определение исходному понятию своего труда — «политическая культура»;

2) положения, вынесенные на защиту, не нуждаются в обосновании и являются самоочевидными, либо не относятся к постижению основ политической культуры периода Нара;

3) автор не задействовал многие важные источники, которые помогли бы ему лучше понять характер политической культуры древней Японии;

4) утверждения диссертанта в разных местах работы часто носят взаимоисключающий характер;

5) основной текст и заключение содержат множество неаргументированных и слабо обоснованных тезисов;

6) философские и социологические концепции, которые автор пытается использовать, оказываются не операбельными для анализа политической культуры древней Японии.

Таким образом, текст В. А. Матвеенко нуждается в серьезной корректировке и не соответствует высокому научному уровню диссертационных работ, посвященных Японии, которые защищаются в последние годы в России.

Литература / References

Арон Р. *Этапы развития социологической мысли*. М., 1993 [Aron R. *The Stages of Sociological Thought*. Moscow, 1993 (in Russian)].

Боги, святилища, обряды Японии. Энциклопедия Синто. Под ред. И. С. Смирнова. М., 2010 [*Japan: Gods, Shrines, Rites. Encyclopedia of Shinto*. Smirnov I. S. (ed.). Moscow, 2010 (in Russian)].

Болтански Л., Тевено Л. *Критика и обоснование справедливости: очерки социологии градов*. М., 2013 [Boltanski L., Thévenot L. *Critique and Justification of Justice: An Essays on the Sociology of Worlds*. Moscow, 2013 (in Russian)].

Бурханов А. Р. Мартин Хайдеггер об экзистенции и экзистенциалах человеческого бытия // *Вестник Бурятского государственного университета. Педагогика. Филология. Философия*. 2013. № 6. С. 57–61 [Burkhanov A. R. Martin Heidegger on Existence and Existentials of Human Being // *Buryat State University (BSU) bulletin. Pedagogy. Philosophy. Philology*. 2013. 6. Pp. 57–61 (in Russian)].

Грачев М. В. Государь и подданные в древней и раннесредневековой Японии // *Правитель и его подданные: социокультурная норма и ограничения единоличной власти*. Под ред. Д. М. Бондаренко. М., 2009. С. 172–190 [Grachev M. V. Sovereign and Subjects in Ancient and Early Medieval Japan // Bondarenko D. M. (ed.). *Sovereign and Subjects: Sociocultural Norm and Limitations of Individual Rule*. Moscow, 2009. Pp. 172–190 (in Russian)].

Духовная культура Китая. Т. 1. *Философия*. Под ред. М. Л. Титаренко, А. И. Кобзева, А. Е. Лукьянова. М., 2006 [*Spiritual Culture of China. Encyclopedia*. Vol. 1. *Philosophy*. Titarenko M. L., Kobzev A. I., Lukyanov A. E. (eds.). Moscow, 2006 (in Russian)].

Дюби Ж. *Трехчастная модель или представления средневекового общества о самом себе*. М., 2000 [Duby G. *The Three Orders: Feudal Society Imagined*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Матвеенко В. А. *Экзистенциально-онтологические основания политической культуры Японии периода Нара (VII–VIII вв.)*. Диссертация на соискание ученой степени кандидата философских наук. Дальневосточный федеральный университет. Владивосток, 2019. [Matveenko V. A. *Existential-Ontological Foundations of the Political Culture of Japan in the Nara Period (VII–VIII вв.)*. PhD Dissertation. Vladivostok, 2019 (in Russian)].

Мещеряков А. Н., Грачев М. В. *История древней Японии*. СПб., 2010 [Meshcheryakov A. N., Grachev M. V. *History of Ancient Japan*. Saint-Petersburg, 2010 (in Russian)].

Наумова Е. И. Социология «градов» Л. Болтански и Л. Тевено и «режимы вовлеченности» в капитализм // *Социологическое обозрение*. 2014. Т. 13. №3. С. 246–251 [Naumova E. I. Luc Boltanski and Laurent Thévenot's Sociology of Worlds and «Regimes of Engagement» with Capitalism // *Russian Sociological Review*. 2014. Vol. 13.3. Pp. 246–251 (in Russian)].

Политология: учебник. А. Ю. Мелвиль и др. М., 2008 [*Politology: A Manual*. A. Yu. Melvil and others. Moscow, 2008 (in Russian)].

Прасол А. Ф. *Становление образования в Японии (VIII–XIX вв.)*. Владивосток, 2001 [Prasol A. F. *The Forming of Japanese Education (VIII–XIX Centuries)*. Vladivostok, 2001 (in Russian)].

Пугачев В. П. Соловьев А. И. *Введение в политологию*. М., 2005 [Pugachev V. P. Soloviyov A. I. *Introduction into Politology*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Родин С. А. Японские эпитафии-боси // *История и культура традиционной Японии*. Под ред. А. Н. Мещерякова. М., 2011. С. 70–130 [Rodin S. A. Japanese boshi epitaph //

Meshcheryakov A. N. (ed.). *History and Culture of Traditional Japan*. Moscow, 2011. Pp. 70–130 (in Russian)].

Сахарова Е. Б. «Кадэн». Жизнеописание рода Фудзивара // *Политическая культура древней Японии*. Под ред. А. Н. Мещерякова. М., 2006. С. 182–255 [Sakharova E. B. Kaden: a Biography of Fujiwara Clan // Meshcheryakov A. N. (ed.). *Political Culture of the Ancient Japan*. Moscow, 2006. Pp. 182–255 (in Russian)].

Сё:току-тайси-сю:. *Нихон сисо: тайкэй* 2. 聖徳太子集 (日本思想大系 2). Под ред. Иэнага Сабуро и др. 家永 三郎 (編集). Токио, 1975.

Утченко С. Л. *Политические учения Древнего Рима*. М., 1977 [Utchenko S. L. *Political Teachings of the Ancient Rome*. Moscow, 1977 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Конституция Сётоку (604 г. н. э.) // *Восточная литература. Средневековые исторические источники Востока и Запада*. URL: http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Japan/VII/600-620/Konst_Setoku/text2.phtml (дата обращения 07.06.2019).

Политическая культура // *Новая философская энциклопедия. Институт философии РАН*. URL: https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHec8847219e418510e4f8ec (дата обращения 07.06.2019).

ПЕРВАЯ ВОСТОЧНАЯ СЕКЦИЯ НА VIII МЕЖДУНАРОДНОЙ НАУЧНОЙ КОНФЕРЕНЦИИ «АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ТЕОРИИ И ИСТОРИИ ИСКУССТВА. ГРАНИЦЫ И ГОРИЗОНТЫ» (2–6 ОКТЯБРЯ 2018 Г., МОСКВА, МГУ ИМ. М. В. ЛОМОНОСОВА)

А. В. Гусева*

Обзор ставит перед собой цель ознакомления с основными докладами и сообщениями, прозвучавшими на первой востоковедной секции международной конференции «Актуальные проблемы теории и истории искусства. Границы и горизонты», проходившей в Москве в октябре 2018 г.

Ключевые слова: искусство Востока, международная конференция, теория искусства, искусствоведение.

FIRST ORIENTAL PANEL AT THE 8TH INTERNATIONAL CONFERENCE “ACTUAL PROBLEMS OF THEORY AND HISTORY OF ART. BORDERS AND HORIZONS” (OCTOBER 2–6, 2018, MOSCOW LOMONOSOV STATE UNIVERSITY)

Anna V. Guseva

Present review aims at acknowledging the main talks and presentations, hold at the first Oriental panel of the International Conference *Actual Problems of Theory and History of Art. Borders and Horizons*, which took place in Moscow in October, 2018.

Keywords: Oriental art, international conference, art theory, art conservation, art history.

В течение целой осенней недели — со 2 по 6 октября 2018 г. — на Историческом факультете МГУ им. М. В. Ломоносова на Воробьевых горах и в Третьяковской галерее (Лаврушинский пер., 12 и Крымский вал, 10) проходила организованная МГУ, СПБГУ, Государственной Третьяковской галереей и Государственным Эрмитажем VIII международная конференция «Актуальные проблемы теории и истории искусства. Границы и горизонты», в первый день которой впервые за всю историю этой представительной искусствоведческой конференции работала Восточная секция; ее модерация была доверена автору статьи. Восьмая международная конференция мыслилась как междисциплинарный научный форум, посвященный обсуждению актуальных вопросов теории и истории изобразительного

* Анна Валентиновна ГУСЕВА, PhD, доцент Школы исторических наук НИУ ВШЭ, Москва; aguseva@hse.ru

Anna V. GUSEVA, PhD, Associate Professor, School of History, National Research University Higher School of Economics, Moscow; aguseva@hse.ru

искусства и архитектуры, проблемам изучения, сохранения и интерпретации русского и мирового художественного наследия, а также взаимодействию искусствоведческой науки с практикой музейного дела.

Традиционно для каждой конференции задается тема, и в 2018 г. такой темой стали «Границы и горизонты». Из регионов на секции были представлены: Ближний Восток и его влияние на европейские формы (В. П. Кирилко); искусство Индии через призму исследования религиозной иконографии (Д. Н. Воробьева), иконографии и бытования *рагамалы* (А. Н. Бабин) до формирования искусства калигхата в Бенгалии (Е. М. Карлова); искусство Дальнего Востока рассматривалось через призму взаимодействия европейской культуры и китайской живописи (Д. В. Дубровская), японского искусствоведения (Е. С. Ванеян) и формирования российских коллекций китайского и японского искусства (А. В. Гусева и В. В. Деменова).

Само понятие «границы» во многих докладах предстало своего рода методологическим ходом, позволяющим по-новому рассмотреть сложные художественные и эстетические феномены искусства Востока. В докладе *В. П. Кирилко* (Институт археологии Крыма) была продемонстрирована важность исторических изменений географических границ для развития архитектурных форм в регионе на примере детального анализа трансформации и использования мукарнасов в архитектуре средневекового Крыма. В то же время в искусстве Индии проведение географических или идеологических границ оказывается довольно условным, как это убедительно показала в докладе Д. Н. Воробьева (Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва) сравнивая буддийскую и джайнскую иконографии сцен с изображением Будды, побеждающего демона Мару и искушения Паршванатха демоном Мегхмалем джайнской традиции.

И если ценность древнего искусства Индии уже никем не ставится под вопрос, то искусство, относящееся к XIX и XX вв., довольно часто еще требует дополнительных объяснений и даже обоснований в части причисления к художественному наследию. На проблему зыбкости границ самого понятия «искусство» обратила внимание сотрудник Государственного музея Востока *Е. М. Карлова* (Государственный музей Востока, Москва) в докладе, посвященном индийскому лубку-калигхату. Поводом обратиться к исследованию народного лубка, создававшегося в технике хромолитографии в Калькутте в XIX в. стало обнаружение альбома таких хромолитографий в библиотеке ГМВ, который в1960-е гг. был оценен как «не имеющий художественной ценности» и выведен из фондохранилища. Однако к началу XXI в. это когда-то массовое народное творчество приобрело статус памятника искусства, образцы которого можно найти в частных коллекциях и музейных собраниях.

О пересечении казалось бы жестких границ между разными видами искусств в уникальном явлении индийского искусства — искусстве *рагамалы* (живописных изображений музыкального звукоряда или мелодического оборота в индийской музыкальной теории) рассказал в своем вступлении *А. Н. Бабин* (Государственный институт искусствознания Министерства культуры РФ, Москва). На примере ранних манускриптов он проанализировал не только проблемы иконографии самих изображений, но и проблему включения этого изображения в общий комплекс

манускрипта как объекта созданного и как объекта почитаемого и живущего во времени и в народной культуре.

Темы, затронутые в «индийском блоке», развивались и в выступлениях «дальневосточной части». *Д. В. Дубровская* (ИВ РАН, ГАУГН), опираясь на подробный анализ живописных памятников, в своем докладе показала, как итальянский художник Джузеппе Кастильоне, работавший при дворе маньчжурских императоров в Пекине в XVIII в., предпринял отчаянную попытку найти точки пересечения между европейской живописной школой и основными принципами китайской живописи. Точный стилистический анализ позволяет увидеть, что многие казалось бы устоявшиеся представления о направлении влияния Востока на Запад и Запада на Восток требуют переосмысления, так как процессы этого влияния оказываются намного более сложными и многоступенчатыми, чем это представлялось ранее.

Это же касается и развития истории искусства как науки на Дальнем Востоке, в частности — использования и применения терминов, связанных с понятием «национальный стиль», на что обратила внимание слушателей в своем докладе *Е. С. Ванеян* (МГУ им. М. В. Ломоносова) на примере японского термина «ваё» («японский стиль»). Е. С. Ванеян показала, что понимание этимологии и философии, стоящей за возникновением таких терминов, позволяет использовать их точнее, и в результате прийти к более точному пониманию особенностей различных художественных процессов, протекающих на разных этапах в искусстве Востока.

Попытке проследить пути формирования некоторых российских коллекций восточного искусства был посвящен доклад *А. В. Гусевой* (ВШЭ, Москва) и *В. В. Деменовой* (Уральский федеральный университет имени Б. Н. Ельцина, Екатеринбург). Опираясь на полевые исследования, Гусева и Деменова предлагают присмотреться к Чайному пути, пролегавшему из Пекина в Кяхту и далее через Иркутск в центральную Россию, как к возможной артерии попадания восточных предметов из Китая и Японии в купеческие собрания в России XIX — начала XX вв. При дальнейшем исследовании такой подход позволит точнее обозначить возможные регионы происхождения предметов искусства Востока, находящиеся в российских коллекциях и в результате точнее их атрибуировать.

Помимо перечисленных, на конференции прозвучали тепло встреченные выступления *Ю. Г. Атмановой* (ИВ РАН) «К вопросу о западноевропейском влиянии в могольской миниатюрной живописи», *Е. А. Баторовой* (РГГУ) «Бурятский художественный металл: образно-пластическая концепция света и цвета», *Л. Н. Дониной* (Институт истории им. Ш. Марджани АН республики Татарстан, Казань) «Казанская филигрань: к вопросу о синкретичности региональной ювелирной традиции», *Чжан Хунтао* (Санкт-Петербургский государственный академический институт живописи, скульптуры и архитектуры им. И. Е. Репина) «Границы стиля *се-и* в современной масляной живописи Китая», *Ф. Г. Вагаповой* (Казанский федеральный университет) «Влияние русских традиций в оформлении татарской рукописной и печатной книги XVIII – начала XX веков» и *А. С. Галимжановой* (Казахская головная архитектурно-строительная академия, Алматы) «Концепт Другого как преодоление границ локального и глобального в искусствознании».

Секция не осталась в стороне и от современного формата стендовых докладов. Так, возле наглядных постерных презентаций прозвучало сообщение *К. Кадзовой*

(Московская государственная специализированная школа акварели Сергея Андрияки) «К проблеме изучения и сохранения памятников монументально-декоративной пластики христианско-языческих представлений осетин в контексте творчества Сосланбека Едзиева», упомянутый выше доклад *В. П. Кирилко* и выступление *А. А. Журавлевой* (Городской музей «Замок Урсино», г. Катания, Италия) «На границе столетий: керамика Японии последней четверти XX века».

Успешная работа Восточной секции оставляет надежду на то, что искусствоведы-востоковеды еще неоднократно соберутся для обсуждения актуальных проблем искусства Востока.

По результатам конференции «Границы и горизонты» будет издано два тома сборников статей, первый из которых планируется выпустить в нынешнем 2019 г.

МАХАТМА ГАНДИ И ИНДИЙСКАЯ СОВРЕМЕННОСТЬ

А. А. Козлова*

В статье дан обзор научной конференции «Махатма Ганди и индийская современность», посвященной памяти выдающегося мыслителя и лидера национально-освободительного движения Мохандаса Карамчанда Ганди, приуроченной к 150-летию со дня его рождения и проводившейся Институтом востоковедения РАН 22–23 мая 2019 г.
Ключевые слова: Махатма Ганди, Индия, история, литература, философия.

MAHATMA GANDHI AND INDIAN MODERNITY

Alexandra A. Kozlova

The article provides an overview of the scientific conference *Mahatma Gandhi and Indian Modernity*, dedicated to the memory of outstanding thinker and nationalist leader Mohandas Karamchand Gandhi, scheduled on the 150th anniversary of his birth and held by the Institute of Oriental Studies RAS in May 22–23, 2019.
Keywords: Mahatma Gandhi, India, history, literature, philosophy.

Махатма Ганди, признанный в Индии отцом нации, ушел из жизни 71 год назад, и сколько бы лет ни проходило с момента его кончины, на каждом этапе истории страны он оставался современником для новых поколений, которые вновь и вновь переосмысливали его личность и эпоху, поднимали на щит или отвергали те или иные его воззрения, соотнося их с тем, что было наиболее важно для того или иного исторического временного отрезка.

С 22 по 23 мая 2019 г. в Центре индийских исследований Института востоковедения РАН состоялась восьмая конференция в рамках исследовательского проекта: «Индия: перспективы современного развития» проводившаяся Институтом востоковедения РАН совместно с Институтом философии РАН. Тема конференции «Махатма Ганди и индийская современность» была приурочена к 150-летию со дня рождения выдающегося мыслителя и лидера национально-освободительного движения Мохандаса Карамчанда Ганди.

В конференции помимо сотрудников ИВ РАН и ИФ РАН приняли участие исследователи, научные сотрудники, аспиранты и студенты таких организаций и институтов, как ИСАА при МГУ им. М. В. Ломоносова, МГИМО МИД РФ, РГГУ, ЛГПУ, Делийский университет, МГЛУ, НИУ ВШЭ, МГУ ГАУГН. Всего за два дня научных сессий было сделано 24 доклада.

На конференции также была представлена выставка плакатов о Махатме Ганди, подготовленных студентами и сотрудниками РГГУ. Повторная экспозиция плакатов намечена на осень 2019 г. при посольстве Индии в России.

---

* Александра Алексеевна КОЗЛОВА, кандидат исторических наук, научный сотрудник Института востоковедения РАН, Москва; kaa-iaas@mail.ru

Alexandra A. KOZLOVA, PhD (History), Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; kaa-iaas@mail.ru

Открывая конференцию, руководитель Центра индийский исследований ИВ РАН Т. Л. Шаумян обратилась к собравшимся с приветственным словом. Т. Л. Шаумян поставила задачей конференции обсуждение как прижизненных взаимоотношений Махатмы с окружавшей его Индией (его восприятие основных социально-экономических, политических и культурных процессов эпохи и воздействие на эти процессы), так и «посмертную жизнь» Ганди в независимой Индии в качестве исторической фигуры, идеолога, «участника» основных событий.

Далее слово для торжественного открытия конференции было передано послу Индии в РФ Б. В. Варме. В своем выступлении г-н посол отметил важность события, напомнил собравшимся об основных вехах жизненного пути М. К. Ганди, его вкладе в движении за независимость Индии, о сохранении значимости фигуры М. Ганди в современной Индии.

Первый день конференции начался с ключевого доклада *М. Т. Степанянц* (ИФ РАН) о «Судьбе духовного наследия Ганди». М. Т. Степанянц отметила, что, отдавая должное заслугам Ганди, было бы непростительно подходить к его наследию некритично, соглашаясь с его непримиримой критикой модернизации. Возможно, позиция Ганди была оправдана в период, когда главной задачей было обретение свободы от колониализма, однако сегодня исторический момент принципиально иной: страна суверенна, она вошла в число ведущих держав мира, и ей необходимо определиться с ориентацией в глобальном мире, проявляя бережливое отношение к духовному наследию и способности его критического осмысления. Как заметила исследователь, пафосное восхваление, ложь-искажение-забвение оскорбляют память о Махатме Ганди, а для современников и будущих поколений они ущербны.

Последующие доклады конференции распределялись по четырем блокам.

Первый блок «Гандистское ненасилие: идеал и практика» был посвящен особенностям идей и методов М. Ганди в достижении за независимость.

Ф. Н. Юрлов (ИВ РАН) в докладе «Ганди и современный мир» затронул несколько ключевых тем: зарождение идеи о ненасилии у М. Ганди; попытки Ганди решить вопрос неравенства ненасильственными способами (по мнению М. Ганди, вопрос экономического равенства являлся ключевым в ненасилии); проблема распространения насилия в отдельных странах в современном мире.

В. М. Немчинов (ИВ РАН) посвятил свое выступление «Мягкая сила Ганди: коммуникативная стратегия гражданского неповиновения и моральной силы в действии» предложенному и опробованному М. Ганди пути в достижении независимости страны, а также проанализировал некоторые актуальные элементы духовного, морального, методологического и стратегического наследия Ганди. Он отметил, что коммуникативная стратегия общественного действия изменила к лучшему жизнь сотен миллионов людей и со временем стала одной из магистральных, ключевых информационных ресурсов, способных стать альтернативой политическим и социальным реалиям жесткой силы, преобладавшим в истории человечества XX в.

В докладе «Политические взгляды Махатмы Ганди. Этапы становления философии ненасилия, ее влияние на национально-освободительное движение и политическое развитие независимой Индии» *В. В. Губарева* (ИСАА МГУ) рассмотрела период жизни М. К. Ганди в Южной Африке, где он сформировался как политик и общественный деятель, деятельность Ганди в Индии как идеолога Индийского

национального конгресса (ИНК). В заключение докладчик подвела итоги деятельности Ганди как одного из лидеров национально-освободительного движения.

По мнению М. Ганди, без достижения индусско-мусульманского единства и без решения вопроса неприкасаемых было неосуществимо приобретение самоуправления Индии. Ганди увидел в неприкасаемых огромный резерв для расширения социальной базы Конгресса. Он возглавил движение против их социальной изоляции, увязал вопрос их эмансипации с задачей освобождения страны. Доклад *Е. С. Юрловой* (ИВ РАН) «Ганди — “отец нации”. Его борьба за неприкасаемых» был посвящен данным вопросам, а также изменению взглядов Ганди на кастовую систему.

Второй блок конференции «Индийская политика при Махатме и после» открылся выступлением *Н. С. Жировой* (ЛГПУ). В докладе «Взаимоотношения М. К. Ганди и партии «Гадар» Н. С. Жирова рассмотрела изменения, которые претерпевало отношение руководства партии «Гадар» к М. Ганди. Различие в подходах к освобождению страны породило серьезный антагонизм между ними, однако, как отметила докладчик, не только рядовые члены, но и гадаровское руководство в отдельные периоды своей истории проявляли к деятельности Ганди определенные симпатии. Несмотря на то, что разногласия помешали создать союз в борьбе за независимость, обеим сторонам удалось внести свой вклад в дело освобождения Индии от колониального господства Великобритании.

Доклад *Л. А. Черешневой* (ЛГПУ) «*Quit India Movement 1942* как концепция Махатмы Ганди», базировался на индийских и британских официальных документах, на работах Мохандаса Карамчанда Ганди, Джавахарлала Неру, на материалах секретных служб и полиции. Л. А. Черешнева дала характеристику и авторские оценки концепции антибританского движения, известного в мировой индологии как *Quit India Movement 1942,* последней массовой *сатьяграхи* Махатмы.

А. А. Бычкова (НИУ ВШЭ) выступила с докладом «Метаморфозы, или Путь на восток», в котором попыталась проанализировать некоторые тактические приемы Бхаратия джаната парти, предусматривающие не только использование вышеупомянутых маркеров «идеального политика» и «идеальной политии», но и создание новых мифов, в которых присутствуют образцовые акторы. В этой связи А. А. Бычкова рассмотрела конкретный пример конструирования образа народной героини Рани-маа Гайдилиу, «стойкого последователя Махатмы Ганди».

В докладе «Два вождя — два пути к свободе: Субхас Чандра Бос и Махатма Ганди» *И. Т. Прокофьева* (МГИМО МИД РФ) наглядно показала, что в такой огромной стране, как Индия, для становления лидером национального движения необходимо было не просто обладать желанием, эрудицией и харизмой, нужно было соответствовать представлениям индийцев о том, каким должен быть лидер. Многовековая культура страны выработала два типа личности, способной повести за собой людей, чьи приказы они бы выполняли, не обсуждая: во-первых, военачальник, вождь и, во-вторых, мудрый учитель, гуру, аскет-отшельник. Авторитет духовного учителя в Индии непререкаем, как и авторитет воина-вождя. Эти два типа лидеров и воплотили С. Ч. Бос и М. Ганди, а их имена (Нетаджи — вождь, Махатма — великая душа) стали своего рода ярлыками, «тэгами», не только вытекающими из особенностей личности и поведения данных исторических деятелей, но и формировавшими их.

Трансформация гандистского наследия применительно к новой политической

реальности имеет большое значение, что и показал в своем докладе «“Сатьяграха против коррупции”: гандистское наследие в деятельности новых индийских политических сил в 2010-е гг.» *И. Б. Спектор* (ИСАА МГУ). Докладчик рассказал о начавшемся в апреле 2011 г. массовом антикоррупционном движении под руководством Анны Хазаре, которое, во многом, оказало решающее влияние на результаты выборов 2014 г., приведя к поражению Индийского национального конгресса. Важным моментом саморепрезентации представителей антикоррупционного движения было ассоциирование себя с участниками гандистских кампаний 1920–1930-х гг. Приверженцами движения постоянно проводились параллели между биографией и политической ролью Махатмы Ганди и Анны Хазаре; участники движения использовали как внешнюю атрибутику гандистских кампаний, так и формы массовых акций.

В 2012 г. ключевым аспектом идеологии части антикоррупционного движения возглавляемой Арвиндом Кеджривалом, трансформировавшейся в новую политическую силу — Ам адми парти (ААП — Партия простых людей), стало переосмысление гандистской идеи *свараджа* и ее применение к текущей индийской политической жизни.

Л. В. Кулик (ИВ РАН) в своем выступлении «Махатма Ганди и Великобритания» осветила довольно широкий круг вопросов, включая реализацию идеологии и этики М. Ганди в индийском национально-освободительном движении, влияние Ганди на политику Индии в отношении Великобритании до и после 1947 г., трансформацию отношений Индии и Великобритании на современном этапе.

Н. А. Замараева (ИВ РАН) в докладе «Махатма Ганди и Кашмир: актуальность семьдесят лет спустя» привела несколько комментариев М. Ганди о Кашмире, высказанные им в далеком 1948 г., в которых он фактически подготовил и озвучил «дорожную карту» решения Кашмирского кризиса. Н. А. Замараева сравнила эти высказывания с позицией Индии по Кашмиру в конце 1940-х — начале 1950-х гг. с событиями февраля 2019 г.

Доклады, объединенные в третий блок «Махатма Ганди в России и о России», имели целью рассмотреть то, какой образ Ганди сложился в литературе, как сам М. Ганди воспринимал лидеров России и СССР. В них также было освещено взаимодействие М. Ганди с его современниками из России, в частности, Л. Н. Толстым.

С. Д. Серебряный (РГГУ) представил доклад «Письмо к либералам» (1896) Л. Н. Толстого в восприятии М. К. Ганди». Текст Толстого под названием «A Letter to Russian Liberals» вошел в список обязательного чтения, который М. Ганди приложил к «Инструкции для деятелей сатьяграхи». В российском контексте текст «Письма к либералам» звучал и звучит как утопический, но для Ганди — и в 1919 г., и позже — такой призыв звучал вполне реалистично. По мнению докладчика, это интересная «информация к размышлению» для тех, кто занимается сравнительным изучением политических и социальных систем.

В докладе «Махатма Ганди о России» *В. П. Кашин* (ИВ РАН) рассказал участникам конференции, какой образ России сложился у М. Ганди. Лидер ИНК с настороженностью относился к практике социалистического строительства в СССР, находил преувеличенными результаты индустриализации в России, советскую модель планирования называл «успешной только на бумаге» и не питал никаких симпатий к

советским лидерам. Докладчик отметил, что М. К. Ганди никогда не был в России, а информацию о стране он черпал из враждебной ей англоязычной прессы и получал от знакомых, посетивших Москву, Санкт-Петербург и Ясную Поляну в разные годы.

Т. Л. Шаумян (ИВ РАН) в докладе «Махатма Ганди в СССР / России» показала, как в СССР и потом в России трансформировалось восприятие М. Ганди и отношение к его методам в борьбе за независимость. На первом этапе после провозглашения независимости Индии в Москве преобладал «сталинский» подход к национальной буржуазии как «соглашательской», а к Индийскому национальному Конгрессу — как к «вступившему в сговор с империализмом». Сегодня Ганди повсеместно чтут как «апостола ненасилия XX века», отношение к его личности и миротворческим концепциям изменилось кардинально. Об этом свидетельствует Делийская декларация 1986 г. о принципах свободного от ядерного оружия и ненасильственного мира, в которой впервые соединились подходы к проблеме избавления человечества от ядерной угрозы с гандистской формулой ненасилия.

Г. В. Стрелкова (ИСАА МГУ) в докладе «Махатма Ганди и сохранение памяти о нем в Индии и России» рассказала о ряде событий, посвященных увековечиванию памяти об этом выдающемся человеке, в том числе об издании в Национальном музее Махатмы Ганди в Дели специального цифрового носителя, посвященный его наследию. Г. В. Стрелкова рассказала об особенностях и значимости двух произведений Махатмы Ганди — «Хинд сварадж, или Индийский гомруль — самоуправление» и «Анасакти йога», а также о том, как образ Махатмы Ганди и его идеи, начиная с 1920-х гг., отражались в индийской литературе.

В последние десятилетия в Индии резко обострился ряд экологических проблем, в связи с чем выявленные современными исследователями взаимосвязи между экономическим развитием, социальной сферой и экологической обстановкой требуют по-новому взглянуть на философию Ганди. Суть гандистского подхода к технологическому прогрессу заключается в бережном отношении к природе, в опоре на внутренние ресурсы.

С. Л. Рабей (ИВ РАН) в докладе «Махатма Ганди и устойчивое развитие энергетики в Индии» показал, что возобновляемые источники энергии (ВИЭ) и, в некоторой степени, атомная энергетика удовлетворяют гандистской установке к использованию внутренних ресурсов и обеспечению самодостаточности. Но, несмотря на продолжающееся удешевление и повышение эффективности зеленых технологий, Индия не может позволить себе резко отказаться от ископаемого топлива без ущерба для социально-экономического развития.

Четвертый блок «Смыслы и интерпретации» состоял из шести докладов.

В докладе «Влияние джайнизма на мировоззрение М. Ганди» *Н. А. Железнова* (ИВ РАН) рассказала, что, несмотря на то, что религиозные взгляды Ганди сформировались в контексте индуистского мировоззрения, его понимание *ахимсы* сложилось под несомненным влиянием джайнизма. Друг и духовный наставник Ганди, джайн Шримад Раджчандра (1867–1901) возродил его веру в индуизм и убедил, что *ахимса* является единственным путем для того, кто хочет усовершенствовать мир и самого себя.

Саурабх Наик (Делийский университет) во время выступления по теме “Bhagwat Gita and Mahatma Gandhi” объяснил, как учения Бхагавад-гиты повлияли на

мировоззрение и жизнь Махатмы Ганди, проанализировал роль Махатмы в борьбе за независимость в связи с учениями Бхагавад-гиты. Представитель Делийского университета также привел несколько примеров борьбы Индии за независимость, таких, как инцидент в Чаури Чаура, Солевой поход и некоторые другие движения.

В докладе *А. В. Бочковской* (ИСАА МГУ) «Живая связь со старой Индией: новые возможности *кхади* в XXI столетии» рассматривается проблема «апроприации Ганди, *кхади* и *чаркхи*» индийскими политическими партиями в рамках предвыборной кампании 2019 г. Пришедшая в 2014 г. к власти индусская Бхаратия джаната парти во главе с премьер-министром Нарендрой Моди взяла курс на интенсивное продвижение индустрии *кхади*, трактуя это понятие более широко — как всю совокупность товаров, создаваемых с помощью ручного труда, и агрессивно использует символику *кхади* в пропагандистских целях.

Н. Н. Емельянова (МГУ, ГАУГН) выступила с докладом «Преломление гандистского идеала деревенского свараджа в реализации 73-й поправки к Конституции Индии». В докладе показано, что именно Ганди сумел соединить традицию деревенских *панчаятов* с демократическим идеалом максимального участия граждан в управлении страной, увидев в традиции не просто возвращение к истокам, но и возможность новации. Для Ганди в деревенском сварадже воплотился идеал ненасильственной демократии, который заключается в том, что подлинная демократия должна проникать во все уровни политической жизни общества, доходя и до уровня индивидов, так как именно отдельные личности и являются ее подлинным основанием.

Н. Д. Гаврюшина (ИВ РАН) в докладе «Ганди и литература хинди» отметила, что при всех поворотах в современной мировой истории и самой Индии имя Махатмы Ганди остается влиятельным и самым почитаемым среди индийского народа, что особенно ярко проявляется в истории развития языка и литературы хинди. В качестве наглядного примера докладчик привела одну из важнейших работ Ганди «Индийское самоуправление» («Хинд сварадж»). Знаменательным фактом явилось также то, что эту книгу Ганди отправил на отзыв Льву Толстому.

Трансформация образов религиозных и политических лидеров — нормальное, естественное явление, но в современной культуре оно связано с процессами постмодернистской культуры, задающими свою траекторию изменений, «брендирующих» имена известных персон. Ганди не стал исключением, но использование его образа в постмодернистском дискурсе оказывается не безобидным в самой Индии, где могут быть прочтены совершенно иные смыслы. В докладе «Трансформация образа Махатмы Ганди за пределами Индии (современные перспективы)» *М. Б. Щербак* (МГЛУ) рассмотрела на конкретных примерах конфликт симулякризации образа Ганди и традиционных ценностей современного индийского общества.

Независимый исследователь *Л. Л. Секачева* в докладе «Махатма Ганди. ЮАР — Родина *сатьяграхи* великого индийца» рассказала о региональной общественной организации «БРИКС. Мир Традиций» и итогах ее работы, в ходе которой в России, Индии, Китае, ЮАР был осуществлен международный миротворческий культурно-исследовательский проект «Великие учителя БРИКС». Центральной составляющей данного проекта стало исследование пути формирования философии ненасилия Махатмы Ганди (*сатьяграхи*), начиная с его знакомства с трудами Льва Толстого и

знаменитым тезисом русского писателя «непротивление злу насилием» и заканчивая освобождением Индии от господства англичан ненасильственным путем. В ходе проекта проходил показ культурно-просветительской выставки «Лев Толстой и Махатма Ганди: уникальное наследие».

Также Л. Л. Секачева рассказала о прошедшей в 2016 г. в индийских городах Нью-Дели, Мумбаи и Пуне культурно-исследовательской экспедиции «Великий нравственный путь. Великие миротворцы Лев Толстой и Махатма Ганди», главной целью которой стало исследование жизни и деятельности Ганди в период освободительного движения Индии.

Сделанные на конференции доклады и развернувшиеся по ним дискуссии продемонстрировали актуальность затронутых тем. На заключительном заседании участники конференции поблагодарили ее организаторов и руководство ИВ РАН. По итогам двух дней заседаний планируется выпуск сборника статей участников конференции.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ТИБЕТОЛОГИЯ И БУДДОЛОГИЯ НА СТЫКЕ НАУКИ И РЕЛИГИИ» КАК ВАЖНЫЙ ВКЛАД В РАЗВИТИЕ РОССИЙСКОГО ВОСТОКОВЕДЕНИЯ

А. М. Шустова*

В рамках празднования 200-летия Института востоковедения РАН прошла третья международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии». Этот форум состоялся 30 и 31 октября 2018 г. На конференции было заслушано 26 докладов ученых из России, Монголии, Казахстана, США и КНР. Разнообразие затронутой в докладах тематики показало актуальность исследований по истории Тибета, а также по истории и современному состоянию тибетского буддизма. Эти исследования значимы для понимания социо-культурных процессов в российских буддийских регионах, связанных с тибетским буддизмом на протяжении ряда веков: в Калмыкии, Тыве и Бурятии, а также в Монголии.

Ключевые слова: хроника конференции, тибетология, буддология, тибетский буддизм, история Тибета.

INTERNATIONAL CONFERENCE “TIBETOLOGY AND BUDDHOLOGY AT THE INTERSECTION OF SCIENCE AND RELIGION” AS AN IMPORTANT CONTRIBUTION TO RUSSIAN ORIENTAL STUDIES

Alla M. Shustova

The Third International conference *Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion* took place on 30–31 October 2018 as a part of celebration of the 200th Anniversary of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences. The scientists from Russia, Mongolia, Kazakhstan, the USA, and PRC presented 26 papers. The wide scope of themes discussed on the conference demonstrates the importance of Tibetan history research, as well as the further study of the history and contemporary condition of Tibetan Buddhism. Said research is important for the understanding of social and cultural processes in Russian Buddhist regions: Kalmykia, Tuva, Buryatia, as well as in Mongolia, being the regions influenced by Tibetan Buddhism for the last several centuries.

Keywords: conference chronicle, Tibetology, Buddhology, Tibetan Buddhism, Tibetan history.

* Алла Михайловна ШУСТОВА, кандидат философских наук, старший научный сотрудник Института Востоковедения РАН, Москва; parinama@yandex.ru

Alla M. SHUSTOVA, PhD (Philosophy), Senior Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; parinama@yandex.ru

В рамках празднования 200-летия Института востоковедения РАН прошла уже третья международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии». Форум состоялся 30 и 31 октября 2018 г. в стенах Института.

Первое мероприятие по данной тематике проходило 12 ноября 2014 г. в форме круглого стола, имело название «Исторические и духовные связи Тибета с Россией, Индией и Монголией» и было приурочено к объявлению 2014 г. «Годом Его Святейшества Далай-ламы». Круглый стол 2014 г. получил заметный резонанс как у исследователей, занимающихся тибетологическими и буддологическими исследованиями, так и среди буддистов-философов. Вследствие повышенного внимания к обсуждаемой тематике было принято решение о проведении подобных встреч на регулярной основе каждые два года.

Второй круглый стол носил название «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» и состоялся 9–11 ноября 2016 г. в Институте востоковедения РАН. Второй круглый стол собрал участников из России (Москва, Санкт-Петербург, Улан-Удэ), Индии (Дхарамсала, Варанаси) и Казахстана (Уральск) и проходил в формате докладов и презентаций, вылившихся в полноценную конференцию. Прочитанные на конференции доклады были опубликованы в сборнике Трудов Института востоковедения РАН [Тибетология и буддология, 2017].

Результаты двух проведенных круглых столов показали, что проведение форумов по тибетологической и буддологической тематике востребованы среди исследователей и имеют хорошие перспективы развития. Поэтому третья встреча прошла уже в форме полноценной конференции, на которой было заслушано 26 докладов по самым разным вопросам, связанным с проблемами изучения тибетского буддизма. Выступили представители России, Монголии, Казахстана, США и КНР.

Все три мероприятия прошли при поддержке Центра тибетской культуры и информации и Фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет», а также лично почетного представителя Его Святейшества Далай-ламы в России, директора Центра тибетской культуры и информации в Москве Тэло Тулку Римпоче. Сотрудники Центра помогли обеспечить высококачественный синхронный перевод с английского на русский и с русского на английский, а на третьем круглом столе осуществлялся также перевод с тибетского на русский и с русского на тибетский. На сайте Фонда содействия сохранению культурных и философских традиций тибетского буддизма «Сохраним Тибет» была размещена информация о конференции[1], а затем и видеозаписи выступлений докладчиков, что расширило аудиторию слушателей.

Тибетский вопрос с неослабевающей силой занимает внимание историков и политиков, начиная с конца XIX в. Соперничество Великобритании и Российской империи в Азии, названное «Большой игрой», сделало Тибет ареной самых разных интересов. В то время как в Англии вынашивались планы сделать Тибет проанглийским, чтобы держать в напряжении всю Центральную Азию, и особенно Россию, Россия представила культурно-экономические проекты, призванные помочь в развитии Тибета, остававшегося до начала XX в. отсталой феодальной страной.

[1] Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» // *Фонд «Сохраним Тибет»*. URL: http://savetibet.ru/2018/11/15/conference-tibetan-studies.html (дата обращения 3.06.2019).

Врач тибетской медицины бурят Петр Александрович (Жамсаран) Бадмаев (1851–1920), находясь на службе в Азиатском департаменте МИД, подал в 1893 г. императору Александру III докладную записку «О задачах русской политики на азиатском Востоке» [Бадмаев, 1925, с. 49–75]. В этом документе был предоставлен план добровольного присоединения к России Монголии, Тибета, а также некоторых частей Китая, который испытывал тогда жесточайший политический кризис вследствие ослабления правления маньчжурской династии.

П. А. Бадмаев придавал особое значение развитию в регионе торговых кооперативов и прокладке дорог. Он предложил весьма смелый проект: провести ответвление от Транссибирской железной магистрали в тибетском направлении до города Ланьчжоу в провинции Ганьсу (Китай). Более ста лет назад он предвидел, насколько стратегическим является этот регион для развития всего евразийского пространства. Действительно, как показывает современное развитие событий, Ланьчжоу, в соответствии с китайским проектом «Экономического пояса Шелкового пути», превращается в мощный современный транспортный, экономический и геополитический пункт, соединяющий экономические ветви развития в направлении Атлантического и Тихого океанов.

Бадмаев видел огромную важность строительства дорог в Центральной Азии и предложил еще несколько вариантов таких проектов. Так в 1911 и 1916 гг. он продвигал планы строительства железной дороги в Монголии, а также утверждал необходимость возведения Сибирской магистрали, теперь известной как БАМ. Как известно, в Монголии в настоящее время разрабатывается несколько проектов строительства железных дорог, идущих из России через монгольскую территорию в Китай.

Большое значение для истории имеет деятельность Хамбо ламы Агвана Лобсана Доржиева (1853–1938), который долгие годы был тесно связан с Далай-ламой XIII. Постройка буддийского храма в Петербурге, инициированная Доржиевым, не только послужила толчком к развитию российско-тибетских отношений, но и явилась значимым культурным явлением. Буддийский храм, находясь в российской столице, стал важным центром тибетской культуры в западной части России. Вокруг него была сконцентрирована не только религиозная жизнь, но и культурно-просветительная, образовательная и научная деятельность. Ряд лет он служил штаб-квартирой Тибетско-Монгольской Миссии в России, а также был координирующим центром для обновленческого движения в буддизме, сыграл немаловажную роль в поддержке так называемого феномена Бурятского просвещения.

Заслуживает внимания также проект А. Л. Доржиева, представленный им Министерству иностранных дел России в 1907 г. [Доржиев, 2005, с. 117–121]. В нем были выдвинуты мирные принципы сближения России с Тибетом и Монголией на основе торгово-промышленных и культурно-просветительских видов деятельности. Проект Доржиева продолжил стратегическую линию П. А. Бадмаева на более тесное сближение России с Монголией и Тибетом.

К значимым культурно-экономическим инициативам, призванным дать развитие всему центрально-азиатскому региону, можно отнести также проекты развития кооперативов на русском Алтае и в Монголии Н. К. Рериха (1874–1947) [Шустова, 2019]. В своих проектах Рерих опирался на идею о Единой Азии и, как его предшественники Бадмаев и Доржиев, предлагал развивать культурно-кооперативное

строительство на монголо-тибето-китайском направлении. Учитывая сложившуюся тогда новую историческую обстановку, связанную с русской революцией и приходом к власти большевиков, Рерих, опираясь на обновленческое движение в буддизме, предложил свой план «сближения коммунизма с буддизмом», направленный на объединительные процессы в Азии.

Для народов Центральной Азии первая половина XX в. стала эпохой многочисленных потрясений. Регион пережил целый ряд восстаний, гражданских и оборонительных войн, смен режимов. Резко менялись культурно-исторические идеологемы.

С образованием в 1949 г. Китайской Народной Республики установилась относительная политическая стабильность, но тибетский вопрос оставался по-прежнему остро стоящим на повестке дня. Действия КНР в отношении Тибета натолкнулись на значительное противодействие со стороны тибетцев.

В 1959 г. несогласный с действиями китайских властей Далай-лама XIV с многочисленными представителями своего народа покинул Тибет и обосновался в Индии. Вскоре в Индии возникли тибетские поселения, а в странах Европы и в Америке стала разрастаться тибетская диаспора. Тибетцы не могли смириться с потерей своего государства, а также с ущемлением религии, которая являлась основой их культуры. В индийской Дхармсале было образовано тибетское правительство в изгнании, возникла тибетская деревня.

Тибетский вопрос нельзя отделить от тибетской религии — тибетского буддизма, который в течение XX в. претерпел глобальные изменения. В ходе культурной революции, развернувшейся в Китае, буддизму был нанесен непоправимый ущерб. Были разрушены буддийские монастыри, уничтожены реликвии, убиты тысячи монахов. Тибетский буддизм эмигрировал в Индию, и частично на Запад. В Индии были воссозданы самые известные в истории тибетские монастыри, такие как Дрепунг, Ташилунпо, Сера. Тибетцы стали вести большую работу по сохранению своего языка, культуры и религии.

Во второй половине XX в. тибетский вопрос не только не исчезает, но и приобретает новое измерение. Возникают также и новые проблемы, не только связанные с сохранением тибетского этноса вдали от родины, но и проблема адаптации основанной на вековых устоях тибетской культуры к современности. Также вследствие раздробленности тибетского населения как носителя тибетской культуры возникает проблема сохранения ее целостности, исторической преемственности и дальнейшего развития. Встает много вопросов относительно образования тибетской молодежи, которая все больше отстраняется от тибетского традиционного уклада. Возникают также проблемы с корреляцией религиозного и светского образования в тибетской среде.

Религия тибетцев также столкнулась с рядом серьезных проблем. Хотя тибетский буддизм вернулся на свою родину, где, казалось бы, ему должно быть более-менее комфортно, но за свою долгую историю существования буддизм в Индии претерпел заметные изменения, так что естественно встал вопрос взаимоотношений двух форм буддизма, индийского и тибетского. Как, впрочем, и вопрос взаимоотношений тибетского буддизма с индуизмом и исламом, имеющими в Индии многомиллионных последователей. Кроме того, стал меняться и социальный состав

буддизма, а нем наблюдается все большее присутствие женщин, а также выходцев из западных стран.

Особое направление для исследователей составляет деятельность Далай-ламы XIV, чья резиденция расположилась в Дхармсале (Индия). Далай-лама как религиозный глава буддистов, а также как бывший руководитель теократического государства, встал перед рядом проблем: каким же сферам своей многогранной деятельности придавать приоритетное внимание. Напомним, что в 2011 г. он сложил с себя полномочия политического лидера тибетцев.

Согласно его утверждениям, Далай-лама выделил для себя три обязательных сферы для приложения своих усилий. Во-первых, это содействие продвижению фундаментальных ценностей человечества, из которых основным буддизм считает сострадание. Во-вторых, это развитие межрелигиозного диалога, способствующего лучшему пониманию и гармонии в отношениях между представителями разных религий. В-третьих, это сохранение тибетского языка и культуры, продвижение мер по сбережению тибетского народа. В последнее время Далай-лама XIV все больше говорит, что его волнуют, наряду с этими тремя проблемами, еще и вопросы экологии, изменения климата и сохранения природной среды. Волнуют его и вопросы развития тибетского буддизма, много внимания он уделяет поддержанию высоких образовательных стандартов для тибетских монахов.

Далай-лама XIV, в соответствии со своей обширной программой деятельности, поддерживает многосторонние международные связи; он выступил инициатором многих общественно-культурных инициатив.

Нельзя не отметить некоторые важные особенности современного состояния тибетского буддизма. Это, прежде всего, его все более тесное соприкосновение с современным миром, в котором позиции религии все более утрачиваются. Отсюда, внимание буддизма переключается с обрядовой стороны в сторону философского и этического базиса буддийского учения. Заостряется внимание на преемственность философии тибетского буддизма с древней философской школой индийского буддийского университета Наланды, который закончил свое существование в результате его разрушения исламскими фанатиками в XI в.

Кроме того, идет все большее проникновение знаний буддизма в светскую среду. На этой почве возникает некоторое расслоение тибетского буддизма, которое выразилось в возникновении так называемой светской, или секулярной этики буддизма, которую в последнее время активно распространяет Далай-лама XIV. Он написал книгу «Больше, чем религия. Этика для всего мира», в которой пишет: «…настало время научиться смотреть на духовность и этику как на нечто большее, чем религия» [Далай-лама XIV, 2016, с. 14].

Светская этика буддизма отделяет духовность от религиозности и говорит о базисных характеристиках человеческой природы, которые не разъединяют, как, к сожалению, современные религии, а соединяют человечество в одну большую семью, человеческое братство. В развитии светской этики главное место, по мнению Далай-ламы, принадлежит образованию, которое должно быть нацелено на воспитание молодого поколения в духе сострадания, сопереживания и помощи всем живым существам.

Нужно также отметить, что Далай-лама XIV уже более тридцати лет поддерживает контакты с западными учеными, ведет с ними предметный диалог по вопросам физики, психологии, нейрофизиологии, когнитивных наук. Он стал инициатором введения в образование буддийских монахов светских научных дисциплин, а также получения ими светского научного образования наряду с монашеским.

Далай-лама выступил с предложением провести встречи с российскими учеными. В 2017–2018 гг. два диалога Далай-ламы с ними состоялись в Дели и Дхармсале.

Особенности развития современного тибетского буддизма отражаются и на состоянии буддизма в России, ведь именно тибетская форма буддизма исторически распространена среди российских буддистов. Калмыкия, Тыва и Бурятия — веками связанные с тибетским буддизмом территории. Кроме того, в последнее время связи между буддийскими монастырями в России и Индии заметно интенсифицировались. Подобные процессы происходят и в буддийской среде в Монголии.

Таким образом, для ученых представляется огромное поле деятельности для исследовательской работы по различным направлениям тибетологии и буддологии. Кроме того, научное исследование всего многообразия тибетского вопроса способствует снятию все еще остающихся острых вопросов, связанных с китайско-тибетскими и китайско-индийскими отношениями. Да и геополитическая обстановка на евразийском пространстве снова накаляется, как бы возвращая внимание историков к большому евразийскому противостоянию «Большой игры», развернувшейся более ста лет назад.

Возвращаясь к конференции, отметим, что на ней были представлены доклады по самым разным составляющим тибетской проблематики.

Так, по историческим вопросам были заслушаны следующие доклады: «Тибетский вопрос в англо-русских переговорах 1906–1907 гг.» (Т. Л. Шаумян, ИВ РАН, Москва); «Материалы Ф. И. Щербатского о причинах бегства Далай-ламы XIII в Индию в 1910 г.» (С. Л. Кузьмин, ИВ РАН, Москва); «Панчен-лама VI (1738–1780) и его вклад в развитие внешних связей Тибета» (А. Г. Люлина, Российский университет дружбы народов, Москва).

На конференции были рассмотрены некоторые особенности современного состояния буддизма и его носителей в докладах: «Буддийские связи Тибета, России и Монголии со времени краха социализма до современности» (Тэло Тулку Ринпоче, Верховный лама Калмыкии); «Тибетологические исследования в Китае» (Zhang Xiaoyui, Китайский институт международных исследований, КНР); «Тибетская община в Дели: автономное сообщество в современном мегаполисе» (И. Б. Спектор МГУ); «Роль буддистов-мирян в распространении буддизма в современном мире (Р. Т. Сабиров, МГУ); «Этнокультурные особенности района Канченджанги в Восточном Непале» (С. С. Аверьянов, независимый исследователь, Пермь).

По вопросам состояния буддизма в Монголии прозвучали следующие доклады: «Буддийский фактор и независимость Монголии: Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII — инициатор и лидер борьбы за восстановление монгольской государственности в 1911 г.» (О. Батсайхан, Институт международных отношений АН Монголии, Улан-Батор); “Three Cycles of the Secret Initiations and Special Relation on Its Basis between

Tibet and Mongolia" (Hortsang Jigme, Independent Researcher, New York); «Буддизм и шахматы в Монголии» (С.-Х. Д. Сыртыпова, ИВ РАН, Москва); «Аглаг-хийд как образец современной буддийской ландшафтной архитектуры Монголии» (Ю. И. Дробышев, ИВ РАН, Москва).

Были затронуты также вопросы истории буддизма в Калмыкии: «Буддизм в культуре калмыков и ойратов: обряды подношений духам предков и духам-хозяевам территорий» (Э. П. Бакаева, Калмыцкий научный центр РАН, Элиста); «Выпускники монастыря Дрепунг как первые руководители калмыцкой сангхи (последняя треть XVII — первая половина XVIII в.)» (Б. У. Китинов, Российский университет дружбы народов, Москва); «Состояние изучения буддизма в Калмыкии» (Б. Л. Митруев, Институт философии РАН, Москва).

Буддизму в Бурятии были посвящены следующие доклады: «Социологические исследования буддизма в Бурятии: прошлое и настоящее» (Т. Б. Бадмацыренов, Бурятский государственный университет, Улан-Удэ); «Социально-археографические экспедиции ИМБТ СО РАН (2002–2014): тибетская книга в качестве сакрального объекта традиционной бурятской культуры» (А. А. Базаров, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ).

Несколько докладов были посвящены светской этике Далай-ламы, внедрения ее положений в образование, а также встречам Далай-ламы с российскими учеными: «Секулярная этика Далай-ламы XIV и рациональная этика Дерека Парфита: сравнительный анализ» (С. Ю. Лепехов, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ); «Естественное развитие человека как принцип буддийской науки и философии» (О. П. Гуттенлохер, Частная общеобразовательная школа с философским уклоном, Уральск, Казахстан); «Методы буддийской педагогики в современном образовании» (М. К. Аубакиров, Частная общеобразовательная школа с философским уклоном, Уральск, Казахстан); «Диалоги Далай-ламы с российскими учеными: как одухотворить науку» (А. М. Шустова, Институт востоковедения РАН, Москва).

Были рассмотрены различные вопросы буддийской истории: «Последняя прижизненная публикация Ф. И. Щербатского: перевод первой главы Мадхьянта-вибханги» (А. А. Терентьев, главный редактор журнала «Буддизм России», Санкт-Петербург); «Институт буддийской диалектики: традиции и новации» (А. В. Лощенков, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Улан-Удэ); «Классификация буддийских учений в школе Тэндай и теория морального развития Лоренса Кольберга» (Е. С. Лепехова, ИВ РАН, Москва); «Принадлежности буддийского богослужения в тангутско-китайском глоссарии "Своевременный перл в ладони" (1190 г.)» (С. В. Дмитриев, ИВ РАН, Москва); «Религия в цинско-джунгарских отношениях» (Лю Цян, Российский университет дружбы народов, Москва).

В рамках конференции были проведены презентации двух книг: «Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды» [Батсайхан, 2018] и «Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы» [Дилова-хутухта Монголии, 2018].

Таким образом, третья международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» стала важным вкладом в развитие отечественного востоковедения, а также буддологии как важной его составляющей.

Литература/ References

Бадмаев П. А. Записка Императору Александру III о задачах русской политики на азиатском Востоке // *За кулисами царизма (архив тибетского врача Бадмаева)*. Л., 1925 [Badmaev P. A. Note to the Emperor Alexander III on the Tasks of Russian Politics in the Asian East // *Behind the Scenes of Tsarism (Archive of the Tibetan Physician Badmaev)*. Leningrad, 1925 (in Russian)].

Батсайхан О. *Последний великий хан Монголии Богдо Джебцзундамба-хутухта VIII. Жизнь и легенды*. М., 2018 [Batsaihan O. *The Last Great Khan of Mongolia Bogd Jebtszundamba-Hutuhta VIII. Life and Legends*. Moscow, 2018 (in Russian)].

Далай-лама XIV. *Больше, чем религия. Этика для всего мира*. М., 2016 [Dalai-lama XIV. *More than Religion. Ethics for the Whole World*. Moscow, 2016 (in Russian)].

Дилова-хутухта Монголии. *Политические мемуары и автобиография перевоплощения буддийского ламы*. М., 2018 [Dilova-Hutuhta of Mongolia. *Political Memoirs and Autobiography of the Reincarnation of the Buddhist Lama*. Moscow, 2018. (in Russian)].

Доржиев А. Л. Секретная записка в Министерство иностранных дел России от 1907 года // *Россия и Тибет. Сборник русских архивных документов 1900–1914*. М., 2005 [Dorjiev A. L. Secret Note to the Ministry of Foreign Affairs of Russia from 1907 // *Russia and Tibet. Collection of Russian Archival Documents 1900–1914*. Moscow, 2005 (in Russian)].

Тибетология и буддология на стыке науки и религии. Труды Института востоковедения РАН. Вып. 1. М., 2017 [*Tibetology and Buddhology at the Intersection of Science and Religion. Proceedings of the Institute of Oriental Studies RAS*. Vol. 1. Moscow, 2017 (in Russian)].

Шустова А. М. *Историческое значение экспедиции Н. К. Рериха в Центральную Азию*. М., 2019 [Shustova A. M. *The Historical Significance of the Expedition of N. K. Roerich to Central Asia*. Moscow, 2019 (in Russian)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Международная конференция «Тибетология и буддология на стыке науки и религии» // *Фонд «Сохраним Тибет»*. URL: http://savetibet.ru/2018/11/15/conference-tibetan-studies.html (дата обращения 3.06.2019).

НА ПОБЕГУШКАХ. ПРИТХВИРАДЖ ТАУР О СЛУГЕ ПО ИМЕНИ ТУКАРАМ

И. П. Глушкова**

Комментированный перевод с маратхи стихотворения «Тукарам» современного поэта Притхвираджа Таура выводит на малоизученную тему — категорию неквалифицированного труда в Южной Азии через образ «мальчика на побегушках». Эмоциональный накал поэтических строк возрастает за счет аллюзий, привнесенных именем «Тукарам», мощного культурного символа маратхиязычного региона Западной Индии, связанного с прославленным «святым поэтом» XVII в.

Ключевые слова: Южная Азия, Махараштра, маратхи, слуга–хозяин, *harkāmyā*, *ghargaḍī*, Тукарам, «святой поэт», *варкари*.

RUNNING ERRANDS. PRITHVIRAJ TAUR ABOUT A SERVANT NAMED TUKARAM

Irina Glushkova

The commented translation from the Marathi of a poem by the name of *Tukaram* by Prithviraj Taur deals with a long neglected category of non-qualified labour and odd job-men in South Asia. Emotional intensity of the poetic lines increases due to the allusions introduced by the name *Tukaram*, a powerful cultural symbol of Marathi-speaking West India, reminding of a renowned “saint poet” of the 17th century.

Keywords: South Asia, Maharashtra, Marathi, servant–master, *harkāmyā*, *ghargaḍī*, Tukaram, saint-poet, *varkārī*.

В социально-трудовых структурах различных регионов Южной Азии заметное место принадлежит неквалифицированной рабочей силе, как правило, находящейся в самом низу иерархической лестницы. В западноиндийском штате Махараштра работники подобного рода встречаются повсеместно — от частных до государственных заведений. Они известны как *harkāmyā* (от *harkām*, «любая работа»), что формально выводит на русский аналог «разнорабочий», хотя маратхские *harkāmyā* не связаны с индустриальным сектором, за которым закреплена собственная терминология. Используемый в домашнем хозяйстве помощник, не владеющий номенклатурной профессией и подчиняющийся любым распоряжениям хозяина, называется *ghargaḍī* (*ghar*, «дом», + *gaḍi*, «слуга»). Обе лексемы

* Ирина Петровна ГЛУШКОВА, доктор исторических наук, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН; iri_glu@hotmail.com

Irina GLUSHKOVA, PhD (Linguistics), DSc (History), Principal Research Fellow, Institute of Oriental Studies RAS, Moscow; iri_glu@hotmail.com

Материал подготовлен в рамках Программы фундаментальных исследований Президиума РАН «Культурно-сложные общества: понимание и управление».

точнее переводятся как «парень на побегушках», особенно с учетом того, что любой *harkāmyā* по распоряжению хозяина / начальника может переключаться на личное обслуживание последнего и выполнение заданий в домашнем пространстве работодателя и его семьи, что переводит его из работников публичной сферы в частную, т. е. в разряд *ghargaḍī*, «домашнего слуги».

Притхвирадж Таур (р. 1979), поэт, критик и преподаватель маратхской литературы в Университете им. Свами Рамананды Тиртха (Нандед, Маратхвада) в Махараштре выбрал своим героем именно такого «парня на побегушках», многократно усилив его образ символическим для маратхиязычной Индии именем — знаменитого Тукарама [Taur, 2013, p. 28–30] (*илл. 1–2*), уже в наши дни наделенного статусом «основного человека» (*mūḷpurūṣ*), т. е. родоначальника маратхской поэзии в ее современном виде и самобытной культуры Махараштры в целом [More, 1996, p. 1–3]. Этот поэт XVII в. из небольшой деревушки приобрел известность сочинением на разговорном языке гимнов во славу Виттхала / Витхобы, региональной ипостаси Кришны, за что подвергся гонениям со стороны брахманов — носителей традиционного религиозного знания. Однако по мере распространения его известности и роста духовного авторитета он сам обрел божественный ореол, став «святым» поэтом (*sant-kavi*) традиции варкари (*vārkarī*, «совершающие вари»), т. е. всех тех, кто ежегодно в определенную религиозным календарем дату оставляет мирские дела и, распевая гимны Тукарама, отправляется в *вари* (*vārī*), многодневный путь по направлению к священному городу Пандхарпуру, где находится главный храм бога [Глушкова, 2000]. Этих паломников также называют *малкари* (*māḷkarī*), «украшенные гирляндой (*māḷ*) из бусинок базилика священного», любимого растения Виттхала. Некоторые гимны носят автобиографический характер: в одном из них, например Тукарам сообщает о своем низком происхождении и семейной трагедии — *По касте шудра*[1]*, по традиции рода занимался торговлей… / …Беды мирские меня [привели] к печали — / Отец и мать этот мир покинули, // В недородную пору иссякло богатство, почтенье ушло, / Жена одна, о еде моля, умерла…* в другом рассказывает о голоде и страданиях — *Боль в животе совсем истерзала / и мысль, что нет доброты…* [Глушкова, 2002, с. 170–171].

Дав имя Тукарама ничем не примечательному работнику из сдающегося в аренду для различных мероприятий павильона (как и деревенской «армии родственников»), Таур, с одной стороны, делает ставку на магнетизм этого имени; с другой, соединяет современных стоических горемык с бедствовавшим в нужде и общественном неприятии поэтом, признанным в результате «основным человеком», столпом и брендом 116-миллионной Махараштры[2]. Тем самым Таур достигает высочайшего уровня обобщения, целенаправленно лишая своего «маленького человечка» даже касты. Его героя оценили, только когда обнаружили его отсутствие: немолодой «парень на побегушках» был кратко помянут и тут же забыт. Но остается дело, за которое берется его жена, превращаясь в «основного» человека, того самого, на котором фактически держатся поэзия, культура (именно такого плана мероприятия обычно проводятся в арендованных холлах) и социум в целом.

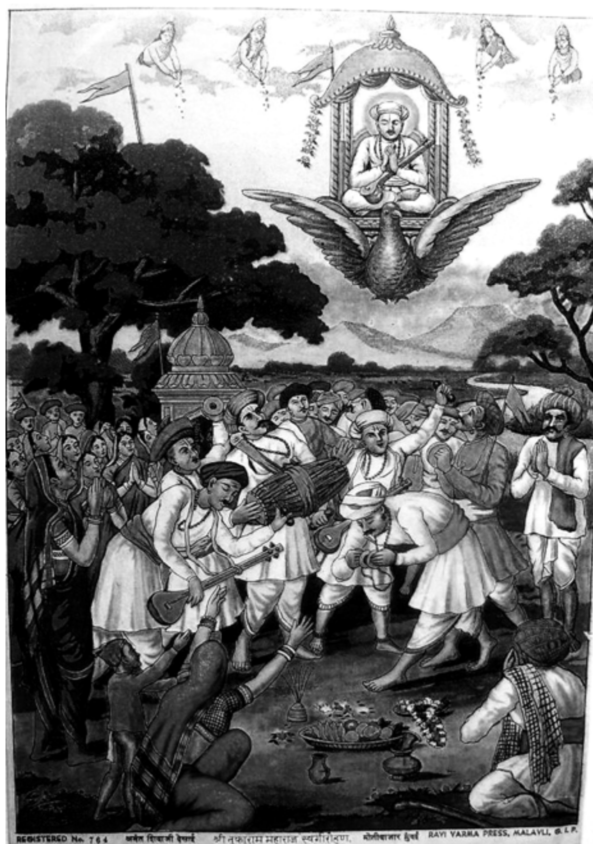
---

[1] *Шудры* — низшая (после брахманов, кшатриев и вайшьев) варна (сословие) в иерархической структуре древнего и средневекового индийского общества.

[2] См. Maharashtra Population 2019 // *World Population Review*. URL: http://worldpopulationreview.com/territories/maharashtra-population/ (дата обращения 11.05.2019).

Илл. 1. Воображенный Тукарам
(по: http://tukaram.com/english/artgallery.htm).
О (возможно, воображенной) рукописи,
указанной в качестве источника на сайте,
посвященном Тукараму (http://tukaram.com/),
какая бы то ни было информация отсутствует

Илл. 2. Тукарам отправляется в Вайкунтх.
Олеография из типографии, основанной в
конце XIX в. известным художником Раджей
Рави Вармой в Малавли (Махараштра).
Впоследствии стала основой для эпизода
«телесного вознесения» в кинокартине
«Святой Тукарам» (1936)

Илл. 3. Повседневный горшок-*tāmbyā (слева)* и ритуальный горшок-*kalaś* (справа)
с сопутствующими компонентами

ТУКАРАМ

По правде, фамилия его мне вообще была неизвестна,
Как, впрочем, и всем другим.
Это к лучшему даже, потому что
Касты его я так до самого конца и не знал.
Проницательность, чтобы угадывать касту по имени,
В меня этот город вложил постепенно.

При имени «Тукарам» сразу
На ум приходит наша деревня —
Нана, Аба, Татья, Бхау,
Бапу-председатель и Сахеб-старый[3].
Ничьи предки варкари не были,
Да и Тукарамы все эти
Вовсе не вешали на шею себе гирлянды.
Но вся деревня — точь-в-точь армия
Из тех, кого звали Тукарам,
Хоть видно их было, хоть нет.

Тукарам повстречался случайно —
В этом городе
Из запутаной сети домов.
Костлявый, черный, щеки втянуты внутрь,
В очках, в майке с длинным рукавом,
Да еще с полотенцем через плечо.
Говорил — во весь голос,
Выделяя каждое слово.
Бегал быстро,
Проворно выполняя работу.

Тукарам, подмети пол.
Расстели циновки.
Укрепи микрофон.
Стулья расставь.
Стол застели.
Чай принеси.
Сбегай за цветами.
А где фотографии?
Гости уже пришли?
Тукарам метался, как абханги[4],

[3] *Nānā*, *ābā* и далее — термины родства и свойства, традиционно используемые в маратхском социуме для имитации «родственной близости» и тем самым создания социальных скреп. Особенно часто подобные термины закрепляются за публичными фигурами, например, *bāpū* («отец») в смысле «отца нации» — за Махатмой (М. К.) Ганди (1869–1948). *Sāheb* — сохранившееся с колониальных времен подобострастное обращение к должностным лицам в провинции.

А вослед начинались протяжные,
Словно киртаны, мудростью набитые речи.

Сколько дней таких пролетело,
Когда Тукарам за все отвечал —
За циновки, за микрофон
И даже за чье-то выступление.
Тукарам внимал изъявлениям скорби,
Тукарам изучил стоимость пенящихся бутылок.
Тукарам —
Этим словом начиналась любая программа
И им же заканчивалась.

Он видел, как лето сменяли дожди,
Как вокруг вставал частокол из бетонных зданий.
Люди приходили и уходили. Вырастали в начальники
Среди прений о двух видах горшков[5],
Возвращались из Америки и Дубая.
А Тукарам оставался здесь, и снова
Расстилая циновки, встречал всех.

Неожиданно узнал —
Помер Тукарам — в больницу
Попал уже безнадежным.
Денег не было,
Лекарств не было,
Все вокруг размылось, как речной песок.

Говорят, его жена заявилась, ропща,
Зарплату просить.
А хозяин сказал: да пусть приходит обратно.
А нет — так сама берись за метлу.
Двадцать лет, как прежний Тукарам мел,
За ту же зарплату и ты мети,

---

[4] *Abhaṅg* («непрерывный») — короткая поэтическая форма с определенным чередованием долгих и кратких слогов в строке, характерная для творчества Тукарама; (далее) *kīrtan* — дидактическое наставление в прозе, перемежаемое поэтическими иллюстрациями. Оба жанра характерны для распространения учения варкари.

[5] В оригинале (*tāmbyā āṇi kalaśāvartī madhyec jhaḍlyā carcā*) виды горшков конкретизируются: один из них — *tāmbyā* (маратхи) — используется для воды в повседневном быту, в том числе, в перевернутой позиции сигнализирует гигиеническое осквернение; другой — *kalaś* (санскр.) — является непременным элементом религиозного ритуала (*илл. 3*). Противопоставление между ними с уничижением *tāmbyā* стало идиомой после 2008 г., когда на Всеиндийской конференции по литературе маратхи в городе Сангли Каутик-рав Тхале-Патил, писатель и глава различных литературных комитетов, позволил себе неуважительное высказывание по отношению к Яшванту Чаухану (1913–1984), уроженцу Сангли и первому главному министру созданного в 1960 г. объединенного маратхиязычного штата, сказав, что созданная Чауханом Махараштра оказалась не многообещающим *kalaś*, а затрапезным *tāmbyā*.

Снашивай[6] кости каждый день,
Выполняя ту же работу.

Помер Тукарам.
Без денег в кармане.
Без лекарств в желудке, без муки в доме.
В Вайкунтх[7] отправился Тукарам.
Остались только рваные сандалии.

Литература / References

Глушкова И. П. *Индийское паломничество. Метафора движения и движение метафоры*. М., 2000 [Glushkova I. P. *Indian Pilgrimage. The Metaphor of Motion and the Motion of Metaphor*. Moscow, 2000 (in Russian)].

Глушкова И. П. Берите бога задаром! Поэтическая автобиография Тукарама // Серебряков И. Д., Ванина Е. Ю. (отв. ред.). *Голоса индийского средневековья*. М., 2012. С. 165–196 [Glushkova I. P. Take the God Gratis! A Poetical Autobiography of Tukaram // Serebryakov I. D., Vanina E. Yu. (eds.). *Voices of Medieval India*. Moscow, 2012. Pp. 165–196 (in Russian)].

More S. *Tukārām darśan*. Pune, 1996 [More S. *The Evaluation of Tukaram*. Pune, 1996 (in Marathi)].

Taur P. Tukārām // Taur Prithviraj. *Gāv āṇi sahrācyā madhomadh (Marāṭhī kavitā)* [Taur P. Tukaram // Taur Prithviraj. *Midway between Town and Country*. Aurangabad, 2013 (in Marathi)].

Электронные ресурсы / Electronic sources

Tukaram. Art Gallery. http://tukaram.com/english/artgallery.htm (дата обращения 10.07.2019).

[6] Здесь: глагол *jhijavṇe*, имеющий значение «изнашивать себя, обслуживая других».

[7] *Вайкунтх* — один из видов небесного рая, обитель бога Вишну, куда, по одной из легенд, в телесном обличье на присланной за ним колеснице отправился поэт Тукарам (*илл. 2*).

Подписано в печать 22.07.2019. Формат 60х84/8
Бумага офсетная 80 г/м2. Печать цифровая
Тираж 500 экз. Гарнитура Garamond
Объем 29,2 печ.л.
Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в АО «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, д. 42, корпус 5.
Тел: 8 (495) 322 38 31
www.t8print.ru